This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

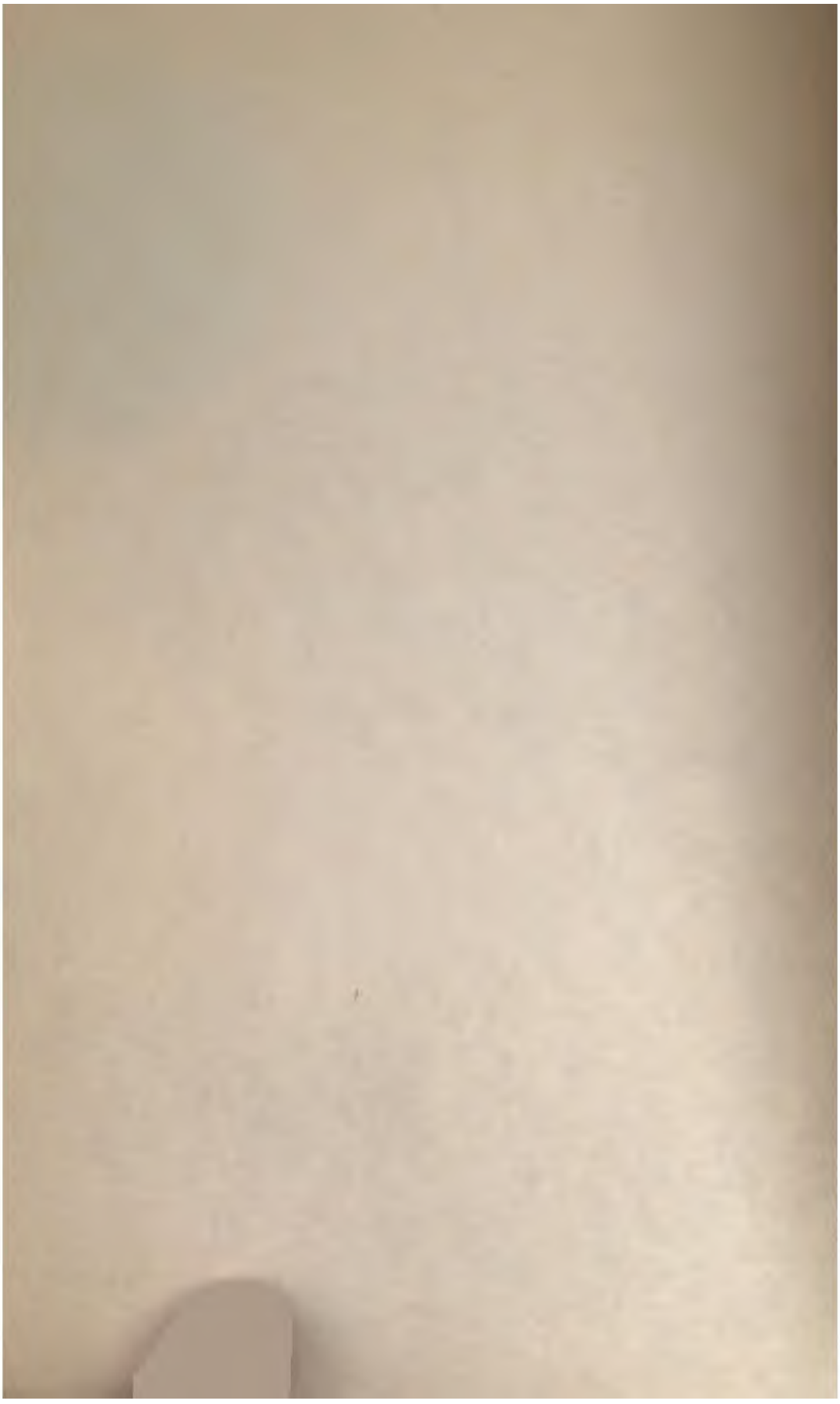
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES



0639

ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ.

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II.

1773—1774 гг.

По неизданнымъ источникамъ.

Н. ДУБРОВИНЪ.

Томъ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39.
1884.

21969.

ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ.

8.

ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ.

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II.

1773—1774 гг.

По неизданнымъ источникамъ.

«Правило неоспоримое, что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подыастный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ поставленныхъ надъ ними начальниковъ и правителей; но нельзя инаково сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ». (Манифестъ 15 декаб. 1763 г. П. С. З. № 11989).

Н. ДУБРОВИНЪ.

Томъ III.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39.
1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. Назначеніе князя Щербатова командующимъ войсками, дѣйствовавшими противъ Пугачева.—Рескриптъ императрицы князю Щербатову. — Раздѣленіе секретной коммиссіи на двѣ части.—Состояніе края.—Дѣйствія войскъ. — Преслѣдованіе калмыковъ. — Дѣятельность князя П. М. Голицына.—Наступленіе отрядовъ Тимашева, генерала Фреймана и подполковника Михельсона. 1

ГЛАВА II. Дѣятельность Пугачева послѣ бѣгства въ Башкирію.—Неизвѣстность гдѣ онъ находится.—Волненія въ Башкиріи.—Появленіе Пугачева у Магнитной крѣпости и овладѣніе ею.—Усиленіе мятежниковъ.—Занятіе ими Карагайской, Петропавловской, Степной и Троицкой крѣпостей. — Побѣда, одержанная Деколонгомъ у Троицкой крѣпости. — Приказъ полковника Ступишина. — Энергическая дѣятельность Михельсона по преслѣдованію Пугачева 21

ГЛАВА III. Начало волненій въ великороссійскихъ губерніяхъ.—Мѣры правительства. — Тревожные слухи о замыслѣ Пугачева посягнуть на жизнь особъ императорской фамиліи.—Опроверженіе этихъ слуховъ. — Соединеніе обѣихъ секретныхъ коммиссій въ одну. — Назначеніе П. С. Потемкина начальникомъ коммиссій.—Инструкція ему данная 44

ГЛАВА IV. Дѣятельность Пугачева по формированію новаго ополченія.—Манифесты его съ обѣщаніемъ льготъ и милостей.—Грабежи башкирцевъ. — Дѣйствія отрядовъ, направленныхъ въ Башкирію. — Появленіе мятежниковъ у Осы.—Дѣятельность Михельсона. — Прибытіе въ станъ самозванца купца Долгополова. — Свиданіе его съ Пугачевымъ.—Паденіе города Осы.. . . . 52

ГЛАВА V. Приближеніе Пугачева къ Казани.—Мѣры, принятыя правительствомъ къ защитѣ города. —Участіе въ этомъ населенія.—Прибытіе въ Казань П. С. Потемкина.—Его донесенія и участіе въ оборонѣ. — Появленіе

стр.

самозванца и его распоряженія.—Штурмъ и разореніе города 74

ГЛАВА VI. Побѣды, одержанныя подполковникомъ Михельсономъ надъ мятежниками.—Формированіе преслѣдующихъ отрядовъ.—Переправа Пугачева черезъ Волгу.—Положеніе края въ оборонительномъ отношеніи.—Опасенія, что самозванецъ двинется на Москву.—Мѣры къ обезпеченію первопрестольной столицы 97

ГЛАВА VII. Первыя дѣйствія Пугачева за Волгою.—Манифестъ самозванца.—Возстаніе крестьянъ.—Разграбленіе г. Цивильска.—Самозащита жителей города Ядрина.—Занятіе Пугачевымъ городовъ: Курмыша, Алатыря и Саранска.—Дѣятельность преслѣдующихъ отрядовъ Михельсона 111

ГЛАВА VIII. Удаленіе князя Щербатова и назначеніе главнокомандующимъ князя Петра Михайловича Голицына.—Рескриптъ императрицы.—Впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ извѣстіемъ о разграбленіи и сожженіи Казани.—Собраніе государственнаго совѣта.—Назначеніе графа Петра Ивановича Панина главнокомандующимъ.—Посылка новыхъ войскъ на театръ дѣйствій.—Заключеніе мира съ Турціею.—Мѣры, принятыя въ Москвѣ для отраженія Пугачева въ случаѣ его появленія.—Инструкція, данная графу П. И. Панину.—Письмо императрицы князю М. Н. Волконскому.—Число войскъ, поступившихъ подъ начальство новаго главнокомандующаго.—Увѣщаніе Синода духовенству и народу 128

ГЛАВА IX. Прибытіе въ Петербургъ кушца Долгополова.—Письмо, сочиненное и поданное имъ князю Г. Г. Орлову отъ имени яицкихъ казаковъ.—Свиданіе его съ княземъ Орловымъ и аудіенція въ кабинетѣ императрицы.—Командировка капитана Галахова и инструкція ему данная 155

ГЛАВА X. Приближеніе Пугачева къ Пензѣ.—Совѣщанія горожанъ.—Вступленіе самозванца въ городъ.—Обѣдъ ему данный городскимъ обществомъ.—Состояніе Алатырскаго и Пензенскаго уѣздовъ.—Происшествія въ Инсарѣ, Краснослободскѣ, Темниковѣ, Наровчатѣ, Керенскѣ и Нижнемъ-Ломовѣ.—Пугачевъ въ Петровскѣ.—Экспедиція Г. Р. Державина изъ Саратова къ Петровску 162

ГЛАВА XI. Положеніе Саратова при приближеніи Пугачева.—Отъѣздъ генерала П. Кречетникова въ Астрахань.—Несогласія, возникшія между саратовскими властями.—Переписка Ладыженскаго и Державина съ полковникомъ Бошнякомъ.—Совѣщаніе по защитѣ города.—Приближеніе Пугачева къ Саратову.—Встрѣча его съ войсками.—Разграбленіе города 181

стр.

ГЛАВА XII. Виды Пугачева при приближеніи къ Дону.—Переговоры его съ первою женою, Софьею. — Манифестъ самозванца Донскому войску.—Формированіе на Дону новыхъ полковъ для защиты границъ отъ мятежниковъ.—Указъ Пугачева Антиновской станицѣ и занятіе ея мятежниками.—Бой на р. Пролейкѣ. — Занятіе Пугачевымъ Дубовки.—Свиданіе самозванца съ депутатомъ Горскимъ. — Присоединеніе къ мятежникамъ Цендена съ тремя тысячами калмыковъ. . . 214

ГЛАВА XIII. Положеніе Царицына и средства его обороны.—Дѣятельность полковника Циплетева.—Приближеніе Пугачева къ Царицыну. — Встрѣча его съ донцами на р. Мечетной. — Неудачный исходъ сраженія для правительственныхъ войскъ.—Дѣйствія подъ Царицыномъ. — Отбитіе мятежниковъ. — Разореніе Сарептской колоніи. —Послѣднее пораженіе, нанесенное Михельсономъ Пугачеву у Сальникова завода. — Бѣгство Пугачева за Волгу 236

ГЛАВА XIV. Преслѣдованіе Пугачева. — Воззваніе П. Потемкина кабардинцамъ.—Переправа Пугачева на лѣвый берегъ Волги. — Совѣщаніе куда идти. — Заговоръ казаковъ противъ самозванца.—Скитаніе по степи.—Благотворная дѣятельность капитанъ-поручика С. Маврина въ Яицкомъ-городкѣ.—Воззванія П. Потемкина къ казакамъ и жителямъ взволнованнаго края. — Выдача Пугачева и доставленіе его въ Яицкій-городокъ . . 256

ГЛАВА XV. Отъѣздъ графа П. И. Панина изъ Москвы на театръ дѣйствій.—Положеніе края, охваченнаго мятежомъ.—Объявленіе графа Панина.—Мѣры, принятыя имъ для усмиренія волненій.—Сортировка преступниковъ на разряды и наказаніе ихъ.—Пребываніе главнокомандующаго въ Шацкѣ, Керенскѣ, Нижнемъ-Ломовѣ и Пензѣ 284

ГЛАВА XVI. Благодарность графа П. И. Панина генералу Суворову и полковнику Михельсону.—Объявленіе главнокомандующаго о поимкѣ Пугачева. — Встрѣча графа Панина съ Пугачевымъ въ Симбирскѣ.—Стансъ Сумарокова городу Симбирску.—Сожженіе въ Казани портрета Пугачева.—Объявленіе П. Потемкина . . . 304

ГЛАВА XVII. Умиротвореніе края.—Усмиреніе волненій въ Башкиріи.—Мѣры правительства къ предотвращенію голода въ разоренныхъ губерніяхъ. — Уничтоженіе Зимовейской станицы войска Донскаго.—Публичный благодарственный листъ Г. А. Потемкина яицкимъ казакамъ.—Переименованіе рѣки Яика въ Уралъ и яицкаго войска въ уральское 316

ГЛАВА XVIII. Отправленіе Пугачева въ Москву.—Прибытіе его въ первопрестольную столицу.—Свиданіе его съ княземъ М. Н. Волконскимъ. — Обвиненіе преосвященнаго Веніамина, архіепископа казанскаго, въ сношеніяхъ съ

стр.

Пугачевымъ.—Арестованіе Веніамина.—Мнѣніе императрицы Екатерины.—Оправданіе архіепископа и возведеніе его въ санъ митрополита казанскаго . . . 327

ГЛАВА XIX. Слѣдствіе и судъ надъ Пугачевымъ и его сообщниками. — Разъясненіе вопроса: было-ли чужестранное вліяніе въ происшедшемъ волненіи. — Манифестъ императрицы о происхожденіи дѣлъ злодѣя Пугачева.—Постановленіе приговора.—Казнь Пугачева и его ближайшихъ сообщниковъ.—Прощеніе казаковъ, его выдавшихъ, и ссылка ихъ въ Рижскую губернію. 352

Приложенія 371

Библіографическій указатель статей и книгъ, относящихся исключительно до пугачевскаго бунта. 379

Алфавитный указатель именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ. I

I.

Назначеніе князя Щербатова командующимъ войсками, дѣйствовавшими противъ Пугачева. — Рескриптъ императрицы князю Щербатову. — Раздѣленіе секретной коммиссіи на двѣ части. — Состояніе края. — Дѣйствія войскъ. — Преслѣдованіе калмыковъ. — Дѣятельность князя П. М. Голицына.—Наступленіе отрядовъ Тимашева, генерала Фреймана и подполковника Михельсона.

Находясь въ Казани и получивъ, 11 апрѣля, извѣстіе о кончинѣ Александра Ильича Бибикова, генералъ-поручикъ князь Щербатовъ, какъ старшій изъ начальниковъ, на другой же день выѣхалъ въ Бугульму. «Ѣдучи по почтѣ въ кибиткѣ, писалъ онъ впослѣдствіи [1]), по чрезвычайной въ здѣшнемъ краю дорогѣ, не въ состояніи былъ больше переѣхать въ двое сутки 70 верстъ».

На берегу р. Камы князь Щербатовъ встрѣтилъ походную канцелярію покойнаго главнокомандующаго, которая съ большимъ трудомъ и опасностью переправилась черезъ рѣку. Видя невозможность переправиться черезъ р. Каму, князь Щербатовъ возвратился въ Казань, гдѣ и рѣшилъ ожидать распоряженій о назначеніи новаго главнокомандующаго.

Послѣднія донесенія изъ-подъ Оренбурга, побѣды, одержанныя повсюду правительственными войсками и, наконецъ, извѣстіе, что Пугачевъ бѣжалъ изъ Берды съ весьма незначительнымъ числомъ своихъ сообщниковъ, убѣждали правительство, что дѣло самозванца проиграно, что сила его уничтожена и что для окончательнаго подавленія мятежа остается успокоить населеніе и переловить мелкія шайки, бродившія еще по разнымъ мѣстамъ края, но неимѣвшія между собою общей связи и единства. Для такой

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 11 мая 1774 года. № 1. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга III.

цѣли, конечно, не было никакой надобности назначать главнокомандующаго, облеченнаго обширною властью, такою, какою пользовался А. И. Бибиковъ, а достаточно было назначить начальника надъ войсками и предоставить губернаторамъ, каждому въ своей губерніи, усмирить населеніе и, при содѣйствіи войскъ, привести его къ покорности и повиновенію.

Исходя изъ этой точки зрѣнія и все еще не сознавая хорошо, въ чемъ сила самозванца и гдѣ ея источникъ, правительство такъ и поступило.

«Черезъ донесенія ваши извѣстились мы, писала Екатерина II князю Щербатову [1]), какъ о смерти генерала Бибикова, такъ и о воспріятой вами по немъ, въ качествѣ старшаго военачальника, главной командѣ надъ войсками, предводительству его ввѣренными. До полученія впредь отъ насъ новыхъ повелѣній, поручаемъ мы вамъ принять между тѣмъ главную надъ сими войсками команду и вести по тѣмъ же самымъ основаніямъ, кои отъ покойнаго генерала Бибикова толь благоразумно и удачливо распоряжены были, дабы инако не остановить теченія и исполненія всего дѣла. Но какъ порученная покойному Бибикову коммиссія, въ разсужденіи перемѣнившихся нынѣ обстоятельствъ въ гораздо лучшее положеніе приведена, то находимъ мы за нужно предписать вамъ къ руководству вашему на первый случай слѣдующее: 1) чтобъ вы продолжали неусыпно пораженіе и преслѣдованіе бунтовщиковъ, вооруженно воюющихъ, и не пропускали ихъ въ околичныя губерніи, а притомъ по крайней возможности старались приводить въ повиновеніе отложившуюся чернь; 2) чтобъ вы въ постановленіи нужнаго устройства съ повсемѣстною тишиною предоставляли однакоже губернаторамъ, каждому въ его губерніи, яко истинному оныя хозяину и состояніе людей и нравовъ лучше знающему, главнѣйшее попеченіе по собственному каждаго въ своей части лучшему усмотрѣнію; 3) чтобы для сего безпрестанное имѣли вы сношеніе съ окрестными губернаторами и по ихъ требованіямъ подавали имъ воинскую помощь, не теряя изъ вида главнаго ва-

[1]) Въ рескриптѣ отъ 1 мая 1774 года. Рескриптъ этотъ напечатанъ во многихъ изданіяхъ.

шего предмета, въ первомъ пунктѣ описаннаго, требуя взаимно и отъ губернаторовъ ихъ способствованія вашимъ дѣламъ тамъ и тогда, гдѣ того истинная польза службы нашей требовать будетъ; 4) чтобъ вы строгими отъ себя граммотами требовали отъ башкирцевъ выдачи Пугачева, изъясняя имъ всю гнусность его злодѣйства и жестокость праведной имъ отъ законовъ мести, если они его укрывать станутъ, или же изъ своихъ рукъ упустятъ и не возвратятся добровольно въ повиновеніе монаршей нашей власти, съ обѣщаніемъ напротивъ въ семъ послѣднемъ случаѣ всемилостивѣйшаго отъ насъ прощенія имъ вины, а притомъ и награжденія за поимку и выдачу злодѣя Пугачева, причинствовавшаго толикому разоренію и толикому пролитію невинной крови.

«Мы ожидаемъ несомнѣнно отъ вашей вѣрности и усердія къ службѣ нашей, что вы благоразуміемъ вашимъ сдѣлаете себя наивящше достойнымъ какъ нашей монаршей милости, такъ и общаго почтенія.

«Что принадлежитъ до произвожденія по ввѣренному вамъ корпусу, оное долженствуетъ теперь идти обыкновенною дорогою, почему и имѣете вы при каждомъ случаѣ о достойныхъ представлять въ тѣ мѣста, куда то слѣдовать можетъ. О чрезвычайныхъ расходахъ имѣетъ тоже разумѣться, поколику на то времени доставать будетъ. Но для случаевъ онаго несносящихъ опредѣляемъ мы вамъ черезъ сіе изъ казанскихъ доходовъ 5,000 рублей, изъ коихъ и позволяемъ мы вамъ чинить нужные расходы, по собственному вашему усмотрѣнію тамъ, гдѣ нужно будетъ. На столъ же опредѣляемъ вамъ по 300 р. въ мѣсяцъ, пока сія ваша коммиссія продолжится».

Поручая князю Щербатову одно лишь командованіе войсками и преслѣдованіе мятежническихъ шаекъ, императрица устранила его отъ всякаго вмѣшательства въ гражданскія дѣла и административныя распоряженія. Послѣднія она возложила на губернаторовъ казанскаго и оренбургскаго, предоставляя имъ производство слѣдствія надъ захваченными мятежниками, утвержденіе приговоровъ и приведеніе ихъ въ исполненіе [1]).

---

[1]) Собственноручная записка Императрицы безъ числа. Госуд. Арх., VI, д. № 507.

Такимъ образомъ, вмѣсто одной были образованы двѣ секретныя коммиссіи, одна въ Казани, а другая въ Оренбургѣ.

«Обѣимъ секретнымъ коммиссіямъ, сказано было въ Высочайшемъ указѣ [1]), по дѣламъ имѣть сношеніе и другъ другу помогать должно. Причемъ, обѣимъ секретнымъ коммиссіямъ рекомендуется, чтобы онѣ, при слѣдствіяхъ, сколь возможно отъ пристрастныхъ разспросовъ воздержались».

Въ составъ вновь образованныхъ двухъ коммиссій были назначены тѣ же лица, которыя находились въ прежней, подчиненной А. И. Бибикову.

Съ разбитіемъ мятежниковъ подъ Татищевою крѣпостью и по освобожденіи Оренбурга отъ осады, число захваченныхъ участниковъ мятежа было столь велико, что для производства слѣдствія и суда пришлось образовать въ Оренбургѣ особую слѣдственную коммиссію. Въ началѣ апрѣля 1774 года въ Казани содержалось 169 колодниковъ, тогда какъ въ Оренбургѣ число ихъ доходило до 4,700 человѣкъ. Желая освободить Оренбургъ отъ такой массы арестантовъ, А. И. Бибиковъ отправилъ туда изъ Казани капитана Лунина и капитанъ-поручика Маврина, которые и должны были открыть дѣйствіе секретной коммиссіи. Съ отъѣздомъ ихъ, въ Казани остался одинъ только Собакинъ, въ помощь которому были отправлены капитанъ Волоцкой и прапорщикъ Горчаковъ, находившіеся въ то время въ Москвѣ въ распоряженіи главнокомандующаго князя М. Н. Волконскаго, для производства слѣдствій.

Накопившееся въ первопрестольной столицѣ значительное число арестованныхъ по разнымъ случаямъ сообщниковъ Пугачева и безпрерывные допросы ихъ затрудняли князя Волконскаго, и потому Екатерина II, собственно для допросовъ арестованныхъ, отправила ему въ помощь двухъ офицеровъ: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитана Волоцкаго и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка прапорщика Горчакова. Императрица поручила князю Волконскому употреблять этихъ офицеровъ «при допросахъ по

---

[1]) Отъ 25 апрѣля 1774 г. Госуд. Архивъ, X, дѣло № 467. См. также *Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества*, т. XIII, стр. 402.

тайнымъ дѣламъ, но съ тѣмъ, чтобы ни малѣйшаго истязанія не дѣлали» [1]).

«Я думаю, писалъ при этомъ князь Вяземскій [2]), что когда объ опредѣленіи семъ подъ рукою въ городѣ узнано будетъ, то наложитъ оное нѣкоторый родъ узды на злорѣчивые и болтливые языки. Для чего по совершенной моей къ вашему сіятельству преданности не могу скрыть моего мнѣнія, въ томъ состоящаго, чтобъ вы, по полученіи сего рескрипта о присылкѣ къ вамъ по тайнымъ дѣламъ гвардіи офицеровъ, дали знать подъ рукою, якобы въ дружеской откровенности, нѣсколькимъ надежнымъ людямъ, предохраняя только то, чтобы сіе не имѣло вида, что разглашеніе о семъ нарочно для страха распускается».

Капитанъ Волоцкой былъ въ то время въ Москвѣ, а Горчаковъ пріѣхалъ туда въ половинѣ марта, и тотчасъ же приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія. Арестованные прибывали ежедневно и въ такомъ числѣ, что скоро въ Преображенскомъ не было уже мѣста для ихъ помѣщенія. Большинство ихъ принадлежало къ числу «*враліей*», непринимавшихъ непосредственнаго участія въ возмущеніи, а распускавшихъ слухи или передававшихъ чужіе разсказы по трактирамъ и кабакамъ. Такихъ арестованныхъ, смотря по важности распространяемыхъ ими слуховъ и разсказовъ, дѣлили на двѣ части: однихъ наказывали, а другихъ освобождали, заставляя присягнуть на вѣрность и отбирая особую подписку въ томъ, что никогда не будутъ сообщниками мятежниковъ, а напротивъ того, окажутъ имъ сопротивленіе и вѣрность законному правительству [3]).

---

[1]) Указъ императрицы князю Волконскому отъ 2 марта 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 503.

[2]) Князю Волконскому, въ письмѣ отъ 2 марта 1774 года. Тамъ же.

[3]) Подписка эта была слѣдующаго содержанія: «Мы, нижеподписавшіеся, освобождающіеся изъ-подъ ареста по высокоматерней ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, милости, для многолѣтняго и благополучнаго ея величества государствованія и умноженія отъ Всевышняго лѣтъ высокому ея наслѣднику, его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу и супругѣ его, ея императорскому высочеству государынѣ великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, должны не только быть вѣрными подданными рабами высокому ея величества скипетру и державѣ, но и пролить за благоденствіе ея импе-

Вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ извѣстіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибирской губерніи разсѣваются «злые слухи, толки и обольщенія отъ самозванца» [1]), Екатерина признала необходимымъ вновь обратиться съ словами увѣщанія къ населенію, объятому мятежомъ, и 15 марта былъ изданъ манифестъ, напечатанный въ числѣ 1,200 экземпляровъ въ два столбца: одинъ гражданскою, а другой церковною печатью [2]). Императрица требовала, чтобы каждый удержался «не только отъ сообщеній съ ворами, но и ото всякой колеблемости, ибо таковыхъ непослушныхъ и присягѣ вѣрности непомнящихъ людей склонность ни къ чему иному не влечетъ, какъ къ собственной ихъ же погибели и къ самой неминуемой измѣнникамъ казни, чего разбойничьи сволочи въ весьма короткомъ времени, конечно, не избѣгнутъ».

Экземпляры этого манифеста были отправлены и къ генералъ-поручику князю Щербатову для употребленія ихъ по его усмотрѣнію.

Князь Ѳедоръ Щербатовъ поступилъ на службу въ 1748 году, и 30-го іюля 1771 года произведенъ въ генералъ-поручики. Въ прусскую войну онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Цорндорфѣ, Пальцихѣ и Франкфуртѣ; въ первую турецкую войну онъ нахо-

---

раторскаго величества всю нашу кровь, стремиться всегда на пораженіе возмутителя общаго покоя, особливо самозванца и государственнаго злодѣя Емельяна Пугачева и его толпы сообщниковъ, стараться всѣми силами никакъ и ни подъ какимъ видомъ ихъ къ себѣ не допускать и къ нимъ также не приставать и ни о чемъ съ ними не переговаривать, въ чемъ мы другъ за друга ручаемся по-десяточно. Если же кто изъ насъ, забывъ страхъ Божій и презрѣвъ великую милость отъ ея императорскаго величества, оказанную намъ для собственнаго нашего благоденствія, по прежнему прилѣпится къ злодѣямъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, т.-е. или къ нимъ уйдетъ, или къ себѣ впуститъ, хотя бы принужденъ былъ отъ нихъ къ тому страхомъ или какимъ-нибудь обольщеніемъ, то за таковаго измѣнника одного — весь десятокъ казнить насъ смертію. А дабы сіе у всѣхъ насъ было въ памяти, то каждый десятокъ долженъ у себя имѣть копію съ сей нашей подписки и читать предъ своими по всѣмъ праздникамъ и по воскреснымъ днямъ».

[1]) Рескриптъ А. И. Бибикову отъ 23 марта 1774 года. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 65.

[2]) Государственный Архивъ, VI, д. № 527. Манифестъ этотъ былъ напечатанъ сначала въ книгѣ *Осмнадцатый Вѣкъ*, т. I, стр. 107, а затѣмъ перепечатанъ въ *Сборникѣ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. XIII, стр. 397.

дился при взятіи города Бендеръ. Въ 1771 году, при вступленіи русскихъ войскъ въ Крымъ, онъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, взялъ штурмомъ крѣпость Арабатъ, занялъ Керчь, Ениколь и затѣмъ оставленъ былъ съ своимъ корпусомъ для охраненія Крымскаго полуострова [1]).

Въ концѣ 1773 года князь Щербатовъ былъ командированъ въ Казань въ помощь А. И. Бибикову, и по кончинѣ его вступилъ въ командованіе войсками, раскинутыми на огромномъ пространствѣ и занятыми преслѣдованіемъ мятежниковъ по разнымъ направленіямъ.

По занятіи генераломъ Мансуровымъ Яицкаго-городка, ставропольскіе и оренбургскіе калмыки забрали съ собою женъ, дѣтей, скотъ и въ числѣ до 600 кибитокъ бѣжали сначала къ Самарской линіи. Желая пробраться въ Башкирію и соединиться съ Пугачевымъ, они намѣрены были переправиться черезъ рѣку Самару близъ Сорочинской крѣпости. Находившійся въ Сорочинскѣ подполковникъ Милковичъ выслалъ на переправу 200 человѣкъ пѣхоты съ орудіемъ и не допустилъ калмыковъ перейти рѣку. Часть ихъ покорилась, а остальные ушли въ степь.

Предполагая, что калмыки все-таки будутъ стараться пробраться въ Башкирію, князь П. М. Голицынъ приказалъ находившемуся въ Самарѣ съ Бахмутскимъ гусарскимъ полкомъ маіору Шевичу прикрывать Самарскую линію, полковнику Шепелеву съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 600 человѣкъ съ 4 орудіями [2]), выступить изъ Дюсметевой деревни къ р. Току, «по которой ихъ бѣгу ожидать было должно», а для встрѣчи ихъ на новомосковской дорогѣ были выставлены обсерваціонные отряды: въ деревнѣ Мустафиной капитана Квашнина-Самарина изъ роты гренадеръ, эскадрона Изюмскихъ гусаръ съ двумя орудіями и въ деревнѣ Бик-

---

[1]) Опредѣленіе военной коллегіи за октябрь 1774 г., листъ 380.

[2]) Въ отрядѣ Шепелева находилось, считая въ томъ числѣ и офицеровъ: 153 человѣка Владимірскаго пѣхотнаго полка, 217 человѣкъ С.-Петербургскаго карабинернаго, 113 человѣкъ Казанскаго дворянскаго корпуса, 52 человѣка Симбирскаго дворянскаго корпуса, 72 человѣка Казанскихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, 5 человѣкъ Изюмскаго гусарскаго полка, 4 человѣка Томскаго полка, 27 малолѣтковъ Вятскаго полка, 4 человѣка 1-го фузелернаго полка и 2 человѣка отставныхъ — всего 649 человѣкъ (Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII).

куловой—отрядъ Ахшарумова изъ двухъ ротъ гренадеръ съ тремя орудіями и небольшимъ числомъ иррегулярныхъ легкихъ войскъ. Для примѣчанія же за движеніемъ калмыковъ въ степи была выслана изъ Оренбурга небольшая партія изъ чугуевскихъ казаковъ и каргалинскихъ татаръ [1]).

Маіоръ Шевичъ отправилъ въ Сорочинскую крѣпость одинъ эскадронъ гусаръ, и лишь только онъ прибылъ туда, какъ калмыки снова подошли къ переправѣ. Командиръ эскадрона, капитанъ Хмѣлевъ, засталъ на переправѣ до 2,000 человѣкъ, увѣщевалъ ихъ покориться, но когда они не послушали, то атаковалъ, захватилъ много плѣнныхъ, скотъ и багажъ. Успѣвшіе переправиться черезъ рѣку калмыки бросились отдѣльными кучами къ новомосковской дорогѣ, гдѣ у дер. Трай, на р. Токѣ, наткнулись на отрядъ полковника Шепелева и были, 8-го мая, вновь разбиты съ потерею 300 человѣкъ убитыми. Отъ бо́льшаго пораженія калмыки спаслись только тѣмъ, что наступила ночь и они успѣли зажечь степь со стороны «вѣющаго на насъ вѣтра» [2]).

Преслѣдуемые Шепелевымъ и считая высланную изъ Оренбурга команду за авангардъ значительнаго отряда, калмыки бросились къ деревнѣ Мустафиной, но и здѣсь были встрѣчены 9 мая капитаномъ Квашнинымъ-Самаринымъ. Онъ преслѣдовалъ ихъ на протяженіи 15 верстъ, захватилъ 140 человѣкъ въ плѣнъ, отбилъ много скота, лошадей и три знамя. Лишившись болѣе 200 человѣкъ убитыми, калмыки «разбѣжались по степи кто куда могъ, ища себѣ спасенія». Нѣкоторые успѣли однакоже перебраться за новомосковскую дорогу и бѣжать въ Башкирію, а бо́льшая часть возвратилась на мѣста своихъ кочевокъ и подъ предводительствомъ своего начальника Дербетева нападала на селенія по Самарской линіи.

---

[1]) Письмо князя Голицына графу З. Г. Чернышеву 14 мая 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

[2]) Рапорты Шепелева князю Щербатову и князю Голицыну отъ 9-го мая. Рапортъ князя Голицына князю Щербатову отъ 11 мая. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книги IV и VIII.

Для усмиренія ихъ генералъ Мансуровъ отправилъ изъ Яицкаго-городка отрядъ подъ начальствомъ маіора Муфеля [1]). Преслѣдуя Дербетева съ толпою около 500 человѣкъ сначала по рѣкѣ Двумъ-Сестрамъ, маіоръ Муфель настигъ его потомъ на р. Однодеревой, впадающей въ р. Иргизъ. Здѣсь онъ успѣлъ захватить до 200 кибитокъ и затѣмъ, перейдя въ вершины р. Таловой, узналъ, что Дербетевъ съ толпою до 300 человѣкъ намѣренъ пробраться въ Башкирію. Сформировавъ отрядъ изъ 30 драгунъ и 210 яицкихъ казаковъ и поручивъ его артиллеріи подпоручику Байкову, маіоръ Муфель приказалъ ему преслѣдовать Дербетева. Байковъ шелъ по его пятамъ съ такою скоростію, что дѣлалъ въ сутки отъ 80 до 90 верстъ. Калмыки бросали на дорогѣ усталыхъ лошадей, верблюдовъ и даже женъ, а сами старались укрыться въ Иргизскихъ вершинахъ. Мая 23-го подпоручикъ Байковъ настигъ калмыковъ въ Балабанскихъ вершинахъ, на рѣкѣ Грязнухѣ, разбилъ ихъ, захватилъ въ плѣнъ 193 человѣка, въ числѣ коихъ находился и самъ Дербетевъ, который отъ полученной раны скоро умеръ [2]). Отсюда Байковъ возвратился въ Яицкій-городокъ, куда за нѣсколько дней передъ тѣмъ пришелъ и Муфель съ своимъ отрядомъ и съ захваченными имъ 200 кибитокъ [3]). Изъ Яицкаго-городка калмыки были отправлены съ семействами и имуществомъ къ Оренбургу подъ личный присмотръ губернатора и назначенія имъ мѣста для кочевки по распоряженію командовавшаго войсками князя Щербатова, въ то время тамъ уже находившагося [4]).

Получивъ 8 мая высочайшій рескриптъ о назначеніи главнокомандующимъ, съ тѣми ограниченіями, о которыхъ мы сказали выше, и имѣя въ виду, что въ Казанской губерніи «волнованіе народное совершенно прекращено и бывшіе въ предательствѣ—въ

---

[1]) Рапорты Мансурова князю Щербатову отъ 12 мая и князю Голицыну отъ 15 мая. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

[2]) Рапорты подпоручика Байкова Мансурову 22 и 24 мая 1774 года. Рапорты Мансурова князю Голицыну 24 мая и князю Щербатову 25 мая. Тамъ же.

[3]) Рапортъ Муфеля Мансурову 26 мая 1774 г. Тамъ же.

[4]) Всеподданнѣйшее донесеніе князи Щербатова отъ 1-го іюня 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. IV. Ср. Воен. Сбор. 1871 г. № 3 стр. 222 и 223.

законномъ повиновеніи находятся», князь Щербатовъ отправился въ Оренбургъ [1]), куда и прибылъ 18-го мая [2]).

Между тѣмъ, въ Казанской губерніи было вовсе не такъ спокойно, какъ доносилъ князь Щербатовъ. Правда, что въ окрестностяхъ Бакаловъ, Бугульмы и къ сторонѣ р. Камы мятежниковъ не было, населеніе возвращалось въ свои дома и приходило съ повинною [3]). Но между Мензелинскомъ и г. Осою мятежники бродили свободно и мѣстность эта находилась еще въ полномъ возстаніи. Для уничтоженія этихъ шаекъ, казанскій губернаторъ фонъ-Брандтъ отправилъ секундъ-маіора Скрипицына съ 60 человѣками солдатъ и однимъ орудіемъ, и приказалъ ему ходить безпрерывно между Мензелинскомъ и Осою, водворить спокойствіе среди населенія [4]) и содѣйствовать штернъ-фервальтеру Берглину въ преслѣдованіи мятежниковъ.

Еще въ началѣ апрѣля Берглинъ, посланный Башмаковымъ съ Юговскаго завода, занялъ своимъ отрядомъ пригородъ Осу, оставилъ тамъ небольшой гарнизонъ, а самъ двинулся на преслѣдованіе башкирцевъ по р. Тулвѣ [5]). Въ 8 часу утра, 9-го апрѣля, въ четырехъ верстахъ отъ села Крылова онъ былъ встрѣченъ толпою до 900 человѣкъ, которые послѣ небольшой перестрѣлки обратились въ бѣгство. Берглинъ продолжалъ движеніе, сжегъ башкирскую деревню Бичурину, переночевалъ въ селеніи Елпачихѣ и двинулся къ дер. Барде, служившей башкирцамъ притономъ и мѣстомъ сборища. Жители на лошадяхъ и лыжахъ бѣжали въ лѣса и горы, и кромѣ небольшого числа скота въ деревнѣ ничего не найдено. По непроходимости дорогъ отъ распутицы, Берглинъ не пошелъ далѣе, предалъ огню дер. Барде и возвратился въ дер. Елпачиху.

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Щербатова отъ 11 мая 1774 года, № 1. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

[2]) Жизнь академика Рычкова, стр. 140.

[3]) Рапортъ полковника Обернибѣсова кн. Щербатову 25 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

[4]) Письмо Брандта князю Щербатову 28 мая 1774 года. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. IX.

[5]) Рапортъ коллежскаго ассессора Башмакова на имя Бибикова, 16 апрѣля 1774 года, № 785. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII.

Мятежническія шайки отошли къ сѣверу и бродили по Пермской провинціи.

«Чтобы злодѣйскія поновлены могли быть мысли о всегдашней нашихъ силъ къ поискамъ готовности», подполковникъ Поповъ съ отрядомъ выступилъ изъ Кунгура по направленію къ Красноуфимску, гдѣ казаки волновались и не переставали выказывать открыто свое сочувствіе къ самозванцу и нерасположеніе къ правительству [1]). Въ половинѣ мая красноуфимскіе казаки ожидали къ себѣ Салавата, скитавшагося съ своей шайкой за р. Уфою [2]). Обнадеживая казаковъ скорою помощью, Салаватъ однакоже не шелъ къ нимъ, а 23 мая, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Юлаемъ и толпою въ тысячу человѣкъ, напалъ на Симскій заводъ. Переколовши до 60 человѣкъ жителей, разграбивъ церковь и фабрику, башкиры разрушили плотину, сожгли многія зданія и направились къ Катавскому заводу [3]).

Между тѣмъ князь Голицынъ, какъ только получилъ извѣстіе, что послѣ побѣды, одержанной имъ у Сакмарскаго городка, Пугачевъ бѣжалъ въ Башкирію, тотчасъ же отправилъ воззваніе, въ которомъ требовалъ, чтобы башкирцы не присоединялись къ самозванцу, а напротивъ, старались его поймать и представить начальству.

«Я употребляю, писалъ онъ графу З. Г. Чернышеву [4]), всѣ способы, чтобы побуждать къ успѣхамъ, послалъ къ нимъ лучшихъ старшинъ, а между тѣмъ не оставлю взять должныя примѣчанія, чтобы удержать сей легкомысленный и обманчивый народъ въ должной вѣрности».

Вмѣстѣ съ тѣмъ для преслѣдованія Пугачева и его толпы были сформированы два отряда: одинъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Фреймана изъ одного баталіона пѣхоты, роты гренадеръ, двухъ эскадроновъ Архангелогородскаго карабинернаго, одного

---

[1]) Рапорты подполковника Попова А. И. Бибикову 2-го, 6-го и 8-го апрѣля 1774 года. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга VIII.

[2]) Рапортъ подполковника Попова 18 мая 1774 г. Тамъ же, кн. IX.

[3]) Рапортъ коменданта города Уфы полковника Мясоѣдова князю Щербатову, 30 мая 1774 г. Тамъ же, кн. IX.

[4]) Въ письмѣ, отъ 19 апрѣля 1774 г. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, кн. IV.

эскадрона Бахмутскаго гусарскаго полковъ, роты чугуевскихъ и 100 яицкихъ казаковъ съ 7-ю орудіями. Другой отрядъ подъ начальствомъ подполковника Аршеневскаго состоялъ: изъ баталіона легкихъ полевыхъ командъ съ 8-ю орудіями, эскадрона Изюмскихъ, эскадрона Бахмутскихъ гусаръ и 50 человѣкъ оренбургскихъ казаковъ. Руководя обоими отрядами, генералъ-маіоръ Фрейманъ долженъ былъ наступать по уфимской дорогѣ, а подполковникъ Аршеневскій по новомосковской, и стараться, очистивъ отъ мятежниковъ окрестности, привести населеніе къ покорности и порядку.

Отправивъ эти отряды 2-го апрѣля изъ Сакмарскаго городка, самъ князь Голицынъ съ остальными войсками расположился въ Сакмарскѣ, Бердѣ и Оренбургѣ [1]).

Получивши извѣстіе, что Пугачевъ находится на Вознесенскихъ казенныхъ заводахъ, князь Голицынъ просилъ генералъ-маіора Станиславскаго собрать отрядъ изъ гарнизоновъ крѣпостей и преградить самозванцу путь до самой Верхне-Яицкой крѣпости, о чемъ и сообщено коменданту этой крѣпости полковнику Ступишину. Коменданту Троицкой крѣпости бригадиру Фейерверу и находившемуся около Челябы маіору Гагрину приказано слѣдить за дѣйствіями самозванца, и наконецъ, въ Воздвиженскую крѣпость отправленъ отрядъ подъ начальствомъ премьеръ-маіора Наумова изъ двухъ полевыхъ командъ и 150 казаковъ [2]).

Сообщая подполковнику Михельсону, что дѣйствія его подъ Уфою много помогли «къ разрушенію главной и многочисленной толпы подъ начальствомъ самозванца Пугачева», князь Голицынъ просилъ его усилить свою дѣятельность и поспѣшить наступленіемъ. Имѣя въ виду, что городъ Уфа весною окружается со всѣхъ сторонъ водою, князь Голицынъ просилъ Михельсона не оставаться

---

[1]) Войска эти были расположены такъ: въ Сакмарскомъ городкѣ стоялъ полковникъ князь Одоевскій съ его гренадерскимъ баталіономъ и 8 орудіями, двумя эскадронами Изюмскихъ гусаръ и 8 чел. казаковъ. Въ Бердинской слободѣ полковникъ князь Долгорукій съ баталіономъ 2-го гренадерскаго полка, 8 орудіями и ротою чугуевскихъ казаковъ, и наконецъ, въ Оренбургѣ кн. Голицынъ съ остальными командами.

[2]) Рапортъ князя Голицына Бибикову 9-го апрѣля, № 679. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга VIII.

долго въ этомъ городѣ, чтобы не лишить себя средствъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

«Таперича, писалъ ему князь Голицынъ [1]), первая нужда состоитъ въ томъ, чтобы не дать сему государственному вору паки распространить свои силы, хотя онъ и бѣжалъ не болѣе во-ста человѣкахъ. Но какъ ослѣпленная чернь его лестью всегда обманута была, то и надлежитъ сей остатокъ искры, отъ большаго пламя, вовсе утушить. Почему наиусильнѣйшимъ образомъ рекомендую вашему высокоблагородію взять къ тому должныя мѣры, чтобы ваше пребываніе въ городѣ Уфѣ не напрасно могло быть. Усмиряйте бунтовщиковъ по сибирской дорогѣ, какъ съ другой стороны къ рѣкамъ Бѣлой и Инзеру... Наиглавнѣйшія ваши примѣчанія должны быть, чтобъ не пропустить злодѣевъ пробраться къ сибирскимъ предѣламъ, къ чему и употребите всѣ способы сдѣлать сообщеніе съ маіоромъ Гагринымъ».

Подполковникъ Михельсонъ и безъ побужденій князя Голицына торопился выступить, но удержанъ былъ на нѣсколько дней въ городѣ Уфѣ необходимостью исправить артиллерію, укомплектовать отрядъ зарядами и патронами, заготовить подводы для доставки за отрядомъ фуража, и наконецъ, устроить паромы, для переправы черезъ р. Уфу, «черезъ которую, доносилъ онъ [2]), мнѣ нынѣ, пока ледъ не пройдетъ, никакимъ способомъ перейти невозможно».

Изъ Уфы онъ намѣренъ былъ выступить къ Симскому заводу, въ которомъ находился Бѣлобородовъ съ толпою въ тысячу человѣкъ и неподалеку отъ него Салаватъ Юлаевъ съ 3,000 башкирцевъ. Уничтоживъ эти сборища, Михельсонъ намѣренъ былъ двинуться къ Бѣлорѣцкому заводу и «встрѣтить тамъ злодѣя Пугачева, если не пойдетъ къ Верхне-Яицкой крѣпости».

Наступившая распутица задерживала движеніе всѣхъ отрядовъ. Михельсонъ принужденъ былъ оставаться нѣсколько дней въ гор. Уфѣ, а генералъ-маіоръ Фрейманъ, дойдя съ своимъ отрядомъ до Табынска, также не могъ двигаться далѣе за разлитіемъ рѣкъ.

---

[1]) Предписаніе князя Голицына подполковнику Михельсону 11 апрѣля изъ Оренбурга. Тамъ же.

[2]) Въ рапортѣ на имя А. И. Бибикова, отъ 16 апрѣля 1774 г. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга VIII.

Остановившись въ Табынскѣ и присоединивъ къ себѣ отрядъ подполковника Аршеневскаго, онъ хлопоталъ о заготовленіи продовольствія для отряда и собиралъ необходимые матеріалы для устройства паромовъ. Въ отрядѣ его въ это время находилось: два баталіона пѣхоты съ 14 орудіями, два эскадрона карабинеровъ, три эскадрона гусаръ, одна рота чугуевскихъ, казаковъ, 150 челов. яицкихъ и оренбургскихъ казаковъ.

Желая прежде всего возстановить спокойствіе въ Оренбургской губерніи, кн. Голицынъ стягивалъ къ себѣ всѣ свободныя силы и приказалъ прибывшему въ Самару, съ пятью эскадронами Бахмутскаго гусарскаго полка маіору Шевичу слѣдовать въ Оренбургъ, а полковнику Денисову, выступившему съ 500 донскихъ казаковъ съ р. Медвѣдицы и находившемуся уже въ Сызрани, слѣдовать на Самару и далѣе также къ Оренбургу [1]). Генералъ-маіору Мансурову поручено разставить посты внизъ по правую сторону р. Яика до Гурьева-городка, а по лѣвому берегу р. Яика вверхъ до Татищевой крѣпости [2]). Находившемуся въ дер. Дюсметевой полковнику Шепелеву приказано было составить отрядъ не менѣе какъ изъ 600 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, отправить его къ Стерлитамацкой пристани и открыть сообщеніе съ генералъ-маіоромъ Фрейманомъ [3]). Послѣдній долженъ былъ слѣдовать къ Авзяно-Петровскимъ заводамъ въ то время, когда Михельсонъ, въ отрядѣ котораго вмѣстѣ съ набранными имъ мещеряками было около тысячи человѣкъ, двинется къ Симскимъ заводамъ и далѣе къ Саткинскому. А такъ какъ при одновременности этихъ дѣйствій необходимо было занять войсками лѣвый берегъ р. Сакмары, то князь Голицынъ и сформировалъ особый отрядъ подъ начальствомъ коллежскаго совѣтника Тимашева.

«По усердной ревности къ службѣ ея величества, писалъ князь

---

[1]) Письмо князя Голицына гр. З. Г. Чернышеву, отъ 19 апрѣля 1774 г. Московс. Арх. Главн. Штаба, оп. 47, кн. IV. Впослѣдствіи Денисову приказано было остановиться въ Малыковкѣ и содѣйствовать Державину въ разогнаніи мятежниковъ, появившихся за Волгою и по р. Иргизу.

[2]) Рапортъ кн. Голицына кн. Щербатову 1-го мая № 895. Московс. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII.

[3]) Рапортъ кн. Голицына кн. Щербатову, 22 апрѣля 1774 г., № 808, изъ Оренбурга. Тамъ же, кн. VIII.

Голицынъ Тимашеву [1]), къ высочайшимъ ея интересамъ и къ благоденствію отечества, ваше высокоблагородіе, съ достохвальною усердностью, объявили мнѣ свое желаніе, что хотя пользуетесь спокойною жизнію, бывъ уволены по лѣтамъ вашимъ и слабому здоровью отъ службы, но для возстановленія изъ развратовъ и безпокойствія, произведенныхъ отъ самозванца и государственнаго вора Пугачева въ башкирскомъ народѣ, — себя представили къ оному предпріятію употребленнымъ быть съ деташементомъ легкихъ войскъ.

«А какъ я свѣдалъ отъ генералъ-поручика, оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа, что вы въ продолженіе оренбургской осады доказывали по разнымъ случаямъ, сколь ваше усердіе есть велико къ общему благополучію; къ тому же я извѣстенъ, что башкирскій народъ особливою къ вамъ довѣренностію обязанъ, (то) будучи сими свидѣтельствами удостовѣренъ, за полезное почелъ, къ прекращенію въ тамошнемъ краю бунта препоручить въ команду вашего высокоблагородія деташементъ легкихъ войскъ».

Въ составъ отряда были назначены: 145 челов. оренбургскихъ казаковъ, 100 челов. ставропольскихъ калмыковъ, 65 яицкихъ казаковъ и 200 челов. каргалинскихъ татаръ съ четырьмя 3-хъ фунтовыми пушками [2]). Цѣлью дѣйствій этому отряду было поставлено возстановленіе спокойствія между крѣпостями Воздвиженскою и Зеленрскою, и потому находившемуся въ первой крѣпости съ отрядомъ маіору Наумову приказано было удѣлить часть легкихъ войскъ Тимашеву и быть всегда готовымъ подкрѣпить послѣдняго всѣмъ своимъ отрядомъ.

«По заочности, писалъ князь Голицынъ Тимашеву, я не могу предписать куда точно слѣдовать имѣете, но оставляю сіе на благоусмотрѣніе ваше и по совершенному знанію вашему какъ о тамошнемъ мѣстоположеніи, такъ и обстоятельствахъ обратите себя туда, гдѣ болѣе нужды будетъ съ тѣмъ примѣчаніемъ, чтобы обитающіе башкирцы въ оной окружности приведены были къ должному повиновенію».

---

[1]) Госуд. Арх. VI д., № 503.

[2]) Экстрактъ изъ маршрута Тимашева. Тамъ же.

Передавая Тимашеву нѣсколько экземпляровъ воззванія своего къ башкирскому народу, князь Голицынъ поручилъ ему брать въ аманаты въ селеніяхъ лучшихъ старшинъ, «но нималѣйшихъ обидъ и притѣсненій» жителямъ не дѣлать.

Принявъ начальство надъ отрядомъ, Тимашевъ, 23 апрѣля, выступилъ изъ Оренбурга къ Сакмарскому-городку и изъ урочища Гребней отправилъ нѣсколькихъ ему лично извѣстныхъ людей въ башкирскія селенія для развѣдыванія и приглашенія башкиръ на службу. Въ Сакмарскомъ-городкѣ Тимашевъ присоединилъ къ своему отряду 62 человѣка казаковъ и 72 человѣка Чугуевскаго полка, и отправилъ посланныхъ на Авзяно-Петровскій заводъ провѣдать, что̀ тамъ дѣлается. Слѣдуя далѣе вверхъ по рѣкѣ Сакмарѣ и требуя, чтобы отъ каждаго двора было выбрано и представлено ему по одному человѣку съ тремя конями, Тимашевъ 30 апрѣля пришелъ въ Воздвиженскую крѣпость и взялъ у Наумова 45 человѣкъ драгунъ и 34 человѣка егерей [1]). Сформировавъ такимъ образомъ отрядъ въ 723 человѣка, съ четырьмя орудіями, Тимашевъ двинулся далѣе и черезъ Никольскій редутъ вступилъ въ Чебаклинскія горы.

Въ это время генералъ Фрейманъ съ своимъ отрядомъ приближался къ Авзяно-Петровскому заводу. 5 мая онъ прибылъ въ деревню Каткову, но безъ обоза, брошеннаго въ горахъ, «которыя круты, высоки и дорога совсѣмъ негодная» [2]). Черезъ три дня, 8 мая, Фрейманъ занялъ Авзяно-Петровскій заводъ, который нашелъ разореннымъ, а жителей бѣжавшими въ горы. Прикащикамъ, «какъ людямъ весьма усерднымъ», Фрейманъ приказалъ ѣхать въ Табынскъ, «чтобъ ихъ здѣсь не убили», а найденныя на заводѣ 13 пушекъ заклепалъ и бросилъ въ воду. На заводѣ были найдены небольшіе запасы сѣна, но ни овса, ни хлѣба не было вовсе. Посланные для развѣдыванія казаки успѣли захватить одного раненаго башкирца, отъ котораго узнали, что Пугачевъ направился къ Магнитной крѣпости и намѣренъ идти къ Верхне-Яицкой. «Отсель

---

[1]) Экстрактъ изъ маршрута коллежскаго совѣтника Тимашева. Государственный Архивъ, VI, № 503.

[2]) Рапорты Фреймана князю Голицыну, отъ 4 и 5 мая 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

къ Магнитной, доносилъ Фрейманъ [1]), ѣздятъ только верхомъ тропиною, а другая дорога къ Верхне-Яицкой безъ мостовъ, которые водою снесены, тожь гориста и въ большихъ ущелинахъ лежитъ, почему и пойду черезъ Бѣлорѣцкій заводъ къ Верхне-Яицкой крѣпости».

Движеніе это происходило медленно и съ огромными затрудненіями: повозки обоза ломались, лафеты также. Половину обоза пришлось бросить на дорогѣ, купить 14 лошадей вмѣсто пришедшихъ въ негодность отъ изнуренія и недостатка корма; впереди предстояла трудная переправа черезъ р. Бѣлую и движеніе болѣе 40 верстъ Уральскими горами [2]). Гдѣ находятся отряды Михельсона и Деколонга, генералъ-маіоръ Фрейманъ не зналъ и его лазутчики сообщали ему невѣрныя свѣдѣнія.

Для обезпеченія тыла Фреймана, князь Голицынъ приказалъ капитану Рылѣеву, находившемуся съ небольшимъ отрядомъ въ Стерлитамакской пристани, занять Табынскъ, и выслалъ изъ Оренбурга на уфимскую дорогу полковника Хорвата съ отрядомъ. «Сіе нужно, писалъ князь Голицынъ [3]), для вѣрной комуникаціи съ Уфою, а болѣе, чтобы Уфимская провинція, по отдаленію нынѣ изъ оной подполковника Михельсона, не оставалась безъ должнаго надзиранія». Полковнику Хорвату приказано принять начальство надъ отрядами: Квашнина-Самарина, находившагося въ дер. Мустафиной, Ахшарумова — въ Биккуловой и маіора Евкина, стоявшаго въ Богульчанахъ съ тремя ротами гренадеръ, эскадрономъ гусаръ и четырьмя орудіями. Наблюдая за населеніемъ въ раіонѣ расположенія подчиненныхъ ему отрядовъ, полковникъ Хорватъ долженъ былъ поддерживать постоянную связь съ отрядами, дѣйствовавшими въ Башкиріи и въ особенности съ отрядомъ Михельсона.

Оставивъ въ Уфѣ достаточный гарнизонъ [4]), подполковникъ

---

[1]) Князю Голицыну 10 мая 1774 г., № 23. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

[2]) Рапортъ Фреймана князю Голицыну 15 мая, изъ дер. Чувашской. Тамъ же.

[3]) Въ письмѣ графу З. Г. Чернышеву, отъ 14 мая 1774 года. Тамъ же, кн. IV.

[4]) Въ составъ гарнизона гор. Уфы, порученнаго полковнику Мясоѣдову, вошли: 70 человѣкъ Томскаго пѣхотнаго полка; 517 человѣкъ разныхъ гарнизонныхъ, отставныхъ и малоаѣтковъ, 70 человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ, дворянъ и купечества и 150 казаковъ. Сверхъ того, въ городѣ находилось много пушекъ съ достаточнымъ числомъ зарядовъ.

Михельсонъ 24 апрѣля началъ переправляться черезъ рѣку на приготовленныхъ паромахъ. Переправа эта производилась съ большими затрудненіями, и только на слѣдующій день онъ могъ собрать весь свой отрядъ въ селеніи Богородскомъ. Отсюда Михельсонъ двинулся по сибирской дорогѣ къ Симскому заводу, въ семи верстахъ отъ котораго стоялъ Салаватъ съ 3,000 башкирцевъ, а неподалеку отъ него, на Саткинскомъ заводѣ, находился атаманъ Бѣлобородовъ съ 1,000 человѣкъ и шестью орудіями. Онъ писалъ къ Салавату и другимъ башкирскимъ старшинамъ, чтобы они оставались вѣрными государю и готовились его встрѣтить.

Поставивъ главнѣйшею цѣлью своихъ дѣйствій разбить Салавата и Бѣлобородова и не допустить ихъ до соединенія съ Пугачевымъ, подполковникъ Михельсонъ сознавалъ, что это возможно лишь при быстротѣ дѣйствій. Но «нынѣшнее весеннее время, доносилъ онъ [1]), а особливо рѣки, изъ коихъ нѣкоторыя по большей части разливаются верстъ по семи и до десяти, дѣлаютъ немалую остановку». Кромѣ р. Уфы Михельсону приходилось переправляться черезъ р. Симъ и проходить по дорогѣ, на которой было до 73 мостовъ, теперь снесенныхъ водою и которые необходимо было возстановить. «Ежели черезъ сіе, доносилъ онъ князю Щербатову, моя экспедиція будетъ нѣсколько мѣшкотна, то прошу ваше сіятельство меня милостиво извинить. Кромѣ сего неудобства, я долженъ буду везти съ собою и на нѣсколько дней фуража».

Это послѣднее обстоятельство представляло немаловажныя затрудненія, если сказать, что при тогдашнемъ времени года Михельсону приходилось пройти болотное пространство въ 90 верстъ длиною. «Отъ худой дороги, доносилъ онъ [2]), почти вся моя артиллерія переломалась, а нынѣ, приближаясь къ р. Симъ, я имѣю новыя остановки. Паромы хотя трудами высланной мною команды и сдѣланы, однако р. Симъ разлилась столь широко, что двѣ версты по той сторонѣ вступила въ лѣсъ, а въ здѣшнюю сторону въ одну версту». По произведенной рекогносцировкѣ оказалось,

---

[1]) Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 25 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

[2]) Князю Щербатову, изъ дер. Кубовой, отъ 2 мая 1774 года. Тамъ же.

что, не доходя перевоза и по ту сторону его, дорога столь дурна, что проѣхать конному невозможно. Для починки дороги были собраны окрестные крестьяне, но они на другой же день разбѣжались. Михельсонъ хотя и приказалъ собрать другихъ, но когда дорога будетъ исправлена, опредѣлить не могъ. «Какъ скоро, писалъ онъ князю Щербатову, мнѣ удастся изъ здѣшнихъ болотныхъ мѣстъ выбраться, то я надѣюсь помощію Божіею въ непродолжительномъ времени исполнить повелѣніе вашего сіятельства и въ тамошнихъ мѣстахъ установить старую тишину».

Починивъ мосты и переправившись черезъ р. Симъ, подполковникъ Михельсонъ пришелъ 5-го мая въ сел. Лемеши, гдѣ узналъ, что Бѣлобородовъ все еще стоитъ на Саткинскомъ заводѣ, а Пугачевъ на Бѣлорѣцкомъ [1]). 6-го числа Михельсонъ подошелъ къ Симскому заводу. Находившійся вблизи этого завода Салаватъ съ 500 человѣкъ башкирцевъ вышелъ на встрѣчу, съ намѣреніемъ занять ущелья между горами и остановить движеніе отряда, но былъ отброшенъ авангардомъ и бѣжалъ къ дер. Ераль (Юралъ), назначенную мѣстомъ сбора мятежниковъ и находившуюся въ 16 верстахъ отъ завода. Михельсонъ занялъ Симскій заводъ и, оставивъ въ немъ обозъ, въ ночь съ 7 на 8 мая, двинулся къ сел. Ераль (Юралъ), гдѣ не нашелъ уже мятежниковъ, и узналъ отъ жителей, что они собрались въ четырехъ верстахъ отъ деревни, на открытомъ полѣ, и тамъ, въ числѣ до 1,500 человѣкъ, ожидаютъ встрѣчи. Двигаясь по указанному направленію, Михельсонъ скоро увидѣлъ непріятеля, расположившагося нѣсколькими отдѣльными кучами, и приказалъ маіорамъ Харину и Тютчеву атаковать ихъ лѣвый флангъ, а самъ направился противъ праваго фланга. «Мы нашли, доносилъ онъ [2]), такое сопротивленіе, какого не ожидали: злодѣи, не уважая нашу атаку, прямо пошли намъ на встрѣчу; однако, помощію Божіею, по немаломъ отъ нихъ сопротивленіи были обращены въ бѣгъ». Разсыпавшись по полю, они были преслѣдованы на протяженіи 7 верстъ; спасаясь отъ преслѣдованія многіе

---

[1]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову, отъ 5 мая 1774 года. Москов. Главн. Шт., опись 47, кн. VIII.

[2]) Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 8 мая 1774 года. Москов. Арх. Штаба, опись 47, кн. VIII.

Михельсонъ 24 апрѣля началъ переправляться черезъ рѣку на приготовленныхъ паромахъ. Переправа эта производилась съ большими затрудненіями, и только на слѣдующій день онъ могъ собрать весь свой отрядъ въ селеніи Богородскомъ. Отсюда Михельсонъ двинулся по сибирской дорогѣ къ Симскому заводу, въ семи верстахъ отъ котораго стоялъ Салаватъ съ 3,000 башкирцевъ, а неподалеку отъ него, на Саткинскомъ заводѣ, находился атаманъ Бѣлобородовъ съ 1,000 человѣкъ и шестью орудіями. Онъ писалъ къ Салавату и другимъ башкирскимъ старшинамъ, чтобы они оставались вѣрными государю и готовились его встрѣтить.

Поставивъ главнѣйшею цѣлью своихъ дѣйствій разбить Салавата и Бѣлобородова и не допустить ихъ до соединенія съ Пугачевымъ, подполковникъ Михельсонъ сознавалъ, что это возможно лишь при быстротѣ дѣйствій. Но «нынѣшнее весеннее время, доносилъ онъ [1]), а особливо рѣки, изъ коихъ нѣкоторыя по большей части разливаются верстъ по семи и до десяти, дѣлаютъ немалую остановку». Кромѣ р. Уфы Михельсону приходилось переправляться черезъ р. Симъ и проходить по дорогѣ, на которой было до 73 мостовъ, теперь снесенныхъ водою и которые необходимо было возстановить. «Ежели черезъ сіе, доносилъ онъ князю Щербатову, моя экспедиція будетъ нѣсколько мѣшкотна, то прошу ваше сіятельство меня милостиво извинить. Кромѣ сего неудобства, я долженъ буду везти съ собою и на нѣсколько дней фуража».

Это послѣднее обстоятельство представляло немаловажныя затрудненія, если сказать, что при тогдашнемъ времени года Михельсону приходилось пройти болотное пространство въ 90 верстъ длиною. «Отъ худой дороги, доносилъ онъ [2]), почти вся моя артиллерія переломалась, а нынѣ, приближаясь къ р. Симъ, я имѣю новыя остановки. Паромы хотя трудами высланной мною команды и сдѣланы, однако р. Симъ разлилась столь широко, что двѣ версты по той сторонѣ вступила въ лѣсъ, а въ здѣшнюю сторону въ одну версту». По произведенной рекогносцировкѣ оказалось,

---

[1]) Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 25 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

[2]) Князю Щербатову, изъ дер. Кубовой, отъ 2 мая 1774 года. Тамъ же.

что, не доходя перевоза и по ту сторону его, дорога столь дурна, что проѣхать конному невозможно. Для починки дороги были собраны окрестные крестьяне, но они на другой же день разбѣжались. Михельсонъ хотя и приказалъ собрать другихъ, но когда дорога будетъ исправлена, опредѣлить не могъ. «Какъ скоро, писалъ онъ князю Щербатову, мнѣ удастся изъ здѣшнихъ болотныхъ мѣстъ выбраться, то я надѣюсь помощію Божіею въ непродолжительномъ времени исполнить повелѣніе вашего сіятельства и въ тамошнихъ мѣстахъ установить старую тишину».

Починивъ мосты и переправившись черезъ р. Симъ, подполковникъ Михельсонъ пришелъ 5-го мая въ сел. Лемеши, гдѣ узналъ, что Бѣлобородовъ все еще стоитъ на Саткинскомъ заводѣ, а Пугачевъ на Бѣлорѣцкомъ [1]). 6-го числа Михельсонъ подошелъ къ Симскому заводу. Находившійся вблизи этого завода Салаватъ съ 500 человѣкъ башкирцевъ вышелъ на встрѣчу, съ намѣреніемъ занять ущелья между горами и остановить движеніе отряда, но былъ отброшенъ авангардомъ и бѣжалъ къ дер. Ераль (Юралъ), назначенную мѣстомъ сбора мятежниковъ и находившуюся въ 16 верстахъ отъ завода. Михельсонъ занялъ Симскій заводъ и, оставивъ въ немъ обозъ, въ ночь съ 7 на 8 мая, двинулся къ сел. Ераль (Юралъ), гдѣ не нашелъ уже мятежниковъ, и узналъ отъ жителей, что они собрались въ четырехъ верстахъ отъ деревни, на открытомъ полѣ, и тамъ, въ числѣ до 1,500 человѣкъ, ожидаютъ встрѣчи. Двигаясь по указанному направленію, Михельсонъ скоро увидѣлъ непріятеля, расположившагося нѣсколькими отдѣльными кучами, и приказалъ маіорамъ Харину и Тютчеву атаковать ихъ лѣвый флангъ, а самъ направился противъ праваго фланга. «Мы нашли, доносилъ онъ [2]), такое сопротивленіе, какого не ожидали: злодѣи, не уважая нашу атаку, прямо пошли намъ на встрѣчу; однако, помощію Божіею, по немаломъ отъ нихъ сопротивленіи были обращены въ бѣгъ». Разсыпавшись по полю, они были преслѣдованы на протяженіи 7 верстъ; спасаясь отъ преслѣдованія многіе

[1]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову, отъ 5 мая 1774 года. Москов. Арх. Главн. Шт., опись 47, кн. VIII.

[2]) Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 8 мая 1774 года. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

башкирцы въ запальчивости заскакали въ болота и тамъ погибли. На мѣстѣ сраженія они оставили болѣе 300 тѣлъ, 17 плѣнныхъ и восемь пушекъ. Въ отрядѣ Михельсона было 8 убитыхъ нижнихъ чиновъ и ранены: 2 офицера и 17 нижнихъ чиновъ.

Оставаясь на полѣ сраженія, Михельсонъ не могъ опредѣлить направленія дальнѣйшихъ дѣйствій, главнымъ образомъ потому, что не зналъ въ точности, гдѣ находится наибольшее сборище мятежниковъ. По свѣдѣніямъ, Пугачевъ оставилъ Бѣлорѣцкій заводъ и пошелъ къ Магнитной крѣпости, Бѣлобородовъ также ушелъ съ Саткинскаго завода, но куда—неизвѣстно; въ окрестностяхъ Симскаго завода бродилъ старшина Аника съ 500 человѣкъ башкирцевъ, шедшій на помощь Салавату, но опоздавшій. Не разсѣявъ шайки Аники, доносилъ Михельсонъ [1]), «и не усмиря здѣшнихъ башкиръ, коихъ можетъ собраться тысячи съ три, въ здѣшнихъ мѣстахъ долженъ буду обращаться нѣсколько дней, пока все усмирю».

Получая свѣдѣнія, что мятежники группируются преимущественно у Катавскаго завода, Михельсонъ двинулся въ этомъ направленіи, захватилъ по дорогѣ много плѣнныхъ и атамана Сидора Башина. На всемъ пути слѣдованія селенія были пусты и жители выведены въ горы по приказанію Пугачева и по принужденію башкирцевъ, «которые хотѣли заводы жечь». Повѣсивъ въ «страхъ другимъ» атамана Сидора Башина, Михельсонъ объявилъ полное прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые вернутся въ свои дома, и самъ занялъ Усть-Катавскій заводъ.

Объявленіе подѣйствовало на населеніе: многіе старшины не только явились съ повинною, но Мендей Уразметевъ и Ильсигай Болтугаковъ обѣщали прислать въ отрядъ столько людей, сколько успѣютъ набрать [2]). Михельсонъ привелъ всѣхъ явившихся къ присягѣ, выдалъ нѣкоторымъ охранные листы, а самъ торопился выступить къ Саткинскому заводу, такъ какъ получилъ вѣрное извѣстіе, что Пугачевъ успѣлъ собрать толпу до 6,000 человѣкъ и захватилъ въ свои руки Магнитную крѣпость.

---

[1]) Въ рапортѣ кн. Щербатову, 5 мая 1774 г. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. VIII.

[2]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову 13 мая 1774 г. Тамъ же.

II.

Дѣятельность Пугачева послѣ бѣгства въ Башкирію. — Неизвѣстность гдѣ онъ находится. — Волненія въ Башкиріи. — Появленіе Пугачева у Магнитной крѣпости и овладѣніе ею. — Усиленіе мятежниковъ. — Занятіе ими Карагайской, Петропавловской, Степной и Троицкой крѣпостей. — Побѣда, одержанная Деколонгомъ у Троицкой крѣпости. — Приказъ полковника Ступишина. — Энергическая дѣятельность Михельсона по преслѣдованію Пугачева.

Послѣ неудачи подъ Сакмарскимъ-городкомъ, Пугачевъ съ небольшимъ числомъ своихъ приближенныхъ бѣжалъ въ сел. Ташлы, гдѣ и ночевалъ. Отсюда, по совѣту старшины Кинзи, самозванецъ отправился въ Башкирію, собралъ себѣ новую толпу и пришелъ на Вознесенскій заводъ. Лишившись большей части своихъ сотрудниковъ, составлявшихъ такъ-называемую «*военную коллегію*», онъ взялъ къ себѣ въ секретари казака Ивана Шундѣева, а въ повытчики Григорія Туманова. Оба они сочинили отъ имени самозванца указы къ башкирскимъ старшинамъ и заводскому населенію о наборѣ вооруженныхъ людей и присылкѣ ихъ въ станъ государя. Указы были подписаны Иваномъ Твороговымъ и переведены на башкирскій (татарскій) языкъ Григоріемъ Тумановымъ; на каждомъ изъ указовъ была приложена печать съ плохимъ изображеніемъ мнимаго императора Петра III и съ его титуломъ [1]).

Съ подобными же указами были разосланы гонцы съ требованіемъ, чтобы населеніе въ окрестностяхъ Челябы и Чебаркуля готовило фуражъ и печеный хлѣбъ для «персональнаго шествія его величества съ арміею [2])». Всѣ эти распоряженія принимались населеніемъ сочувственно, «и по тѣмъ указамъ, показывалъ Твороговъ, старшины и заводскіе прикащики давали людей охотно».

---

[1]) Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 505.

[2]) По составленному росписанію должно было быть заготовлено: въ Верхне-увельской крѣпости 30 четверт. овса и 200 пудовъ печенаго хлѣба; въ Коельской—20 четв. овса и 100 пуд. хлѣба; въ Кичигинской—15 четв. овса и 70 пуд. хлѣба; въ Нижне-увельской—30 четв. овса и 200 пуд. хлѣба; въ Еткульской—25 четв. овса и 150 пудовъ хлѣба; въ Еманжелинской—20 четв. овса и 100 пуд. хлѣба; всего 140 четвертей овса и 820 пудовъ хлѣба.

Пробывъ въ Вознесенскомъ заводѣ двое сутокъ и взявъ въ свою толпу всѣхъ годныхъ къ службѣ людей, Пугачевъ перешелъ на Авзяно-Петровскій Демидова заводъ, а затѣмъ на Бѣлорѣцкій заводъ, гдѣ и проводилъ всю святую недѣлю [1]).

Въ это время силы его состояли изъ толпы башкирцевъ, число которыхъ опредѣлить трудно, и изъ 400 человѣкъ заводскихъ вооруженныхъ крестьянъ, взятыхъ на заводахъ. На соединеніе къ нему шелъ разбитый подъ Екатеринбургомъ Иванъ Бѣлобородовъ, успѣвшій собрать по дорогѣ значительную толпу мятежниковъ. Прибывъ въ сел. Верхнія-Киги и встрѣтивъ тамъ посланныхъ Пугачева съ указами, Бѣлобородовъ выказалъ энергическую дѣятельность по формированію новыхъ силъ. Онъ разослалъ по разнымъ направленіямъ, преимущественно въ Кунгурскій уѣздъ, нѣсколькихъ башкирскихъ старшинъ и мещеряка Бахтіара Каныкаева и приказалъ имъ собирать войска и слѣдовать немедленно на Саткинскій Твердышева заводъ съ нимъ на соединеніе. Туда же приказалъ идти и сотнику Коновалову, находившемуся съ своею толпою въ Кунгурскомъ уѣздѣ.

«Напредъ сего, писалъ Бѣлобородовъ [2]), даннымъ отъ меня тебѣ, Коновалову, повелѣніемъ велѣно собрать разбѣгшихся и прочихъ казаковъ, явиться къ соединенію въ одинъ корпусъ, точію я тебя по сіе время въ наличіи не имѣю. О семъ опредѣлено изъ государственнаго военнаго корпуса къ вамъ, Коновалову, послать сей ордеръ и притомъ накрѣпко подтвердить, что какъ наивозможно, съ полученія сего, съ имѣющеюся при тебѣ командою, слѣдуй ко мнѣ, Бѣлобородову, въ Саткинскій заводъ для соединенія, ибо и батюшка нашъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ изволитъ слѣдовать въ здѣшніе края».

О томъ, гдѣ находился самозванецъ въ концѣ апрѣля ни Бѣлобородовъ, ни главнокомандующій, ни отрядные начальники въ точности не знали. Подполковникъ Михельсонъ доносилъ, что Пугачевъ нахо-

---

[1]) Показанія Пугачева и Василія Коновалова. Государственный Архивъ, VI, дд. № 505 и № 512.

[2]) Въ ордерѣ отъ 16 апрѣля 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 429.

дится на Авзяно-Петровскихъ заводахъ [1]). Князь Щербатовъ писалъ, что слухъ носится, будто онъ съ башкирцами уходитъ за Уралъ [2]), а генералъ-поручикъ Деколонгъ доносилъ, что 24 апрѣля онъ получилъ извѣстіе, будто бы Пугачевъ пришелъ въ Усть-Уйскую крѣпость, находившуюся въ 120 верстахъ отъ Троицкой и въ 100 верстахъ отъ Челябы. Это извѣстіе поставило Деколонга, находившагося въ сел. Бродокалмацкомъ, въ крайне тревожное состояніе. «Хотя я при себѣ войскъ имѣю двѣ полевыя команды, доносилъ онъ [3]), но на таковаго злодѣя рѣшиться при помощи Божіей не оставлю, предоставляя здѣшнія мѣста судьбинѣ Господней». Предполагая, что Пугачевъ имѣетъ силы «отважныя и отчаянныя», Деколонгъ ожидалъ отъ самозванца «могутнаго» стремленія на его войска и потому счелъ необходимымъ присоединить къ себѣ легкую полевую команду, шедшую къ Екатеринбургу, и отрядъ маіора Гагрина, находившійся въ Челябинскѣ.

«Что касается до Челябы, доносилъ Деколонгъ, которую по необходимости буде бы принужденно будетъ оставить, то какъ я прежними рапортами увѣрялъ и нынѣ повторяю: *сей городъ ничего нестоющій и нимало важнаго въ немъ не зависитъ, такъ какъ бы слобода себя содержитъ* и понапрасну войска въ немъ будутъ находиться». Находясь самъ всего въ 60 верстахъ отъ Челябинска, генералъ Деколонгъ не двигался съ мѣста и опасаясь, что Пугачевъ обрушится на него всѣми своими силами, предписалъ маіору Гагрину «къ походу состоять въ ежеминутной готовности» [4]). За три дня передъ тѣмъ Гагринъ получилъ письмо полковника Василія Бибикова, въ которомъ тотъ просилъ передать защиту Челябинска генералу Деколонгу, а самому съ отрядомъ идти на защиту Екатеринбурга [5]). Гагринъ рѣшительно не зналъ

---

[1]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову 25 апрѣля. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII.

[2]) Рапортъ князя Щербатова военной коллегіи 28 апрѣля 1774 года, изъ Казани. Тамъ же, книга IV.

[3]) Въ рапортѣ на имя Бибикова, отъ 24 апрѣля, № 705. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книги IV и VIII.

[4]) Предписаніе Деколонга Гагрину 24 апрѣля 1774 г. Тамъ же, кн. VIII.

[5]) Письмо полковника Бибикова Гагрину 21 апрѣля 1774 г. Московск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII.

кого ему спасать. Въ окрестностяхъ Екатеринбурга было все спокойно, полковникъ Василій Бибиковъ имѣлъ достаточныя силы, чтобы не только защищать городъ, но и водворить спокойствіе въ окрестностяхъ [1]). Деколонгъ также располагалъ гораздо бо́льшими силами чѣмъ Гагринъ, у котораго было всего 861 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и плохо вооруженныхъ жителей. Не зная какъ поступить, Гагринъ спрашивалъ главнокомандующаго къ кому ему идти на соединеніе: къ Деколонгу или Бибикову? или же оставаться въ Челябинскѣ до прибытія гарнизона [2]). Настойчивыя требованія Деколонга заставили однакоже маіора Гагрина не ожидать рѣшенія главнокомандующаго, и имѣя въ виду, что въ окрестностяхъ Челябинска «россійскій народъ, кромѣ иновѣрцевъ, по пришествіи въ прежнее повиновеніе, состоитъ въ должномъ порядкѣ, тишинѣ и спокойствіи», Гагринъ пошелъ на соединеніе съ Деколонгомъ [3]).

Такимъ образомъ, Челябинскъ былъ опять предоставленъ самозащитѣ, а Деколонгъ 3-го мая съ тремя легкими полевыми командами двинулся къ Чебаркульской крѣпости. Отсюда онъ прошелъ въ Верхне-Яицкую, гдѣ, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ дней, пропустилъ Пугачева, далъ ему возможность выбраться изъ горъ и вновь овладѣть цѣлымъ рядомъ крѣпостей.

Нѣсколько недѣль, проведенныхъ Пугачевымъ на Бѣлорѣцкомъ заводѣ, были употреблены имъ съ пользою. Разосланные эмиссары, указы и приказанія самозванца подняли всю Башкирію. Собираясь вооруженными толпами въ разныхъ мѣстахъ, башкирцы грабили селенія, заводы и намѣрены были идти на соединеніе съ самозванцемъ [4]). Посланный для успокоенія ихъ подполковникъ Лазаревъ доносилъ, что русскія селенія покорились, а башкирцы объ этомъ и не думаютъ [5]).

---

[1]) Въ Екатеринбургѣ находились: одна легкая полевая команда, горнозаводская и двѣ гарнизонныя роты, 500 человѣкъ вооруженныхъ рекрутъ и два орудія. Московс. Арх. Глав. Шт., опись 47 кн. VIII.

[2]) Рапортъ Гагрина на имя А. И. Бибикова 25 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

[3]) Въ рапортѣ князю Щербатову 3 мая 1774 г. Тамъ же.

[4]) Показаніе Мусесы Имангузова. Москов. Арх. Главн. Штаба, оп. 47, кн. III

[5]) Донесеніе Лазарева князю Щербатову, отъ 17 мая. Тамъ же, кн. IX.

Князь Щербатовъ по прибытіи своемъ въ Оренбургъ отправилъ башкирцамъ увѣщаніе, въ которомъ обѣщалъ полное прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые оставятъ самозванца и придутъ въ полное повиновеніе правительству.

«Знакомъ повиновенія требую отъ нихъ, доносилъ онъ [1]), дабы каждый старшина, собравъ съ своего вѣдомства, по возможности, нѣкоторое число людей, присоединился съ ними къ войскамъ вашего императорскаго величества, для истребленія какъ самого обольстившаго ихъ злодѣя, такъ и злыхъ его сообщниковъ. Между тѣмъ всѣмъ воинскимъ командирамъ предписалъ, дабы каждый, требуя исполненія сего отъ находящихся по близости его старшинъ, приказалъ въ виду своемъ производить сіе собраніе. Не повинующихся же захватывать и вмѣсто ихъ, по согласію народному, выбирать въ сіе званіе другихъ, болѣе къ должности подданнаго усердствующихъ».

Получивъ такое воззваніе, башкирцы собрались было въ нѣсколькихъ пунктахъ на совѣщаніе и высказывали желаніе покориться, но прибывшіе къ нимъ посланные самозванца и его воззванія измѣнили ихъ намѣреніе. Сторонники Пугачева осуждали дѣйствія правительства, указывали на жестокость и варварства мѣстныхъ властей и грозили истязаніемъ за теперешніе безпорядки. Собравшіеся на совѣщаніе помнили хорошо, что въ мартѣ одному изъ пойманныхъ въ Карагайской крѣпости башкирцевъ комендантъ полковникъ Фокъ приказалъ отрѣзать носъ, уши и на правой рукѣ всѣ пальцы. — Въ такомъ видѣ оперированный башкирецъ былъ выпущенъ изъ крѣпости «для воздержанія товарищей» и объявленія имъ, чтобы прекратить буйство, «въ противномъ случаѣ жестокой казни не минуютъ» [2]). Вожаки указывали также и на воззванія, обращенныя къ народу, въ которыхъ требовалась покорность и слышались только однѣ угрозы и

---

[1]) Во всеподд. рапортѣ, отъ 1 іюня 1774 года, № 3. Воен.-учен. арх., отд. I, д. № 104 (А), листъ 230.

[2]) Экстрактъ о происшествіяхъ послѣ разбитія Пугачева подъ Сакмарскимъ-городкомъ, представленный Рейнсдорпомъ при рапортѣ Военной коллегіи отъ 7 іюля 1774 г. Московс. Арх. Глав. Штаба, оп. 47 кн. IV.

въ будущемъ наказанія. Одно изъ такихъ воззваній принадлежитъ коменданту Верхне-Яицкой дистанціи.

«Башкирцы, живущіе около Верхне-Яицкой дистанціи! писалъ полковникъ Ступишинъ [1]). Вѣдомо мнѣ, что межь вами всякая дурость и шатаніе и вы ждете, что къ вамъ придетъ отъ Оренбурга съ великою силою оный воръ и самозванецъ Емелька, который, будучи простымъ казакомъ и изъ самаго подлаго рода, дерзнулъ назвать себя государемъ Петромъ III и вамъ якобы великія милости обѣщаетъ и *будете вы якобы жить безъ закона, какъ звѣри въ полѣ.* Я вамъ говорю — тому не вѣрьте и никакихъ милостей отъ вора не ждите; я вамъ говорю по долгу службы и присягѣ и по волѣ всемилостивѣйшей государыни нашей, отъ которой намъ должно ждать милости, а не отъ вора. Оный Емелька, увѣряю васъ, скоро войсками ея императорскаго величества будетъ пойманъ и достойную по дѣламъ казнь приметъ, да всѣ тѣ, кто его слушаетъ, также не жди себѣ пощады, всѣ также казнены будутъ. Ея императорское величество прощаетъ только тѣхъ, кто раскаяніе приноситъ, а не нераскаянныхъ злодѣевъ.

«Башкирцы! я знаю все, что вы замышляете; только знайте же и то: ежели до меня дойдетъ хоть какой слухъ, что вы, воры и шельмы, ждете къ себѣ тѣхъ воровъ и имъ кормъ и скотъ и себѣ стрѣлы и оружіе припасаете, то вы, шельмы этакіе, готовьте этотъ скотъ, барановъ и коровъ для меня съ командой, ибо я, услышавъ что-либо о вашей шалости, тотчасъ на васъ со всею моею командою изъ Верхне-Яицкой, Магнитной, Карагайской и Кизильской крѣпостей пойду и съ пушками, и тогда вы не ждите пощады: *буду васъ казнить, вѣшать за ноги и за ребра, дома ваши, хлѣбъ и сѣно подожгу и скотъ истреблю.* Слышите-ли? Если слышите, то бойтесь: я не люблю ни лгать, ни шутить. Вы меня знаете и я васъ очень хорошо знаю.

«Сего числа около Верхне-Яицкой пойманъ башкирецъ Зеутфундинка Мусинъ съ воровскими татарскими письмами отъ злодѣевъ и ко мнѣ оный башкирецъ приведенъ, и хотя онъ нѣмой,

---

[1]) Въ воззваніи, отъ 4 апрѣля 1774 года, № 274. *Оренбургскія Вѣдомости* 1868 года, № 33.

однакожь тѣми, имѣвшимися у него, воровскими письмами довольно приличается, и того ради я велѣлъ оныя письма, при народномъ собраніи, сжечь и сожжены отъ профоса, а тому вору-башкирцу велѣлъ я отрѣзать носъ и уши и къ вамъ ворамъ съ симъ листомъ отъ меня посылаю.

«Говорю вамъ, башкирцы, если впредь кто съ такими письмами будетъ пойманъ, *велю пытать накрѣпко, а также носъ и уши отрѣжу;* знайте же то, воры, и ужасайтесь! Вы народъ еще дикій и неразумный и мнѣ васъ жаль и я вамъ говорю именемъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни нашей, что всѣ тѣ, кто будетъ вѣренъ и къ злодѣямъ не пойдетъ и на жительствѣ останется или даже хотя и былъ въ злодѣйскихъ толпахъ, но чистосердечное Богу и ея императорскому величеству раскаяніе принесетъ, тотъ весьма помилованъ будетъ...

«Башкирцы! приказываю вамъ: если у васъ есть какія татарскія воровскія письма, выдать ихъ мнѣ; хуже будетъ, если найду самъ или самъ за ними къ вамъ приду; выдайте мнѣ, если есть люди кто ихъ вамъ разноситъ и васъ мутитъ, тоже хуже будетъ если приду самъ этихъ воровъ искать — не ждите пощады. Всего же лучше совѣтую вамъ, кто изъ васъ хочетъ быть благоразуменъ и истиннымъ вѣрноподданнымъ ея императорскаго величества, тотъ явись ко мнѣ въ Верхне-Яицкую въ комендантскую съ семьею и о своей вѣрности заяви мнѣ и я по усмотрѣнію или домой отпущу или оставлю на время въ крѣпостяхъ и дамъ вамъ мѣста, гдѣ кочевать, а неимущимъ и хлѣба дамъ. Вы думаете, и злодѣи васъ учатъ, что у меня хлѣба нѣтъ; мало-ли чего злодѣи ваши толкуютъ и письма свои воровскія шлютъ, только вы пожалѣйте сами себя, свой животъ и свои семейства, говорю вамъ толкомъ.

«Башкирцы! Ежели же вы, получа отъ меня листъ, который мною сего числа по всѣмъ крѣпостямъ Верхне-Яицкой дистанціи всенародно съ барабаннымъ боемъ объявленъ, воровскихъ писемъ и людей съ ними подосланныхъ не выдадите, или сами о покорности своей мнѣ не заявите, то я съ вами поступлю по власти мнѣ данной и безъ всякой пощады. Знайте, кто изъ васъ явится и о своей вѣрности ея императорскому величеству заявитъ ложно, тотъ *по великомъ истязаніи* будетъ казненъ смертію.

«Думайте! срокъ башкирамъ живущимъ близъ крѣпостей—три, а прочимъ — семь дней, иначе я буду съ вами по своему распоряжаться, какъ долгъ мой велитъ мнѣ».

Хотя послѣ такого воззванія и явилось къ Ступишину 330 семей, но впослѣдствіи башкирцы поддались вліянію вожаковъ и рѣшились отстаивать права мнимаго государя.

Въ Бѣлорѣцкій заводъ стекались отовсюду новыя толпы мятежниковъ, приходили по одиночкѣ заводскіе крестьяне, яицкіе казаки, успѣвшіе скрыться отъ преслѣдованія и пробравшіеся разными путями въ Башкирію, приходили калмыки, сакмарскіе и красногорскіе казаки и проч. Словомъ, къ началу мая Пугачевъ былъ окруженъ новою толпою отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ. Считая себя достаточно сильнымъ для того, чтобы вновь проявить свою дѣятельность, самозванецъ 2-го мая выступилъ изъ Бѣлорѣцкаго завода по направленію къ Верхне-Яицкой линіи, гдѣ его всего менѣе ожидали и гдѣ за малочисленностью гарнизоновъ онъ могъ разсчитывать на болѣе легкій успѣхъ.

Верхне-Яицкая дистанція состояла изъ крѣпостей Верхне-Яицкой, Магнитной, Карагайской и Кизильской. Во всѣхъ этихъ крѣпостяхъ, въ январѣ 1774 года, было до тысячи человѣкъ гарнизона и до 30 орудій [1]). Главнымъ пунктомъ всей дистанціи былъ Верхне-Яицкъ (нынѣ Верхне-Уральскъ), въ которомъ находился достаточный гарнизонъ, могущій оказать болѣе сильное сопротивленіе. Пугачеву же нуженъ былъ успѣхъ легкій, ибо толпа его въ это время состояла преимущественно изъ плохо вооруженныхъ башкирцевъ. Всякая неудача самозванца могла быть для него гибельною, тогда какъ успѣхъ въ овладѣніи крѣпостью могъ привлечь на его сторону даже и то населеніе, которое находилось въ выжидательномъ положеніи. Поэтому Пугачевъ не рѣшился идти на Верхне-Яицкую крѣпость, отстоявшую всего въ 50 верстахъ отъ Бѣлорѣцкаго завода, а избралъ для того Магнитную, находившуюся ниже, въ 70 верстахъ.

Предпринимая вновь наступательныя дѣйствія и стараясь уве-

---

[1]) Рапортъ полковника Ступишина военной коллегіи 10 января 1774 г. *Оренбургскія Вѣдомости* 1868 г., № 33.

личить свои силы, Пугачевъ приказалъ башкирскимъ старшинамъ прибыть къ нему въ Магнитную и атаману Бѣлобородову, съ его отрядомъ, идти къ нему на соединеніе.

«Вчерашняго числа, писала пугачевская коллегія Бѣлобородову [1]), къ тебѣ указъ посланъ о скоромъ съ своею командою и артиллеріею прибытіи къ его императорскому величеству подъ Магнитную крѣность. А сего числа присланные нарочно изъ Чебаркульской отъ полковника Михайловскихъ казакъ Антонъ Чехунинъ съ товарищемъ словесно его величеству донесли, что ты съ командою при тебѣ уже прослѣдовалъ въ Кундравинскую... По сему указу наистрожайше опредѣляется, съ полученія сего тотъ самый часъ выступить и секурсировать подъ Магнитную къ его величеству въ армію съ имѣющеюся при тебѣ артиллеріею, и по сему его величества указу чинить неупустительное исполненіе, не подвергая себя неупустительному штрафу. Его величество изъ Бѣлорѣцкой сего числа выступилъ и шествуетъ въ Магнитную».

Предавъ пламени Бѣлорѣцкій заводъ и проходя по селеніямъ, Пугачевъ обиралъ всѣхъ годныхъ лошадей, скотъ и запасы хлѣба [2]). Съ толпою около 5,000 человѣкъ онъ подошелъ 5-го мая къ Магнитной крѣпости и окружилъ ее со всѣхъ сторонъ. Бывшій за коменданта капитанъ Тихановскій встрѣтилъ мятежниковъ выстрѣлами и, при содѣйствіи жителей и гарнизона, до вечера отбивалъ всѣ атаки инсургентовъ. При всѣхъ усиліяхъ, Пугачевъ, не имѣя при себѣ артиллеріи, не могъ овладѣть Магнитною и самъ былъ легко раненъ въ руку. Съ наступленіемъ ночи, мятежники, раздѣленные на пять отрядовъ, подошли скрытно къ заплотамъ, успѣли ихъ разбить и въ 3 часа утра 6-го мая овладѣли крѣпостью, причемъ Тихановскій съ женою, священникъ и жена поручика Можаитинова были повѣшены [3]).

---

[1]) Отъ 2 мая 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 420.

[2]) Рапортъ генералъ Фреймана князю Голицыну 4 мая 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

[3]) Экстрактъ изъ дѣла о происшествіяхъ послѣ разбитія Пугачева подъ Сакмарскимъ-городкомъ, представленный Рейнсдорпомъ военной коллегіи при рапортѣ отъ 7 іюля 1774 года. Тамъ же, книга IV. Исправляя показаніе Пугачева и свидѣтельство Пушкина о комендантѣ Магнитной, г. Анучинъ (Воен. Сборн. 1871 г., № 3, стр. 231) самъ ошибается и впадаетъ въ противорѣчіе. Онъ говоритъ, что

Въ Магнитной Пугачевъ оставался дня два и былъ усиленъ прибытіемъ Бѣлобородова съ толпою и яицкими казаками, подъ начальствомъ атамана Овчинникова. Послѣдній, послѣ пораженія Мансуровымъ яицкихъ казаковъ на р. Быковкѣ, бѣжалъ съ сотникомъ Перфильевымъ и толпою въ 300 человѣкъ сначала къ Богуруслану, а потомъ къ Бугульмѣ, гдѣ и прорвались на новомосковскую дорогу. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, кружный путь до 300 верстъ отъ Оренбурга, Овчинниковъ и его сподвижники успѣли уйти въ Башкирію. Посланныя для преслѣдованія казаковъ команды не могли ихъ нагнать, потому что казаки въ каждомъ селеніи брали силою свѣжихъ лошадей, на которыхъ и скакали день и ночь [1]). Проходя по башкирскимъ селеніямъ, Овчинниковъ и Перфильевъ распускали слухъ, что за ними идутъ нѣсколько тысячъ донскихъ казаковъ и калмыковъ [2]).

Пугачевъ былъ чрезвычайно доволенъ прибытію своихъ старыхъ сотрудниковъ, приведшихъ къ нему 300 человѣкъ яицкихъ казаковъ и до 200 человѣкъ заводскихъ рабочихъ [3]). Здѣсь же явились къ самозванцу и вызванные имъ башкирскіе старшины. Онъ принималъ ихъ торжественно, стоя у палатки и окруженный знаменами. «На немъ была парчевая бекешъ, говоритъ Верхоланцевъ [4]), родъ казацкаго троеклина, сапоги красные, шапка сдѣлана изъ покрововъ церковныхъ, награбленныхъ его приверженцами, большею частію раскольниками и яицкими казаками».

Пугачевъ обошелся съ старшинами очень ласково, и зная ихъ ненависть къ русскимъ, предоставилъ полную свободу разорять всѣ крѣпости до основанія, обѣщая, что въ будущемъ вся земля въ Башкиріи будетъ принадлежать однимъ башкирцамъ и все русское населеніе будетъ выведено.

комендантъ былъ повѣшенъ, а затѣмъ на той же страницѣ упоминаетъ, что онъ пережилъ пугачевщину и былъ потомъ комендантомъ въ Верхнеуральскѣ. Разсказъ г. Мордовцева о взятіи Магнитной не имѣетъ никакой достовѣрности (См. «*Отеч. Записки*, 1868 г., № 8—10, глава VI).

[1]) Рапорты князя Голицына князю Щербатову 1 и 5 мая 1774 г. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга VIII.

[2]) Рапортъ кн. Голицына кн. Щербатову, отъ 6-го мая. Тамъ же.

[3]) Показанія Пугачева, Василія Коновалова, Ивана Творогова и Бѣлобородова. Госуд. Арх., VI, д. №№ 429, 505 и 512.

[4]) Чтенія въ Общес. Истор. и древностей 1862 г., кн. III.

Башкирцы широко воспользовались этимъ позволеніемъ. «Буйство сего народа, писалъ впослѣдствіи князь Щербатовъ, [1]) великія ихъ по всей Башкиріи собранія и явная преклонность къ злодѣю Пугачеву, о чемъ отвсюду непрестанно приходящія извѣстія подтверждаютъ и что успѣли уже они во многихъ мѣстахъ развить свои злодѣйства, выжегши нѣкоторые заводы, убивъ въ оныхъ по нѣсколько человѣкъ русскихъ и дерзаютъ многія команды окружать, препятствуютъ мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, не только узнать начало-ли мое увѣщеваніе производить въ нихъ свое дѣйствіе, но и получать рапорты какъ отъ дальнихъ преслѣдующихъ злодѣя деташементовъ, такъ и отряженныхъ отсюда для обузданія сего вѣтреннаго народа».

Въ теченіе пятнадцати дней кн. Щербатовъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ отрядовъ.

Между тѣмъ Пугачевъ захватилъ съ собою 4 пушки, найденныя въ Магнитной крѣпости и 8-го мая выступилъ по направленію къ Верхне-Яицкой крѣпости, но неудачи подъ Татищевой и Сакмарскимъ-городкомъ заставили его быть осторожнымъ и избѣгать до времени встрѣчи съ правительственными войсками. Поэтому, подходя къ Верхне-Яицкой крѣпости и узнавъ, что тамъ «*сидитъ*» Деколонгъ съ отрядомъ, Пугачевъ обошелъ Уральскими горами и уничтожая за собою всѣ мосты и переправы направился къ Карагайской. Какъ эта, такъ и всѣ остальныя крѣпости, лежавшія на пути слѣдованія мятежниковъ, находились почти въ беззащитномъ положеніи и оборонялись ничтожными гарнизонами.

Паденіе Магнитной произвело большой переполохъ во всей окрестности, а движеніе самозванца внутрь Башкиріи замаскировало его дальнѣйшія намѣренія. Многіе думали, что онъ спустился внизъ по Яику и пошелъ къ Кизильской крѣпости. Коменданты Уртазымской, Таналыцкой, Орской и даже Озерной крѣпости просили помощи у князя Голицына, предполагая, что Пугачевъ, по всей вѣроятности, намѣренъ вернуться къ Оренбургу [2]). Съ дру-

---

[1]) Во всеподд. донесеніи отъ 1-го іюня 1774 г. № 3 Воен.-учен. Арх. Отд., I, д. № 104 (А) листъ 231.

[2]) Рапортъ полковника Демарина князю Голицыну отъ 14 мая 1774 года. Московскій Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. VIII.

гой стороны, комендантъ Верхне-Яицкой дистанціи собралъ къ себѣ гарнизоны изъ Карагайской, Петропавловской и Степной крѣпостей, такъ что, когда Пугачевъ двинулся по этой линіи, то онъ не встрѣчалъ уже никакого сопротивленія и почти безпрепятственно овладѣлъ ими.

«По всей Оренбургской линіи, доносилъ Деколонгъ [1]), крѣпости, сколько я ихъ видѣлъ, ни одна не имѣла землянаго, ниже какого укрѣпленія». Всѣ онѣ были бо́льшею частію обнесены полусгнившимъ деревяннымъ заплотомъ, представлявшимъ весьма малое сопротивленіе. Бывшіе въ крѣпостяхъ гарнизоны и жители въ большинствѣ не имѣли оружія, а стоявшія на вооруженіи орудія не приносили вреда мятежникамъ. «Разбойничья сволочь, спѣшившись, писалъ Деколонгъ, когда фитиль наносится къ выстрѣлу, тогда падаетъ на землю, а по выстрѣлѣ стремглавъ бѣжитъ къ заплоту» и ломаетъ его.

Подойдя къ Карагайской крѣпости, Пугачевъ отправилъ Бѣлобородова уговорить гарнизонъ не сопротивляться. Гарнизона въ крѣпости совсѣмъ не было, потому что за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ былъ вызванъ въ Верхне-Яицкую крѣпость, а въ Карагайской было нѣсколько человѣкъ отставныхъ, да и то очень старыхъ и дряхлыхъ, смотрителемъ надъ которыми былъ оставленъ прапорщикъ Вавиловъ. Послѣдній не считалъ возможнымъ сопротивляться и Пугачевъ занялъ крѣпость, взялъ въ ней годныя пушки, $1^1/_2$ пуда пороха, сжегъ всѣ строенія и провіантъ, который не могъ взять съ собою, и пошелъ далѣе [2]).

Точно также поступилъ самозванецъ съ крѣпостями Петропавловскою и Степною, редутами Подгорнымъ и Санарскимъ. Казнивъ смертію большую часть захваченныхъ въ плѣнъ офицеровъ, Пугачевъ «храмы Божіи выжегъ, въ образа святые отъ богоотступниковъ стрѣляно, а другіе ими и кашу варили».

19-го мая самозванецъ овладѣлъ Троицкою крѣпостью. Комендантъ бригадиръ де-Фейерваръ и 4 офицера были убиты, казна и имущество жителей разграблены. Мятежники злодѣйствовали

---

[1]) Въ рапортѣ военной коллегіи 4 іюня 1774 года, № 999. Тамъ же, кн. IV.
[2]) Показаніе Бѣлобородова 30 іюля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 429.

ужасно: жену Фейервара они привязали къ лошадиному хвосту и таскали по улицамъ; многихъ солдатъ и жителей выстроили въ шеренгу и перекололи копьями. Пугачевъ не рѣшился оставаться долго въ крѣпости, а предпочелъ остановиться въ 1½ верстахъ отъ нея, чтобы въ случаѣ атаки правительственными войсками имѣть всѣ средства къ побѣгу. Онъ зналъ, что столкновеніе это неизбѣжно и что по слѣдамъ его идетъ Деколонгъ съ своимъ отрядомъ. Но какъ самозванецъ, писалъ послѣдній [1]), «проклятыя свои силы имѣетъ конныя и несказанную взялъ злобу, по причинѣ полученнаго себѣ, будучи при атакѣ Магнитной крѣпости, въ руку блесированія (раненія), такъ скоро свой маршъ расположилъ, что я не могъ уже его тутъ (въ Карагайской) застать».

Уничтоженіе мятежниками запасовъ и мостовъ на дорогахъ заставило Деколонга отказаться отъ слѣдованія по этому пути и, поворотивъ на Уйскую крѣпость, онъ пошелъ черезъ Санарскій редутъ прямо къ Троицкой крѣпости, гдѣ и настигъ Пугачева. Въ Санарскомъ редутѣ онъ нашелъ множество брошенныхъ здѣсь плѣнныхъ, захваченныхъ Пугачевымъ въ пройденныхъ имъ крѣпостяхъ. Жены и дѣти офицеровъ были въ такомъ состояніи, «что оныхъ отличить отъ деревенскихъ самыхъ подлыхъ стряпушекъ, поутру около печей обращающихся», было невозможно. Большая часть ихъ была босикомъ и покрыта рубищемъ. Оставленные безъ пищи и крова, лишившіеся мужей и отцовъ, повѣшенныхъ самозванцемъ, плѣнные, число которыхъ доходило до трехъ тысячъ человѣкъ, возбуждали такое къ себѣ сочувствіе, что тотчасъ же были разобраны солдатами, накормлены, напоены и по возможности прикрыты. Бѣдствія и лишенія, испытанныя ничѣмъ неповинными женщинами и дѣтьми, возбуждали въ солдатахъ ненависть къ мятежникамъ и не смотря на то, что отрядъ, со дня выступленія 15-го мая изъ Верхне-Яицкой крѣпости, двигался форсированными маршами, дѣлая въ сутки по 60 и болѣе верстъ, Деколонгъ рѣшился атаковать Пугачева, стоявшаго въ 1½ верстахъ отъ Троицкой крѣпости съ толпою до 10,000 человѣкъ.

---

[1]) Въ письмѣ генералу Рейнсдорпу отъ 26 мая 1774 года. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

Въ 7 часовъ утра 21-го мая Деколонгъ подошелъ къ лагерю мятежниковъ и былъ встрѣченъ сначала огнемъ изъ орудій, а затѣмъ Пугачевъ атаковалъ отрядъ всѣми своими силами. Атака многочисленной, но нестройной толпы не имѣла успѣха, и лишь только Деколонгъ успѣлъ оправиться отъ перваго впечатлѣнія атаки и перешелъ въ наступленіе, инсургенты, по преимуществу башкирцы, тотчасъ же обратились въ бѣгство. Самъ Пугачевъ бѣжалъ съ нѣсколькими казаками и былъ преслѣдованъ поручиками Петромъ Беницкимъ и Иваномъ Борисовымъ съ казаками и драгунами. Беницкій находился уже шагахъ въ пятнадцати отъ самозванца, но тотъ ѣхалъ на свѣжей лошади, а лошади преслѣдователей были измучены и погоню пришлось прекратить [1]). Раздробившись на мелкія партіи, мятежники бросались по разнымъ дорогамъ. Маіоры Гагринъ и Жолобовъ преслѣдовали ихъ столь энергично, «что лежащихъ мошенническихъ труповъ на четырехъ слишкомъ верстахъ перечесть было невозможно». Здѣсь Пугачевъ лишился своего секретаря казака Ивана Шундѣева и повытчика Григорія Туманова. Самозванецъ потерялъ, по донесенію Деколонга, 28 орудій, 4,000 убитыми и 70 человѣкъ плѣнными; у него отбито 3,663 человѣка разнаго званія людей, въ числѣ коихъ были женщины и дѣти, захваченныя мятежниками въ пройденныхъ ими крѣпостяхъ. Сверхъ того, былъ захваченъ огромный обозъ съ награбленными вещами, «изъ котораго войска, что кто могъ захватить, *сытно воспользовались* за свои труды и усердность къ службѣ Ея Императорскаго Величества [2])».

Пугачевъ скрылся. Куда онъ бѣжалъ и гдѣ появится вновь—было неизвѣстно. Начальникъ Верхне-Яицкой дистанціи, полковникъ Ступишинъ, разослалъ повсюду гонцовъ съ приказаніемъ, чтобы коменданты подчиненныхъ ему крѣпостей готовились къ оборонѣ. Онъ отправилъ къ нимъ копію съ слѣдующаго приказа отданнаго имъ на другой день послѣ пораженія мятежниковъ подъ Троицкою крѣпостью.

---

[1]) Изъ прошлаго. *Историческій Вѣстникъ* 1881 г., т. V, № 7, стр. 674.

[2]) Ордеръ Деколонга генералъ-маіору Скалону 27 мая 1774 г. *Историческій Вѣстникъ*, 1881 г., т. V, № 7, стр. 674.

«Военно-служащіе и жители Верхне-Яицкой крѣпости! писалъ полковникъ Ступишинъ [1]). Божіимъ попущеніемъ и въ казнь за грѣхи наши и наше нераскаяніе посылаются велѣніемъ Божіимъ на насъ: напрасная смерть, потопы, глады и губительства, какъ сказано въ св. писаніи, и нынѣ все сіе надъ нами ясно совершается.

«Не безъизвѣстно всѣмъ вѣрноподданнымъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшей государыни нашей жителямъ Оренбургской губерніи, какъ то явствуетъ изъ прежде распубликованныхъ указовъ, объявленныхъ всенародно въ церквахъ и читанныхъ публично въ городахъ и крѣпостяхъ, что злодѣй вѣроотступникъ, бѣглый колодникъ и раскольникъ донской казакъ Емелька Пугачевъ, выдавъ себя за блаженныя и вѣчно достойныя памяти въ Бозѣ почившаго государя Петра III, возмутилъ сначала яицкихъ казаковъ, забывшихъ Бога и страшнаго Его суда прещенія и приставшихъ къ тому злодѣю самозванцу, вѣроотступнику Емелькѣ».

Говоря, что Пугачевъ потерпѣлъ пораженіе подъ Оренбургомъ, скрылся въ Башкирію, возмутилъ туземное населеніе, Ступишинъ прибавлялъ, что теперь самозванецъ намѣренъ идти по Уральской линіи побрать крѣпости, «а жителей перебить, а которыхъ вмѣстѣ съ землями киргизамъ отдать».

«Злодѣй Емелька манитъ многихъ обѣщаніями, но кто же, спрашивалъ Ступишинъ, помня Бога и присягу, повѣритъ ему, опричь такихъ же воровъ, вѣроотступниковъ, шельмъ, какъ онъ самъ. Въ здѣшнихъ, Оренбургской губерніи, городахъ и крѣпостяхъ не мало есть, какъ отъ шляхетства, такъ и солдатства, особливо проживающихъ въ отставкѣ, которые служили въ Петербургѣ въ лейбъ-гвардіи полкахъ и блаженной памяти императора Петра III помнятъ, да и того вора Емельку видали и подъ присягою говорили, что Емелька воръ и самозванецъ.

«Если Божіимъ попущеніемъ онъ, воръ, злодѣй Емелька, придетъ къ Верхне-Яицкой крѣпости, станемъ всѣ отъ мала до ве-

---

[1]) Въ ордерѣ отъ 22 мая 1774 года по Верхне-Яицкой и прочимъ крѣпостямъ. *Памятная книжка Оренбургской губерніи* на 1865 г.

лика, *кто въ силѣ поднять хоть камень*, а живыми не дадимся въ руки злодѣя, не дадимъ ему ругаться храмомъ Божіимъ, женами и дѣтьми нашими.

«Первый умру за вѣру и государыню я, комендантъ, и всѣ мои подначальные офицеры; надѣюсь, что не постыдятъ себя за начальными людьми и солдаты.

«Будемъ живы, отразимъ злодѣя и наградитъ насъ Богъ и ея императорское величество, а погибнемъ — то яко мученики обрѣтемъ вѣнецъ нетлѣнный. Оружія у насъ довольно, свинцу и провіанту тоже, солдаты молодцы. Кто изъ жителей хочетъ оружія, требуй пороха и свинца изъ комендантской канцеляріи. Между нами, какъ отъ солдатъ служащихъ и отставныхъ, нѣтъ измѣнниковъ и трусовъ, а если такіе есть — я не держу, иди въ вѣчную гибель и къ злодѣю Емелькѣ, только назадъ такого не приму и съ повинною, а по власти мнѣ данной, таковой злодѣй будетъ весьма лишенъ живота.

«Предписываю воинскимъ начальникамъ и жителямъ ввѣренной мнѣ дистанціи крѣпко смотрѣть за ворами-башкирцами и киргизами, пріѣзжающимъ будто бы на торгъ, не переметчики-ли они и нѣтъ-ли у нихъ какихъ воровскихъ писемъ? Буде каковые окажутся, то брать и представлять въ комендантскую канцелярію.

«Ордеръ сей прочитать по ротамъ и капральствамъ и объявить по Верхне-Яицкой крѣпости и прочимъ крѣпостямъ съ барабаннымъ боемъ».

Спустя нѣсколько дней было получено извѣстіе, что разсѣянные подъ Троицкою толпы мятежниковъ вновь соединились и Пугачевъ съ бо́льшею частію своей толпы ушелъ по челябинской дорогѣ на Нижне-Увельскую слободу, которую разграбилъ и выжегъ до 90 дворовъ. Преслѣдуемый маіорами Гагринымъ и Жолобовымъ, отправленными по дорогѣ къ Чебаркульской крѣпости, Пугачевъ проскакалъ черезъ Кичигинскую крѣпостцу, захватилъ тамъ 50 казаковъ и направился къ Коельской крѣпости, гдѣ наткнулся на отрядъ подполковника Михельсона [1]).

---

[1]) Рапортъ Декозанга военной коллегіи отъ 4 іюня 1774 года, № 998. Письмо его генералу Рейнсдорпу отъ 26 мая 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, описи 47, кн. IV.

Прибывъ въ Саткинскій заводъ 15-го мая и узнавъ о приближеніи Пугачева къ Коельской крѣпости, Михельсонъ 16-го числа выступилъ прямою дорогою къ вершинамъ р. Яика, желая выдти на встрѣчу самозванцу,—и 17 мая остановился неподалеку отъ Уральскихъ горъ, въ вершинахъ р. Ай, верстахъ въ 70 отъ Саткинскаго завода. Отсюда онъ выслалъ разъѣзды для полученія свѣдѣній о непріятелѣ, отъ которыхъ узналъ, что въ семи верстахъ отъ отряда, въ глубинѣ горъ, стоитъ толпа башкирцевъ до тысячи человѣкъ. Выславъ авангардъ, Михельсонъ двинулся впередъ и скоро замѣтилъ, что башкирцы, спѣшившись, расположились по высотамъ и намѣрены задержать отрядъ въ тѣсномъ проходѣ. Не желая атаковать непріятеля въ лобъ, Михельсонъ отправилъ въ обходъ горы 150 человѣкъ кавалеріи, и лишь только она показалась въ тылу непріятеля, онъ перешелъ въ наступленіе съ главными силами. Принятые въ два огня, башкирцы дрались отчаянно. Подъ защитою кольчугъ и латъ, сдѣланныхъ изъ заводской жести, мятежники бросались на отрядъ «съ великимъ бѣшенствомъ», но должны были уступить регулярнымъ войскамъ и, потерявъ до 300 человѣкъ убитыми, оставили свою позицію и разсыпались въ разныя стороны. Лишившись 18 человѣкъ убитыми и 45 человѣкъ ранеными [1]), самъ Михельсонъ приписывалъ столь значительную потерю упорству, съ которымъ дрались башкирцы. «Живыхъ злодѣевъ, доносилъ онъ [2]), я едва могъ получить два человѣка, изъ забѣжавшихъ въ озеро. Каждый изъ сихъ варваровъ кричалъ, что лучше хочетъ умереть нежели сдаться. Я не могу понять причины жестокосердія сихъ народовъ. Злодѣй Пугачевъ оныхъ хотя и увѣрилъ, что будутъ всѣ переведены (истреблены), однако, чтобъ имъ показать противное, я не только каждаго, который ко мнѣ попадался, оставлялъ безъ всякаго наказанія, но и давалъ имъ нѣсколько денегъ и отпущалъ оныхъ съ манифестами и увѣщаніями въ ихъ жилища».

Очистивъ себѣ путь горами, Михельсонъ въ тотъ же день прибылъ въ Кундравинскую слободу. Здѣсь онъ узналъ о разбитіи

[1]) Въ числѣ убитыхъ былъ Чугуевскаго полка поручикъ Замошниковъ.

[2]) Въ рапортѣ кн. Щербатову, отъ 22 мая 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга IX.

[illegible] Михельсонъ лишь только [illegible] увидѣлъ [illegible] Михельсонъ [illegible] удобное мѣсто [illegible]

[illegible] Въ это время Пу[illegible] Михельсона [illegible] Михельсонъ [illegible] въ атаку и [illegible] кавалерія. Одновременно [illegible] Михельсона на [illegible] казаковъ рѣшили [illegible] первыхъ, а его примѣру [illegible] Михельсономъ болѣе 15 [illegible] человѣкъ убитыми и около [illegible] заводскихъ крестьянъ. Они [illegible] продовольственныхъ припа[illegible] голубая лента установ-

[illegible] Московск. Арх. Главнаго

леннаго Пугачевымъ ордена, которую онъ надѣвалъ на себя въ торжественныхъ случаяхъ [1]). Переночевавши на мѣстѣ сраженія и предполагая, что Пугачевъ снова бросится на заводы, чтобы набрать тамъ ополченіе и соединиться съ башкирцами, Михельсонъ двинулся къ Чебаркульской крѣпости, куда, по слѣдамъ самозванца, слѣдовали также отряды маіоровъ Жолобова и Гагрина.

Узнавъ въ Чебаркулѣ, что Пугачевъ находится въ 20 верстахъ за р. Коельгою и желая окружить его со всѣхъ сторонъ, Михельсонъ просилъ Жолобова и Гагрина продолжать движеніе, а самъ повернулъ на Златоустовскій заводъ. Такимъ образомъ, если бы самозванецъ повернулъ въ правую сторону къ Кыштымскому заводу, то онъ натыкался на отрядъ Деколонга, въ лѣвую сторону—на отрядъ Михельсона; позади же себя имѣлъ отряды Жолобова и Гагрина. Будучи охваченъ съ трехъ сторонъ, доносилъ Михельсонъ [2]), «злодѣй останется у насъ въ срединѣ и къ одному или другому изъ насъ попасться долженъ».

Слѣдуя къ Златоустовскому заводу, Михельсонъ 25 мая наткнулся въ лѣсу на башкирскіе коши, увѣщевалъ ихъ отстать отъ самозванца и, оставивъ ихъ въ покоѣ, обѣщалъ 10,000 руб. тому, кто поймаетъ Пугачева. Двигаясь далѣе, отрядъ остановился на ночлегъ, въ 7 верстахъ отъ Златоустовскаго завода за горами, и узналъ, что на заводъ пріѣзжало человѣкъ 100 яицкихъ казаковъ набирать ополченіе и объявляли, что Пугачевъ съ 2,000 человѣкъ идетъ на Саткинскій заводъ, гдѣ его ожидаетъ значительная толпа башкирцевъ подъ начальствомъ Салавата. Михельсонъ тотчасъ же повернулъ на Саткинскій заводъ, куда и прибылъ на разсвѣтѣ 27-го мая. Тамъ было дѣйствительно большое сборище башкирцевъ, но при появленіи отряда они стали быстро отступать. «Хотя, доносилъ онъ, болѣе 20 верстъ отряженнымъ мною маіоромъ Харинымъ и были преслѣдованы, однако догнать ихъ было невозможно. По слѣдамъ видно было, что они чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разсыпались и напослѣдокъ слѣдъ пропалъ». Башкирскій

---

[1]) Въ журналѣ дѣйствій отряда Михельсона между прочимъ записано: «Сказываютъ, что орденъ сей назывался *черная борода*».

[2]) Въ рапортѣ кн. Щербатову, отъ 27 мая 1774 г. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

старшина Анчигулъ съ 500 человѣкъ направился къ дер. Киги, на кунгурской дорогѣ, а Салаватъ съ толпою до тысячи человѣкъ,— на Симскій заводъ, который былъ разграбленъ, весь выжженъ и до 102 человѣкъ жителей умерщвлено. По дорогѣ къ Симскому заводу Салаватъ распускалъ слухъ, что Пугачевъ разбилъ Михельсона и обѣщалъ 300 рублей награды тому, кто доставитъ ему послѣдняго [1]).

На Саткинскомъ заводѣ Михельсонъ узналъ, что, вопреки увѣренію и обѣщанію Деколонга, отрядъ Жолобова не пошелъ къ Кыштымскому заводу, а повернулъ къ Чебаркулю и Кундравамъ и найдя ихъ разоренными и выжженными, пошелъ къ Челябѣ.

Жолобовъ говорилъ, что пересѣченная дорога и переправы черезъ двѣ рѣки заставили его отказаться отъ движенія къ Кыштымскому заводу, а между тѣмъ такое измѣненіе въ направленіи отрядовъ дало возможность Пугачеву, почти о-бокъ съ войсками, усилиться, произвести новые грабежи и разоренія.

Сожалѣя о такой бездѣятельности войскъ Деколонга и не имѣя никакихъ извѣстій о дѣйствіяхъ отряда князя Голицына, Михельсонъ рѣшился преслѣдовать Салавата и двинуться на Красноуфимскъ, «дабы въ случаѣ, ежели бы Пугачевъ, писалъ онъ, сверхъ моего чаянія, вновь могъ усилиться, я былъ бы въ состояніи его встрѣтить, не допущая до Екатеринбурга».

Необходимость исправить артиллерію, запастись продовольствіемъ, а главное дать нѣкоторый отдыхъ отряду, преслѣдовавшему непріятеля безъ отдыха въ теченіе сорока дней, заставили Михельсона сдѣлать дневку, которая и была первою со дня выступленія его изъ гор. Уфы [2]).

30 мая Михельсонъ выступилъ къ Симскому заводу и подойдя

---

[1]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову, отъ 8 іюня 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IX.

[2]) Въ это время въ отрядѣ Михельсона находились: команды Томскаго и Вятскаго пѣхотныхъ полковъ, перваго фузилернаго полка и по одному эскадрону С.-Петербургскаго карабинернаго, Архангелогородскаго карабинернаго, Изюмскаго гусарскаго и Чугуевскаго казачьяго полковъ, эскадронъ, сформированный казанскимъ купечествомъ и команда мещеряковъ подъ начальствомъ старшины Султана Мурада Янышева. За все время дѣйствій отрядъ потерялъ: 40 человѣкъ убитыми, 140 человѣкъ ранеными и 140 лошадей выбывшими изъ строя.

къ переправѣ на р. Ай, нашелъ ее уничтоженною, паромы изрубленными, а горы, на противоположномъ берегу, занятыми башкирцами, въ числѣ 800 человѣкъ подъ начальствомъ Салавата, надѣявшагося задержать здѣсь отрядъ и нанести ему пораженіе. На разсвѣтѣ 31-го мая Михельсонъ отыскалъ мѣсто, удобное для переправы въ бродъ, приказалъ срыть часть берега, выставилъ всѣ орудія, бывшія при отрядѣ и, подъ прикрытіемъ ихъ огня, началъ переправу. Сначала перешла пѣхота, за нею орудія и ящики съ вынутыми зарядами, а потомъ кавалерія. Утвердившись на противоположномъ берегу, Михельсонъ приказалъ пѣхотѣ штурмовать горы, а кавалеріи зайти непріятелю въ тылъ. Башкирцы оставили свои позиціи и были преслѣдованы на протяженіи 20 верстъ, причемъ потеряли до 150 человѣкъ убитыми и 3-хъ взятыми въ плѣнъ [1]). Михельсонъ остановился лагеремъ на мѣстѣ сраженія и, за неимѣніемъ никакихъ извѣстій о непріятелѣ, 2 іюня подошелъ къ дер. Кигамъ.

Находясь еще на Саткинскомъ заводѣ, онъ получилъ донесеніе изъ Чебаркуля, Кундравовъ и Златоустовскаго завода, что о Пугачевѣ ничего не слыхать и гдѣ онъ находится—неизвѣстно. Между тѣмъ Пугачевъ простоялъ спокойно четыре дня на р. Міасѣ, усилилъ свое сборище до 2,000 человѣкъ, сжегъ Чебаркуль, Кундравинскую слободу, Златоустовскій и Саткинскій заводы, и 3 іюня совершенно неожиданно атаковалъ Михельсона. Послѣдній встрѣтилъ мятежниковъ контръ-атакою, сломилъ ихъ и приказалъ кавалеріи преслѣдовать бѣгущихъ. Подвигаясь самъ за кавалеріею, онъ отдѣлился отъ обоза версты на полторы, когда получилъ извѣстіе, что обозъ атакованъ и окруженъ еще большею толпою мятежниковъ, подошедшихъ съ тыла подъ начальствомъ самого Пугачева и что отступавшіе башкирцы, получивши подкрѣпленіе, снова переходятъ въ наступленіе. Поручивъ маіору Харину съ частію отряда и двумя орудіями удерживать наступавшихъ башкирцевъ, самъ Михельсонъ съ остальными войсками бросился къ обозу. Послѣ весьма горячей схватки Пугачевъ былъ отбитъ и, преслѣдуемый, скрылся въ

---

[1]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову, отъ 1 іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

горахъ, въ вершинахъ рѣки Ай, оставивъ на полѣ сраженія до 400 тѣлъ. Лишившись 23 человѣкъ убитыми и 16 ранеными [1]), Михельсонъ считалъ потерю мятежниковъ незначительною и сожалѣлъ, «что съ малою моею командою, отягощенною ранеными и больными, почти остаюсь во всѣхъ мѣстахъ единственно дѣйствующій корпусъ, не видя отъ прочихъ, мнѣ равныхъ, никакой помощи» [2]). Генералъ Фрейманъ со своимъ отрядомъ стоялъ въ Кизильской крѣпости почти безъ всякой дѣятельности. Онъ присоединилъ къ отряду Тимашева небольшую команду подъ начальствомъ капитана Краевича и поручилъ имъ преслѣдовать башкирцевъ, скрывавшихся въ Уральскихъ горахъ по направленію къ Зелаирской крѣпости. Гдѣ находился Пугачевъ, генералъ Фрейманъ не зналъ и въ то время, когда самозванецъ дрался съ Михельсономъ, Фрейманъ двинулся къ Верхне-Яицкой крѣпости, такъ какъ 4 іюня получилъ рапортъ коменданта той крѣпости Ступишина, будто Пугачевъ съ 7,000 человѣкъ стоитъ отъ него всего въ 12 верстахъ [3]).

Не болѣе дѣятельнымъ былъ и Деколонгъ. Онъ писалъ длинные рапорты, хвастался своими успѣхами и обѣщалъ въ будущемъ сдѣлать многое, но съ мѣста не сдвигался. «Ваше сіятельство, писалъ онъ князю Щербатову [4]), изволите вспоминать и заботите себя объ Екатеринбургскомъ вѣдомствѣ, оное я, какъ вамъ уже извѣстно давно, прикрылъ на отраженіе злодѣя своими войсками и извольте быть увѣренными: гдѣ только нужда потребуетъ я могу съ такими силами успѣть, упущенія не сдѣлаю, а стараюсь усердно во всѣ мѣста давать помощь безъ всякаго подкрѣпленія. Но теперь изволите изъ всѣхъ обстоятельствъ и довольно вамъ и нынѣ изъявленныхъ видѣть, *какое число войскъ я имѣю?*»

Опять жалоба на недостатокъ средствъ, и слѣдовательно законный предлогъ къ бездѣятельности!

---

[1]) Въ числѣ раненыхъ былъ храбрый волонтеръ-полякъ Врублевскій, получившій семь ранъ копьями и стрѣлами.

[2]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову 3 іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

[3]) Рапортъ Фреймана князю Щербатову 4 іюня 1774 года, № 35. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

[4]) Въ письмѣ, отъ 21 іюня 1774 года. Тамъ же, книга X.

Одинъ только Михельсонъ не считалъ силъ ни своихъ, ни вражьихъ, не стѣснялся препятствіями мѣстности и неутомимо преслѣдовалъ непріятеля.

На утро, послѣ боя у дер. Киги, онъ узналъ, что Пугачевъ почевалъ всего въ 15 верстахъ отъ отряда и переправляется на противоположную сторону р. Міаса. Михельсонъ тотчасъ же двинулся на перерѣзъ пути, и лишь только появился въ виду мятежниковъ, какъ Пугачевъ самъ атаковалъ его, но потерялъ отъ 70 до 100 человѣкъ, былъ разбитъ и преслѣдованъ «елико мѣсто, доносилъ Михельсонъ [1]), и утомленные мои кони позволяли».

Имѣя при себѣ значительный обозъ съ ранеными, больными и артиллеріею, Михельсонъ сознавалъ, что угоняться за мятежниками ему невозможно. Имѣя въ виду что Пугачевъ имѣлъ при себѣ не болѣе 300 человѣкъ бурлаковъ и яицкихъ казаковъ, что вблизи этихъ мѣстъ долженъ былъ находиться отрядъ генерала Фреймана, «а кунгурская и екатеринбургская стороны довольно прикрыты корпусомъ Деколонга, Михельсонъ рѣшился повернуть на дер. Ераль (Юралъ) и идти къ Хлынову, куда, по извѣстіямъ, намѣренъ былъ направиться Пугачевъ для захвата пороху и артиллеріи.

Двигаясь прямымъ путемъ черезъ Симскій заводъ на село Богородское и далѣе на городъ Уфу, Михельсонъ надѣялся въ послѣднемъ пунктѣ укомплектоваться лошадьми и боевыми припасами, въ которыхъ ощущалъ «великій недостатокъ». Слѣдуя изъ города Уфы къ Бирску, Михельсонъ надѣялся перерѣзать Пугачеву путь и не допустить его въ приволжскія губерніи.

«Ежели же то точная правда, доносилъ онъ [2]), что злодѣй пойдетъ къ Хлынову, куда ему, по тамошнимъ великимъ лѣсамъ, пробираться весьма способно, то не иначе думаю, что станетъ пробираться черезъ р. Каму на Волгу. Около Хлынова, сказываютъ, множество крестьянъ и называютъ ихъ великими плутами. Чтобы башкирцы самозванца Пугачева, а особливо уральскіе, столь далеко стали провожать, я не надѣюсь».

---

[1]) Въ рапортѣ князю Щербатову отъ 8 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

[2]) Тамъ же.

требуютъ поправленія. Ежели это правда, *то не худо бы на него немного покричать*».

Шетневъ отвѣчалъ, что слухи ложны и донесенія на него сдѣланныя невѣрны.

«Преспективой дороги я никогда дѣлать не зачиналъ, отвѣчалъ онъ князю Вяземскому [1]), а было нижеслѣдующее: 1) въ полученномъ о строеніи гор. Воронежа и Высочайше апробованномъ планѣ, въѣздъ въ оный городъ съ московской стороны саженъ 200 отъ прежде бывшей дороги; а гдѣ былъ прежній въѣздъ, тутъ (велѣно) сдѣлать валъ и въѣзду на томъ мѣстѣ быть не положено; 2) по тому, назначенному отъ Москвы, въѣзду и дорогу на старую привесть необходимо принуждено; 3) по именному указу, данному бывшему губернатору, Высочайше повелѣно около дорогъ обсадить березки, коихъ, по прибытіи моемъ, ни одного дерева не найдено, а которыя и посажены были — поломаны, а иныя засохли и вновь перемѣняемы не были; 4) въ силу прежнихъ и подтвердительнаго 1765 года сентября 16 указовъ, коими велѣно сквозь лѣса дороги прорубить на 30 саж., никогда прорублены не были и тѣмъ воровскіе люди имѣли способъ укрываться и дѣлать вредъ и грабежъ людямъ.

«Итакъ, исполняя сіи Высочайшія повелѣнія, старался, во-первыхъ, сдѣлать назначенный валъ бывшими плѣнными турками, производя имъ въ добавокъ повелѣннаго жалованья изъ собственныхъ моихъ денегъ; а во-вторыхъ, дорогу привесть къ тому мѣсту, гдѣ ворота и въѣздъ назначены, для чего приказалъ отъ того въѣзду на старую дорогу снять планъ. По снятіи усмотря изъ него, что по прежней дорогѣ, отъ Воронежа до послѣдней станціи, числится по почтовому календарю 28 верстъ, а если нѣкоторыя излучины выкинуть и сдѣлать по самой той же дорогѣ, то и будетъ отъ Воронежа до первой почты только 22 версты съ нѣсколькими саженями — что̀ сдѣлаетъ пользу: первое, что отъ остающихся отъ прогоновъ денегъ казнѣ приращеніе; другое и самимъ жителямъ выкинетъ шесть верстъ въ ѣздѣ, а паче изъ прежней

---

[1]) Въ письмѣ отъ 30 августа 1774 года. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

дороги болмала сорокъ десятинъ получится въ прибавокъ земли для пашни. И съ той работы употребляли изъ полицейскихъ десятскихъ и изъ гарнизонныхъ мастеровой роты солдатъ, и къ тому самое малое число обывателей, да и всѣхъ съ десятскими и солдатами не болѣе какъ отъ 50 до 100 человѣкъ въ разные дни находилось и для одной только вырубки лѣсовъ. Причемъ обыватели далѣе не были какъ по одному, по два и не болѣе трехъ дней и то въ такую пору, что яровой хлѣбъ былъ уже посѣянъ, а озимому и жатвы хлѣба никто еще не зачиналъ, да и вся работа продолжалась съ перемѣнами не болѣе недѣли».

Не смотря на всѣ отговорки воронежскаго губернатора, ему было сообщено, что теперь не время заниматься подобными работами и что гораздо полезнѣе будетъ, если онъ обратитъ вниманіе на жителей и приметъ мѣры къ тому, чтобы не раздражать ихъ. Послѣднее обстоятельство особенно занимало императрицу и она, желая отклонить населеніе отъ Пугачева и привлечь его на сторону правительства, не пренебрегала никакими средствами. Такъ, въ іюлѣ оберъ-коменданту крѣпости св. Димитрія, генералъ-маіору Потапову, было Высочайше повелѣно прекратить всѣ слѣдственныя дѣла надъ донскими казаками, выпустить всѣхъ арестованныхъ и объявить имъ «Наше милостивое прощеніе и оставленіе дальняго взысканія, въ разсужденіи вѣрныхъ и усердныхъ заслугъ сего войска въ нынѣшнюю войну оказанныхъ» [1]).

Казаки особенно привлекали на себя вниманіе Екатерины и спокойствіемъ ихъ она очень дорожила, въ особенности послѣ того, какъ въ Петербургъ дошли слухи, что Пугачевъ отправилъ въ столицу нѣсколькихъ человѣкъ казаковъ съ ядомъ для отравленія всей императорской фамиліи.

[illegible] взятыхъ генераломъ Мансуровымъ Яицкаго-городка въ [illegible] бывшихъ на Иргизѣ мятежниковъ и пойманныхъ Г. Р. [illegible] былъ нѣкто Иванъ Мамаевъ. При первыхъ его допросахъ [illegible], что онъ не хочетъ говорить истину, лжетъ и [illegible] весьма важное. Державинъ доносилъ, что «со-

[1]) [illegible] отъ 21 іюня 1774 года. Архивъ Канц. воен. министерства, [illegible] № 98.

вершенно тайность души его открыть не могъ, но только какъ онъ ни путается, а думать надобно, что человѣкъ хранящій великое таинство и самый важный. Онъ желаетъ себѣ смерти и съ радостью отъ нея не отрекается, готовъ все показать и отъ всего отрещися, но только весьма не дуракъ» [1]).

Сначала Мамаевъ говорилъ, что онъ бѣглый солдатъ, что содержался вмѣстѣ съ Пугачевымъ въ казанскомъ острогѣ и бѣжалъ изъ тюрьмы; что въ послѣднее время онъ былъ секретаремъ самозванца и знаетъ, что яицкіе казаки отправили въ Петербургъ довѣренныхъ съ ядомъ [2]).

Заявленіе это надѣлало много шума въ столицѣ, тѣмъ болѣе, что сообщивъ примѣты посланныхъ, Мамаевъ какъ бы усиливалъ достовѣрность своего показанія. Объ отысканіи посланныхъ, писалъ князь А. А. Вяземскій къ Г. А. Потемкину [3]), «по описаннымъ примѣтамъ кажется нужно употребить всѣ силы, а между тѣмъ должно и по Царскому селу [4]) таковыхъ велѣть присматривать, какъ между челобитчиками, бродягами, такъ и между работниками. Всякая порядочная осторожность лишнею быть не можетъ».

«Мнѣ кажется, отвѣчалъ Потемкинъ [5]), что это не новое и хотя больше на вздоръ нежели на дѣло походитъ, однакожъ въ столь важнѣйшемъ пунктѣ, какъ драгоцѣнному здоровью касающемуся, не худо сдѣлать строгое изысканіе, что я здѣсь произвесть не оставлю».

Лично Екатерина не вѣрила въ справедливость показанія Мамаева. «Je crois, писала она Г. А. Потемкину [6]), que la montagne accouchera d'une souris; однако, если гдѣ сихъ шалуновъ отыскать должно, то чаю, здѣсь, въ Царскомъ селѣ, а то нигдѣ не опасны».

Разославъ повсюду примѣты мнимо посланныхъ [7]), императрица

---

[1]) Всеподд. докладъ поручика Василія Собакина 11 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 460.

[2]) Показаніе Мамаева. Тамъ же.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ 22 мая. Государств. Арх., VI, дѣло № 488.

[4]) Гдѣ жила тогда императрица.

[5]) Князю Вяземскому, отъ 23 мая. Государств. Архивъ VI, д. № 460.

[6]) *Сборникъ Императ. русскаго историч. общества*, т. XIII, 407.

[7]) См. указъ оренбургской секретной коммиссіи. *Чтенія* 1860 года, кн. II, 69. Ложныя показанія Мамаева, см. *Русскую Старину* 1876 г., т. XVII, стр. 53.

крайне заинтересовалась показаніями Мамаева. Надѣясь узнать отъ него, какъ отъ человѣка близкаго Пугачеву, нѣкоторыя подробности о возстаніи, Екатерина II приказала привезти Мамаева въ Петербургъ. «Я весьма любопытна, писала она князю Вяземскому [1]), прочесть еще разъ вранье Мамаева и ваши выправки и примѣчанія о семъ дѣлѣ и думаю, что нужно его самого сюда взять, дабы онъ противорѣчами *коммиссію тамошнюю не ископфузилъ*. А для примѣра и безъ него есть у нихъ кого повѣсить».

Наведенныя предварительно справки по главнѣйшимъ пунктамъ показанія Мамаева, заставили его, по доставленіи въ Петербургъ, сознаться во всемъ. Онъ признался, что былъ дворовый человѣкъ помѣщика Ѳедора Васильевича Ржевскаго, изъ имѣнія его Нижне-Ломовскаго уѣзда; что настоящее имя его Николай Михайловъ Смирновъ; что въ январѣ 1773 года бѣжалъ въ Илецкую защиту, жилъ въ работникахъ у казака Рыбникова, былъ въ шайкѣ Пугачева, а потомъ въ Яицкомъ-городкѣ. Признаваясь, что никогда не былъ секретаремъ у самозванца, Мамаевъ (Смирновъ) объявилъ, что посылка казаковъ съ ядомъ имъ выдумана, что онъ «лгалъ и болталъ отъ страха, видя, что поручикъ Державинъ хочетъ его сѣчь [2]).

Угрозы и пытки при допросахъ были строго воспрещены императрицею, а между тѣмъ до нея стали доходить слухи, что подобныя мѣры предпринимаются въ слѣдственныхъ коммиссіяхъ. Занятые административными распоряженіями и водвореніемъ спокойствія въ губерніяхъ, генералы фонъ-Брандтъ и Рейнсдорпъ не имѣли возможности посвятить себя всецѣло слѣдственнымъ дѣламъ и они перешли въ руки молодыхъ, энергичныхъ, но не вполнѣ опытныхъ офицеровъ. Въ показаніяхъ допрашиваемыхъ были невыясненныя противорѣчія и оговоры невиновныхъ лицъ, сдѣланные подъ вліяніемъ страха и угрозъ. Опасенія, чтобы, съ одной стороны, не были пущены въ дѣло пытки и истязанія, а съ дру-

---

[1]) Въ письмѣ безъ мѣсяца и числа. Государств. Архивъ, VI, д. № 460.

[2]) Всеподданнѣйшая записка князя Вяземскаго 21 іюня 1774 года. Государств. Архивъ, VI, д. № 460. По Высочайше утвержденной конфирмаціи 7 іюля 1774 г., Мамаевъ (Смирновъ) сосланъ въ Таганрогъ «въ тяжкую работу», гдѣ и приказано его «содержать всю жизнь въ оковахъ».

гой—чтобы подсудимые своими показаніями не «оконфузили» коммиссій, императрица признала болѣе удобнымъ соединить опять въ одно обѣ секретныя коммиссіи и назначить имъ общаго руководителя. Такимъ лицомъ былъ избранъ троюродный братъ фаворита, Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, произведенный, 17 марта, изъ бригадировъ въ генералъ-маіоры и вызванный въ Петербургъ изъ арміи графа Румянцова [1]).

Поручая П. С. Потемкину секретныя коммиссіи, Екатерина опредѣлила кругъ его дѣятельности въ особой, составленной для того инструкціи.

«Извѣстны уже вамъ, писала императрица П. С. Потемкину [2]), происшедшіе бунты на Яикѣ и въ Оренбургской губерніи, для угашенія коихъ посланы туда войска, которыя, такъ какъ и все сіе дѣло, поручены были въ главное предводительство и управленіе покойному генералъ-аншефу Бибикову. Вслѣдствіе чего и учреждена имъ въ Казани, по нашему повелѣнію, секретная коммиссія, для произвожденія разбирательства и слѣдствія надъ пойманными злодѣями. По разбитіи же Пугачева и по освобожденіи Оренбурга учреждена и тамо, по повелѣнію нашему, такая же коммиссія подъ вѣдѣніемъ губернатора. Равномѣрно и казанская, по смерти генерала Бибикова, поручена отъ насъ казанскому губернатору. Нынѣ же дѣла тамошняго края возъимѣли такой оборотъ, что оба тѣ губернатора долженствуютъ быть единственно упражняемы внутренними гражданскими дѣлами своихъ губерній; то мы, имѣвъ достаточное испытаніе о вашей ревности и раченіи къ службѣ нашей, заблагоразсудили васъ опредѣлить главнымъ къ обѣимъ тѣмъ коммиссіямъ, яко нераздѣлимую между собою по дѣламъ связь имѣющимъ. Того ради повелѣваемъ вамъ:

«*Первое*, отправиться отсюда въ Казань и въ Оренбургъ съ включенными здѣсь отъ насъ указами къ обоимъ тѣмъ губерна-

---

[1]) Архивъ Канцел. военнаго министерства, Высоч. повелѣнія, кн. № 68. Арх. Сената, копіи Высоч. повелѣній, кн. № 207. Письмо Г. А. Потемкина графу З. Г. Чернышеву 23 марта 1774 г. На основаніи этихъ данныхъ, собственноручную записку императрицы, помѣщенную на стр. 403, т. XIII *Сборника Императорскаго истор. общества* слѣдуетъ отнести къ марту мѣсяцу, вмѣсто апрѣля 1774 г.

[2]) Въ инструкціи отъ 11 іюня 1774 г. Мы приводимъ полный текстъ инструкціи потому, что намъ придется говорить о ней въ будущемъ.

торамъ, по силѣ которыхъ и должны вы принять отъ нихъ подъ свое вѣдомство тѣ коммиссіи со всѣми въ нихъ находящимися лейбъ-гвардіи офицерами и съ принадлежащими къ отправленію тѣхъ дѣлъ разными офицерами и служителями.

«*Второе*, равномѣрно принять отъ помянутыхъ губернаторовъ насланныя отъ насъ къ нимъ именныя наши повелѣнія по тѣмъ обѣимъ коммиссіямъ; а отъ офицеровъ лейбъ-гвардіи нашей — данные коммиссіи отъ насъ указъ, ордеры и наставленія покойнымъ генераломъ Бибиковымъ. То и другое долженствуетъ вамъ служить настоящимъ руководствомъ въ производствѣ дѣлъ на первый случай, слѣдовательно вы и имѣете во всемъ поступать точно по тѣмъ нашимъ именнымъ повелѣніямъ.

«*Третье*, при производимыхъ допросахъ и слѣдствіяхъ поручаемъ вамъ главнѣйшимъ попеченіемъ: 1) узнать и открыть истинное познаніе о тѣхъ прямыхъ причинахъ и междоусобной оныхъ связи, кои произвели толикое зло въ той части имперіи нашей, а особливо въ яицкихъ жилищахъ, яко въ первоначальномъ гнѣздѣ онаго; 2) изыскать на мѣстѣ лучшія и удобнѣйшія средства къ совершенному искорененію тѣхъ вредныхъ причинъ и 3) изобрѣсть новыя и надежнѣйшія для переду положенія, на которыхъ можно бы было впредь основать и установить поселянскій порядокъ и повиновеніе возмутившагося яицкаго народа.

«*Четвертое*, къ отправленію коммиссіи вашей нужны вамъ быть могутъ разныя свѣдѣнія и вспоможенія отъ казанскаго и оренбургскаго губернаторовъ; вы оныя имѣете отъ нихъ въ свое время по настоящимъ надобностямъ требовать.

«*Пятое*, для удобнѣйшаго исполненія намѣренія нашего, съ которымъ мы васъ отправляемъ, имѣете вы принять и содержать въ особенномъ вашемъ вѣдомствѣ и командѣ всѣхъ возвратившихся и возвращающихся въ повиновеніе яицкихъ казаковъ, и не дѣлая еще никакого рѣшительнаго и новаго съ ними положенія, устроить однакожь между ими и въ ихъ жилищахъ повиновеніе, тишину и спокойство до того времени, пока отъ насъ рѣшительное впредь положеніе о нихъ учинено будетъ, въ слѣдствіе того, что вы, по точному разсмотрѣнію объ ономъ за полезнѣйшее нашедъ, намъ донесете; а дабы тѣмъ охотнѣе

сіи казаки къ законному повиновенію возвращались, можете вы сдѣлать отъ имени вашего объявленія, въ подтвержденіе данныхъ о томъ отъ насъ манифестовъ, въ тамошнемъ краю публикованныхъ.

«*Шестое*, по вступленіи вашемъ въ дѣло, повидимому нужнѣйшее въ томъ состоять будетъ, чтобъ вы, персоною своею произведя къ себѣ въ яицкихъ казакахъ уваженіе и довѣренность, поселили въ нихъ духъ кротости и истинное раскаяніе о прежнихъ преступленіяхъ. Къ способствованію же вамъ во всемъ семъ дѣйствіи гражданской политики, *если вамъ какое вспоможеніе нужно будетъ и отъ командировъ войскъ нашихъ въ тамошнемъ краю обращающихся, вы можете онаго отъ нихъ требовать*, о чемъ и указъ нашъ туда къ главному командиру, генералъ-поручику князю Щербатову, отправленъ будетъ.

«*Седьмое*, точнаго и особливаго пребыванію вашему мѣста мы вамъ предписать не хотимъ, а имѣете вы обращаться въ томъ и другомъ мѣстѣ по вашему усмотрѣнію, гдѣ и когда дѣла ваши требовать того будутъ. На отправленіе же ваше отсюда всемилостивѣйше вамъ жалуемъ двѣ тысячи рублей; а на коммисскія расходы пять тысячъ рублей.

«Впрочемъ, всѣ ваши донесенія имѣете вы отправлять прямо къ намъ, и мы уповая, что вы благоразумнымъ вашимъ исполненіемъ сего вамъ порученнаго и толь важнаго для спокойства отечества дѣла наивящше себя достойнымъ сдѣлаете нашего монаршаго благоволенія, съ которыми къ вамъ благосклонными пребываемъ».

Получивъ эту инструкцію, П. С. Потемкинъ отправился въ Казань, гдѣ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ самозванцемъ и его толпою.

IV.

[illegible] Пугачева по формированію новаго ополченія. — Манифесты его съ [illegible] льготъ и милостей. — Грабежи башкирцевъ. — Дѣйствія отрядовъ, на[illegible] въ Башкирію. — Появленіе мятежниковъ у Осы. — Дѣятельность Ми[illegible]. — Прибытіе въ станъ самозванца купца Долгополова. — Свиданіе его съ [illegible]. — Паденіе города Осы. — Приближеніе Пугачева къ Казани.

Скрываясь, при помощи горъ и лѣсовъ, отъ преслѣдованія Михельсона, Пугачевъ пробрался на р. Міасъ, гдѣ и соединился съ толпою башкирцевъ, бродившихъ между Челябою и Чебаркулемъ. Здѣсь самозванецъ въ теченіе восьми дней *«скоплялся»*, т. е. собиралъ толпу и устроивался. Потерявъ большую часть членовъ бывшей военной коллегіи и имѣя при себѣ изъ оставшихся только одного Творогова, Пугачевъ выбралъ въ секретари бѣглаго Ржевскаго купца Ивана Трифонова, принявшаго на себя имя Алексѣя Дубровскаго, и въ помощь ему назначилъ повытчикомъ [illegible] крестьянина Герасима Степанова. «Хотя отъ сей погибельной [illegible] и много я отговаривался, показывалъ Дубровскій [1], [illegible] не могъ и именованъ я у него секретаремъ».

[illegible] лица немедленно приступили къ дѣлу и, по [illegible] самозванца, разослали повсюду указы о наборѣ новаго ополченія. [illegible] какъ бо́льшая часть этого ополченія должна была [illegible] башкирцевъ, то Пугачевъ, желая завлечь и [illegible] увѣрялъ, что пойдетъ въ Уфу для [illegible] Павла Петровича, который идетъ къ нему [illegible]. Одного старшину онъ пожаловалъ генера[illegible] и человѣкъ 10 полковниками. Всѣхъ [illegible] самозванецъ обѣщалъ наградить богатыми [illegible] съ золотымъ позументомъ [2]).

[1]) [illegible] 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

[2]) [illegible] Ильжибаева 14 іюня 1774 г. Моск. [illegible] X. Показаніе Порфильева 12 сентября 1774 г. [illegible]

Въ указѣ, обращенномъ къ русскому населенію [1]), Пугачевъ писалъ, что «мы отеческимъ нашимъ милосердіемъ и попеченіемъ жалуемъ всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ, кои помнятъ долгъ свой къ намъ присяги, *вольностію, безъ всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору*, коими казна сама собою довольствоваться можетъ, а войско наше изъ вольноже лающихъ къ службѣ нашей великое исчисленіе имѣть будетъ. *Сверхъ того, въ Россіи дворянство крестьянъ своихъ великими работами и податями отягощать не будетъ*, понеже каждый возчувствуетъ прописанную вольность и свободу» [2]).

Обѣщая милости, Пугачевъ вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы въ случаѣ появленія злодѣевъ (правительственныхъ войскъ), всѣ его вѣрноподданные истребляли «оныхъ злодѣевъ и себя тѣмъ злодѣямъ въ обиду не отдавать» [3]).

Указы самозванца произвели громадное впечатлѣніе не только на башкирцевъ, но и на все русское населеніе. Башкиры и заводское населеніе поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Они грабили и разоряли заводы. Ночью 22 мая башкирцы сожгли Уртазымскую крѣпость, а на слѣдующій день разграбили и сожгли Симскій заводъ.

Въ началѣ іюня они разорили въ Уфимскомъ уѣздѣ заводы: Воскресенскій и Верхотурскій, Богоявленскій (въ 10 верстахъ отъ Табынска), Архангельскій (въ 50 верстахъ отъ Табынска), Катавскій и другіе. Заводчики просили помощи, но князь Щербатовъ отвѣчалъ, что на каждый заводъ онъ не можетъ поставить отдѣльной команды, а причина разоренія заключается въ томъ, что «жестокость заводчиковъ съ своими крестьянами возбудила ихъ ненависть противъ господъ» [4]).

Ненависть эта была такъ сильна, что ни увѣщанія, ни воззванія на нихъ не дѣйствовали; преслѣдующіе отряды ходили по

---

[1]) Въ заголовкѣ этого документа было написано: «Указъ нашего императорскаго величества самодержца всероссійскаго вѣрноподданнымъ рабамъ, сынамъ отечества, наблюдателямъ общаго спокойствія и тишины».

[2]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

[3]) Государственный Архивъ, VI, д. № 420.

[4]) Экстрактъ изъ дѣла о Пугачевѣ. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга IV.

разнымъ направленіямъ, но башкирцы, уклоняясь отъ боя, собирались болѣе или менѣе значительными толпами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ войскъ не было.

Іюня 3-го Тимашевъ настигъ съ своимъ отрядомъ толпу близъ Зелаирской крѣпости, разбилъ ее, но преслѣдовать далеко не могъ, за пересѣченностью мѣстности и усталью лошадей, тогда какъ мятежники имѣли заводныхъ или были о дву-конь. «Я же, доносилъ Тимашевъ [1]), не могъ отъ нихъ, злодѣевъ, пользоваться хорошими лошадьми, а бралъ кобылъ и молодыхъ неѣзженныхъ лошадей».

Продовольствуя на пути отрядъ мѣстными запасами, Тимашевъ, по прибытіи въ Зелаирскую крѣпость, принужденъ былъ остановиться, чтобы сдѣлать необходимые запасы продовольствія. Черезъ день, 5-го іюня, онъ произвелъ набѣгъ съ 500 человѣкъ на Преображенскій заводъ, но нашелъ его сожженнымъ и почти безъ населенія, частію умерщвленнаго, а частію уведеннаго за мятежниками, ушедшими на р. Сакмару.

Возвратившись обратно въ Зелаирскую крѣпость, Тимашевъ получилъ приказаніе генерала Фреймана идти къ нему на соединеніе. «Верхне-Яицкія обстоятельства показываютъ, писалъ Фрейманъ [2]), что злодѣи находятся недалеко отъ упомянутой крѣпости. Сейчасъ выступаю; вы должны меня, черезъ скорый маршъ, догнать или вы будете въ великомъ отвѣтѣ».

Послѣ такого строгаго предписанія Тимашевъ принужденъ былъ оставить то направленіе дѣйствій, которое было ему указано княземъ Голицынымъ и идти на соединеніе съ Фрейманомъ. Подходя къ Кизильской крѣпости, въ вершинахъ Таналыкскихъ, Тимашевъ былъ атакованъ толпою калмыковъ и башкиръ въ числѣ 2,000 человѣкъ. Послѣ весьма упорнаго и продолжительнаго боя, мятежники отступили и раздѣлились на двѣ части: одна пошла къ рѣкѣ Бѣлой, а другая—въ Ирентицкія горы [3]). Торопясь соединиться

---

[1]) Рапортъ Тимашева князю Голицыну 5-го іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. IX.

[2]) Въ письмѣ Тимашеву безъ числа. Тамъ же.

[3]) Рапортъ Тимашева князю Голицыну 11 іюня 1774 г. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. IX.

съ генераломъ Фрейманомъ, Тимашевъ не преслѣдовалъ ихъ, и 11-го іюня пришелъ въ Кизильскую крѣпость, но Фреймана тамъ не засталъ. Послѣдній перешелъ въ Уйскую крѣпость, въ которой и оставался долгое время, занимаясь заготовленіемъ продовольствія для отряда [1]).

Отодвинутые войсками отъ Уральскихъ горъ, мятежники, подъ начальствомъ Бѣлобородова, въ числѣ до 3,000 человѣкъ, преимущественно русскихъ заводскихъ крестьянъ и красноуфимскихъ казаковъ, собрались у Красноуфимска. Для разсѣянія ихъ подполковникъ Поповъ выступилъ изъ Кунгура съ отрядомъ въ 810 человѣкъ пѣхоты и 4 орудіями [2]). Въ 8 верстахъ отъ Красноуфимска, 11-го іюня, они встрѣтили отрядъ «сильною мелкаго ружья стрѣльбою и держали до 6 часовъ».

«Пороху у нихъ столь довольно было, доносилъ Поповъ, что у убитыхъ оставалось патроновъ по 15, и сверхъ того, въ мѣшечкѣ у каждаго было особливо по полфунта».

Окруженный почти со всѣхъ сторонъ, Поповъ построилъ свой отрядъ въ каре и отступалъ въ такомъ строѣ почти 30 верстъ подъ безпрерывнымъ огнемъ непріятеля. 13-го іюня онъ вернулся въ Кунгуръ и, видя многочисленность непріятеля, просилъ помощи. «Копницы у меня, кромѣ мужиковъ, нѣтъ, писалъ онъ Фрейману, да и военныхъ, и то рекрутъ, до 350 человѣкъ. Въ такомъ случаѣ вашему превосходительству донеся, покорнѣйше прошу ко истребленію сихъ злодѣевъ подать мнѣ и городу помощь».

Положеніе Кунгура становилось опять весьма затруднительнымъ и опаснымъ. На другой день послѣ возвращенія Попова, т.-е. 14-го іюня, было получено донесеніе, что Уинскій и Иргинскій заводы сожжены, что толпа мятежниковъ появилась въ 40 верстахъ отъ Кунгура въ селѣ Введенскомъ (Соксунское тожь), въ 27 верстахъ въ Ильинскомъ острожкѣ, въ Ачитской крѣпости и что Бѣлобородовъ 13-го іюня прибылъ въ село Алтынное (въ 80 верстахъ отъ Кунгура), взялъ въ толпу 50 человѣкъ и всѣхъ

---

[1]) Шифрованный рапортъ Фреймана князю Щербатову отъ 20 іюня 1774 г., № 41. Тамъ же, книга X.

[2]) Въ отрядѣ Попова было 10 гарнизонныхъ солдатъ, 400 вооруженныхъ рекрутъ и 400 вооруженныхъ мужиковъ.

лошадей. На слѣдующій день его посланные явились за тѣмъ же въ село Златоустовское и дер. Берехову [1]).

Незадолго передъ тѣмъ башкирцы выжгли предмѣстье Табынска и отогнали скотъ. Находившійся въ Стерлитамакѣ подполковникъ Рылѣевъ выступилъ на выручку Табынска, а башкирцы, воспользовавшись его уходомъ, бросились на Стерлитамацкую пристань, но были предупреждены полковникомъ Шепелевымъ, явившимся съ пѣхотою, посаженною на лошадей [2]).

Разсыпавшись по окрестностямъ, мятежники переходили отъ одного пункта къ другому, то сосредоточивались въ весьма значительныя партіи, то разбивались опять на мелкіе отряды. Не имѣя опредѣленной цѣли для дѣйствій, они уговаривали населеніе возстать въ защиту Пугачева и его правъ, какъ истиннаго государя, на престолъ всероссійскій.

— Подлинно государь Петръ III императоръ восходитъ по прежнему на царство, говорилъ своимъ односельцамъ крестьянинъ села Троицкаго (Старый-посадъ) Данило Котельниковъ.—Былъ онъ по всему государству и развѣдывалъ тайно обиды и отягощенія крестьянъ отъ бояръ. Хотѣлъ онъ три года о себѣ не давать знать, что живъ, но не могъ претерпѣть народнаго разоренія и тягости. Взявъ въ свое владѣніе Оренбургъ, Уфу, Ново-Троицкую и Чебаркульскую крѣпости, онъ отправилъ въ Москву для покоренія сто полковъ, а подъ Кунгуръ идетъ съ полковникомъ Бѣлобородовымъ 20 полковъ. Построилъ государь въ степи пороховые и пушечные заводы, дѣлаетъ бѣлый и черный порохъ. Бѣлый порохъ сильно палитъ, а огоньку не даетъ. Пушекъ у государя великое множество и поставлены онѣ въ Ново-Троицкой крѣпости въ шесть ярусовъ. Ту Ново-Троицкую крѣпость наименовалъ онъ Петербургомъ, а Чебаркуль—Москвою. Его высочество цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ великою княгинею Натальею Алексѣевною и графъ З. Г. Чернышевъ пріѣхали въ Оренбургъ. Его высокопревосходительство генералъ-аншефъ А. И. Бибиковъ съѣхался съ

---

[1]) Рапортъ пермской провинціальной канцеляріи генералу фонъ-Брандту 13-го іюня 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

[2]) Рапортъ полковника Шепелева кн. Щербатову 7-го іюля 1774 г.

государемъ и, увидя точную его персону, весьма устрашился, принялъ изъ пуговицы крѣпкое зелье и умеръ. Полковникъ Бѣлобородовъ прислалъ въ Кунгуръ къ воеводѣ Миллеру указъ, чтобы отнюдь не воевалъ, почему воевода и отозвался, что болѣе воевать не будетъ, за что его государыня отъ воеводства отрѣшила. Казенный Уткинскій заводъ и городъ Екатеринбургъ не воюютъ, а только мутитъ всею здѣшнею стороною ассессоръ Башмаковъ, называя государя злодѣемъ, за что государь приказалъ его поймать и въ мелкія части изрубить.

— Отъ кого ты все это слышалъ? спрашивалъ случившійся въ толпѣ канцеляристъ Степанъ Трубниковъ.

— Къ степановскому мельнику, отвѣчалъ Котельниковъ, писалъ служитель Юговскаго завода Гаврило Ситниковъ, находящійся нынѣ при арміи государя атаманомъ. Да и потому каждому разумѣть можно, что если бы это былъ подлинно не государь, то давно бы полки были присланы. Теперь хотя двѣ роты съ маіоромъ и были присланы, но и тѣ пропали безъ вѣсти. Мы съ часу на часъ ждемъ, чтобы быть за государемъ, и хотя за государыню другую присягу принимали, но не отъ чистосердечнаго своего желанія, а по принужденію. Государь обѣщаетъ во многихъ указахъ, что подушныя деньги будутъ собираемы только по 70 коп. съ души, какъ и при прежнихъ государяхъ было.

Не смотря на всю нелѣпость разсказа Котельникова [1]), населеніе безусловно вѣрило въ справедливость ихъ и рѣшило отстаивать права государя, надѣясь получить отъ него многія милости и льготы. Возстаніе снова разгоралось тамъ, гдѣ прежде было совершенно покойно или гдѣ жители были усмирены при помощи войскъ. 3-го іюня казанскій губернаторъ генералъ фонъ-Брандтъ писалъ генералъ-прокурору князю Вяземскому, что въ его губерніи совершенно покойно, что жители вносятъ подушныя деньги и собираютъ рекрутъ [2]), а между тѣмъ, наканунѣ отправленія этого письма тулвенскіе татары башкирцы подошли къ г. Осѣ. Собравшись въ числѣ до 3,000 человѣкъ и остановившись близъ дер. Гамицъ,

---

[1]) Рапортъ канцеляриста С. Трубникова ассессору Башмакову отъ 3 іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

[2]) Госуд. Арх., VI, д. № 504.

они отправили въ городъ Осу письмо съ требованіемъ вывести гарнизонъ.

«Симъ письмомъ во извѣстіе объявляемъ, писали они начальнику отряда, унтеръ-шихтмейстеру Леонтію Ѳедоровичу Яковлеву [1]). Сего 1774 года іюня 2-го дня присовѣтывали мы всѣ вышеименованные и къ лучшему разсудили для государственной и народной пользы, чтобы вамъ, г. унтеръ-шихтмейстеру, и со всею командою изъ города Осы выдти въ свои жительства и жить по старому. Если же сего числа изъ города Осы не изволите выступить, то мы всѣ башкирцы со всею командою чинить будемъ противъ васъ сопротивленіе неотмѣнно, понеже какъ мы, такъ и вы произвели государственному интересу немалый ущербъ, также и промежду собою немалыя ссоры. Если же вы изъ города Осы со всею командою выступите, то мы, какъ осинской волости крестьянамъ, такъ и вашимъ обывателямъ обидъ и разоренiевъ никакихъ причинять не будемъ впредь до указу, а сверхъ того, желаемъ мы обращаться во всякомъ благополучiи».

Получивши это письмо, Яковлевъ вмѣстѣ съ воеводою Пироговскимъ выступили изъ гор. Осы, присоединили себѣ постъ въ 100 человѣкъ, стоявшій въ сел. Горахъ, и заняли дер. Гамицы, гдѣ находилось команды до 200 человѣкъ. Башкирцы отступили и требовали, чтобы Яковлевъ вступилъ съ ними въ переговоры, но послѣдній отправилъ вмѣсто себя воеводу Пироговскаго, муллу Атнагулова и татарина Усаева.

Башкирскіе уполномоченные объявили высланнымъ, что готовы покориться, если русскія войска не будутъ вводимы въ ихъ селенія. Требованіе это не могло быть исполнено, и Яковлевъ, не считая себя въ силахъ разогнать собравшуюся толпу, возвратился въ Осу со всѣмъ своимъ отрядомъ [2]).

Башкирцы заняли близлежащія села: Горское, Рождественское, Гамицы и возмущали жителей. Волненіе усиливалось и черезъ недѣлю послѣ письма, отправленнаго князю Вяземскому, ге-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 2-го іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IX.

[2]) Рапортъ ассессора Башмакова генералу фонъ-Брандту 13 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

нералъ фонъ-Брандтъ писалъ князю Щербатову [1]), что «около Осы и по Черемшану-рѣкѣ въ нынѣшнее время являться начали злодѣйскія возмутительныя шайки. Въ первомъ мѣстѣ великими толпами скопляются бунтующіе тулвенскіе башкирцы, а въ Ставропольскомъ уѣздѣ, изъ разныхъ бродягъ, шатаются небольшія партіи злодѣйскихъ остатковъ и пакости людямъ дѣлаютъ».

Спустя нѣсколько дней Брандтъ получилъ донесеніе, что въ село Сундырь, Кокшайскаго уѣзда, пріѣхалъ посланный отъ Пугачева съ приказаніемъ, чтобы жители приготовляли суда для переправы государевыхъ войскъ черезъ рѣку Волгу. Лодки и суда оказались затопленными и экономическіе крестьяне заявили, что то сдѣлано по распоряженію канцеляриста. Предводитель шайки арестовалъ канцеляриста и еще нѣсколькихъ лицъ, а крестьянамъ приказалъ отлить суда и починить ихъ. Крестьяне охотно принялись за работу, а мѣстныя власти не знали, что̀ имъ дѣлать. «Представьте, ваше высокопревосходительство, писалъ кокшайскій воевода Чичеринъ Брандту [2]), въ какой теперь здѣшняя сторона моей провинціи и самый здѣшній городъ состоятъ въ крайней опасности». Войскъ дѣйствительно не было: всѣ они находились или внутри Башкиріи, или огибали ея съ разныхъ сторонъ. Такъ, южнѣе всѣхъ, въ Яицкомъ-городкѣ находился отрядъ генералъ-маіора Мансурова, наблюдавшій за Гурьевымъ-городкомъ и Сызранью и прикрывавшій теченіе рр. Волги и Иргиза. По р. Бѣлой были расположены небольшіе отряды: въ Богульчанахъ—полковника Хорвата, въ Стерлитамакѣ—подполковника Рылѣева, въ Табынскѣ—полковника Шепелева, въ Бакалахъ—100 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Оберніобсова. Резервомъ для этихъ отрядовъ служилъ отрядъ въ 140 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Кожина, расположенный въ Бугульмѣ. Далѣе, въ Уфѣ, находился отрядъ полковника Якубовича. Отъ Уфы до Бирска, на четырехъ пристаняхъ р. Бѣлой, были расположены небольшія команды, «съ довольнымъ числомъ при оныхъ усердныхъ мещеряковъ». Въ при-

[1]) Въ письмѣ отъ 11 іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

[2]) Въ рапортѣ отъ 17 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

городѣ Осѣ находился отрядъ унтеръ-шихтмейстера Яковлева. Подполковникъ Поповъ охранялъ Кунгурскій уѣздъ, отряды маіоровъ Жолобова и Гагрина прикрывали Екатеринбургъ; въ Челябинскѣ находился генералъ Деколонгъ, въ Троицкой крѣпости—генералъ-маіоръ Станиславскій съ 14-ю легкою полевою командою, и, наконецъ, въ Оренбургѣ — полковникъ князь Долгоруковъ съ двумя ротами гренадеръ, двумя эскадронами гусаръ и 300 малороссійскихъ казаковъ. Внутри Башкиріи дѣйствовалъ отрядъ князя Голицына, которому приказано было слѣдовать къ гор. Уфѣ, очистить отъ мятежниковъ оба берега р. Бѣлой и обезпечить новомосковскую дорогу. Собственно для преслѣдованія Пугачева были назначены отряды генералъ-маіора Фреймана и подполковника Михельсона. Первому приказано было остановиться въ Зеленрской крѣпости и наблюдать какъ за линіею, такъ и за Уральскими горами, а Михельсону было предписано гнаться за Пугачевымъ, «повсюду его преслѣдовать и имѣть только его одного своимъ предметомъ, не допуская не только впѣдриться въ Кунгурскій уѣздъ или обратиться въ екатеринбургское вѣдомство, но и усиливать себя присоединеніемъ башкирцевъ [1]).

Послѣдніе, по словамъ князя Щербатова, не смотря на постоянное пораженіе, не только не укрощались, но «въ злодѣйствахъ своихъ время отъ времени наиболѣе свирѣпствуютъ и всѣ свое звѣрство обращаютъ на истребленіе заводовъ». Убійства, грабежи и разоренія башкирцевъ навели такой ужасъ на жителей, остававшихся вѣрными правительству, что когда Михельсонъ подошелъ къ Уфѣ съ своимъ отрядомъ, то «нашелъ всѣхъ отъ злодѣевъ въ немаломъ страхѣ». Находившійся въ этомъ городѣ полковникъ Якубовичъ притянулъ къ себѣ маіора Дуве, подъ предлогомъ поиска надъ башкирцами, и сформировавъ отрядъ болѣе 700 человѣкъ, съ тремя орудіями, выступилъ съ ними къ Бирску. По дорогѣ онъ сжегъ двѣ деревни, изъ которыхъ одна принадлежала мещерякскому старшинѣ, служившему при отрядѣ Михельсона. Отойдя верстъ двадцать отъ Уфы полковникъ Якубовичъ остано-

[1]) Всеподданнѣйшіе рапорты князя Щербатова, отъ 25 іюня и 4 іюля 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV. Военно-Учен. Арх., отд. I, д. № 104 (А), листъ 244.

вился, постоялъ нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ, а потомъ пошелъ назадъ, подъ предлогомъ, что городу угрожаетъ опасность отъ нападенія башкирцевъ. Маіоръ Дуве замѣтилъ, что къ Уфѣ прошелъ уже подполковникъ Михельсонъ, что онъ остановился всего въ 8 верстахъ отъ города и что опасности никакой быть не можетъ, но Якубовичъ не послушалъ, отобралъ отъ маіора Дуве почти половину его отряда и пошелъ въ Уфу. Оставивъ въ распоряженіи Дуве 60 человѣкъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, 80 карабинеровъ и 40 человѣкъ чугуевскихъ казаковъ, Якубовичъ приказалъ ему производить поиски надъ мятежниками. Отвѣчая, что съ такими силами сдѣлать ничего нельзя, Дуве жаловался Михельсону и просилъ его взять къ себѣ. «Если же мнѣ въ Уфу слѣдовать, писалъ Дуве князю Щербатову [1]), и тамъ находиться безъ всякаго дѣйствія, то я счелъ бы себя за чистаго нерачителя службы ея величества. Отъ вашего сіятельства ожидаю милостивой резолюціи позволить съ г. Михельсономъ соединиться. Причина та: служба моя, къ коей имѣю ревность, не позволяетъ на одномъ мѣстѣ сидѣть безъ всякаго дѣла».

Возвратившись въ Уфу, Якубовичъ отправился въ лагерь Михельсона и уговаривалъ его не двигаться далѣе, а разослать партіи для прикрытія Уфы. «Я разсуждая, доносилъ Михельсонъ [2]), что лучшая партія и прикрытіе есть то—сыскавъ непріятеля его разбить и что разъѣзды единственно нужны для полученія о непріятелѣ свѣдѣнія», не согласился съ доводами Якубовича и рѣшился дѣйствовать наступательно. Михельсона задерживали только солдаты Томскаго полка, которые отъ форсированныхъ маршей «немало потерли ноги» и къ быстрымъ переходамъ были неспособны. Узнавъ, что взятая Якубовичемъ у маіора Дуве рота Владимірскаго полка гораздо свѣжѣе, чѣмъ его солдаты, подполковникъ Михельсонъ предложилъ ему помѣняться. Не ожидая ничего хорошаго отъ дѣйствій Якубовича и будучи увѣренъ, что онъ не выйдетъ изъ Уфы, Михельсонъ считалъ такую мѣну совершенно законною и полез-

---

[1]) Въ рапортѣ, отъ 17 іюня 1774 г. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, оп. 47, книга IX.

[2]) Князю Щербатову, отъ 18 іюня 1774 года. Тамъ же.

ною для дѣла. Получивъ согласіе Якубовича, подполковникъ Михельсонъ передалъ ему 84 человѣка Томскаго, а себѣ взялъ столько же Владимірскаго полка. Оставивъ въ Уфѣ всѣхъ своихъ больныхъ и раненыхъ, онъ, 17 іюня, перешелъ съ своимъ отрядомъ на заводъ Потѣхина, присоединилъ къ себѣ маіора Дуве съ его эскадрономъ, состоявшимъ изъ 90 человѣкъ, и намѣренъ былъ двинуться черезъ Бирскъ къ Сарапулю, чтобы выдти на встрѣчу Пугачеву и всюду его преслѣдовать.

Онъ только одинъ и могъ это сдѣлать, потому что бо́льшая часть войскъ, какъ мы видѣли, была стянута въ Оренбургскую губернію и разбита на мелкіе отряды.

Съ захватомъ и разореніемъ мятежниками Бирска, на всемъ пространствѣ отъ гг. Уфы и Кунгура до Казани стоялъ, въ г. Осѣ, ничтожный отрядъ Яковлева и слѣдовательно вся за-Камская сторона была открыта для прорыва мятежниковъ. Главнокомандующій, князь Щербатовъ, сидѣлъ въ Оренбургѣ и будучи отдаленъ отъ театра дѣйствій, не могъ руководить отдѣльными отрядами и направлять ихъ къ одной цѣли. Получая самъ запоздалые рапорты, онъ дѣлалъ распоряженія по большей части несоотвѣтствовавшія данной обстановкѣ. Предоставленные самимъ себѣ, частные начальники въ каждой толпѣ башкирцевъ видѣли присутствіе самого Пугачева и боялись выдти изъ своихъ норъ. Не считая возможнымъ дѣйствовать наступательно, начальники отрядовъ вертѣлись возлѣ мѣстъ своего расположенія, причемъ старшіе въ чинѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались присоединить къ себѣ отряды младшихъ. Возникали споры и несогласія, доходившія иногда до ссоры. Если эти ссоры и несогласія будутъ продолжаться, писалъ генералъ Брандтъ князю Щербатову [1]), то «Богъ знаетъ можетъ-ли быть что-нибудь доброе». Казанскій губернаторъ предвидѣлъ возможность прорыва мятежниковъ въ необороненное пространство и предупреждалъ князя Щербатова, что если самозванецъ переправится черезъ р. Каму, къ вотякамъ, то защищать Казанскую губернію будетъ невозможно, «ибо за отнятіемъ отсель гарнизонныхъ людей и за

---

[1]) Въ письмѣ, отъ 18 іюня 1774 года. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга IX.

растащеніемъ помаленьку изъ цейхгауза артиллеріи и служителей, съ моей стороны болѣе уже взять предосторожности нечѣмъ».

Предположенія Брандта оказались болѣе чѣмъ справедливыми. Пугачеву оставаться въ Башкиріи было неудобно: страна была разорена, заводы и русскія селенія выжжены, многія крѣпости и укрѣпленные пункты разрушены [1]), отряды князя Голицына и Фреймана хотя и очень медленно, но все-таки подвигались впередъ, а Михельсонъ то гнался за самозванцемъ, то обходилъ его и встрѣчалъ съ фронта. Всякая встрѣча съ правительственными войсками кончалась не въ пользу мятежниковъ, и потому Пугачевъ направился въ ту сторону, гдѣ всего наименѣе могъ ожидать встрѣчи съ правительственными войсками и скорѣе всего могъ надѣяться усилить свою толпу сочувствовавшимъ ему населеніемъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Михельсонъ повернулъ къ Уфѣ и что въ окрестностяхъ Кунгура и пригорода Осы сосредоточились двѣ наиболѣе значительныя толпы башкирцевъ, Пугачевъ пошелъ къ нимъ на соединеніе. Захвативъ въ свои руки Красноуфимскъ, самозванецъ хотѣлъ удовлетворить желанію башкирцевъ и занять Кунгуръ, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе, прошелъ черезъ Иргинскій заводъ, переправился черезъ р. Тулву и повернулъ на Осу, съ тѣмъ, чтобы идти потомъ на Казань [2]).

— Хотя я и имѣлъ намѣреніе идти къ Кунгуру, говорилъ Пугачевъ башкирцамъ,—но получивъ извѣстіе, что въ подкрѣпленіе ко мнѣ пришло въ Казань 20,000 войска, я долженъ идти къ нимъ.

---

[1]) Крѣпости Татищева и Сорочинская на половину выжжены, Ильинская и Уртазымская — разорены и до основанія выжжены, Магнитная — разорена, Карагайская, Петропавловская и Степная — разорены и сожжены, Троицкая и Губерлинская — разорены, Чебаркульская крѣпость и пригородъ Бирскъ — выжжены. Заводы: Воскресенскій, Покровскій, Верхоторскій, Архангельскій, Преображенскій, Бѣлорѣцкій, Симскій, Каноникольскій, Авзяно-Петровскіе, Котурскій, Кигинскій, Златоустовскій и Вознесенскій казенный — разорены и сожжены, населеніе частію переколото, а частію забрано въ толпу мятежниковъ. Рапортъ Рейнсдорпа Сенату, отъ 7 іюля 1774 года и военной коллегіи, отъ того же числа. Государ. Архивъ, VI, дѣло № 512. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV. См. также *Русскую Старину* 1875 года, т. XII, стр. 540.

[2]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову, 22 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга X.

когда вы были еще великимъ княземъ, по денегъ за 500 четвертей до сихъ поръ не получилъ.

— Знаю, знаю, сказалъ самозванецъ; — помню, что я тебѣ долженъ.

— Я теперь въ несчастіи, говорилъ Долгополовъ, — меня дорогою ограбили.

— Молись Богу, когда я буду счастливъ, то все заплачу.

Долгополовъ вынулъ изъ кисы черную шляпу, обшитую золотымъ позументомъ, желтые сафьянные сапоги и шитыя золотомъ перчатки.

— Павелъ Петровичъ, говорилъ Долгополовъ, передавая подарки,—приказалъ кланяться вашему величеству.

— Благодарствую, отвѣчалъ обрадованный такимъ заявленіемъ Пугачевъ, принимая подарки.

Зная, что «множество людей собралось къ ставкѣ, любопытствуя о причинѣ пріѣзда» новаго лица, самозванецъ приказалъ поднять у ставки полы и увидя, что ближе всѣхъ стояли Овчинниковъ, Перфильевъ, Твороговъ и другіе старшины, пригласивъ ихъ къ себѣ и просилъ сѣсть.

— Ты зачѣмъ ко мнѣ присланъ? продолжалъ спрашивать Пугачевъ Долгополова.

— Меня, ваше величество, прислалъ Павелъ Петровичъ посмотрѣть, подлинно-ли вы родитель его и приказалъ возвратиться къ себѣ съ отповѣдью.

— Узналъ-ли ты меня?

— Какъ не узнать! Вы жаловали меня вотъ этимъ зипуномъ и шапкою [1]).

— Вы, господа казаки, продолжалъ Долгополовъ, обращаясь къ присутствующимъ, — не сомнѣвайтесь, онъ подлинно государь Петръ Ѳедоровичъ, я точно его знаю.

Пугачевъ приказалъ подать вина, и первая чарка была выпита за здоровье «великаго государя», вторая—за государыню Устинью Петровну, а третья — за цесаревича Павла Петровича.

[1]) На Долгополовѣ, по словамъ Творогова, былъ надѣтъ «зипунъ купеческаго покроя, коричневаго цвѣта, а шапка черная бархатная саратовскимъ манеромъ, околышъ черный мерлушечій».

— Благополученъ - ли онъ? спрашивалъ Пугачевъ, допивая послѣднюю чарку.

— Слава Богу, благополученъ, отвѣчалъ Долгополовъ. — Его высочество молодецъ и уже обрученъ [1]).

— Съ кѣмъ?

— Съ Натальей Алексѣевной. У меня и отъ нея есть вашему величеству подарокъ два камня, я послѣ принесу вамъ; они у меня спрятаны въ возу далеко [2]).

— Вотъ, дѣтушки, сказалъ самозванецъ, обращаясь къ собравшимся; — этотъ человѣкъ присланъ отъ Павла Петровича посмотрѣть подлинно ли я отецъ его и велѣно ему, посмотря, возвратиться назадъ.

Слова самозванца и вѣсть о пріѣзжемъ разнеслись по всей толпѣ и большинство вѣрило тому, что Долгополовъ былъ уполномоченный цесаревича [3]). «Почему, показывали Чумаковъ и Творогов [4]), яицкіе казаки хотя и прежде звали его (Пугачева) въ Москву, а тутъ еще больше стали склонять, чтобъ онъ въ Москву свой путь направилъ».

— Тамъ,—говорили казаки,—больше знакомыхъ вашему величеству, такъ скорѣе помогутъ на престолъ взойти.

Пугачевъ зналъ, какого рода знакомыхъ онъ можетъ встрѣтить въ Москвѣ и потому отвѣчалъ уклончиво:

— Теперь еще не время, говорилъ онъ,—а когда можно будетъ, то, конечно, пойдемъ.

На слѣдующее утро вся толпа двинулась къ пригороду Осѣ, который еще со 2-го іюня былъ блокированъ башкирцами. Находившійся въ Осѣ съ своимъ незначительнымъ отрядомъ шихтмейстеръ Яковлевъ, получивъ приказаніе ассессора Башмакова раз-

---

[1]) Онъ былъ давно уже женатъ.

[2]) Пугачевъ не упустилъ отобрать себѣ обѣщанные каменья, которые послѣ его поимки и были найдены въ кошелькѣ. «Первый изъ нихъ бѣлый восточнаго хрусталя, сердца имѣетъ фигуру, а другой — четвероугольный желтоватый и весь исцарапанъ» (См. «П. С. Потемкинъ во время Пугачевщины», *Русская Старина*, 1870 г., т. II, стр. 412).

[3]) Показаніе Пугачева 4-го ноября 1774 года. Показаніе Ивана Творогова 27-го октября 1774 года. Показанія Долгополова 2-го и 11-го октября, 12-го ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, дд. №№ 425, 505 и 512.

[4]) Показанія Чумакова и Творогова. Госуд. Арх., VI, д. № 505.

дѣлить свой отрядъ на двѣ части: одну отправить къ Кунгуру, а съ другою идти къ нему на соединеніе въ Юговскій заводъ. Онъ пытался нѣсколько разъ пробиться сквозь облегавшую городъ толпу башкирцевъ, имѣлъ весьма горячія дѣла 14 и 16 іюня, и будучи не въ состояніи прорвать блокаду, просилъ помощи у казанскаго губернатора, говоря, что непріятель съ каждымъ днемъ усиливается и опасность угрожаетъ всему при-Камскому краю.

По первымъ извѣстіямъ о появленіи башкирцевъ въ началѣ іюня у Осы, генералъ фонъ-Брандтъ собралъ съ большимъ трудомъ изъ разныхъ мѣстъ сто человѣкъ съ двумя 3-хъ-фунтовыми пушками и отправилъ ихъ въ Осу подъ начальствомъ секундъ-маіора Скрипицына. Послѣднему было приказано усмирить терсинскихъ татаръ, разсѣять башкирцевъ, намѣревавшихся напасть на Сарапульскую волость и вообще удержать жителей отъ возстанія на пространствѣ отъ Осы до Мензелинска.

Расположенный на берегу р. Камы, пригородъ Оса находился на главномъ казанскомъ трактѣ, и потому захватъ его мятежниками открывалъ имъ свободный путь въ Казанскую губернію. Вотъ почему Брандтъ собралъ послѣднія силы и отправилъ ихъ въ Осу. Взявъ съ собою 100 человѣкъ вооруженныхъ мужиковъ и 48 нижнихъ чиновъ, маіоръ Скрипицынъ выступилъ изъ Сарапуля, по дорогѣ присоединилъ къ себѣ капитана Смирнова, шедшаго съ 40 человѣками нижнихъ чиновъ изъ Казани, 116 человѣкъ команды, находившейся въ Рождественскомъ заводѣ, и съ этимъ отрядомъ 18-го іюня подошелъ къ Осѣ. Въ это время башкирцы атаковали пригородъ и успѣли отхватить три пушки со снарядами, но замѣтивъ приближеніе отряда отступили. Скрипицынъ пробился сквозь толпу мятежниковъ, впрочемъ, безъ потери, и соединился съ гарнизономъ. Такимъ образомъ, съ прибытіемъ Скрипицына и за нѣсколько дней передъ тѣмъ съ Воткинскаго завода прапорщика Евреинова съ небольшою командою, силы, назначенныя для защиты Осы, вмѣстѣ съ вооруженными жителями простирались до 1,100 человѣкъ съ 13 орудіями [1]).

---

[1]) Рапортъ Башмакова пермской провинціальной канцеляріи отъ 19-го іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга X.

Въ полдень того же 18-го іюня Пугачевъ подошелъ къ Осѣ и отправилъ свой указъ, требуя безусловной сдачи города. Не получивъ отвѣта, самозванецъ приказалъ толпѣ разсѣдлать лошадей и идти на штурмъ пригорода. Начальники войскъ ободряли жителей и маіоръ Скрипицынъ вышелъ изъ города съ намѣреніемъ отбросить непріятеля, но потерпѣлъ неудачу и принужденъ былъ возвратиться съ потерею одного орудія, причемъ человѣкъ до 80 изъ отрядовъ Скрипицына и Яковлева ушли въ толпу мятежниковъ. Войска заперлись въ небольшой деревянной крѣпостцѣ, защищавшей Осу, и открыли огонь по преслѣдовавшимъ ихъ мятежникамъ. Защитники осыпали ихъ картечью, камнями и лили на нихъ растопленную смолу и масло. Пугачевъ былъ отбитъ, но отъ захваченнаго въ плѣнъ башкирца въ городѣ узнали, что въ толпѣ у самозванца находится до 8,000 человѣкъ. Эта цифра испугала многихъ и впослѣдствіи сильно подѣйствовала на самого маіора Скрипицына.

На утро 19-го іюня яицкіе казаки, объѣзжая вокругъ крѣпости, кричали, что пріѣхалъ самъ батюшка Петръ Ѳедоровичъ, совѣтовали защитникамъ сдаться безъ сопротивленія, обѣщая не дѣлать никакого вреда покорившимся. Маіоръ Скрипицынъ отвѣчалъ, что считаетъ Пугачева за разбойника и государственнаго бунтовщика, сдаваться не желаетъ, а будетъ защищаться, пока силъ его достанетъ [1]).

Въ этотъ день самозванецъ не предпринималъ ничего, а ѣздилъ съ старшинами къ р. Камѣ осмотрѣть ея теченіе и отыскать мѣсто для переправы. Онъ приказалъ исправить дорогу внизъ по р. Камѣ и построить мосты черезъ топкія мѣста. Возвратившись въ лагерь, Пугачевъ собралъ къ себѣ старшинъ, чтобы посовѣтоваться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Бѣлобородовъ совѣтовалъ навить нѣсколько возовъ сѣна, соломы, бересты и, подвигая ихъ фронтомъ, подъ прикрытіемъ ихъ подойти къ крѣпости какъ можно ближе, зажечь ихъ и броситься на штурмъ.

— Я взялъ такъ Уткинскій заводъ, сказалъ онъ.

---

[1]) Показаніе воеводы пригорода Осы поручика Пироговскаго. Государ. Архивъ, VI, д. № 440.

Пугачевъ принялъ совѣтъ, приказалъ приготовить до 15 возовъ [1]), а между тѣмъ, подосланные къ пригороду казаки требовали покорности и грозили, въ противномъ случаѣ, сжечь городъ до основанія и истребить всѣхъ жителей до единаго. Они увѣряли, что Пугачевъ истинный государь и просили, для убѣжденія въ этомъ, прислать въ ихъ лагерь знающаго человѣка. Преувеличенныя свѣдѣнія о численности силъ самозванца, блокированіе пригорода со всѣхъ сторонъ и отсутствіе какой-либо надежды получить помощь извнѣ, произвели колебаніе среди населенія. Образовались двѣ партіи: одна совѣтовала сдаться, а другая — защищаться; одни говорили, что Пугачевъ истинный государь, а другіе, что онъ самозванецъ. Для болѣе опредѣленнаго рѣшенія этого вопроса населеніе положило отправить въ непріятельскій лагерь довѣренное лицо, отставнаго гвардіи-сержанта, посмотрѣть на самозванца и убѣдиться, похожъ-ли онъ на императора Петра III.

Когда Пугачевъ, по словамъ Ивана Творогова, узналъ, что ему будутъ произведены смотрины, «то переодѣвшись въ простое казачье платье и поставя въ рядъ казаковъ человѣкъ съ двадцать, сталъ самъ между ними и приказалъ привести посланца изъ крѣпости. Какъ же сей приведенъ былъ и сказано ему было, чтобъ онъ узнавалъ изъ представленной шеренги государя, то онъ, смотря порознь на каждаго, наконецъ, уставилъ глаза свои прямо на злодѣя и смотрѣлъ пристально».

— Что, старикъ, узнаешь-ли ты меня? спросилъ тогда Пугачевъ сержанта.

— Богъ знаетъ, отвѣчалъ онъ, — какъ теперь узнаешь! Въ то время былъ ты помоложе и безъ бороды, а теперь въ бородѣ и постарѣе.

— Смотри, дѣдушка, хорошенько, узнавай, коли помнишь.

Сержантъ смотрѣлъ долго.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ,—что вы походите на государя.

— Ну, такъ поди, дѣдушка, и скажи своимъ, чтобы не противились мнѣ, а то вѣдь я всѣхъ васъ предамъ смерти.

---

[1]) Показанія жителей Иргинскаго завода: Тимооѳя Уткина и Аѳанасія Зорина 24 іюня 1774 года. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X.

По возвращеніи посланнаго, маіоръ Скрипицынъ и поручикъ Пироговскій, при собраніи многихъ обывателей, спрашивали похожъ-ли самозванецъ на покойнаго государя.

— Волосами и глазами какъ государь, отвѣчалъ сержантъ, а лицомъ нѣсколько не походитъ, однако дѣйствительно увѣрить не могу.

При этомъ сержантъ передалъ слова Пугачева, что если жители не покорятся, то всѣ будутъ истреблены. Маіоръ Скрипицынъ предложилъ тогда всѣмъ собравшимся сдать самозванцу городъ и крѣпость.

— У насъ не осталось ни пороху, ни ружейныхъ патроновъ, говорилъ онъ,—не лучше ли сдаться безъ сопротивленія, ибо намъ противъ столь многочисленной толпы защищаться уже невозможно.

— Сдаваться злодѣямъ, отвѣчалъ на это Пироговскій,—не видя отъ нихъ еще серьезной опасности нѣтъ никакой надобности [1]).

Скрипицынъ не слушалъ совѣтовъ Пироговскаго и настаивалъ на своемъ. Онъ вторично отправилъ сержанта въ лагерь самозванца, чтобы тотъ окончательно убѣдился, истинный-ли это государь или нѣтъ? Для сержанта и большинства присутствовавшихъ было ясно, что вторичная посылка требовала утвердительнаго отвѣта. Сержантъ опять посмотрѣлъ на Пугачева, и на этотъ разъ призналъ его государемъ.

— Теперь я узнаю, что ты подлинно нашъ надёжа-государь, сказалъ онъ и поклонился.

— Ну, такъ уговори своихъ офицеровъ, сказалъ Пугачевъ,— чтобы не проливали напрасно крови и встрѣтили бы меня съ честью.

Посланный обѣщалъ исполнить требованіе.

— Господа офицеры, полно, не противьтесь, кричалъ сержантъ, возвращаясь въ крѣпость,—онъ подлинный нашъ государь Петръ Оедоровичъ.

Весь день 19 іюня прошелъ, въ Осѣ, въ совѣщаніяхъ, сда-

[1]) «Воеводу тамошняго (Пироговскаго), доносилъ подполковникъ Поповъ князю Щербатову, отъ 24 іюня, выбѣжавшіе изъ Осы оправдываютъ, что онъ, не склоняясь сему вредному обществу предательству, удерживалъ Скрипицына, однако не могъ».

ваться или нѣтъ? а между тѣмъ, утромъ 20 числа мятежники стали приближаться къ пригороду. Впереди везли возы сначала на лошадяхъ, а потомъ на людяхъ; за возами шла толпа, готовая броситься на штурмъ. Съ городской стѣны открыли-было огонь, но когда замѣтили, что инсургенты подошли уже близко и намѣрены зажечь сѣно и солому, то, опасаясь пожара, жители просили остановиться.

— Не подвигайте возовъ близко, кричали они, — дайте намъ сроку до завтра посовѣтоваться, мы сдадимся безъ драки.

Возы были остановлены и перестрѣлка прекратилась [1]).

Маіоръ Скрипицынъ приказалъ всей командѣ, жителямъ и духовенству быть готовыми къ сдачѣ пригорода и крѣпости, а самъ отправилъ парламентера къ Пугачеву спросить, «не будетъ-ли его, маіора, и команду казнить, за чинимое до того договору сопротивленіе». Ему отвѣчено, что государь не только не казнитъ его, но оставитъ командовать своими, но только съ условіемъ, чтобы при сдачѣ команда оставила свои ружья, пушки, и выйдя изъ крѣпости въ открытое поле, ожидала прибытія самозванца.

Вечеромъ, 20 іюня, всѣ караулы въ Осѣ были сняты, захваченные въ плѣнъ въ предъидущихъ сраженіяхъ мятежники выпущены на свободу, а убитые и валявшіеся до того въ форштадтѣ ночью похоронены.

Утромъ, 21 іюня, въ городѣ тихо прозвонили въ колокола и отворили ворота. Жители и войска, имѣя во главѣ маіора Скрипицына и поручика Пироговскаго, вышли, съ колокольнымъ звономъ, изъ города съ иконами, хлѣбомъ-солью и со знаменемъ. «Обезоруженные солдаты, говоритъ очевидецъ [2]), распустивъ волосы по плечамъ, уныло шли къ намъ». При приближеніи самозванца всѣ встали на колѣни, а Скрипицынъ приказалъ преклонить знамя.

— Богъ и государь тебя прощаетъ, сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ маіору, и приказалъ не брать у него шпаги. Если будешь служить вѣрно, то получишь награду.

---

[1]) Показанія жителей Иргинскаго завода: Тимоѳея Уткина и Аѳанасія Зорина 24 іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

[2]) Верхолапцевъ. *Пермскія Вѣдомости* 1864 года, № 2.

Команда была отведена въ лагерь, приведена къ присягѣ и названа «*Казанскимъ полкомъ*», командиромъ котораго былъ назначенъ Скрипицынъ, произведенный самозванцемъ въ полковники [1]). Солдатамъ остригли волосы, сняли съ нихъ мундиры и одѣли по-казацки.

Забравъ всѣ ружья, восемь пушекъ, Пугачевъ сжегъ Осу, причемъ сгорѣла и церковь. Простоявъ нѣсколько часовъ въ лагерѣ, въ трехъ верстахъ отъ пригорода, самозванецъ въ тотъ же день двинулся къ Рождественскому заводу и, не доходя до него верстъ 50, ночевалъ въ полѣ.

По показаніямъ различныхъ выходцевъ, силы Пугачева въ это время находились въ предѣлахъ отъ 5 до 8 тысячъ человѣкъ и состояли изъ уфимскихъ башкировъ, кунгурскихъ и тулвенскихъ татаръ, красноуфимскихъ казаковъ, экономическихъ и помѣщичьихъ крестьянъ, жившихъ въ окрестностяхъ Осы [2]).

Наутро Пугачевъ собралъ къ себѣ яицкихъ казаковъ и объявилъ имъ, что черезъ нарочно-присланнаго получилъ письмо отъ сына, который желаетъ видѣться съ нимъ въ Казани, и потому онъ идетъ къ нему на свиданіе.

Отправивъ приказаніе башкирцамъ выходить въ походъ съ каждаго дома по одному человѣку, а если въ домѣ три человѣка, то двумъ, «дабы во время проѣзда самого государя была команда больше и тѣмъ бы показалась красива» [3]), Пугачевъ рано утромъ, 22 іюня, двинулся къ Рождественскому заводу и расположился лагеремъ на берегу р. Камы. Какъ только заводскіе крестьяне деревень Пристаничной, Зубачевки и экономическіе села Дубровы увидѣли толпу, они тотчасъ же стали готовить «*коломенки*» для

---

[1]) Показаніе воеводы Пироговскаго. Показаніе подпоручика Ѳедора Минѣева. Показаніе Чѣтобородова 30 іюля 1774 г. Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 года. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государ. Арх., VI, дѣла №№ 429, [illegible]. Показаніе Рождественскаго завода расходчика Ивана Кондюрина [illegible]. Таверты подполковника Попова князю Щербатову, отъ 24 и 25 [illegible]. Таверты Брандта военной коллегіи, отъ 27 іюня. Московскій Архивъ [illegible], опись 47, книги V и X.

[2]) [illegible] Попова князю Щербатову, отъ 21 іюня. Московскій [illegible], опись 47, книга X.

[3]) [illegible] Архивъ, VI, дѣло № 416.

переправы государя, но Пугачевъ въ этотъ день не переправился и закончилъ свою дѣятельность тѣмъ, что повѣсилъ маіора Скрипицына и капитана Смирнова.

Слѣдуя вмѣстѣ съ мятежниками и видя всю нестройность пьяной толпы, Скрипицынъ и Смирновъ сознали все безобразіе своего поступка и поняли, что, при малѣйшей энергіи, они могли бы съ успѣхомъ отстоять Осу и не быть нарушителями долга и присяги. Мучимые совѣстью, они рѣшились дать знать казанскому губернатору объ угрожающей опасности и о нестройности толпы. Скрипицынъ полагалъ, что въ то время, когда мятежники будутъ атакованы войсками, онъ уговоритъ своихъ солдатъ и приметъ ихъ въ два огня. Переговоривши съ нѣкоторыми офицерами, Скрипицынъ «написалъ въ Казань рапортъ съ приложеніемъ во оном двухъ его злодѣйскихъ о преклоненіи къ нему народа указовъ»[1]).

Рапортъ былъ написанъ рукою Смирнова, вложенъ въ конвертъ и приготовленъ къ отправленію, но принимавшій участіе въ совѣщаніяхъ подпоручикъ Минѣевъ донесъ о замыслѣ маіора и капитана. Оба они были немедленно повѣшены у Рождественской пристани, а Минѣевъ произведенъ въ полковники и сталъ близкимъ человѣкомъ у Пугачева.

На слѣдующій день самозванецъ со всею толпою сталъ переправляться черезъ р. Каму.

Не имѣя возможности воспрепятствовать переправѣ и опасаясь за ввѣренные ему заводы, Воткинскій и Ижевскій, коллежскій совѣтникъ Венцель собралъ мастеровыхъ и крестьянъ, въ числѣ 1,300 человѣкъ, и поручилъ ихъ начальству оберъ-гинтеръ-фервальтеровъ: Ижевскаго завода Ивана Алымова и Воткинскаго — Алексѣя Клепикова. Извѣстіе о томъ, будто бы Пугачевъ двигается къ Сарапулю, заставило Венцеля стянуть оба отряда къ Ижевскому заводу, но когда было получено достовѣрное извѣстіе, что онъ переправился у Рождественскаго завода, тогда Венцель приказалъ Алымову и Клепикову занять и защищать Воткинскій заводъ. На пути Алымовъ и Клепиковъ увидѣли, что Воткинскій заводъ горитъ и потому не пошли на встрѣчу мятежникамъ, тѣмъ

[1]) Показаніе подпоручика Минѣева. Государств. Арх., VI, д. № 440.

болѣе, что бо́льшая часть ихъ ополченія разбѣжалась, говоря, что злодѣи разбили пригородъ Осу, такъ и имъ не устоять. Оставшись съ небольшимъ числомъ вооруженныхъ людей, Алымовъ и Клепиковъ стали отходить къ Ижевскому заводу, и тогда Венцель выслалъ имъ на подкрѣпленіе отставного секундъ-маіора Николая Алымова и регистратора Гаврилу Брянцова съ 9 солдатами, 200 мастеровыми и тремя орудіями. 27 іюня, въ селѣ Новокрещенскомъ, отрядъ этотъ былъ разбитъ мятежниками и въ тотъ же день Пугачевъ занялъ Ижевскій заводъ. Венцель, двое Алымовыхъ были убиты, почти всѣ начальствующія лица повѣшены, а заводъ сожженъ [1]).

Въ Ижевскомъ заводѣ было встрѣчено Пугачевымъ послѣднее препятствіе, и далѣе онъ могъ слѣдовать свободно до самой Казани.

V.

Приближеніе Пугачева къ Казани.—Мѣры принятыя правительствомъ къ защитѣ города.—Участіе въ этомъ населенія. — Прибытіе въ Казань П. С. Потемкина. — Его донесенія и участіе въ оборонѣ.—Появленіе самозванца и его распоряженія.— Штурмъ и разореніе города.

Приближеніе Пугачева къ р. Камѣ и паденіе пригорода Осы вызвали со стороны казанскаго губернатора фонъ-Брандта усиленную дѣятельность, но, къ сожалѣнію, онъ лишенъ былъ всѣхъ средствъ защиты [2]). За разсылкою въ разные отряды гарнизонныхъ баталіоновъ, въ Казани не было ни одной правильно организованной строевой части, которую можно было бы выслать на встрѣчу приближавшимся мятежникамъ. «Оставшимися отъ полковъ сотъ до четырехъ армейскими командами, доносилъ Брандтъ [3]), изъ выздоровѣвшихъ и изъ рекрутъ состоящими, содержится въ городѣ и тюремномъ острогѣ караулъ».

---

[1]) Показаніе канцеляриста Мирона Комарова и копіиста Михаила Лапотникова 1 іюля. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

[2]) Брандтъ, какъ мы говорили, предвидѣлъ бѣду, но устранить ее былъ не въ силахъ (см. выше стр. 62 и 63).

[3]) Въ рапортѣ военной коллегіи отъ 27-го іюня 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. V.

Тѣмъ не менѣе, казанскій губернаторъ принялъ всѣ мѣры, какія только были въ его власти и сдѣлалъ все, что было возможно въ его положеніи. Онъ предписалъ воеводѣ гор. Хлынова набрать сколь возможно болѣе вооруженныхъ людей и оберегать ими теченіе р. Камы на пространствѣ между Осою и Сарапулемъ. Три штатныя команды, содержавшіяся въ Казани для сыску воровъ и разбойниковъ, генералъ Брандтъ соединилъ въ одну, взялъ изъ Казанскаго адмиралтейства нѣсколько вооруженныхъ судовъ и устроилъ изъ нихъ въ устьѣ р. Камы плавучую батарею. По сторонамъ батареи были расположены сыскныя команды на лодкахъ, а по берегу, по обѣ стороны лодокъ, были разсыпаны въ цѣпь по 50 стрѣлковъ [1]) Всѣ суда, спускавшіяся по р. Камѣ, велѣно было осматривать, «ибо, доносилъ Брандтъ [2]), если явнымъ образомъ не отважится злодѣй идти рѣкою, а вздумаетъ тихо спуститься въ лодкахъ, то-бъ не могъ прокрасться». Точно такія же заставы въ 100 человѣкъ съ пушками, были учреждены въ Симбирскѣ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ рѣки Волги, и находившемуся въ Малыковкѣ л.-гв. поручику Державину приказано «взять должную осторожность и сдѣлать таковую же преграду» въ селеніяхъ Иргизскихъ и по Волгѣ.

Одновременно съ этимъ генералъ Брандтъ отправилъ нарочныхъ въ отряды Михельсона, Попова, Жолобова, Гагарина и князя Голицына съ просьбою поспѣшить на спасеніе Казанской губерніи. Онъ настойчиво требовалъ, чтобы главнокомандующій князь Щербатовъ выѣхалъ изъ Оренбурга и остановился по крайней мѣрѣ въ Бугульмѣ, дабы быть въ равномъ разстояніи отъ Оренбурга, Уфы и Казани. Казанскій губернаторъ справедливо говорилъ, что «башкирскія замѣшательства не столь важны, сколько здѣсь нынѣ предстоитъ опасности» [3]). Онъ указывалъ кн. Щербатову, что если Пугачевъ успѣетъ переправиться черезъ р. Каму,

---

[1]) Стрѣлки эти были взяты поровну отъ полковъ 2-го гренадарскаго и Томскаго пѣхотнаго. См. рапортъ подполковника Макарова генералу Брандту отъ 26 іюня 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

[2]) Въ рапортѣ военной коллегіи отъ 27-го іюня 1774 г. Тамъ же, кн. V.

[3]) Письмо Брандта кн. Щербатову 26-го іюня. Москов. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

«то совсѣмъ можетъ произвести худыя слѣдствія». Возмутивъ вотяковъ, заводскихъ рабочихъ, помѣщичьихъ крестьянъ и усиливъ ими значительно свою толпу, самозванецъ легко могъ прервать сообщеніе между Москвою и Казанью и поднять населеніе многихъ при-волжскихъ губерній. Не имѣя самъ никакой возможности остановить стремленіе Пугачева, генералъ Брандтъ просилъ главнокомандующаго принять къ тому «достаточныя мѣры»[1]).

Не смотря на то, князь Щербатовъ оставался въ Оренбургѣ до 5-го іюля и лишь въ этотъ день выѣхалъ въ Бугульму, въ сопровожденіи одной роты гренадеръ, одного эскадрона гусаръ и 150 человѣкъ малороссійскихъ казаковъ. Ссылаясь на «изнуренное и день отъ дня ослабѣвающее здоровье», онъ подвигался медленно и надѣялся на предпріимчивость Михельсона, которому приказано было преслѣдовать Пугачева.

«При всѣхъ сихъ непріятныхъ обстоятельствахъ, доносилъ князь Щербатовъ императрицѣ [2]), которымъ единственная причина слѣпое и развращенное предательство простаго народа къ злодѣю и великое пространство земли, котораго повсюду обнять нѣтъ возможности и которое причиняетъ замедленіе въ перепискѣ— *возлагаю я теперь лучшее мое упованіе на расторопность подполковника Михельсона»*.

Послѣдній былъ еще на пути изъ Уфы къ Бирску, а всѣ остальные отряды еще далѣе. Отрядъ Деколонга находился въ Челябѣ, генералъ-маіоръ Станиславскій съ малолюдною 14-ю легкою полевою командою въ Троицкой крѣпости, генералъ Фрейманъ въ Уйской крѣпости и кн. Голицынъ на пути къ Уфѣ.

Появленіе скопищъ мятежниковъ по рѣкамъ Бѣлой и Ику заставило кн. Голицына прежде всего возстановить сообщеніе съ Старо-Тамакскою пристанью и Табынскомъ. Пройдя черезъ Шар[illegible] и деревню Уракъ, князь Голицынъ 27-го іюня при[illegible] въ Бекульчаны, гдѣ и остановился по необходимости заго[illegible] «Таперича, доносилъ онъ [3]), мое упражне-

[1]) [illegible] кн. Щербатову 24 іюня. Тамъ же, кн. IX.

[2]) [illegible] 1774 г., № 6. Воен. учен. Арх., д. № 104 (А).

[3]) [illegible] отъ 20 іюня 1774 г. № 1376. Москов. Архивъ [illegible] X.

ніе въ томъ происходитъ, чтобы здѣшній край привести въ твердое состояніе». Оставивъ гарнизоны въ Табынскѣ, Стерлитамакской пристани и въ Богульчанахъ, князь Голицынъ намѣренъ былъ двинуться къ Уфѣ и соединиться съ отрядомъ полковника Якубовича. У Бирскаго перевоза стоялъ поручикъ Яворскій съ очень небольшою командою уланъ и башкирцевъ [1]). Въ Бузулукской крѣпости стоялъ прокуроръ Чемесовъ съ тремя эскадронами Пензенскаго дворянскаго уланскаго корпуса. Ново-московская дорога оберегалась небольшимъ отрядомъ секундъ-маіора Юшкова, находившагося въ дер. Сарманаевой. Въ Бакалахъ стоялъ отрядъ полковника Обернибѣсова и, наконецъ, въ Бугульмѣ—полковника Кожина.

Полковникъ Кожинъ, какъ только узналъ о паденіи Осы и приближеніи мятежниковъ къ р. Камѣ, тотчасъ же приказалъ полковнику Обернибѣсову слѣдовать изъ Бакаловъ къ Мензелинску, для занятія Шунскаго перевоза и не допускать инсургентовъ спускаться на судахъ по р. Камѣ. Выступая къ Мензелинску, Обернибѣсовъ взялъ съ собою 100 человѣкъ пѣхоты и только 4 человѣка кавалеріи, а отставного поручика Мельгунова съ 110 уланами отправилъ для занятія Ангазятскаго перевоза [2]). Это были единственные отряды, направленные за Пугачевымъ, да и то не по слѣдамъ его, а къ мѣстамъ возможнымъ для переправы.

Между тѣмъ, не встрѣчая нигдѣ препятствія и имѣя въ своемъ распоряженіи до 7,000 человѣкъ съ 12 орудіями [3]), самозванецъ широко раскинулся по обоимъ берегамъ рѣки Камы и охватилъ огромное пространство. Силы его съ каждымъ днемъ увеличивались, и толпы мятежниковъ появились одновременно въ Сарапулѣ, Елабугѣ, Заинскѣ и на всемъ правомъ берегу р. Камы, до Ижевскаго завода. Сподвижники самозванца захватывали суда, спускались внизъ по Камѣ, грабили села и деревни, расположенныя по обоимъ берегамъ рѣки.

Дойдя до Мензелинска и получивъ извѣстіе, что изъ Сарапуля

---

[1]) Рапортъ полковника Обернибѣсова кн. Щербатову отъ 23 іюня 1774 г. Тамъ же, кн. IX.

[2]) Рапортъ Обернибѣсова кн. Щербатову отъ 3 іюля 1774 г. Москов. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

[3]) Показаніе Пугачева 4-го ноября 1774 г. Гос. Арх., VI, дѣло № 512.

спускаются три барки съ вооруженными людьми, полковникъ Обернибѣсовъ съ своимъ отрядомъ и 50-ю человѣками вооруженныхъ мензелинскихъ жителей форсированнымъ маршемъ перешелъ въ дер. Бетки, сдѣлавъ въ 16 часовъ болѣе 80 верстъ. Здѣсь онъ узналъ, что барки съ мятежниками находятся у сел. Челнова, вверху Камы. Разставивъ стрѣлковъ по берегу, Обернибѣсовъ ожидалъ приближенія барокъ, но наступилъ вечеръ, а мятежники не показывались. Тогда Обернибѣсовъ, не желая дать имъ возможности спуститься внизъ ночью, отправилъ вверхъ по Камѣ нѣсколько гребныхъ лодокъ съ 35 вооруженными людьми, а за ними берегомъ послалъ 16 человѣкъ рядовыхъ съ прапорщикомъ Бунинымъ. Пройдя 7 верстъ, лодки и команда встрѣтили плывшихъ мятежниковъ, потопили нѣсколько лодокъ съ людьми и принудили двѣ барки сдаться; третья барка успѣла прорваться, но на высотѣ дер. Бетковъ была встрѣчена выстрѣлами и посажена на мель. Захвативъ на всѣхъ судахъ 373 человѣка въ плѣнъ, преимущественно крестьянъ помѣщиковъ Глѣбова и Собакина, полковникъ Обернибѣсовъ отправилъ ихъ въ Мензелинскъ, а самъ пошелъ къ Заинску, съ намѣреніемъ слѣдовать далѣе къ устью р. Вятки.

Въ это же самое время находившійся въ Бугульмѣ полковникъ Кожинъ отправилъ графа Меллина съ 130 человѣками пѣхоты, 40 чугуевскими, 48 малороссійскими казаками и съ двумя пушками изъ деревни Сарманаевой къ Шуранскому перевозу на рѣкѣ Камѣ. Подпоручикъ гвардіи Ермоловъ съ 120 человѣками улановъ посланъ былъ изъ Бузулука въ Черемшанъ, гдѣ и долженъ былъ ожидать приказаній графа Меллина. Поручикъ Веденяпинъ, съ 40 драгунами и 80 яицкими казаками, выступивъ изъ Бугуруслана, долженъ былъ охранять пространство между слободою Черкасскою и пригородомъ Сергіевскимъ. Небольшіе отряды отъ 30 до 40 человѣкъ были поставлены въ Заинскѣ, въ дер. Шаутахъ и на ново-московской дорогѣ. Такимъ образомъ полковникъ Кожинъ разослалъ свой отрядъ по разнымъ мѣстамъ, «а самъ, доносилъ онъ [1]), для удержанія сего поста (Бугульмы)

[1]) Въ рапортѣ кн. Щербатову отъ 4-го іюля 1774 г. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

и всѣхъ здѣсь мятущихся въ около-лежащихъ селеніяхъ жителей, *остаюсь почти одною только своей персоною*, не давая поводу выступленіемъ своимъ симъ мятущимся жителямъ, и особливо башкирцамъ, похитить сей нужный и коммуникаціонный постъ. Давно отъ меня сообщено полковнику Якубовичу (въ Уфу), чтобы сіе мѣсто скорѣе закрыть, еще до выступленія Оберниббсова, только и понынѣ отвѣта отъ него не имѣю; Михельсонъ теперь, надо думать, уже на рѣкѣ Вяткѣ, о чемъ и губернатора казанскаго увѣдомилъ».

Предположенія Кожина были не совсѣмъ точны.

До 21 іюня Михельсонъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, гдѣ находится Пугачевъ. Въ этотъ день онъ разбилъ толпу мятежниковъ на р. Бирѣ и отъ захваченныхъ въ плѣнъ узналъ, что самозванецъ говорилъ окружающимъ, что пойдетъ не къ Кунгуру, а къ Казани. Михельсонъ пошелъ по указанному направленію, 22 іюня разбилъ мятежниковъ на р. Танынѣ и далѣе на пути узналъ, что Пугачевъ переправился черезъ р. Каму и что мятежники, найдя въ Сарапулѣ суда, сѣли на нихъ вмѣстѣ съ жителями и поплыли внизъ по рѣкѣ [1]). «Я точнаго свѣдѣнія о Пугачевѣ еще не имѣю, доносилъ Михельсонъ 27 іюня [2]), однако считаю, что сей злодѣй повернулъ къ сторонѣ Хлынова, почему и поспѣшаю на него и можетъ быть долженъ буду перейти за Каму».

Переправившись 29-го іюня черезъ р. Танынъ и, подойдя къ деревнѣ Садыбашевой, подполковникъ Михельсонъ разсѣялъ толпу мятежниковъ до 500 человѣкъ, причемъ отъ захваченныхъ въ плѣнъ получилъ ложныя свѣдѣнія о движеніи самозванца. Плѣнные говорили, что Пугачевъ въ Сарапулѣ, и потому Михельсонъ двинулся къ дер. Масляный-мысъ, гдѣ узналъ, что самозванецъ пошелъ къ Казани. Найдя всѣ паромы и лодки уничтоженными и не имѣя возможности переправиться въ этомъ пунктѣ, Михельсонъ повернулъ къ сел. Каракулину и отправилъ приказаніе поручику Мельгунову оставить на Ангазятскомъ перевозѣ достаточную команду изъ вѣрныхъ

---

[1]) Журналъ дѣйствій отряда Михельсона.

[2]) Въ рапортѣ князю Щербатову. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, оп. 47, книга X.

намъ иновѣрцевъ, а самому съ 100 человѣками улановъ идти къ нему на соединеніе. Присоединеніе свѣжей кавалеріи къ отряду Михельсона было крайне необходимо. «Деташементъ мой, писалъ онъ князю Щербатову [1]), съ самаго начала былъ не въ лучшемъ (не въ исправномъ) состояніи, а особливо Архангелогородскій эскадронъ, въ коемъ по бо̀льшей части старыя и изнуренныя лошади, и составленъ собранными со всего полка людьми, кои нынѣ на своихъ негодныхъ лошадяхъ такъ, какъ пѣши; равномѣрно же и остатокъ казанскихъ гусаръ (Казанскаго дворянскаго корпуса), какъ и бо̀льшая часть моей прочей команды».

Въ Каракулинѣ было получено извѣстіе, что Пугачевъ пошелъ по Арской дорогѣ прямо на Казань. Тогда Михельсонъ двинулся по кратчайшей Зюренской дорогѣ, надѣясь выдти на встрѣчу Пугачеву, прежде чѣмъ онъ придетъ къ Казани. «Я бы охотнѣе пошелъ по Арской дорогѣ, доносилъ онъ [2]), но опасаюсь, что его не догоню, а онъ мнѣ снятіемъ переправъ по р. Вяткѣ можетъ сдѣлать остановку. Ежели злодѣй дѣйствительно пошелъ къ Казани, то я надѣюсь, ежели прежде съ нимъ не встрѣчусь, (то) сего мѣсяца 8-го или 9-го числа равномѣрно же прибыть къ Казани».

Въ ночь со 2-го на 3-е іюля Михельсонъ съ большими затрудненіями переправился черезъ р. Каму [3]), 3-го числа дошелъ до села Пьянаго-бора, 5-го числа переправился черезъ р. Ижь, но сколько ни торопился походомъ, онъ не находилъ возможнымъ, съ изнуренными людьми и лошадьми, поспѣть къ р. Вяткѣ на перевозъ ранѣе 8-го іюля. Поручикъ Мельгуновъ къ нему не прибылъ, а пошелъ на соединеніе съ Обернибѣсовымъ къ Мензелинску [4]), и такимъ образомъ, не имѣя возможности освѣжить свой отрядъ и усилить переходы, Михельсонъ не успѣлъ преду-

---

[1]) Въ рапортѣ отъ 30-го іюня 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

[2]) Въ рапортѣ генералу Брандту отъ 2-го іюля 1774 г. Московс. Арх. Главн. Штаба, оп. 47, кн. X.

[3]) Рапортъ Михельсона князю Голицыну, 3-го іюля 1774 г. изъ дер. Сляковой. Тамъ же.

[4]) Тоже, отъ 6-го іюля. Тамъ же.

предить самозванца и прибылъ къ Казани въ то время, когда городъ былъ уже разоренъ мятежниками [1]).

Находясь между рѣками Казанкой и Булакомъ, тогдашняя Казань состояла преимущественно изъ деревянныхъ построекъ и раздѣлялась на три части: крѣпость, городъ и слободы. Крѣпость была въ полуразрушенномъ состоянiи и находилась въ западной части города на берегу Казанки, причемъ самый длинный фасъ ея шелъ параллельно р. Булаку. Образуя сомкнутый многоугольникъ, крѣпость имѣла 750 саж. длины и въ юго-восточномъ углу ея былъ Спасскiй монастырь. Къ востоку отъ крѣпости раскинулся городъ, въ которомъ наиболѣе выдающимися зданiями были гостиный дворъ и дѣвичiй монастырь. Оба зданiя находились вблизи крѣпости и потому, овладѣвъ ими, можно было обстрѣливать крѣпость съ двухъ сторонъ. Вокругъ крѣпости и города насыпаны были земляныя батареи, соединенныя между собою рогатками. За ними лежали слободы, составлявшiя предмѣстья города. На берегу озера Кабана находилась слобода Архангельская, а лѣвѣе ея—Суконная, черезъ которую проходила дорога въ Оренбургъ. Къ Суконной слободѣ прилегало Арское поле, въ западной части котораго, со стороны р. Казанки, были: загородный губернаторскiй домъ, кирпичные заводы и роща, принадлежавшая помѣщицѣ Неёловой. Между заводами и рощею пролегалъ большой сибирскiй трактъ.

Въ началѣ 1774 года, съ появленiемъ башкирскихъ шаекъ у границъ Казанской губернiи, были приняты мѣры къ защитѣ Казани, но мѣры эти были ничтожны. По распоряженiю губернатора исправляли крѣпость, но за неимѣнiемъ средствъ и рукъ работы подвигались весьма медленно. По недостатку войскъ городская молодежь пріучалась къ военнымъ порядкамъ при мѣстныхъ командахъ и по желанiю дворянъ дѣти ихъ, находившiеся въ гимназiи, занимались фехтованiемъ. Казанская гимназiя купила на свой счетъ 450 карабиновъ и пики, и подъ руководствомъ директора Каница производилось обученiе учениковъ дѣйствовать оружiемъ.

[1]) Разсказъ г. Мордовцева о дѣятельности Михельсона и о состоянiи края въ это время не имѣетъ исторической достовѣрности, какъ основанный на иностранныхъ источникахъ, переполненныхъ вымысломъ и искаженными фактами.

Въ Казани находилось до 400 человѣкъ регулярныхъ войскъ разныхъ командъ. Въ концѣ іюня прибылъ полковникъ князь Одоевскій съ 120 человѣками гренадеръ [1]), а 10 іюля должны были прибыть двѣ роты Владимірскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ капитана Коха, въ составѣ трехъ офицеровъ и 187 нижнихъ чиновъ [2]). Такимъ образомъ, число регулярныхъ войскъ доходило до 700 человѣкъ, а затѣмъ дальнѣйшая защита города зависѣла отъ числа вооруженныхъ жителей. Полковникъ князь Одоевскій предлагалъ сформировать отрядъ въ 600 человѣкъ, выслать его на встрѣчу Пугачеву, остановить наступательное движеніе самозванца и тѣмъ дать возможность Михельсону нагнать его и атаковать съ тыла. Опасеніе оставить городъ безъ войскъ заставило совѣщавшихся прибѣгнуть къ полумѣрѣ и отправить на встрѣчу самозванца полковника Толстаго съ 100 человѣками пѣхоты, 100 карабинерами и однимъ орудіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было построить вокругъ города нѣсколько батарей, причемъ полковникъ Свѣчинъ предложилъ сдѣлать вокругъ слободъ ровъ и, при содѣйствіи жителей, брался вырыть его въ три дня [3]). Это предложеніе было отвергнуто и рѣшено построить батареи только вокругъ города, а слободы обнести рогатками и предоставить ихъ собственной защитѣ. Рѣшаясь на такую мѣру, защитникамъ слѣдовало всѣхъ жителей слободъ перевести въ городъ, а строенія уничтожить, но какъ этого сдѣлано не было, то слободы представили впослѣдствіи прекрасное закрытіе для мятежниковъ при штурмѣ города.

Такое упущеніе объясняется отчасти тѣмъ, что большинство не предвидѣло серьезной опасности городу. Зная, что самозванецъ преслѣдуется, со стороны Екатеринбурга, отрядами маіоровъ Гагрина и Жолобова, что изъ Башкиріи идетъ за нимъ Михельсонъ, а близъ Камы стоитъ полковникъ Якубовичъ съ своимъ отрядомъ,

---

[1]) Письмо генерала Брандта князю Щербатову 24 іюня 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IX.

[2]) Рапортъ капитана Коха князю Щербатову 30 іюня. Тамъ же, кн. X.

[3]) Записка Охлебинина, поданная князю Вяземскому. Арх. Кабинета Его Величества, дѣло о Пугачевѣ.

большинство начальствующихъ не вѣрило, чтобы самозванецъ могъ появиться у Казани.

«Приступая къ разсужденію объ оказавшихся якобы опасностяхъ городу Казани, писалъ генералъ-маіоръ Ларіоновъ [1]), согласенъ я взять мѣры ко укрѣпленію сего города; но какъ не предусматриваю я ни скорой къ тому и ниже отчаянной опасности, то и желалъ бы, чтобы пронесшіеся о томъ слухи не потревожили живущихъ въ здѣшнемъ городѣ и по окрестностямъ онаго всякаго званія и рода людей и не привели бы въ замѣшательство нынѣшняго земледѣльчества».

Ко времени появленія Пугачева было заложено до девяти батарей, но успѣли окончить только пять, причемъ каждая батарея была вооружена не болѣе какъ однимъ орудіемъ. Начиная отъ Арскаго поля и р. Казанки—около Суконной слободы, селъ: Архангельскаго, Плѣтеней, слободъ: Мокрой и Ямской, снова до р. Казанки—все пространство было обнесено рогатками. Эта огибавшая Казань оборонительная линія, имѣвшая болѣе 15 верстъ протяженія, была раздѣлена между тремя начальниками: генералъ Баннеръ командовалъ батареями на линіи отъ Арскаго поля до озера Кабана; генералъ-маіоръ Ларіоновъ — отъ Плѣтеней до Ямской, а остальною линіею до Казанки завѣдывалъ полковникъ Свѣчинъ. Огражденіе рогатками предмѣстій было возложено: слободы Суконной на коммерціи совѣтника Дряблова, Архангельской и Плѣтеней—на экономическихъ крестьянъ; Ямской — на ямщиковъ, а отъ Мокрой до Казанки—на обывателей города. Крѣпость находилась въ вѣдѣніи коменданта полковника Лецкаго, а часть города, огибаемая р. Казанкою, отъ Мокрой до Арскаго поля, поручена защитѣ члену адмиралтейской конторы Щелину. Онъ долженъ былъ вооружить мелкія суда и наблюдать, чтобы мятежники, добравшись до Казанки, не могли перейти ее въ бродъ и напасть на городъ съ этой стороны [2]).

3-го іюля, въ Казани было объявлено предложеніе губернатора, чтобы жители приняли мѣры и содѣйствовали защитѣ го-

---

[1]) Въ мнѣніи, поданномъ 2 іюля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 444. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. 4, стр. 4.

[2]) «Казанская исторія», Николая Баженова. Изд. 1847 г., ч. II, стр. 83.

рода. Генералъ фонъ-Брандтъ писалъ, что городъ защищенъ рогатками, за которыми будетъ поставлено 200 (?) пушекъ; что начальство надъ войсками и наблюденіе за работами по исправленію укрѣпленій поручено генералу Баннеру и шефу казанскаго дворянскаго корпуса, генералъ-маіору Ларіонову. Отъ присутственныхъ мѣстъ и жителей потребованы вѣдомости, сколько можетъ быть выставлено вооруженныхъ людей и какимъ оружіемъ. Директоръ казанской гимназіи фонъ-Каницъ донесъ, что команда его будетъ состоять изъ 6 человѣкъ дворовыхъ людей директора, 13 учителей, 39 учениковъ и 2 приказныхъ; что дворовые и ученики будутъ вооружены пиками, а учителя и два дежурныхъ офицера, какъ «*люди шпажные*», будутъ имѣть по парѣ пистолетовъ [1]).

Всѣ вооруженные жители были раздѣлены по участкамъ и каждому указанъ свой постъ на случай тревоги, сигналомъ для которой должны были служить орудійные выстрѣлы и набатъ всѣхъ церквей города. Еслибы въ городѣ случился пожаръ, то тушеніе его возложено на полицейскія команды и на назначенныхъ для того обывателей. Оставленіе же своего мѣста во время боя, хотя бы и для спасенія собственнаго имущества, строго воспрещалось и нарушителей порядка приказано было колоть или застрѣлить, чтобы прочіе «воздержались и были неотлучными до послѣдней капли крови при своихъ мѣстахъ».

Съ этого дня въ Казани замѣтно было особое оживленіе. Населеніе города раздѣлилось на двѣ части: одна вооружалась, а другая, не особенно вѣрившая въ силу оборонительныхъ средствъ, покидала городъ, уѣзжая съ семействами и имуществомъ въ Москву, Симбирскъ и Пензу. Въ день губернаторскаго объявленія, 3 іюля, генералъ-маіоръ Ларіоновъ просилъ генерала Брандта уволить его въ Москву на 29 дней, говоря, что онъ уже имѣетъ такое разрѣшеніе отъ генералъ-кригсъ-коммиссара генералъ-аншефа Глѣбова [2]). Генералъ фонъ-Брандтъ не считалъ себя въ правѣ отмѣнить разрѣшеніе, данное прямымъ начальникомъ, и генералъ-маіоръ Ларіоновъ уѣхалъ изъ Казани. Его дистанція перешла въ руки

[1]) «Историческая записка о 1-й казанской гимназіи». В. Владимірова, стр. 126.

[2]) Рапортъ Ларіонова Брандту 3 іюля. Московс. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга X.

генерала Баннера, который еще въ 1771 году былъ уволенъ по неспособности отъ командованія Московскимъ легіономъ. При этомъ надо сказать, что при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ между представителями правительственной власти не было ни согласія, ни единства въ дѣйствіяхъ. Корпоративныя начала, сословныя предубѣжденія и отсутствіе дисциплины удаляли всякую возможность къ единодушной защитѣ города. Директоръ казанской гимназіи Каницъ, сообщая губернатору, что для защиты города онъ можетъ выставить 74 человѣка вооруженныхъ гимназистовъ, просилъ выдать имъ порохъ и пули. При этомъ онъ писалъ, что его корпусу, «въ коемъ, выключая дворовыхъ, люди упражняющіеся въ наукахъ, непристойно съ прочими гражданами мѣшаться на ряду, то чтобъ повелѣно было означить мѣсто, гдѣ бы гимназическая команда при оборонѣ города сама собою, подъ предводительствомъ своего командира, стоять могла» [1]).

Гимназистамъ назначено было защищать батарею, поставленную на открытомъ мѣстѣ, противъ Арскаго поля; проходившая впереди батареи главная сибирская дорога была перекопана и за насыпью поставленъ караулъ. Гимназисты были построены въ двѣ шеренги, изъ коихъ передняя имѣла карабины, а задняя пики. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились художники и ремесленники изъ нѣмцевъ, вооруженные 50 карабинами и размѣстившіеся по флангамъ гимназистовъ.

Въ такомъ положеніи была защита Казани, когда, 7-го іюля, генералъ Брандтъ получилъ письмо татарина Мусалима Алмаметева, увѣдомлявшаго, что 4-го числа Пугачевъ съ его толпою находился въ экономическомъ селѣ Мамадышахъ [2]). Казанскій губернаторъ не повѣрилъ этому сообщенію, надѣясь, что Михельсонъ или нагналъ мятежниковъ, или вышелъ имъ на встрѣчу. «Я въ семъ, что Пугачевъ тутъ (въ Мамадышахъ), писалъ Брандтъ князю Щербатову [3]), сомнѣваюсь, потому что подполковникъ Михельсонъ, надѣюсь, что симъ временемъ ходитъ уже не напрасно».

---

[1]) «Историческая записка о 1-й казанской гимназіи». В. Владимірова. Изд. 1867 года, т. I, стр. 126.

[2]) Государственный Архивъ, VI, д. № 444.

[3]) Въ письмѣ, отъ 9 іюля 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга X.

Надежда на содѣйствіе Михельсона и на то, что онъ придетъ въ Казань ранѣе мятежниковъ была всеобщею. Этою надеждою питались не одни жители, но и представители власти, въ томъ числѣ и начальникъ секретной коммиссіи генералъ-маіоръ П. С. Потемкинъ, пріѣхавшій въ городъ 8-го іюля.

Человѣкъ не особенно высокой нравственности, но сильный поддержкою въ то время быстро возвышавшагося троюроднаго брата, впослѣдствіи князя Таврическаго, Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ явился въ Казань хозяиномъ, толковавшимъ по своему данныя ему полномочія императрицы. Не имѣя права вмѣшиваться въ административныя распоряженія и лишенный возможности, по краткости времени, осмотрѣться и познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, П. С. Потемкинъ тѣмъ не менѣе въ день своего пріѣзда уже отправилъ донесеніе императрицѣ, въ которомъ сдѣлалъ все, чтобы поставить себя главнѣйшимъ распорядителемъ по защитѣ Казани отъ нападенія мятежниковъ. «Въ пріѣздъ мой въ Казань, писалъ онъ [1]), нашелъ я городъ въ столь сильномъ уныніи и ужасѣ, что весьма *трудно было мнѣ удостовѣрить о безопасности города. Ложныя* по большей части извѣстія о приближеніи къ самой Казани злодѣя Пугачева привели въ неописанную робость, начиная отъ начальника, почти всѣхъ жителей, такъ что почти всѣ уже вывозили свои имѣнія, а фамиліямъ дворянъ приказано было спасаться. *Я не хотѣлъ при началѣ моего пріѣзда оскорблять начальника,* но представлялъ имъ, *что городъ совершенно безопасенъ* и, благодаря Бога, имѣлъ счастіе ихъ удостовѣрить и успокоить».

Это скоропѣлое и неосновательное на правдѣ донесеніе оканчивалось хвастливымъ завѣреніемъ П. С. Потемкина, что онъ *погибнетъ* прежде, чѣмъ допуститъ мятежниковъ атаковать городъ. «Я предложилъ губернатору, писалъ онъ, что если онъ имѣетъ хотя малый деташементъ, то пріемлю на себя идти на встрѣчу злодѣя, но по недостатку военныхъ людей, съ нуждою набрать только до 500 человѣкъ, которыхъ отдѣлить далеко не можно, чтобъ не обнажить города. *Все сіе однакожъ не воспрепят-*

[1]) 8 іюля 1774 г. *Русская Старина* 1870 г., т. II, стр. 402.

ствуетъ по первому извѣстію о приближеніи его отъ Вятки къ Казани, чтобъ я не выступилъ съ помянутымъ деташементомъ».

Все это были одни слова безъ дѣла, и Пугачевъ подошелъ къ Казани, не встрѣтивъ отряда П. Потемкина.

Отойдя нѣсколько верстъ отъ Ижевскаго завода, самозванецъ 29-го іюня праздновалъ свое тезоименитство, подъ именемъ Петра III и день именинъ цесаревича Павла Петровича. На другой день, послѣ усиленной попойки, толпа двинулась далѣе и проходя черезъ селенія забирала съ собою всѣхъ крестьянъ поголовно. Священниковъ, выходившихъ на встрѣчу съ крестами, отпускали въ свои дома, а тѣхъ, которые не желали исполнить этой церемоніи, вѣшали.

10-го іюля Пугачевъ разбилъ высланный ему на встрѣчу отрядъ Толстаго, причемъ послѣдній былъ убитъ, а команда его частію передалась на сторону мятежниковъ, а частію разбѣжалась по лѣсамъ.

Ободренный этимъ успѣхомъ, самозванецъ призвалъ къ себѣ секретаря Дубровскаго и приказалъ ему написать указъ, чтобы жители покорились государю безъ сопротивленія, приняли его съ честью и сдали городъ; покорившимся обѣщаны разныя милости. Указъ былъ написанъ, и 11-го іюля самозванецъ, подойдя къ Казани, остановился при Троицкой мельницѣ, верстахъ въ семи отъ города. Растянувшись до села Царицына, толпа мятежниковъ, по словамъ Творогова, «никогда такъ многочисленна не была, какъ теперь» и состояла болѣе чѣмъ изъ 20 тысячъ челов., впрочемъ плохо вооруженныхъ или почти безоружныхъ [1]). Захваченные въ толпу и явившіеся добровольно крестьяне имѣли одинѣ дубины, колья или заостренные шесты. Башкиры были вооружены луками, а яицкіе казаки ружьями, но тѣхъ и другихъ было сравнительно мало.

Въ тотъ же день Пугачевъ отправилъ въ Казань атамана Овчинникова съ своимъ манифестомъ, но тотъ скоро возвратился назадъ и объявилъ, что манифеста «не слушаютъ, а только бра-

---

[1]) Показанія Ивана Творогова, Наума Бѣлобородова, подпоручика Ѳедора Минѣева и поручика Пироговскаго. Государств. Арх. VI, д. №№ 429, 440 и 505.

пятъ». Тогда Пугачевъ рѣшился штурмовать городъ. Окруженный значительною свитою, въ которой было человѣкъ до 50 казаковъ, самозванецъ въ тотъ же день, 11-го іюля, поѣхалъ осмотрѣть укрѣпленія и выбрать мѣсто, наиболѣе удобное для штурма. «На Арскомъ полѣ, показывалъ Бѣлобородовъ, вышелъ изъ садовъ какой-то старикъ и сказывалъ Пугачеву, что въ Казани архіерей и всѣ господа сдаться злодѣю и его встрѣтить согласны, но запрещаетъ имъ недавно пріѣхавшій изъ Москвы генералъ (П. С. Потемкинъ) да губернаторъ и говорятъ: «если-де пойдутъ злодѣя встрѣчать съ крестами, то мы и кресты изъ пушекъ разобьемъ».

Возвратившись въ лагерь и не довольствуясь личнымъ осмотромъ, Пугачевъ приказалъ Бѣлобородову вечеромъ того же дня произвести вторичную рекогносцировку укрѣпленій и города. Когда Бѣлобородовъ подъѣхалъ къ городу, защитники были уже на своихъ мѣстахъ и неподалеку отъ гимназической батареи стоялъ отрядъ П. Потемкина изъ 450 челов. пѣхоты и 200 челов. конныхъ чувашей [1]). Отъ этого отряда былъ выставленъ на Арскомъ полѣ авангардъ изъ 80 челов. пѣхоты съ двумя орудіями, подъ начальствомъ Владимірскаго пѣхотнаго полка подполковника Неклюдова.

При приближеніи мятежниковъ генералъ-маіоръ Потемкинъ вышелъ изъ-за рогатокъ, и хотя при этомъ не было сдѣлано ни одного выстрѣла, но на другой день онъ писалъ, что «вчера непріятель атаковалъ Казань и мы его отогнали» [2]).

Отогнанный Бѣлобородовъ убѣдился, что хотя городъ прикрытъ батареями и обнесенъ рогатками, но укрѣпленія расположены такъ, что представлялась полная возможность дѣйствовать имъ во флангъ и тылъ, а явившіеся въ станъ самозванца перебѣжчики единогласно заявляли, что въ городѣ мало регулярныхъ войскъ.

Въ утро 12-го іюля Пугачевъ раздѣлилъ свою толпу на четыре части, надъ одною принялъ начальство самъ, другую поручилъ Бѣлобородову, третью — Минѣеву; кто же командовалъ четвертою [illegible] изъ показаній не видно. Собравъ къ себѣ всѣхъ

[illegible] № 400.

[illegible] Г. А. Потемкину отъ 12 іюля 1774 г. *Русская* [illegible] стр. 403.

старшинъ, самозванецъ приказалъ имъ слѣдить за тѣмъ, чтобы непремѣнно всѣ участвовали въ штурмѣ, а тѣ которые не имѣли вовсе оружія, помогали бы штурмующимъ своимъ крикомъ [1]).

Прикрывшись выставленными впередъ возами съ сѣномъ, между которыми были размѣщены пушки, отряды Бѣлобородова и Минѣева прошли по Арскому полю, заняли рощу Неёловой и отдѣльные домики, лежавшіе по сторонамъ главной сибирской дороги. «Погода предвѣщала намъ счастливый успѣхъ, говорилъ участникъ [2]); вѣтеръ дулъ прямо на непріятеля, густой дымъ пошелъ прямо на городъ».

Выставленный П. Потемкинымъ на Арскомъ полѣ авангардъ изъ 80 человѣкъ пѣхоты съ двумя орудіями, подъ начальствомъ подполковника Неклюдова [3]), встрѣтилъ наступающихъ выстрѣлами, но скоро былъ окруженъ съ трехъ сторонъ толпою Бѣлобородова. Двинувшійся было къ нему на помощь генералъ-маіоръ Потемкинъ, видя, что мятежники заходятъ съ обоихъ фланговъ, предпочелъ отступить за рогатки.

Въ это время толпа подъ предводительствомъ Минѣева, хорошо знавшаго Казань, овладѣла загороднымъ губернаторскимъ домомъ и двинулась далѣе. Защищавшій батарею гимназическій отрядъ былъ сбитъ и непріятель появился въ тылу большей части защитниковъ рогатокъ. На лѣвомъ флангѣ жители Суконной слободы, имѣвшіе у себя одну пушку, встрѣтили наступавшихъ рычагами, копьями и саблями, но пушку ихъ разорвало при первомъ выстрѣлѣ. Пугачевъ, лично предводившій здѣсь толпою, приказалъ открыть огонь картечью; слобода была взята и многіе дома зажжены. Мятежники съ разныхъ сторонъ хлынули въ улицы. «Главные караулы, не видѣвъ ни малѣйшаго нападенія, съ одной робости, оставивъ непріятелю пушки и весь снарядъ, безъ всякаго порядка опрометью въ крѣпость побѣжали». Многіе солдаты и жители перешли на сторону самозванца и вмѣстѣ съ пришедшею толпою предались грабежу; другіе прятались въ погребахъ, запи-

---

[1]) Показанія Бѣлобородова, поручика Пироговскаго и подпоручика Минѣева.

[2]) Верхоланцевъ. *Пермскія Губернскія Вѣдомости*, 1864 г. № 2.

[3]) Аттестатъ, выданный Неклюдову Потемкинымъ. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 194, св. 33, листъ 197.

рались въ церквахъ, монастыряхъ или искали также спасенія въ крѣпости. Туда же отступилъ и отрядъ гимназистовъ, лишившійся 19 человѣкъ убитыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ было шесть учениковъ и директоръ гимназіи Каницъ. За гимназистами пришелъ въ крѣпость и генералъ-маіоръ Потемкинъ съ своею командою, состоявшею изъ 300 человѣкъ съ двумя орудіями. Чуваши всѣ передались непріятелю, и кавалерія Потемкина состояла теперь изъ двухъ арнаутовъ и одного казака [1]).

Рѣшаясь отступать и не имѣя возможности захватить съ собою находившихся въ городской тюрьмѣ и въ частныхъ домахъ арестантовъ, П. Потемкинъ приказалъ караульному офицеру, въ случаѣ опасности, не щадить ихъ жизни и не отдавать мятежникамъ [2]). Многіе колодники были заколоты, но бо́льшая часть освобождена, въ томъ числѣ и первая жена самозванца Софья съ тремя дѣтьми: сыномъ Трофимомъ и дочерьми Аграфеною и Христиною. Она содержалась сначала въ частномъ домѣ, но подъ присмотромъ, а потомъ, съ приближеніемъ мятежниковъ къ Казани, ее перевели въ помѣщеніе секретной коммиссіи. Пожаръ, дошедшій до зданія коммиссіи, заставилъ караульнаго офицера отступить съ своею командою, и тогда инсургенты бросились освобождать заключенныхъ. Видя это, Софья вышла на дворъ и вмѣстѣ съ другими была отправлена въ лагерь самозванца.

По пути одиннадцати-лѣтній Трофимъ замѣтилъ своего отца, разъѣзжавшаго верхомъ среди толпы.

— Матушка, крикнулъ онъ,—смотри-тка, батюшка межь казаковъ ѣздитъ.

— Экой собака, невѣрный супостатъ, вскрикнула Софья такъ громко, что Пугачевъ не могъ не слышать.

Онъ сейчасъ же подъѣхалъ къ Софьѣ, но не призналъ ее женою.

— Вотъ какое злодѣйство, говорилъ онъ, обратившись къ окружавшимъ его казакамъ,—сказываютъ, что это жена моя. Это неправда: она подлинно жена друга моего Емельяна Пугачева,

---

[1]) Государств. Арх., VI, д. № 489.

[2]) Донесеніе П. С. Потемкина отъ 12-го августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 431.

который замученъ за меня въ тюрьмѣ подъ розыскомъ. Помня мужа ея мнѣ одолженіе, я не оставлю ее.

Софья слушала и не вѣрила своимъ ушамъ. Беззастѣнчивость и нахальство Пугачева озадачили ее на столько, что она не возражала на слова мужа.

— Подвезите вотъ этой бабѣ телѣгу, сказалъ самозванецъ,— и посадите ее съ ребятами.

Софья поѣхала въ лагерь, а Пугачевъ отправился въ городъ на дальнѣйшіе подвиги [1]).

Видя всеобщее замѣшательство и надѣясь захватить крѣпость врасплохъ, самозванецъ и Минѣевъ быстро проскакали по городу но все-таки опоздали. Крѣпостныя ворота были заперты, завалены каменьями и бревнами, и мятежники встрѣчены выстрѣлами. Тогда Пугачевъ занялъ гостиный дворъ, а его достойный сподвижникъ Минѣевъ — Покровскій дѣвичій монастырь, въ церкви котораго находился 110-ти-лѣтній старикъ генералъ-маіоръ Кудрявцевъ.

При отступленіи войскъ въ крѣпость, многіе убѣждали Кудрявцева позволить перенести себя туда же, но онъ не согласился. При появленіи мятежниковъ старецъ поднялся съ кресла и громко закричалъ: «какъ можете вы, измѣнники, дерзать противъ своей государыни, осквернять и расхищать храмъ Божій». Толпа бросилась на старца и умертвила его [2]). Минѣевъ приказалъ игуменью и монахинь отвести въ лагерь на Арское поле, а на церковной паперти поставилъ орудія и открылъ огонь по находившемуся въ крѣпости Спасскому монастырю. На тотъ же монастырь направилъ свои выстрѣлы и Пугачевъ, поставившій два орудія въ гостиномъ дворѣ. Положеніе столпившихся въ крѣпости жителей и войскъ было ужасное. Распространившійся по всему городу пожаръ приближался и къ крѣпости; вѣтеръ дулъ прямо въ лицо и воздухъ сдѣлался удушливымъ отъ палящаго жара и нанесеннаго

---

[1]) Показанія Ѳедора Чумакова, Ивана Творогова и Софьи Дмитріевой. Государственный Архивъ, VI, дд. №№ 505 и 506. См. также *Русскую Старину*, т. XVI, стр. 506.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе графа П. Панина отъ 10 октября 1774 г. *Сборникъ Историческаго Общества*, т. VI, 164.

дыма. Деревянныя зданія крѣпости неоднократно загорались, а ветхія стѣны крѣпости грозили обваломъ; повсюду слышались стоны раненыхъ, крики женщинъ и дѣтей. Среди защитниковъ поднялся ропотъ; многіе говорили, что гарнизонъ не въ состояніи защищаться и являлась мысль, не лучше ли сдаться. Потемкинъ принужденъ былъ повѣсить двухъ зачинщиковъ и «тѣмъ устрашилъ всѣхъ и принудилъ къ повиновенію». Канонада продолжалась, и самое тяжелое испытаніе въ этомъ общемъ несчастіи выпало на долю Спасскаго монастыря.

«Казанское несчастіе, писалъ Платонъ Любарскій [1]), и мой монастырь хотя онъ и въ крѣпости, задѣло, ибо какъ онъ въ самомъ переднемъ — откуда оная грозная туча подходила — состоитъ фасѣ, то будучи осажденнымъ сдѣлался главнымъ предметомъ стрѣламъ, пулямъ, ядрамъ, штурмованію и неоднократно въ разныхъ мѣстахъ зажженъ былъ. Наконецъ, отъ пожирающаго всю сплошь Казань пламени, крѣпость, паче же монастырь мой, толь сильнымъ объятъ былъ жаромъ, что если бы всѣхъ въ немъ деревянныхъ крышекъ и пристроекъ не сломали, то слѣдовало осажденнымъ непремѣнно погибнуть.

«Такимъ образомъ, *Спасъ* многія тысячи народа *спасъ*, но самого одна скелетъ остался: на всѣхъ церквахъ, кельяхъ, службахъ и конюшняхъ крыши разобраны; двери, окна, пристройки [illegible] выгорѣли, иныя разломаны, такъ что теперь отъ дождя, вѣтра и холода ни покрова, ни защиты не имѣемъ».

«Подробности казанскаго несчастливаго приключенія, писалъ [illegible] въ другомъ письмѣ [2]), не только мнѣ, но ниже Гомеру или Виргилію описать (если бы сіи воскресши зрителями были) [illegible]. Монастырь мой въ крѣпости хотя отъ разграбленія [illegible], однако отъ преужаснаго форштадтнаго вблизи пламени [illegible] во многихъ мѣстахъ загорался, почему всѣ деревянныя [illegible] зданія и заборы разломаны и растащены, окна иныя [illegible] выбиты; церкви, кельи, погреба и кануры

[illegible] Архіерейскому отъ 14-го августа 1774 года. Государственный

[illegible] отъ 7-го августа 1774 года. Государственный Архивъ,

наполнены бѣдными постояльцами. Имѣніе мое, кое получше, хотя и уцѣлѣло, но мелочь въ смятеніи, тѣснотѣ и безпамятствѣ растерялась». Посланный въ епархію и случайно небывшій при общемъ разгромѣ города, Платонъ Любарскій, по возвращеніи своемъ въ Казань, «засталъ не монастырь, а вертепъ разбойника».

Многіе не досчитались не только имущества, но и близкихъ: мужей, женъ и дѣтей. Мятежники разсыпались по городу, писалъ Ювеналій [1]), «какъ вѣтеръ бурный; вездѣ слышимъ вопль, рыданія и стонъ; страшныя слова *коли его*, часто повторяемы были». Варварство доходило до того, что прежде чѣмъ мать падетъ отъ руки изверга, въ ея глазахъ бросали въ огонь младенца, и часто женщины умирали послѣ поруганія и насилованія [2]). Кто былъ въ нѣмецкомъ платьѣ и безъ бороды, всѣхъ убивали. Священники грузинской церкви были въ одной рубахѣ и босикомъ, чтобы не отличаться отъ простого народа и не быть узнанными мятежниками [3]). Пугачевцы грабили дома и зажигали ихъ. Пламя пожара все шире и шире распространялось по городу, подошло къ крѣпости и стало угрожать самимъ мятежникамъ. Тогда Пугачевъ сталъ отступать и приказалъ своимъ сообщникамъ возвращаться въ лагерь. Улицы города, по которымъ еще можно было проходить, представляли ужасное зрѣлище: по нимъ гнали плѣнныхъ, двигались взадъ и впередъ мятежники съ награбленнымъ имуществомъ и въ самой пестрой одеждѣ: въ стихаряхъ, подрясникахъ, женскомъ платьѣ и проч. Разграбленіе города началось въ 6 часовъ утра и продолжалось до глубокой ночи. Многіе, въ томъ числѣ Пугачевъ и Бѣлобородовъ, ѣздили въ лагерь обѣдать и потомъ снова возвращались на грабежъ и разореніе.

У большой палатки самозванца толпились добровольные его подданные, на завалинкѣ сидѣла законная его жена Софья съ тремя дѣтьми, а внутри палатки, у разостланныхъ перинъ, видны были пять женщинъ, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье.

Былъ полдень. Самозванецъ вернулся въ свой станъ, слѣзъ съ

---

[1]) Игуменъ сожженнаго Ивановскаго монастыря архимандриту Платону въ письмѣ отъ 20-го іюля 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

[2]) «Казанская исторія», Николая Баженова, изд. 1847 г., т. II, стр. 85.

[3]) Показаніе купца Сухорукова. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1843 г., № 44.

лошади, передалъ ее казаку и, не обращая вниманія на Софью, прошелъ въ палатку. Подскочившія къ нему двѣ дѣвки приняли отъ него шапку, сняли саблю и раздѣли. Пугачевъ прилегъ на перину въ ожиданіи обѣда; обѣдалъ онъ въ этотъ день одинъ, а собравшіеся казаки стояли въ почтительномъ положеніи и безъ словъ *батюшка* или ваше величество, ничего не отвѣчали на его вопросы. Обращаясь къ дѣвкамъ, самозванецъ говорилъ обыкновенно: «дѣвка, подай то; дѣвка, одѣнь» и онѣ другъ передъ другомъ торопились исполнить приказаніе.

Тотчасъ послѣ обѣда Пугачевъ перемѣнилъ мѣсто своей ставки, переѣхалъ на другую сторону Арскаго поля и затѣмъ отправился опять въ городъ, пожираемый пламенемъ и разрушавшійся. Сцены одна другой возмутительнѣе смѣняли другъ друга: запоздавшіе грабители выбивали въ храмахъ двери, стрѣляли въ окна, обдирали образа, богохульствовали. «Святость шестнадцати церквей была поругана злодѣями, которые не щадили ни пола, ни возраста и тиранскимъ образомъ умерщвляли даже тѣхъ, кто искалъ спасенія у самаго алтаря» [1]). Городъ былъ подожженъ болѣе чѣмъ въ девяти мѣстахъ, сгорѣлъ почти весь и, по словамъ очевидца, по самую Егорьевскую улицу въ немъ «не осталось ни кола» [2]); уцѣлѣли только части Суконной и Татарской слободъ [3]).

День 12-го іюля дорого стоилъ Казани: она лишилась 162 человѣкъ убитыми, 129 ранеными, 486 пропавшими безъ вѣсти и 2 сгорѣвшими—всего 779 человѣкъ. Изъ 2,873 домовъ, считавшихся въ городѣ и слободахъ, было сожжено и разграблено 2,063 дома и уцѣлѣло 810 домовъ [4]). Большинство населенія было выгнано на Арское поле и вечеръ засталъ Казань совершенно опустѣлою.

---

[1]) *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1844 г., № 36.

[2]) Показаніе купца Сухорукова. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1843 г., № 44.

[3]) Предложеніе губернатора фонъ-Брандта пермской провинціальной канцеляріи отъ 17-го іюля 1774 г. *Пермскій Сборникъ*, ч. I, стр. 97.

[4]) Письмо князя Щербатова графу З. Г. Чернышеву отъ 1-го августа 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV. Цифры эти не сходятся съ помѣщенными у Пушкина (Сочиненія, т. VI, 73) и въ *Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ*, 1874 года, № 54. Въ этомъ послѣднемъ, въ статьѣ «Казань 12-го іюля 1774 года», много невѣрнаго. Разсказъ, что надъ Казанью развѣвалось бѣлое съ [illegible] крестомъ знамя принадлежитъ къ числу вымысловъ.

Мятежники мало-по-малу вышли изъ города и выстрѣлы прекратились. Пока длилась канонада, казанскій архіепископъ Веніаминъ пять разъ въ теченіе дня совершалъ богослуженіе въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Когда утихла стрѣльба, архипастырь отпѣлъ благодарственный молебенъ, поднялъ кресты, иконы и, желая совершить крестный ходъ, послалъ діакона къ отдыхавшему П. Потемкину «объявить о сей процессіи, чтобы онъ, услыша благовѣстъ и большой звонъ, не испугался» [1]). Преосвященный Веніаминъ обошелъ по всей крѣпости, не смотря на нестерпимый жаръ, дымъ и пыль, наносимые сильнымъ вихремъ, захватывавшимъ дыханіе. Молитвы успокоили несчастныхъ, но томительна казалась наступающая ночь. Кругомъ зарево пожара, повсюду вопли и бивачные крики разбойниковъ. «Не знали, что̀ сулитъ грядущій день, ждали ежеминутнаго нападенія, готовились къ мученической смерти» [2])....

Среди такой обстановки генералъ-маіоръ П. Потемкинъ писалъ свое донесеніе, чернилъ другихъ, выгораживалъ себя и рисовался передъ своимъ троюроднымъ братомъ. «Я въ жизнь мою такъ несчастливъ не бывалъ, говорилъ онъ [3]); имѣя губернатора ничего неразумѣющаго и артиллерійскаго генерала дурака, долженъ былъ *по ихъ распоряженію* (?) къ защитѣ самой скверной помогать на семи верстахъ дистанціи. Теперь остается мнѣ *умереть*, защищая крѣпость, и если Гагринъ, Михельсонъ и Жолобовъ не будутъ, то не уповаю долѣе семи дней продержаться, потому что съ злодѣемъ есть пушки и крѣпость очень слаба. Итакъ, мнѣ осталось одно средство—*при крайности пистолетъ въ лобъ*, чтобы съ честью умереть, какъ вѣрному подданному ея величества, которую я Богомъ почитаю. Повергните меня къ ея священнымъ стопамъ, которыя я отъ сердца со слезами лобызаю. Богъ видитъ сколь ревностно и усердно ей служилъ: прости, бра-

---

[1]) Донесеніе Веніамина Св. Синоду 15 ноября 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 468.

[2]) Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, митрополитъ казанскій. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1844 г., № 36.

[3]) Въ письмѣ Г. А. Потемкину отъ 12 іюля 1774 г. *Русская Старина* 1870 г. т. II, стр. 403.

тецъ, если Богъ доведетъ насъ до крайности. Вспоминайте меня какъ самаго искренняго вамъ человѣка. Самое главное несчастіе, que le peuple n'est pas sûr» [1]).

Въ этихъ строкахъ вылился весь человѣкъ, много обѣщавшій, ничего не сдѣлавшій и свалившій вину на другихъ. Слѣдуя изреченію: «*толцыте и отверзится вамъ*», П. Потемкинъ своими письмами достигъ цѣли. Преданность и храбрость на словахъ и покровительство могущественнаго тогда троюроднаго братца сдѣлали свое дѣло. «Дабы вы, писала ему Екатерина [2]), свободнѣе могли упражняться службою моею, къ которой вы столь многое показываете усердное рвеніе, приказала я заплатить, вмѣсто васъ, при семъ слѣдующіе возвратно къ вамъ 24 векселя; о чемъ прошу болѣе ни слова не упомянуть, а впредь быть воздержаннѣе».

Воздержанность была необходима П. Потемкину во многихъ случаяхъ, и въ особенности въ тогдашнемъ его положеніи. Послѣдующія событія познакомятъ насъ съ его характеромъ и дѣятельностью, а здѣсь припомнимъ, что, пріѣхавъ въ Казань и не зная что̀ дѣлается кругомъ, онъ увѣрялъ всѣхъ, что городъ совершенно безопасенъ; что онъ самъ погибнетъ, прежде чѣмъ допуститъ мятежниковъ атаковать его; что выйдетъ къ нимъ на встрѣчу хотя бы и съ 500 человѣкъ. Пугачевъ явился, а Потемкинъ не вышелъ ему на встрѣчу, хотя имѣлъ въ своемъ распоряженіи 450 человѣкъ пѣхоты и 200 конницы. Онъ выслалъ въ авангардъ 80 человѣкъ, а самъ предпочелъ укрыться за рогатками и затѣмъ отступить въ крѣпость. Тамъ собралось болѣе тысячи человѣкъ защитниковъ, но и съ ними П. Потемкинъ не надѣялся отбиться. Обѣщая въ случаѣ крайности застрѣлиться, онъ ставилъ свою жизнь въ зависимость отъ прибытія Михельсона, котораго отрядъ былъ далеко менѣе числа защитниковъ крѣпости, но который не побоялся атаковать инсургентовъ и явился дѣйствительнымъ избавителемъ Казани отъ дальнѣйшаго покушенія непріятеля.

---

[1]) Что на народъ нельзя положиться.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 23 іюля 1774 г. *Русская Старина* 1875 г. т. XIII, стр. 118.

VI.

Побѣды, одержанныя подполковникомъ Михельсономъ надъ мятежниками. — Формированіе преслѣдующихъ отрядовъ. — Переправа Пугачева черезъ Волгу. — Положеніе края въ оборонительномъ отношеніи. — Опасенія, что самозванецъ двинется на Москву. — Мѣры къ обезпеченію первопрестольной столицы.

Наступала ночь. На Арскомъ полѣ, впереди пушекъ, были поставлены на колѣни всѣ плѣнные. Возвратившись изъ города, самозванецъ объявилъ имъ прощеніе, приказалъ отвести въ сторону, а для Софьи и ея дѣтей поставить особую палатку возлѣ своей. «А какъ обходился онъ съ нею, показывалъ Иванъ Творогокъ, отмѣнно отъ прочихъ, то нѣкоторые изъ ближнихъ къ нему спрашивали, чтобъ это была за женщина?»

— Это друга моего, донскаго казака Емельяна Ивановича жена, отвѣчалъ Пугачевъ.

Узнавъ, что прибыли казанскіе татары съ подарками, самозванецъ усѣлся въ кресла и торжественно принималъ дары. Въ лагерѣ въ это время развели огни, привезли изъ города 15 бочекъ вина, разобрались по полкамъ и началась попойка. Пугачевъ самъ разъѣзжалъ по стану и благодарилъ людей; говоръ и пѣсни не умолкали до полуночи [1]). Только одни канониры не принимали участія въ общемъ весельѣ и валялись подъ пушками, такъ какъ имъ приказано было быть готовыми на случай тревоги. Послѣдняя послѣдовала весьма скоро и была вызвана приближеніемъ отряда Михельсона.

Торопясь настичь мятежниковъ, Михельсонъ, 6 іюля, переправился черезъ рѣку Вятку и, не смотря на многочисленныя препятствія при переправахъ и потерю времени при возстановленіи мостовъ, онъ все-таки вечеромъ 11 іюля былъ всего въ 65 верстахъ отъ Казани. Покормя лошадей, не болѣе трехъ часовъ, онъ въ часъ пополуночи, 12-го числа, выступилъ и пройдя верстъ десять получилъ извѣстіе, что Пугачевъ разбилъ отрядъ Толстаго и что еще на разсвѣтѣ, 11-го числа, выступилъ изъ дер. Чипчиковой, находив-

[1]) *Пермскія Губернскія Вѣдомости* 1864 г., № 2.

шейся всего въ 35 верстахъ отъ Казани. Не смотря на усталость лошадей, Михельсонъ продолжалъ движеніе и, будучи въ 45 верстахъ отъ города, услышалъ уже частые орудійные выстрѣлы. Верстахъ въ 30 отъ Казани отрядъ остановился не болѣе какъ на часъ времени, чтобы дать вздохнуть людямъ и лошадямъ. Во второмъ часу пополудни онъ выступилъ далѣе и на пути узналъ, что мятежники взяли городъ и зажгли его: «великій дымъ, доносилъ Михельсонъ, который ежечасно умножался, мнѣ довольнымъ былъ доказательствомъ».

Въ 14 верстахъ отъ Казани Михельсонъ получилъ донесеніе отъ авангарднаго начальника, что въ семи верстахъ отъ города, неподалеку отъ села Царицына, вся толпа самозванца построилась къ бою. Зная, что у Пугачева не менѣе 12,000 человѣкъ, подполковникъ Михельсонъ, не смотря на малочисленность своего отряда, непревышавшаго 800 чел. [1]), и на утомленіе отъ продолжительнаго похода, рѣшился немедленно атаковать мятежниковъ. Выйдя изъ лѣса, Михельсонъ думалъ сначала атаковать непріятеля съ двухъ фланговъ, но, видя многочисленность толпы, перемѣнилъ планъ и рѣшился ударить въ центръ боеваго расположенія, чтобы разрѣзать непріятеля пополамъ и потомъ бить по частямъ. Въ центрѣ была поставлена Пугачевымъ самая сильная и лучшая батарея. «Злодѣи, доносилъ Михельсонъ [2]), меня съ великимъ крикомъ и съ такою пушечною и ружейною стрѣльбою картечами встрѣтили, какой я, будучи противъ разныхъ непріятелей, рѣдко видывалъ и отъ сихъ варваровъ не ожидалъ». Принявъ самъ начальство въ центрѣ, подполковникъ Михельсонъ приказалъ небольшимъ отрядамъ: маіора Дуве обойти лѣвый, а маіора Харина — правый фланги непріятеля.

Пользуясь тѣмъ, что впереди центральной батареи находилось золото, мятежники защищались первое время очень храбро. Михельсону пришлось употребить много усилій, чтобы овладѣть батареею, но увѣренность въ своемъ начальникѣ заставила солдатъ

---

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій отряда Михельсона. Рукописная книга изъ собранія графа А. Уварова, за № 559.

[2]) Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 13 іюля 1774 г. Рапортъ этотъ напечатанъ Д. Лутчинымъ въ *Военномъ Сборникѣ* 1871 г., № 5, стр. 265.

преодолѣть всѣ препятствія, и непріятель былъ разрѣзанъ на двѣ части: бо́льшая повернула направо и наткнулась на отрядъ маіора Харина, а меньшая—на маіора Дуве. Послѣдній отбилъ два орудія и скоро разсѣялъ непріятеля, но на долю маіора Харина выпала болѣе трудная задача. Остановившись за глубокимъ рвомъ и тѣснымъ проходомъ подъ мельницею, мятежники открыли убійственный огонь. Чтобы разсѣять ихъ, маіору Харину приходилось перейти черезъ ровъ и потомъ подниматься на гору. Не считая отрядъ Харина достаточно сильнымъ для такой операціи, Михельсонъ оставилъ маіора Дуве дѣйствовать самостоятельно, а самъ пошелъ на соединеніе съ Харинымъ. Ровъ былъ перейденъ, мятежники атакованы и, послѣ пяти-часоваго непрерывнаго боя, совершенно разбиты.

«Ночь, писалъ Михельсонъ, мѣсто и утомленные мои кони не позволили мнѣ сею побѣдою пользоваться какъ бы я могъ, ежели бы мои лошади были хотя въ маломъ состояніи». Преслѣдуя непріятеля версты три, подполковникъ Михельсонъ отбилъ 6 орудій и остановился, видя, что «злодѣи побѣжали во всѣ стороны, куда мнѣ за ними гнаться было невозможно». Мятежники лишились до 800 человѣкъ убитыми и 737 человѣкъ взятыми въ плѣнъ; потеря Михельсона состояла изъ 23 человѣкъ убитыхъ и 37 раненыхъ.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, подполковникъ Михельсонъ на утро пошелъ къ Казани, изъ которой по временамъ попадались на встрѣчу кучки ночныхъ грабителей съ захваченнымъ имуществомъ; всѣ они большею частію были изрублены или захвачены въ плѣнъ. Подойдя къ городу, Михельсонъ нашелъ его въ самомъ печальномъ положеніи, и едва остановился на Арскомъ полѣ, какъ Пугачевъ сталъ показываться съ своею толпою и намѣренъ былъ многочисленностью своихъ силъ задавить ничтожный отрядъ, прибывшій на выручку города. Сообщивъ губернатору о вторичномъ появленіи непріятеля, Михельсонъ самъ перешелъ въ наступленіе, и при содѣйствіи вышедшаго изъ крѣпости отряда подъ начальствомъ П. Потемкина, разбилъ Пугачева, который поскакалъ къ сторонѣ Алатской дороги. Изнуренныя лошади, изъ коихъ въ отрядѣ не осталось болѣе 30, «которыя могли съ полверсты ска-

кать», не позволили гнаться далеко за непріятелемъ, и побѣдитель принужденъ былъ остановиться подъ Казанью [1]).

Утомленіе отряда было причиною того, что Михельсонъ не могъ вполнѣ воспользоваться одержанными имъ побѣдами. Самозванецъ, переправившись черезъ р. Казанку и отойдя верстъ, 20 отъ города, собиралъ свое ополченіе. При громадномъ сочувствіи со стороны крестьянскаго населенія формированіе новыхъ силъ шло весьма успѣшно и быстро, такъ что къ 15-му числу іюля у Пугачева было опять не менѣе 15 тысячъ человѣкъ. Съ ними онъ вернулся опять къ Казани съ цѣлью уничтожить отрядъ Михельсона, всегда наносившій ему пораженіе. На мѣстѣ сраженія, бывшаго 12 іюля, противники встрѣтились 15-го числа, причемъ на помощь Михельсону было выслано П. Потемкинымъ изъ крѣпости 200 человѣкъ. Этому отряду приказано было дѣйствовать во флангъ непріятелю, но атака была на столько неудачна, что отрядъ, тѣснимый мятежниками, принужденъ былъ отступить въ замѣшательствѣ [2]), и вся слава побѣды принадлежитъ опять одному Михельсону и его отряду, вынесшему ее на своихъ плечахъ.

«Злодѣи на меня наступали, доносилъ Михельсонъ [3]), съ такою пушечною и ружейною стрѣльбою и съ такимъ отчаяніемъ, коего только въ лучшихъ войскахъ найтить надѣялся». Въ теченіе четырехъ часовъ длился самый упорный бой, и только рѣшимость солдатъ и вождя, умереть или побѣдить, склонила успѣхъ на сторону малочисленнаго регулярнаго отряда. Мятежники были разбиты и разсѣяны, потеряли всю свою артиллерію, состоявшую изъ 9 пушекъ, лишились до 2,000 убитыхъ и раненыхъ и около 5,000 плѣнныхъ. Преслѣдуемые подполковникомъ Михельсономъ и маіоромъ Харинымъ, инсургенты пытались задержать ихъ въ своихъ лагеряхъ, расположенныхъ въ двухъ пунктахъ, но были выбиты, причемъ самъ Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. За нимъ гнались болѣе 30 верстъ, и только скрывшись въ лѣсу онъ успѣлъ избавиться отъ преслѣдователей. Отрядъ Михельсона по-

---

[1]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову отъ 13-го іюля 1774 г.

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ П. Потемкина 15 іюля. Воен.-учен. Арх. Отд. I, д. № 104 (А), листъ 286.

[3]) Въ рапортѣ князю Щербатову отъ 16 іюля 1774 г.

несъ также сравнительно значительную потерю: онъ лишился 35 человѣкъ убитыми и 121 ранеными, но за то успѣлъ захватить въ лагеряхъ до 10,000 человѣкъ обоего пола, которые и были доставлены въ Казань. Въ числѣ ихъ было до 700 человѣкъ солдатъ, изъявившихъ желаніе возвратиться къ своимъ командамъ. По слѣдствію оказалось, что всѣ они были взяты силою, что Пугачевъ не особенно довѣрялъ имъ, отобралъ отъ нихъ оружіе и «далъ только одни шесты». Генералъ-маіоръ Потемкинъ разослалъ ихъ по командамъ; «прочіе же, доносилъ онъ [1]), заводскіе и разнаго званія люди, по великому числу ихъ, *всѣ наказаны быть не могли*, того для, учиня имъ присягу, по частямъ отпускалъ ихъ въ домы; а дабы въ пути, отъ оскудѣнія, не могли сдѣлать никакихъ насильствъ и грабежей, то дано имъ на дорогу каждому человѣку по 15 копѣекъ».

Побѣда эта окончательно обезпечила Казань отъ дальнѣйшихъ покушеній самозванца, «и невозможно описать, доносилъ П. Потемкинъ [2]), съ какимъ восклицаніемъ и радостью народъ видѣлъ счастливое окончаніе сего сраженія и съ какими слезами приносили благодарственныя мольбы Всевышнему».

Императрица щедро наградила всѣхъ участниковъ побѣды. Михельсонъ былъ произведенъ въ полковники и ему пожаловано 600 душъ крестьянъ въ Полоцкой провинціи [3]). Офицерамъ его отряда роздано въ той же провинціи 3,146 душъ крестьянъ или пожалована пожизненная пенсія [4]), а всѣмъ нижнимъ чинамъ

[1]) Императрицѣ, отъ 22 іюля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 15 іюля 1774 г. Воен.-учен. Арх., Отд. I, д. № 104 (А), листъ 287.

[3]) Указъ военной коллегіи 22 іюля 1774 г. Указъ Сенату 31 августа 1774 г. Сенатскій Арх., Высоч. повелѣнія и копіи ихъ. Книги №№ 136 и 208.

[4]) Маіоръ Дуве получилъ 303 души, капитанъ Олсуфьевъ—207 душъ, ротмистръ князь Енгалычевъ—202 души, ротмистръ Домогацкій—203 души, поручикъ Фуксъ—150 душъ, поручикъ Тутолминъ и баронъ Игельстромъ—вмѣстѣ 302 души, поручики баронъ Дельвигъ и Венгерскій—вмѣстѣ 302 души, подпоручикъ Амбразанцевъ—147 душъ, прапорщикъ Ржевскій—80 душъ, подпоручики Блохинъ и Быковъ—вмѣстѣ 200 душъ, корнеты Селивановъ, Петинъ и Ейманъ—вмѣстѣ 250 душъ и гарнизонный капитанъ Алексѣевъ—200 душъ. Маіору Харину, ротмистру Демьянову, капитану Кандышевскому, поручику Зелинскому, квартирмейстеру Яковлеву, прапорщикамъ Скупицкому, Рыкову, Звѣринскому, Иванову и адъютанту Тареева пожаловано *по сту рублей* пожизненной пенсіи. Находившійся при отрядѣ Михельсона польскій конфедератъ Пулавскій награжденъ чиномъ (См. всеподдан. донесен. П. Потемкина отъ 7 августа. Госуд. Арх., VI, д. № 489).

Двукратное возвращеніе Пугачева къ Казани и нападенія его на Михельсона заставили предполагать, что самозванецъ намѣренъ былъ во что бы то ни стало овладѣть городомъ и затѣмъ двинуться внутрь Россіи, по направленію къ Москвѣ. За Казанью не было никакихъ войскъ и потому разрѣшеніе вопроса, куда дѣвался Пугачевъ и въ какомъ направленіи онъ проявитъ свою дѣятельность, было весьма важно. Въ первые два дня послѣ послѣдней побѣды въ Казани знали только, что толпа его разбилась на небольшія кучки, человѣкъ по 20 и 50 и бѣжитъ во всѣ стороны [1]). «Если бы злодѣй обратилъ свои дѣйствія въ Башкирію, писалъ П. Потемкинъ [2]), я бы того желалъ: тамъ современемъ уповалъ бы успѣть во всемъ и перемѣнить сердца народа; но всего болѣе опасаюсь, чтобы онъ не обратился къ Москвѣ. Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ (Щербатовъ) сдѣлалъ ошибку, что обнажилъ Казань, и что его сюда пропустилъ, сдѣлалъ незаплатную вину. Невѣроятно, съ какою ревностью собираются къ нему толпы и приближеніе его къ Москвѣ весьма опасно. Я не премину дать знать, если оно предвидимо будетъ и къ воспрепятствованію сего отряжу г. Михельсона; но не мѣшало бы однакожь, еслибы прислать въ Нижній-Новгородъ полкъ пѣхоты, полкъ казачій и кавалерійскій. Всего болѣе для нихъ кавалерія нужна. Если смѣю представить, то для удостовѣренія народа хотя баталіонъ гвардіи весьма нуженъ».

Ближе другихъ находился отрядъ графа Меллина, и потому генералы Брандтъ и П. Потемкинъ въ одинъ и тотъ же день, 14 іюля, отправили къ нему предписанія, чтобы онъ немедленно слѣдовалъ въ Казань [3]).

Послѣ разбитія мятежниковъ, собравшихся въ числѣ 3,000 человѣкъ, съ пятью орудіями, у Рыбной слободы, въ 20 верстахъ отъ Шурамскаго перевоза [4]), графъ Меллинъ 16-го числа прибылъ въ Казань и соединился съ Михельсономъ. Силы прибыв-

---

[1]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову 17 іюля 1774 года. Московск. Архивъ Глав. Штаба, опись 47, книга X.

[2]) Къ неизвѣстному. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

[3]) Предписанія Брандта и Потемкина графу Меллину 14 іюля 1774 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 47, кн. X.

[4]) Рапортъ графа Меллина князю Щербатову, отъ 15 іюля 1774 г. Тамъ же.

шаго были незначительны, а въ отрядѣ Михельсона лошади были до того истомлены, что о быстромъ и безотлагательномъ движеніи нечего было думать. Въ такомъ положеніи генералъ Брандтъ снова обратился къ главнокомандующему съ просьбою прислать подкрѣпленія, въ особенности кавалеріи, «дабы въ дальнѣйшую внутренность помянутый тиранъ ворваться не могъ» [1]). Съ своей стороны П. Потемкинъ отправилъ по Волгѣ на лодкахъ небольшую команду для воспрепятствованія самозванцу переправиться черезъ рѣку, и просилъ свіяжскаго воеводу Чирикова взять всѣ суда и лодки на лѣвый берегъ р. Волги [2]).

Разсыпавшись по Казанской и Нижегородской губерніямъ, сообщники Пугачева бродили партіями, сначала человѣка по два, по три и не болѣе шести, но затѣмъ, встрѣтивъ громадное сочувствіе среди крестьянскаго населенія, быстро увеличивали свои шайки, выбирали себѣ атамановъ и подъ ихъ предводительствомъ вѣшали дворянъ, помѣщиковъ, прикащиковъ и грабили имѣнія.

«Проклятый филинъ, писалъ изъ Хлынова Платонъ Любарскій [3]), 12-го числа перепугалъ Казань и хотя, какъ эхо народное увѣряетъ, крылья ему тамъ и подщипали, однако видно нетопыри его, во всѣ околичности казанскія разлетѣвшіеся, всѣ пути преградили, такъ что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ изъ Казани сюда ни ѣздоковъ, ни почты не бывало».

Для возстановленія сообщенія и спокойствія были высланы по разнымъ направленіямъ небольшія команды, которыя успѣли захватить нѣсколькихъ важныхъ сообщниковъ Пугачева. Такимъ образомъ, были пойманы и доставлены въ Казань: 18-го іюля татары Аліевъ и Махмутовъ, солдаты Яковлевъ и Свѣшниковъ, а 19-го іюля ближайшій сподвижникъ самозванца и его полковникъ Бѣлобородовъ [4]). Всѣ они единогласно показали, что Пугачевъ не

---

[1]) Письмо Брандта кн. Щербатову 15 іюля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X.

[2]) Воен.-учен. Арх., отдѣл. I, д. № 104 (А), листъ 287.

[3]) Въ письмѣ Бантышъ-Каменскому, отъ 24 іюля 1774 г. Государствен. Арх., VI, д. № 527.

[4]) Письмо генерала Брандта князю Щербатову, отъ 19 іюля 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. X. По сентенціи секретной коммиссіи 13 августа, Бѣлобородову было дано въ Казани 100 ударовъ кнутомъ, а затѣмъ онъ ото-

болѣе какъ съ 400 человѣкъ, 17-го іюля, переправился черезъ Волгу. Переправа эта совершилась въ нѣсколькихъ пунктахъ, но самъ Пугачевъ, съ небольшимъ числомъ сообщниковъ, переправился въ трехъ верстахъ ниже селенія Сундыря (нынѣ Маріинскій посадъ), на Кокшайскомъ перевозѣ, частію на судахъ, частію вплавь на лошадяхъ. Село Сундырь было сожжено за то, что жители потопили лодки и не вышли на встрѣчу мятежникамъ; въ немъ сгорѣло 250 домовъ и церковь Казанской Богородицы, изъ которой мятежники увезли двѣ ризы и два серебряныхъ сосуда, а священника Ивана Петрова убили [1]).

Показывая, что послѣ переправы Пугачевъ двинулся на московскую дорогу, Махмутовъ и Аліевъ прибавляли [2]), что толпа раздѣлилась на двѣ части: самъ Пугачевъ съ одною частью направился къ Чебоксарамъ, а другая часть пошла въ чувашскія селенія и помѣщичьи жительства Эти свѣдѣнія заставили казанскаго губернатора въ тотъ же день отправить нарочныхъ съ извѣщеніемъ къ нижегородскому и воронежскому губернаторамъ и въ Москву къ князю М. Н. Волконскому.

Нижегородскій губернаторъ Ступишинъ тотчасъ же закрылъ макарьевскую ярмарку, распустилъ всѣхъ съѣхавшихся туда купцовъ и приказалъ наблюдать за Керженцомъ, не волнуются-ли раскольники. «Несчастіе велико въ томъ, писалъ Ступишинъ князю Вяземскому [3]), что разсыпанные злодѣи, гдѣ они касались, всѣ селенія возмутили и уже безъ Пугачева дѣлаютъ разоренія, ловятъ и грабятъ своихъ помѣщиковъ». Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ, кромѣ гарнизонныхъ, солдатъ, Ступишинъ отыскалъ пять годныхъ чугунныхъ орудій и прибавилъ къ нимъ

сланъ въ Москву, для публичнаго отсѣченія головы. 5 сентября казнь эта была совершена. «Великія тысячи смотрителей были, писалъ князь Волконскій къ Г. А. Потемкину; онъ прощался съ народомъ, призналъ себя виновнымъ передъ Богомъ и государемъ и что сія ему казнь достойна» («Графы Н. и П. Панины», соч. П. Лебедева, стр. 334).

[1]) Переплетъ (?) по повелѣнію его высокографскаго сіятельства графа П. И. Панина о присылкѣ къ его сіятельству о злодѣѣ Пугачевѣ вѣдомости. *Казанскія Губернскія Вѣдомости* 1867 г., № 33.

[2]) Показанія пойманныхъ. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, оп. 47, кн. X.

[3]) Въ письмѣ отъ « » іюля 1774 г. Архивъ Кабинета Его Импер. Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

12 собственныхъ одно-фунтовыхъ пушекъ, вооружилъ ими городъ, а изъ гарнизонныхъ солдатъ сформировалъ два отряда: одинъ, изъ 50 человѣкъ рядовыхъ съ тремя пушками, отправилъ къ Ядрину и Курмышу, а другой, изъ 30 человѣкъ—къ Арзамасу. «Вотъ, милостивый государь, прибавлялъ онъ въ письмѣ къ князю Вяземскому, все что мнѣ можно сдѣлать, не имѣвъ довольнаго числа военныхъ людей. Я засталъ гарнизонъ наполненный мало движущими, которые по представленію моему въ военную коллегію оставлены и укомплектовываются рекрутами недоимочными. Если бы я имѣлъ хотя до 200 человѣкъ легкихъ войскъ, то бы съ Божіею помощью не только бы сему злу размножиться не допустилъ, но и усмирилъ бы бунтующихъ, не занимая отъ войскъ преслѣдующихъ злодѣевъ... Я же примѣчаніе долженъ имѣть на великія тысячи бурлаковъ, кои на судахъ къ Нижнему приходятъ и для сего болѣе всего Нижній долженъ быть подкрѣпленъ войсками».

Пойманные мятежники единогласно показывали, что самозванецъ намѣренъ идти въ Нижній, такъ какъ яицкіе казаки объ этомъ неотступно его просятъ.

— Ваше величество, помилуйте, говорили старшины, — долго ли намъ такъ странствовать и проливать человѣческую кровь, время намъ идти въ Москву и принять престолъ.

Пугачевъ обѣщалъ исполнить желаніе своихъ пособниковъ и говорилъ, что пойдетъ на Нижній; но отойдя верстъ 15 отъ Волги, услышалъ отъ чувашей, которые увѣряли, что Нижній сильно укрѣпленъ и въ городѣ много войска, а изъ Свіяжска на Цивильскъ идутъ отряды правительственныхъ войскъ. Тогда Пугачевъ отказался идти по направленію къ Москвѣ [1]).

— Ждите, детушки, говорилъ онъ, — потерпите, не пришло еще мое время, а когда будетъ, то я и самъ безъ вашего зова приду. Теперь же я намѣренъ идти на Донъ, тамъ меня нѣкоторые знаютъ и примутъ съ радостію.

---

[1]) [illegible] въ своей статьѣ «Графъ Панинъ» (*Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., [illegible]) [illegible] будто еще будучи подъ Казанью Пугачевъ приказалъ [illegible] манифестъ, что онъ пойдетъ въ Москву принять [illegible] видали, да и въ показаніяхъ многочисленныхъ [illegible] не упоминается объ этомъ.

Казаки принуждены были согласиться съ мнѣніемъ своего повелителя, тѣмъ болѣе, что толпа ихъ состояла не болѣе какъ изъ 400 человѣкъ, и необходимо было прежде всего подумать объ увеличеніи своихъ силъ. Въ это время Пугачевъ легко могъ быть уничтоженъ, если бы главнокомандующій былъ на мѣстѣ дѣйствій и не выпустилъ войскъ изъ своихъ рукъ. Генералы Брандтъ и П. Потемкинъ просили князя Щербатова поспѣшить прибытіемъ въ Казань, «дабы вы, писалъ ему Брандтъ [1]), яко главный надъ войсками командиръ, будучи здѣсь, по обстоятельствамъ, часто подверженнымъ перемѣнамъ, къ истребленію злаго отечеству врага удобнѣе могли по общему совѣту расположить свои достаточныя мѣры».

Князь Щербатовъ все еще не ѣхалъ и, въ ожиданіи его прибытія, казанскія власти дѣлали что было можно. Полковникъ Михельсонъ передалъ отъ себя 300 человѣкъ графу Меллину, довелъ его отрядъ до цифры 700 человѣкъ и отправилъ за Волгу для преслѣдованія самозванца. Черезъ день были отправлены за Волгу же еще 150 человѣкъ кавалеріи и имъ приказано слѣдовать на соединеніе съ графомъ Меллинымъ. Самъ же Михельсонъ признавалъ необходимымъ остаться въ Казани и дождаться прибытія какого либо отряда, «ибо, доносилъ онъ [2]), весь народъ въ великомъ колебаніи». На его рукахъ было болѣе 7,000 плѣнныхъ, которые хотя послѣ присяги и распускались по домамъ, но при отсутствіи войскъ легко могли образовать шайки и предаться грабежамъ.

«Не можно представить себѣ, писалъ Потемкинъ [3]), до какой крайности весь народъ въ здѣшнемъ краю бунтуетъ, такъ что вѣроятія приложить, не видѣвъ оное, невозможно. Источникомъ онаго крайнее мздоимство, которое народъ разорило и ожесточило».

«Вашему сіятельству предлагаю, писалъ онъ же князю Щер-

---

[1]) Письмо генерала Брандта князю Щербатову отъ 18 іюля 1774 года. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. X.

[2]) Въ рапортѣ князю Щербатову отъ 17 іюля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

[3]) Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

батову [1]), какъ истинный сынъ отечества, поспѣшите сюда для подания какого учрежденія вѣренныхъ вамъ войскъ отъ ея величества, ибо когда здѣсь заступитъ мѣсто Михельсона какой другой деташемент, тогда сей храбрый офицеръ можетъ идти на пораженіе злодѣя, а здѣсь безъ вашего присутствія много удобности пропускается. D'ailleurs, mon prince, vous savez que le scélérat trouvera partout des groupes et qu'il fera beaucoup du mal, s'il passe le Volga. J'attends votre excellence avec la dernière impatience» [2]).

Положеніе князя Щербатова въ это время нельзя назвать легкимъ. Обнаживъ отъ войскъ тотъ край, въ который ворвался теперь Пугачевъ, главнокомандующій не имѣлъ средствъ быстро стянуть войска къ угрожаемому пункту, и потому долженъ былъ прибѣгать къ полумѣрамъ. Получивъ извѣстіе о приближеніи Пугачева къ р. Камѣ, князь Щербатовъ, еще изъ Оренбурга, послалъ приказаніе подполковнику Муфелю съ легкою полевою командою и Пензенскимъ уланскимъ корпусомъ слѣдовать съ Самарской линіи какъ можно поспѣшнѣе къ Казани, а князю Голицыну, не останавливаясь въ Уфѣ, идти туда же [3]).

Послѣ безпрерывныхъ столкновеній съ башкирцами и многихъ препятствій въ пути, обусловленныхъ характеромъ гористой мѣстности, князь Голицынъ только 12-го іюля пришелъ въ Уфу [4]). Оставивъ полковника Шепелева съ небольшимъ отрядомъ для наблюденія за Табынскомъ, Стерлитамакомъ и Уфою, князь Голицынъ 14-го іюля переправился черезъ р. Уфу и двинулся къ Нагайбаку. Вторичное приказаніе главнокомандующаго поспѣшить въ Казани заставило его оставить Нагайбакъ вправо отъ себя, переправиться черезъ р. Икъ и двинуться къ Заинску. «Ваше

[illegible] рученномъ письмѣ отъ 18-го іюля 1774 г. Московск. Арх. Главн. [illegible] книга X.

[illegible] знаете, князь, что злодѣй найдетъ вездѣ шайки и что онъ [illegible] переходя Волгу. Я ожидаю ваше сіятельство съ крайнимъ не-

[illegible] князя Щербатова отъ 22 іюля 1774 года. Московск. [illegible] опись 47, кн. IV.

[illegible] князю Щербатову отъ 13 іюля 1774 г. Тамъ же,

сіятельство изволите требовать, доносилъ онъ при этомъ князю Щербатову [1]), чтобы легкія войска впередъ отправить; я не надѣюсь, чтобы они могли передъ взять отъ пѣхоты, потому какъ оная посажена на подводахъ; а когда слишкомъ форсировать маршъ кавалеріи, то выбьется вовсе изъ силъ — уже теперь довольно изнурены».

Письма генераловъ Брандта и Потемкина и первое донесеніе князя Голицына застали главнокомандующаго въ Бугульмѣ. Тамъ же князь Щербатовъ узналъ, что подполковникъ Муфель только 16-го іюля выступилъ изъ Бузулука къ Черемшанской крѣпости [2]), а полковникъ Обернибѣсовъ съ своимъ отрядомъ 18-го іюля занялъ устье р. Вятки [3]). Отрядъ Обернибѣсова былъ слишкомъ малъ, а Муфель далеко отъ Казани, и затѣмъ ближе не было ни одного отряда. Тогда князь Щербатовъ посадилъ на подводы свой малочисленный конвой, а самъ на почтовыхъ прискакалъ въ Казань и нашелъ ее въ весьма печальномъ положеніи.

Возвращавшіеся съ разныхъ сторонъ жители не имѣли ни крова, ни пристанища; построить шалаши или бараки было неизъ-чего: лѣсъ сгорѣлъ весь безъ остатка. Ни хлѣба, ни сѣна, ни дровъ не было и большинство населенія валялось подъ открытымъ небомъ. Уцѣлѣвшіе дома были заняты военными и начальствомъ, но и они не имѣли ни крышъ, ни оконъ: повсюду течь и отъ вѣтра нѣтъ защиты. Церкви были завалены кладью и по свободнымъ уголкамъ ютились разоренные жители; на улицахъ смрадъ отъ дымящихся еще развалинъ и разлагающихся труповъ. Нравственное потрясеніе, дурныя условія жизни и зловоніе породили болѣзни, и въ рѣдкомъ семействѣ не было больныхъ горячкою и лихорадкою. «Оставивъ общее, писалъ Платонъ Любарскій [4]), заключаю симъ мое несчастіе, что кромѣ потери нѣсколькихъ моихъ крохъ и провизіи, сижу нынѣ, какъ Іовъ на гноищѣ, безъ хлѣба и покрова, подъ небомъ. Что дѣлать? гдѣ помощи

[1]) Въ рапортѣ отъ 19 іюля 1774 г. № 1465. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X.

[2]) Рапортъ Муфеля кн. Щербатову 16 іюля. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

[3]) Рапортъ Обернибѣсова князю Щербатову 19 іюля. Тамъ же.

[4]) Въ письмѣ преосвященному Крутицкому отъ 14-го августа 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 527.

просить?—не знаю. Да и кому теперь до насъ!.. Павелъ Потемкинъ не Бибиковъ, я къ нему не смѣю и подступиться».

Разсказы современниковъ единогласно свидѣтельствуютъ о бѣдственномъ положеніи Казани, да оно иначе и быть не могло, если вспомнить приведенныя нами цифры, изъ которыхъ видно, что болѣе трехъ четвертей города сгорѣло до тла. Но П. Потемкинъ, занявъ подъ свою секретную коммиссію лучшіе дома, находилъ, что бѣдствіе вовсе не такъ велико. «Что касается до Казани, писалъ онъ [1]), *то хотя городъ сгорѣлъ большею частію* и нѣсколько *жители пострадали*, однако отнюдь не бѣдственно: пожитки почти всѣхъ спаслись и развѣ самая малая часть оныхъ лишилась (?). Многіе сказываются, что разорились, лаская себя только награжденіемъ».

Въ этотъ же самый день князь Щербатовъ доносилъ, что въ городѣ тлѣетъ еще огонь, и что надо много усилій для возстановленія порядка.

Первою заботою главнокомандующаго было прикрыть первопрестольную столицу отъ всякихъ покушеній мятежниковъ. Опасеніе, что Пугачевъ можетъ прорваться и двинуться на Москву было такъ велико, что полковникъ Михельсонъ получилъ спеціальное назначеніе идти на флангѣ самозванца и отрѣзать ему всѣ пути, ведущіе въ первопрестольную столицу. Выступивъ изъ Казани и двигаясь на Свіяжскъ и Чебоксары, Михельсонъ, не смотря на то, что получилъ извѣстіе о поворотѣ Пугачева на югъ и движеніи къ Алатырю, все-таки предписалъ графу Меллину не идти прямо по слѣдамъ мятежнической толпы, а имѣть ее всегда въ лѣвой сторонѣ. Если бы Пугачевъ спустился еще на югъ и двинулся къ Симбирску, «то надѣюсь, доносилъ Михельсонъ [2]), могутъ быть употреблены другія свѣжія войска къ истребленію сихъ злодѣевъ».

Такимъ свѣжимъ войскомъ могъ быть только одинъ отрядъ подполковника Муфеля, слѣдовавшій съ Самарской линіи къ Казани (431 человѣкъ пѣхоты, 76 драгунъ и 4 орудія). Казанскій

---

[1]) Во всеподдан. рапортѣ отъ 22 іюля 1774 года. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 288.

[2]) Въ рапортѣ князю Щербатову отъ 21 іюля 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга X.

губернаторъ фонъ-Брандтъ просилъ убѣдительно князя Щербатова направить этотъ отрядъ прямо къ Симбирску наперерѣзъ пути самозванцу [1]). Такое направленіе было бы совершенно правильнымъ и вполнѣ соотвѣтствовало тогдашней обстановкѣ. Соединившись съ симбирскимъ гарнизономъ, подполковникъ Муфель могъ остановить мятежниковъ, преслѣдуемыхъ графомъ Меллинымъ и угрожаемыхъ съ фланга отрядомъ Михельсона. Совокупными дѣйствіями трехъ отрядовъ, Пугачевъ могъ быть прижатъ къ р. Волгѣ и поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Чѣмъ болѣе онъ подвигался на югъ, тѣмъ рѣка становилась шире, а переправа затруднительнѣе.

Къ сожалѣнію, мѣра эта не могла осуществиться, такъ какъ у главнокомандующаго не было подъ руками никакихъ войскъ. Правда, что получивъ извѣстіе о переправѣ Пугачева черезъ р. Волгу, князь Щербатовъ приказалъ кн. Голицыну съ его отрядомъ стать въ Мензелинскѣ, части отряда генералъ-маіора Мансурова перейти изъ Яицкаго-городка въ Сызрань, а подполковнику Муфелю повернуть къ Симбирску и слѣдовать на подводахъ [2]),— но всѣ эти распоряженія были на столько запоздалыми, что Пугачевъ въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ недѣль не встрѣчалъ ни войскъ, ни сопротивленія со стороны мѣстныхъ властей и хозяйничалъ въ при-Волжскихъ губерніяхъ.

VII.

Первыя дѣйствія Пугачева за Волгою.—Манифестъ самозванца.—Возстаніе крестьянъ.—Разграбленіе г. Цивильска.—Самозащита жителей города Ядрина.—Занятіе Пугачевымъ городовъ: Курмыша, Алатыря и Саранска.—Дѣятельность преслѣдующихъ отрядовъ Михельсона.

Переправившись черезъ Волгу и остановившись въ полѣ, близъ дер. Нерадовой, Пугачевъ прежде всего долженъ былъ подумать объ увеличеніи своихъ силъ, и съ этою цѣлью онъ разослалъ повсюду манифестъ слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Письмо Брандта князю Щербатову отъ 20 іюля 1774 г. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга X.

[2]) Всеподдан. рапортъ кн. Щербатова отъ 22 іюля 1774 г. Тамъ же, кн. IV.

«Божіею милостію, мы Петръ III, императоръ и самодержецъ Всероссійскій

и проч. проч. проч.

«Жалуемъ симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами (?) и бородами, вольностію и свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку и освобождаемъ (отъ) всѣхъ прежде чинимыхъ,—отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцовъ и судей — крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ. Желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ предписанныхъ злодѣевъ дворянъ странствіе и немалыя бѣдствія.

«А какъ нынѣ имя наше властію Всевышней десницы въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ симъ нашимъ именнымъ указомъ: кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ (находятся), оныхъ, противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами; по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ возчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до вѣка продолжаться будутъ» [1]).

Населеніе приняло этотъ манифестъ съ большимъ сочувствіемъ, и крестьяне Чебоксарскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ возстали почти поголовно. Собираясь небольшими толпами, они грабили помѣщичьи дома, убивали своихъ господъ и священниковъ [2]). Ихъ

---

[1]) Государственный Архивъ, VI, д. №№ 414 и 415. Манифестъ этотъ былъ издаваемъ нѣсколько разъ и подъ нимъ были подписаны числа: 18, 20, 28 и 31 іюля 1774 г. Подъ послѣднимъ числомъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями онъ напечатанъ Я. К. Гротомъ въ *Запискахъ Академіи*. Т. XXV, приложеніе № 4, стр. 53, и въ *Русской Старинѣ* 1875 г. № 11, стр. 441

[2]) Всеподданнѣйшій рапортъ князя Щербатова, отъ 22 іюля 1774 г. Московск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

примѣру послѣдовали чуваши и вотяки, вооружившіеся копьями, стрѣлами и говорившіе открыто, что ждутъ Пугачева какъ роднаго отца [1]).

Предводители партій, бродя изъ деревни въ деревню, толковали жителямъ манифестъ самозванца по своему усмотрѣнію и увѣряли, что царскій указъ повелѣваетъ всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ вести, волей и неволей, своихъ помѣщиковъ въ ближайшій уѣздный городъ, для представленія государю. Исполненіе этого указа сопровождалось часто самыми ужасными и отвратительными сценами, насиліемъ и проч. [2]). Въ станѣ самозванца производилось разслѣдованіе, и если крестьяне были довольны помѣщиками, что случалось весьма рѣдко, то его отпускали, а если недовольны — то вѣшали. Большинство помѣщиковъ бѣжало изъ своихъ имѣній и принуждено было скрываться въ самыхъ непроходимыхъ лѣсахъ. Оставшееся безъ правителей, но привыкшее къ власти населеніе обращалось къ самозванцу съ просьбою разъяснить то положеніе, въ которомъ оно должно находиться относительно правительства.

«Покорно просимъ васъ, милостиваго государя, Петра Ѳедоровича, писали бурмистръ Василій Захаровъ и староста Кузьма Егоровъ [3]), чтобъ намъ изволили показать, на какомъ быть основаніи, что̀ намъ дѣлать мы не знаемъ, но хоша и была присланная отъ васъ, государь, команда, однако никакого опредѣленія намъ не объявила.

«А нынѣ у насъ въ вотчинѣ имѣется господскій хлѣбъ, лошади и скотъ, и что вы, государь, объ ономъ изволите приказать; такожь и что оставшее въ домѣ господскомъ послѣ вашей команды на оное просимъ у васъ, великаго государя, милостива о приказанія.

«Еще просимъ у васъ, великаго государя, на крестьянъ села

---

[1]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову 25 іюля 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

[2]) Одну изъ такихъ сценъ можно найти въ статьѣ «Емельянъ Пугачевъ», *Русская Старина* 1873 г., т. VIII, 807.

[3]) Села Алферьева, Алатырскаго уѣзда, въ прошеніи, поданномъ 23 іюля 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 416.

Верхняго-Талызина, которые были во владѣніи съ нами одного помѣщика. Оные крестьяне были на оброкѣ, а мы сѣяли на ихъ землѣ хлѣбъ господскій, которая у нихъ земля излишняя взята была на господина; а нынѣ оные крестьяне такой господскій посѣянный нами хлѣбъ намъ не даютъ, а оный хлѣбъ имъ не слѣдуетъ, а принадлежитъ оный хлѣбъ взять намъ. О семъ просимъ васъ, великаго государя, учинить рѣшеніе.

«Однако въ вотчинѣ нашей, милостивый государь, много такихъ, которые и пропитанія у себя не имѣютъ, не только какія подати платить, а просятъ изъ милосердія у васъ, великаго государя, чтобъ повелѣно было изъ господскаго хлѣба намъ дать на пропитаніе и осѣмениться, за что мы, сироты ваши, должны вѣчно Бога молить за ваше здравіе, великаго государя».

Прошеніе это было не единственное, но какъ оно, такъ и другія оставлялись, конечно, безъ исполненія. Пугачевской коллегіи уже не существовало, творить суда и расправы было некому, да и самъ самозванецъ не думалъ объ этомъ: онъ шелъ безъ оглядки и, спасаясь отъ преслѣдованія войскъ, повернулъ на югъ, думая пробраться опять къ Яику или къ завѣтной для него рѣки Кубани.

Приближаясь къ Цивильску, Пугачевъ отправилъ впередъ казака Чумакова взять тамъ годныхъ лошадей. Чумаковъ разграбилъ городъ, повѣсилъ воеводу Копьева съ женою, прапорщика Абаринова и секретаря Попова съ ихъ женами и двухъ мѣщанъ. Когда пріѣхалъ въ городъ самъ Пугачевъ, то жители, непривыкшіе къ такимъ сценамъ, спрашивали, за что повѣсили ихъ господъ, когда они не сопротивлялись? Самозванецъ отвѣчалъ, что хотя отъ него и не было дано приказанія вѣшать, но что теперь того уже не воротишь.

Направляясь къ Курмышу, Пугачевъ получилъ извѣстіе, что жители находящагося на пути городка Ядрина приготовились къ сопротивленію и не намѣрены впускать мятежниковъ. По совѣту поручика Лихутина они вооружились поголовно.

— Сограждане, говорилъ Лихутинъ, — сей грозный день рѣшитъ судьбу города и насъ самихъ; обязанность каждаго изъ насъ [illegible] опасность. Забудемъ свои семейства, имущество и [illegible], которая безъ обороны будетъ жертвою злодѣя. Со-

храните присягу великой императрицѣ и отечеству, и наградою вамъ будетъ благодарность потомства.

— Умремъ всѣ за вѣру, императрицу и отечество, кричала толпа. Богъ самъ спасетъ насъ отъ многочисленныхъ клятвопреступниковъ. Веди насъ сражаться, мы готовы.

При такихъ условіяхъ Пугачевъ счелъ лучшимъ не ввязываться въ серьезное дѣло, обогнулъ Ядринъ, но отдѣлившаяся отъ него толпа стала приближаться къ городу. Узнавъ объ этомъ поручикъ Лихутинъ, послѣ напутственнаго молебствія, переправился съ вооруженнымъ населеніемъ за Суру, имѣлъ горячее дѣло съ мятежниками и отбросилъ ихъ отъ города. Побѣдители съ торжествомъ возвратились въ городъ, но впослѣдствіи подвигъ ядринцовъ былъ омраченъ тѣми жестокостями и истязаніями, которымъ подвергали они захваченныхъ въ плѣнъ бунтующихъ чувашей [1]).

Императрица щедро наградила всѣхъ участниковъ въ отбитіи мятежниковъ, въ особенности за то, что они не ограничились защитою города, но, присоединясь впослѣдствіи къ воинской командѣ, «употреблялись съ оною въ усмиреніи мятежниковъ» [2]).

Потерпѣвъ неудачу подъ Ядриномъ, толпа потянулась по слѣдамъ самозванца. Послѣдній, въ восьмомъ часу утра 20 іюля, подошелъ къ Курмышу. Городское населеніе и дворяне разбѣжались въ разныя стороны, а чернь, въ сопровожденіи духовенства, вышла на встрѣчу Пугачеву. Священники Дмитрій Васильевъ, Евдокимъ Андреевъ и Адріанъ Ивановъ надѣли облаченіе, подняли образа и отправились съ народомъ на берегъ р. Суры [3]). Пугачевъ переправился вплавь черезъ рѣку и принялъ хлѣбъ-соль. Отправленные въ городъ казаки привели къ самозванцу инвалидную команду, которая, увидя одного унтеръ-офицера уже повѣшеннымъ, пришла въ «смертный страхъ». Пугачевъ приказалъ прочитать свой манифестъ и привелъ къ присягѣ всѣхъ вышедшихъ къ нему на

---

[1]) Объ этихъ жестокостяхъ см. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1860 г., № 28.

[2]) Манифестъ императрицы отъ 1-го сентября 1774 г. Записка кн. Вяземскаго Сенату 25 августа. По этой запискѣ поручикъ Лука Лихутинъ произведенъ въ секундъ-маіоры, голова Василій Бѣляковъ и бургомистръ Алексѣй Бѣляковъ — въ титулярные совѣтники, 19 купцовъ и одинъ солдатскій сынъ получили шпаги.

[3]) Донесеніе Антонія, епископа нижегородскаго, Синоду 16 августа 1774 г. Арх. Синода, д. № 8.

встрѣчу, причемъ упоминались имена императора Петра III, императрицы Устиньи Петровны, цесаревича Павла Петровича и супруги его великой княгини Натальи Алексѣевны.

«Въ то время какъ мы и граждане на берегу были, доносила инвалидная команда [1]), его, Пугачева, злодѣйской толпы казаки въ городѣ грабили церкви, обывательскіе и наши домы, которыми ограблено во всѣхъ мѣстахъ и изъ воеводской канцеляріи штатной команды солдатскія ружья, тесаки и сумы съ патронами».

Грабители повѣсили маіоровъ Василія Юрлова, Дмитрія Маковнева и дворянку Наталью Ульянову. Они захватили всѣ казенныя деньги, выпустили казенное вино и роздали безденежно соль крестьянамъ и чувашамъ.

Послѣ пятичасоваго грабежа Пугачевъ повѣсилъ канцеляриста Михайлу Еремѣева, наградилъ священниковъ 150 рублями, переправился обратно черезъ р. Суру и взявъ съ собою до 60 человѣкъ горожанъ, добровольно записавшихся въ казаки, направился къ Алатырю.

Извѣстіе о приближеніи самозванца заставило многихъ дворянъ собраться въ алатырской провинціальной канцеляріи, для совѣщанія, какъ имъ защищаться. Во главѣ собравшихся находился исправлявшій воеводскую должность подполковникъ Матвѣй Бѣлокопытовъ и человѣкъ десять дворянъ. Совѣщавшіеся условились, что если число мятежниковъ будетъ не болѣе 500 человѣкъ, то сопротивляться, а въ противномъ случаѣ встрѣтить ихъ съ хлѣбомъ и солью. Для развѣданія о непріятелѣ они отправили прапорщика инвалидной команды Сюльдяшева [2]). По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, Пугачевъ располагалъ болѣе чѣмъ двумя тысячами человѣкъ и потому сопротивленіе ему признано невозможнымъ. Тогда воевода Бѣлокопытовъ бѣжалъ, а за нимъ бѣжали и многіе дворяне, причемъ Бѣлокопытовъ «караулъ, находящійся у рогатокъ, такъ какъ и обывателей, собранныхъ нарочно на защищеніе го-

---

[1]) Рапортъ Курмышской инвалидной команды въ контору военной коллегіи, отъ 27 іюля 1774 г.

[2]) Въ запискахъ Д. Б. Мертваго офицеръ этотъ названъ Сердешевымъ, а въ слѣдственномъ дѣлѣ Сюльдяшевымъ. См. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 95, св. 564, д. № 28.

рода, вооруженныхъ до 200 человѣкъ, распустилъ». Секретари воеводской канцеляріи также разъѣхались въ разныя стороны и прискакавшій изъ Симбирска курьеръ съ «промеморіею» не нашелъ никого въ присутствіи. Случайно наткнувшись на сержанта штатной команды Михаила Лосева, онъ передалъ ему пакетъ. Лосевъ прочелъ бумагу, въ которой симбирская провинціальная канцелярія требовала увѣдомленія, «гдѣ злодѣй находится». Лосевъ вмѣстѣ съ канцеляристомъ Василіемъ Поповымъ отвѣчали, что злодѣй приближается уже къ Алатырю, и отправили курьера обратно.

Между тѣмъ у соборной церкви собралась толпа народа.

— Зачѣмъ собрались, спросилъ проходившій Сюльдяшевъ.

— Совѣтуемся между собою, какъ спасти свою жизнь. Воевода и всѣ дворяне бѣжали изъ города, а у насъ нѣтъ оружія чѣмъ защищаться; мы согласились встрѣтить злодѣя съ честью.

Прапорщикъ Сюльдяшевъ говорилъ, что лучше бы готовиться къ оборонѣ города.

— Воля всемилостивѣйшей государыни, отвѣчали ему жители, намъ не-съ-чѣмъ противиться, а встрѣтимъ ихъ съ хлѣбомъ и солью.

Обыватели разошлись по домамъ, а Сюльдяшевъ приказалъ Лосеву поставить караулъ у соляныхъ амбаровъ и близъ канцеляріи на колокольнѣ, съ тѣмъ, что если появятся мятежники, то дать ему знать [1]). Лосевъ исполнилъ приказаніе, но почти всѣ инвалидные офицеры, не дождавшись приближенія самозванца, отправились за городъ къ нему въ лагерь [2]).

— Хорошо что явились ко мнѣ, други, сказалъ имъ Пугачевъ; но подите домой, вы не годитесь въ мою службу—стары.

Утромъ 23 іюля человѣкъ 20 яицкихъ казаковъ пріѣхали въ ямскую слободу, находившуюся въ четырехъ верстахъ отъ города, приказали населенію выходить на встрѣчу государю, стращая въ случаѣ сопротивленія умертвить всѣхъ поголовно. Узнавъ, что въ слободѣ находится управитель подпоручикъ Василій Косаговскій, казаки вывели его на площадь и сѣкли плетьми, спрашивая у ям-

[1]) Показаніе сержанта Михаила Лосева. Госуд. Арх., VI, д. № 447. Показаніе прапорщика Сюльдяшева. Госуд. Арх., VI, д. № 453.

[2]) Показаніе сержанта Харитонова. Тамъ же.

щиковъ добръ-ли онъ? Одобрительный отвѣтъ спасъ Косаговскаго отъ смерти и ему приказано было находиться при встрѣчѣ государя съ своею командою. Ямщики вышли изъ слободы съ хлѣбомъ и солью и при приближеніи самозванца всѣ встали на колѣни.

Принявъ хлѣбъ-соль отъ ямщиковъ, Пугачевъ направился къ городу, впереди котораго былъ встрѣченъ населеніемъ и духовенствомъ съ крестами и образами. Вышедшіе по звону соборнаго колокола на встрѣчу жители, духовенство и монахи Троицкаго монастыря стали на колѣни. Приложившись ко кресту и принявъ хлѣбъ-соль отъ купечества, самозванецъ приказалъ прочитать свой манифестъ, а затѣмъ послѣдовало цѣлованіе руки: сначала подходило духовенство, потомъ именитые люди, въ числѣ которыхъ былъ и прапорщикъ Сюльдяшевъ. По окончаніи этой церемоніи Пугачевъ сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи духовенства, при колокольномъ звонѣ, проѣхалъ въ соборную церковь для слушанія молебна. Потомъ онъ ѣздилъ по городу, былъ въ воеводскомъ домѣ и приказалъ захваченные подъ соборною колокольнею мѣдныя деньги [1]) раздавать народу. По приглашенію Сюльдяшева самозванецъ зашелъ къ нему въ домъ, выпилъ съ своими сообщниками чарки по три водки и видя, что толпа его сильно пьянствуетъ, приказалъ рубить бочки и выпустить вино. Призвавши къ себѣ бургомистра, Пугачевъ поручилъ ему роздать народу соль безденежно и выпустить 49 человѣкъ колодниковъ.

— Есть-ли у васъ въ городѣ серебряники, спрашивалъ при этомъ Пугачевъ бургомистра, и пойдутъ-ли они ко мнѣ служить?

— Есть двое, отвѣчалъ спрошенный, какъ имъ не пойти, у васъ имъ лучше будетъ, чѣмъ здѣсь.

Самозванецъ приказалъ прислать ихъ къ себѣ въ лагерь и собрать туда же жителей по барабанному бою. Въ числѣ собравшихся стоялъ и прапорщикъ Сюльдяшевъ [2]).

— Ты нанялся что-ли за воеводу остаться въ городѣ? спросилъ гнѣвно Пугачевъ; я перваго тебя велю казнить.

Сюльдяшевъ палъ на колѣни.

---

[1]) Деньги эти были приготовлены къ отправленію во Владиміръ.

[2]) Показаніе Сюльдяшева. Госуд. Арх., VI, д. № 453.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Ваше величество, я человѣкъ маленькій, какъ можно мнѣ за воеводу наниматься.

— Давно-ли ты въ службѣ?

— Двадцать-пять лѣтъ.

— Какъ же ты служишь такъ давно, а имѣешь чинъ такой маленькій. Если ты мнѣ вѣрою и правдою послужишь, я тебя пожалую полковникомъ и воеводою здѣшняго города.

— Служить не могу за болѣзнями и ранами.

— Ничего, будь ты отнынѣ полковникомъ и въ городѣ главнымъ смотрителемъ.

Самозванецъ приказалъ новому правителю выслать въ станъ мятежниковъ всѣхъ жителей, годныхъ на службу. Такихъ нашлось человѣкъ до 200 и къ нимъ было присоединено еще человѣкъ 20 гарнизонныхъ солдатъ.

На другой день были представлены самозванцу оба серебряника.

— Можете-ли вы дѣлать такіе рублевики съ ушками, спрашивалъ ихъ Пугачевъ, показывая рублевикъ императора Петра I.

— Можемъ, отвѣчали они.

— А такой портретъ, какъ я, можете сдѣлать?

— У насъ штемпелей нѣтъ и сдѣлать такого, какъ вы, не можемъ.

Тогда онъ приказалъ имъ придѣлать къ рублевикамъ Петра I ушки и раздавалъ ихъ въ видѣ медалей въ награду своимъ сообщникамъ. Такихъ медалей, по показанію Пугачева, было роздано не болѣе двадцати.

Подъ Алатыремъ самозванецъ простоялъ два дня, и это былъ первый отдыхъ послѣ бѣгства его изъ-подъ Казани. Въ эти дни, въ станъ самозванца стекались крестьяне съ разныхъ сторонъ и приводили съ собою помѣщиковъ и дворянъ, которыхъ немедленно вѣшали; такихъ несчастныхъ было 12 человѣкъ [1]). Всѣхъ крестьянъ, при-

[1]) Показанія Пугачева 4 и 17 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 512. Донесеніе алатырскаго духовенства преосвященному Антонію, епископу нижегородскому. Арх. Синода, д. № 4. Показаніе подпоручика Косаговскаго и мнѣніе учрежденнаго въ Москвѣ кригсрехта 10 марта 1775 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 95, св. 564, д № 28. Сюльдяшевъ и Косаговскій были лишены чиновъ и сосланы въ Таганрогъ на поселеніе. Въ Алатырскомъ уѣздѣ было

ходившихъ на государеву службу конными, Пугачевъ бралъ съ собою, а пѣшихъ отсылалъ назадъ, и они-то, образовавъ изъ себя партіи, разоряли всѣ окрестности, задерживали правительственныя войска и давали возможность самозванцу продолжать безнаказанно свое опустошительное шествіе внизъ по Волгѣ.

Подходя къ Саранску, 26 іюля, самозванецъ отправилъ впередъ казака Ѳедора Чумакова съ 30 человѣками казаковъ для передачи воеводѣ, присутствующимъ и мірскимъ людямъ слѣдующаго указа:

«По указу его императорскаго величества и по опредѣленію государственной военной коллегіи велѣно послать (каковъ и посылается) сей указъ съ таковымъ повелѣніемъ, что какъ нынѣ его императорское величество всемилостивѣйшій государь Петръ Ѳедоровичъ, съ побѣдоносною арміею шествовать изволитъ черезъ гор. Саранскъ для принятія всероссійскаго престола въ царствующій градъ Москву, того ради къ прибытію его величества съ арміей приготовить: во-первыхъ, подъ артиллерію 12 паръ лучшихъ лошадей и для слѣдующаго казачьяго войска хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ и для коней фуража: овса, сѣна и прочаго, что принадлежитъ, дабы ни въ чемъ недостатка воспослѣдовать не могло. По отправленіи-жь сего, шествію его императорскаго величества съ арміею по должности пристойное встрѣтеніе съ надлежащею церемоніею, такъ какъ долгъ присяги и подданства повелѣваетъ, стараясь получить монаршее и отеческое милосердіе, таковое же, каковое оказано за сіе исполненіе и прочимъ вѣрноподданнымъ рабамъ. А за противность и непокорность своему государю, по силѣ строгости монаршаго правосудія, безъ наижесточайшаго гнѣва остаться не могите, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противникамъ и измѣнщикамъ монаршей воли чинима была (казнь) неупустительно» [1]).

Получивъ этотъ приказъ, воевода, подполковникъ Василій Протасьевъ, товарищъ его, Михайло Башмаковъ, и секретарь, Андрей

убито 65 человѣкъ мужчинъ и женщинъ; разграблено въ уѣздѣ 33 дома и въ городѣ 38 домовъ. Къ Пугачеву присоединилось 224 человѣка городскихъ жителей. Госуд. Арх., VI. д. № 447.

[1]) Указъ самозванца отъ 26 іюля 1774 г. Госуд. Арх., VI. д. № 512.

Метальниковъ, бѣжали изъ города; ихъ примѣру послѣдовали многіе приказные служители, купцы и дворяне. «Въ Саранскѣ, доносилъ впослѣдствіи Михельсонъ [1]), ни одинъ дворянинъ не думалъ о своей оборонѣ, а всѣ, какъ овцы, разбѣжались по лѣсамъ». Оставшіеся въ городѣ, находясь между страхомъ и отчаяніемъ, не знали что дѣлать.

Рано утромъ, 27 іюля, передовые казаки явились опять въ городъ съ требованіемъ, чтобы населеніе, не исключая духовенства, вышло на встрѣчу государю, а въ противномъ случаѣ грозили «смертною казнію и пожаромъ». Облачившись въ ризы и поднявъ св. иконы, духовенство, въ сопровожденіи гражданъ, вышло къ мосту на р. Инзарѣ. Во главѣ ихъ стоялъ съ крестомъ саранскаго Петровскаго монастыря архимандритъ Александръ, котораго Пугачевъ скоро замѣтилъ «по шапкѣ съ каменьями, какъ быть золотой». Подъѣхавъ прямо къ о. Александру самозванецъ приложился ко кресту, приказалъ прочитать приведенный нами манифестъ и затѣмъ отправился въ соборъ, гдѣ во время эктеніи упоминалось имя государя Петра Ѳедоровича, государыни Устиньи Петровны и великаго князя Павла Петровича съ его супругою Наталіею Алексѣевною. Подаривъ духовенству 30 рублей, самозванецъ отправился въ домъ вдовы бывшаго воеводы, Авдотьи Каменицкой, гдѣ, по ея приглашенію, и обѣдалъ. Въ благодарность за угощеніе Пугачевъ повѣсилъ ее, на воротахъ, вмѣстѣ съ магистратскимъ подъячимъ Петромъ Васильевымъ, а купца Ивана Гурьева засѣкъ плетьми [2]). На другой день самозванецъ обѣдалъ въ Петровскомъ монастырѣ у архимандрита Александра и выдалъ на обитель 50 рублей.

Во все это время толпа его грабила городъ и пьянствовала. Приказавъ выпустить всѣхъ колодниковъ, Пугачевъ взялъ въ свой лагерь семь пушекъ, $2^1/_2$ пуда пороху, 150 ядеръ и 29,148 р. денегъ, нагруженныхъ на 20 подводахъ. Повѣсивъ предводителя дворянства, отставнаго генералъ-маіора Сипягина, и 62 человѣка [3])

[1]) Князю Щербатову отъ 1 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 490.

[2]) Объ этой вдовѣ упоминаетъ Руничъ въ своихъ запискахъ (*Русская Старина* 1870 г., т. II, 237), но все, что говоритъ онъ о дѣйствіяхъ войскъ, то невѣрно.

[3]) Рапортъ подпоручика Иванова генералу Брандту, отъ 4 августа 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 489.

оберегать сторону отъ Москвы; впрочемъ, прошу ваше сіятельство снабдить меня повелѣніемъ».

Выступивъ, 19 іюля, изъ Казани и соединившись въ Чебоксарахъ съ графомъ Меллинымъ, полковникъ Михельсонъ присоединилъ къ нему роту гренадеръ, уланъ, вооруженныхъ пензенскимъ дворянствомъ, два орудія и приказалъ, двигаясь на Курмышъ къ Симбирску, преслѣдовать самозванца.

«У графа Меллина, доносилъ Михельсонъ [1]), лучшая моя конница, безъ которой я вовсе дѣйствовать не могу, да и имѣвъ оную долженъ признаться, что силы мои истощали, однако долгъ мой исполнять не оставлю, пока возможности моей будетъ». Онъ просилъ присылки подкрѣпленій и въ особенности кавалеріи, «ибо злодѣи дѣлаютъ свои обращенія на перемѣнныхъ лошадяхъ, конхъ мнѣ имѣть невозможно».

Разсѣявъ толпу вотяковъ, собравшихся въ числѣ 200 человѣкъ, и повѣсивъ нѣсколькихъ вожаковъ, полковникъ Михельсонъ, 25 іюля, пришелъ въ село Сундырь. Онъ не имѣлъ еще точныхъ свѣдѣній о направленіи движенія мятежниковъ; всѣ его посланные пропали и къ отряду не возвратились. Въ Сундырѣ Михельсонъ узналъ, что Пугачевъ точно пошелъ къ Алатырю, и потому намѣренъ былъ переправиться черезъ р. Суру подъ Васильевымъ, чтобы сохранить фланговое положеніе относительно самозванца и при дальнѣйшемъ своемъ движеніи прикрывать Москву. Находившемуся же въ Курмышѣ графу Меллину онъ приказалъ преслѣдовать самозванца какъ можно энергичнѣе и стараться не упустить злодѣя [2]). Порученіе было нелегкое, такъ какъ преслѣдующему отряду, при быстротѣ движенія мятежниковъ, приходилось все время идти форсированными маршами. «По всему моему пути, доносилъ графъ Меллинъ [3]), нашелъ я до 30 человѣкъ повѣшенныхъ и по деревнямъ почти никакихъ жителей, потому что всѣ чуваши здѣшней стороны, много крестьянъ и, чему я вѣрить не хотѣлъ, что

---

[1]) Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 24 іюля 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. X.

[2]) Рапортъ Михельсона кн. Щербатову 25 іюля 1774 г. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. X.

[3]) Въ рапортѣ князю Щербатову, отъ 24 іюля 1774 года. Тамъ же.

и нѣсколько дворянъ взбунтовались и другъ друга стараются въ своихъ жительствахъ разорять, убить и повѣсить».

Въ другомъ своемъ донесеніи графъ Меллинъ рисуетъ еще болѣе поразительную картину. «Какое это наказаніе Божіе, говоритъ онъ [1]), которое я вижу: бѣдные дворяне, по дорогамъ, который повѣшенъ, у котораго голова отрублена, у котораго ноги и руки отрублены и разными другими муками, которыя себѣ представить не можно, неисчисленно много истреблено».

Жажда-ли мщенія или убѣжденіе, что казнями скорѣе можно возстановить спокойствіе, заставляли многихъ начальниковъ также строго поступать и съ мятежниками. Приближаясь къ Алатырю, графъ Меллинъ отправилъ впередъ съ эскадрономъ ротмистра Чугуевскаго полка Михаила Гаврилова, который 31 іюля и вступилъ въ городъ. Приказавъ вывести изъ тюрьмы пойманныхъ мятежниковъ, Гавриловъ своевольно перекололъ болѣе 20 человѣкъ, арестовалъ возвратившагося въ городъ воеводу Бѣлокопытова, прапорщика Сюльдяшева и повезъ ихъ къ графу Меллину. Взявъ съ Бѣлокопытова «200 руб. и 14 лошадей, оставшихся послѣ убитыхъ дворянъ», Гавриловъ отпустилъ его къ своей должности, а Сюльдяшева представилъ начальнику отряда. Сюльдяшевъ искупилъ свою вину тѣмъ, что, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ дней правителемъ города, спасъ многихъ отъ смерти [2]). Съ удаленіемъ мятежниковъ онъ собралъ оставшуюся въ городѣ отъ расхищенія казну и запечаталъ ее въ монастырской трапезѣ, вывезъ изъ лѣса спрятанныя прапорщикомъ Васильевымъ деньги 20,602 рубля 85 коп., только что привезенныя изъ Симбирска [3]) и наконецъ разослалъ небольшія команды ловить шатающихся мятежниковъ.

Не такъ поступалъ прапорщикъ Шихмаметевъ въ Саранскѣ. Онъ отличался полною преданностью самозванцу, и потому графъ Меллинъ по прибытіи въ Саранскъ тотчасъ же арестовалъ Ших-

---

[1]) Въ рапортѣ кн. Щербатову 4 августа. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

[2]) Такимъ образомъ были спасены: воевода Василій Обрѣзковъ съ женою, маіоръ Столбовъ, жены: маіора Клескина, поручика Лихутина, Лукина и Мертваго съ двумя дочерьми.

[3]) Письмо нижегородскаго губернатора Ступишина кн. А. А. Вяземскому, 6 мая 1775 г. Госуд. Арх., VI, д. № 453.

маметева, высѣкъ нѣсколько человѣкъ плетьми и, возстановивъ нѣкоторый порядокъ въ городѣ, двинулся далѣе.

Въ это время Михельсонъ, пересѣкая всѣ главнѣйшія дороги къ Москвѣ и пройдя лѣвѣе г. Арзамаса, направился на село Починки, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы повернуть на Саранскъ и слѣдовать по пятамъ Пугачева. 30-го іюля Михельсонъ получилъ сообщеніе арзамасской провинціальной канцеляріи, что Пугачевъ идетъ на Арзамасъ.

Страннымъ казалось такое сообщеніе послѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ имѣлъ о движеніи самозванца на югъ, но оставить безъ вниманія Арзамасъ значило дать возможность Пугачеву появиться у него въ тылу и затѣмъ идти уже безпрепятственно въ Москву. Поэтому Михельсонъ тотчасъ же повернулъ назадъ и пошелъ къ Арзамасу и только подходя къ городу узналъ, что сообщеніе провинціальной канцеляріи оказалось ложнымъ [1]). Время было потеряно и отрядъ пошелъ опять къ селу Починкамъ, гдѣ собралась шайка въ ожиданіи прибытія Пугачева, для котораго была уже приготовлена и квартира въ домѣ ротмистра Павлова.

Въ селѣ Починкахъ находился тогда конскій заводъ, принадлежавшій л.-гв. Конному полку и потому, опасаясь, чтобы мятежники не разграбили его и не овладѣли казенными суммами, Михельсонъ выслалъ впередъ съ командою корнета Селиванова. Послѣдній прибылъ въ село какъ разъ въ то время, когда мятежники связали до 30 человѣкъ рейтаръ, бывшихъ при заводѣ, и намѣрены были овладѣть лошадьми и деньгами. Разогнавъ толпу, Селивановъ захватилъ въ плѣнъ семь человѣкъ, изъ которыхъ одинъ оказался конюхъ, одинъ обыватель и одинъ крестьянинъ, обличенный въ убійствѣ дворянъ. Михельсонъ приказалъ всѣхъ трехъ повѣсить, а прочихъ сѣчь плетьми [2]) и рѣзать по одному уху. «Сіе производитъ въ сихъ варварахъ великій страхъ».

«Окрестность здѣшняя, доносилъ Михельсонъ, генерально въ возмущеніи и всякій старается изъ здѣшнихъ богомерзкихъ обывателей

---

[1]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову 1-го августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

[2]) Рапортъ Михельсона князю Щербатову, отъ 3 августа 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

брать другъ у друга преимущества своими варварскими поступками». Онъ говорилъ, что Пугачевъ около Саранска произвелъ такія варварства, «коихъ въ нынѣшнихъ вѣкахъ никогда и ожидать было не можно: немалое число дворянъ съ женами и дѣтьми лишены жизни, тожь самое и прикащики. Многихъ мнѣ удавалось освобождать, только вездѣ поспѣть нѣтъ способовъ, потому что нѣтъ почти той деревни, въ которой бы обыватели не бунтовали и крестьяне не старались бы сыскивать своихъ господъ или другихъ помѣщиковъ или прикащиковъ къ лишенію ихъ безчеловѣчнымъ образомъ жизни». Будучи останавливаемъ на каждомъ шагу подобными шайками, Михельсонъ не могъ идти по пятамъ Пугачева, тѣмъ болѣе, что Ступишинъ настаивалъ на необходимости усмирить прежде всего Нижегородскую губернію.

«Я получаю, писалъ онъ Михельсону [1]), ежечасно извѣстія о бунтующихъ крестьянахъ, отложившихся отъ повиновенія не только своихъ частныхъ начальниковъ, но уже неслушающихся моихъ повелѣніевъ. Я боюсь, дабы злодѣй, заведши деташементы всѣ отсель, не сдѣлалъ обороту къ Нижнему или на московскую дорогу: первое потому важно, что здѣсь великія тысячи на судахъ бурлаковъ прибывшихъ и отъ времени въ другое прибывающихъ, а московская дорога не менѣе важна своихъ ради причинъ. И въ семъ будучи положеніи, на первое и послѣднее взирать должно, а потому кажется не худо бы графу Меллину и Муфелю дать вамъ свое повелѣніе, чтобы они спѣшили достигнуть непріятеля и разбить, а вамъ, получая свѣдѣнія отъ нихъ, предпринимать свое движеніе такъ, чтобы въ случаѣ его оборота могли встрѣтить и укрощать бунты, дабы они распространиться не могли и до Московской губерніи».

Поручивъ графу Меллину преслѣдовать Пугачева, полковникъ Михельсонъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находится отрядъ Муфеля, а между тѣмъ главнокомандующій князь Щербатовъ приказалъ послѣднему идти черезъ Карсунь въ Пензу, а генералъ-маіору Мансурову слѣдовать на Сызрань. Высказывая увѣренность, что начальники отрядовъ употребятъ

[1]) Письмо Ступишина Михельсону отъ 31 іюля 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 490.

всѣ способы, чтобы скорѣе настигнуть самозванца, князь Щербатовъ писалъ, что «прискорбно только то, что нѣтъ ему (Пугачеву) нигдѣ сопротивленія и ни малѣйшаго препятствія. Такимъ образомъ, открывая онъ себѣ дорогу, отнимаетъ средства у войскъ къ скорѣйшему совершенію его погибели и бѣжитъ съ такою скоростію, что въ пятеро сутокъ болѣе 400 верстъ дѣлаетъ. Между тѣмъ преслѣдующіе его деташементы не однимъ только имъ занимаются, но, отряженными своими партіями, укрощаютъ и взбунтовавшуюся чернь, которая, наполнясь сею заразою, производитъ убійство дворянамъ» [1]).

Это донесеніе князя Щербатова было послѣднимъ, такъ какъ онъ былъ отозванъ въ Петербургъ и сдалъ начальство надъ войсками князю П. М. Голицыну.

VIII.

Удаленіе князя Щербатова и назначеніе главнокомандующимъ князя Петра Михайловича Голицына. — Рескриптъ императрицы. — Впечатлѣніе, произведенное въ Петербургѣ извѣстіемъ о разграбленіи и сожженіи Казани. — Собраніе государственнаго совѣта. — Назначеніе графа Петра Ивановича Панина главнокомандующимъ. — Посылка новыхъ войскъ на театръ дѣйствій. — Заключеніе мира съ Турціею. — Мѣры, принятыя въ Москвѣ для отраженія Пугачева въ случаѣ его появленія. — Инструкція, данная графу П. И. Панину. — Письмо императрицы князю М. Н. Волконскому. — Число войскъ, поступившихъ подъ начальство новаго главнокомандующаго. — Увѣщаніе Синода духовенству и народу.

Извѣстіе о томъ, что Пугачевъ оставилъ позади себя бо̀льшую часть войскъ, высланныхъ для его преслѣдованія, и приближается къ р. Камѣ, было крайне непріятно императрицѣ. «Ея величество, писалъ Г. А. Потемкинъ къ графу З. Г. Чернышеву [2]), изъ рапорта г. Брандта съ неудовольствіемъ изволила усмотрѣть, какъ Пугачевъ, столь грубый разбойникъ, умѣетъ однакоже отъигрываться отъ нашихъ генераловъ».

Приписывая прорывъ самозванца въ Казанскую губернію оплош-

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Щербатова, отъ 1 августа 1774 года, № 9. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 8-го іюля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. V.

пости и бездѣятельности главнокомандующаго князя Щербатова, императрица приказала отозвать его ко двору, а вмѣсто него былъ назначенъ, 8-го іюля, главнокомандующимъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ [1]). Князю Щербатову приказано было прибыть въ Петербургъ для изустнаго донесенія «о настоящихъ того края обстоятельствахъ» [2]).

Отсутствіе войскъ въ приволжскихъ губерніяхъ и опасеніе, что Пугачевъ можетъ свободно дойти и до Москвы, заставили правительство, «для избѣжанія всякаго нечаяннаго случая», отправить въ распоряженіе князя М. Н. Волконскаго: Великолуцкій пѣхотный полкъ изъ Петербурга, донской Краснощекова изъ Новгорода и Владимірскій драгунскій—изъ Вязьмы [3]).

«Уповая, писала при этомъ императрица князю Голицыну [4]),

---

[1]) Указъ военной коллегіи, отъ 8-го іюля. Московскій Архивъ Главнаго Штаба опись 47, кн. V.

[2]) Указъ князю Щербатову, отъ 8-го іюля. Военно-ученый Архивъ, отд. I, д. № 104 (А), листъ 212. Впослѣдствіи императрица не допустила къ себѣ князя Щербатова и поручила допросить его военной коллегіи. 15-го августа фельдмаршалъ князь Александръ Голицынъ писалъ графу З. Г. Чернышеву: «Ея императорское величество высочайше указать соизволила объявить вашему сіятельству нижеслѣдующее: запишите мой указъ въ военной коллегіи, чтобъ по пріѣздѣ князя Ѳ. Ѳ. Щербатова съ него взяли отвѣтъ и отчетъ, для чего злодѣю переходъ черезъ Каму не былъ прегражденъ и что̀ удерживало бо́льшую часть войскъ около Оренбурга, когда преслѣдованіе злодѣя долженствовало быть наиглавнѣйшій предметъ» (см. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 95, св. 563, д. № 42). Результатомъ этого допроса былъ рапортъ, представленный военной коллегіи, но признанный неудовлетворительнымъ. Недопущенный до императрицы, князь Щербатовъ, въ октябрѣ 1774 года, подалъ прошеніе объ увольненіи его по слабости здоровья отъ воинской и статской службы. На докладѣ военной коллегіи, 9 января 1775 года, послѣдовала высочайшая резолюція: «быть по сему», и князь Щербатовъ былъ уволенъ безъ всякихъ наградъ (Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 31, кн. 54, № 252).

[3]) Указы военной коллегіи князю М. Н. Волконскому, отъ 8-го и 9-го іюля, за №№ 328 и 332 (Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга V). Письмо Екатерины II кн. Волконскому отъ 9-го іюля (*Осмнадцатый Вѣкъ*, изд. Бартенева, кн. I, стр. 111). Замѣчательно, что Краснощековъ былъ неграмотенъ и всѣ рапорты подписывалъ за него сотникъ Протопоповъ.

[4]) Въ черновомъ рескриптѣ, написанномъ рукою Г. А. Потемкина, числа нѣтъ, но изъ рапорта князя П. М. Голицына (отъ 2-го августа 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 498) видно, что онъ получилъ два письма Екатерины отъ 7-го и 15-го іюля. Рескриптъ этотъ напечатанъ въ XIII т. *Сборника Императорскаго историческаго общества*, но невѣрно отнесенъ къ 13 октября 1773 года и въ заголовкѣ неправильно обозначено, что онъ адресованъ на имя Кара. Въ октябрѣ 1773 г. Г. А. Потемкинъ не могъ писать проектовъ рескрипта, потому что онъ былъ тогда еще въ Турціи.

что указъ мой, о принятіи начальства надъ войсками, къ вамъ уже дошелъ, потому и увѣдомляю васъ, что я, получа извѣстіе, что злодѣй съ его толпою впалъ въ предѣлы Казанской губерніи, приказала нарядить полки: пѣхотный Великолуцкій, донской казачій и драгунскій Владимірскій — послѣдніе два скоро въ Москву прибудутъ. Командиръ онымъ назначенъ отъ меня генералъ-маіоръ Чорба. Сіе войско будетъ въ окружности Казани, какъ обсерваціонное, которому, по усмотрѣнію пользы, дѣйствовать согласно съ вами.

«Вамъ же предполагаю я за полезное учредиться такъ, чтобы деташементы генералъ-поручика Деколонга сочиняли кордонъ ради охраненія границъ сибирскихъ, куда бы злодѣямъ входъ заградили. Такой же кордонъ нуженъ и къ сторонѣ башкирцевъ, на что пѣхоты вашей достаточно будетъ.

«Обезпеча такимъ образомъ проходы непріятелю, удобно вы можете обращаться на поиски, имѣя при себѣ главную часть конницы и небольшое число облегченной пѣхоты, которая нужна вамъ ради прикрытія артиллеріи. И съ симъ легкимъ корпусомъ, слѣдуя по пятамъ злодѣевъ, не трудно будетъ прижать ихъ къ которому ни есть неподвижному пѣхотному вашему посту или къ деташементамъ, расположеннымъ на кордонѣ. Ежели вы, на мѣстѣ будучи, не предусматриваете чего неудобнаго въ семъ моемъ предположеніи, то соображаясь оному снеситесь съ г. Деколонгомъ и начинайте съ Богомъ.

«Я ожидаю отъ усердія вашего ко мнѣ полезныхъ слѣдствій».

Волненія, возникшія въ Нижегородской губерніи, были причиною того, что указъ и рескриптъ были получены только въ концѣ іюля и князь П. М. Голицынъ могъ вступить въ командованіе войсками лишь 1 августа [1]).

Первою заботою главнокомандующаго было увеличить число войскъ за р. Волгою и сформировать отряды для уничтоженія шаекъ, бродившихъ по Казанской губерніи. Для дѣйствій за р. Волгою былъ составленъ отрядъ изъ 500 гренадеръ и егерей, двухъ эска-

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ князя Голицына 2 августа 1774 г. Военно-учен. Арх., отд. I, д. № 104 (А), листъ 290.

дроновъ Изюмскихъ и одного Бахмутскихъ гусаровъ, 250 челов. донскихъ и 100 малороссійскихъ казаковъ. Принявъ надъ ними личное начальство, князь Голицынъ намѣренъ былъ слѣдовать за отрядами, преслѣдовавшими самозванца и служить имъ резервомъ. Для уничтоженія же бродившихъ шаекъ былъ сформированъ особый небольшой отрядъ и направленъ прежде всего по р. Вяткѣ. Отрядъ этотъ былъ подчиненъ генералъ-маіору П. С. Потемкину, принявшему на себя командованіе войсками, какъ находившимися въ окрестностяхъ Казани, такъ и имѣющими прибыть туда впослѣдствіи.

Быстрота, съ которою двигался самозванецъ, заставила главнокомандующаго приказать всѣмъ начальникамъ отрядовъ, чтобы они покупали лошадей, не стѣсняясь числомъ ихъ, а въ случаѣ нежеланія жителей продать, брали безденежно и выдавали квитанціи [1]).

Всѣ эти распоряженія внушали надежду на лучшій исходъ дѣлъ. «Я уповаю, всемилостивѣйшая государыня, что дѣла возьмутъ другой оборотъ, писалъ П. Потемкинъ [2]). По дозволенію вашего величества откровенно доложить осмѣлюсь, сколь ни оскорбительно, что злодѣй предуспѣлъ выжечь Казанскій форштадтъ, однако же сравниться сіе не можетъ съ тѣмъ, что ежели бы сей извергъ со всею своею многочисленною толпою, коснувшись Казани, перешелъ р. Волгу и шелъ далѣе (?). Дерзаю молвить, что слѣдствія тогда были бы тысячу разъ ужаснѣе (?)».

«Весьма ослабно пекся губернаторъ (Брандтъ) о соблюденіи города, но столько же слабо командиръ воинскій (кн. Щербатовъ) пекся соблюсти пространство имперіи, въ которую теперь впустили злодѣя. Я съ отчаяніемъ нашелъ (прибылъ) на таковыя обстоятельства, и, не имѣя возможности помочь къ пользѣ дѣлъ и службы вашего величества, имѣю вѣчное сокрушеніе, что былъ въ числѣ (тѣхъ), кои не могли спасти Казань, хотя самъ Богъ

---

[1]) Рапортъ князя Голицына военной коллегіи, отъ 4 августа 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

Во всеподданнѣйшемъ донесеніи, отъ 2 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

свидѣтель, что я не щадилъ жизни моей, но сего не довольно было, (чтобы) соблюсти городъ и поправить дѣла».

Такъ, желая оправдать себя, П. Потемкинъ обвинялъ больного и на другой день скончавшагося казанскаго губернатора фонъ-Брандта. Намъ извѣстна дѣятельность послѣдняго и справедливо напомнить здѣсь, что Брандтъ сдѣлалъ все, что было возможно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ былъ поставленъ.

7 августа, отрядъ, назначенный для дѣйствій подъ личнымъ начальствомъ князя Голицына переправился черезъ р. Волгу, а на слѣдующій день князь Петръ Михайловичъ получилъ приказаніе сдать начальство надъ войсками вновь назначенному главнокомандующимъ графу Петру Ивановичу Панину.

Послѣ переправы Пугачева черезъ р. Каму, правительство стало получать все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія. 16 іюля было получено въ Москвѣ донесеніе о разореніи Казани и просьба нижегородскаго губернатора о помощи. Не имѣя въ своемъ распоряженіи свободныхъ войскъ, князь М. Н. Волконскій приказалъ Владимірскому гарнизонному баталіону слѣдовать немедленно въ Нижній-Новгородъ. «Здѣсь, въ городѣ, писалъ онъ императрицѣ [1]), о семъ несчастіи не вѣдаютъ. Я сіе и таковыя извѣстія весьма тайно содержу, дабы городъ въ робость не пришелъ, а всякій часъ извѣстій о Казани ожидаю, не подоспѣютъ-ли войска вашего императорскаго величества [2]) къ избавленію Казани и къ сокрушенію сего злодѣя».

Письмо это, полученное въ Петербургѣ 21-го іюля, произвело на всѣхъ большое впечатлѣніе: явилось опасеніе за внутреннія губерніи и даже за первопрестольную столицу. Екатерина II собрала государственный совѣтъ и объявила ему, что для спасенія Имперіи намѣрена сама ѣхать въ Москву и принять на себя всѣ распоряженія по усмиренію возстанія. Императрица требовала, чтобы члены совѣта высказали свое мнѣніе относительно ея намѣреній. Всѣ молчали, молчалъ и графъ Н. И. Панинъ. «Я оное

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ, отъ 16 іюля 1774 г. Военно-учен. Архивъ, отд. I, д. № 104 (А), листъ 294.

[2]) Т.-е. войска, находившіяся подъ начальствомъ князя Щербатова.

(молчаніе) выдерживалъ и для того одного, писалъ онъ брату [1]), что при всякомъ оттуда извѣстіи я всегда сказывалъ, что дѣло сіе бѣдственное и что не однѣми вооруженными руками оное поражено быть можетъ, а надобенъ человѣкъ съ головою».

Видя всеобщее молчаніе, Екатерина II обратилась тогда прямо къ гр. Н. И. Панину и требовала, чтобы онъ сказалъ, хорошо или дурно она это дѣлаетъ?

— Не только нехорошо, отвѣчалъ Панинъ, но и бѣдственно въ разсужденіи цѣлости Имперіи. Такая поѣздка, увелича внѣ и внутри Имперіи настоящую опасность, болѣе нежели есть она на самомъ дѣлѣ, можетъ ободрить и умножить мятежниковъ и повредить даже дѣла наши при другихъ дворахъ.

Императрица старалась выяснить ту пользу, которая можетъ произойти отъ ближайшаго ея прибытія къ театру дѣйствій, и была поддерживаема въ этомъ Г. А. Потемкинымъ. Князь Г. Г. Орловъ, писалъ Панинъ, «съ презрительною индиферентностью все слушалъ, ничего не говорилъ и извинялся, что онъ не очень здоровъ, худо спалъ и для того никакихъ идей не имѣетъ. Окликанные дураки Разумовскій и Голицынъ твердымъ молчаніемъ отдѣлались. Скаредный Чернышевъ трепеталъ между фаворитами, въ полъ-слова раза два вымолвилъ, что самой ей ѣхать вредно, и спѣшилъ записывать только имена тѣхъ полковъ, которымъ къ Москвѣ маршировать вновь повелѣно. Вице-канцлеръ одинъ, по своей способности, мои разсужденія открыто подкрѣплялъ. Забылъ было сказать о дуракѣ Вяземскомъ. Ему полюбились манифесты и казанскихъ дворянъ вооруженія и потому представлялъ только, чтобъ то и другое на Москвѣ сдѣлано было».

Какъ ни глупы и молчаливы были, по словамъ гр. Н. И. Панина, всѣ собравшіеся, но они, отклонивъ поѣздку императрицы въ Москву, постановили: 1) послать въ первопрестольную столицу сверхъ отправленныхъ уже туда войскъ еще два полка пѣхоты, одинъ гусарскій, одинъ казачій и одну легкую полевую команду съ нѣсколькими орудіями; 2) возбудить московское дворянство къ

---

[1]) Графу П. И. Панину въ письмѣ отъ 22-го іюля 1774 г. *Сборн. Император. русскаго Истор. общества*. Т. VI, стр. 74.

набору на свои средства конныхъ эскадроновъ по примѣру казанскаго, и 3) отправить въ Казань для командованія войсками, *знаменитую особу, съ такою же полною мочью, какую имѣлъ покойный генералъ Бибиковъ* [1]).

Вопросъ, кто будетъ этою знаменитою особою, крайне интересовалъ гр. Н. И. Панина, и ему хотѣлось примирить своего брата съ императрицею и назначить его главнокомандующимъ. Желаніе это было на столько сильно, что въ тотъ же день послѣ обѣда, во дворцѣ, онъ отвелъ въ сторону Г. А. Потемкина и объявилъ ему, что для отвращенія бѣдствія угрожающаго Имперіи онъ самъ рѣшился ѣхать противъ Пугачева или же ручается за брата своего графа Петра Ивановича, что онъ, при всей своей дряхлости, возьметъ на себя трудъ спасать отечество даже и въ томъ случаѣ, если бы его необходимо было нести на носилкахъ (?).

Графъ Никита Панинъ просилъ Г. А. Потемкина доложить немедленно о томъ императрицѣ, если она того желаетъ и никого лучшаго избрать не можетъ. Потемкинъ понялъ, что Панины даютъ ему средство привлечь на себя ихъ вниманіе, склонить на свою сторону и впослѣдствіи могутъ быть ему полезны для борьбы съ противною ему партіею. Согласившись на просьбу министра иностранныхъ дѣлъ, Потемкинъ пошелъ въ кабинетъ Екатерины, а вслѣдъ за нимъ вошелъ туда же и Н. Панинъ. Положеніе императрицы было нелегкое. Тяжело и горько ей было призывать къ дѣятельности *«персональнаго своего оскорбителя»*, но обстоятельства требовали жертвы и великая женщина для пользы дѣла пошла на уступку. «Излишне будетъ, сообщалъ графъ Никита Панинъ брату, подробно описывать всѣ тѣ разговоры, которые при томъ происходили, а довольно только сказать, что государыня, будучи весьма растрогана симъ моимъ поступкомъ, божилась предо мною, что она никогда не умаляла своей къ тебѣ довѣренности, что она совершенно увѣрена, что никто лучше тебя отечество не спасетъ, что она съ прискорбіемъ тебя отъ службы отпустила, что она не отважилась тебя призвать къ настоящему дѣлу по тому одному,

[1]) Архивъ Государ. Совѣта, т. I, стр. 454.

что ты уже вышелъ изъ службы и что, наконецъ, съ чувствительною радостію теперь слышитъ мое обнадеживаніе, что ты не отречешься въ семъ бѣдственномъ случаѣ еще служить ей и отечеству».

Такое заявленіе императрицы было принято Никитою Панинымъ за окончательное рѣшеніе «жребія» его брата, и онъ на другой же день отправилъ въ Москву роднаго племянника Г. А. Потемкина, гвардіи поручика А. Н. Самойлова [1]). Послѣднему было передано письмо графа Н. И. Панина и словесно поручено Г. А. Потемкинымъ убѣдить гр. Петра Панина, чтобы онъ «просилъ государыню всеподданнѣйшимъ отзывомъ о желаніи его служить и быть полезнымъ государству, для укрощенія безпокойствъ» [2]).

Гр. Н. И. Панинъ также совѣтовалъ брату прислать письмо императрицѣ, съ выраженіемъ полной готовности посвятить остатокъ своихъ дней на службу ей и отечеству, и обѣщалъ *промыслить* (придумать) тѣ основанія, на которыхъ ему должно быть поручено командованіе войсками и позаботиться о тѣхъ вспоможеніяхъ, которыя могутъ быть ему необходимы.

Между тѣмъ, по окончаніи совѣта и въ тотъ же день 21-го іюля было приказано немедленно и на подводахъ отправить въ первопрестольную столицу: изъ Петербурга—Воронежскій пѣхотный и донской Платова полки съ 12 орудіями; изъ Новгорода — Ладожскій пѣхотный полкъ и четыре эскадрона Венгерскаго гусарскаго полка. Въ замѣнъ ихъ направлены въ Петербургъ: изъ Финляндіи Кексгольмскій пѣхотный и изъ Дерпта—Казанскій кирасирскій полки [3]).

Черезъ день, 23 іюля, было получено въ Петербургѣ донесеніе фельдмаршала графа П. А. Румянцова о заключеніи мира съ Турціею. Извѣстіе это обрадовало и ободрило правительственныхъ дѣятелей. «Время, въ которое произошло это событіе, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ [4]), придаетъ ему еще бо̀льшее значеніе, ибо за два дня до полученія этихъ извѣстій здѣсь преобладало общее уныніе».

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-прокуроръ.

[2]) Жизнь и дѣянія кн. Гр. Ал. Потемкина. *Русскій Архивъ*, 1867 г., стр. 1022.

[3]) Записка гр. З. Чернышева военной коллегіи, отъ 21 іюля 1774 г.

[4]) Въ депешѣ графу Суффолькъ, отъ 24 іюля 1774 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историч. общества*, т. XIX, стр. 423.

Императрица считала день сей счастливѣйшимъ въ своей жизни, потому что миръ доставилъ покой столь нужный для Имперіи [1]) и былъ заключенъ на такихъ условіяхъ, которыхъ «ни Петръ Великій, ни императрица Анна за всѣми трудами получить не могли».

«Теперь, прибавляла Екатерина II въ письмѣ П. Потемкину [2]), осталось усмирить бездѣльныхъ бунтовщиковъ, за коихъ всѣми силами примусь, не мѣшкавъ ни единой минуты».

«Съ неизрѣченнымъ восхищеніемъ радости, отвѣчалъ П. Потемкинъ [3]), имѣлъ я счастіе получить высочайшее вашего императорскаго величества увѣдомленіе о совершеніи толь славнаго съ Портою мира. Не только Петръ I, императрица Анна не имѣли сего счастія и славы, но съ самаго начала возвышенія блистательной Порты не имѣлъ никто изъ воюющихъ съ оною державою таковой поверхности надъ турками» [4]).

«Позвольте, всемилостивѣйшая государыня, принося всеусердное подданническое мое поздравленіе, вѣрнѣйшему рабу осмѣлиться передъ лицомъ вашего величества открыть мысли мои. Сей миръ не одну только славу оружія возвышаетъ, но передъ цѣлымъ свѣтомъ доказываетъ премудрость владѣющей монархини россійскою державою и великость ея духа. Кто чувствуетъ прямо и видитъ обстоятельства по положенію дѣлъ, тотъ совершенно разберетъ коль неизрѣченно мужество и твердость души вашей. Когда страшная война съ Портою раздѣляя силы россійскаго оружія, объемля кругъ отъ Кавказскихъ горъ до Бѣлаго моря, тогда Европа чаяла видѣть Россію на краю паденія. Премудрыя учрежденія вашего

---

[1]) Письмо Екатерины князю Волконскому, отъ 23 іюля. Государственный Арх., VI, д. № 503. Привезшіе это извѣстіе курьеры: полковникъ графъ Румянцовъ и князь Гавріилъ Гагаринъ были пожалованы: первый — генералъ-маіоромъ, а второй — камеръ-юнкеромъ. См. Архивъ Сената, кн. 208.

[2]) Отъ 23 іюля. *Рус. Старина* 1875 г., т. XIII, 117.

[3]) Во всеподд. донесеніи отъ 7 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

[4]) Должно сдѣлать примѣчаніе, что Петръ I былъ турками подъ Прутомъ запертъ и совершенъ миръ по волѣ Порты. Ваше императорское величество оружіемъ побѣдоноснымъ принудили заключить миръ Порту по изволенію вашему точно въ тотъ день, т.-е 10 числа іюля. Великая Екатерина отмстила обиду, причиненную великому Петру. Примѣч. П. Потемкина.

величества и высокія предпріятія явили всѣмъ державамъ, что можетъ сдѣлать государыня, имѣя духъ столь великій! Сосѣдственная монархиня можетъ быть, завидуя славѣ вашего императорскаго величества, оставила продолжать войну двухъ имперій, льстяся не тратя ни войска, ни денегъ возвратить потерянныя земли несчастною войною, но весьма обманулась.

«Совершенный съ Портою миръ возвысилъ славу пресвѣтлаго вашего имени, укротилъ надменность завидующихъ державъ, обрадовалъ народъ и преподаетъ ближайшія средства къ искорененію внутренняго врага. Колико твердости надлежитъ имѣть къ преодолѣнію всѣхъ трудностей и находить на исправленіе каждаго приключенія новые способы!

«Наконецъ, всемилостивѣйшая государыня, дерзну я сказать примѣръ: Августъ Кесарь далъ миръ врагамъ своимъ, но воюющія съ нимъ страны были всѣ малы въ разсужденіи Рима. Ваше величество даруете миръ такой державѣ, которая страшною казалась всему свѣту. Петръ I, имѣя войну съ шведами, былъ утружденъ внутреннимъ замѣшательствомъ, но замѣшательство тогда было между особъ единой крови и каждая сторона имѣла настоящій предметъ (?) Врагъ волнующій нынѣ Россію, яко исчадіе самаго ада оболстилъ невѣжество народа коварно мнимою льготою и вольностью,—несравненно тягостнѣе, но вѣрныя войска вашего величества преодолѣютъ буйство народа и дерзость самозванца. Имѣя нынѣ болѣе свободы къ истребленію его, уповать должно, что сіе скоро кончится. Богъ благословитъ высочайшія намѣренія вашего величества ко изліянію въ народѣ совершеннаго спокойствія и блаженства. Сіе есть дѣло великаго духа вашего величества, чтобъ наказать неблагодарный народъ и миловать враговъ своихъ».

Опасаясь болѣе всего за Москву и подъ вліяніемъ первыхъ радостныхъ впечатлѣній о заключеніи мира и освобожденія находившихся за границею войскъ, Екатерина II намѣрена была отправить изъ обѣихъ дѣйствующихъ армій всѣхъ генераловъ тѣхъ дивизій, которыя имѣли постоянныя квартиры въ губерніяхъ: Казанской, Нижегородской и Московской. Каждый генералъ долженъ былъ взять съ собою небольшой конвой и по дорогѣ распускать слухъ, что за ними идутъ войска. Впослѣдствіи, успокоившись

императрица отмѣнила свое предположеніе и приказала отправить только одного Суворова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было сосредоточить небольшой отрядъ въ Касимовѣ, какъ такомъ пунктѣ, изъ котораго было весьма удобно дѣйствовать на Москву и Нижній-Новгородъ [1]). Съ этою цѣлью главнокомандующему 2-ю арміею предписано было командировать изъ Воронежа въ Касимовъ два гусарскихъ и два пикинерныхъ полка, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Аполлона Волкова [2]), а изъ Новгорода отправить въ Москву на подводахъ Лейбъ-кирасирскій полкъ [3]) и Смоленскій конный ландмилицкій полкъ [4]).

«Сверхъ того, совѣтую вамъ, писала императрица князю Волконскому [5]), призвать къ себѣ московскихъ дворянъ или, по крайней мѣрѣ, таковыхъ изъ нихъ, кои надежны быть могутъ на своихъ людей или же вооруженныхъ имѣютъ и предложите имъ отъ себя, чтобы они, по примѣру предковъ своихъ, вооружили колико могутъ надежныхъ людей, для общей отъ злодѣевъ обороны. Можайскіе дворяне, во время послѣдняго московскаго мятежа, готовы были во время язвы идти къ Москвѣ. Я чаю, они и нынѣ не откажутся отъ сей службы. На Москвѣ, чаю, найдется много и таковыхъ, кои служатъ и служили: ваше дѣло разбудить ревность вездѣ тутъ, гдѣ она быть можетъ, и, чаю, никто не откажется ее въ семъ случаѣ оказать. Употребите всѣхъ тѣхъ, кои способны быть могутъ, гдѣ-бъ употреблены ни были для общей обороны. Съ моей стороны же ничего не оставлю, чтобъ злу сему сдѣлать конецъ. Неужели, чтобъ съ семью полками вы не въ состояніи найдетесь Пугачева словить и прекратить безпокойствіе? Я надѣюсь, что Чорба къ вамъ пріѣхалъ. Я фельдмаршалу приказала генералъ-поручика Суворова прислать къ вамъ наискорѣе. Боже

[1]) Записка императрицы Г. А. Потемкину. *Сборникъ Императ. русск. Историч. общества*, т. XIII, 419.

[2]) Указъ военной коллегіи князю Долгорукову, отъ 29 іюля 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. V.

[3]) Указъ военной коллегіи князю Волконскому, отъ 28 іюля 1774 года. Журн. генерал. экспедиціи. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, кн. 54, л. 178.

[4]) Указъ императрицы военной коллегіи 29 іюля 1774 г.

[5]) Отъ 28 іюля. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, 113.

дай, чтобъ все сіе въ скоромъ времени прекратилось, въ чемъ и надежду имѣю на святую Его волю.

«Я надежду имѣю на Петра Дмитріевича Еропкина, что онъ вамъ весьма хорошій и усердный помощникъ будетъ въ семъ случаѣ. Скажите ему сіе отъ меня. Я увѣрена, что дѣломъ и совѣтомъ онъ васъ не покинетъ».

Уставивъ орудіями всю площадь передъ своимъ домомъ [1]), князь Волконскій усилилъ разъѣзды по городу, приказалъ полиціи зорко слѣдить за всѣми сборищами и предполагалъ, въ случаѣ опасности, раздѣлить городъ на части и поручить каждую одному сенатору, а для содержанія внутренней тишины вооружить дворянъ съ ихъ людьми. 25 іюля, московскій главнокомандующій объявилъ московскимъ департаментамъ Правительствующаго Сената, что Пугачевъ двинулся на Курмышъ и намѣренъ сдѣлать покушеніе на Москву. Сенатъ постановилъ разослать приказаніе по всѣмъ городамъ Московской губерніи, чтобы денежныя суммы были отправлены въ первопрестольную столицу и всѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ самозванца были сообщаемы въ тотъ же день съ нарочными. Сенатъ призывалъ къ самозащитѣ какъ дворянъ, такъ и мѣщанъ, присовокупляя, что всего «пространно предписать не можно, но благоразумный воевода найдетъ случай и способы показать тѣмъ знаменитую отечеству услугу». [2]).

Получивши это распоряженіе, провинціальныя канцеляріи просили прислать имъ порохъ, ружья, орудія и войска. Князь Волконскій отвѣчалъ, что пока не предвидится въ этомъ надобности, и какъ вся злодѣйская толпа «состоитъ изъ одной сволочи невооруженныхъ крестьянъ безъ артиллеріи и ружей, то всякій градоначальникъ, съ содѣйствіемъ дворянства и мѣщанъ, всѣ его (Пугачева) стремленія *безъ дальняго вооруженія отразить можетъ*».

Между тѣмъ, черезъ день послѣ собранія Сената было получено письмо нижегородскаго губернатора Ступишина, въ которомъ

---

[1]) «Записки Болотова», т. III, 378.

[2]) Вѣдѣніе изъ московскихъ департаментовъ Сената петербургскимъ, 7 августа 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 504.

онъ сообщалъ, что мятежники вступили уже въ Нижегородскій уѣздъ и раздѣлились на двѣ части: одна направилась къ селу Лыскову, а другая — къ Мурашкину. Оба селенія отстояли отъ Нижняго не далѣе 80 верстъ, на двухъ большихъ дорогахъ: первое на нижегородской, а второе на алатырской. 23 іюля, нижегородскій губернаторъ еще не зналъ куда направится самъ Пугачевъ, и считая себя не въ силахъ предпринять что либо къ умиротворенію губерніи, рѣшилъ защищать только крѣпость и просилъ помощи.

«Ваше сіятельство, писалъ онъ князю Волконскому [1]), примите трудъ въ таковомъ опаснѣйшемъ случаѣ подать защищеніе и избавить многихъ невинныхъ отъ его варварства». Московскій главнокомандующій тотчасъ же отправилъ въ Нижній 200 человѣкъ донскихъ казаковъ съ подполковникомъ Архаровымъ, вызвавшемся добровольно командовать этою летучею командою, и сформировалъ отрядъ изъ 300 человѣкъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, всего Владимірскаго драгунскаго и донскаго казачьяго Краснощекова полковъ, съ нѣсколькими орудіями. Поручивъ этотъ отрядъ генералъ-маіору Чорбѣ, князь Волконскій приказалъ ему выступить изъ Москвы и, остановившись въ 50 верстахъ отъ нея, выслать разъѣзды по владимірской, коломенской и касимовской дорогамъ. Въ такомъ положеніи Чорба долженъ былъ дождаться прибытія къ нему Великолуцкаго полка и тогда возвратить команду Нарвскаго полка обратно въ Москву, а съ остальными войсками перейти въ наступленіе для истребленія мятежниковъ и усмиренія края [2]).

Независимо отъ этого, тотчасъ послѣ полученія вышеприведеннаго нами письма императрицы, князь Волконскій собралъ къ себѣ, 3 августа, всѣхъ дворянъ, жившихъ въ Москвѣ и, объявивъ имъ о появленіи мятежническихъ шаекъ въ Нижегородской губерніи, предложилъ сформировать на свой счетъ гусарскій корпусъ и выбрать шефа. Дворяне приняли предложеніе единодушно и избрали

---

[1]) Въ письмѣ отъ 23 іюля 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, оп. 47, книга IV.

[2]) Рапортъ князя Волконскаго военной колегіи 29 іюля 1774 г., № 121. Тамъ же. Всеподд. донесеніе его же, отъ 4 августа. Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

шефомъ графа Петра Борисовича Шереметева. Собраніе постановило, чтобы каждый дворянинъ поставилъ столько гусаровъ, сколько можетъ, но изъ людей вполнѣ надежныхъ, хорошо вооруженныхъ и доброконныхъ. Гусары должны были жить въ домахъ своихъ господъ и собираться для обученія по приказанію шефа, на обязанность котораго возложено раздѣлить ихъ на эскадроны, обучить ихъ и снабдить офицерами и унтеръ-офицерами [1]). При этомъ князь Алексѣй Хованскій, имѣвшій суконную фабрику, пожертвовалъ на обмундированіе гусаръ 6,000 аршинъ сукна безденежно [2]).

«Здѣсь, писалъ князь Волконскій [3]), за раскольниками недремаинымъ окомъ черезъ полицію смотрю, но еще никакого подозрѣнія найти не могу; впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, здѣсь все тихо и страхъ у слабыхъ духомъ уменьшается».

Не такъ смотрѣлъ на спокойствіе первопрестольной столицы графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, уже предваренный братомъ, что императрица имѣетъ въ виду назначить его главнокомандующимъ всѣми войсками, употребленными для усмиренія возстанія. Въ его интересахъ было представить состояніе дѣлъ въ болѣе печальномъ положеніи, чтобы получить болѣе обширныя полномочія и усилить свои заслуги. Графъ П. И. Панинъ увѣрялъ своего брата, что жители Москвы и «весь родъ всего дворянства терзаются внутренно и обливаются слезами, ужасаясь и ожидая съ собою жребія, случившагося въ Казанскомъ форштадтѣ; что они, видя обширный городъ обнаженнымъ отъ войскъ, не знаютъ что дѣлать, куда и когда отправлять свои семейства [4])». Графъ П. И. Панинъ просилъ брата пасть къ ногамъ государыни, вмѣсто него, омыть ихъ слезами благодарности за возобновленіе довѣренности и увѣрить ее, «что никто никогда въ ненарушимой моей вѣрности и усердіи

---

[1]) Постановленіе московскаго дворянства 3 августа 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 527. Кн. Волконскій обязался поставить 12 гусаровъ.

[2]) Всеподдан. письмо князя Волконскаго 19 августа 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 503. Впослѣдствіи, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, корпусъ этотъ не былъ окончательно сформированъ.

[3]) Во всеподдан. донесеніи отъ 4 августа 1774 г. Московскій Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

[4]) Письмо графа П. И. Панина къ графу Н. И. Панину, отъ 26 іюля 1774 г. *Сборникъ Императ. русск. Историч. общества*, т. VI, 77.

собственно къ ея величеству и къ отечеству не превосходилъ и не превзойдетъ, потому что я не притворствомъ, но существомъ службы на оное готовъ былъ и есмь всегда посвящать мой животъ».

«Повелѣвайте, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ въ тотъ же день Екатеринѣ [1]), и употребляйте въ семъ случаѣ всеподданнѣйшаго и вѣрнаго раба своего по вашей благоугодности. Я теперь мысленно павъ только къ стопамъ вашимъ съ орошеніемъ слезъ приношу мою всенижайшую благодарность за всемилостивѣйшее меня къ тому избраніе, и дерзаю всеподданнѣйше испрашивать той полной ко мнѣ императорской довѣренности и власти, въ снабженіяхъ и пособіяхъ, которыхъ требуетъ настоящее положеніе сего важнаго дѣла и столь далеко распространившагося весьма несчастливаго приключенія».

Довѣренность и власть, о которыхъ мечталъ графъ П. И. Панинъ, были весьма обширны. Онъ желалъ, чтобы ему были подчинены не только войска, но все гражданское населеніе, судебныя мѣста, правительственныя учрежденія, городскія управленія и чтобы надъ всѣмъ подчиненнымъ ему населеніемъ онъ имѣлъ власть *живота и смерти*; чтобы онъ имѣлъ право избирать себѣ сотрудниковъ, ставить правителей и удалять ихъ; чтобы онъ, не испрашивая каждый разъ повелѣнія, могъ по своему произволу и усмотрѣнію распоряжаться всѣми войсками, находящимися внутри Имперіи; чтобы къ нему было прислано тотчасъ же изъ каждаго полка гвардіи по 8 человѣкъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и по 50 челов. изъ каждаго гренадерскаго полка. Изъ нихъ онъ намѣренъ былъ составить себѣ конвой, какъ доказательство «строгаго попеченія о злодѣйскомъ пресѣченіи ея императорскаго величества». Сверхъ того, графъ П. И. Панинъ просилъ, чтобы ему была отпущена достаточная сумма денегъ, но не ассигнаціями, а золотомъ и серебромъ; чтобы ему было прислано подробное росписаніе войскъ, употребленныхъ для усмиренія бунта и списокъ генераловъ.

«Вотъ любезнѣйшій другъ, прибавлялъ онъ въ письмѣ брату [2]),

---

[1]) *Сборникъ Импер. русскаго Историч. общества*, т. VI, 79.

[2]) Отъ 26 іюля. *Сборникъ Историч. общества*, т. VI, 78.

по первымъ моимъ соображеніямъ всѣ тѣ пункты, которые мнѣ теперь предсказывали единственныя истинныя вѣрность и усердіе къ возлагаемому на меня дѣлу, *безъ помышленія отнюдь ни въ чемъ никакого собственнаго вида и прихоти*, въ томъ будьте вы за меня порукою и предстателемъ въ исходатайствованіи мнѣ оныхъ, такъ какъ и впередъ лучшимъ нежели прежде о защищеніи меня и подчиненныхъ моихъ отъ завистниковъ и клеветниковъ, дышущихъ и живущихъ въ своихъ званіяхъ не прямыми дѣйствіями службы, но единственными ухищреніями происковъ, на превозмноженіе власти своей надъ истинными заслугами».

Ревностный защитникъ интересовъ брата, графъ Н. И. Панинъ съ своей стороны представилъ императрицѣ полученное письмо и записку, въ которой предлагалъ: сообщить графу Петру Панину всѣ свѣдѣнія о секретныхъ коммиссіяхъ и подчинить ихъ ему, а также разрѣшить вопросъ о содержаніи какъ самому главнокомандующему, такъ и находящимся при немъ лицамъ [1]).

Письмо и записка ясно указали императрицѣ на непомѣрное властолюбіе обоихъ братьевъ. «Увидишь, голубчикъ, изъ приложенныхъ при семъ штукъ, писала она Г. А. Потемкину [2]), что господинъ графъ Панинъ изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя съ безпредѣльною властью въ лучшей части Имперіи, т.-е. Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніяхъ, а sous-entendu есть и прочія; что если сіе я подпишу, то не токмо князь Волконскій будетъ и огорченъ и смѣшонъ, но я сама нималѣйше не сбережена, *но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ Имперіи хвалю и возвышаю.* Вотъ вамъ книга въ руки: изволь читать и признавай, что гордыя затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше».

Уступая навязчивости графа Н. И. Панина и отчасти мнѣнію его партіи, императрица 29 іюля назначила графа Петра Ивановича Панина главнокомандующимъ войсками [3]). Пожаловавъ ему 5,000

---

[1]) *Сборникъ Историческаго общества*, т. XIII, 421.

[2]) Тамъ же, т. XIII, 420.

[3]) Указъ Сенату отъ 29 іюля 1774 г. Арх. Сената, Именные указы, кн. № 136.

рублей на подъемъ и 5,000 на чрезвычайные расходы, Екатерина подчинила ему только тѣ войска, которыя были уже назначены для истребленія мятежа и находились на театрѣ дѣйствій, и гражданское управленіе въ губерніяхъ Казанской, Оренбургской и Нижегородской, «яко такія три губерніи, въ которыхъ развратъ и неустройство духовъ уже открылось». Предоставляя гр. П. И. Панину замѣщать только тѣ военныя и гражданскія должности, которыя остались вакантными лицами по его выбору и хорошо ему извѣстными, императрица не подчинила ему ни секретныхъ коммиссій, ни предоставила власти *«живота и смерти»* въ подчиненныхъ ему губерніяхъ. Напротивъ того, зная характеръ графа П. И. Панина и его взгляды относительно такъ называемой черни, Екатерина II старалась указать ему, что всякая жестокость ей ненавистна. «Намѣреніе наше, писала она гр. П. И. Панину [1]), въ порученіи вамъ отъ насъ сего государственнаго дѣла не въ томъ одномъ долженствуетъ состоять, чтобъ *поражать, преслѣдовать и истреблять злодѣевъ*, оружіе противъ насъ и верховной нашей власти воспріявшихъ, но паче въ томъ, чтобъ поелику возможно, *сокращая пролитіе крови заблуждающихъ*, кое для матерняго и человѣколюбиваго нашего сердца толь оскорбительно, возвращать ихъ на путь исправленія, черезъ истребленіе мглы, духи ихъ помрачившей, возстановлять вездѣ повиновеніе, покой и безопасность внутренняго гражданскаго общежитія и приводить опять всѣ разстроенныя части государственнаго правленія въ прежній ихъ порядокъ».

Для этой послѣдней цѣли гр. Панинъ былъ снабженъ открытымъ указомъ, въ которомъ императрица требовала отъ гражданскихъ и духовныхъ властей полнаго содѣйствія главнокомандующему и безпрекословнаго исполненія всѣхъ его приказаній, *«на основаніяхъ государственныхъ нашихъ военныхъ и гражданскихъ законовъ»* [2]).

Такимъ образомъ, Екатерина II сдѣлала все, чтобы поставить

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 29 іюля 1774 г. *Сборникъ Импер. русскаго Историч. общества*, т, VI, 82.

[2]) Открытый указъ императрицы отъ 29 іюля 1774 г. *Сборникъ Импер. русскаго Историч. общества*, т. VI, 84.

новаго главнокомандующаго въ извѣстныя рамки и не дать ему той обширной власти, которую онъ намѣтилъ въ письмѣ къ брату отъ 26 іюля.

Все это очень не нравилось обоимъ братьямъ. Графъ Никита Панинъ писалъ брату, что онъ «съ перваго дня примѣтить могъ, что сколько по разсудку употребленіе тебя къ настоящему твоему дѣлу *ни сочтено было совершенно нужнымъ* (?) *и необходимымъ*, однако столько же по послѣдней мѣрѣ сочтено оное внутренно крайнимъ и чувствительнымъ себѣ уничиженіемъ, и слѣдовательно растроганное симъ чувствіе обратилось все противъ меня, а тотъ (Потемкинъ), которому бы надобно было мнѣ служить подпорою, уже отъ нѣкотораго времени забылъ всѣ свои передо мною обѣты, и хотя, какъ я думаю, не сдѣлался мнѣ еще врагомъ, но по послѣдней мѣрѣ, по рвенію своего высокомѣрія и надменности, оставилъ меня такъ, какъ и многихъ другихъ, въ которыхъ увидѣлъ онъ, что болѣе ему нѣтъ собственной нужды».

Тѣмъ не менѣе, графъ Никита Панинъ все еще пытался добиться болѣе широкихъ полномочій брату и съ этою цѣлью объяснялся съ Г. А. Потемкинымъ, «съ которымъ, по его словамъ[1]), никакое и никогда объясненіе мѣста имѣть не можетъ, потому что онъ ничего не внемлетъ или внимать не хочетъ, а все рѣшитъ дерзостію своего ума». Принудивъ однакоже Потемкина прочитать письмо брата, графъ Никита Панинъ получилъ отъ него отвѣтъ, что всѣ пункты, испрашиваемые главнокомандующимъ, разрѣшены отправленными уже къ нему наставленіями; что императрица написала ему письмо, что вѣдомости о войскахъ отправлены будутъ и проч.

Графъ Н. Панинъ былъ недоволенъ такимъ отвѣтомъ и считалъ себя обиженнымъ. «Я увѣренъ, мой любезный другъ, писалъ онъ брату, что ты собственнымъ своимъ проницаніемъ уже довольно постигнешь, въ какомъ критическомъ положеніи я теперь, и какъ очевидно извлекаютъ меня изъ участвованія въ твоемъ дѣлѣ, какъ будто бы въ возмездіе тому, что крайность привела

[1]) Письмо гр. Н. Панина къ графу П. Панину отъ 2 августа 1774 г. *Сборникъ Импер. русскаго Историч. общества*, т. VI, 86.

къ употребленію тебя, а изъ сего выходитъ самое притѣсненіе и всѣмъ моимъ дѣламъ. Честью и совѣстью тебѣ клянусь, мой другъ, что одинъ только настоящій кризисъ о спасеніи отечества можетъ меня удерживать, послѣ чего истинно ничто въ службѣ не остановитъ. Намъ уже и на остатокъ нашего короткаго вѣка быть не можетъ никакого другаго средства и положенія спасти намъ свои сѣдины и закрыть глаза съ тѣмъ именемъ въ нашемъ отечествѣ, которое мы себѣ пріобрѣли».

Графъ Никита Панинъ просилъ брата для его собственныхъ соображеній и дальнѣйшаго поведенія сообщать ему копіи со всѣхъ писемъ императрицы и въ особенности съ перваго, которое, по словамъ Потемкина, было написано на двухъ листахъ. Въ этомъ письмѣ Екатерина сообщала подробно о войскахъ, поступающихъ въ распоряженіе главнокомандующаго, и совѣтовала ему согласоваться во всемъ съ княземъ Волконскимъ, «дабы въ семъ важномъ случаѣ ничего проронено не было» [1]).

Понимая, что предъидущія обстоятельства, когда гр. П. Панинъ находился подъ надзоромъ кн. Волконскаго, могли поселить вражду между этими лицами, императрица просила московскаго главнокомандующаго забыть все и содѣйствовать графу П. Панину въ усмиреніи мятежа. «Для Бога, писала она кн. Волконскому [2]), для меня и для государства, если между вами есть несогласія, оставьте ихъ и сдѣлайте въ семъ случаѣ дружелюбно общее дѣло, дабы тѣмъ наискорѣе истребить народнаго злодѣя. Вашими распоряженіями я довольна и желаю вамъ всякаго блага. Ободрите духи и дайте имъ вашей и моей бодрости при сихъ *печальныхъ, но отнюдь не отчаянныхъ* обстоятельствахъ. Я всевозможныя мѣры беру къ вашему вспоможенію, а можетъ статься, что и сама къ вамъ буду и съ сыномъ».

Князь Волконскій отвѣчалъ, что никакой злобы къ гр. П. Панину онъ не имѣетъ и будетъ содѣйствовать ему во всемъ.

«Мнѣ столь сія монаршая милость чувствительна, писалъ онъ, что ежели-бъ и подлинно въ непримиримой злобѣ я съ нимъ

---

[1]) Письмо Екатерины II графу Панину 29 іюля. Сб. Ист. Общ., т. VI, 86.

[2]) Въ письмѣ отъ 30 іюля 1774 г. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 115.

былъ, то конечно-бъ для пользы службы вашей и для общаго добраго успѣха, а паче всего исполняя волю вашу государскую, всѣ бы остатки въ сердцѣ недружбы выкинулъ; но по истинѣ, всемилостивѣйшая государыня, я никакой злобы противъ него не имѣю, развѣ только какъ обыкновенно между равными бываетъ jalousie de métier; но и то, все оставивъ, чистосердечно и во всемъ ему, что до меня касаться будетъ, стану искренно и усердно помогать. Помоги ему Всевышній положенное на него великое дѣло исправить, что и не сумнѣваюсь, довольно зная его способныя качества, усердіе и бодрый духъ».

Съ своей стороны графъ П. И. Панинъ также завѣрялъ императрицу, что «съ княземъ Михаиломъ Никитичемъ отъ самой нашей молодости не имѣли мы и не имѣемъ ничего развращающаго пріятельскій союзъ нашъ, который по высочайшей волѣ вашей сохранить я еще сугубѣе всячески тщиться буду» [1]).

И дѣйствительно, 2-го августа гр. Панинъ получилъ рескриптъ императрицы о назначеніи его главнокомандующимъ, а на слѣдующій день кн. Волконскій уже писалъ императрицѣ, что онъ отдалъ въ его распоряженіе отрядъ генералъ-маіора Чорбы, состоявшій изъ Великолуцкаго пѣхотнаго и Владимірскаго драгунскаго полковъ, двухъ эскадроновъ гусаръ Венгерскаго полка подъ начальствомъ полковника Древица, донскаго Краснощекова полка и 8 орудій [2]),— всего численностью въ 3,162 человѣка [3]).

Остальныя войска подходили къ Москвѣ, или сосредоточивались на главнѣйшихъ пунктахъ и наиболѣе вѣроятныхъ театрахъ дѣйствій. Такъ, въ Оренбургѣ сверхъ обыкновеннаго гарнизона находились: 7-я и 8-я легкія полевыя команды и подвижной отрядъ князя Долгорукаго, который, защищая окрестности города, обязанъ

---

[1]) *Записки Академіи наукъ*, т. III.

[2]) Всеподд. письмо князя Волконскаго императрицѣ отъ 3 августа 1774 года. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, 116.

[3]) Въ Великолуцкомъ полку было 46 офицеровъ, 1.581 нижнихъ чиновъ; въ Владимірскомъ драгунскомъ—21 офицеръ, 723 нижнихъ чиновъ; въ двухъ эскадронахъ Венгерскаго гусарскаго — 12 офицеровъ, 292 нижнихъ чиновъ; въ донскомъ Краснощекова—1 офицеръ, 486 нижнихъ чиновъ—всего 3.162 человѣка. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. «Матер. для исторіи Пугачевскаго бунта». Я. К. Грота. *Записки Академіи наукъ*, т. III, стр. 29 (Приложеніе).

былъ поддерживать сообщеніе по ново-московской дорогѣ и сохранять связь съ Бугульмою. На половинѣ пути отъ Оренбурга по ново-московской дорогѣ стоялъ секундъ-маіоръ Юшковъ съ командою, а въ Бугульмѣ—полковникъ Кожинъ съ отрядомъ. Въ Башкиріи по рѣкѣ Бѣлой отъ Уфы къ Оренбургу дѣйствовалъ отрядъ полковника Шепелева и находились неподвижные гарнизоны въ дер. Богульчанахъ, Стерлитамакской соляной пристани и въ пригородѣ Табынскѣ. Защита Верхне-Яицкой линіи была возложена на отрядъ генералъ-маіора Фреймана; городъ Уфа былъ обезпеченъ собственнымъ гарнизономъ и прикрытъ отрядомъ подполковника Рылѣева, который обязанъ былъ сохранять постоянную связь съ отрядами Шепелева и полковника Якубовича, стоявшаго на половинѣ пути отъ Уфы къ Бугульмѣ и къ Мензелинску. Въ Кунгурѣ находился отрядъ подполковника Попова, въ Красноуфимскѣ — маіора Гагрина, въ Екатеринбургской провинціи — отрядъ маіора Жолобова, обязанный поддерживать непрерывную связь съ отрядомъ генералъ-поручика Деколонга, назначеннаго для обезпеченія Сибирской линіи и имѣвшаго въ своемъ распоряженіи семь легкихъ полевыхъ командъ (съ № 9-го по № 15-й).

До возстанія за р. Волгою, отрядъ генералъ-маіора Мансурова находился въ Яицкомъ-городкѣ, но съ переправою Пугачева черезъ эту рѣку Мансуровъ двинулся къ Сызрани, а въ Яицкомъ-городкѣ остался полковникъ Симоновъ съ двумя некомплектными легкими полевыми командами. Преслѣдованіе Пугачева было возложено на отряды графа Меллина, Муфеля и полковника Михельсона; резервомъ для нихъ служилъ отрядъ князя П. М. Голицына.

Сверхъ того, главнокомандующій 2-ю арміею князь Долгоруковъ еще до полученія указа военной коллегіи, по требованію воронежскаго губернатора, выслалъ изъ Крыма генералъ-маіора графа Мусина-Пушкина съ 10-ю эскадронами Псковскаго и Ямбургскаго карабинерныхъ полковъ, 500-ми драгунъ Астраханскаго полка и 10-ю эскадронами Бахмутскаго и Молдавскаго гусарскихъ полковъ. Изъ той же арміи были отправлены: Ряжскій пѣхотный полкъ къ Бахмуту; 5 ротъ пѣхоты съ артиллеріею выдвинуты изъ-за Буга и направлены на Полтаву. Стоявшему за Дономъ отряду генералъ-маіора князя Багратіона приказано переправиться черезъ рѣку и

подвигаться впередъ. Получивъ же указъ военной коллегіи, князь Долгорукій приказалъ генералъ-маіору Фризелю взять изъ отряда Муссина-Пушкина два гусарскихъ полка и слѣдовать поспѣшнѣе къ Касимову, гдѣ и сдать ихъ генералъ-маіору Волкову, а полкамъ Донецкому пикинерному изъ Крыма и Луганскому съ Кубани слѣдовать въ свои границы [1]).

Такимъ образомъ, въ распоряженіе новаго главнокомандующаго частію поступили, а частію должны были поступить громадныя силы. «Итакъ, кажется, писала Екатерина графу П. И. Панину [2]), противу воровъ столько наряжено войска, что едва не страшнали таковая армія и сосѣдямъ была». Въ самомъ дѣлѣ, на театрѣ дѣйствій уже находились 7 полковъ и 3 роты пѣхоты [3]), 9 легкихъ полевыхъ командъ [4]), 18 гарнизонныхъ баталіоновъ [5]), семь полковъ и 11 эскадроновъ регулярной кавалеріи [6]), четыре донскихъ полка, 1,000 малороссійскихъ казаковъ [7]), казанскій и пензенскій дворянскіе корпусы. Если прибавить къ этому войска, высланныя княземъ Долгоруковымъ и отрядъ генералъ-поручика Деколонга, то нельзя не сознаться, что противъ Пугачева, подъ конецъ его дѣйствій, была выставлена цѣлая армія.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго главнокомандующаго было отправленіе полковника Древица съ двумя эскадронами Венгерскаго гусарскаго полка, однимъ эскадрономъ Владимірскаго драгунскаго полка, 30 донскими казаками и 3 орудіями на Перея-

---

[1]) Рапортъ князя Долгорукаго военной коллегіи, отъ 15 августа 1774 г., № 680. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. V.

[2]) Въ письмѣ отъ 30 іюля 1774 года. *Сборникъ историческаго общества*, т. VI, стр. 86.

[3]) Полки: 2-й гренадерскій, Владимірскій, Томскій, Нарвскій, Великолуцкій, Воронежскій, Ладожскій, гренадерская рота Вятскаго и 2 роты Александропольскаго полковъ.

[4]) Легкія полевыя команды: 1-я, 6-я, 7-я, 8-я, 16-я, 22-я, 23-я, 24-я и 25-я.

[5]) Четыре баталіона оренбургскихъ, 3 казанскихъ, 1 нижегородскій, 3 московскихъ, 2 царицынскихъ, 1 саратовскій и 4 астраханскихъ.

[6]) С.-Петербургскій и Архангелогородскій карабинерные, Владимірскій драгунскій, Лейбъ-кирасирскій, Смоленскій конный, Чугуевскій казачій, Изюмскій гусарскій, 4 эскадрона Венгерскаго гусарскаго и семь поселенныхъ гусарскихъ эскадроновъ.

[7]) Вѣдомость войскамъ, приложенная при указѣ военной коллегіи графу Панину. 30 іюля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга V.

славль-Рязанскій и Ряжскъ, съ цѣлью прикрыть Москву, если бы самозванецъ повернулъ на Тамбовъ [1]). Графъ Панинъ и князь Волконскій болѣе всего опасались этого, и потому главнокомандующій хотя и предписалъ полковнику Михельсону преслѣдовать Пугачева вмѣстѣ съ отрядами графа Меллина и Муфеля, но просилъ его сохранить за собою такое положеніе, чтобы «не только самому самозванцу со всѣмъ его скопищемъ, ниже и отряженнымъ какимъ либо отъ него полкамъ на какое либо поврежденіе здѣшняго города» покуситься было невозможно [2]). Съ этою же самою цѣлью графъ П. Панинъ обѣщалъ князю Волконскому не удалять отрядъ Чорбы отъ Москвы до тѣхъ поръ, пока не прибудутъ всѣ назначенные полки, и просилъ императрицу отправить находившіяся въ Смоленскѣ пѣхотныя роты черезъ Калугу къ Шацку и часть полковъ изъ Турціи и Крыма ввести въ границы для усмиренія черни и въ предупрежденіе появленія одновременно нѣсколькихъ Пугачевыхъ [3]).

Представляя картину всеобщаго возстанія на правомъ берегу р. Волги и полнѣйшаго неповиновенія крестьянъ своимъ помѣщикамъ, графъ П. Панинъ, хотя и не могъ отрицать, что въ его распоряженіе назначено много войскъ, но просилъ императрицу обратить вниманіе на пространство, охваченное бунтомъ, и на сколько частей необходимо раздѣлить войска, чтобы они могли поспѣвать всюду.

«Нельзя, всемилостивѣйшая государыня, не полагать, доносилъ онъ [4]), чтобы и всѣ прежде упражненныя на сего злодѣя войска, гонявшись за нимъ по такому великому пространству земли и во всякое безъ изъятія суровое годовое время, не могли уже быть въ гораздо слабомъ состояніи, особливо лошадьми, и не

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Волконскаго, отъ 10 августа. Государств. Арх., VI, дѣло № 503. Письмо его же П. Потемкину 22 августа. Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе графа П. Панина, отъ 3 августа 1774 года. *Сборникъ историческаго общества*, т. VI, стр. 90.

[3]) Всеподданнѣйшія донесенія графа П. Панина 4 и 10 августа 1774 года. Тамъ же.

[4]) Отъ 10 августа 1774 года. *Сборникъ Императ. русскаго Историч. общества*, т. VI, стр. 99.

пришли бы они въ крайнее изнуреніе, по поспѣшному теперь перенесенію себя къ тѣмъ мѣстамъ, куда злодѣй уже достигнулъ. Къ поправленію же и снабженію себя не могли они имѣть другихъ средствъ, какъ по разореннымъ злодѣемъ уже мѣстамъ, кромѣ таковыхъ, которые бы поселянъ утверждать могли, что войска вашего императорскаго величества сохранители ихъ цѣлости, но насупротивъ того злодѣй Пугачевъ не щадя ничего, ниже самой жизни невинныхъ людей, снабжается и помогаетъ себѣ всѣмъ тѣмъ, что у кого гдѣ ему вознадобится».

Въ ожиданіи усиленія себя войсками, графъ П. Панинъ предписалъ Древицу идти на Шацкъ и распускать слухъ, что за нимъ идетъ самъ главнокомандующій съ 10,000 отрядомъ, для котораго и требовать по городамъ заготовленія продовольствія и фуража. Древицъ уполномоченъ былъ наиболѣе важныхъ преступниковъ казнить смертью, а остальныхъ наказывать тѣлесно и объявить всѣмъ: кто доставитъ Пугачева живымъ, тотъ сверхъ денежнаго вознагражденія получитъ въ «податяхъ всегдашнюю отъ оныхъ и семьи ихъ отъ рекрутскихъ наборовъ свободу» [1]).

Графу П. И. Панину такъ хотѣлось скорѣе поймать Пугачева, что уступая своему характеру, деспотическому и нелюбящему противорѣчій, онъ разсыпалъ похвалы своимъ подчиненнымъ и умолялъ ихъ о содѣйствіи. Разбитіемъ Пугачева, истребленіемъ мятежниковъ и поимкою самозванца, писалъ онъ Древицу, «ваше высокоблагородіе сдѣлать можете заслугу передъ ея императорскимъ величествомъ и передъ всею Имперіею важности въ самой вышней степени, на воздаяніе не только вамъ, но и потомкамъ вашимъ, *на благодарность отъ всѣхъ сыновъ россійскихъ, и на прославленіе имени вашего дотолѣ, доколѣ сія Имперія стоять будетъ. А ко мнѣ сдѣлаетесь вы не подчиненнымъ, но обязательнымъ навсегда другомъ*».

Точно также въ предписаніи Михельсону [2]) главнокомандующій

[1]) Ордеръ графа П. Панина полковнику Древицу отъ 9 августа. Государ. Арх., VI, дѣло № 490. См. также *Записки Академіи наукъ*, т. XXV, приложеніе № 4, стр. 8.

[2]) Отъ 15 августа 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, приложеніе № 4, стр. 14.

выражалъ увѣренность, «*что ознаменовавшійся нашъ герой Михельсонъ*, конечно, не оставитъ по всей своей силѣ, по возможностямъ и по истиннымъ вѣрности и усердію къ своей великой императрицѣ, произвесть на пораженіе и низложеніе злодѣя самое лучшайшее по своей храбрости и военному искусству».

На Михельсона главнокомандующій возлагалъ главнѣйшую свою надежду [1]), хотя и сознавалъ, что исполненіе даннаго ему порученія представляетъ громадныя затрудненія, въ виду всеобщаго возстанія населенія и участія въ томъ духовенства.

Поведеніе духовенства значительно усложняло дѣло по усмиренію возстанія и содѣйствовало Пугачеву къ убѣжденію народа, что онъ есть истинный государь, а не самозванецъ. Поэтому, какъ только было получено донесеніе о происшествіи въ Саранскѣ и о поступкахъ тамошняго духовенства, графъ П. И. Панинъ просилъ императрицу повелѣть Синоду издать увѣщаніе и «*угроженія*», что всѣ тѣ духовныя лица, которыя не только пристанутъ къ мятежникамъ, но и тѣ, которыя окажутъ имъ какое либо содѣйствіе, лишаются духовнаго званія и подвергаются гражданскому суду и наказанію [2]).

Подобные поступки духовенства, какъ пастырей духовныхъ, подавали, конечно, больной соблазнъ народу, и потому Святѣйшій Синодъ, «имѣя о спасеніи церкви Христовой неусыпное попеченіе», въ засѣданіи 20 августа постановилъ напечатать два увѣщанія: одно къ духовенству, а другое къ народу. Увѣщанія эти приказано было читать во всѣхъ церквахъ и затѣмъ предоставлено право епархіальнымъ архіереямъ, не испрашивая разрѣшенія Синода, арестовать виновныхъ, лишать духовнаго сана и передавать гражданскому начальству, для дальнѣйшаго изслѣдованія ихъ преступленій [3]).

«Аще когда, писалъ Синодъ духовенству [4]), но нынѣ наипаче

---

[1]) Всеподданѣйшее донесеніе графа Панина, отъ 19 августа 1774 г., № 8. *Сборникъ Императорск. русск. историч. общества*, т. VI, стр. 114.

[2]) Всеподданѣйшее донесеніе графа П. Панина, отъ 10 августа 1774 года. *Сборникъ* [illegible], т. VI, стр. 100.

[3]) [illegible] Синода 20 августа. Архивъ Синода, д. № 5.

[4]) [illegible] архимандритамъ, игуменамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, монашествующимъ и [illegible]. См. приложеніе № 1.

обязаны вы вспомнить долгъ вашъ. Вообразите часъ, въ который вы, приступая къ престолу Бога, дали клятву сему Всевышнему Существу тако пещись о врученной вамъ паствѣ, какъ и о себѣ самихъ. Сія ваша клятва равно обязуетъ васъ дать Богу отвѣтъ о врученныхъ вамъ, какъ и о себѣ. Часъ смерти вашей и день суда Божія потребуютъ отъ васъ онаго, ежели и единъ изъ нихъ погибнетъ.

«Видите вы, что діаволъ нападаетъ на стадо Христово и нашелъ себѣ орудіе злодѣйственнѣйшаго разбойника, врага отечества и церкви... Сіе есть время, въ которое вы оныя свои обѣщанія исполнить должны. Нынѣ покажите себя достойными имени истинныхъ пастырей.

«Видите, что волкъ похищаетъ овцы отъ стада Христова: не бѣжите яко наемники, но паче вооружитесь силою слова Божія и возъимѣйте попеченіе о спасеніи ихъ, дабы они не были корыстію ищущаго погибели ихъ и ни единъ не пріобщался его богопротивнымъ разглашеніямъ и начинаніямъ. Наполните сердца ваши ревностью христіанскою, докажите любовь и усердіе, достойное пастырей церкви».

«Вы христіане, писалъ Синодъ въ увѣщаніи народу [1]), вы тѣ, которые желаете, чтобъ Богъ излилъ на васъ свои милости въ сей жизни; вы желаете чтобъ ваши труды благословенны были успѣхами; вы желаете, чтобы благословеніе Его почивало на домахъ вашихъ; вы желаете, чтобы жизнь ваша была угодна Богу и спасительна для васъ, и чтобъ вы въ спокойствѣ препровождали оную; вы желаете, чтобъ смерть не наносила вамъ страха, но съ радостнымъ увѣреніемъ предали души ваши въ руки Бога, пекущагося о спасеніи вашемъ; вы желаете, чтобъ и въ будущей жизни прославлены были тою славою, каковую Богъ любящимъ Его и исполняющимъ святый Его законъ уготовалъ и были-бъ участниками блаженства святыхъ апостоловъ, пророковъ, святителей, преподобныхъ и мучениковъ. Потщитесь исполнить Божія повелѣнія, и сіи желанія ваши исполнятся.

«Итакъ, вы при толь святомъ расположеніи вашей души мо-

[1]) См. приложеніе № 2.

жете-ли безъ отвращенія помыслить, а паче воззрѣть на злодѣя, бѣглаго донскаго казака Пугачева, врага церкви и отечества... Не ужаснетесь-ли вы, когда услышите проклятія, которыя Богъ на таковыхъ преступниковъ ниспосылаетъ... Можетъ-ли убо кто пожелать, чтобъ оные его постигли? Можетъ-ли кто пожелать, чтобъ проклятъ онъ былъ во градѣ и на селѣ и чтобъ прокляты были житницы его и останки его; чтобъ прокляты были жена и дѣти его, стада воловъ и овецъ и плоды земли, чтобъ онъ когда входилъ въ домъ, или исходилъ изъ дома своего, клятва Божія вездѣ послѣдовала ему.

«Коль ужасно сіе! Ужасно! но неизбѣжно дерзающимъ противъ узаконенной Богомъ власти злодѣямъ!

«Но вы паче вообразите оный послѣдній часъ, въ который вы будете оканчивать жизнь вашу; вообразите тотъ страшный часъ, въ который Богъ потребуетъ отъ васъ отвѣта о вашей жизни; вспомните тотъ часъ, въ который гласъ Божій позоветъ васъ на судъ и вы должны будете отвѣчать не только о дѣлахъ или словахъ, но и о самыхъ помышленіяхъ вашихъ. Что вы скажете въ часъ смерти вашей, что вы скажете на страшномъ судѣ, когда Богъ потребуетъ отъ васъ отвѣта? Я въ лицѣ своемъ, скажетъ Богъ, поставилъ надъ вами сію государыню вашу и помазанницу мою: были-ль вы почтительны къ ней? Вы не только въ томъ, что сдѣлали, или что говорили, но и что помыслили противъ ея отвѣчать будете; всякое изъ сихъ беззаконіе сдѣлаетъ васъ безотвѣтными, ибо оно есть противъ величества самого Бога. Касаяйся ихъ, глаголетъ Господь, касается зеницы ока Моего.

«Православные христіане! Любовь Бога должна васъ паче отвращать отъ противящагося Божію закону Пугачева. Вы любите ближняго, отвратитесь отъ сего врага отечества. Вы желаете быть спасены—не сообщайтеся сему погибельному человѣку. Онъ злодѣй человѣчества; онъ врагъ Богу, церкви и отечеству. Отвратитесь вы отъ него, паче отвратитесь его злодѣйства, чтобъ ваши ангелы совѣтали вамъ вѣнцы въ небѣ и уготовляли жилище въ блаженствѣ вѣчномъ».

Воззванія эти, написанныя въ первый разъ простымъ языкомъ, доступнымъ для пониманія простолюдиновъ, возлагались

большія надежды, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ до правительства дошли слухи, что будто бы большинству послѣдователей самозванца и въ особенности яицкимъ казакамъ, наскучила скитальческая жизнь, и они рѣшились связать и выдать Пугачева.

Поводомъ къ такимъ слухамъ послужило прибытіе въ Петербургъ купца Долгополова.

IX.

Прибытіе въ Петербургъ купца Долгополова. — Письмо, сочиненное и поданное имъ князю Г. Г. Орлову отъ имени яицкихъ казаковъ. — Свиданіе его съ княземъ Орловымъ и аудіенція въ кабинетѣ императрицы. — Командировка капитана Галахова и инструкція ему данная.

Оставаясь въ толпѣ мятежниковъ, Долгополовъ видѣлъ, что добра не будетъ и потому сталъ придумывать иной способъ для поправленія своихъ обстоятельствъ. Онъ пытался разузнать мнѣніе казаковъ о самозванцѣ, и если представится возможнымъ, то склонить ихъ къ выдачѣ Пугачева.

— Государь-то въ бородѣ, говорилъ однажды Долгополовъ Перфильеву, — и кажется не похожъ на того, котораго я видѣлъ въ Ранбовѣ (Ораніенбаумѣ).

— Ну, братъ, отвѣчалъ Перфильевъ, — у всякаго человѣка лицо перемѣнится, когда обростетъ бородою.

Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ Долгополова, да и Перфильевъ видѣлъ, что этотъ разговоръ начатъ не-спроста.

— Ты, конечно, сказалъ онъ Долгополову, — еще что-то хотѣлъ говорить; у тебя видно есть еще что-нибудь на умѣ: говори, не опасайся; все, что скажешь, все будетъ тайна, я не обнесу.

— Вѣдь это не государь?

— Мы и сами видимъ, отвѣчалъ Перфильевъ, — что не государь, да ужь такъ быть, коли въ дѣло вступили. Домой показаться нельзя, всякъ знаетъ, что мы были у него въ командѣ. Я самъ былъ въ Петербургѣ и меня графъ Орловъ просилъ,

чтобы связать и привезти живого Пугачева и денегъ мнѣ больше ста рублей далъ.

— Буде вы согласны это сдѣлать, замѣтилъ Долгополовъ, — то напишите письмо князю Г. Г. Орлову, а я отвезу.

Перфильевъ не отвѣтилъ ни слова на это предложеніе и разговоръ прекратился, но Долгополовъ видѣлъ, что большинство казаковъ недовольно своимъ положеніемъ и желало бы выдти изъ него.

— Долго ли намъ волочиться съ мѣста на мѣсто, говорили они; — дома свои мы оставили и всякій день насъ убавляется: иного убьютъ, другой потонетъ, иныхъ казнятъ, и такъ насъ переведутъ, что и на Яикѣ никого не останется.

Такіе разсказы еще болѣе убѣждали Долгополова въ возможности склонить казаковъ выдать самозванца и, достигнувъ этого, получить значительную награду, обѣщанную правительствомъ. Но для успѣха такого дѣла необходимы были деньги, которыми Долгополовъ не располагалъ, и вотъ въ головѣ его родилась мысль ѣхать въ Петербургъ и предложить свои услуги правительству. Но какъ уйти изъ толпы? Долгополовъ долго объ этомъ думалъ и наконецъ довольно удачно воспользовался тѣмъ, что Пугачевъ пришелъ на Волгу.

— Я, батюшка, говорилъ однажды Долгополовъ самозванцу,— и порохъ къ тебѣ везъ, пудовъ съ 60, да на суднѣ оставилъ подъ Нижнимъ.

— Гдѣ ты его взялъ? спросилъ Пугачевъ.

— Порохъ этотъ посланъ вамъ отъ Павла же Петровича.

— Какъ ты его провезти могъ?

— Я положилъ его въ бочку, а чтобы прочіе не видали, то засыпалъ его сверху сахаромъ. Отпусти ты меня, батюшка, такъ я и порохъ-то пришлю, да и Павла Петровича привезу.

— А какъ же ты Павла Петровича привезешь?

— Привезу, отвѣчалъ Долгополовъ, — это не твое дѣло [1]).

Получить порохъ было весьма важно для Пугачева и теперь

---

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Долгополова отъ 12 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. №№ 425 и 512.

весьма удобно: стоило только спустить его внизъ по Волгѣ. Неизвѣстно, вѣрилъ ли самозванецъ словамъ Долгополова или не вѣрилъ, только онъ рѣшился отпустить его, причемъ при отъѣздѣ была сыграна новая комедія.

— Что, батюшка, прикажешь сказать Павлу Петровичу, говорилъ Долгополовъ, прощаясь съ самозванцемъ въ присутствіи старшинъ и многочисленной толпы.

— Поклонись ему отъ меня, отвѣчалъ Пугачевъ, — и скажи, ежели можно ему, чтобы меня встрѣтилъ.

— Одному-ли ему тебя встрѣтить или съ великою княгинею?

— Хорошо бы было, чтобы и она была тамъ, гдѣ и онъ.

Отправившись въ Петербургъ и остановившись въ Чебоксарахъ, Долгополовъ сочинилъ письмо къ князю Г. Г. Орлову отъ имени Аѳанасія Перфильева съ 324 человѣками яицкихъ казаковъ [1]).

«Ваша свѣтлость, писалъ Долгополовъ, а нашъ премилосердый государь и отецъ Григорій Григорьевичъ! въ бытность мою въ С.-Петербургѣ изволилъ меня просить, чтобъ (поймать) явившагося злодѣя и разорителя Пугачева, а наипаче господамъ благороднымъ дворянамъ мучителя и неповинно смертоносно предаетъ всякимъ мученіямъ;—а нынѣ я обще съ подателемъ вашей свѣтлости сего нашего письма согласили всѣхъ яицкихъ казаковъ, чтобъ его злодѣя самого живаго представить въ С.-Петербургъ въ скорѣйшемъ времени. Онъ состоитъ, злодѣй, въ нашихъ рукахъ и подъ нашимъ карауломъ, о чемъ словесно вашей свѣтлости объявитъ нашъ посланный; только пожалуй доложи ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, самодержицѣ Всероссійской, чтобы намъ яицкимъ казакамъ рыбною ловлею изволила приказать владѣть по прежнему. Еще вашей свѣтлости доношу, что въ томъ числѣ сто двадцать четыре человѣка въ Петербургъ не ѣдутъ. Какъ мы его, злодѣя, скуемъ въ колодки или въ желѣзо и двѣсти человѣкъ поѣдемъ съ нимъ, а

---

[1]) Показаніе Долгополова отъ 12 ноября 1774 года. Сочиненное письмо было напечатано сначала въ *Москвитянинѣ*, 1845 г., № 9, а потомъ перепечатано въ сборникѣ *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 365. Оно озаглавлено такъ: «Копія съ письма яицкихъ казаковъ къ кн. Г. Г. Орлову».

вышеписанныхъ сто двадцать четырехъ человѣкъ домой отпустимъ, только тѣ требуютъ *на всякаго человѣка по сту рублей, теперь половину по пятидесяти рублей изволь съ посланнымъ нашимъ прислать золотыми имперіалами;* а мы двѣсти человѣкъ теперь ничего напередъ не требуемъ: какъ поставимъ злодѣя къ вашей свѣтлости, тогда и намъ было-бъ такое-жь награжденіе, такъ у насъ всѣ обнадежены и всѣ теперь приведены къ присягѣ между собою. А какъ мы его повеземъ, надлежитъ давать прогонныя деньги и на прогоны деньги, тако-жь на харчи и на водку было-бъ довольно; мы въ томъ не споримъ, хотя извольте дать указъ, хотя-бъ безъ прогоновъ, только-бъ насъ везли. Обо всемъ извольте больше словесно говорить съ посланнымъ нашимъ. Оное письмо писали истинно, ночью. Пожалуй, батюшка Григорій Григорьевичъ, нашего (посланнаго) отправьте въ самой скорости, чтобъ онъ, злодѣй, не допущенъ былъ до разоренія нашихъ селъ и деревень, тако-жь и городовъ. Иного до вашей свѣтлости писать не имѣемъ, остаюся вашъ, моего государя, рабъ и слуга, казакъ Аѳанасій Петровъ Перфильевъ, атаманъ Андрей Афанасьевъ, сотникъ Никита Ивановъ, полковникъ Григорій Левоновъ, хоруньжій Иванъ Власовъ, дежурный Екимъ Васильевъ и всѣхъ триста двадцать четыре человѣка о вышеписанномъ просимъ и земно кланяемся» [1]).

Въ началѣ августа Долгополовъ подъ именемъ казака Евстафія Трифонова пріѣхалъ въ Петербургъ и рано утромъ, 8-го числа, явился къ князю Гр. Гр. Орлову.

Было пять часовъ утра и въ домѣ князя всѣ еще спали. Долгополовъ разбудилъ камердинера и требовалъ, чтобы его тотчасъ же представили князю, говоря, что откроетъ тайну, которая не терпитъ отлагательства. Камердинеръ постучалъ въ дверь спальни.

— Кто тамъ? послышался голосъ князя.

Камердинеръ назвалъ свое имя.

— Поди сюда, сказалъ кн. Орловъ.

---

[1]) Перифразъ этого письма переданъ Руничемъ невѣрно. См. *Русскую Старину*, 1870 г., т. II, стр. 221.

Вмѣстѣ съ камердинеромъ вошелъ и Долгополовъ.

— Ты что за человѣкъ? спросилъ князь.

— Я, сударь, яицкій казакъ Евстафій Трифоновъ, отвѣчалъ Долгополовъ, передавая вышеприведенное нами письмо. Извольте, ваша свѣтлость, вставать съ постели и одѣваться, а ему прикажите закладывать карету.

Князь Орловъ исполнилъ совѣтъ и, принявъ письмо, прочелъ его со вниманіемъ. Карета скоро была подана и кн. Орловъ, взявъ съ собою Долгополова, отправился съ нимъ въ Царское Село, гдѣ находилась тогда императрица. Введенный въ кабинетъ государыни, Долгополовъ палъ на колѣни, но Екатерина приказала ему встать и дозволила поцѣловать руку. Императрица разспрашивала о подробностяхъ возмущенія, объ яицкихъ казакахъ и проч., на что получала выдуманные, конечно, отвѣты.

— Какъ ты могъ проѣхать черезъ Москву? спросила она.

— Если угодно вашему величеству, отвѣчалъ смѣло Долгополовъ, то я проведу черезъ оную 10 т. человѣкъ и никто о томъ не провѣдаетъ. Я прошелъ Москву вотъ какимъ образомъ: пристался за пять верстъ къ ѣдущимъ въ городъ подводамъ съ дровами и сѣномъ; перекрестясь у заставы, иду прямо въ этомъ кафтанѣ въ нее, мимо часоваго, тутъ стоящаго, который, увидя меня, ухватилъ за лѣвую полу кафтана и закричалъ: «стой, куда ты идешь? есть-ли у тебя письменный видъ?» Я ему безъ робости отвѣчалъ: «господинъ служивый, былъ у меня отъ старосты казеннаго селенія; но верстъ за десятокъ отсюда вотъ изъ лѣваго продравшагося кармана потерялъ, куда съ нимъ завязанное кое-что и другое положено было». Служивый, всунулъ руку въ лѣвый мой карманъ, которая прошла насквозь, выдернулъ оную съ сердцемъ, толкнулъ меня въ заставу такъ сильно, что я было упалъ; стоящіе тутъ солдаты и народъ захохотали, а я, провожаемый ихъ смѣхомъ, пошелъ прямо по улицѣ. Вотъ матушка-государыня, какимъ образомъ прошелъ я Москву.

Такіе порядки въ первопрестольной вызвали улыбку Екатерины, и Долгополовъ былъ отпущенъ и отведенъ въ тѣ комнаты, въ которыхъ князь Орловъ останавливался, когда пріѣзжалъ во дворецъ. Оставаясь до вечера въ Царскомъ Селѣ, Долгополовъ былъ

сыто накормленъ и получилъ въ подарокъ отъ императрицы 200 червонныхъ, два куска бархату, 10 аршинъ золотаго глазета и 12 аршинъ золотаго галуна.

— Положи въ карманъ, но не въ лѣвый, тамъ дыра, сказалъ шутливо князь Орловъ, передавая Долгополову кошелекъ съ червонцами, а когда кончишь свое дѣло, то будешь болѣе награжденъ.

Въ девятомъ часу вечера Долгополовъ возвратился въ Петербургъ, былъ помѣщенъ въ отдѣльныхъ покояхъ и скоро опять призванъ къ кн. Орлову.

— Завтра или послѣзавтра, сказалъ князь, съ капитаномъ гвардіи ты отправишься въ путь; поди съ Богомъ. Если желаешь или имѣешь надобность съ кѣмъ-нибудь видѣться въ городѣ, то поди куда тебѣ угодно, ибо ты свободенъ.

— Я въ Петербургѣ никого не имѣю знакомыхъ, отвѣчалъ притворно Долгополовъ, ибо я во всю жизнь мою въ немъ не бывалъ.

Обманъ удался вполнѣ; онъ дорого стоилъ правительству, но изъ сохранившагося чернового наброска письма императрицы къ князю Волконскому [1]) видно, что Екатерина, подъ первымъ впечатлѣніемъ свиданія съ Долгополовымъ, находила необходимымъ исполнить всѣ мнимыя требованія яицкихъ казаковъ. «Они берутся, писала она, вора и злодѣя Пугачева сюда доставить, за что просятъ сто рублевъ на человѣка и то не прежде какъ руками отдадутъ, а вѣроятіе есть, что онъ у нихъ уже связанъ, но не сказываютъ. *Я нашла, что цѣна сія умѣренна, чтобъ купить народный покой*».

Когда первыя впечатлѣнія уступили мѣсто холодному разсудку, императрица признала неудобнымъ помѣщать приведенныя нами строки въ письмѣ и потому, исключивъ ихъ, отправила въ тотъ же день князю Волконскому рескриптъ слѣдующаго содержанія [2]):

«Сего утра явился къ князю Григорію Григорьевичу Орлову яицкій казакъ Евстафій Трифоновъ съ письмомъ отъ казака же

---

[1]) Отрывокъ этотъ помѣченъ 8 августа и напечатанъ въ *Сборн. Импер. русск. истор. общества*, т. XIII, стр. 432 и 433.

[2]) Отъ 8 августа 1774 г. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 118 и 119.

яицкаго Перфильева съ товарищи, всего триста двадцать четыре человѣка, съ котораго письма при семъ прилагаю копію. Вы изъ онаго усмотрите, что они берутся вора и злодѣя Пугачева сюда доставить. Я сего же дня посланнаго отъ нихъ съ паспортомъ за рукою князя Григорія Григорьевича Орлова съ отвѣтомъ къ нимъ же приказала отправить, котораго казака вы прикажите нигдѣ не задержать. Князь Орловъ къ нимъ доставитъ волю мою, которая въ томъ состоитъ, чтобъ они злодѣя самозванца привезли къ гвардіи Преображенскаго полку капитану Галахову, котораго сегодня для того нарочно отправляю къ генералъ-маіору Чорбѣ. Сей, когда казаки привезутъ злодѣя и въ томъ нужда будетъ, Галахова снабдить достаточной командой, дабы Галаховъ могъ колодника привезти въ цѣлости къ вамъ въ Москву; а вы возьмите всѣ мѣры безъ всякой огласки преждевременной, дабы они содержаны были, какъ важность дѣла требуетъ. Я къ графу Петру Ивановичу (Панину) пишу о семъ и сего дня же, и вы съ нимъ условьтесь и сдѣлайте такъ, чтобъ успѣхъ сего дѣла нигдѣ остановкѣ подверженъ не былъ. Капитана же Галахова какъ въ подводахъ, такъ въ деньгахъ и въ кормовыхъ и во всемъ снабдите изобильно, дабы ни зачѣмъ не стало».

Капитану л.-гв. Преображенскаго полка Галахову приказано было ѣхать въ Москву, явиться къ графу П. И. Панину и князю М. Н. Волконскому. Получивъ отъ перваго конвой, а отъ втораго деньги, Галаховъ долженъ былъ ѣхать въ Муромъ, куда казакамъ назначено были доставить Пугачева и нѣкоторыхъ его сообщниковъ. По доставленіи самозванца приказано выдать каждому казаку по сту рублей и убѣдить ихъ, чтобы всѣ 200 человѣкъ не ѣхали въ Москву вмѣстѣ съ колодниками, а если «на сіе уговаривать покажется трудно, то по крайней мѣрѣ, чтобъ убавили число» желающихъ ѣхать въ первопрестольную столицу [1]).

Такимъ образомъ въ тотъ же день была исполнена программа, выдуманная Долгополовымъ. На слѣдующій день генералъ-проку-

[1]) Наставленіе, данное императрицею капитану Галахову отъ 8 августа 1774 г. *Сочин. Пушкина*, изд. 1881 г., т. VI, стр. 194 (прилож.). *Сборн. Императ. русск. историч. общ.*, т. XIII, стр. 433.

воръ князь Вяземскій увѣдомилъ Г. А. Потемкина [1]), что капитану Галахову выдано 8,400 руб. золотомъ, 1,000 руб. серебромъ, приказано принять въ Москвѣ изъ статсъ-конторы 5,175 рублей и князю Волконскому набрать для той же цѣли изъ разныхъ источниковъ 18,825 руб. Выдавъ эти деньги, кн. Волконскій прибавилъ къ нимъ еще тысячу рублей на путевые расходы, и Галаховъ 13-го числа отправился изъ Москвы въ Муромъ [2]), взявъ съ собою отставнаго секундъ-маіора Рунича и 10 человѣкъ солдатъ. По приказанію графа П. И. Панина онъ долженъ былъ ѣхать въ передовые отряды и нагонять самозванца, но послѣдній былъ уже въ это время очень далеко отъ Москвы, успѣлъ причинить много бѣдствій, разорить города и цѣлыя области.

X.

Приближеніе Пугачева къ Пензѣ.—Совѣщанія горожанъ.—Вступленіе самозванца въ городъ.—Обѣдъ ему данный городскимъ обществомъ.—Состояніе Алатырскаго и Темниковскаго уѣздовъ.—Происшествія въ Инсарѣ, Краснослободскѣ, Темниковѣ, Наровчатѣ, Керенскѣ и Нижнемъ Ломовѣ.—Пугачевъ въ Петровскѣ.—Экспедиція Г. Р. Державина изъ Саратова къ Петровску.

Слухъ о появленіи Пугачева въ Саранскѣ и о разграбленіи города достигъ на другой день до жителей города Пензы. Секундъ-маіоръ Гаврило Герасимовъ собралъ своихъ инвалидныхъ офицеровъ и отправился съ ними въ Пензенскую провинціальную канцелярію узнать, какія мѣры принимаются для защиты города.

— Имѣете-ли вы какія извѣстія о злодѣѣ, спрашивалъ Герасимова вице-губернаторъ, надворный совѣтникъ Андрей Всеволожскій.

— Злодѣй, по разореніи Казани, отвѣчалъ спрошенный, слѣдуетъ къ Пензѣ; соберите свою инвалидную команду и приготовьтесь къ сопротивленію.

Герасимовъ могъ собрать только 12 человѣкъ, но приказалъ [illegible]. Въ Пензѣ находились тогда большіе запасы

[1]) 13 августа 1774 г. Государ. Архивъ, VI, д. № 488.
[2]) Изъ письма Волконскаго отъ 13 августа 1774 г. Гос. Арх., VI, [illegible] князю Вяземскому отъ 13 августа. Архивъ

пороха, свинца, ядеръ и разнаго рода казенныхъ денегъ 201,275 р. 69¼ коп. Ихъ тотчасъ же начали прятать по разнымъ ямамъ и подваламъ, но всѣхъ спрятать не успѣли и часть ихъ досталась мятежникамъ.

За нѣсколько дней до приближенія Пугачева, воевода, его товарищъ, коллежскій ассесоръ Гуляевъ, подпоручики Суровцовъ и Слѣпцовъ, секретари Степанъ Дудкинъ и Сергѣй Григорьевъ, съ нѣсколькими канцелярскими служителями бѣжали изъ города. «Того же дня (28 іюля) въ полдни, показывалъ маіоръ Герасимовъ, какъ я шелъ по городу, то увидѣлъ собравшихся пахотныхъ солдатъ, живущихъ въ городѣ, человѣкъ съ 200. На вопросъ мой объ ихъ сборищѣ, объявили мнѣ, что они совѣтуютъ между собою кого бы командиромъ въ городѣ сдѣлать, потому что воевода и товарищъ съ показанными чинами уѣхали, а слышно, что злодѣи приближаются къ Пензѣ; причемъ просили меня, чтобъ я принялъ команду и защищалъ городъ. А какъ старѣя меня чиномъ никого въ городѣ не было, то я, не отговариваясь отъ сего ихъ предложенія, приказалъ имъ на другой день придти въ канцелярію».

Наутро бургомистръ Борисъ Елизаровъ собралъ на совѣтъ все купечество и спрашивалъ ихъ мнѣнія: противиться-ли имъ мятежникамъ или нѣтъ?

Купцы молчали.

— Ну, чѣмъ мы станемъ ему противиться, сталъ говорить тогда Елизаровъ; у насъ нѣтъ никакого оружія, такъ не лучше-ли встрѣтить его и тѣмъ спасти городъ отъ пожегу, а людей отъ смерти.

— Да, намъ нечѣмъ противиться, кричали ему въ отвѣтъ голоса. Хотя бы и было чѣмъ, такъ гдѣ намъ противъ его силы устоять, когда и крѣпости не въ силахъ были. Ничего намъ больше дѣлать не остается, какъ встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью.

Въ это время, по предложенію маіора Герасимова, шли къ нему пахотные солдаты и проходя мимо ратуши узнали, что тамъ собралось купечество на совѣщаніе. Солдаты остановились. Къ нимъ вышелъ бургомистръ и объявилъ, что купечество рѣшило не противиться. Выслушавъ такое рѣшеніе, пахотные солдаты отправи-

лись въ пензенскую провинціальную канцелярію, въ которой собрались: провинціальный секретарь Тихонъ Андреевъ, маіоръ Герасимовъ, прапорщикъ Илья Григорьевъ, отставной гвардіи поручикъ Черицовъ, капитанъ Никитинъ и нѣкоторые изъ пензенскихъ помѣщиковъ. Послѣ совѣщаній, всѣ присутствующіе выбрали маіора Герасимова начальникомъ города и его обороны.

— Имѣете-ли вы какое нибудь оружіе? спрашивалъ Герасимовъ, выйдя изъ канцеляріи къ собравшимся пахотнымъ солдатамъ.

— Не имѣемъ никакого, отвѣчали они.

Приказавъ имъ вооружиться кто чѣмъ можетъ, Герасимовъ отправилъ нарочнаго къ казанскому губернатору съ просьбою о помощи и съ донесеніемъ объ опасности, угрожающей г. Пензѣ отъ приближенія мятежниковъ [1]). Едва посланный успѣлъ выѣхать изъ города, какъ въ третьемъ часу пополудни, 1 августа, пріѣхали на рынокъ человѣкъ 15 мятежниковъ. Они увѣряли горожанъ, что къ городу подходитъ не самозванецъ, а истинный государь, отъ котораго они присланы объявить, что если граждане не встрѣтятъ его съ хлѣбомъ-солью и окажутъ «противность, то всѣ въ городѣ до сущаго младенца будутъ истреблены и городъ выженъ». Въ доказательство справедливости своихъ словъ, они передали указъ императора для всенароднаго прочтенія [2]).

Угрозы самозванца разнеслись по городу, и населеніе пришло въ отчаяніе. Герасимовъ ободрялъ жителей, но они кричали ему въ отвѣтъ, что не имѣютъ оружія и противиться имъ нечѣмъ. Тогда съ общаго совѣщанія положили и самъ маіоръ Герасимовъ согласился встрѣтить самозванца и покориться ему. Съ крестами и образами почти все населеніе въ сопровожденіи духовенства вышло изъ города, и отойдя съ версту остановилось.

Приложившись ко кресту, Пугачевъ устроилъ цѣлованіе руки, къ которой подходили маіоръ Герасимовъ, капитанъ Никитинъ и поручикъ Черицовъ. Послѣ того Пугачевъ, не въѣзжая въ городъ,

---

[1]) Показаніе секундъ-маіора Герасимова, отъ 6 октября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 453.

[2]) Указъ этотъ по своему содержанію весьма близокъ къ тому, который былъ отправленъ въ Саранскъ и приведенъ нами выше. См. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 420.

вернулся назадъ и расположился станомъ, верстахъ въ 10-ти отъ Пензы. Между тѣмъ сообщники самозванца, ворвавшись въ городъ, выпустили всѣхъ колодниковъ, грабили дома, растворили питейные дома и соляные амбары, разрѣшая народу пить вино и разбирать соль безденежно. Жители радовались и увѣряли, что Пугачевъ истинный государь. «Воля всемилостивѣйшей государыни, показывалъ впослѣдствіи маіоръ Герасимовъ [1]), признаюсь чистосердечно, что я и самъ при семъ случаѣ поколебался было въ мысляхъ, думая, что Пугачевъ и въ самомъ дѣлѣ государь, какъ въ томъ утверждало меня сіе, что многіе города и крѣпости побралъ и вся чернь, вездѣ гдѣ онъ ни былъ, прилѣплялась къ нему безъ сумнѣнія».

2-го августа, прибывшій въ Пензу отрядъ изъ 20 казаковъ потребовалъ, чтобы населеніе вторично сдѣлало парадную встрѣчу самозванцу и приготовило ему обѣдъ въ купеческомъ домѣ. Ратуша оказалась неудобною и купечество рѣшило угостить самозванца въ домѣ купца Андрея Кознова. По требованію казаковъ, населеніе встрѣтило Пугачева за городомъ, причемъ бургомистръ отъ имени города звалъ его обѣдать. Самозванецъ принялъ приглашеніе и для бо́льшаго парада приказалъ ѣхать впереди одному изъ магистратскихъ судей и указать домъ. Ратманъ Маминъ сѣлъ верхомъ, ѣхалъ передъ мнимымъ государемъ, «а бургомистръ, ускоря прежде всѣхъ, дожидался у воротъ встрѣтить злодѣя». Пригласивъ съ собою человѣкъ 20 ближайшихъ своихъ сообщниковъ, Пугачевъ сѣлъ за столъ. «Пища его состояла болѣе въ томъ, что велѣлъ принести толченаго чесноку глубокую тарелку и наливъ въ оный уксусу и посоля ѣлъ, а послѣ онаго и другую такую же тарелку чесноку сожралъ же».

Купцы разносили кушанья, а бургомистръ и ратманы подчивали обѣдающихъ виномъ. Пили за здоровье императора Петра III и императрицы Устиньи Петровны.

— Ну, господа купцы, говорилъ Пугачевъ, теперь вы и всѣ городскіе жители называйтесь моими казаками. Я ни подушныхъ

---

[1]) Показаніе секундъ-маіора Гавриды Герасимова отъ 6 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 453.

денегъ, ни рекрутъ съ васъ брать не буду, и соль казенную приказалъ я роздать безденежно по три фунта на человѣка, а впредь торгуй ею кто хочетъ и промышляй всякій про себя.

Обѣдъ продолжался часа съ три, а въ это время толпа грабила городъ. Послѣ обѣда самозванецъ уѣхалъ изъ Пензы, захвативъ съ собою 6 пушекъ, 593 ядра, 54 пуда свинцу, 16 пудовъ пороху, нѣсколько ружей и холоднаго оружія. Казенной соли было разграблено 20,573 пуда, а денегъ было взято мятежниками 13,233 р. 63¾ к., и такъ какъ онѣ были преимущественно мѣдныя, то нагрузивъ ими 40 подводъ, Пугачевъ приказалъ остальныя разбросать народу, причемъ три бочки подарилъ протопопу, двѣ далъ штатнымъ солдатамъ и шесть бочекъ инвалидной командѣ,— всѣ эти деньги были впослѣдствіи представлены начальству [1]).

Выѣхавъ изъ Пензы, Пугачевъ не возвращался въ свой станъ, а направился по дорогѣ въ Петровскъ и отъѣхавъ верстъ семь отъ города, остановился лагеремъ.

На слѣдующій день на улицахъ г. Пензы было прибито слѣдующее объявленіе: «Сего августа 3-го числа, по именному его императорскаго величества указу, за подписаніемъ собственныя его величества руки, г. секундъ-маіоръ Гаврило Герасимовъ награжденъ рангомъ полковника и поручено ему содержать городъ Пензу подъ своимъ вѣдѣніемъ и почитаться главнымъ командиромъ. Да для наилучшаго исправленія и порядка опредѣленъ быть въ товарищахъ Андрей Яковлевичъ Козновъ. И во исполненіе онаго е. и. в. именного высочайшаго указа, по опредѣленію оныхъ гг. градоначальниковъ, велѣно объ ономъ, для надлежащаго свѣдѣнія и должнаго повиновенія въ г. Пензѣ публиковать, чего ради симъ и публикуется» [2]).

Въ тотъ же день, спустя нѣсколько часовъ, было публиковано жителямъ Пензы другое объявленіе отъ главнаго командира полковника Герасимова. «По именному его императорскаго величества

---

[1]) Срав. письмо Державина П. Потемкину. *Древ. и Нов. Россія*, 1877 г., № 3. стр. 236.

[2]) Объявленіе это было подписано Андреемъ Козновымъ. См. Госуд. Арх., VI. д. № 453.

высочайшему изустному повелѣнію, сказано въ немъ [1]), приказано г. Пензы со всѣхъ обложенныхъ въ подушный окладъ обывателей собрать черезъ часъ въ армію его величества казаковъ 500 человѣкъ, сколько есть конныхъ, а достальныхъ пѣшихъ, которые обнадежены высочайшею его величества милостію, что они какъ лошадьми, такъ и прочею принадлежностью снабдены будутъ. А если въ скорости собраны не будутъ, то поступлено будетъ по всей строгости его императорскаго величества гнѣва сожженіемъ всего города. И по расчисленію со всѣхъ положенныхъ по г. Пензѣ обывателей въ подушный окладъ, имѣетъ быть къ собранію каждаго (одного) казака съ шести душъ, а именно: съ купечества 80, съ цеховъ 20, съ пахотныхъ солдать пѣшей слободы 71, старо-драгунской 60, конной 140, ново-драгунской 30, черкасской 60, съ пушкарей 11, съ приставовъ 7, съ канцелярскихъ сторожей 7, съ засѣчныхъ сторожей 5, съ воротниковъ 2, съ однодворцевъ 7 человѣкъ, которыхъ и представить ко мнѣ для свидѣтельства сего же числа, дабы не навести на себя паче его императорскаго величества высочайшаго гнѣва».

Поручивъ исполненіе этого распоряженія прапорщику Григорьеву, самозванный воевода Герасимовъ успѣлъ набрать только 200 человѣкъ, которые и были отправлены въ станъ самозванца. Пугачевъ остался недоволенъ столь малымъ наборомъ и послалъ за Герасимовымъ, а самъ тронулся въ путь. Герасимовъ былъ доставленъ къ самозванцу тогда, когда тотъ былъ уже въ 40 верстахъ отъ Пензы.

— Отчего такъ долго повелѣнные 500 человѣкъ не набраны? спрашивалъ съ крикомъ Пугачевъ;—тебя за это надобно повѣсить.

— Ваше величество, говорилъ Герасимовъ, — 200 человѣкъ отъ меня уже представлены, а остальные набираются команды моей прапорщикомъ.

Герасимовъ просилъ отпустить его скорѣе обратно, чтобы успѣть набрать и отправить остальныхъ [2]). Пугачевъ согласился и мни-

[1]) Гос. Арх., VI, д. № 453.

[2]) Показанія Герасимова, купца Андрея Кознова, купца Бориса Елизарова, секретаря Тихона Андреева, прапорщика Ильи Григорьева. Государств. Архивъ, VI, д. № 453. Рапортъ пензенской провинціальной канцеляріи Сенату 28 августа 1774 года. Государств. Архивъ, VI, д. № 504.

мый воевода возвратился въ Пензу, а на слѣдующій день вступилъ въ городъ, настигавшій толпу самозванца отрядъ графа Меллина. Вслѣдъ затѣмъ, 5 августа, вступилъ въ Пензу подполковникъ Муфель [1]) съ 24-ю легкою полевою командою и пензенскимъ уланскимъ корпусомъ. Пользуясь прибытіемъ этого отряда, графъ Меллинъ назначилъ секретаря Андреева воеводою города, поручилъ ему приведеніе всего въ порядокъ и не смотря на то, что со дня своего выступленія не имѣлъ ни одной дневки и дѣлалъ форсированные марши отъ 40 до 80 верстъ въ сутки, въ тотъ же день выступилъ далѣе [2]).

Оставшійся въ Пензѣ, подполковникъ Муфель очутился среди страшнаго разрушенія и почти поголовнаго возстанія. Въ то время въ Саранскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ казенныхъ крестьянъ было мало и почти всѣ принадлежали помѣщикамъ. «Кто только могъ сѣсть на коня, говоритъ Руничъ въ своихъ запискахъ, и идти добрыми шагами пѣшкомъ, съ косами, пиками и всякаго рода дубинами, присоединились къ пугачевской арміи». Селенія оказались пусты, въ нихъ встрѣчались только одни престарѣлые и женщины. Въ самое лучшее для жатвы время тучныя поля остались необработанными; скотъ скитался безъ присмотра, топталъ поля и луга; множество лошадей измученныхъ и съ окровавленными ранами, брошенныхъ какъ пугачевцами, такъ и преслѣдующими ихъ отрядами, устилали дорогу и бродили по пашнямъ.

Въ трехдневное пребываніе Пугачева подъ Пензою толпа его разсыпалась по всему уѣзду небольшими шайками, предводители которыхъ, принявъ на себя званіе полковниковъ, быстро увеличивали свои силы и съ ними предавались грабежу и насилію. Крестьянинъ княгини Голицыной Ивановъ успѣлъ, напримѣръ, собрать себѣ шайку до 3,000 человѣкъ, съ которыми безчинствовалъ по уѣзду. Какъ онъ, такъ и другіе предводители разсылали указы самозванца, приказывавшіе вязать помѣщиковъ и везти ихъ въ Пензу или убивать на мѣстѣ. Такихъ несчастныхъ впослѣд-

[1]) Рапортъ Муфеля, отъ 5 августа 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 490.

[2]) Рапортъ графа Меллина князю Щербатову, отъ 4 августа. Ордеръ графа Меллина секретарю Андрееву, отъ 5 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дд. №№ 453 и 490.

ствіи было насчитано до 150 семействъ или до 600 человѣкъ. Не различая ни пола, ни возраста, крестьяне убивали всѣхъ, кто попадался подъ руку: помѣщиковъ, поповъ, приказчиковъ, старостъ и проч. Воевода Всеволожскій, его товарищъ Гуляевъ, офицеры Суровцовъ и Слѣпцовъ были захвачены въ домѣ помѣщика Кандалаева и отправлены въ Пензу, но по дорогѣ въ дер. Скачки были сожжены живыми; секретари Степанъ Дудкинъ и Сергѣй Григорьевъ съ нѣкоторыми помѣщиками были разстрѣляны и повѣшены въ селѣ Головщинѣ. Саранскій воевода Протасьевъ, приведенный въ Пензу еще при Пугачевѣ, былъ сначала высѣченъ плетьми, а потомъ заколотъ. Многіе крестьяне, везшіе своихъ помѣщиковъ въ Пензу и не заставшіе тамъ самозванца, отправлялись вслѣдъ за нимъ. На дорогѣ пугачевцы приказывали имъ везти обратно въ Пензу для казни, или расправиться самимъ. «Но какъ одне лошади, разсказывалъ одинъ изъ такихъ помѣщиковъ [1]), трудятся подъ нами уже пятеро сутокъ, а насъ никто не вѣшаетъ, то скучавъ такимъ путешествіемъ (крестьяне) положили сами сдѣлаться Пугачевымъ. Остановясь въ лѣсу, велѣли всѣмъ выходить изъ повозокъ и вынимали рогатины, но въ самый тотъ часъ посланный за нами изъ прибывшей подъ командою графа Меллина конвой чугуевскихъ казаковъ спасъ намъ жизнь и всѣхъ переловили, изъ коихъ злодѣевъ шестеро—пятерили, четыре повѣшены, прочіе человѣкъ 20 кнутомъ пересѣчены».

Спасенныя жертвы и ихъ семейства находились въ самомъ печальномъ положеніи и безъ всякихъ средствъ къ существованію. «Посмотрите теперь, писалъ тотъ же помѣщикъ, на вѣрнаго друга вашего, такъ и увидите меня въ одномъ армяжикѣ, сертукѣ безъ камзола, старенькихъ шелковыхъ чулкахъ безъ сапоговъ, скованнаго и брошеннаго въ кибитку».

Оставлять уѣздъ въ такомъ положеніи было невозможно, и потому, въ день прибытія подполковника Муфеля въ Пензу, шефъ пензенскаго уланскаго корпуса Чемесовъ отправилъ 60 человѣкъ уланъ, для развѣданія, гдѣ находится главная и наибольшая шайка

---

[1]) Яковъ Линевъ, въ письмѣ къ неизвѣстному, отъ 16 августа 1774 г. Государ. Архивъ, VI, д. № 527.

мятежниковъ подъ начальствомъ Иванова. Доставленныя свѣдѣнія указывали, что Ивановъ, не довольствуясь грабежами въ уѣздѣ, слѣдуетъ къ Пензѣ для разграбленія города. Тогда Чемесовъ съ 110 челов. уланъ пошелъ на соединеніе съ своимъ разъѣзднымъ отрядомъ и, 8 августа, встрѣтилъ мятежниковъ въ 30 верстахъ отъ города, въ селѣ Загошинѣ. Не смотря на частый ружейный огонь уланъ, причинившій толпѣ большой уронъ, мятежники не отступали. Тогда Чемесовъ атаковалъ ихъ, врубился въ самую середину толпы и разсѣялъ ее. Разсыпавшись по степи, возмутители искали спасенія въ бѣгствѣ, причемъ уланы преслѣдовали бѣгущихъ на протяженіи 20 верстъ. Потеря сообщниковъ самозванца простиралась до 300 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и родной братъ предводителя шайки Иванова; въ плѣнъ взято 167 человѣкъ и отбито 7 чугунныхъ маленькихъ пушекъ и двѣ мѣдныя небольшія мортиры. «По окончаніи сего дѣйствія, доносилъ Чемесовъ [1]), оставшееся бѣдное дворянство и купечество, скитающееся по лѣсамъ безъ пропитанія, начинаетъ нынѣ приходить въ Пензу подъ защищеніе».

Сюда же стекались помѣщики изъ другихъ уѣздовъ и даже губерній.

До Алатыря силы Пугачева были еще не столь значительны, чтобы могли дробиться на мелкія партіи и отходить въ стороны, а потому мятежники тянулись одною дорогою. Въ трехдневное пребываніе самозванца въ этомъ городѣ силы его быстро росли и движеніе по одному пути представляло уже неудобства относительно собственнаго прокормленія. Естественнымъ послѣдствіемъ [illegible] было уклоненіе въ стороны небольшихъ партій, предводителями которыхъ являлись наиболѣе энергическіе люди, принявшіе на себя званіе полковниковъ и даже называвшихъ себя государемъ. [illegible] въ городъ Инсаръ пріѣхали два крестьянина, изъ коихъ [illegible] Евстафьевъ, назвалъ себя именемъ Петра III и [illegible]. Паника была такъ сильна, что двое [illegible] бѣжать, а городъ покориться. Окрестные

[1]) [illegible] 26 августа. Архивъ [illegible]

жители и дворовые люди тотчасъ же собрались къ Евстафьеву, и образовали шайку, предавшуюся страшнымъ грабежамъ и неистовствамъ. 79 человѣкъ, преимущественно чиновъ инвалидной команды, пали подъ ударами разъяренной черни и городъ былъ разграбленъ.

Изъ Инсара Евстафьевъ пошелъ на Троицкъ, жители котораго не только покорились добровольно, но арестовали своихъ начальниковъ и представили ихъ мятежникамъ. Воевода, секундъ-маіоръ Столповскій, товарищъ его, капитанъ князь Чагодаевъ, и управитель дворцовыхъ имѣній Половинкинъ были убиты и имущество ихъ расхищено. Отсюда толпа направилась далѣе, разграбила Краснослободскъ, Темниковъ и приближалась къ Ардатову. Въ Наровчатѣ жители не ожидали прибытія мятежниковъ, а сами вооружились дубинами, схватили воеводу Аѳанасія Цѣнина, всю его канцелярію и, сковавъ, посадили подъ караулъ. Захвативши въ свои руки крѣпость, вооружившіеся засѣли въ ней и ожидали, что̀ будетъ дальше.

Въ это же самое время, и именно 1-го августа, прибыла въ Керенскъ команда изъ 12 человѣкъ подъ начальствомъ вахмистра, говорившаго по-польски и объявившаго, что онъ команды государя Петра III и посланъ въ погоню за инсарскимъ воеводою. Керенскій воевода бѣжалъ также, и приставшіе къ пріѣхавшимъ однодворцы отвели ихъ къ воеводскому товарищу Перскому. Вахмистръ потребовалъ помощи къ поимкѣ воеводы и обѣщалъ тому, кто его поймаетъ, выдать полтораста рублей. Перскій приказалъ вязать бунтовщиковъ, но городничій, оставной унтеръ-офицеръ Черменскій, съ толпою человѣкъ во сто, вступился за нихъ, хотѣлъ-было сковать Перскаго и его секретаря Королькова, но потомъ взялъ ихъ только подъ караулъ.

Послѣ попойки съ однодворцами, мятежники уѣхали, а потомъ, 17-го августа, опять появились въ виду города, но были прогнаны. Освобожденный изъ-подъ караула, Перскій успѣлъ убѣдить населеніе къ сопротивленію и жители, при содѣйствіи плѣнныхъ турокъ и инвалидной команды, три раза отбивали нападеніе мятежниковъ. Послѣдніе, не имѣя успѣха, подожгли городъ въ нѣсколь-

кихъ мѣстахъ, но пожаръ былъ потушенъ и Керенскъ избавился отъ разграбленія [1]).

Не такъ поступили жители Нижняго Ломова.

При первомъ извѣстіи о появленіи въ окрестностяхъ мятежниковъ, товарищъ воеводы, титулярный совѣтникъ Ефимъ Овсянниковъ, призвалъ къ себѣ въ домъ конной слободы старшину Щеролапова съ Аѳанасіемъ Стукаловымъ и Иваномъ Безмыловымъ, да пѣшей слободы сотскаго Осипа Нежевлева и подговорилъ ихъ склонить на свою сторону всѣхъ однодворцевъ и духовенство и идти на встрѣчу мятежникамъ. Онъ же, Овсянниковъ, намѣренъ былъ засѣсть въ замкѣ и по первому требованію инсургентовъ сдать его, отворить имъ ворота и впустить въ городъ.

Хитро задуманный планъ этотъ не удался. Штатной команды секундъ-маіоръ Иванъ Лукинъ, вмѣстѣ съ инвалиднымъ подполковникомъ Ромадинымъ, рѣшились защищаться, поставили одну пушку у переднихъ воротъ и потребовали порохъ и снаряды отъ воеводской канцеляріи. Посланный объявилъ, что воевода бѣжалъ изъ города, а воеводскій товарищъ Овсянниковъ зарядовъ пушечныхъ давать не приказалъ. Маіоръ Лукинъ отправился самъ къ Овсянникову, чтобы узнать отъ него, «съ какимъ намѣреніемъ остается онъ къ оборонѣ приближающихся злодѣевъ», но воеводскій товарищъ не высказалъ своихъ намѣреній и упорствовалъ въ выдачѣ зарядовъ.

На другой день Лукинъ собралъ на совѣщаніе всѣхъ офицеровъ и объявя имъ, что намѣренъ защищать городъ, требовалъ, чтобы всѣ находились на своихъ мѣстахъ и воеводскій товарищъ съ ними. Подполковникъ Ромадинъ, по старости и слабости здоровья, отказался отъ участія въ распоряженіяхъ по защитѣ, а Овсянниковъ присоединился къ гарнизону; но когда Лукинъ приказалъ запирать ворота, то воеводскій товарищъ пытался уйти, но былъ задержанъ дворянскимъ депутатомъ секундъ-маіоромъ Евсюковымъ. Маіоры Лукинъ и Евсюковъ стыдили его и говорили,

---

[1]) Рапортъ керенской воеводской канцеляріи Сенату 12 августа. Госуд. Арх., V, д. № 450. Рапортъ графа П. И. Панина военной коллегіи 8 сентября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 85, св. 53.

что онъ, какъ оставшійся за воеводу, долженъ защищать городъ. «Не взирая на тѣ наши ему представленія, доносилъ Лукинъ [1]), многократно отбивая въ воротахъ часового, покушался уйти, и для лучшаго укрѣпленія воротъ, сдѣланный мною брусъ, приступя, самъ зачалъ отваливать, приказывая ворота отворить».

— Это дурно, говорилъ ему Лукинъ; — съ какимъ разумомъ вы ворота отпирать приказываете.

— Я здѣсь командиръ, кричалъ Овсянниковъ, — а не ты; отвори ворота.

Лукинъ не слушалъ, и тогда воеводскій товарищъ бросился на него съ кулаками, но былъ удержанъ Евсюковымъ. Бранясь со всѣми, Овсянниковъ не зналъ что̀ дѣлать, и наконецъ, обратившись къ канцеляристу Льву Юрьеву, приказалъ ему отъ имени воеводской канцеляріи написать Лукину указъ, чтобы онъ отворилъ ворота. Такое приказаніе возбудило всеобщій смѣхъ, а между тѣмъ съ городовой стѣны замѣчено было приближеніе толпы, которая, по словамъ Лукина, состояла не болѣе, какъ изъ 13 или 15 человѣкъ. Всѣ однодворцы, жившіе въ форштадтѣ, высыпали имъ на встрѣчу съ крестами, хлѣбомъ и солью, и вмѣстѣ съ прибывшими двинулись къ городу. Мятежники не рѣшились, конечно, штурмовать городскую стѣну, а бросились въ кабаки, разбили бочки съ виномъ и стали поить народъ.

Пьяная толпа направилась въ Богородицкій казанскій монастырь, гдѣ была встрѣчена архимандритомъ Исаакіемъ со всею братіею. Прибывшіе заставили архимандрита служить молебенъ и провозгласить многолѣтіе императору Петру III. Во время службы пьяная и бушующая чернь окружила монаховъ и когда произносилось имя императора Петра III, то бунтовщики, стоя въ церкви, стрѣляли изъ ружей [2]).

Разграбивъ монастырь, мятежники опять направились къ городу и въ толпѣ ихъ маіоръ Лукинъ замѣтилъ соборнаго дьякона, котораго и призвалъ къ переднимъ воротамъ.

---

[1]) Въ рапортѣ графу П. И. Панину, 10 сентября 1774 года. Госуд. Арх., VI. д. № 452.

[2]) Донесеніе архимандрита Исаакія графу Панину отъ « » сентября 1774 года. Архивъ Синода, д. № 14.

— Что это за люди, которыхъ вы такимъ образомъ встрѣчали? спрашивалъ Лукинъ.

— Казаки государя Петра Ѳедоровича, отвѣчалъ діаконъ.

— Чего они требуютъ?

— Они только спросили, кто есть въ городѣ начальникъ, на что обыватели сказали, что воевода отлучился, а есть воеводскій товарищъ и штатный маіоръ.

— Да для чего же, спрашивали прибывшіе мятежники, — товарищъ обѣщалъ насъ съ обывателями встрѣтить, а теперь его здѣсь нѣтъ.

— Задержанъ маіоромъ Лукинымъ въ городѣ, отвѣчали имъ.

Слышавшій весь этотъ разговоръ, Овсянниковъ пытался опять уйти; мятежники, подойдя къ стѣнѣ, звали его къ себѣ и онъ, протянувъ имъ руки, былъ вытащенъ въ небольшую калитку. Пьяная толпа ликовала и радовалась, что добыла себѣ еще одного единомышленника.

— А вамъ тутъ умирать, кричали голоса гарнизону;—давай соломы, зажигай городъ.

Угроза эта всполошила многихъ жителей, находившихся въ составѣ гарнизона; между ними явился ропотъ и разговоры, не лучше ли сдаться. Лукинъ и Евсюковъ совѣтывались что дѣлать. Между тѣмъ, мятежники ворвались въ заднюю башню, а затѣмъ выбили и переднія ворота. Лукинъ былъ схваченъ и отведенъ на дворъ дома Овсянникова, пировавшаго съ мятежниками. Его посадили подъ караулъ и приготовили возжи, чтобы повѣсить, но по какому-то странному стеченію обстоятельствъ атаманъ приказалъ его освободить отъ казни [1]). Пропировавъ нѣсколько времени въ домѣ Овсянникова и разграбивъ почти весь городъ, мятежники ушли, оставивъ воеводскому товарищу Овсянникову на память слѣдующую записку атамана:

«1774 года августа 9-го дня дано сіе одобрительное письмо

---

[1]) Рапортъ маіора Лукина графу Панину отъ 10 сентября 1774 года. Показаніе Овсянникова. Государственный Архивъ, VI, д. № 452. Всеподданнѣйшее донесеніе графа П. И. Панина отъ 17 сентября 1774 года. *Сборникъ русскаго историческаго общества*, т. VI, 143. См. также «Жизнь стараго русскаго дворянина», записки И. Ѳ. Лукина, *Русскій Архивъ*, 1865 годъ, № 8, стр. 917.

его величества государя Петра Ѳедоровича отъ дворовыхъ людей нижняго города Ломова ассессорю Ефимѣ Васильевѣ Овсянниковѣ, въ томъ что онъ человѣкъ добрый, только до людей ему, тако-жь до городу и до крестьянъ дѣла нѣтъ и ни во что не вступать; а если, паче чаянія, оный ассессоръ во что вступитъ, то безъ главной команды его величества ничѣмъ не казнить и ничѣмъ не трогать, а привести въ главную команду и въ томъ онъ сужденъ будетъ. Градскимъ обывателямъ къ воротамъ его не подходить и ничѣмъ его не тревожить и Государыню Екатерину Алексѣевну не честь и указовъ никакихъ не принимать, а дожидаться указовъ отъ его величества государя Петра Ѳедоровича» [1]).

Подобныя шайки бродили по разнымъ направленіямъ: подходили къ Тамбову, ворвались въ Воронежскую губернію и въ особенности свирѣпствовали въ Нижегородской. «Я ничего пріятнаго, кромѣ жалости и досады, увѣдомить васъ не могу, писалъ нижегородскій губернаторъ Ступишинъ П. С. Потемкину [2]). Господа деташементные командиры, прослѣдуя за злодѣемъ, оставили за собой бунты; главные ваши начальники не сдѣлали учрежденія, чтобы сихъ слѣды усмирять. Итакъ, злодѣяніе вошло и идетъ къ губерніи Московской. Послѣднія извѣстія получилъ я, что толпы злодѣйскія сдѣлали въ г. Троицкомъ-Острогѣ, въ Красной слободѣ и наконецъ въ Темниковѣ 9-го числа варварства и разоренія, и идетъ сіе зло и къ моему городу Арзамасу».

Мятежъ разливался по всѣмъ направленіямъ, и вѣсть о появленіи Пугачева въ Пензѣ достигла и до Петровска. Провинціальная канцелярія тотчасъ же предписала прапорщику штатной команды Ивану Юматову, чтобы онъ собралъ всѣхъ жителей, объявилъ имъ объ угрожающей опасности и взялъ подписки, что они, въ случаѣ нападенія злодѣевъ, явятся съ оружіемъ какое у кого есть, и будутъ защищаться, «не щадя живота своего». Юматовъ исполнилъ приказаніе и когда потребовалъ подписки, то жители отказались ихъ дать, «а пахотный солдатъ Никита Ларинъ билъ его (Юматова) дубиною смертельно». Хотя петровская провинціальная

[1]) Госуд. Арх., VI, д. № 452.
[2]) Отъ 13 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

канцелярія, осмотрѣвъ побои, нанесенные Юматову, и донесла о томъ въ казанскую губернскую канцелярію, но Ларинъ остался неарестованнымъ и впослѣдствіи служилъ примѣромъ для другихъ.

Петровскій воевода подполковникъ Зимнинскій и товарищъ его секундъ-маіоръ Иванъ Буткевичъ не предпринимали никакихъ мѣръ къ защитѣ города и, при первомъ извѣстіи о приближеніи самозванца, воевода потихоньку уѣхалъ въ Астрахань, а его секретарь Лука Яковлевъ съ сыномъ бѣжали въ Саратовъ. Воеводскій товарищъ Буткевичъ, по совѣту Державина, также собирался выѣхать въ Саратовъ, взявъ съ собою всю артиллерію, денежную казну и 11 человѣкъ нижнихъ чиновъ штатной команды — единственныхъ защитниковъ города. Буткевичъ приказалъ вывезти артиллерію изъ города, а канцелярскія дѣла сложить на подводы. Замѣтивъ это, пахотные солдаты, собравшись въ числѣ до 2,000 человѣкъ, сбросили съ телѣгъ всѣ дѣла, увели лошадей и, арестовавъ воеводу Буткевича, приставили къ его дому караулъ. Прапорщику Юматову они совѣтовали изъ города не бѣгать, «и если-де злодѣй въ городъ вступитъ, то они его одобрятъ, что онъ человѣкъ добрый, обидъ имъ никакихъ не причинялъ». Юматовъ положился на обѣщанія солдатъ и рѣшился исполнять всѣ ихъ требованія, которыя главнѣйшимъ образомъ состояли въ томъ, чтобы встрѣтить самозванца съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ и солью.

Послѣ полудня, 4-го августа, Пугачевъ отправилъ впередъ Чумакова съ своимъ манифестомъ, а вслѣдъ за нимъ вступилъ и самъ въ г. Петровскъ. Населеніе встрѣтило его съ почестями. Струсившій Юматовъ приказалъ канцеляристу Семену Кузнецову написать рапортъ о благосостояніи города и, одѣвшись въ мундиръ, наутро явился къ самозванцу, именуя его императоромъ Петромъ III. Пугачевъ не принялъ его, а потребовалъ къ себѣ воеводскаго товарища Буткевича, на котораго жители жаловались, какъ на обидчика и притѣснителя. Буткевича пятерили, и послѣ казни всѣмъ собравшимся былъ вновь прочитанъ манифестъ и объявлено, что воеводою назначается Юматовъ, который и производится въ полковники. Послѣднему приказано было раздавать

безденежно соль по три фунта на человѣка, вино продавать по полтора рубля за ведро, собрать изъ жителей сколько можно казаковъ въ войско государя и отправить въ станъ самозванца всѣ канцелярскія дѣла. Юматовъ собралъ 339 человѣкъ, которыхъ и представилъ при рапортѣ, подъ которымъ подписался полковникомъ [1]).

Въ Петровскѣ Пугачевъ взялъ 9 пушекъ, 10 пудовъ пороху, 5 свинокъ свинцу, всю одежду и вооруженіе гарнизонныхъ и штатныхъ солдатъ [2]).

Въ то время, когда самозванецъ вступалъ въ Петровскъ, къ тому же городу приближалась, съ противоположной стороны, донская казачья команда изъ 60 человѣкъ, высланная изъ Саратова подъ начальствомъ есаула Фомина. Команда была выслана по просьбѣ Г. Р. Державина, вызвавшагося ѣхать въ Петровскъ, взять оттуда деньги, пушки, порохъ, узнать силы Пугачева и подать *саратовскимъ властямъ примѣръ рѣшимости*. Не дождавшись прибытія поэта, Фоминъ выступилъ изъ Саратова 3-го августа, и на слѣдующій день его догналъ польской службы маіоръ Гогель, присланный Державинымъ.

Послѣдній выѣхалъ изъ Саратова вмѣстѣ съ Гогелемъ, 4 августа, но въ 10-ти верстахъ отъ Петровска имъ повстрѣчался мужикъ, объявившій, что Пугачевъ всего въ пяти верстахъ отъ города. Державинъ остановился и послалъ впередъ маіора Гогеля, вызвавшагося съѣздить къ казакамъ и вернуть ихъ. Долгъ службы обязывалъ Державина, какъ человѣка сочинившаго эту экспедицію и выпросившаго себѣ казаковъ, ѣхать туда самому, но поэтъ предпочелъ не вдаваться въ опасность и отказался показать саратовцамъ *примѣръ рѣшимости*.

Подходя къ Петровску, есаулъ Фоминъ, маіоръ Гогель и прапорщикъ Скуратовъ съ десятью казаками выѣхали впередъ и по-

[1]) Показаніе Юматова. Государственный Архивъ, VI, д. № 512. Юматовъ былъ на столько простъ, что рапортуя пензенской провинціальной канцеляріи о происшествіи въ Петровскѣ, также подписался полковникомъ, за что и былъ высѣченъ плетьми два раза графомъ Меллинымъ, вскорѣ послѣ того прибывшимъ въ Петровскъ.

[2]) Рапортъ петровской воеводской канцеляріи въ пензенскую провинціальную, отъ 13 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

слали въ городъ четырехъ казаковъ разузнать о числѣ мятежниковъ. Казаки были захвачены въ плѣнъ и представлены Пугачеву.

— Что вы за люди? спросилъ ихъ самозванецъ.

— Мы донскіе казаки, служимъ всемилостивѣйшей государынѣ.

— Зачѣмъ пришли?

— Присланы отъ командира осмотрѣть, какіе люди въ городъ вошли.

— Пришелъ государь, сказалъ Пугачевъ; служили вы государынѣ, а теперь будете служить мнѣ. Велика-ли ваша сила?

— Насъ 60 человѣкъ.

— Кто вашъ командиръ?

— Есаулъ Фоминъ и еще два офицера.

Оставивъ трехъ казаковъ у себя, самозванецъ послалъ четвертаго къ Фомину съ приказаніемъ, чтобы онъ и его команда, «не дравшись преклонилась, а ежели драться станутъ, то онъ ихъ всѣхъ казнитъ» [1]).

Получивъ такое заявленіе, есаулъ Фоминъ съ товарищами и остальными казаками поскакали назадъ и проѣхали мимо своей команды. На вопросъ квартермистра Малахова, зачѣмъ они оставляютъ команду, Фоминъ отвѣчалъ, что сейчасъ вернутся, и скрылись.

Оставшіеся казаки не знали что дѣлать, а между тѣмъ посланная самозванцемъ за Фоминымъ погоня изъ 150 человѣкъ была уже не далѣе 150 саженъ. Казаки стояли молча, мятежники также остановились. Изъ толпы ихъ выдѣлился одинъ всадникъ, который, подъѣхавъ къ казакамъ, предложилъ имъ сдаться.

— Не противьтесь оружіемъ, говорилъ онъ, здѣсь самъ государь Петръ Ѳедоровичъ; слѣзайте съ лошадей.

Казаки не оказывали сопротивленія, но съ лошадей не слѣзали. Тогда изъ толпы мятежниковъ былъ посланъ гонецъ въ Петровскъ, а вслѣдъ затѣмъ изъ города выѣхалъ самозванецъ,

---

[1]) Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Показаніе казака Парфена Бекренева 14 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 512. Московс. Арх. Глав. Шт., опись 194, кн. 45.

окруженный нѣсколькими знаменами или, правильнѣе, значками. «Знамена были, показывалъ хорунжій Малаховъ, съ разными на нихъ изображеніями святыхъ, однакожь безъ полей и звѣздъ золотыхъ и серебряныхъ, только у нѣкоторыхъ вышитыя малыя звѣздочки, у нѣкоторыхъ по краямъ позументы, а другія и безъ всякихъ изображеній».

Какъ только самозванецъ показался изъ города, изъ передоваго отряда, стоявшаго противъ казаковъ, опять выдѣлился одинъ всадникъ и потребовалъ, чтобы казаки слѣзли съ лошадей.

— Вы оставьте ихъ сзади, сказалъ онъ; самъ государь къ вамъ ѣдетъ. Какъ скоро онъ къ вамъ подъѣдетъ, то вы положите оружіе и, падъ (павши) на колѣни, поклонитесь.

На этотъ разъ казаки исполнили приказаніе.

— Вы какіе? спросилъ Пугачевъ.

— Донскіе, были въ Саратовѣ.

— Дѣтушки, Богъ и государь васъ во всѣхъ винахъ прощаетъ, ступайте ко мнѣ въ лагерь.

Казаковъ повели въ лагерь, а самозванецъ, перемѣнивъ коня, погнался съ нѣсколькими человѣками за Фоминымъ, Гогелемъ и Скуратовымъ.

Спасаясь отъ преслѣдованія, всѣ три офицера встрѣтили на пути ожидавшаго ихъ Державина и вмѣстѣ съ нимъ поскакали въ Саратовъ. Нѣкоторые писатели находятъ поступокъ этотъ естественнымъ потому, что Державинъ съ ничтожнымъ отрядомъ могъ очутитьоя лицомъ къ лицу съ непріятелемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ; что сопротивляться значило вступить въ неравный бой. Мы, люди военные, судимъ объ этомъ нѣсколько иначе. Оставаться при отрядѣ и отступать вмѣстѣ съ нимъ отъ многочисленнаго непріятеля дѣло почетное, но бросить отрядъ и не явиться во главѣ его, когда самъ затѣялъ экспедицію, а затѣмъ разсуждать, благоразумно или нѣтъ вдаваться въ опасность, въ военномъ дѣлѣ не допускается. Можно-ли допустить, чтобы каждый командиръ части соразмѣрялъ силы противника съ своими и затѣмъ соображалъ, выгодно или нѣтъ вести ему свою часть въ атаку. Если бы Михельсонъ разсуждалъ такимъ же образомъ, онъ никогда бы не рѣшился не только атаковать, но и подойти близко къ

мятежникамъ. Беззавѣтное исполненіе долга, не справляясь съ числомъ противника, есть обязанность каждаго военнаго, одинаково требуемая какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ столѣтіи. Державинъ былъ не гражданскій чиновникъ, а поручикъ л.-гв. Преображенскаго полка, присягавшій не щадить живота и нести на себѣ всѣ тяготы военной службы, но, къ сожалѣнію, мы ниже увидимъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія ни о дисциплинѣ, ни объ обязанностяхъ военнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, онъ сознавалъ свой поступокъ и потому счелъ необходимымъ увѣрять, что и при этомъ бѣгствѣ онъ «*не забылъ своего долга*» (?!).

При захожденіи уже солнца казаки прибыли въ лагерь вмѣстѣ съ бунчукомъ, на которомъ было изображеніе Знаменія Богородицы, отбитымъ ими же на рѣчкѣ Большихъ Узеняхъ при разбитіи весною толпы яицкихъ казаковъ. Лагерь былъ расположенъ у самаго г. Петровска на лугу, гдѣ разбиты были двѣ палатки для самозванца и третья для секретаря; палатки были окружены стражею изъ яицкихъ казаковъ. Приведенные донцы поступили въ полкъ яицкаго казака Аѳанасія Перфильева [1]).

Возвратившись вечеромъ въ свой станъ, самозванецъ потребовалъ къ себѣ въ палатку сотника Мелехова, хорунжихъ Малахова, Попова и Колобродова. Въ палаткѣ былъ накрытъ ужинъ; приглашеннымъ предложено сѣсть и выпить по двѣ чарки водки.

— Пейте, дѣтушки, при мнѣ, говорилъ Пугачевъ, и служите вѣрно.

Казаки выпили.

— Какое вы получаете жалованье отъ государыни?

— Мы отъ всемилостивѣйшей нашей государыни жалованьемъ довольны, отвѣчали казаки.

— Хотя вы и довольны, замѣтилъ самозванецъ, но этого мало и на сѣдло, а не токмо на лошадь; послужите вы у меня— не такъ будете довольны и будете въ золотѣ ходить, а у васъ господа съѣдаютъ жалованье. Слушайте, други мои, былъ я въ Египтѣ три года, въ Цареградѣ три года, да въ третьемъ, не

[1]) Казаки ошибочно и по незнанію показали, что были опредѣлены въ полкъ яицкаго казака Аѳанасія Петрова.

упомню гдѣ, мѣстѣ два года; я всѣ примѣры чужестранные узналъ—тамъ не такъ какъ у насъ. Я знаю какъ съ господами поступлю [1]).

Послѣ такого заявленія Пугачевъ дозволилъ имъ приходить къ себѣ утромъ и вечеромъ, когда встрѣтятъ надобность, выдалъ старшинамъ по 20 руб. и казакамъ по 12 руб., а затѣмъ приказалъ имъ идти и ложиться спать.

Казаки оставались въ толпѣ самозванца весьма недолго, и начиная съ 9 августа по одиночкѣ почти всѣ бѣжали на Донъ.

Пугачевъ же 5 августа покинулъ свой лагерь у Петровска и со всею своею толпою двинулся къ Саратову.

XI.

Положеніе Саратова при приближеніи Пугачева.—Отъѣздъ генерала П. Кречетникова въ Астрахань.—Несогласія, возникшія между саратовскими властями.—Переписка Ладыженскаго и Державина съ полковникомъ Бошнякомъ. — Совѣщаніе по защитѣ города.—Приближеніе Пугачева къ Саратову.—Встрѣча его съ войсками.—Разграбленіе города.

Саратовъ былъ однимъ изъ наиболѣе населенныхъ городовъ Астраханской губерніи и въ немъ считалось до 7,000 жителей. Истребленный въ началѣ 1774 года пожаромъ, городъ едва начиналъ отстраиваться, какъ находившійся въ немъ астраханскій губернаторъ Петръ Никитичъ Кречетниковъ получилъ приказаніе генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго отправиться въ Астрахань и вступить въ отправленіе своей должности.

«Ея императорское величество, писалъ кн. Вяземскій генералу Кречетникову [2]), высочайше повелѣть мнѣ соизволила объявить вашему превосходительству, что какъ въ разсужденіи обстоятельствъ, для коихъ вамъ назначено быть въ Саратовѣ, послѣдо-

---

[1]) Показаніе есаула Мелехова и хорунжаго Малахова. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. IV. Показаніе это напечатано П. К. Щебальскимъ въ его книгѣ: «*Начало и характеръ Пугачевщины*», прилож., стр. 105. Разсказъ, помѣщенный въ *Древ. и Нов. Россіи* (1877 г., № 3, стр. 237), расходится съ показаніями участниковъ.

[2]) Въ письмѣ отъ 9 мая 1774 г.

вала извѣстная перемѣна [1]), то по полученіи сего переѣхать вамъ въ Астрахань и вступить въ надлежащее правленіе возложенной на васъ должности, учредя поступокъ вашъ такимъ образомъ, чтобъ оный соотвѣтствующъ былъ высочайшей ея вамъ довѣренности и сохраняя во всѣхъ частяхъ должную справедливость и правосудіе, чѣмъ однимъ можете заслужить ея милость и благоволеніе.

«Я чрезъ сіе, исполняя высочайшее повелѣніе, нахожу за нужно съ своей стороны сообщить вашему превосходительству, что по причинѣ происшедшихъ ссоръ между вашихъ товарищей и прокурора, когда не найдете средства къ прекращенію, то можете съ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ представить въ Сенатъ».

На это письмо Кречетниковъ отвѣчалъ [2]):

«Вашего сіятельства письмо съ высочайшимъ ея величества повелѣніемъ о переѣздѣ моемъ въ Астрахань къ порученной мнѣ должности, я имѣлъ счастіе получить. На которое вамъ, государь, по чистой моей душѣ, какъ предъ самимъ Богомъ отвѣтъ дать долженъ, такъ и говорю, что нѣтъ у меня иной мысли, какъ только прошу всемогущество Божіе, чтобъ подалъ мнѣ силу разума сохранить славу ея величества и интересъ ея высокаго званія соблюсти; а затѣмъ дать людямъ правду по крайнему разумѣнію и всѣми силами теченіе дѣлъ пустить. Сами, милостивый государь, разсудить изволите, что мнѣ въ свѣтѣ лестнѣе быть можетъ, какъ пріобрѣсть высочайшее ея величества себѣ милосердіе и благоволеніе. Вѣрь Богу, государь, что сего единаго только и желаю.

«Теперь же принужденъ нѣсколько дней остановиться здѣсь по причинѣ пожара, чтобы сдѣлать и положить на мѣрѣ, какъ впредь городъ строить и расположить отъ неистоваго (?) строенія и непорядка, каковой былъ. Къ тому же здѣсь довольно разныхъ командъ, *кои не только другъ другу не подчинены, но и мнѣ не принадлежатъ; то если мнѣ, не сдѣлавъ при себѣ положенія,*

---

[1]) Перемѣна эта заключалась въ томъ, что Пугачевъ былъ разбитъ и съ незначительнымъ числомъ сообщниковъ бѣжалъ на сѣверъ, въ Башкирію.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ князю А. А. Вяземскому отъ 20 мая, изъ Саратова.

уѣхать, то придетъ городъ въ споръ и всякій въ свои положенія, то и принужденно будетъ мнѣ пріѣзжать къ разсмотрѣнію. Я и разсудилъ все то теперь сдѣлать и буде успѣю, то отсюда же и къ вамъ представлю, а ежели не успѣю, то съ дороги то сдѣлаю. Я же намѣренъ въ проѣздъ до Астрахани всѣ мѣста осмотрѣть, такъ какъ и линію Царицынскую, и потомъ васъ увѣдомить, чтобы уже мнѣ осталось осмотрѣть ту сторону. А затѣмъ наиприлежнѣйше прошу подать мнѣ знаніе и наставленіе, какое бы ея величества соизволеніе было о ввѣренномъ мнѣ краѣ и о сосѣдственныхъ народахъ, то истинно, государь, всѣ силы употреблю, чтобы ихъ на тотъ конецъ привести и постараюсь, какъ только время допуститъ, осмотрѣть темницы и рудники и сдѣлать потребное и основательное примѣчаніе и о всемъ томъ съ крайнею аккуратностью донести».

Отъѣзжая изъ Саратова и предвидя, что между начальниками командъ могутъ возникнуть пререканія, генералъ П. Кречетниковъ поручилъ *«все правленіе по городу воинскихъ дѣлъ»* коменданту полковнику Бошняку, «на коего человѣка, доносилъ онъ Сенату [1]), я по его способности и извѣстной мнѣ усердности и исправности, надежду мою къ полезнымъ успѣхамъ полагаю». Сообщая князю Щербатову, что назначилъ Бошняка начальникомъ всѣхъ командъ, расположенныхъ въ Саратовѣ, генералъ Кречетниковъ просилъ главнокомандующаго *«всѣ сношенія имѣть и требовать исполненіе отъ него, коменданта»* [2]).

«Миновавъ главнаго воинскаго начальника, писалъ впослѣдствіи Кречетниковъ конторѣ опекунства иностранныхъ [3]), поручить другому приватному и статскому человѣку (начальство) было бы и законамъ несходственно».

Такимъ образомъ, полковникъ Иванъ Константиновичъ Бошнякъ долженъ былъ быть единственнымъ распорядителемъ по укрѣпленію города и начальникомъ всѣхъ войскъ въ немъ находившихся.

---

[1]) Государств. Арх., VI, д. № 454.

[2]) Письмо Кречетникова князю Щербатову отъ 14 іюня 1774 г., № 1,016. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IX.

[3]) Въ предписаніи отъ 6 августа 1774 г.

Къ сожалѣнію, приступая къ изложенію печальной страницы саратовскихъ пререканій, мы должны разойтись съ большинствомъ изслѣдователей этихъ событій. Люди военные, на обязанности которыхъ лежитъ защита и оборона, имѣютъ свою точку зрѣнія, руководствуются издавна усвоенными ими правилами и законами и не могутъ согласиться съ гражданскими воззрѣніями. Вотъ почему мы должны не иначе какъ съ грустью сказать, что въ Саратовѣ нашлись люди, преслѣдовавшіе свои личные интересы, незаботившіеся о благѣ общемъ и не чуждые мѣстничества, причинившаго немало бѣдъ на Руси. Во главѣ противниковъ Бошняка и лицъ наиболѣе подлежащихъ осужденію, стоялъ управляющій конторою опекунства иностранныхъ поселенцевъ, статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Ладыженскій, къ которому присоединился, безъ всякаго основанія и повода, но единственно по вѣтренности своего характера, заносчивости, наклонности къ превышенію власти и желанію играть извѣстную роль,—гвардіи поручикъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Противодѣйствіе этихъ лицъ полковнику Бошняку тѣмъ прискорбнѣе, что оба его противника были люди военные и слѣдовательно обязанные знать важное значеніе коменданта, его права и въ то же время обязанные безусловнымъ исполненіемъ распоряженій высшей власти. Имъ было извѣстно, что независимо отъ чиновъ, комендантъ есть хозяинъ гарнизона и всѣхъ находящихся въ городѣ командъ. Ладыженскій служилъ прежде въ инженерномъ вѣдомствѣ и былъ бригадиромъ. По недавнему назначенію на тогдашнюю свою должность, онъ самъ называлъ себя человѣкомъ новымъ, но считалъ себя старше полковника Бошняка, бывшаго саратовскимъ комендантомъ и исправлявшимъ должность воеводы. Ладыженскій смотрѣлъ на себя какъ на первое лицо въ городѣ, былъ обиженъ тѣмъ, что Кречетниковъ предпочелъ ему Бошняка, а Державинъ считалъ себя неподчиненнымъ даже и астраханскому губернатору. Интриги Ладыженскаго и Державина были причиною печальныхъ событій, совершившихся въ Саратовѣ въ началѣ августа 1774 года.

Въ виду опасности, угрожавшей городу отъ надвигавшейся толпы самозванца, полковникъ Бошнякъ намѣренъ былъ при-

ступить къ его укрѣпленію и сосредоточить въ немъ всѣ силы [1]).

24 іюля онъ отправился въ опекунскую контору, гдѣ и имѣлъ совѣщаніе съ членомъ ея, статскимъ совѣтникомъ Ладыженскимъ, и вызваннымъ въ Саратовъ изъ Малыковки л.-гв. Преображенскаго полка поручикомъ Г. Р. Державинымъ [2]).

На совѣщаніи этомъ было положено: оставить только самое необходимое число войскъ въ колоніяхъ, а всѣ свободныя команды собрать въ городъ, раздать имъ патроны и пули, привести въ исправное состояніе имѣвшіеся при опекунской конторѣ четыре пушки и одну мортиру, и снабдить ихъ двойнымъ комплектомъ зарядовъ, а для развѣдыванія о непріятелѣ учредить въ разныхъ мѣстахъ разъѣзды изъ казаковъ, бывшихъ въ распоряженіи Державина. При этомъ совѣщавшіеся пришли къ такому заключенію, что, будучи окруженъ высокими горами, Саратовъ не могъ быть укрѣпленъ вполнѣ. Обширность города отнимала всѣ способы «сдѣлать такое укрѣпленіе, которое бы въ короткое время въ оборонительное состояніе приведено быть могло, да и военной команды на закрытіе онаго столько же недостаточно, сколько и артиллеріи». По заявленію Бошняка, онъ могъ набрать въ городѣ не болѣе 10 чугунныхъ пушекъ, да и тѣ были на лафетахъ, поврежденныхъ во время пожара. Поэтому рѣшено было, для исправленія городскихъ орудій передать ихъ въ мастерскую артиллерійской команды, состоявшей при опекунствѣ иностранныхъ. Что же касается до плана защиты города, то постановлено было, въ случаѣ приближенія къ Саратову самозванца, не допуская его до города, встрѣтить въ полѣ всѣми соединенными силами и стараться разбить его. Для безопаснаго же отступленія, въ случаѣ неудачи, и для предоставленія жителямъ возможности укрыться отъ звѣрства и неистовства мятежниковъ, рѣшено было устроить земляное укрѣпленіе вблизи

---

[1]) Рапортъ Бошняка военной коллегіи 16 октября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV. Рапортъ этотъ составляетъ копію съ рапорта представленнаго Бошнякомъ графу П. И. Панину отъ 11 октября и напечатаннаго Я. К. Гротомъ въ приложеніи къ *Сочиненіямъ Державина*.

[2]) Рапортъ полковника Бошняка астраханскому губернатору Кречетникову 25 іюля 1774 г. Постановленіе коммиссіи отъ 24 іюля. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

города и на самомъ берегу рѣки Волги, тамъ, гдѣ находились провіантскіе магазины, принадлежавшіе опекунству иностранныхъ. Въ этихъ магазинахъ хранилось до 20,000 четвертей муки и значительное количество овса. По мнѣнію совѣщавшихся, вблизи города не было лучшаго и удобнѣйшаго мѣста для укрѣпленія, которое, примыкая къ берегу рѣки, могло бы выдержать осаду до прибытія подкрѣпленій и обезпечить гарнизонъ и жителей какъ хлѣбомъ, такъ и водою.

Въ этомъ укрѣпленіи предполагалось собрать всѣ семейства защитниковъ, содержать колодниковъ подъ охраною небольшого караула, а казенное вино погрузить на судно и поставить на якорѣ противъ укрѣпленія; всѣ же остальныя суда затопить, чтобы мятежники не могли ими воспользоваться.

Какъ бывшій инженеръ, Ладыженскій составилъ проектъ укрѣпленія, а полковникъ Бошнякъ обѣщалъ 25-го и 26-го іюля выслать на работу городскихъ обывателей.

Представляя Кречетникову копію «*съ общаго консильнаго опредѣленія*», полковникъ Бошнякъ присовокуплялъ, что укрѣпленіе это необходимо, чтобы, въ случаѣ нападенія мятежниковъ, «*сохранить цѣлость высочайшаго интереса (деньги и провіантъ) и жизнь всякаго гражданина съ имѣніемъ*» [1]).

Обѣщая въ помощь Саратову вооружить до 1,500 человѣкъ крестьянъ, поручикъ Державинъ уѣхалъ въ Малыковку, а между тѣмъ, 25-го іюля саратовскій комендантъ получилъ увѣдомленіе главнокомандующаго князя Щербатова, что Пугачевъ 15-го іюля разбитъ Михельсономъ, что онъ пробирается къ Курмышу и Ядрину, и такъ какъ его преслѣдуетъ графъ Меллинъ съ своимъ отрядомъ, то городу Саратову «*опасности быть не можетъ*». Заключеніе свое главнокомандующій основывалъ на томъ, что со стороны Сызрани и Самары онъ приказалъ «обратить для перехваченія сего изверга стоящія тамъ войска, а особливо сызранскому посту накрѣпко подтвердилъ взирать на бѣгущаго злодѣя и всемѣрно

[1]) Рапортъ полковника Бошняка астраханскому губернатору отъ 25 іюля 1774 г. и «Журналъ конторы опекунства иностранныхъ». Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

стараться путь ему пересѣкать и истребить» [1]). Привезшій это предписаніе офицеръ словесно заявилъ, что Пугачевъ бѣжитъ такъ поспѣшно, что оставляетъ по дорогѣ всѣхъ своихъ сообщниковъ, а самъ скачетъ на перемѣнныхъ лошадяхъ [2]).

Нѣсколько поспѣшное заключеніе князя Щербатова о безопасности города Саратова опровергалось полученнымъ въ тотъ же день извѣстіемъ изъ г. Пензы, что Пугачевъ съ толпою до 2,000 человѣкъ появился въ виду г. Алатыря и приближается къ этому городу. Кому вѣрить: главнокомандующему или пензенской провинціальной канцеляріи — Бошнякъ не зналъ, и затѣмъ рѣшилъ не приступать къ возведенію укрѣпленія до разъясненія обстоятельствъ [3]).

Онъ вѣрилъ болѣе сообщенію главнокомандующаго, и, имѣя въ виду, что большинство населенія занято необходимыми полевыми работами, отложилъ нарядъ рабочихъ, и такимъ образомъ ни 25-го, ни 26-го іюля работы по укрѣпленію города не производились. Видя, что комендантъ не исполняетъ обѣщаній, данныхъ наканунѣ, Ладыженскій и члены опекунской конторы настаивали и просили Бошняка прислать скорѣе рабочихъ, говоря, что опасность городу не только не миновала, а умножилась. «Но, писалъ Свербеевъ Г. Р. Державину [4]), пречестные усы (Бошнякъ) въ бытность свою вчера здѣсь (въ опекунской конторѣ) благоволили обеззаботить всѣхъ насъ своимъ упрямствомъ; причемъ нѣкоторые съ пристойностью помолчали, нѣкоторые пошумѣли, а мы, будучи зрителями, послушали и, пожелавъ другъ другу покойнаго сна, разошлись и тѣмъ спектакль кончился. *Пріѣзжай, братецъ, поскрѣе и нагони на нихъ страхъ;* авось подѣйствуютъ всего лучше ваши слова и тѣмъ успокоятся жители».

---

[1]) Предписаніе князя Щербатова полковнику Бошняку отъ 22 іюля 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

[2]) Письмо Новосильцова Державину отъ 26 іюля. См. *Сочиненія Державина*, т. V, 143.

[3]) Рапортъ полковника Бошняка генералу Кречетникову отъ 26 іюля 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 454. Какъ это донесеніе, такъ и нѣкоторыя другія, напечатаны Я. К. Гротомъ въ приложеніи къ *Соч. Державина*.

[4]) Отъ 26 іюля 1774 года. *Сочин. Державина*, Я. К. Грота, изд. 1869 года, т. V, стр. 144.

Еще наканунѣ полученія этого письма, Державинъ, не желая подчиняться распоряженіямъ Кречетникова и признавать въ Бошнякѣ начальника, просилъ главнокомандующаго, князя Щербатова, разъяснить, кому быть начальникомъ въ Саратовѣ и самонадѣянно говорилъ, что онъ «*подвигъ*» саратовскія власти «сдѣлать пріуготовленія»; что онъ отправится самъ въ Саратовъ, «ибо мнѣ хочется, писалъ онъ [1]), чтобъ тамъ черезъ досугу мою *все было въ порядкѣ и въ готовности (?!)*».

«По происшедшему въ Казани несчастливому приключенію, писалъ въ тотъ же день Державинъ генералу фонъ-Брандту [2]), народъ, о семъ извѣстившись, въ крайнемъ колебаніи. Хотя не можно ничего сказать о какомъ либо явномъ замѣшательствѣ, однако по тайному слуху всѣ ждутъ чаемаго ими Петра Ѳедоровича. Внѣдрившаяся въ сердца язва, начавшая утоляться, кажется оживляется и будто ждетъ только случая открыть себя. Ни разумъ, ни истинная проповѣдь о милосердіи всемилостивѣйшей нашей государыни, ничто не можетъ извлечь укоренившагося грубаго и невѣжественнаго мнѣнія.

«Кажется бы нужно нѣсколько преступниковъ въ сей край прислать для казни; авось либо незримое здѣсь и страшное то позорище дастъ нѣсколько иныя мысли».

Отправивъ эти донесенія, Державинъ, 28 іюля, получилъ вышеприведенное нами письмо Свербеева и, желая сохранить за собою мнѣніе человѣка вліятельнаго, въ тотъ же день поскакалъ въ Саратовъ нагонять страхъ и подливать масло въ загоравшійся уже огонь несогласій.

Наканунѣ пріѣзда Державина, въ городѣ получено было извѣстіе, что Пугачевъ прошелъ уже Алатырь и занялъ Саранскъ, находившійся не далѣе 300 верстъ отъ Саратова, и тогда Бошнякъ успѣлъ собрать наскоро до 40 человѣкъ и отправилъ ихъ на работу укрѣпленія. Рабочіе эти были большею частію женщины и малолѣтніе съ деревянными лопатами, и потому успѣхъ работъ не отвѣчалъ принятому рѣшенію построить укрѣпленіе по воз-

[1]) Князю Щербатову отъ 27 іюля 1774 года. *Соч. Державина*, Я. К. Грота, изд. 1869 г., т. V, стр. 146 и 147.

[2]) Въ письмѣ отъ 27 іюля 1774 г. Тамъ же, стр. 148.

можности въ кратчайшій срокъ. Видя безуспѣшность работы, М. Ладыженскій собралъ въ тотъ же день совѣтъ, въ который были приглашены: комендантъ, члены опекунства иностранныхъ, главный судья низовой соляной конторы Жуковъ, ратманъ саратовскаго магистрата и нѣсколько «первостатейныхъ» купцовъ. Совѣщавшіеся опять признали невозможнымъ укрѣплять весь городъ и рѣшили построить укрѣпленіе у провіантскихъ магазиновъ, причемъ ратманъ и купцы обѣщали вооружить отъ себя до 500 человѣкъ и обязались подпискою прислать на другой день на работу по одному человѣку съ каждаго купеческаго двора, а «если нужда потребуетъ, то, сверхъ того, прибавить сколько будетъ можно» [1]). На вопросъ о средствахъ вооруженія этого укрѣпленія саратовскій комендантъ отвѣчалъ, что для девяти находящихся при воеводской канцеляріи чугунныхъ пушекъ онъ успѣлъ сдѣлать 90 зарядовъ. Признавая это число слишкомъ недостаточнымъ, собраніе постановило поручить освидѣтельствовать городскія пушки артиллеріи маіору Семанжу, разсортировать снаряды, а коменданту прислать въ контору опекунства вѣдомость о численности его команды и свѣдѣніе, сколько онъ можетъ приготовить еще снарядовъ.

Такое постановленіе устраняло не только всякую самостоятельность саратовскаго коменданта, но и лишало его первенства въ защитѣ города. Полковникъ Бошнякъ не могъ помириться со второстепенною ролью и передать главенство въ руки Ладыженскаго.

Саратовскій комендантъ отказался принять участіе въ постройкѣ укрѣпленія, доказывая, что оно будетъ совершенно въ сторонѣ отъ города и притомъ въ ямѣ, такъ что защищать его невозможно. Онъ совѣтовалъ возобновить прежній городской валъ, обнести его снаружи рвомъ съ полисадомъ, построить на немъ батареи, а впереди рва накидать рогатки. Бошнякъ доказывалъ, что если городъ будетъ защищенъ, то и провіантскіе магазины будутъ цѣлы; что если предлагаемыя имъ средства будутъ приведены въ исполненіе, то Саратовъ будетъ достаточно обезпеченъ отъ покушеній мятежниковъ. Онъ требовалъ, чтобы Ладыженскій вмѣстѣ

[1]) «Журналъ конторы опекунства иностранныхъ дѣлъ», представленный Кречетникову отъ 18 сентября. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

съ нимъ осмотрѣлъ городской валъ, присовокупляя, что пушекъ своихъ для исправленія въ артиллерійскую команду при опекунствѣ не отдастъ, и просилъ прислать ему человѣкъ до 20 рядовыхъ для дѣланія зарядовъ.

Предоставляя опекунству иностранныхъ построить небольшое укрѣпленіе у магазиновъ, полковникъ Бошнякъ говорилъ, что оставить городъ безъ защиты онъ не можетъ, потому «что церкви Божіи будутъ обнажены, къ тому же острогъ съ колодниками и немалое число вина останется на расхищеніе злодѣямъ».

Ладыженскій и его клевреты доказывали, что городъ защищать не стоитъ; что послѣ пожара онъ имѣетъ весьма мало строеній, что большинство населенія живетъ въ шалашахъ и возобновлять городской валъ не позволяетъ время.

Пререканія эти повели къ тому, что ни та, ни другая сторона не приступали къ работамъ, и тогда Ладыженскій вмѣстѣ съ Державинымъ отправились сами къ Бошняку для совѣщаній. Они согласились, чтобы внутри города сдѣлать укрѣпленіе, которое заключило бы въ себѣ: соборъ, женскій монастырь, Никольскую и Казанскую церкви, домъ соляной конторы, воеводскую канцелярію съ острогомъ и винные погреба. Ладыженскій составилъ планъ такому укрѣпленію, но Бошнякъ отказался его принять потому, какъ доносилъ онъ впослѣдствіи [1]), что тогда пришлось бы сломать многіе дома, «дабы удобнѣе по непріятелю пальбу производить». Саратовскій комендантъ справедливо говорилъ, что, оставляя эти дома, мы даемъ средства непріятелю подойти безнаказанно къ укрѣпленію и укрыться въ нихъ. Тогда Ладыженскій взялъ на себя трудъ, ничѣмъ не оправдываемый, разъяснить Бошняку его положеніе.

«Я не могу надивиться вашему упрямству и непостояннымъ разсужденіямъ, писалъ Ладыженскій саратовскому коменданту [2]), ибо вы въ одинъ день соглашались и съ подписаннаго вами приговора

---

[1]) Въ рапортѣ Кречетникову отъ 1 августа 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

[2]) Въ письмѣ, отъ 29 іюля 1774 года. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книга IV. Письмо это напечатано Я. К. Гротомъ въ приложеніяхъ къ *Сочинен. Державина.*

отступили, не вѣдаю почему; я не вижу никакихъ правильныхъ резоновъ отступать вамъ отъ собственныхъ вашихъ мыслей. У меня инженеровъ хотя и нѣтъ въ командѣ, а артиллерійскіе иные больны, а иные заняты при командѣ, но совсѣмъ тѣмъ капитана Дурова къ вамъ посылаю, а притомъ по-пріятельски прочтите *посланную при семъ бумажку* [1]), по которой вы ясно увидите должность вашу и можете изъ того заключить, что вы только *возмечтали быть комендантомъ*, будто въ крѣпости. Вамъ надлежитъ напередъ взвѣсить на вѣскахъ пользу и безполезности мѣстъ и стараться споспѣшествовать общей и государственной пользѣ, а не отвращать благонамѣренныхъ людей, кои готовы были положенное исполнить. Конторѣ же не безъизвѣстно и то, что вы послѣдовали болѣе прошенію или совѣту пахатныхъ солдатъ, бобылей, коимъ о существѣ дѣла и знать не должно, а быть слѣпо въ повелѣніяхъ воеводской канцеляріи, которою вы теперь

---

[1]) Посланная бумажка была слѣдующаго содержанія: «Крѣпостію называется огражденное искусствомъ, по правиламъ военнаго укрѣпленія или фортификаціи, мѣсто. Въ такомъ мѣстѣ для обороны отъ непріятелей потребны инженерные офицеры и при нихъ разнаго рода мастеровые, смотря по существу той крѣпости; также необходима къ оборонѣ нужная артиллерія, арсеналы и магазейны съ ея припасами и пороховые погреба, а потомъ и немалая артиллерійская команда. Всѣ оные люди, орудія и снаряды должны зависѣть отъ одной особы, знающей искусство укрѣплять и оборонять; оная особа, по принятому обыкновенію, называется комендантомъ или повелителемъ той крѣпости, которая ему и поручается, яко хозяину.

«Въ Россійскомъ государствѣ есть два сорта комендантовъ, изъ коихъ первые, кои, какъ выше упомянуто, по справедливости могутъ называться комендантами или повелителями, а потому и хозяевами вышеписанныхъ крѣпостей. Другой же сортъ комендантовъ опредѣляется для сыску воровъ и разбойниковъ и для препровожденія изъ нихъ пойманныхъ отъ мѣста до мѣста и для другихъ надобностей и карауловъ, и то по требованіямъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, тако-жь и прочихъ случающихся во многихъ городахъ присутственныхъ мѣстъ. Въ городѣ Саратовѣ нѣтъ никакой ограды, искусствомъ и по правиламъ военной архитектуры расположенной, а потому нѣтъ ни инженерной, ни артиллерійской команды, ниже воинскихъ снарядовъ, кои до обороны крѣпости принадлежатъ. Равнымъ образомъ не положено при баталіонѣ и мастеровой роты, которыя единственно для починки крѣпостей по послѣднему штату учреждены; городъ же управляется воеводскою канцеляріею и магистратомъ, равно какъ и всѣ приписные и неукрѣпленные города, слѣдовательно и опредѣленный въ немъ комендантъ не хозяинъ въ городѣ, но повелитель токмо учрежденнаго здѣсь для упомянутыхъ надобностей баталіона, изъ коего по требованію присутственныхъ мѣстъ долженъ отряжать потребное число людей по случающимся казеннымъ нуждамъ».

управляете, ибо *по собственной вашей должности не можете вы, кромѣ баталіонныхъ солдатъ, никому дѣлать приказанія*. Впрочемъ, желаю вамъ успѣха, а контора не соглашается оставить великой провіантскій магазинъ безъ закрытія, ибо лучше потерять деньги, нежели хлѣбъ, потому что, потерявъ оный, уморимъ двадцать пять тысячъ народа съ голоду. Вы требуете отвѣтовъ отъ конторы, которая *не будетъ вамъ пріятно отвѣчать и того хуже зовете вы меня въ воеводскую канцелярію смотрѣть вашего плана, кажется, забывшись* [1]). *Пожалуй, государь мой, выпьки ты этого дурака писаря, который вашимъ постоянствомъ поколебалъ*. Впрочемъ, вѣрьте, что я по прежнему вашъ усердный слуга.

P. S. «Пишу къ вамъ партикулярно для того, что не хочется еще васъ обличить, однако неминуемо контора принуждена будетъ представить куда надлежитъ. Вѣдь пушки-то, братецъ, не у коменданта, но у воеводской канцеляріи въ командѣ».

Эта грубая и недостойная выходка была усилена еще письмомъ, написаннымъ Г. Р. Державинымъ, непмѣвшимъ на то ни повода, ни права и присоединившимся къ Ладыженскому по своей взбалмошности.

«Когда вамъ, писалъ Державинъ Бошняку, его превосходительство г. астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то черезъ сіе имѣю честь вашему высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ его высокопревосходительства покойнаго генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, вслѣдствіе именнаго ея императорскаго величества высочайшаго повелѣнія по секретной коммиссіи и *предписано по моимъ требованіямъ исполнять все*» [2]).

---

[1]) То-есть, что зоветъ къ себѣ старшаго.

[2]) Въ тайномъ наставленіи или инструкціи, данной А. И. Бибиковымъ лейбъ-гвардіи поручику Державину, было сказано, что онъ посылается въ Малыковку (нынѣ г. Вольскъ) для исполненія слѣдующихъ порученій: 1) Въ случаѣ разбитія Пугачева подъ Оренбургомъ и бѣгства его на Иргизъ, обратить «все-удобь-возможное стараніе къ тому, чтобъ узнать тѣхъ людей, къ коимъ бы онъ въ такомъ случаѣ прибѣгнуть могъ, или, по крайней мѣрѣ, черезъ кого вы о нихъ узнать можете, а узнавши, расположите таковыя мѣры, чтобъ сей злодѣй поимки избѣгнуть не

Нося мундиръ Преображенскаго полка почти случайно, только потому, что состоялъ въ чинѣ поручика, не имѣя никакого понятія о военной службѣ и дисциплинѣ, ни объ обязанностяхъ и правахъ коменданта и толкуя по-своему полномочія ему данныя, Державинъ явился слѣпымъ орудіемъ Ладыженскаго. Онъ увѣрялъ, что относительно укрѣпленія города Бошнякъ не можетъ спорить съ Ладыженскимъ, «яко служащимъ (служившимъ?) штабъ-офицеромъ въ инженерномъ корпусѣ», и долженъ подчиниться ему.

Что же касается до желанія коменданта защищать городъ и церкви Божіи, «то на сіе, писалъ забывшійся Державинъ, окромя всѣхъ господъ штабъ и оберъ-офицеровъ, находящихся здѣсь, согласныхъ со мною, объяснить вамъ имѣю, что комендантъ ввѣренной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ, тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленною и довольною людьми и потребностьми къ защищенію оной; ежели-жъ всего онаго не имѣетъ, такъ какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное именованіе города, то долженъ

могъ». 2) До разбитія самозванца, Державину поручалось употребить стараніе, «чтобъ узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ злодѣя и его толпы, ихъ состояніе и силу, взаимную между ними связь, и чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе вы узнаете, тѣмъ болѣе и заслуги вашей».

Средствами для исполненія этого порученія главнокомандующій считалъ: обѣщаніе награды, денежныя выдачи, посылка надежныхъ людей въ станъ самозванца, наблюденіе надъ образомъ мыслей населенія, убѣжденіе жителей, что принявшій на себя титулъ императора есть самозванецъ, государственный злодѣй и измѣнникъ. «Впрочемъ, я, прибавлялъ Бибиковъ въ концѣ своего наставленія, полагаясь на искусство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, *понимая силу прямую посылки вашей* (*Сочин. Державина* съ примѣч. Я. К. Грота, т. V, стр. 10—14). Вотъ всѣ полномочія и цѣль посылки Державина. Они весьма далеки отъ права вмѣшательства въ какія бы то ни было административныя распоряженія, далеки и отъ того, чтобы по требованіямъ послѣдняго *исполнять все*. Посылая Державина въ Малыковку, главнокомандующій А. И. Бибиковъ ограничилъ раіонъ его дѣйствій тѣмъ, что просилъ содѣйствія въ порученной ему должности только малыковскихъ дворцовыхъ правителей и астраханскаго губернатора, какъ хозяина той губерніи, въ которую посылался молодой поручикъ. Къ сожалѣнію, поэтъ увлекся до того, что считалъ ненужнымъ повиноваться распоряженіямъ губернатора, считалъ свое положеніе выше власти, предоставленной губернаторамъ, и называлъ себя человѣкомъ, «которому препоручено сохраненіе здѣшнихъ мѣстъ отъ злодѣйскихъ нападеній».

онъ непремѣнно находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ архитектуры мѣстѣ и въ немъ имѣть отъ непріятеля оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія ретраншемента, а съ прочими силами идти на встрѣчу злодѣя; то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя на встрѣчу злодѣю, защищать будете, это никому непонятно. *Да и какое вы, не зная инженернаго искусства, лучшее укрѣпленіе сдѣлать хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно.* Церкви Божіи защищать, конечно, должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь».

Играя дерзко словами, молодой поручикъ увлекся до того, что потребовалъ отъ полковника Бошняка отвѣта, самъ не зная какого, для донесенія П. Потемкину, «*яко непосредственному начальнику высочайшей ея величества власти*» (?!).

Что подразумѣвалось подъ послѣднимъ—трудно понять потому, что П. Потемкинъ былъ не болѣе какъ начальникъ секретныхъ коммиссій, самъ неимѣвшій никакой административной власти на театрѣ дѣйствій. Полковникъ Бошнякъ зналъ это хорошо и не безъ удивленія читалъ заявленіе Державина, что «мы, находящіеся здѣсь штабъ и оберъ-офицеры, *пріемлемъ всю тягость законовъ на себя*, что (если) вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемый вами крѣпостью Саратовской».

Не обращая вниманія на полученныя письма, полковникъ Бошнякъ 30 іюля отправился къ Ладыженскому и старался доказать ему, что предполагаемое укрѣпленіе провіантскихъ магазиновъ не имѣетъ цѣли, что по отдаленности отъ города трудно перевезти и собрать въ немъ имущество жителей, что гораздо лучше перенести укрѣпленіе на московскую дорогу близъ каменной часовни, куда и перевезти, если не весь, то часть провіанта. Вновь избираемое мѣсто для укрѣпленія изобиловало водою и находилось на прямомъ пути наступленія мятежниковъ, и слѣдовательно имѣло болѣе важное значеніе, чѣмъ построенное въ сторонѣ и вдали отъ города у провіантскихъ магазиновъ. Ладыженскій не согласился

съ доказательствами коменданта и объявилъ, что не дастъ ни своихъ командъ, ни мастеровыхъ для исправленія городскихъ орудій [1]).

Возвратившись домой, полковникъ Бошнякъ получилъ предписаніе астраханскаго губернатора Кречетникова, вновь требовавшаго, чтобы комендантъ взялъ на себя оборону города.

«Въ околичностяхъ Саратова и въ самомъ городѣ, писалъ Кречетниковъ Бошняку [2]), *принять вамъ* отъ таковаго злодѣйскаго стремленія по указамъ е. и. в. предосторожность, къ чему находящихся тамо во всѣхъ командахъ воинскихъ людей собравъ, употребить на защищеніе и отпоръ въ случаѣ нападенія, а именно: всѣхъ состоящихъ при опекунской и соляной конторахъ казаковъ *истребовать, не смотря ни на какія ихъ отговорки.* Буде бы опекунская контора стала отзываться, что изъ нихъ часть употреблена къ обмежеванію земель, которое по сему самокрайнѣйшему и опаснѣйшему случаю должно теперь оставить; такъ же бы и артиллерійскую вѣдомства ея команду имѣть въ собраніи, со всею артиллеріею и снаряды, во всякой готовой къ оборонѣ исправности, дабы изъ казаковъ ни малѣйшей части, какъ то при мнѣ въ Саратовѣ было, у нихъ не оставалось, *но всѣ бы они отданы были въ команду и распоряженіе ваше*, на отпоръ и прогнаніе вышеписаннаго злодѣя и его воровскихъ партій.

«Сей ордеръ мой обѣихъ конторъ гг. присутствующимъ секретно объявить и съ ними купно посовѣтовавъ, поступить въ недопущеніи до распространенія злодѣйства вдаль, съ единодушною мыслію помня всякому долгъ свой, какъ вѣрнымъ е. и. в. рабамъ, по данной присягѣ и по воинскимъ регуламъ принадлежитъ, не щадя живота обратить единственно свои силы сего злодѣя всемѣрно отразить».

Съ этимъ предписаніемъ Бошнякъ въ тотъ же день вторично поѣхалъ къ Ладыженскому, который, будучи поддержанъ Державинымъ, настаивалъ на своемъ, но потомъ объявилъ, что пріѣдетъ

---

[1]) Рапортъ полковника Бошняка генералу Кречетникову отъ 30 іюля 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

[2]) Отъ 24 іюля 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 454.

посмотрѣть мѣсто, избранное комендантомъ для укрѣпленія. Произведенный осмотръ не привелъ къ соглашенію, а заявленіе коменданта, чтобы всѣ военныя команды были отданы въ его распоряженіе, заставило Ладыженскаго собрать своихъ клевретовъ на совѣщаніе и пригласить въ присутствіе и полковника Бошняка. Послѣдній, на требованіе собравшихся укрѣпить провіантскіе магазины, отвѣчалъ, что построить небольшое укрѣпленіе здѣсь необходимо, но что главнѣйшею цѣлью должна быть защита города; что для этого необходимо построить укрѣпленіе впереди города, на пути наступленія непріятеля, а не съ боку. При этомъ Бошнякъ повторилъ свое требованіе о передачѣ въ его распоряженіе всѣхъ командъ и о присылкѣ 20-ти человѣкъ артиллеристовъ. Ладыженскій не соглашался исполнить требованіе, говоря, что опекунская контора «*у губернатора не подъ властью*», а Державинъ и другіе «всячески, доносилъ Бошнякъ [1]), ругательскими и весьма безчестными словами поносили и бранили, и онъ, г. Державинъ, намѣрялся меня, яко совсѣмъ, по ихъ мнѣнію, осужденнаго арестовать, въ чемъ я при теперешнемъ весьма нужномъ случаѣ, ваше превосходительство, и не утруждаю, а послѣ буду просить должной по законамъ сатисфакціи».

Послѣ такой сцены комендантъ не могъ принимать участія въ совѣщаніяхъ, и тогда на слѣдующее утро, 1 августа, Державинъ явился въ магистратъ и потребовалъ, чтобы немедленно было приступлено къ постройкѣ укрѣпленія и чтобы высланы были на работу всѣ способные, не исключая ни одного человѣка. Гвардіи поручикъ убѣждалъ защищаться до послѣдней капли крови и грозилъ, что если кто выкажетъ недостатокъ усердія, [illegible] признанъ измѣнникомъ, скованъ и отосланъ въ [illegible] коммиссію. Испуганные такою угрозою купцы дали под[illegible] въ случаѣ колебанія или перехода на сторону мятеж[illegible] себя обрекаютъ на смертную казнь. Не довольствуясь [illegible] увеличить число своихъ сторонниковъ, Ладыжен[illegible] пригласили тайкомъ въ присутствіе, помимо Бош[illegible] маіоровъ Бутыркина, Салманова, Зоргера,

[1]) [illegible] 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 454.

Быкова и Тимонина. Всѣ они, руководимые, конечно, Ладыженскимъ и Державинымъ, составили и подписали слѣдующее постановленіе [1]):

«1774 года августа 1-го дня, въ конторѣ опекунства иностранныхъ въ собраніи присутствующихъ, здѣшняго коменданта [2]) и находящихся здѣсь штабъ и оберъ-офицеровъ совѣтовано было, чтобъ къ безопасности здѣшняго города и къ спасенію жителей и ихъ имѣнія сдѣлать слѣдующія учрежденія:

«1) Въ томъ мѣстѣ, гдѣ конторскіе магазины, сдѣлать земляное укрѣпленіе, къ которому здѣшнее купечество согласилось дать рабочихъ людей, и работу сію, начавъ съ сего числа, продолжать денно и ночно съ неустанною прилежностью; а дабы скорѣе окончить можно было сіе укрѣпленіе, то назначено оное нынѣ съ великимъ противъ прежняго уменьшеніемъ, по той точно причинѣ, что по короткости времени обширнѣе онаго сдѣлать нельзя. Наипаче же на присланное сего числа отъ коменданта письменное мнѣніе, чтобъ всѣхъ воинскихъ служителей конторы отдать въ его команду, согласиться никакъ не можно, ибо главный судья конторы опекунства иностранныхъ, *будучи въ чинѣ бригадирскомъ и начальникомъ надъ состоящею въ конторскомъ вѣдомствѣ командою, въ командѣ у него, коменданта, состоять не можетъ.* Чтожь принадлежитъ и до другаго мнѣнія его, коменданта, чтобъ къ закрытію города сдѣлать другое укрѣпленіе и батареи, изъ которыхъ одну—у московскихъ воротъ, а другую — у моста, построеннаго близъ Волги, черезъ оврагъ, то и на сіе также согласиться никакъ нельзя, потому что въ такомъ случаѣ досталось бы весьма малое число имѣющихся нынѣ орудій и небольшую здѣшнюю команду раздѣлить въ разныя мѣста, которыхъ на такую великую обширность тѣхъ батарей закрывать будетъ совсѣмъ неудобно.

«2) Какъ скоро въ приближеніи къ здѣшнему городу злодѣевъ вѣрное извѣстіе получено будетъ, то оставя въ томъ укрѣпленіи

---

[1]) Московск. Архивъ Глав. Штаба, опись 47, книга IV.

[2]) Когда постановленіе это было окончательно составлено, тогда Бошняка въ присутствіи уже не было и онъ не подписалъ его.

надобное по разсмотрѣнію число военныхъ людей, съ прочею командою, какъ вѣдомства конторскаго, такъ и баталіоннаго, идти на встрѣчу злодѣямъ и стараться сколь возможно, отрѣзывая оныхъ отъ нападенія на городъ, разбить и *переловить злодѣевъ* (?). А для того коменданту сего-жь числа прислать извѣстіе, сколько здѣшняго баталіона и здѣшнихъ казаковъ служащихъ, отставныхъ и неопредѣленныхъ, а къ тому, ежели способны и надежны будутъ, то и изъ обывателей съ ружьями противъ злодѣевъ употребить можно будетъ.

«3) Имѣющіяся въ городѣ пушки артиллеріи маіору Семанжу всѣ освидѣтельствовать и если найдутся, кромѣ тѣхъ десяти, о которыхъ комендантъ увѣрялъ, что онѣ годны, то оныя отобравъ, прибрать къ калибру ядра и по скорости сдѣлать хотя изъ одного дерева лафеты, дабы всѣ оныя въ назначенномъ укрѣпленіи къ защищенію употребились; и хотя комендантъ, не смотря ни на какія всѣхъ предложенія и ясныя доказательства, упорно остается при своемъ мнѣніи, чтобъ въ сіе укрѣпленіе пушекъ городскихъ не брать, а разставить оныя около города, сдѣлавъ батареи; а притомъ отказался отъ подписанія постановляемаго на семъ совѣтѣ опредѣленія, но какъ мнѣніе его къ защищенію здѣшняго города столько нерѣшительно, что съ 24 числа іюля онъ, продолжая почти всякій день непонятныя отговорки, понынѣ ни на чемъ не утвердился и потому къ безопасности здѣшняго города никакого начала не сдѣлано и время почти упущено, — чего ради нижеподписавшіеся согласно опредѣлили: не смотря на несогласіе коменданта по вышеписанному учрежденію дѣлать непремѣнно исполненіе; а сверхъ того, коменданту дать знать объ учиненныхъ отъ конторы около города разъѣздахъ, въ которыхъ оные мѣстахъ, съ тѣмъ чтобы и онъ изъ здѣшнихъ казаковъ къ тѣмъ разъѣздамъ прибавилъ еще для примѣчанія о злодѣяхъ въ другія мѣста.

«Въ разсужденіи же того, что надлежитъ накрѣпко остерегаться, дабы помянутые злодѣи не покусились прокрасться р. Волгою и къ тому не могли употребить изъ множества стоящихъ передъ городомъ судовъ, коменданту, въ случаѣ близости злодѣевъ къ городу, оныя приказать затопить или сжечь, а для лучшей предосторожности къ пресѣченію побѣгу водою, въ укрѣпленіи у мага-

зиновъ сдѣлать на берегу батареи; состоящій нынѣ близъ казармъ артиллерійскій лагерь перенести ближе къ городу на высокое мѣсто, съ котораго бы удобнѣе было видѣть приближеніе злодѣевъ; а какъ скоро означенное укрѣпленіе у магазиновъ будетъ готово и комендантъ другихъ лучшихъ мѣръ, кромѣ тѣхъ, о коихъ онъ донынѣ объявлялъ, имѣть не будетъ, въ такомъ случаѣ содержащихся въ острогѣ колодниковъ, такожь и состоящую въ вѣдомствѣ воеводской канцеляріи казну перевезти въ оное укрѣпленіе и вырывъ ямы помѣстить въ оныхъ; вино-жь казенное, хранящееся въ городѣ въ выходахъ, погрузя на суда и спустя внизъ остановиться у онаго укрѣпленія.

«И для исполненія всего вышеписаннаго послать къ нему, коменданту, съ сего приговора при указѣ копію, а что касается до подписанія сего по старшинству, то всѣ согласились для скорѣйшаго окончанія, подписываться не разбирая старшинства, а кому какъ случится».

Полковникъ Бошнякъ отказался принять это постановленіе и донесъ о томъ Кречетникову, а Ладыженскій еще съ 30 іюля началъ строить свое укрѣпленіе, для чего купечество выслало ему тысячу человѣкъ рабочихъ. На слѣдующій день, т.-е. 1 августа, когда происходило совѣщаніе, рабочіе не явились и бывшіе въ совѣтѣ купцы объявили, что обывателямъ запрещено отъ полиціи идти на работу. Призвали въ совѣтъ полиціймейстера, но онъ заявилъ, что комендантъ не велѣлъ наряжать только пахатныхъ солдатъ, бобылей и цеховыхъ, а остальнымъ предоставилъ на усмотрѣніе, идти-ли на работу или нѣтъ. Ладыженскій отправилъ Свербеева къ полковнику Бошняку спросить, «для чего онъ дѣлаетъ такой развратъ между городскими жителями» [1]), а Державинъ написалъ въ магистратъ, требуя отвѣта въ нарушеніи даннаго ими письменнаго обязательства. Купечество испугалось, нарядило рабочихъ, и Державинъ писалъ П. С. Потемкину, что много труда и хлопотъ употребилъ онъ на борьбу съ комендантомъ, но что «*теперь привелъ въ порядокъ*» [2]).

[1]) Записка капитана Николая Свербеева, поданная генералъ-прокурору князю Вяземскому. Архивъ Кабинета Его Импер. Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

[2]) Письмо Державина Потемкину 2 августа 1774 г. *Соч.*, т. V, стр. 156.

Послѣднія слова были, конечно, пустою фразою и ни порядка, ни соглашенія въ Саратовѣ не послѣдовало. Свербееву Бошнякъ отвѣчалъ, что не раздѣляетъ необходимости строить укрѣпленія у магазиновъ и потому считаетъ лишнимъ посылать туда рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ саратовскій комендатъ препроводилъ къ Державину, безъ всякихъ объясненій, копію съ только что полученнаго предписанія астраханскаго губернатора [1]). Кречетниковъ поручалъ объявить Державину, чтобъ онъ оставилъ Саратовъ и пребывалъ на Иргизѣ «*неподвижнымъ*» [2]).

«На сіе, отвѣчалъ дерзко Державинъ [3]), вашему высокоблагородію сказать имѣю, что его превосходительство г. генералъ-маіоръ преминовать (забыть) изволилъ, что ему покойный генералъ-аншефъ А. И. Бибиковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что вслѣдствіе именнаго е. и. в. повелѣнія я посланъ *въ сію область* и ему предписано было во всѣхъ моихъ просьбахъ вспомоществовать [4]). Но какъ его превосходительству о существѣ всей моей коммиссіи и ея потребностяхъ знать не дано, но рѣка Иргизъ не есть единственный мой постъ, и что не по пустому требовалъ я въ бытность его превосходительства въ Саратовѣ отъ конторы опекунства иностранныхъ команду [5]), то апробовано отъ вышнихъ моихъ начальниковъ мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ въ самомъ его оригиналѣ его превосходительству поднесть можно» [6]).

---

[1]) Письмо Бошняка Державину, отъ 3 августа 1774 г. *Соч. Державина*, т. V, стр. 157.

[2]) Предписаніе Кречетникова Бошняку, отъ 27 іюля. Тамъ же, стр. 158.

[3]) Въ письмѣ Бошняку, отъ 3 августа 1774 г. Тамъ же.

[4]) «Вручитель сего, писалъ Бибиковъ Кречетникову, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручикъ Державинъ отправленъ отъ меня въ вашъ край по Высочайшему е. и. в. именному повелѣнію. Онъ, по возложенному на него дѣлу, будетъ иногда *утруждать васъ просьбами своими*, почему покорнѣйше васъ прошу показать ему, во всякое время, скорое и всевозможное вспоможеніе, пребывая» и проч.

[5]) Оный Державинъ, писалъ Кречетниковъ Бошняку, отъ 27 іюля (какъ и вамъ извѣстно), и при бытности моей въ Саратовѣ находился въ предохраненіе злодѣйскихъ нашествій по р. Иргизу съ своею командою, гдѣ и *не видавши никакой опасности*, требовалъ себѣ вспоможенія и приполненія военныхъ людей не только отъ меня, но и отъ конторы опекунства иностранныхъ (*Соч. Державина*, т. V, стр. 157).

[6]) Сообщеніе Державина Бошняку, отъ 3 августа 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 454. См. также *Соч. Державина*, т. V, стр. 158

Такимъ образомъ, вопросъ о защитѣ Саратова не подвигался впередъ. Ладыженскій и его компанія строили свое укрѣпленіе, а Бошнякъ успѣлъ возобновить очень небольшую часть городскаго вала и устроить нѣсколько батарей. Мѣры, принятыя обѣими сторонами, не имѣли никакого значенія въ военномъ отношеніи и, благодаря спорамъ, городъ остался беззащитнымъ.

Мы остановились весьма подробно на саратовскихъ пререканіяхъ съ тою цѣлью, чтобы выяснить, кто былъ причиною неурядицы и опредѣлить права спорящихъ на вмѣшательство въ дѣла, до нихъ не относившіяся.

Кречетниковъ, уѣзжая изъ Саратова, поручилъ коменданту полковнику Бошняку «*все управленіе по городу воинскихъ дѣлъ*». Объ этомъ было извѣстно Ладыженскому, Державину и главнокомандующему князю Щербатову. Всѣ они были люди военные, обязанные знать, что начальникъ или комендантъ въ городѣ есть полный распорядитель и хозяинъ, которому подчиняются всѣ команды и жители, хотя бы среди ихъ находились и лица, старшіе по чину и званію, чѣмъ комендантъ. Права коменданта и его обязанности не есть продуктъ нынѣшняго вѣка — они были тѣ же и въ прошломъ столѣтіи. Со времени Петра I права и обязанности коменданта были извѣстны и обязательны для всѣхъ военныхъ, знающихъ службу, дисциплину и носившихъ военный мундиръ по одному названію. Полковникъ Бошнякъ подлежитъ упреку въ томъ, что при началѣ разногласій не выслалъ изъ города Ладыженскаго и Державина, на что имѣлъ полное право по закону и по предоставленной ему власти. Не Державину слѣдовало грозить арестомъ Бошняку, а послѣднему арестовать пылкаго юношу. Не рѣшаясь на эту мѣру, саратовскій комендантъ далъ средство развиться безпорядкамъ, далъ случай Ладыженскому и Державину написать постыдныя для нихъ письма и подорвалъ въ глазахъ городского населенія свое значеніе и власть. Въ возникшихъ спорахъ жители Саратова видѣли въ Ладыженскомъ и Державинѣ дѣятелей, вмѣшивавшихся какъ-бы по праву въ разрѣшеніе вопроса о защитѣ города и, конечно, отъ усмотрѣнія населенія зависѣло присоединиться къ той или другой сторонѣ. Права Ладыженскаго заключались въ управленіи саратовскими колоніями,

находившимися внѣ города, а Державина—ловить Пугачева, когда онъ появится на р. Иргизѣ и въ окрестностяхъ Малыковки. Другихъ полномочій Державину мы не знаемъ и въ изданной Я. К. Гротомъ обширной перепискѣ поэта ихъ не находимъ. Тѣмъ не менѣе, Державинъ заявляетъ себя уполномоченнымъ сохранять *здѣшнія мѣста* (?), и увѣряетъ, что всѣ требованія его должны исполняться безпрекословно [1]). Молодой поручикъ забывается до того, что безъ всякаго права требуетъ отчета отъ полковника Бошняка, грозитъ ему донести своему начальнику, П. Потемкину, которому присвоиваетъ небывалый титулъ и съ рѣшимостью, достойною лучшей участи, заявляетъ коменданту, что если онъ его послушаетъ, то Державинъ принимаетъ всю тягость законовъ на себя. Будучи слѣпымъ орудіемъ Ладыженскаго, Державинъ съ своимъ патрономъ отказываются исполнить категорическое приказаніе губернатора, призываютъ въ засѣданіе, безъ вѣдома коменданта, его подчиненныхъ, подрываютъ тѣмъ дисциплину и уничтожаютъ послѣднія средства къ защитѣ. Планы ихъ и Бошняка по укрѣпленію города не имѣютъ ни стратегическаго, ни тактическаго значенія, но послѣднее рѣшеніе саратовскаго коменданта укрѣпиться на московской дорогѣ, впереди города, прямо на пути наступленія непріятеля, должно признать наиболѣе правильнымъ, но не осуществившимся.

Людямъ военнымъ ясно видно, кто былъ виноватъ въ саратовскомъ несчастіи; но обвиняя Ладыженскаго и Державина необходимо вспомнить, что то былъ несчастный періодъ дѣятельности князя Щербатова и раздѣленія власти. Въ этотъ періодъ не было

---

[1]) Державинъ успѣлъ вселить увѣренность въ населеніи, что онъ дѣйствительно уполномоченный. «Сего года іюля мѣсяца въ послѣднихъ числахъ, показывалъ, 11 ноября 1774 года, купецъ Кобяковъ, пріѣзжалъ въ Саратовъ гвардіи офицеръ Державинъ *«съ высочайшимъ ея императорскаго величества повелѣніемъ, чтобъ, въ случаѣ нападенія отъ злодѣя Емельки и его толпы, сдѣлать для укрѣпленія города осадную земляную крѣпость саратовскому купечеству и всѣмъ тамошнимъ градскимъ жителямъ»*. Г. Анучинъ («Графъ Панинъ—усмиритель Пугачевщины», *Русск. Вѣстн.*, 1869 г., т. 80, стр. 53) обвиняетъ во многомъ Кречетникова, но послѣ приведенныхъ выше документовъ обвиненіе это едва-ли справедливо. Ссылка автора на письмо Ладыженскаго къ Державину не можетъ служить доказательствомъ, ибо написанное человѣкомъ недовольнымъ, и притомъ изъ фактическихъ данныхъ мы знаемъ, что силы Кречетникова преувеличены болѣе, чѣмъ вдвое.

единства въ дѣйствіяхъ, явилось нѣсколько распорядителей и исполнители не знали кого слушать. Зная изъ письма Кречетникова, что Бошнякъ назначенъ руководителемъ обороны, князь Щербатовъ ободряетъ Державина за то, что тотъ его не слушаетъ. П. Потемкинъ, присланный только для завѣдыванія секретными коммиссіями и обязанный заниматься слѣдствіемъ и сортировкою преступниковъ къ нему присылаемыхъ, вмѣшивается безъ всякаго права въ административныя и военныя дѣла въ отдаленномъ краѣ. «Къ крайнему оскорбленію, пишетъ онъ Державину [1]), получилъ я вашъ рапортъ, что полковникъ и саратовскій комендантъ Бошнякъ, *забывая долгъ свой* (?!), не только не вспомоществуетъ благому учрежденію вашему къ охраненію Саратова, но и препятствуетъ укрѣплять оный: того для объявите ему, *что я именемъ е. и. в. объявляю, что ежели онъ что либо упуститъ къ воспринятію мѣръ должныхъ... тогда я данною мнѣ властію (?!) отъ ея величества по всѣмъ строгимъ законамъ учиню надъ нимъ судъ (?!).*

Итакъ, повсюду отсутствіе сознанія своего долга, превышеніе власти, вмѣшательство въ чужія дѣла; я лучше и выше, чѣмъ ты — вотъ взглядъ и понятіе правительственныхъ дѣятелей этого періода, вотъ причина легкаго успѣха самозванца.

Но явился новый главнокомандующій, графъ П. И. Панинъ, и всѣ эти дѣятели, зная его характеръ, сами заключили себя въ тѣ рамки, которыя были имъ назначены. Къ сожалѣнію, это было поздно и Саратовъ успѣлъ испытать на себѣ всю тяжесть этой неурядицы.

Прискакавши изъ Петровска въ Саратовъ въ 4 часа утра 5-го августа, Державинъ и его спутники объявили, что казаки измѣнили и что Петровскъ занятъ мятежниками. Извѣстіе это произвело большое замѣшательство среди населенія: многіе искали спасенія въ бѣгствѣ, другіе грузили свое имущество на суда и намѣрены были спуститься внизъ по р. Волгѣ. Владѣльцевъ судовъ было очень немного, но почти всѣ правительственныя учрежденія располагали ими и торопились грузить на суда деньги

[1]) Отъ 9 августа 1774 г. *Соч. Державина*, т. V, стр. 172.

и дѣла. По распоряженію Ладыженскаго было взято судно съ невыгруженною еще мукою и въ него было погружено имущество Ладыженскаго, 15,000 руб. денегъ и часть дѣлъ конторы опекунства иностранныхъ. Для отправленія остальныхъ дѣлъ и оставшихся суммъ необходимо было другое судно, которое и было отыскано къ вечеру 5-го августа казначеемъ, поручикомъ Стихеусомъ, и нагружено при помощи караульныхъ и находившихся въ Саратовѣ колонистовъ. За неимѣніемъ лошадей, всѣ дѣла и деньги переносились на рукахъ и потому работы были окончены передъ самымъ появленіемъ мятежниковъ въ виду города [1]). Главный судья соляной низовой конторы Жуковъ нагрузилъ на судно свои вещи, дѣла, до 3,000 рублей денегъ и поручилъ ихъ охраненіе чиновнику Соболеву съ 20 человѣками саратовскихъ казаковъ [2]). Полковникъ Бошнякъ также отправилъ на судно главнѣйшія дѣла и денежную казну, состоявшую изъ 51,858 рублей 23 коп. и поручилъ сохраненіе ея штатной команды поручику Алексѣеву [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ саратовскій комендантъ собралъ со всѣхъ карауловъ нижнихъ чиновъ саратовскаго баталіона и къ вечеру вывелъ ихъ вмѣстѣ съ казаками «въ сдѣланный прежде сего передъ саратовскимъ селеніемъ валъ» и окружилъ его рогатками. Ладыженскій и Державинъ все еще пытались склонить Бошняка къ принятію ихъ плана — идти со всѣми силами на встрѣчу Пугачеву. Наученный опытомъ, Бошнякъ не могъ согласиться съ этимъ, ибо зналъ, что первый успѣхъ дѣйствій лежитъ въ единодушіи и въ единствѣ командованія, а вопросъ о томъ, кому быть начальникомъ, возбудилъ бы опять нескончаемые споры. Бошнякъ не принялъ предложенія и тогда Державинъ заявилъ, что какъ за

---

[1]) «Жизнь Державина», Я. К. Грота, изд. 1880 г., стр. 171. Рапортъ счетчика Аксакова, купца Пивоварова и отставного ротмистра Огарева безъ числа. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

[2]) Письмо Мих. Жукова М. Я. Маслову отъ 11 августа 1774 г. Арх. Кабинета Его Императ. Величества.

[3]) Рапортъ полковника Бошняка графу П. И. Панину отъ 11 октября 1774 г. По высочайше утвержденному 29 мая 1775 г. докладу Сената, за сохраненіе этой казны Бошнякъ пожалованъ чиномъ капитана и ему выдана тысяча рублей. Именные указы, кн. 137, листъ 259.

Пугачевымъ слѣдуютъ преслѣдующіе его отряды и могутъ нагнать самозванца дня черезъ три, то весь вопросъ о защитѣ Саратова сводится къ тому, чтобы задержать на это время мятежниковъ передъ городомъ. Онъ предлагалъ накидать грудной валъ изъ кулей муки и извести, и при содѣйствіи орудій отсиживаться въ немъ до прибытія преслѣдующихъ отрядовъ. Планъ этотъ былъ также признанъ неудобоисполнимымъ по краткости времени.

Тогда Ладыженскій предписалъ артиллеріи маіору Семанжу присоединить къ себѣ волжскихъ и оставшихся донскихъ казаковъ, выступить съ фузилерною ротою противъ Пугачева, стараться разбить его и до Саратова не допустить. Въ случаѣ же неудачи соединиться съ отрядомъ полковника Бошняка и дѣйствовать по его указаніямъ.

Отойдя версты двѣ отъ Саратова, по направленію къ Петровску, маіоръ Семанжъ остановился съ своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 4 офицеровъ, 321 рядовыхъ, 62 человѣкъ волжскихъ и 10 донскихъ казаковъ — всего 397 человѣкъ. Выславъ въ разъѣзды волжскихъ казаковъ, подъ начальствомъ есаула Тарарина, маіоръ Семанжъ провелъ такъ ночь съ 5 на 6 августа. Позади его, близъ самаго города, передъ московскими воротами, за укрѣпленіемъ, имѣвшимъ впереди ровъ и рогатки, стоялъ полковникъ Бошнякъ съ 30 офицерами и 180 рядовыми саратовскаго баталіона. Это было все, что могъ собрать комендантъ изъ регулярныхъ войскъ для защиты города [1]), если не считать 150 человѣкъ плохо вооруженныхъ разночинцевъ, собранныхъ купечествомъ и расположившихся на правомъ флангѣ между укрѣпленіемъ и Соколовою горою.

Занятая защитниками позиція не представляла никакихъ удобствъ: правѣе ея находилась Соколова гора, командовавшая всею мѣстностью и городомъ, а лѣвѣе открытое поле, доставлявшее непріятелю возможность обойти укрѣпленіе съ тыла. Протяженіе вала не соотвѣтствовало числу защитниковъ. «Жители безъ начальника, говоритъ Державинъ съ ироніею [2]), и толпы безъ при-

[1]) Рапортъ Бошняка военной коллегіи отъ 16 октября 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

[2]) «Жизнь Г. Р. Державина», Я. К. Грота, изд. 1880 г., стр. 169.

смотра собирались гдѣ хотѣли... тутъ я вообразилъ, что это ратуетъ на Тамерлана нѣкакій древній воевода: нарядный былъ безпорядокъ!» Не надо забывать, что Державинъ и Ладыженскій сдѣлали съ своей стороны все, чтобы подорвать значеніе коменданта, оставить населеніе безъ начальника и произвести *нарядный безпорядокъ*. Въ своихъ запискахъ Державинъ употребилъ всѣ средства, чтобы очернить Бошняка, сообщилъ нѣсколько сплетень, которыхъ мы повторять не станемъ, и напротивъ старался выставить свою дѣятельность въ лучшемъ свѣтѣ. Онъ увѣряетъ, что выпросилъ у Семанжа роту, которая не имѣла офицера, и намѣренъ былъ сражаться въ общихъ рядахъ, но поздно вечеромъ получилъ донесеніе своего повѣреннаго Герасимова, что собранные на помощь Саратову 500 человѣкъ крестьянъ начали волноваться. Воспользовавшись этимъ донесеніемъ, какъ удобнымъ случаемъ къ тому, чтобы уѣхать изъ города, Державинъ въ ту же ночь отправился въ село Чердынь, гдѣ находилось его ополченіе [1]), а наутро 6-го августа полковникъ Бошнякъ узналъ, что и Ладыженскій сѣлъ на судно, предпочитая сохраненіе собственной жизни защитѣ города.

«Напослѣдокъ, сказано въ журналѣ опекунства [2]), примѣчено было весьма ясно нехотѣніе г. коменданта зависѣть по крайней мѣрѣ отъ совѣтовъ г. статскаго совѣтника Ладыженскаго, яко старшаго передъ нимъ, и что самое то можетъ и прежде препятствовало ему соглашаться на предлагаемыя къ предосторожности отъ злодѣевъ средства и оставляло его въ нерѣшимости. Итакъ, чтобы отъ того не произошло худшаго еще замѣшательства (?), рѣшился г. статскій совѣтникъ съ прочими, бывшими съ нимъ, оставить защищеніе города въ диспозицію онаго коменданта, а самому съ денежною казною, сколько оной за вышесказанными неудобностями спасти удастся, съ письменными дѣлами и со всею конторою удалиться въ безопасное мѣсто».

---

[1]) Нѣкоторые могутъ найти отъѣздъ этотъ естественнымъ, но намъ кажется, что защита города и борьба съ главными силами мятежниковъ важнѣе усмиренія [illegible] волнующихся, и что Державину, бравшему на себя всю отвѣтственность за однихъ, слѣдовало исполнить ее и на дѣлѣ. Державинъ уѣхалъ изъ Саратова по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ онъ бѣжалъ изъ подъ Петровска.

[2]) Опека, Арх., VI, д. № 434.

Избавившись отъ своихъ антагонистовъ, Бошнякъ могъ считать теперь себя единственнымъ распорядителемъ по защитѣ, хотя въ условіяхъ крайне невыгодныхъ: силы его были ничтожны, позиція слаба, да и оборонялась-то она небольшимъ числомъ орудій, на дурныхъ лафетахъ.

Утромъ 6 августа, находившійся въ разъѣздахъ есаулъ Тараринъ прибылъ къ отряду маіора Семанжа и объявилъ, что мятежники приближаются къ Саратову, что всѣ бывшіе съ нимъ казаки передались на сторону самозванца и онъ самъ, Тараринъ, избавился отъ плѣна только тѣмъ, что закололъ двухъ человѣкъ, гнавшихся за нимъ и успѣлъ ускакать. Заявленіе это обезкуражило отрядъ, 10 человѣкъ донскихъ казаковъ также передались на сторону мятежниковъ, и маіоръ Семанжъ, получивъ приказаніе Бошняка отступать, сталъ отходить къ городу въ виду появившагося уже непріятеля.

Рано утромъ, 5 августа, Пугачевъ оставилъ свой лагерь у Петровска и двинулся къ Саратову съ толпою, простиравшеюся до 4 т. человѣкъ съ 13 орудіями. Собственно вооруженныхъ было не болѣе 2 т. человѣкъ, а остальные «съ вилами, чекушками, дрючьемъ, а прочіе и безо всего» [1]).

Остановившись на ночлегѣ, самозванецъ вспомнилъ, что плѣненные имъ подъ Петровскомъ донцы не приведены еще къ присягѣ, и потому онъ потребовалъ къ себѣ сначала Мелехова, а потомъ и остальныхъ.

— Былъ-ли ты у присяги? спросилъ Пугачевъ.

— Не былъ, отвѣчалъ Мелеховъ.

Самозванецъ подалъ ему золоченую медаль, установленную за франкфуртское сраженіе.

— Жалуетъ тебя Богъ и государь, сказалъ онъ при этомъ; служи вѣрно.

Мелеховъ взялъ медаль и поцѣловалъ руку Пугачева; точно такими же медалями пожалованы были хорунжіе Колобродовъ и Поповъ. Всѣ остальные казаки приведены къ присягѣ передъ

[1]) Полковникъ Бошнякъ и маіоръ Семанжъ опредѣляютъ силы мятежниковъ въ 4 т. человѣкъ, Мелеховъ и Малаховъ въ 10 т. человѣкъ, а самъ Пугачевъ говорилъ, что у него было не болѣе 3 т. человѣкъ.

образомъ въ мѣдныхъ складняхъ и имъ объявлено, что назначается жалованье по 12, а старшинамъ по 20 рублей и тотчасъ же выдано мѣдною монетою.

Утромъ 6 августа мятежники широкою полосою подошли къ Саратову: часть ихъ шла по московской дорогѣ, а другая направилась лѣвѣе этой дороги — на Соколову гору. Полковникъ Бошнякъ выслалъ саратовскихъ казаковъ и приказалъ имъ отхватить мелкія партіи непріятеля, подъѣзжавшія къ городу для рекогносцировки. Высланные казаки завели съ прибывшими переговоры, остались въ толпѣ, а возвратившіеся два человѣка объявили, что сторонники самозванца требуютъ уполномоченнаго для переговоровъ. Среди жителей, и въ особенности купечества, замѣтно было колебаніе и на устахъ какъ-бы вопросъ: не лучше-ли покориться. Ратманъ и есаулъ саратовскихъ казаковъ Винокуровъ просили купца Ѳедора Кобякова, съѣздить и узнать, зачѣмъ мятежники зовутъ уполномоченнаго? Кобяковъ поѣхалъ, и лишь только остановился на горѣ для переговоровъ, какъ Бошнякъ приказалъ открыть огонь по собравшейся толпѣ. Выстрѣлы защитниковъ вызвали негодованіе со стороны купечества. Бургомистръ Матвѣй Протопоповъ съ горечью выговаривалъ Бошняку, что эти выстрѣлы лишили ихъ лучшаго купца въ городѣ.

Между тѣмъ Кобяковъ былъ отведенъ къ Пугачеву, который расположился у зимовья саратовскаго колониста Пилисова, верстахъ въ трехъ отъ города. Зная, что самозванецъ вѣшаетъ всѣхъ ему противящихся, Кобяковъ поклонился ему въ ноги.

— Ты что за человѣкъ? спросилъ Пугачевъ.

— Саратовскій житель Кобяковъ; присланъ къ вашему величеству отъ города, чтобы вы пожаловали манифестъ. Народъ желаетъ вамъ служить, да только нѣтъ манифеста.

Пугачевъ передалъ ему манифестъ и приказалъ показать казачьему есаулу Винокурову, но Кобяковъ, пріѣхавъ въ Саратовъ, отдалъ полковнику Бошняку, который не читая его изорвалъ и топталъ ногами. Тѣмъ не менѣе купцы заявили, что они драться не будутъ и стали расходиться по домамъ, а Кобяковъ, разъѣзжая верхомъ на лошади передъ солдатами, кричалъ имъ: «берегите своихъ». Бошнякъ приказалъ арестовать Кобякова, но его

не слушали, такъ какъ выстрѣлы мятежниковъ произвели уже всеобщій переполохъ.

Пугачевцы выставили на Соколовой горѣ восемь орудій, но всѣ они были на столько малаго калибра, что снаряды только одного орудія достигали до укрѣпленія. Не смотря на то, при первыхъ выстрѣлахъ жители начали перебѣгать на сторону самозванца, сначала по одиночкѣ, а потомъ толпами. Находившійся на крайней батареѣ съ 12-ю канонирами прапорщикъ Григорій Соснинъ, оставилъ батарею и подойдя къ царицинскимъ воротамъ кричалъ городничему, чтобы тотъ отворилъ ихъ. Мятежники хлынули въ отворенныя ворота и разсыпались по городу. Соснинъ былъ отведенъ съ своею командою къ самозванцу, отдалъ ему честь «всѣмъ фронтомъ», сталъ на колѣни и передалъ свое оружіе.

Появленіе мятежниковъ въ городѣ вызвало всеобщую панику: стоявшіе за укрѣпленіемъ пахатные солдаты и вооруженные разночинцы бѣжали въ толпу; ихъ примѣру послѣдовали состоявшіе при опекунствѣ иностранныхъ колонистовъ 357 человѣкъ нижнихъ чиновъ 1-го фузилернаго артиллерійскаго полка, вышедшіе изъ укрѣпленія подъ предлогомъ вылазки и подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, князя Баратаева и Буданова, передавшіеся непріятелю. По прибытіи въ станъ самозванца, всѣ передавшіеся солдаты получали по 2 и по 4 руб. награды [1]).

Видя измѣну, полковникъ Бошнякъ рѣшился отступить и приказалъ командиру саратовскаго баталіона маіору Салманову съ одною половиною выходить за ретраншементъ. Салмановъ выказалъ нерѣшительность, послѣдствіемъ которой было замѣшательство въ рядахъ. Полковникъ Бошнякъ приказалъ маіору Зоргеру принять начальство, но маіоръ Бутыркинъ просилъ оставить Салманова, чтобы не произвести еще бо̀льшаго разстройства между солдатами. Согласившись на послѣднюю просьбу, Бошнякъ приказалъ построить каре и отступать, но вмѣсто того Салмановъ скомандовалъ: «по рядамъ налѣво» и пошелъ на Соколову гору.

[1]) Показаніе Кобякова 11 ноября 1774 г. Показаніе Матвѣя Протопопова. Госуд. Арх., VI, д. № 512. Показаніе нижнихъ чиновъ саратовскаго баталіона. Московскій Архивъ Главн. Штаба, опись 94, св 17, дѣло № 21; опись 95, св. 564, д. № 90.

Солдаты, въ числѣ 292 человѣкъ, побросали ружья и пошли за своимъ маіоромъ; Бошнякъ успѣлъ только удержать у себя знамена. Приведенные къ Пугачеву, Салмановъ и его команда стали на колѣни; тутъ же стояла и фузилерная рота.

— Плѣнные ступайте въ лагерь, сказалъ имъ Пугачевъ, снявъ шапку.

Баталіонъ двинулся съ барабаннымъ боемъ и по приходѣ въ лагерь былъ приведенъ къ присягѣ. Впослѣдствіи Салмановъ увѣрялъ, что измѣнилъ думая найти въ Пугачевѣ истиннаго государя. «Не утаиваю, говорилъ онъ [1]), передъ всемилостивѣйшею государынею моею, какъ передъ Богомъ, моихъ тогдашнихъ мыслей, что я не надѣялся никакой лжи быть, а думалъ увидѣть государя». Разочарованіе было полное, и на самомъ дѣлѣ Салмановъ «усмотрѣлъ неистовство и похабство въ злодѣѣ, призналъ за истину, что онъ воръ, разбойникъ и самозванецъ» [2]).

Оставшись съ маіоромъ Семанжемъ, 26-ю штабъ и оберъ-офицерами и съ 40 нижними чинами, Бошнякъ приказалъ оторвать полотна знаменъ отъ древокъ, спряталъ ихъ и, пробившись сквозь окружающую его толпу мятежниковъ, отступилъ по дорогѣ къ Царицыну.

Преслѣдуя отступавшихъ на протяженіи шести верстъ, сообщники самозванца были остановлены наступившею ночью и Бошнякъ съ горстью храбрыхъ дошелъ до дер. Несвѣтаевки на берегу р. Волги, ночью сѣлъ на лодки и 11 августа благополучно прибылъ въ Царицынъ [3]). Денежныя суммы и часть дѣлъ воеводской канцеляріи были спасены.

Не такъ удачны были распоряженія Ладыженскаго и Жукова. Одно изъ двухъ суденъ опекунства иностранныхъ дѣлъ было оста-

---

[1]) Показаніе Салманова 26 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 453 и 512.

[2]) По лишеніи всѣхъ правъ состоянія, Салмановъ сосланъ въ Таганрогъ въ каторгу вѣчно. Указъ императрицы военной коллегіи 23 марта 1775 г. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 454. Срав. *Жизнь Державина*, Грота, прилож., стр. 85.

[3]) Рапортъ Бошняка Кречетникову отъ 14-го августа 1774 года. Государствен. Арх., VI, д. № 454. Представляя оторванныя полотна отъ древокъ, Бошнякъ просилъ о выдачѣ саратовскому баталіону новыхъ знаменъ.

новлено крестьянами у села Рождественскаго и разграблено [1]). Для судна соляной конторы вѣтеръ оказался противнымъ, и когда другія спускались внизъ по Волгѣ, судно соляной конторы одно не могло этого сдѣлать, распустило паруса и пошло вверхъ. Находившіеся съ чиновникомъ Соболевымъ 20 человѣкъ саратовскихъ казаковъ взбунтовались и судно было разграблено.

Съ отступленіемъ Бошняка сподвижники самозванца сдѣлались полными хозяевами города: они выпустили арестантовъ, открыли винные погреба и предались полнѣйшему неистовству. Казенные и частные дома были разграблены, многіе жители подверглись мучительной смерти безъ разбора пола и возраста; «многіе остались безъ пропитанія и доведены до сущаго убожества» [2]).

Пьяные толпами бѣгали по улицамъ, грабили праваго и виноватаго, а всѣхъ противящихся убивали. На улицахъ валялось множество мертвыхъ тѣлъ и никто ихъ не убиралъ. Лавки, кабаки, богатые дома и даже церкви были ограблены и все цѣнное уносилось на Соколову гору, въ лагерь самозванца. Тамъ было поставлено нѣсколько висѣлицъ, на которыхъ вѣшали безъ разбора мужчинъ и женщинъ, бурлаковъ, купцовъ и всякаго званія людей. Перечислить число убитыхъ и повѣшенныхъ было бы напрасною попыткою. Большинство населенія, желая избѣжать казни, тянулось на Соколову гору и у ставки Пугачева принимало подданство. Полупьяные священники приводили къ присягѣ всѣхъ желающихъ, а ближайшіе пособники самозванца стригли по казацки въ *кружало* волосы всѣмъ годнымъ на государеву службу.

Подъ вечеръ 6 августа, изъ лагеря, бывшаго въ семи верстахъ отъ города, Пугачевъ съ яицкими казаками пріѣхалъ въ городъ и въ соборной церкви приводилъ жителей къ присягѣ. Открывъ амбары и соляные склады, самозванецъ приказалъ выдавать хлѣбъ и соль безденежно, а убитыхъ погребать не велѣлъ. Въ тотъ же день явился къ Пугачеву казакъ-пятидесятникъ Уфимцевъ, который напомнилъ ему, что въ то время, когда самозванецъ шелъ изъ Яика къ Оренбургу, онъ настигъ Уфимцева, гнавшаго 300

[1]) Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

[2]) Рапортъ члена Низовой соляной конторы Савельева Сенату отъ 15 августа 1774 года. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

лошадей и сторговалъ тѣхъ лошадей за 3,500 руб. Лошади были взяты, а деньги не отданы и потому Уфимцевъ просилъ возвратить ему 3,500 руб. Признавая претензію справедливою, Пугачевъ приказалъ выдать ему деньги, назначилъ его саратовскимъ комендантомъ, произвелъ одного изъ его сыновей въ полковники, а другого опредѣлилъ казакомъ въ свою толпу [1]).

На слѣдующій день Пугачевъ съ своими сообщниками пріѣхалъ къ Троицкой церкви, гдѣ была спрятана часть денегъ, принадлежавшихъ опекунской конторѣ, и приказалъ сложить ихъ на возы. Тутъ же къ нему явилось до 100 человѣкъ бурлаковъ, плывшихъ по Волгѣ и захватившихъ одно судно съ пожитками разныхъ лицъ. Пугачевъ тотчасъ же отправился осмотрѣть добычу, гдѣ нашелъ два боченка мѣдныхъ денегъ, сундукъ съ серебряною посудою, 200 руб. серебряныхъ и шесть дѣвицъ, въ числѣ которыхъ находились три дочери и племянница бывшаго саратовскаго коменданта Юнгера.

— Какія это женщины? спросилъ Пугачевъ.

— Дворянскія, отвѣчали самозванцу, пущенныя сиротствовать по погубленіи отцовъ и матерей.

Несчастныя плѣнницы обратились къ великодушію самозванца, просили защитить ихъ и взять съ собою. Но Пугачевъ ихъ не взялъ, а приказалъ строго беречь, не обижать и представить ему въ Царицынѣ. Осмотрѣвши сундуки, самозванецъ заперъ ихъ, а ключи бросилъ въ Волгу и запечатавъ своею печатью всю добычу, приказалъ хранить ее, а судну подвигаться внизъ вмѣстѣ съ толпою [2]).

Въ Саратовѣ Пугачевъ взялъ 5 пушекъ, 25,789 р. мѣдною монетою; толпа его и жители разобрали болѣе 19 тысячъ четвертей муки и много овса [3]).

9 августа Пугачевъ оставилъ Саратовъ и пошелъ внизъ по Волгѣ, а 11-го числа прибыли въ городъ отряды Муфеля и графа

---

[1]) Показанія Пугачева 4-го ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 512.

[2]) Показаніе дворянина Ивана Чебышева 8 сентября 1774 года. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. №№ 453 и 512.

[3]) Рапортъ князя Г. Г. Орлова Сенату, 20 октября 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 454.

Меллина. Не считая себя довольно сильными, чтобы вступить въ дѣло съ самозванцемъ и поджидая прибытія Михельсона, они остановились въ деревнѣ Крюковкѣ, въ 55 верстахъ отъ города, но когда узнали, что Пугачевъ ушелъ изъ Саратова, то и они продолжали путь [1]). Занявъ городъ, подполковникъ Муфель выгналъ оставшихся мятежниковъ, захватилъ часть изъ нихъ въ плѣнъ и многихъ повѣсилъ. Назначивъ начальникомъ Саратова члена соляной конторы генералъ-аудиторъ лейтенанта Савельева и поручивъ ему привести городъ въ порядокъ, Муфель приказалъ убитыхъ Пугачевымъ погребать по христіанскому обряду, а убитыхъ сообщниковъ самозванца, «яко непотребныхъ изверговъ, вытаща по землѣ за ноги за городъ, бросить въ отдаленности въ яму, прикрывъ, чтобъ не было мерзкаго зловонія, землею; повѣшенныхъ же злодѣевъ публично отнюдь не касаться, а оставить ихъ на позоръ и показаніе зараженнымъ и колеблющимся разумомъ отъ разсѣянныхъ злохитрыхъ злодѣемъ плевелъ людямъ» [2]).

14 августа пришелъ въ Саратовъ Михельсонъ, а позади его слѣдовалъ генералъ-маіоръ Мансуровъ съ своимъ отрядомъ.

Графъ Панинъ былъ недоволенъ дѣйствіями графа Меллина и Муфеля. Онъ поручилъ Михельсону сдѣлать имъ замѣчаніе за то, что они, во-первыхъ, не подоспѣли на помощь Саратову, а во-вторыхъ, находясь уже вблизи лагеря самозванца, не рѣшились атаковать мятежниковъ. «Видно, прибавлялъ графъ П. Панинъ въ ордерѣ Михельсону [3]), что десница Вышняя, снабдившая васъ превосходными предъ ними дарованіями и мужествомъ, *приготовляетъ вашей же прославившейся рукѣ сдѣлать послѣднее пораженіе сему злѣйшему врагу Россіи*, и я ласкаю себя, что между симъ уже вы оное къ умноженію безсмертной вашей славы и произвесть изволили».

Главнокомандующій предвидѣлъ то, что случилось спустя нѣсколько недѣль, но въ то время, когда высказывалась эта надежда,

---

[1]) Рапортъ Михельсона графу Панину 12 августа 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

[2]) Рапортъ Савельева Сенату 15 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 454.

[3]) Отъ 15 августа 1774 г.

самозванецъ былъ еще въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Михельсона и торопился уйти на югъ, пробираясь въ промежутокъ между Волгою и роднымъ ему Дономъ.

XII.

Виды Пугачева при приближеніи къ Дону. — Переговоры его съ первою женою, Софьею. — Манифестъ самозванца Донскому войску. — Формированіе на Дону новыхъ полковъ для защиты границъ отъ мятежниковъ. — Указъ Пугачева Антиповской станицѣ и занятіе ея мятежниками. — Бой на р. Пролейкѣ. — Занятіе Пугачевымъ Дубовки. — Свиданіе самозванца съ депутатомъ Горскимъ. — Присоединеніе къ мятежникамъ Цендена съ тремя тысячами калмыковъ.

Спускаясь на югъ и подвигаясь все ближе и ближе къ родному Дону, Пугачевъ не простиралъ своихъ видовъ далѣе того, чтобы поднять казаковъ и уйти съ ними на Кубань. Онъ не мечталъ о возвращеніи въ Россію, ибо зналъ, что за нимъ слѣдуютъ значительные отряды; но надѣясь встрѣтить сочувствіе среди донцовъ, думалъ при ихъ содѣйствіи прорваться между Волгою и Дономъ.

Рѣшаясь отправить къ нимъ воззваніе и опасаясь, чтобы бывшая при немъ первая жена, Софья, не выдала его, онъ, еще подходя къ Саратову, рѣшился объясниться съ ней.

Отъ Казани и до Саратова Пугачевъ никогда не говорилъ ни съ женою, ни съ дѣтьми, и лишь во время остановокъ для обѣда или ночлега всегда раскидывали двѣ палатки: «въ одной бывала она, Софья, съ дѣтьми и съ тѣми дѣвками, которыя Пугачеву были ненадобны, а которыя надобны, тѣ всегда бывали съ нимъ, по двѣ въ его палаткѣ».

«Дорогою же у него было дѣвокъ съ восемь, показывала Софья [1]), двѣ привезенныя изъ Казани, да ѣхавши по городамъ взято шесть, и дѣвки были хорошія, такъ какъ написаны». Пугачевъ не признавалъ Софью женою, а она открыться ему опасалась, «для того, что онъ сталъ такой собака, хоть чуть на кого осердится, то ужь и ступай въ петлю».

---

[1]) Государственный Архивъ, VI, д. № 506.

Однажды послѣ обѣда самозванецъ вошелъ въ палатку къ Софьѣ и выслалъ дѣвокъ вонъ.

— Что, Дмитріевна, какъ ты думаешь обо мнѣ? спросилъ онъ жену.

— Да что думать-то, отвѣчала она; — буде не отопрешься, такъ я твоя жена, а вотъ это твои дѣти.

— Это правда; я не отопрусь отъ васъ, только слушай, Дмитріевна, что я тебѣ скажу: теперь пристали ко мнѣ наши донскіе казаки и хотятъ у меня служить, такъ я тебѣ приказываю: неравно между ними случатся знакомые, не называй меня Пугачевымъ, а говори, что я у васъ въ домѣ жилъ, знакомъ тебѣ и твоему мужу; и сказывай, что твоего мужа въ судѣ замучили до смерти за то, что меня у себя держалъ въ домѣ.

— Какъ я стану это говорить, я право не знаю.

— Такъ и сказывай, что ты жена Пугачева, да не сказывай, что моя и не говори, что я Пугачевъ. Ты видишь, что я называюсь нынѣ государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ, и всѣ меня за такого почитаютъ. Такъ смотри же, Дмитріевна, исполняй то, что я тебѣ велю, а я, когда Богъ велитъ мнѣ быть въ Петербургѣ и меня тамъ примутъ, тогда тебя не оставлю, а буде не то, такъ не пеняй — изъ своихъ рукъ саблею голову срублю.

Послѣ такого объясненія Софья слѣдовала безусловно приказанію своего мужа.

Заручившись обѣщаніемъ жены говорить, какъ ей приказано, Пугачевъ приказалъ своему секретарю Дубровскому (онъ же Иванъ Трофимовъ) написать и отправить донцамъ воззваніе слѣдующаго содержанія:

«Вы уже довольно и обстоятельно знаете, писалъ самозванецъ [1]), что подъ скипетръ и корону нашу почти уже вся Россія добропорядочнымъ образомъ по прежней своей присягѣ склонилась. Сверхъ того, нѣсколько донскаго и волгскаго войска оказываютъ къ службѣ нашей, — по искорененію противниковъ, разорителей и возмутителей имперіи дворянъ, — ревность и усердіе и получили

[1]) Отъ 13 августа 1774 г. Въ *Русскомъ Архивѣ* (1873 г., № 4, стр. 0451) манифестъ ошибочно помѣченъ 23 августа. Въ томъ же журналѣ 1870 г., т. I, стр. 292 этотъ же самый манифестъ напечатанъ вѣрно.

себѣ свободную вольность, нашу монаршую милость и награжденіе древняго Святыхъ Отцовъ преданія крестомъ и молитвою, головами и бородами. Того ради, какъ мы есть всемилостивѣйшій монархъ и попечитель обо всѣхъ вѣрноподданныхъ рабахъ, желаемъ преклонить въ единственное вѣрноподданство всѣхъ и васъ и видѣть доказательство къ службѣ нашей ревности отъ васъ. Вы-жь нынѣ помрачены и ослѣплены прельщеніемъ тѣхъ проклятаго рода дворянъ, которые, не насытясь Россіею, но и природныя казачьи войска хотѣли раздѣлить въ крестьянство и истребить казачій родъ.

«Мы, однако, по власти Всевышней Десницы, надѣемся, что вы, признавъ оказанныя противъ нашей монаршей власти и своего государя противности и звѣрскія стремленія, которыя вамъ всегда будутъ въ погибель и повелителямъ вашимъ, раскаетесь и придете въ чувство покаянія, за что можете получить монаршее наше прощеніе и, сверхъ того, награжденіе тако-жь, каково получили отъ насъ склонившіеся вѣрноподданные рабы».

Взявъ у Дубровскаго этотъ манифестъ, Твороговъ отправился къ самозванцу.

— Извольте, ваше величество, сами подписать этотъ указъ, сказалъ онъ; — вѣдь именные указы, я слыхалъ, государи сами подписываютъ.

Пугачевъ потупилъ голову, потомъ вскинулъ глаза на Творогова и, помолчавъ немного, отказался подписать.

— Иванъ, проговорилъ онъ,—нельзя мнѣ теперь подписывать до тѣхъ поръ, пока не приму царства; ну, ежели я окажу свою руку, такъ вѣдь иногда и другой кто-нибудь, узнавъ какъ я пишу, назовется царемъ, а легкомысленный народъ повѣритъ и будетъ какое ни есть злодѣйство. Пошли ты ко мнѣ Алексѣя (Дубровскаго), пускай теперь онъ за меня подписываетъ.

Дубровскій подписалъ и получилъ приказаніе отправить манифестъ по назначенію.

— Что, Алексѣй Ивановичъ, какъ ты думаешь, спрашивалъ Твороговъ Дубровскаго, — а мнѣ кажется худо: пропали мы совсѣмъ. Видно, что онъ грамотѣ не знаетъ, когда самъ не подпи-

сываетъ именныхъ своихъ указовъ, а вѣдь государь Петръ Ѳедоровичъ и по-русски и по-нѣмецки достаточенъ былъ въ грамотѣ.

— И я, братъ, Иванъ Александровичъ, думаю, отвѣчалъ Дубровскій, — что худо наше дѣло.

Разставшись съ секретаремъ, Твороговъ сообщилъ свое подозрѣніе и начальнику артиллеріи самозванца, яицкому казаку Ѳедору Чумакову.

— Худо наше дѣло, Ѳедоръ Ѳедотовичъ, говорилъ Твороговъ;— теперь я подлинно увѣрился, что онъ (Пугачевъ) не знаетъ грамоты и вѣрно не государь, а самозванецъ.

— Какъ это такъ? спросилъ съ удивленіемъ Чумаковъ;—поэтому мы всѣ погибли... Какъ же намъ быть?

«Потомъ, разсуждая оба, показывалъ Твороговъ [1]), какимъ бы образомъ арестовать его, не находили средства начать такое дѣло и боялись открыться въ томъ другимъ, потому что всѣ безъ изъятія почитали его за истиннаго государя. Въ разсужденіи чего и условились мы таить сіе до удобнаго случая. Хотя же я и съ самаго начала при злодѣѣ у письменныхъ дѣлъ находился, но клянусь живымъ Богомъ, что никакъ не зналъ того, что злодѣй грамотѣ не умѣетъ, ибо онъ предъ всѣми нами показывался знающимъ тѣмъ, что писывалъ въ глазахъ нашихъ какіе-то крючки иногда мелко, иногда крупно и сказывалъ, что пишетъ по-нѣмецки. Также если когда подамъ ему въ руки что-нибудь написанное, то смотря на оное шевелилъ губами и подавалъ видъ, что читаетъ, почему и не смѣлъ никто изъ насъ опробовать (испробовать) его знаніе написаніемъ другаго нежели онъ приказывалъ, бояся висѣлицы, потому что онъ содержалъ насъ въ великомъ страхѣ».

Подписанный Дубровскимъ манифестъ не принесъ ожидаемой пользы, въ виду мѣръ, принятыхъ атаманомъ Сулинымъ и правительствомъ. Еще 19 іюля П. Потемкинъ предупреждалъ атамана, будто Пугачевъ, послѣ разбитія его подъ Казанью, намѣренъ пробраться на Донъ и просилъ Сулина объявить по войску, что поймавшему злодѣя будетъ выдано 25,000 руб. и золотая медаль «въ

[1]) Госуд. Арх., VI, д. № 505 и № 512.

вѣчную честь» [1]). Получивши это увѣдомленіе, войско донское опредѣлило собрать, изъ оставшихся за раскомандированіемъ въ заграничныя арміи казаковъ, 1,500 человѣкъ и раздѣливъ ихъ на три полка, выставить «на верхнихъ съ сосѣдственными мѣстами войска донскаго границахъ».

Вслѣдъ затѣмъ, 10 августа, была получена въ Черкаскѣ грамота военной коллегіи, въ которой было сказано, что императрица повелѣла войску нарядить тысячу казаковъ въ экспедицію, извѣстную генералу Г. А. Потемкину. Послѣдній, сообщая донцамъ о переправѣ Пугачева черезъ Волгу и движеніи на югъ, требовалъ, чтобы эти казаки были немедленно отправлены въ Воронежскую губернію, «для предохраненія сей губерніи и самаго Дона отъ разореній, причиняемыхъ симъ тысячи казней достойнымъ злодѣемъ».

Потемкинъ просилъ, чтобы начальство надъ этимъ отрядомъ было поручено полковнику Алексѣю Иловайскому, «если онъ здоровъ, буде же ему что либо въ семъ воспрепятствуетъ», то отправить команду «при другомъ надежномъ и въ исправности засвидѣтельствованномъ полковникѣ». Иловайскій заявилъ, что онъ здоровъ и готовъ идти на службу.

Сверхъ того, войско разослало свои грамоты всѣмъ старшинамъ по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку съ приказаніемъ собрать всѣхъ служилыхъ казаковъ и выростковъ, выступить съ ними въ походъ къ верховымъ станицамъ и состоять въ командѣ армейскаго полковника Себрякова [2]). При этомъ старшинамъ приказано наблюдать, чтобы казаки были «во всякой и ежечасной къ отраженію непріятеля готовности» и для того почаще объѣзжать станицы.

Положеніе Дона было въ это время критическое: не было ни достаточно войска, ни боевыхъ припасовъ. Полковникъ Себряковъ былъ болѣнъ и не могъ быть особенно дѣятельнымъ по комплек-

---

[1]) Письмо П. Потемкина атаману Сулину 19 іюля 1774 г., № 8. Госуд. Арх., VI, д. № 489.

[2]) Рапортъ наказнаго атамана Сулина генералу Г. А. Потемкину 12 августа 1774 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, опись 194, кн. 45. См. также *«Начало и характеръ Пугачевщины»*, П. Щебальскаго, изд. 1865 г., стр. 140.

тованію полковъ; старшины, не имѣя у себя надежныхъ средствъ, дѣйствовали нерѣшительно и не всегда согласно. По Дону распространился слухъ, что идетъ не Пугачевъ, а истинный государь Петръ Ѳедоровичъ. Полковникъ Себряковъ отправилъ надежныхъ казаковъ въ самыя сѣверныя пограничныя станицы: Березовскую и Филоновскую, чтобы своевременно имѣть извѣстія о надвигавшейся толпѣ. Съ этою же самою цѣлью онъ послалъ есаула Мельникова съ командою къ Ломову, а Ефрема Себрякова — въ Саратовъ.

Между тѣмъ, казаки собирались весьма медленно и приходили съ дурнымъ вооруженіемъ. При всѣхъ своихъ усиліяхъ Себряковъ могъ собрать изъ нижнихъ медвѣдицкихъ станицъ только двѣсти казаковъ, которые и были расположены въ двухъ верстахъ отъ Скуришенской станицы. Всѣ его распоряженія и предписанія старшинамъ или вовсе не исполнялись, или исполнялись весьма медленно.

«Неудачное исполненіе старшинами распоряженій, говоритъ М. Сенюткинъ [1]), и недостатокъ войскъ имѣли самое пагубное вліяніе на разстроенное и безъ того здоровье Себрякова. Онъ впалъ въ горячку и съ сожалѣніемъ видѣлъ, что уже не можетъ по прежнему служить отечеству».

— Для чего я болѣнъ, говорилъ онъ однажды есаулу Сергѣеву, — для чего не могу идти въ походъ, когда неотмѣнно надобно спасать отечество?

Приближеніе мятежниковъ къ Етеревской станицѣ и нежеланіе отдаться имъ живому въ руки, заставили Себрякова уѣхать со всѣмъ семействомъ въ Новохоперскую крѣпость и передать всѣ распоряженія въ руки отдѣльныхъ старшинъ, командовавшихъ полками. Какъ только наказный атаманъ Сулинъ узналъ о болѣзни Себрякова, онъ тотчасъ же приказалъ Луковкину отправиться на Медвѣдицу, сформировать тамъ три полка по 500 человѣкъ каждый и идти на пораженіе Пугачева.

Вечеромъ 13-го августа Луковкинъ прибылъ въ Скуришен-

---

[1]) «Военныя дѣйствія донцовъ и проч.», Михаила Сенюткина. *Современникъ*, 1854 г., т. 46, стр. 96.

скую станицу. Повидавшись съ Себряковымъ, онъ въ ту же ночь отправился въ Арчадинскую станицу и, къ удивленію своему, не нашелъ тамъ не только команды, но и ни одного наряженнаго на службу казака. Онъ тотчасъ же отправилъ приказъ станичнымъ атаманамъ по Хопру и Бузулуку какъ можно скорѣе командировать на службу казаковъ, и съ большими усиліями успѣлъ сформировать три полка: одинъ подъ своимъ начальствомъ, другой подъ начальствомъ Максима Янова и третій подъ командою Андрея Куколова. Едва эти полки были сформированы, какъ получено было извѣстіе о приближеніи мятежниковъ къ Дону.

Находясь еще въ Саратовѣ, Пугачевъ усилилъ свою толпу возмутившимися колонистами, которые добровольно приставали къ его толпѣ и оставались въ ней до окончательнаго разсѣянія толпы самозванца. Такихъ лицъ было доставлено потомъ въ Саратовъ 432 человѣка обоего пола. Трусость ли колонистовъ, или одно желаніе сохранить свои дома и имущество отъ разграбленія были причиною ихъ присоединенія къ мятежникамъ, но во всякомъ случаѣ поступокъ этотъ удивилъ правительственныхъ лицъ. Прибывшій въ Саратовъ съ отрядомъ генералъ-маіоръ Мансуровъ, по совѣту Державина, отправилъ въ колоніи свое воззваніе, сочиненное поэтомъ, въ которомъ требовалъ полнаго спокойствія, повиновенія правительству и возвращенія въ свои жилища.

«Я уповаю и надѣюсь тѣмъ болѣе на васъ, писалъ Мансуровъ [1]), что вы нашей всемилостивѣйшей монархинѣ въ вашихъ должностяхъ вѣрными пребудете, понеже вамъ, *какъ иностраннымъ и благоразумнымъ нѣмцамъ*, довольно извѣстно быть должно, что государственный злодѣй Пугачевъ не токмо не государь, но прежесточайшій варваръ, тиранъ и человѣческому обществу злодѣй, въ истребленіи котораго всему человѣческому роду принадлежитъ стараніе имѣть».

Нѣмцы однакожъ не возвращались и шли по слѣдамъ мятежниковъ. За Саратовымъ Пугачевъ былъ усиленъ еще толпою въ 700 человѣкъ заводскихъ крестьянъ, прибывшихъ съ яицкимъ казакомъ Ходинымъ.

---

[1]) Въ воззваніи отъ 13 августа 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 492.

— Гдѣ этихъ людей набралъ? спрашивалъ Пугачевъ Ходина.

— Пристали ко мнѣ сами, когда тебя Михельсонъ разбилъ подъ Казанью; мы все шли позади васъ.

Самозванецъ благодарилъ своего сообщника и былъ очень радъ прибытію крестьянъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ были вооружены ружьями.

Съ толпою до 5,000 человѣкъ Пугачевъ, 11-го августа, подошелъ къ Камышину (Дмитріевску) и занялъ его. Впереди города встрѣтили самозванца человѣкъ 30 царицынскихъ казаковъ, которые были въ разъѣздахъ, и добровольно пристали къ его толпѣ. Жители вышли съ хлѣбомъ и солью, а духовенство—съ крестами. Комендантъ Меллинъ заперся въ крѣпости и, не стрѣляя, ожидалъ рѣшенія своей участи. Предводимые атаманомъ Овчинниковымъ, мятежники разбили ворота, ворвались въ крѣпость и убили коменданта. Дома многихъ жителей были разорены, денежныя суммы разграблены.

Въ Камышинѣ присоединились къ самозванцу 600 человѣкъ малороссійскихъ казаковъ, и отсюда Пугачевъ разослалъ по станицамъ волжскаго войска своихъ посланныхъ съ требованіемъ, чтобы казаки покорились его власти. Гонцы грозили населенію, что государь всѣхъ противящихся вырубитъ, а жилища ихъ предастъ пламени.

Въ ближайшій къ Камышину (Дмитріевску) хуторъ Саломатинъ пріѣхалъ, 13-го августа, старшина Антиповской станицы Иванъ Никифоровъ и собравъ казаковъ, объявилъ, что отъ государя прислано письмо, въ которомъ онъ требуетъ, чтобы казаки сдались безъ сопротивленія, въ противномъ случаѣ угрожаетъ всѣхъ истребить, а дома сжечь.

На самомъ дѣлѣ письмо это было слѣдующаго содержанія [1]):

«Божіею милостію мы Петръ III императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч., проч., проч.

«Антиповской станицы г. атаману Ивану Платонову, старшинамъ и всей Антиповской станицѣ объявляется во всенародное извѣстіе:

---

[1]) Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 194, кн. 45.

«Уповательно вся Россія небезъизвѣстна, которой уже большая половина подъ скиптръ и корону нашу добропорядочнымъ образомъ склонилась и признавъ насъ обстоятельно, увѣрясь о точномъ нашемъ имени, а особливо нѣсколько донскаго и волжскаго войска оказываютъ въ нашей службѣ ревность и усердіе. Того ради и вамъ, г. атаману Платонову съ войскомъ, посылаемъ всемилостивѣйшій нашъ именной указъ съ монаршимъ и отеческимъ милосердіемъ и повелѣваемъ по прибытіи нашемъ съ арміею учинить встрѣчу, понеже завтра въ половину дня прибыть имѣемъ, для чего быть готовымъ въ нашу службу, а злодѣевъ дворянъ всячески стараться искоренять. Въ вѣрность чего за подписаніемъ собственной нашей руки и съ приложеніемъ короны сей указъ данъ».

Скрывъ истинное содержаніе указа, Никифоровъ приказалъ казакамъ съѣзжаться въ станицу. На слѣдующій день казаки собрались въ кругу и разсуждали, что̀ имъ дѣлать: противъ ли злодѣевъ идти, спасаться-ли бѣгствомъ или же покориться ему. «Сожалѣя женъ своихъ, дѣтей и имущество», казаки рѣшились «по малоимѣнію къ сопротивленію людей, къ нему склониться» [1]). Выбравъ 40 человѣкъ казаковъ, кругъ отправилъ ихъ съ тремя знаменами на встрѣчу Пугачеву. При приближеніи его, казаки, верстахъ въ семи отъ станицы, слѣзли съ лошадей и, ставъ на колѣни, поклонились самозванцу съ «пригнутіемъ знаменъ»; многіе цѣловали руку Пугачева.

У входа въ станицу все населеніе отъ стараго до малаго, мужчины и женщины, съ образами и колокольнымъ звономъ ожидали прибытія Пугачева. При его приближеніи всѣ пали на колѣни. Самозванецъ, не слѣзая съ своей пѣгой лошади, приложился ко кресту, проѣхалъ прямо въ станицу и въ домѣ казака Родіона Осипова Забурунаго обѣдалъ. Первымъ дѣломъ были выпущены на волю всѣ колодники, затѣмъ всѣмъ солдатамъ обрѣзаны волосы по-казачьи и приказано состоять въ войскѣ государя. Станичному атаману Ивану Платонову велѣно забрать съ

---

[1]) Показаніе волжскаго войска казака Ивана Черникова 22 августа 1774 года. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 194, кн. 45.

собою всѣхъ станичныхъ старшинъ, есаула, казаковъ, станичныя знамена и слѣдовать за самозванцемъ.

Пообѣдавъ въ станицѣ и отойдя отъ нея верстъ восемь, толпа остановилась на ночлегъ на р. Балыклеѣ. Пугачевъ высказывалъ свое намѣреніе идти въ Караванскую и Балыклеевскую станицы, а оттуда черезъ Дубовку и Царицынъ на Донъ. Въ это время въ толпѣ его, по показанію участниковъ, находилось до 6,000 человѣкъ разнаго сброда: казанскихъ татаръ, крестьянъ, дворовыхъ людей и ссылочныхъ; изъ нихъ тысячъ до двухъ были вооружены, а остальные почти безъ всякаго оружія. Обозъ самозванца состоялъ изъ множества телѣгъ, колясокъ, берлиновъ въ числѣ до 500 экипажей.

При выступленіи изъ Камышина отъ главной толпы мятежниковъ отдѣлились три партіи и разными путями ворвались въ предѣлы Войска Донского. Двѣ изъ нихъ шли по берегамъ Медвѣдицы и Иловли, а третья по Хопру. Разоряя на пути всѣ селенія, мятежники навели такой страхъ на жителей, что большинство ихъ, отъ стараго до малаго, оставили свои дома и скрывались по нѣскольку дней въ лѣсахъ. Толпа, слѣдовавшая по рѣкѣ Медвѣдицѣ, ворвалась и разграбила слободу Красояровку, другая, 14-го августа, разорила станицы: Березовскую, Малодѣльскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую. Въ Березовской станицѣ мятежники потребовали станичный конный табунъ и выбрали изъ него самыхъ лучшихъ лошадей; въ Малодѣльской повѣсили нѣсколькихъ казаковъ, а въ Заполянской—жестоко избили станичнаго атамана и двухъ стариковъ за то, что они не могли снабдить ихъ овсомъ и сѣномъ.

Получивъ извѣстіе о появленіи мятежниковъ, походный атаманъ Луковкинъ присоединилъ къ себѣ старшинъ Янова и Вуколова и, принявъ общее начальство надъ казаками, число которыхъ, впрочемъ, не превышало 550 человѣкъ, двинулся на пораженіе мятежниковъ, бывшихъ у Етеревской станицы. Не видя полковника Себрякова и слыша, что онъ скрылся въ Новохоперской крѣпости, казаки неособенно охотно шли за Луковкинымъ на пораженіе мятежниковъ. Въ особенности противились тому старики и люди пожилые.

— Мы готовы идти, говорили они, — но у насъ нѣтъ главнаго начальника. Видно это не Пугачъ, а государь, что онъ (Себряковъ) уѣхалъ, и кабы не такъ, онъ бы стоялъ.

Напрасно Луковкинъ старался увѣрить своихъ подчиненныхъ, что Себряковъ болѣнъ и что къ нимъ приближается не истинный государь, а самозванецъ.

— Какъ бы намъ, говорили казаки, — вмѣсто Пугача не поднять рукъ на помазанника Божія императора Петра III.

Луковкинъ принужденъ былъ заставить нѣкоторыхъ казаковъ, бывшихъ въ плѣну у Пугачева, лично заявить передъ собраніемъ, что они видѣли въ толпѣ самозванца. Послѣ увѣщаній, длившихся почти цѣлый день, Луковкинъ въ ночь на 17 августа выступилъ противъ непріятеля, сдѣлалъ переходъ въ 80 верстъ и на слѣдующій день совершенно неожиданно напалъ на мятежниковъ, пировавшихъ въ Етеревской станицѣ. Многіе были убиты и захвачены въ плѣнъ, но бо́льшая часть спаслась бѣгствомъ и присоединилась къ другой толпѣ, находившейся въ Заполянской станицѣ. Преслѣдуя мятежниковъ, Луковкинъ имѣлъ съ ними горячія дѣла близъ Малодѣльской станицы, при такъ называемомъ курганѣ Караулъ, и на рѣкѣ Баландѣ, Пензенскаго уѣзда. Разсѣявъ шайки и выгнавъ ихъ изъ предѣловъ Войска Донского, Луковкинъ соединился съ полковникомъ Иловайскимъ и направился вмѣстѣ съ нимъ въ Воронежскую губернію.

Въ это время Пугачевъ, съ главнѣйшею частію своихъ сообщниковъ, тянулся по направленію къ Караванской станицѣ и затѣмъ къ Балыклеевской. Всѣ встрѣчавшіеся на пути волжскіе казаки присоединялись къ самозванцу, причемъ атаманъ Антиповской станицы Иванъ Платоновъ оказывалъ особую ревность къ увеличенію силъ Пугачева. Подозвавъ къ себѣ казаковъ Черникова и Тарасова, атаманъ Платоновъ представилъ ихъ самозванцу. Послѣдній подалъ имъ конвертъ и приказалъ отвезти его въ Березовскую станицу, но потомъ, подумавши, взялъ обратно и приказалъ везти въ Иловленскую станицу. А какъ конвертъ былъ адресованъ въ Березовскую станицу, то Пугачевъ и приказалъ Дубровскому переправить адресъ.

— Въ Иловлѣ будутъ сомнѣваться, замѣтилъ самозванецъ, и пожалуй не распечатаютъ.

Дубровскій подчистилъ адресъ и отдалъ указъ посылаемымъ казакамъ. Пугачевъ приказалъ имъ ѣхать прямо въ домъ казака Иловленской станицы Ѳедора Авинова, отдать ему конвертъ, для объявленія станичному атаману и казакамъ.

— Гдѣ императоръ находится? спросилъ Авиновъ, принимая письмо отъ Черникова.

— Отправился къ Каравайнской станицѣ.

Авиновъ взялъ письмо и отнесъ его къ старшинѣ Манкову, стоявшему съ полкомъ лагеремъ всего въ полуверстѣ отъ станицы. Въ этомъ письмѣ находился слѣдующій указъ самозванца:

«Божіею милостію мы Петръ III императоръ и самодержецъ всероссійскій

и проч., проч., проч.

«Объявляется Березовской станицы г. атаману и всѣмъ живущимъ въ оной донскаго войска казакамъ и во всенародное извѣстіе.

«Довольно уже наполнена была Россія о нашемъ отъ злодѣевъ (главныхъ сенаторовъ и дворянъ) укрытіи вѣроятнымъ слухомъ, но и иностранныя государства небезъизвѣстны. Не отъ чего инаго сіе воспослѣдовало, какъ во время царствованія нашего разсмотрѣно, что отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ, древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанскій совсѣмъ нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того отъ ихъ зловреднаго умысла съ нѣмецкихъ обычаевъ введенъ въ Россію другой законъ и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣрѣ какъ въ крестѣ, такъ и прочемъ неистовства, и подвергнули кромѣ нашей монаршей власти всю Россію себѣ въ подданство, съ наложеніемъ великихъ отягощеніевъ и доводя ее до самой крайней гибели; черезъ что, какъ яицкое, донское, волжское войско ожидали своего крайняго разоренія и истребленія, что нами во всемъ вышепрописанномъ отечески соболѣзновавъ сожалѣли и унамѣрены были отъ ихъ злодѣйскаго тиранства свободить и учинить во всей Россіи вольность, за что печаянно лишены мы всероссійскаго престола и вмѣнены злоумышленными публикованными указами въ мертвые.

«Нынѣ же по промыслу Всевышней Десницы, волею его святою, вмѣсто совсѣмъ забвенія имя наше процвѣтаетъ и по прежде обязанной присягѣ, признавъ и увѣрясь о точномъ нашемъ имени, приняли и склонились подъ нашъ скиптръ и корону живущій Казанской и Оренбургской губерній, съ приписными городами и уѣздами народъ; такожъ башкирскія и калмыцкія орды и поселенное по р. Волгѣ волжское казачье войско и оказываютъ ревность и усердіе къ службѣ нашей охотно и безъ всякаго принужденія.

«Того ради за благо разсудить соизволили черезъ сей нашъ всемилостивѣйшій указъ дать знать о нашемъ шествіи съ побѣдоносной арміей какъ означенной Березовской станицѣ, такъ и всему донскому казачьему войску, что если оно возчувствуетъ наше отеческое попеченіе и пожелаетъ вступиться за природнаго своего государя, который для общаго спокойствія и тишины претерпѣлъ великія странствія и немалыя бѣдствія—то бы желающіе оказать ревность и усердіе, для истребленія вредительныхъ обществу дворянъ, явились бы въ главную нашу армію, гдѣ и сами мы присутствуемъ, за что безъ монаршей нашей милости и на первый случай невзачетъ жалованья по 10 руб. награждены и оставлены не будете.

«А для свѣдѣнія всему донскому войску повелѣваемъ сей указъ станицы отъ станицы пересылать внизъ по теченію р. Дона и, списывая съ онаго копіи, для надлежащаго исполненія оставлять въ каждой станицѣ. Во свидѣтельство того, мы собственною рукою подписали и государственною нашею короною [1]) укрѣпить соизволили».

Манковъ арестовалъ присланныхъ, отправилъ указъ самозванца царицынскому коменданту и узнавъ отъ захваченныхъ, что самозванецъ идетъ въ Дубовку, выступилъ на встрѣчу вмѣстѣ съ старшиною Григоріемъ Поздѣевымъ [2]).

---

[1]) Подъ именемъ короны подразумѣвалась приложенная въ лѣвомъ углу первой страницы печать, означающая «мерзкую харю злодѣя». (Показаніе Творогова 27 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 505). Подлинный указъ см. Государ. Арх., VI, д. № 512.

[2]) Рапорты старшинъ Василія Манкова и Григорія Поздѣева атаману Сулину, отъ 16 августа. Показаніе казака Ивана Черникова отъ 22 августа 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 194, кн. 45. Иванъ Черниковъ былъ по-

Въ то же самое время, пользуясь прибытіемъ, 10-го августа, въ Царицынъ присланнаго Кречетниковымъ полковника князя Дондукова съ 3,000 калмыковъ, царицынскій комендантъ полковникъ Циплетевъ рѣшился выслать его на помощь Камышину (Дмитріевску). Присоединивъ къ калмыкамъ первую легкую полевую команду маіора Дица, съ 7-ю полевыми орудіями, и поручивъ общее начальствованіе надъ отрядомъ полковнику князю Дондукову, полковникъ Циплетевъ предписалъ ему слѣдовать на Дмитріевскъ, не пропускать Пугачева къ Дону и слѣдить за тѣмъ, чтобы самозванецъ не могъ обойти отрядъ стороною и пробраться въ низовые города [1]). Находившемуся въ Хоперской крѣпости полковнику Себрякову также приказано было Циплетевымъ дѣйствовать во флангъ надвигающейся толпы, причемъ царицынскій комендантъ писалъ ему, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, толпа мятежниковъ имѣетъ весьма мало вооруженныхъ и большинство идетъ съ косами, бердышами, насаженными на древки и ѣздитъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ. Циплетевъ предложилъ присоединиться къ отряду Дондукова атаману волжскаго войска Персидскому, но тотъ объявилъ, что болѣнъ, и не поѣхалъ.

Выступая противъ непріятеля 12-го августа и желая еще болѣе усилить свой отрядъ, полковникъ Дондуковъ отправилъ нарочныхъ во всѣ улусы, чтобы всѣ владѣльцы, въ томъ числѣ и Цепденъ, всѣ зайсанги и калмыки, «кои службу снести могутъ, по донынѣ въ домахъ остающіеся», шли къ нему на соединеніе, «безъ наималѣйшаго времени продолженія» [2]).

Въ Дубовкѣ къ отряду Дондукова присоединился полковникъ Ѳедоръ Кутейниковъ съ своимъ полкомъ и вмѣстѣ двинулись къ Дмитріевску. Получивъ извѣстіе, что самозванецъ, 11-го августа, занялъ уже Дмитріевскъ, полковники Дондуковъ и Кутейниковъ торопились занять постъ въ Балыклеевской станицѣ, но передовые

вѣшенъ въ Черкаскѣ. См. *Воен. дѣйствія донцовъ противъ Пугачева*, М. Сенюткина. Современникъ, т. 46, стр. 92.

[1]) Рапортъ Циплетева военной коллегіи, отъ 12 августа 1774 г. Московс. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга V.

[2]) Рапортъ Дондукова Кречетникову 13 августа 1774 г. Рапортъ полковника Циплетева ему же отъ 15 августа. Государ. Арх., VI, д. № 454.

изъ толпы Пугачева предупредили ихъ и потому, не доходя пяти верстъ до станицы, князь Дондуковъ, 15-го августа, повернулъ на р. Пролейку, гдѣ и расположился на ночлегъ [1]).

Утромъ 16-го числа казачьи разъѣзды донесли о приближеніи толпы мятежниковъ въ числѣ 5 т. человѣкъ. Полковникъ Дондуковъ построилъ свои войска въ боевой порядокъ: въ центрѣ стала легкая полевая команда подъ начальствомъ маіора Дица, на лѣвомъ ея флангѣ стали 300 человѣкъ казаковъ полковника Кутейникова, а на правомъ флангѣ калмыки. Лишь только появился непріятель, Кутейниковъ тотчасъ же атаковалъ правый флангъ мятежниковъ, смялъ ихъ и заставилъ отступить за свои орудія, но въ это время калмыки частію передались на сторону непріятеля, а частію бѣжали съ поля сраженія.

Мятежники успѣли отрѣзать казаковъ отъ легкой полевой команды и подавили ихъ своею многочисленностью. Полковникъ Кутейниковъ съ нѣсколькими человѣками оставилъ поле сраженія и верстахъ въ 20-ти нагналъ полковника князя Дондукова съ 25 калмыками. Большая часть казаковъ отступила въ степь и потомъ по одиночкѣ пробиралась или въ станицы, или въ Царицынъ. Оставшись одинъ на полѣ сраженія, маіоръ Дицъ построилъ въ каре свою легкую полевую команду и, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, отбивался стоя на мѣстѣ. Его драгунская команда, численность которой не превышала 60 человѣкъ, подъ начальствомъ поручика Денисьева, бросаясь нѣсколько разъ въ атаку «дралась съ отличною храбростью, въ чемъ признавались пойманные подъ Царицыномъ злодѣи», но прорвать густую толпу мятежниковъ была не силахъ. Вскорѣ послѣ того маіоръ Дицъ былъ убитъ, многіе офицеры убиты или ранены, и солдаты, лишившись своихъ командировъ, пришли въ замѣшательство. Пользуясь этимъ, мятежники успѣли ворваться въ каре и тогда солдаты положили оружіе; всѣ офицеры были перебиты, за исключеніемъ одного прапорщика Лантева, захваченнаго въ плѣнъ вмѣстѣ

---

[1]) Рапортъ Дондукова Циплетеву 15 августа. Государственный Архивъ. VI, д. № 454. См. также *Зап. Акад.*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 19.

съ солдатами [1]). Впослѣдствіи всѣ плѣнные солдаты по одиночкѣ уходили изъ толпы и къ 25 августа возвратилось въ Царицынъ до 200 человѣкъ [2]).

17 августа Пугачевъ занялъ Дубовку,—главный пунктъ тогдашняго волжскаго войска, поселеннаго по берегу рѣкъ Волги и Иловли для охраненія этой мѣстности.

Первое извѣстіе о приближеніи самозванца принесъ въ Дубовку волжскаго войска есаулъ Савелій Тараринъ, прискакавшій изъ Саратова. Войсковой атаманъ Василій Персидскій послалъ Тарарина съ этимъ извѣстіемъ въ Царицынъ, и когда высланный полковникомъ Циплетевымъ отрядъ Дондукова былъ разбитъ, то Персидскій съ старшинами сѣли на лошадей и намѣрены были бѣжать изъ города.

— Когда вы ѣдете, то и мы отъ васъ не отстанемъ, сказалъ атаману есаулъ Борисовъ, и казаки стали также собираться въ путь.

— Мы поѣдемъ къ Дондукову посовѣтоваться, увѣрялъ Персидскій, а потомъ скоро вернемся назадъ; вы здѣсь останьтесь и подождите насъ.

Казаки повѣрили и остались. Черезъ часъ времени, атаманъ прислалъ съ дороги въ городъ старшину Григорія Полякова съ порученіемъ принять начальство и имѣть «всякую въ случаѣ злодѣйскаго прихода предосторожность». Поляковъ приказалъ поставить въ воротахъ двѣ единственныя пушки, но казаки говорили, что ими обороняться невозможно «противъ такъ великаго числа» мятежниковъ. Поляковъ приказалъ увезти пушки и хотѣлъ затопить порохъ, но казаки его не допустили, и когда Пугачевъ появился въ 30-ти верстахъ отъ Дубовки, то Поляковъ отправилъ на встрѣчу самозванцу казака Сидора Сеслистова объявить, что въ городѣ нѣтъ ни атамана, ни казаковъ. «Сіе Поляковъ

---

[1]) Рапорты атамана Сулина Г. А. Потемкину отъ 28 августа и 12 октября 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 194, кн. 45. Рапортъ полковника Циплетева военной коллегіи 16 сентября 1774 г. № 244 (Тамъ же, оп. 47, св. 249). Записка капитана Николая Свербеева, поданная князю А. А. Вяземскому (Арх. Кабинета Его Импер. Величества).

[2]) Всеподдан. рапортъ Циплетева отъ 25 августа. Госуд. Арх. VI, д. № 496.

для того сдѣлалъ, показывалъ казакъ Василій Горскій [1]), неравно злодѣй разсудилъ бы, что въ городѣ мало людей и обойдетъ мимо въ разсужденіи того, что городъ пустъ и поживиться ему будетъ нечѣмъ».

Возвратясь отъ Пугачева казакъ Сеслистовъ привезъ Полякову приказанія: встрѣтить государя съ честію, не отгонять табуна лошадей отъ города и приготовить на Волгѣ суда для того, по словамъ Пугачева, что «съ луговой стороны на нагорную будетъ перебираться его Черный гусарскій полкъ».

Получивши такое приказаніе, казаки рѣшились, не противясь, встрѣтить самозванца. Населеніе вышло за городъ съ хлѣбомъ и солью, а попъ, Яковъ Савинъ, съ нѣсколькими священниками съ крестами и образами. «Старшина и казаки, говорилъ маіоръ Салмановъ [2]), всѣ въ лучшихъ платьяхъ, со знаменами, показывали радостный видъ».

Впереди Пугачева ѣхала толпа яицкихъ казаковъ, и Поляковъ, не зная кто называется государемъ, спрашивалъ: какъ его узнать.

— Здѣсь государя нѣтъ еще, отвѣчали казаки; — а узнавайте его по тому, кто не скинетъ, по пріѣздѣ къ вамъ, шапки.

Вскорѣ подъѣхалъ Пугачевъ и слѣзъ съ лошади; къ нему подошелъ протопопъ съ крестомъ; самозванецъ приподнялъ немного шапку и поцѣловалъ крестъ, но «не тутъ, гдѣ должно, а въ самые уста Спасителя» и потомъ опять надѣлъ шапку. Атаманъ Овчинниковъ подбѣжалъ къ Пугачеву и протянулъ ему руку, «обернутую желтымъ платкомъ, а злодѣй, положа на оную свою, сталъ допущать народъ для цѣлованія». Сначала все это продѣлывалось стоя, а потомъ вынесли стулъ и Пугачевъ продолжалъ церемонію цѣлованія руки сидя. Въ числѣ встрѣчавшихъ самозванца былъ и старшій братъ войскового атамана.

— Гдѣ прочіе твои братья? спросилъ его Пугачевъ.

— Ушли, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же ты остался?

---

[1]) 31 октября 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 463.

[2]) Въ показаніи отъ 26-го сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 512.

— Я хочу умереть за отечество и мѣста своего не покину.

«Въ какомъ разумѣ [1]) (т. е. съ какою цѣлью) сказалъ сіе слово, показывалъ Пугачевъ, для того-ли, что ревновалъ службѣ и столько же государынѣ и самодержицѣ, или мыслилъ угодить тѣмъ ему (Пугачеву) — неизвѣстенъ; ибо злодѣй не объяснялся и оставилъ его, какъ человѣка престарѣлаго».

Войдя въ Дубовку, Пугачевъ остановился въ домѣ Полякова, гдѣ и обѣдалъ, а послѣ того возвратился въ свой станъ, расположенный вблизи города, гдѣ и ночевалъ. На другой день Поляковъ былъ связанъ и исколотъ копьями, но не до смерти, а пріѣхавшій яицкій казакъ собралъ кругъ и приказалъ выбрать атамана и есаула. Казаки выбрали походнаго атамана и депутата Василія Венеровскаго, а есауломъ—Ѳедора Сеслистова, и оба они были приведены къ присягѣ на вѣрность службы императору Петру III. Выкативъ изъ питейныхъ домовъ всѣ бочки съ виномъ и пивомъ, Пугачевъ приказалъ ихъ разбить, чтобы толпа его не перепилась, но распоряженіе это не достигло цѣли: сообщники самозванца «пьянствовали и кололи своихъ», а яицкіе казаки ходили по домамъ и грабили. Населеніе жаловалось на это Венеровскому и просило защиты, но не смотря на просьбы новаго атамана никакого удовлетворенія, конечно, не послѣдовало.

Обративши вниманіе на бывшаго въ толпѣ зрителей сотника астрахапскаго войска Василія Горскаго и узнавъ, что онъ былъ депутатомъ въ коммиссіи о сочиненіи уложенія, Твороговъ подошелъ къ нему, взялъ за руку и отвелъ въ сторону.

— Знаете-ли вы по-нѣмецки? спросилъ Твороговъ.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ Горскій.

— Какъ-де вамъ не знать, вы часто бывали въ Москвѣ и Петербургѣ.

— Мы хотя и бывали въ Петербургѣ, только не въ такихъ упражняемся наукахъ, а въ порученномъ намъ дѣлѣ въ «уложенной коммиссіи», да и на то смыслу у насъ недостаетъ.

— Ну, хотя серебряное мастерство не знаете ли?

---

[1]) А не «разсужденіи», какъ напечатано въ *Чтеніяхъ Московск. Общ. Истор. и Древн.*, 1858 г., кн. II, стр. 48.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Горскій, смѣясь,—гдѣ намъ этому учиться; родители обучили насъ съ нуждою и россійской грамотѣ, а пріучали больше къ службѣ, чтобы умѣть хорошо владѣть конемъ и ружьемъ.

Горскій просилъ представить его Пугачеву и выразилъ желаніе служить ему.

Твороговъ отправился въ палатку самозванца и, выйдя оттуда, позвалъ Горскаго къ Пугачеву. Снявъ пистолетъ, бывшій за поясомъ, Горскій положилъ его у стоявшей тутъ коляски и спросилъ, снять-ли ему шапку или нѣтъ. Твороговъ приказалъ снять. Горскій съ открытою головою вошелъ въ палатку, поклонился и по данному знаку сталъ на колѣни. На кошмѣ сидѣлъ самозванецъ, а передъ нимъ была разостлана скатерть, на которой стояли тарелки, разная рыба, икра, арбузы и куски калачей. Возлѣ Пугачева сидѣлъ очень молодой человѣкъ, а вокругъ скатерти на землѣ человѣкъ десять приближенныхъ самозванца.

— Здравствуй, мой другъ, ты кому присягалъ? спросилъ Пугачевъ.

— Всемилостивѣйшей государынѣ, въ вѣчномъ блаженствѣ достойныя памяти императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Не успѣлъ онъ выговорить слово «государынѣ», какъ сидѣвшіе тутъ казаки взглянули на него быстро, а по окончаніи рѣчи потупили глаза.

— Давно-ли ты въ службѣ?

— Съ 1748 года.

— Послѣ государыни Елисаветы Петровны кому ты еще присягалъ?

— Государю императору Петру III.

— А потомъ кому?

— Когда было обнародовано указами, что императоръ Петръ III скончался и воцарилась государыня Екатерина Алексѣевна, мы ей присягали и наслѣднику Павлу Петровичу.

— Давно-ли ты, мой другъ, изъ Москвы?

— Мѣсяца съ три и больше.

— Что тамъ про меня говорятъ?

— Говорятъ, сударь, что подъ Оренбургомъ и въ тѣхъ мѣстахъ воюетъ Пугачевъ.

Самозванецъ засмѣялся и указалъ на сидѣвшаго подлѣ себя молодого человѣка, потрепавъ его по плечу.

— Вотъ сынъ Пугачева, Трофимъ Емельяновичъ, послѣ него остался, сказалъ онъ,—а самого Пугачева нѣтъ уже въ живыхъ.

Помолчавши немного, а потомъ, колотя себя въ грудь, Пугачевъ громко произнесъ: «вотъ, другъ мой, Петръ III императоръ». При этомъ сидѣвшіе вокругъ скатерти казаки преклонили свои головы къ колѣнямъ, «на что смотря, говорилъ Горскій, я упалъ низъ и лежалъ передъ нимъ».

— Встаньте, други мои, встаньте, говорилъ самозванецъ казакамъ; — а ты зналъ государя Петра III? спросилъ онъ, обращаясь къ Горскому.

— Зналъ, отвѣчалъ спрошенный.

Самозванецъ приказалъ поднести всѣмъ по чаркѣ водки, а самъ сталъ разсказывать свои мнимыя похожденія.

— Я украденъ генераломъ Масловымъ, говорилъ онъ, — и въ три дня въ Кіевѣ сталъ. Въ столь короткое время я загналъ 18 лошадей и заплатилъ за каждую по 10 или по 100 имперіаловъ—точно не упомню, только великую сумму.

— Смотри-ка, пожалуй, шептались въ полголоса находившіеся въ палаткѣ казаки, — по тысячѣ рублей давалъ за лошадь!

— Если Богъ велитъ, продолжалъ Пугачевъ, — въ тѣхъ мѣстахъ (Петербургѣ) еще быть, то я такъ сдѣлаю, чтобы они (дворяне) въ роды родовъ помнили. Эхъ! пошаталась моя головушка и пришелъ я на Яикъ, да вотъ въ домѣ Творогова былъ. Вотъ это честный человѣкъ, а братъ у него плутъ, не узналъ своего государя и если онъ мнѣ попадется, то даромъ что его братъ у меня — повѣшу.

— Далеко-ли до Царицына? спросилъ самозванецъ.

— Богъ-де знаетъ, сударь, отвѣчалъ казакъ Поповъ, — мы давно уже тамъ не бывали, только отъ Дубовки считается 53 версты.

— Скажите, господа, спрашивалъ Пугачевъ, обращаясь къ Горскому, — какъ Царицынъ крѣпокъ?

— Я такого сильнаго треугольника и не видывалъ, отвѣчалъ Горскій.

— А почему онъ треугольникомъ?

— Потому, сударь, что изъ нутри Россіи и сухимъ путемъ по Волгѣ подлѣ линіи сталъ уголъ; другой—изъ-за линіи съ Кубанской и горской азіятскихъ сторонъ сталъ уголъ же; а третій что водяною коммуникаціею ни откуда подъѣхать къ нему не можно.

— Э! мой другъ, замѣтилъ Пугачевъ, — царь Иванъ Васильевичъ подъ Казанью семь лѣтъ стоялъ, а у меня въ три часа она пепломъ покрылась. Да, впрочемъ, что намъ въ Царицынѣ дѣлать, пройдемъ его и пойдемъ на Донъ, а съ Дона пройдемъ мы въ Москву—по гладкому мѣсту и приду я такъ, какъ глава къ главѣ и тогда всѣ-то къ главѣ моей приклонятся. Божественныя книги указываютъ, что я на престолъ взойду.

Обстоятельства сложились однакоже такъ, что миновать Царицына было невозможно: донскіе казаки не выказывали никакой податливости принять сторону мятежниковъ, и полковникъ Манковъ окружилъ своими пикетами всю толпу самозванца. По словамъ капитана Свербеева, полковникъ Манковъ «съ малымъ числомъ своихъ казаковъ блокировалъ кругомъ злодѣя, примыкая свои фланги къ р. Волгѣ [1]).» Онъ посылалъ свои разъѣзды подъ самый городокъ Дубовку и ежедневно захватывалъ въ плѣнъ по нѣскольку человѣкъ.

Пробывъ три дня вблизи Дубовки, самозванецъ приказалъ приколоть старшину Полякова и двинулся далѣе. Въ Дубовкѣ было оставлено нѣсколько человѣкъ изъ толпы для печенія хлѣба, исправленія артиллеріи, приготовленія копій и шитья платья при помощи мѣстныхъ женщинъ. Въ Дубовку прибыли къ самозванцу посланные отъ калмыцкаго владѣльца Цендена съ объявленіемъ, что владѣлецъ ихъ желаетъ быть въ его службѣ со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ. Пугачевъ тотчасъ же отправилъ къ Цендену яицкаго казака Петра Алексѣева и башкирца Идорку съ обѣщаніемъ выдать каждому пришедшему къ нему калмыку по 10 рублей жалованья. Остановившись лагеремъ на р. Пичугѣ, са-

[1]) Записка капитана Николая Свербеева. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества, дѣло о Пугачевѣ.

мозванецъ узналъ, что къ нему приближается Ценденъ съ 3,000 подвластныхъ ему калмыковъ. Привезшій это извѣстіе казакъ Петръ Алексѣевъ былъ произведенъ за это въ полковники, а самъ Пугачевъ былъ занятъ вопросомъ, какъ встрѣтить и чѣмъ наградить Цендена? Имѣя въ рукахъ только одинъ офицерскій эполетъ и показывая его Творогову, самозванецъ думалъ сначала подарить его Цендену, но потомъ измѣнилъ свое намѣреніе.

— Какую бы мнѣ сдѣлать шапку калмыцкому владѣльцу? спрашивалъ онъ Творогова.

— Какую-де, батюшко, изволите, отвѣчалъ тотъ.

— Надобно сдѣлать *золо*, сказалъ подвернувшійся казакъ Поповъ.

— Что такое золо?

— А эта большая золотая кисть, которая бы всю шапку закрывала; у нихъ это въ великой чести.

— Это пустое, замѣтилъ Пугачевъ, — я ему сдѣлаю и всю шапку въ кистяхъ, такую, что еще никакой государь ихъ ханамъ не жаловалъ.

Тѣмъ не менѣе сдѣлать такую шапку оказалось невозможно, и тогда Пугачевъ выбралъ изъ награбленныхъ денегъ нѣсколько рублевиковъ съ портретомъ покойнаго императора Петра III и приказалъ придѣлать къ нимъ ушки.

Подойдя къ стану мятежниковъ, Ценденъ слѣзъ съ лошади, палъ передъ Пугачевымъ на колѣни, приказалъ бывшей при немъ свитѣ преклонить значки, поцѣловалъ руку самозванца и поднесъ ему подарки, состоявшіе изъ суконъ и китаекъ. Пугачевъ роздалъ ихъ своимъ старшинамъ, разбилъ для Цендена особый шатеръ и наградилъ его 50 рублями; двумъ его братьямъ далъ по 30 руб. и по кафтану изъ краснаго сукна. Отправившись затѣмъ на судно, самозванецъ распечаталъ свои сундуки и дарилъ калмыковъ деньгами, тафтами, шитыми платьями, парчами и медалями, «въ которыя вдѣвая ленты, у кого какія случились, накалывали на лѣвой сторонѣ груди» [1]). Многіе старшины по-

[1]) Показанія Аѳанасія Перфильева, Ивана Творогова, секретаря Дубровскаго, казака Василія Горскаго, дворянина Ивана Чебышева и маіора Салманова. Государственный Архивъ, VI, дд. №№ 425, 453, 463, 505 и 512.

лучили также медали, и въ ознаменованіе этого событія пили всю ночь.

— Если съ помощью калмыковъ, говорилъ при этомъ Пугачевъ, — да возьму я Царицынъ, то еще болѣе награжу ихъ.

XIII.

Положеніе Царицына и средства его обороны. — Дѣятельность полковника Циплетева.—Приближеніе Пугачева къ Царицыну. — Встрѣча его съ донцами на р. Мечетной. — Неудачный исходъ сраженія для правительственныхъ войскъ.—Дѣйствія подъ Царицыномъ. — Отбитіе мятежниковъ. — Разореніе Сарептской колоніи. — Послѣднее пораженіе, нанесенное Михельсономъ Пугачеву у Сальникова завода. — Бѣгство Пугачева за Волгу.

Значительный, по населенію, городъ Царицынъ былъ средоточіемъ управленія такъ-называемой *Царицынской линіи*, соединявшей Донъ съ Волгою и состоявшей изъ земляного вала, тянувшагося отъ Качалинской станицы и до Царицына. На этой линіи, кромѣ Царицына, находилось три крѣпостцы и одинъ редутъ, защищаемые всего 300 человѣкъ, при 12 мѣдныхъ и 61 чугунныхъ орудій. Содержаніе разъѣздовъ и охраненіе вала по всему его 60-ти-верстному протяженію возлагалось на донскихъ казаковъ, которые и высылали на линію лѣтомъ 1,200, а зимою 800 человѣкъ казаковъ, при особомъ атаманѣ. Въ 1774 году атаманомъ былъ Василій Перфиловъ, который и жилъ въ Царицынѣ. Комендантомъ города и крѣпости былъ энергичный полковникъ Циплетевъ, знакомый намъ еще по происшествіямъ во время содержанія въ Царицынѣ самозванца Богомолова.

Появленіе Пугачева подъ Оренбургомъ заставило Циплетева принять мѣры къ наблюденію за луговою стороною Волги. Разставивъ казачьи посты противъ станицъ Волжскаго войска, Циплетевъ протянулъ ихъ внизъ по Волгѣ до Чернаго-Яра, а у Ахтубинскаго шелковаго завода поставилъ заставу изъ пѣхоты при одномъ орудіи. Повсюду устроены были *маяки*, т.-е. шесты съ навернутыми на нихъ пуками соломы. Зажиганіе соломы должно было служить сигналомъ угрожающей опасности. На главнѣйшихъ путяхъ были устроены заставы и приказано останавливать всѣхъ

подозрительныхъ лицъ. Сообщивъ атаману войска донскаго объ угрожающей Царицыну опасности, полковникъ Циплетевъ просилъ его выслать нѣсколько полковъ въ помощь Царицынской линіи. Въ самомъ Царицынѣ находилась 1-я легкая полевая команда подъ начальствомъ секундъ-маіора фонъ-Дица, которая служила подвижнымъ резервомъ для всей линіи и, какъ мы видѣли, была выслана на встрѣчу Пугачеву въ отрядѣ князя Дондукова.

Съ уходомъ полевой команды въ Царицынѣ остались четыре гарнизонныхъ роты [1]) и 300 человѣкъ вооруженныхъ жителей, которымъ было указано въ какомъ мѣстѣ и что они должны были дѣлать въ случаѣ нападенія непріятеля. Впослѣдствіи этотъ гарнизонъ былъ усиленъ небольшою командою полковника Бошняка, прибывшаго изъ Саратова, но, въ виду того, что въ городѣ находилось до 900 человѣкъ плѣнныхъ турокъ, положеніе Циплетева нельзя назвать легкимъ.

«Вашему превосходительству покорно представляю, доносилъ Циплетевъ астраханскому губернатору [2]), что линія крайне слаба и людей въ крѣпостяхъ съ форпостомъ къ охраненію постовъ находится до 300 человѣкъ, врозь разставленными разстояніемъ на 60-ти верстахъ». Признавая, что такія силы не могутъ оказать никакого сопротивленія, Циплетевъ просилъ разрѣшенія свести всѣ команды въ Царицынъ, «гдѣ вѣрнѣе надѣяться можно спасти оныхъ, а притомъ и крѣпость; конница для разъѣздовъ служить можетъ». Все населеніе вокругъ Царицына находилось въ полномъ возстаніи и царицынскій комендантъ, собирая войска для защиты крѣпости и города, просилъ помощи у донцовъ и у астраханскаго губернатора. Донцы поспѣшно собирали полки и шли къ Царицыну.

Независимо отъ этого, наказной атаманъ войска донскаго Сулинъ, получивъ извѣстіе, что Пугачевъ приближается къ Царицыну и что его партіи «волочатся уже въ хуторахъ войска донскаго», сформировалъ еще нѣсколько полковъ для подкрѣпленія верховыхъ станицъ. Всѣ служилые казаки, состоявшіе на льготѣ до отставки

---

[1]) Собственно въ Царицынѣ было положено по штату два гарнизонныхъ баталіона, каждый изъ шести ротъ; но большая часть этихъ ротъ была раскомандирована по линіи и занимала гарнизоны въ укрѣпленіяхъ.

[2]) Генералу Кречетникову, отъ 5 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 454.

и жившіе на пространствѣ отъ Маноцкой до Терновской и изъ Донецкихъ станицъ, были вызваны на службу и сформировано два полка: Макара Грекова и Якима Карпова. Изъ возвратившихся съ Кубани на льготу полковъ: Павла Кирсанова, Матвѣя Платова и Якима Уварова выбраны тысяча человѣкъ доброконныхъ и хорошо вооруженныхъ; изъ нихъ сформировано два полка: Кирсанова и Платова и приказано какъ можно поспѣшнѣе слѣдовать къ Царицыну [1]).

Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе, что высланный изъ 2-й дѣйствующей арміи отрядъ генералъ-маіора князя Ивана Вахустовича Багратіона находится уже близко и 16 августа надѣется придти въ Царицынъ. Это извѣстіе ободрило Циплетева и жителей. «Если калмыцкія войска, доносилъ комендантъ [2]), злодѣю не доставятъ конца и не рѣшатъ истребленіемъ его, то не только Астрахань съ низовыми городами, но и Царицынъ прикроется княземъ Багратіономъ, а Хоперская крѣпость и губернія Воронежская — Себряковымъ». По мнѣнію Циплетева, если Пугачевъ будетъ продолжать движеніе впередъ и «въ средину взойдетъ», то кромѣ «пронырливаго побѣгу» ему избавиться нечѣмъ. Мечтая о томъ, что калмыки отгонятъ у мятежниковъ лошадей и заставятъ ихъ сѣсть на суда, Циплетевъ, при содѣйствіи артиллеріи маіора Харитонова, воеводскаго товарища Хатьянова и смотрителя Ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, коллежскаго ассессора Рычкова, устроилъ четыре береговыя батареи и двѣ на судахъ. «Могу доложить о крѣпости, доносилъ онъ [3]), что надѣясь на помощь Божію ее не отдать. По усердію всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ единодушно приняли мѣры; оба баталіона [4]) противъ куртинъ лагеремъ расположа, выдавъ имѣющіяся здѣсь коммиссаріатскія новыя палатки, уже съ недѣлю почуемъ, какъ я, такъ и всѣ у стѣнъ готовимся принять».

Надѣясь побѣдить самозванца какъ на сушѣ, такъ и на водѣ, полковникъ Циплетевъ не считалъ нужнымъ присылку подкрѣп-

---

[1]) Рапортъ Сулина Г. А. Потемкину 22 августа 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, оп. 194, книга 45.

[2]) Въ рапортѣ Кречетникову отъ 15 августа 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 454.

[3]) Госуд. Арх. VI, д. № 454.

[4]) Въ которыхъ, впрочемъ, было не болѣе 500 человѣкъ.

леній отъ Кречетникова. «На всякую нечаянность, писалъ онъ [1]), вашему превосходительству осмѣливаюсь доложить, не разсудители назначенныя изъ Астрахани сюда силы поудержать для ея самой, дабы злодѣй въ малыхъ людяхъ не ворвался и тамо возрасти не могъ; а какъ слышно, что уже ниже Царицына злодѣи-разбойники есть и твердятъ его сторону, то-бъ и сихъ не набралось больше и не осмѣлились бы на бо́льшія злодѣянія».

Прошло нѣсколько дней, и часть надеждъ Циплетева рушилась: въ Царицынѣ узнали, что казаки разбиты Пугачевымъ на р. Пролейкѣ, что калмыки передались на сторону самозванца, что маіоръ Дицъ и почти всѣ офицеры перебиты и бо́льшая часть легкой полевой команды захвачена въ плѣнъ. «Сіе бѣдственное приключеніе доносилъ Циплетевъ [2]), привело ввѣренный мнѣ городъ въ (такой) страхъ, что едва могъ колеблющійся народъ собирая въ домы, ходя по крѣпости, гдѣ расположены солдаты, увѣщевая ихъ бодрствовать и мужаться». Въ самую горячую пору работъ по укрѣпленію города, одинъ изъ канонировъ говорилъ: «напрасно трудятся, скоро все достанется батюшкѣ Пугачеву [3])». Своими энергическими мѣрами комендантъ успѣлъ однакоже заставить всѣхъ работать, поднялъ упавшій духъ въ населеніи и убѣдилъ его въ необходимости самозащиты. «Молимъ Бога, писалъ онъ, во всѣхъ церквахъ съ колѣнопреклоненіемъ, обнадеживаю ихъ государскою милостью и жалованьемъ и вижу какъ ихъ, такъ и здѣшнее купечество кажется неустрашимыхъ, которые также принявъ постъ, ночуютъ при ономъ».

Разсчитывая на скорое прибытіе отряда князя Багратіона и имѣя извѣстіе, что полковники: Кутейниковъ изъ Качалинской станицы, а Луковкинъ съ Иловли идутъ къ Царицыну, полковникъ Циплетевъ надѣялся при ихъ содѣйствіи окружить самозванца со всѣхъ сторонъ и «разбить его впрахъ».

На-слѣдующій день, 16 августа, обстоятельства перемѣнились.

---

[1]) Въ рапортѣ Кречетникову, отъ 15 августа 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 454.

[2]) Въ рапортѣ Кречетникову, число въ которомъ не проставлено. Тамъ же.

[3]) Рапортъ Циплетева военной коллегіи 12 августа. Госуд. Арх., VI, д. № 496. *Зап. Акад.*, т. XXV, прилож. 4, стр. 17.

Отрядъ князя Багратіона въ Царицынъ не прибылъ и пріѣхавшій курьеромъ изъ Черкаска казакъ объявилъ, что онъ находится въ Есауловской станицѣ, верстъ 200 отъ Царицына. Это извѣстіе совершенно видоизмѣняло оборону, ставило Циплетева въ крайне затруднительное положеніе, и онъ въ тотъ же день отправилъ нарочнаго къ Кречетникову съ просьбою о помощи [1]).

Въ распоряженіи астраханскаго губернатора была одна легкая полевая команда и всего 150 казаковъ, набранныхъ съ большимъ затрудненіемъ. Имѣя въ виду, что полевая команда по значительности разстоянія не могла поспѣть на помощь Царицыну, а 150 казаковъ не могли существенно усилить гарнизонъ крѣпости, Кречетниковъ оставилъ ихъ въ Астрахани, гдѣ въ то время находилось много бурлаковъ съ пришедшихъ судовъ. Опасаясь, что въ случаѣ прорыва Пугачева и появленія его въ Астрахани, самозванецъ можетъ найти въ бурлакахъ своихъ сообщниковъ и готовыя значительныя силы, Кречетниковъ укрѣплялъ Астрахань, строилъ батареи и готовился къ оборонѣ [2]).

17 августа, царицынскія воеводская и комендантская канцеляріи собрались на общее совѣщаніе и положили: 1) состоящую близъ амбаровъ съ казеннымъ виномъ пивоварню, которая препятствовала оборонѣ, сломать; 2) для ободренія нижнихъ чиновъ отпускать казенное вино сколько нужно, по требованію комендантской канцеляріи; питейные же дома запереть и продажи въ нихъ не производить [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно приказанія астраханскаго губернатора, полковникъ Циплетевъ поручилъ полковнику Бошняку всѣ иррегулярныя команды: казаковъ и калмыковъ и отправилъ гонцовъ съ приказаніемъ, чтобъ донскіе полки слѣдовали къ Царицыну какъ можно скорѣе.

Послѣ неудачнаго сраженія на р. Пролейкѣ, полковникъ Ѳедоръ Кутейниковъ возвратился въ Качалинскую станицу, устроилъ тамъ своихъ казаковъ и выступилъ на р. Мечетную, гдѣ 19 ав-

---

[1]) Рапортъ Циплетева, отъ 16 августа. Госуд. Арх., VI, д. № 454.

[2]) Рапортъ Кречетникова Сенату 20 августа 1774 г., № 99. Тамъ же.

[3]) Рапортъ камеръ-коллегіи Сенату 15 сентября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 504.

густа соединился съ полковниками Василіемъ Манковымъ, Карпомъ Денисовымъ и прибывшимъ туда же въ ночь Михайлою Денисовымъ. Отправляясь на слѣдующее утро въ Царицынъ, чтобы явиться къ коменданту, полковники рѣшили выслать къ сторонѣ Дубовки, для развѣдыванія о непріятелѣ, Карпа Денисова съ 200 человѣкъ походныхъ старшинъ и казаковъ. Едва Денисовъ двинулся впередъ, какъ встрѣтился съ значительною толпою мятежниковъ и принужденъ былъ отступить.

На р. Мечетной оба противника встрѣтились. Прискакавшіе изъ города Кутейниковъ, Манковъ и Денисовъ тотчасъ же атаковали непріятеля, три раза прогоняли его до орудій, но въ концѣ-концовъ принуждены были отступить. Въ происшедшей схваткѣ полковникъ Кутейниковъ былъ раненъ, и это имѣло большое вліяніе на послѣдующій ходъ боя [1]). Полкъ его поколебался и сталъ

[1]) Бросившись въ атаку, Кутейниковъ столкнулся съ однимъ яицкимъ казакомъ, котораго хотя и убилъ, но самъ получилъ одну рану копьемъ, близъ правой титьки, а другую въ лѣвый бокъ. Сброшенный съ коня, Кутейниковъ былъ захваченъ въ плѣнъ. «По ободраніи съ него платья и воинской сбруи», съ связанными ремнемъ назадъ руками, онъ былъ отправленъ въ обозъ самозванца. Тамъ его били дубинами, таскали за волосы и двое мятежниковъ, «надѣвъ на шею ему петлю, одинъ къ другому арканомъ тянули и едва его не удавили». Привязанный къ колесу, Кутейниковъ оставался въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не былъ потребованъ къ самозванцу. Введенный въ шатеръ онъ увидѣлъ Пугачева, окруженнаго своими сообщниками, передъ которыми стоялъ штофъ водки. Спросивши фамилію, самозванецъ прибавилъ: «такъ ты, братъ, мнѣ и роднею причелся». Показывая на жену Софью и своего сына, Пугачевъ спрашивалъ Кутейникова знаетъ-ли ихъ?» А какъ онъ ему отвѣтствовалъ, что не знаетъ, «то онъ, злодѣй, приказалъ вывесть его изъ шатра вонъ. Но вслѣдъ затѣмъ ему отъ полковника (самозваннаго) объявлены были разныя мучительныя смерти, въ чаяніи такомъ, чтобъ его обратить въ ихъ богомерзкую толпу: во-первыхъ, что онъ будетъ повѣшенъ, во-вторыхъ—разстрѣлянъ, въ-третьихъ—четвертованъ, въ-четвертыхъ—пятки разрѣжутъ и жилы изъ нихъ вытянутъ». Видя, что никакія угрозы не могутъ склонить Кутейникова перейти на сторону мятежниковъ, Пугачевъ приказалъ казанскому татарину застрѣлить его. Татаринъ вывелъ Кутейникова изъ обоза «и переведя черезъ буеракъ, посадилъ на яру и приказалъ другому, бывшему съ нимъ татарину, по немъ, Кутейниковѣ, стрѣлять, кой по многимъ осѣчкамъ ружья, въ четвертый уже разъ вдарилъ его въ припоръ, въ лѣвый бокъ, однако внутренности захватить не могъ». Скатившись въ буеракъ, Кутейниковъ пролежалъ тамъ безъ чувствъ болѣе двухъ часовъ. Пугачевъ ушелъ уже къ Царицыну, когда израненый Кутейниковъ очнулся. Кое-какъ приподнявшись онъ поплелся вверхъ по Царицынской Пичугѣ до Грачевской крѣпости и не дойдя до нея былъ настигнутъ двумя казаками, бѣжавшими изъ толпы мятежниковъ, которые и доставили его сначала въ Сакарскую крѣпость, а потомъ въ Качалинскую станицу (Рапортъ Сулина Г. А.

отступать. Между казаками былъ слышенъ ропотъ, что ихъ не подкрѣпляютъ пѣхотою и регулярною кавалеріею, и многіе стали уходить къ мятежникамъ. Служившіе въ полку Грекова за хорунжихъ, казаки Крапивинъ и Терентьевъ преклонили передъ Пугачевымъ «хорунгу» и увлекли за собою человѣкъ до 400 казаковъ. Пугачевъ далъ Крапивину 20 руб. денегъ, самъ надѣлъ на него серебряную медаль на пестрой лентѣ, произвелъ въ полковники и назначилъ командиромъ передавшихся казаковъ, назвавъ ихъ донскимъ полкомъ.

Наступившая ночь прекратила сраженіе, и оставшіеся вѣрными казаки отступили въ крѣпость. Грустно было полковымъ командирамъ явиться въ Царицынъ побѣжденными толпою мятежниковъ, но они имѣли на столько мужества, чтобы сознаться въ причинахъ неудачи.

«Сколь нашей усердности вашему высокоблагородію довольно извѣстно, доносили они полковнику Циплетеву [1]), но къ несчастію общему и къ погашенію славы, нажитой всего войска донскаго кровію, изъ находящихся при насъ подкомандныхъ нѣкоторые показали такую трусость, что и прочихъ смѣшавъ мысли нанесли страхъ такой, что мы объ истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидимъ, и хотя изъ оныхъ, изъ находящихся при насъ еще бо̀льшая половина и осталась съ нами, но что̀ послѣдуетъ и отъ нихъ увѣрить никакъ теперь не можно. А затѣмъ отъ истиннаго нашего сердца Господа Бога просимъ, чтобъ Онъ по своему милосердію подкомандныхъ нашимъ даровалъ преж-

---

Потемкину 12 октября 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 149, кн. 45). Свое свиданіе съ Кутейниковымъ Пугачевъ разсказываетъ иначе: «Онъ, Емелька, увидя Кутейникова, говорилъ: «Ты Пугачева домъ разорялъ». Кутейниковъ сказалъ: «Не разорялъ, а исполнялъ волю командирскую». Онъ, Емелька, сказалъ: «Узнаешь-ли Пугачиху?» Кутейниковъ сказалъ: «Не знаю». И онъ, Емелька, велѣлъ кликнуть жену свою. А какъ она пришла, то онъ сказалъ: «Вотъ Пугачиха». Кутейниковъ сказалъ: «Я ее никогда не видывалъ». И потомъ напоя его виномъ выслалъ вонъ; а когда онъ вышелъ, то онъ Федульеву сказалъ: «Завтра Кутейникова повѣсьте». Мордовцевъ перемѣшалъ событія, и сраженія на р. Пролейкѣ и р. Мечетной слилъ въ одно цѣлое (См. «Русскіе государственные дѣятели», *Отечественныя Записки*, 1868 г., № 9. стр. 107).

[1]) «Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины», Д. Анучина. *Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., т. 80, стр. 645.

нюю донскимъ истинную по присягѣ храбрость, въ чемъ на Его всемогущество мы и небезнадежны».

Получивъ такое донесеніе, Циплетевъ въ сопровожденіи старшинъ объѣхалъ казаковъ, уговаривалъ ихъ быть стойкими и не опасаться враговъ. Казаки обѣщали служить вѣрно и выставили свои заставы почти подъ самымъ лагеремъ самозванца [1]).

Приближаясь къ Царицыну, Пугачевъ предоставилъ калмыкамъ полную волю и они, наводнивши всѣ окрестности, почти ничего не оставили вокругъ города: отогнали скотъ, сожгли сады, мельницы и загородные дома, разорили всѣ деревни и «привели ихъ въ послѣднюю нищету». Утромъ, 21 августа, по полученіи извѣстія о приближеніи непріятеля, полковникъ Циплетевъ приказалъ зажечь форштадтъ, а въ полдень на высотахъ, окружающихъ городъ, появились мятежники, въ числѣ до 6,000 человѣкъ.

Высланный впередъ разъѣздъ приглашалъ донскихъ казаковъ вступить въ переговоры, а затѣмъ явился и самъ Пугачевъ, переодѣтый въ платье Овчинникова и сопровождаемый ста человѣками яицкихъ казаковъ. Результатомъ переговоровъ было то, что на сторону мятежниковъ передались не болѣе пяти казаковъ, а остальные отошли за укрѣпленіе. Тогда Пугачевъ выставилъ шесть батарей, изъ которыхъ одна была 12-ти-орудійная, и открылъ огонь по городу. Изъ крѣпости отвѣчали ему тѣмъ же, и канонада, начавшаяся въ половинѣ втораго, продолжалась до седьмаго часа пополудни. Царицынскій воеводскій товарищъ секундъ-маіоръ Фатьяновъ ходилъ по батареямъ и, ободряя защитниковъ, обѣщалъ имъ именемъ императрицы полугодовое жалованье [2]). Артиллеріи маіоръ Харитоновъ успѣлъ подбить одну изъ непріятельскихъ батарей и взорвалъ зарядный ящикъ. Послѣ этого бой прекратился и мятежники скрылись за высотами. Въ царицынскомъ гарнизонѣ убитыхъ не было, но въ крѣпости загорались дома, которые вскорѣ были потушены [3]).

Царицынъ былъ спасенъ и былъ первымъ городомъ на Волгѣ,

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ Циплетева отъ 26 августа 1774 г.

[2]) Записка Свербеева. Арх. Кабинета Его Величества.

[3]) Рапортъ Циплетева генералъ-маіору Потапову отъ 26 августа 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

не допустившимъ себя до разграбленія самозванцемъ. Всѣ защитники его произведены въ слѣдующіе чины, а солдаты и простолюдины получили по рублю. Одинъ Циплетевъ оставался долгое время безъ всякой награды за то, что имѣлъ неосторожность донести объ одержанной имъ побѣдѣ прямо императрицѣ, а не главнокомандующему графу П. И. Панину. Послѣдній писалъ ему [1]), что какъ донесеніе его отправлено прямо въ Петербургъ, «то воздаяніе и одобреніе такъ великой заслуги относится теперь вамъ на ожиданіе изъ С.-Петербурга». Впослѣдствіи императрица произвела Циплетева въ бригадиры и пожаловала ему землю въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ.

Одновременно съ приближеніемъ Пугачева къ Царицыну спускались по Волгѣ и суда, наполненныя мятежниками, число которыхъ достигало до тысячи человѣкъ. Бо́льшая часть ихъ состояла изъ ахтубинскихъ рабочихъ, неимѣвшихъ никакого вооруженія и находившихся подъ защитою только двухъ судовыхъ пушекъ. Встрѣченные огнемъ береговыхъ батарей и плавучей батареи, устроенной Циплетевымъ, мятежники принуждены были сдаться, и лишь незначительная ихъ часть успѣла спастись бѣгствомъ вверхъ по рѣкѣ. На захваченныхъ судахъ были избавлены отъ плѣна 1-й легкой полевой команды прапорщикъ Лаптевъ, 12 солдатъ, 6 дѣвицъ, захваченныхъ въ Саратовѣ, и дворянинъ Чебышевъ [2]).

Съ наступленіемъ ночи жители Царицына ожидали вторичнаго нападенія, но оно не состоялось, такъ какъ Пугачевъ получилъ извѣстіе о приближеніи правительственныхъ войскъ и торопился пробраться къ Черному-Яру. «Изъ задних толпы разъѣздовъ узналъ, показывалъ Пугачевъ [3]), что подходитъ воинская команда и думалъ, что идетъ князь Голицынъ или Михельсонъ, коихъ онъ опасѣлъ, потому что надежныхъ въ его толпѣ людей осталось, [illegible] ицкихъ казаковъ, мало. А хотя другой сволочи число лю-

[1]) [illegible] ордеръ отъ 4 сентября 1774 г. *Записки Академіи*, т. XXV, приложеніе, стр. 68.

[2]) Показаніе Чебышева отъ 8 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, [illegible].

[3]) [illegible] 1774 г. Государств. Арх., VI, дѣло № 512.

дей (было) и велико, то они только услыша о Голицынѣ и Михельсонѣ, то сробѣютъ и разбѣгутся и стоять противъ ихъ не станутъ; то онъ, уклонясь отъ драки, и пошелъ, оставя Царицынъ, мимо, ибо прямое его намѣреніе было, чтобъ дошедъ до Чернаго-Яра идти прямо въ Яицкій городокъ и тутъ зимовать».

О такомъ намѣреніи Пугачева знали только самые близкіе его пособники: Овчинниковъ и Давилинъ. Толпѣ же своей самозванецъ «разглашалъ, что будто бы зимовать идетъ въ Астрахань, для того, что толпа его охотнѣе идти туда хотѣла. На Яикъ бы охотниковъ идти было мало, кромѣ яицкихъ казаковъ, а донскіе и волжскіе казаки, да царицынскіе совсѣмъ бы отъ него отстали, равно заводскіе и боярскіе крестьяне, потому что онъ уже о склонности ихъ идти въ Астраханъ черезъ яицкихъ казаковъ вѣдалъ. По прошествіи же зимы куда бы онъ идти былъ намѣренъ и какое еще зло дѣлать, о томъ никакого размышленія на сердцѣ его не приходило, ибо онъ мерзкій свой животъ въ руки отдалъ, съ самаго начала злодѣяній его, яицкимъ казакамъ, почему никакъ онъ не смѣлъ противиться во всемъ ихъ Богу ненавистной волѣ и чтобъ они въ Яикѣ на совѣтѣ положили, то бы онъ дѣлать и сталъ».

Въ то время, когда Пугачевъ проходилъ мимо Царыцина, хвостъ его былъ атакованъ казаками, захватившими много плѣнныхъ и часть обоза. Справедливость требуетъ сказать, что и при этой атакѣ многіе казаки присоединились къ мятежнической толпѣ, и къ вечеру число такихъ доходило до весьма значительной цифры. При остановкѣ на ночлегъ всѣ они старались взглянуть на самозванца, «но злодѣй рожу свою отъ нихъ отворачивалъ».

Однакоже донцы скоро узнали его и, переговариваясь между собой, увѣряли другъ друга, что это Пугачевъ, ихъ донской казакъ, бывшій въ прусскую войну хорунжимъ. Разговоры эти распространились по лагерю и убѣждали сподвижниковъ самозванца, «что, конечно, онъ не государь» [1]). Убѣжденіе въ этомъ еще болѣе усилилось въ толпѣ, когда донцы стали поодиночкѣ ухо-

[1]) Показаніе яицкаго казака Ивана Федульева. Государ. Арх., VI, дѣло № 505.

эскадрона карабинеръ Ростовскаго полка и 100 человѣкъ малороссійскихъ казаковъ съ двумя орудіями, подъ общимъ начальствомъ ротмистра московскаго легіона Савельева. На другой день Багратіонъ выступилъ самъ съ тремя эскадронами того же полка и 250 казаками. 19 августа онъ прибылъ къ переправѣ у Пяти-Избянской станицы. «Я еще черезъ Донъ не перебираюсь, писалъ онъ [1]), не знавъ вѣрнаго о злодѣѣ, а только такъ готовъ, что въ первомъ узнаніи пойду; да притомъ и здѣшній край оставить не могу, по причинѣ, чтобъ сіи жители не разорены были и чтобъ чего худаго не воспослѣдовало».

Въ день отправленія этого донесенія, 20 августа, князь Багратіонъ получилъ предписаніе своего ближайшаго начальника графа Муссина-Пушкина идти въ Воронежскую губернію [2]), а въ полдень 21 августа получилъ рапортъ полковника Циплетева, что Пугачевъ приближается къ Царицыну. «Вашему сіятельству, писалъ Циплетевъ кн. Багратіону [3]), донесть не упускаю: какъ можно соизвольте извѣстный вамъ отрядъ прислать и сами вслѣдъ поспѣшить не упуская случая, что сей злодѣй зашелъ въ такой уголъ, гдѣ ему не свободно можно авантажъ имѣть, а необходимо истребить слѣдуетъ, чтобы государство по столь великомъ разореніи избавить отъ разлившейся бѣды и черезъ то получить славу».

Считая болѣе важнымъ дѣйствія противъ самого самозванца, нежели противъ второстепенныхъ шаекъ, князь Багратіонъ въ тотъ же день переправился черезъ Донъ и 22 августа прямо степью пошелъ къ Царицыну. На пути, верстахъ въ 30 отъ Царицына, онъ получилъ, 24 августа, рапортъ полковника Михельсона, доносившаго, что Пугачевъ уже ушелъ изъ Царицына и что онъ съ отрядомъ вступилъ въ городъ. Послѣ 45-ти-верстнаго перехода, на изнуренныхъ лошадяхъ, Михельсонъ не могъ слѣдовать далѣе. Обратившись къ Циплетеву и къ гражданскимъ властямъ, онъ просилъ отыскать ему

[1]) Генералъ-маіору Потапову отъ 20 августа 1774 г. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

[2]) Ордеръ графа Муссина-Пушкина кн. Багратіону 15 августа 1774 г. Тамъ же, опись 95, св. 563, д. № 48.

[3]) Въ рапортѣ отъ 21 августа 1774 г. Тамъ же.

200 свѣжихъ лошадей, но не получивъ ихъ, рѣшился присоединить къ своему отряду малороссійскихъ казаковъ, присланныхъ княземъ Багратіономъ.

«Я прибылъ къ Царицыну, писалъ Михельсонъ [1]), не заставъ злодѣевъ, которые, какъ скоро о моемъ приближеніи узнали, отошли и пошли внизъ по р. Волгѣ.

«Отъ полугодоваго безпрестаннаго марша, не имѣвъ другой конницы, кромѣ весьма изнуренной, всходствіе даннаго мнѣ отверстаго повелѣнія его сіятельства главнокомандующаго графа П. И. Панина, долженъ былъ взять въ подкрѣпленіе мое, корпуса вашего сіятельства найденнаго здѣсь ротмистра Савельева съ имѣвшимися при немъ 96-ю малороссійскими казаками.

«Злодѣйскія намѣренія, повидимому, клонятся къ Астрахани или Дону. Ежели ваше сіятельство заблагоразсудить изволите брать свой маршъ неподалеку р. Дона, то злодѣю сей путь будетъ прегражденъ, а я не оставлю идти по пятамъ его и послѣ полуночи выступлю».

Успокоенный относительно Царицына, предоставляя преслѣдованіе Пугачева Михельсону и имѣя категорическое приказаніе своего начальства защищать Воронежскую губернію и Донъ, князь Багратіонъ пошелъ обратно, а Михельсонъ двинулся по слѣдамъ самозванца. «Долгъ мой, доносилъ онъ, ударить на сихъ варваровъ, коихъ во всякое время, въ какихъ бы силахъ впредь быть могли, полагаясь на помощь Божію, поразить надѣюсь». «Теперь, писалъ онъ въ другомъ рапортѣ, у меня происходитъ драка на Волгѣ, на которой находятся два судна съ деньгами и 100 злодѣевъ, съ двумя пушками». Суда эти были захвачены и [illegible] Михельсонъ, присоединивъ къ себѣ 96 малороссійскихъ [illegible] съ ротмистромъ Савельевымъ, и всѣхъ казаковъ, находившихся въ Царицынѣ въ числѣ 452 человѣкъ, послѣ полуночи [illegible] изъ города.

[illegible] трехъ дней форсированнаго марша онъ настигъ Пугачева [illegible] ста отъ Царицына.

[illegible] Царицынъ и двигаясь по берегу р. Волги, Пугачевъ

[illegible] рапортѣ отъ 22 августа 1774 года. Московскій Архивъ [illegible] № 48.

цѣлыя сутки отдыхалъ въ Сарептѣ, которую и разорилъ. Колонисты давно уже слышали о приближеніи Пугачева и находились въ большомъ страхѣ и отчаяніи. Съ ужасомъ они узнали, что мятежники разграбили Саратовъ, Дмитріевскъ и приближаются къ Царицыну. Бѣжавшее сухимъ путемъ и водою въ Астрахань населеніе еще болѣе смущало колонистовъ. «Итакъ, писали сарептинцы впослѣдствіи [1]), ничего другого братьямъ не оставалось, какъ, по примѣру другихъ, въ Астрахань удалиться, только съ тѣмъ различіемъ, что намъ не доставало времени наши пожитки съ собою убрать». Сколько ни хлопотали жители колоніи, однако ни въ Царицынѣ, ни въ окрестностяхъ не могли они найти достаточнаго числа судовъ, чтобы погрузить на нихъ хотя главнѣйшее имущество. Набравъ съ большими затрудненіями десять рыбачьихъ лодокъ, колонисты, 17-го августа, посадили на нихъ своихъ женъ и дѣтей въ числѣ 110 человѣкъ и отправили въ Астрахань. «Печально было, писали они, позорище видѣть толикое число людей, немогущихъ себя оборонить и столь поспѣшнымъ образомъ бѣгущихъ». Многія семейства, не имѣя возможности достать лодокъ, отправились въ Астрахань пѣшкомъ, бросивъ свои дома и имущество, и поручая ихъ присмотру остававшимся односельцамъ.

Форштегеръ колоніи Даніилъ-Генрихъ Фикъ остался въ Сарептѣ съ 65 братьями, съ намѣреніемъ спасти имущество какое только будетъ возможно. Оставшіеся колонисты день и ночь складывали въ погреба: мебель, товары, ремесленные инструменты и заваливали входъ каменьями такъ, «чтобы безъ измѣны найти ихъ было невозможно. Но братья при сихъ трудахъ ни на одинъ часъ не были въ безопасности отъ разбойническихъ нападеній. Распространившійся духъ мятежа такъ оказываться сталъ, что великое множество и россійскихъ судовыхъ людей, кои на четырехъ судахъ въ нашей пристани находились, безпрестанно въ худомъ намѣреніи около насъ шатались и повидимому ожидали единственно отъѣзда братьевъ. Всего болѣе странна намъ показалась непрія-

[1]) Доношеніе о разграбленіи и разореніи братской колоніи Сарепты, учиненномъ отъ измѣнника Пугачева въ августѣ мѣсяцѣ 1774 г. Архивъ Кабинета Его Величества.

тельская мысль дербетевыхъ калмыковъ, которыхъ мы за нѣсколько дней чрезъ наше мѣстечко противъ возмутителя проѣзжающихъ видѣли».

Возвращаясь изъ-подъ Царицына небольшими партіями, калмыки нападали на колонію, отгоняли скотъ и лошадей. Оставшіеся жители колоніи раздѣлились на двѣ партіи: одна убирала и прятала пожитки, а другая, вооружившись, отбивала нападенія калмыковъ. Въ такомъ положеніи находились колонисты, когда одинъ изъ ихъ односельцевъ прибѣжалъ изъ Царицына и заявилъ, что мятежники идутъ прямо на Сарепту. Братья-колонисты поспѣшно собрали оставшіяся повозки, запрягли ихъ быками и въ восьмомъ часу вечера, 21-го августа, всѣ до одного человѣка покинули колонію. «Сколь чувствителенъ сей выѣздъ всѣмъ братьямъ ни былъ, писалъ Фикъ, однако всѣ были въ томъ одного мнѣнія, что лучше все свое движимое и недвижимое имѣніе оставить, нежели данную ея величеству присягу вѣрности нарушить и повергнуться такому злодѣю». Наступившая вскорѣ затѣмъ ночь скрыла колонистовъ и они, двигаясь безостановочно, до свѣта успѣли избѣжать отъ преслѣдованія мятежниковъ. «Наши жены и дѣти, писалъ Фикъ, по претерпѣніи безчисленныхъ трудностей, много безпокойствія и всякихъ нуждъ, вмѣстѣ съ тѣми фамиліями, кои сухимъ путемъ отправились, благополучно въ Астрахань пріѣхали. А тѣ братья, кои впередъ со скотомъ нашимъ отправлены (были) и съ великимъ трудомъ и опасностію отъ калмыковъ оный сохранили, также благополучно въ Енотаевскую крѣпость прибыли».

Такимъ образомъ, когда Пугачевъ пришелъ въ Сарепту, то нашелъ ее покинутою жителями. Мятежники заняли опустѣлые дома и разграбили ихъ до того, что чрезъ сутки Сарепта была неузнаваема. Фабрики обобраны, инструменты деревянные переломаны, а металлическіе унесены съ собою; мебель въ домахъ уничтожена, фонтаны испорчены и куски товаровъ брошены въ воду или затоптаны въ грязь. Впослѣдствіи, когда 13-го сентября колонисты возвратились на свое пепелище, они были объяты ужасомъ и сожалѣніемъ.

«Мы нашли, писали они, столь многимъ трудомъ закрытые и заваленные погреба и выходы разломанными, ящики и сундуки

пустые, и что съ собою увезти не можно было—злѣйшимъ образомъ разорвано въ мелкія части, разбито и разбросано; высыпанные изъ перинъ перья покрывали все наше мѣстечко, окна всѣ выбиты, двери расколоны, печи разломаны и всѣ домашнія принадлежности, коихъ похитить не можно (было), совсѣмъ разорены. Однимъ словомъ, мы видѣли наше десятилѣтнее стараніе, въ краткое время нашего отбытія, варварскими руками разоренное и наши пожитки расхищенными». Сарептинцы понесли убытку до 67,540 рублей.

Переночевавши въ Сарептѣ, Пугачевъ двинулся далѣе, и желая поощрить своихъ сообщниковъ, наградилъ многихъ изъ нихъ медалями и генеральскими чинами. Овчинниковъ былъ пожалованъ званіемъ генералъ-фельдмаршала, Аѳанасій Перфильевъ—генералъ-аншефомъ, Ѳедоръ Чумаковъ — генералъ-фельдцейхмейстеромъ, Иванъ Твороговъ — генералъ-поручикомъ, Алексѣй Дубровскій — оберъ-секретаремъ военной коллегіи и дежурный при Пугачевѣ казакъ Екимъ Давилинъ — камергеромъ.

— Богъ и я, великій государь, жалую васъ чинами, говорилъ Пугачевъ; — послужите мнѣ вѣрою и правдою.

Пожалованные стали на колѣни и благодарили. «Но я, говорилъ Твороговъ, ни одного изъ тѣхъ чиновъ не знаю, хотя и самъ въ числѣ тѣхъ пожалованныхъ находился, потому что прежде объ оныхъ не слыхивалъ».

Остановившись вечеромъ 24-го августа у Сальникова завода, Пугачевъ узналъ о приближеніи отряда полковника Михельсона. Онъ тотчасъ же приготовился къ оборонѣ: выставилъ въ одну линію всѣ свои орудія, за которыми и расположилъ пѣхоту. При появленіи Михельсона Пугачевъ приказалъ открыть огонь изъ всѣхъ орудій и двинулъ впередъ пѣхоту. Михельсонъ построилъ свои войска въ боевой порядокъ: въ центрѣ стала пѣхота, имѣя на правомъ флангѣ походнаго атамана Перфилова съ Чугуевскимъ полкомъ, а на лѣвомъ — всѣхъ донскихъ казаковъ. Не желая предоставлять мятежникамъ почина въ дѣйствіяхъ, Михельсонъ приказалъ кавалеріи произвести контръ-атаку и поддержалъ ее пѣхотою. Атака чугуевцевъ и донцовъ была на столько стремительна, что пѣхотѣ почти не пришлось дѣйствовать. Мятежники,

«будучи всѣ въ крайней робости, не старались удерживать храброе стремленіе войскъ и чрезъ короткое время, уступая свое мѣсто, показали тылъ. Хотя злодѣй, будучи позади своей толпы, и старался словами своими остановить оную и поощрять къ сопротивленію, но столь великъ былъ во всѣхъ страхъ, что нимало не слушая его словъ разсыпались во всѣ стороны» [1]).

Всѣ 24 орудія были захвачены и бѣгущіе преслѣдованы по разнымъ направленіямъ болѣе 40 верстъ [2]). Мятежники потеряли болѣе 2,000 убитыми и до 6,000 плѣнными, въ числѣ которыхъ находились двѣ дочери Пугачева и 14 несчастныхъ сиротъ, дочерей дворянъ.

Самозванецъ бѣжалъ съ поля сраженія однимъ изъ первыхъ. За нимъ ускакали верхами жена Софья и десятилѣтній сынъ, а двѣ дочери малолѣтнія «въ дорожной колескѣ ѣхали, наполненной, какъ я думаю, говорилъ Твороговъ, дорогими товарами и деньгами, ибо въ сей колескѣ подѣланы были потаенныя сумы. Злодѣй и сей (коляски) обще съ дочерьми лишился, потому что, спасая себя бѣгомъ, скакалъ во весь опоръ, приказывая и коляску везти за собою; но какъ сею дорогою случился въ одномъ мѣстѣ превеликій косогоръ, то сказываютъ, что на оном коляска опрокинулась и осталась на томъ мѣстѣ [3])».

Въ этомъ сраженіи Пугачевъ лишился самаго близкаго къ нему человѣка, атамана Овчинникова, пропавшаго безъ вѣсти. На долю побѣдителей досталась богатая добыча: донцы захватили 18 пуд. серебряной посуды, много денегъ, платья, соболей, куницъ и лисьихъ мѣховъ, суконъ и матерій, 527 лошадей и 64 вола. Еще болѣе осталось на долю солдатъ отряда Михельсона. Пугачевъ былъ преслѣдованъ до самаго берега р. Волги, черезъ которую успѣлъ

---

[1]) Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 года. Государственный Архивъ. VI, д. № 505.

[2]) Сообщеніе донской канцеляріи генералъ-маіору Потапову 2 сентября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV. При атакѣ и преслѣдованіи особенно отличились опредѣленные изъ польской службы поручикъ Скупинскій, прапорщикъ Зафранскій и волонтеръ Пулавскій. Рапортъ Михельсона графу П. И. Панину 28 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ XXV, приложеніе № 4, стр. 30. Пугачевщина. Государств. Архивъ, VI, д. № 505.

однакоже переправиться съ главнѣйшими сообщниками. Остальная часть его толпы разсыпалась въ разныя стороны и спасалась какъ могла; многіе бросались въ Волгу, надѣясь переплыть на другой берегъ, но почти всѣ потонули.

По полученіи извѣстія объ этой побѣдѣ императрица издала похвальный указъ Михельсону и его отряду и, сверхъ того, удостоила храбраго и неутомимаго предводителя особымъ письмомъ, при которомъ послала золотую шпагу съ брилліантами. Всѣхъ премьеръ-маіоровъ и подполковниковъ Екатерина приказала представить къ наградѣ, а остальныхъ офицеровъ произвести въ слѣдующіе чины; унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ наградить деньгами [1]).

Обильныя награды вполнѣ соотвѣтствовали важности побѣды. Пугачеву нанесенъ былъ здѣсь послѣдній и самый тяжкій ударъ, послѣ котораго оставалось только принять мѣры къ тому, чтобы онъ не могъ усилиться.

Михельсонъ сформировалъ два отряда: графа Меллина съ его отрядомъ и 200 донскихъ казаковъ онъ отправилъ за Волгу, съ приказаніемъ идти по слѣдамъ самозванца, а другой—подполковника Муфеля съ его легкою полевою командою и 200 человѣкъ донскихъ казаковъ послалъ къ Черному-Яру; самъ же съ остальными войсками пошелъ обратно въ Царицынъ, гдѣ уже находился отрядъ генералъ-маіора Мансурова.

Послѣдній отправилъ также за Волгу летучіе отряды подъ начальствомъ полковника Иловайскаго съ 300 донскихъ и маіора Бородина съ 200 яицкихъ казаковъ. Въ Дмитріевскѣ (Камышинѣ) Мансуровъ поставилъ гвардіи поручика Мельгунова съ 150 челов. казанскихъ улановъ и мещеряковъ и ротою драгунъ 22-й легкой полевой команды; въ станицахъ Балыклейской и Дубовской были расположены по эскадрону Архангелогородскаго карабинернаго полка съ 50 донскими казаками, въ первой станицѣ подъ начальствомъ ротмистра Нолькена, а во второй — поручика Потулова [2]). Чтобы окончательно преградить Пугачеву вторичный переходъ на нагор-

---

[1]) Собственноручное письмо императрицы графу П. И. Панину, отъ 16 сентября 1774 г. *Сборн. Императ. русск. историч. общ.*, т. VI, стр. 136.

[2]) Рапортъ Мансурова графу П. И. Панину, отъ 1 сентября 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 40.

ный берегъ Волги, генералъ Мансуровъ просилъ князя Голицына поставить изъ своего отряда заставу въ селѣ Золотовѣ, находившемся на берегу р. Волги, между Саратовомъ и Дмитріевскомъ (Камышенкою).

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда, 2 сентября, прибылъ въ Царицынъ генералъ-поручикъ Суворовъ, принявшій, по приказанію главнокомандующаго, общее начальство надъ всѣми отрядами, преслѣдовавшими Пугачева.

Суворовъ ѣхалъ безъ всякаго конвоя по дорогамъ, по которымъ бродили шайки мятежниковъ, ловившія всѣхъ проѣзжающихъ. Чтобы избѣжать плѣна, говоритъ Суворовъ въ своей автобіографіи, «не стыдно мнѣ сказать, что я на себя принималъ иногда злодѣйское имя»[1]). Прибывъ въ Царицынъ, онъ приказалъ полковнику Михельсону переправиться черезъ Волгу и настигать «по слѣдамъ укрывательство злодѣя»; генералъ-маіору князю Голицыну сообщено, чтобы онъ также шелъ за р. Волгу съ того мѣста, гдѣ застанетъ его это сообщеніе; генералъ-маіоръ Мансуровъ отправленъ съ его отрядомъ въ Дмитріевскъ съ тѣмъ, чтобы протянулъ свои посты до Саратова; генералъ-маіору князю Багратіону приказано слѣдовать къ Царицыну, расположить семь эскадроновъ гусаръ около Голубинской станицы и имѣть сообщеніе съ постами, находящимисявъ Дмитріевскѣ и Черномъ-Яру, гдѣ остановленъ подполковникъ Муфель съ своею легкою полевою командою [2]).

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Суворовъ отправился въ отрядъ графа Меллина и въ Ахтубѣ переправился черезъ Волгу. Съ нимъ же поѣхали, прибывшіе за нѣсколько дней въ Царицынъ, капитанъ Галаховъ, Евстафій Трифоновъ (Долгополовъ) и П. С. Руничъ. Въ слободѣ Никольской, находившейся на луговой сторонѣ Волги, противъ Камышенки (Дмитріевска), Суворовъ призвалъ къ себѣ Галахова и Рунича и спрашивалъ ихъ, какъ они располагаютъ: пуститься съ нимъ въ степь или нѣтъ? Галаховъ просилъ позволенія посовѣтоваться съ Трифоновымъ и тогда дать отвѣтъ.

---

[1]) *Сѣверный Архивъ*, 1823 г., т. V, стр. 219.

[2]) Рапортъ Суворова графу Панину, отъ 3 сентября 1774 г. Государ. Арх., VI д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 43.

— Зачѣмъ намъ гоняться по степи за Пугачевымъ, говорилъ Трифоновъ; онъ Богъ знаетъ куда промчаться можетъ, а мы между тѣмъ можемъ попасть въ руки киргизамъ, кои то и дѣло въ это время по степи мчатся. Не зачѣмъ намъ пускаться въ степь; намъ сегодня бы надобно переправиться въ Камышенку и поспѣшно изъ оной отправиться въ Саратовъ. Тамъ уже расположимъ куда вамъ и куда мнѣ отправляться должно будетъ.

Имѣя на рукахъ 43,000 руб. золотою монетою, Галахову было рисковано пуститься въ степь, и потому онъ рѣшился переправиться обратно черезъ Волгу, а Суворовъ нагналъ отрядъ графа Меллина и двинулся съ нимъ къ рѣчкамъ Узенямъ. Прибывъ, 9 сентября, на р. Ерусланъ, Суворовъ раздѣлилъ отрядъ на четыре части: двумъ приказалъ слѣдовать по обоимъ берегамъ Малой-Узени, и двумъ—по Большой-Узени и не стѣсняясь жечь камышъ, который могъ скрывать мятежниковъ [1]).

Одновременно съ этимъ князь Голицынъ, переправившись съ своимъ отрядомъ черезъ р. Волгу, двинулся по р. Иргизу, торопясь къ Яицкому-городку, чтобы не дать возможности самозванцу вновь усилиться казаками [2]). Онъ отправилъ двухъ казаковъ на Узени «съ такимъ наставленіемъ, чтобъ они нашедъ тамъ главнаго варвара и, предъявя ему свою преданность, вступили въ его сообщество единственно въ томъ видѣ, дабы, пользуясь симъ предлогомъ, могли возъимѣть удобный и безопасный случай преклонить первѣйшаго его любимца, яицкаго казака Перфильева, къ поимкѣ и умерщвленію его [3]).

На пути князь Голицынъ получилъ рапортъ полковника Иловайскаго, что онъ, соединясь съ маіоромъ Бородинымъ, прибылъ въ Покровскую слободу и получивъ достовѣрное свѣдѣніе, что самозванецъ намѣренъ скрыться на Узеняхъ, идетъ его отыскивать и преслѣдовать [4]).

---

[1]) Рапорты Суворова отъ 7 и 10 сентября 1774 года. Записки Академіи Наукъ, т. XXV, прилож. № 4, стр. 43.

[2]) Рапортъ князя Голицына, отъ 7 сентября 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 490.

[3]) Рапортъ князя Голицына графу Панину, отъ 15 сентября 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 490.

[4]) Рапортъ его же, отъ 10 сентября 1774 г. Тамъ же. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 54.

Подойдя къ урочищу Чертоплинскому, находившемуся на рѣкѣ Большомъ-Узенѣ, Иловайскій и Бородинъ узнали отъ разныхъ лицъ, что казаки отправляются прямо въ Яицкій-городокъ и намѣрены связать и выдать самозванца. Это извѣстіе было немедленно сообщено всѣмъ отряднымъ начальникамъ, и на этотъ разъ вполнѣ оправдалось.

XIV.

Преслѣдованіе Пугачева.—Воззваніе П. Потемкина кабардинцамъ.—Переправа Пугачева на лѣвый берегъ Волги. — Совѣщаніе куда идти. — Заговоръ казаковъ противъ самозванца.—Скитаніе по степи.—Благотворная дѣятельность капитанъ-поручика С. Маврина въ Яицкомъ-городкѣ.—Воззванія П. Потемкина къ казакамъ и жителямъ взволнованнаго края.—Выдача Пугачева и доставленіе его въ Яицкій-городокъ.

Побѣда, одержанная Михельсономъ у Сальникова завода, поставила Пугачева въ безвыходное положеніе. Лишившись большей части своихъ сообщниковъ, онъ былъ окруженъ почти со всѣхъ сторонъ правительственными войсками. Михельсонъ выслалъ для преслѣдованія самозванца кавалерійскія партіи. Со стороны Астрахани подходили къ Красному и Черному-Ярамъ легкая полевая команда, 300 человѣкъ гарнизонныхъ солдатъ, 450 человѣкъ астраханскихъ и красноярскихъ казаковъ и полковникъ кн. Дондуковъ, съ оставшимися вѣрными калмыками.

По распоряженію астраханскаго губернатора Кречетникова, отрядъ этотъ долженъ былъ занять Красный и Черный-Яры и охватить непрерывными разъѣздами всю степь до Элтонскаго озера и Гурьева-городка [1]), и, наконецъ, 6-го сентября, какъ мы видѣли, переправился черезъ ту же рѣку прибывшій къ отряду графа Меллина генералъ-поручикъ Суворовъ. Онъ приказалъ кн. Багратіону съ его отрядомъ подойти къ Царицыну, расположить свои посты между Камышиномъ (Дмитріевскомъ) и Чернымъ-

[1]) Рапорты Кречетникова Сенату отъ 28 августа и военной коллегіи 10 сентября 1774 г. Письмо его же Г. А. Потемкину 28 августа 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 454. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, оп. 47, кн. IV, опись 194, связка 32.

Яромъ, а семь гусарскихъ эскадроновъ поставить около Голубинской станицы для охраненія переправъ черезъ Волгу [1]). «Обнимайте бдѣніемъ вашимъ, писалъ ему Суворовъ, Кубань, Донъ и Калмыковъ, воображая себѣ побѣгъ Пугачева, могущій быть и къ Тамани».

Предположеніе, что Пугачевъ будетъ стараться теперь пробраться на Кубань и поднять тамъ казачье и горское населеніе, заставило генералъ-маіора П. С. Потемкина отправить къ кабардинцамъ премьеръ-маіора Горича съ воззваніемъ и приглашеніемъ поймать самозванца.

«Уповая на вѣрность вашу, писалъ П. Потемкинъ кабардинскимъ владѣльцамъ [2]), поелику предки ваши всегда вѣрными пребывали россійскому императорскому двору и ваше сіятельство сохранили вѣрноподданническую должность къ службѣ всемилостивѣйшей государыни, отправляю я сей листъ къ вамъ, чтобы вы посланному отъ меня г. Горичу, служащему императрицѣ и самодержицѣ всероссійской въ побѣдоносной арміи премьеръ-маіоромъ, чинили всякое вспоможеніе противу бунтующаго донскаго казака Емельяна Пугачева, принявшаго дерзостно званіе покойнаго государя Петра III.

«Я обѣщаю по данной мнѣ власти отъ ея императорскаго величества каждому, кто сего злодѣя и бунтовщика поймаетъ и приведетъ живаго, дать награжденія 30 тысячъ рублей не мѣшкая ни минуты; кто его убьетъ и привезетъ тѣло его—дать 5,000 р. Всѣмъ же тѣмъ, кто пребудетъ въ вѣрности князьямъ кабардинскимъ и черкесамъ—медали и грамоты, для вѣчной имъ чести».

Горичъ не доѣхалъ до Кабарды; онъ возвратился съ дороги въ Казань лишь только узналъ, что самозванецъ находится въ рукахъ правительства [3]).

---

[1]) Ордера Суворова кн. Багратіону 2 и 5 сентября 1774 года. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 95, св. 563, д. № 48.

[2]) Воззванія Потемкина отъ 3 сентября 1774 г., князьямъ Мисостову, Кайтукину, Атажукину и Татарханову; бесленейскому владѣльцу кн. Салукову; кубанскимъ владѣльцамъ Мурзабекову и Мурзѣ Дударукѣ Кулмаметеву. Государствен. Архивъ, VI, д. № 489.

[3]) Всеподданнѣйшее донесеніе П. Потемкину 30 октября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

Разбитый подъ Сальниковымъ заводомъ, Пугачевъ бѣжалъ съ толпою не болѣе 400 человѣкъ по направленію къ Черному-Яру [1]). Опасаясь, чтобы Михельсонъ не настигъ бѣгущихъ, яицкіе казаки бросали изрѣдка по дорогѣ платье и деньги, надѣясь, что регулярныя команды, увлекшись добычею, не будутъ такъ быстро преслѣдовать.

Верстахъ въ 17 отъ Чернаго-Яра самозванецъ остановился и призвалъ къ себѣ сотника астраханскаго казачьяго войска Василія Горскаго.

— Вотъ, другъ мой, говорилъ ему Пугачевъ, мы всѣ растерялись, хлѣба у насъ нѣтъ, какъ намъ быть?

Горскій молчалъ, не зная что отвѣчать.

— Много-ли у насъ осталось, продолжалъ самозванецъ, обращаясь къ яицкимъ казакамъ, есть-ли человѣкъ тысяча.

— Нѣтъ, батюшка, отвѣчали они, — много до тысячи недостаетъ.

— Можно-ли намъ отсюда пройти въ Моздокъ, спросилъ Пугачевъ Горскаго.

— Я въ Моздокѣ не бывалъ и не знаю, отвѣчалъ тотъ.

— Что намъ, батюшка, въ Моздокѣ дѣлать, говорили яицкіе казаки; лучше перейдемъ черезъ р. Волгу на Ахтубу рѣку, къ Селитренному городку. Тутъ достанемъ себѣ хлѣба и пойдемъ чернями (морской берегъ) близъ моря по ватагамъ къ Яику рѣкѣ. Хлѣба по ватагамъ мы сыщемъ довольно.

— А есть-ли по ватагамъ кони? спрашивалъ Пугачевъ.

— По ватагамъ коней много и скота довольно.

— Ну, хорошо, пойдемъ туда. Пришедши на Яикъ мы пойдемъ на трухменскій кряжъ, тамъ у меня есть знакомые владѣльцы или старшины трухменскіе. Черезъ ихъ землю, хотя трудно, но пройдемъ въ Персію, тамъ у меня есть ханы знакомые и хотя они разорены, однакоже мнѣ помогутъ [2]).

Поворотивъ къ Волгѣ, остатки самозванцевой толпы успѣли захватить на берегу нѣсколько лодокъ, «а въ то же время увидѣли

---

[1]) По показанію Творогова, въ толпѣ Пугачева было 200 яицкихъ казаковъ и человѣкъ 200 разночинцевъ.

[2]) Показаніе казака Василія Горскаго. Госуд. Арх., VI, № 463.

вдали рыболововъ, плавающихъ по Волгѣ для своего промысла, которыхъ заворотя взяли и ихъ лодки». Кто успѣлъ достать себѣ мѣсто тотъ въ лодкѣ, а остальные вплавь переправились черезъ рѣку, но попали не на луговой берегъ, а на островъ, раздѣлявшій теченіе р. Волги на-двое.

Въ виду предстоявшей новой переправы бѣглецы остановились, чтобы дать отдохнуть усталымъ лошадямъ, а между тѣмъ авангардъ преслѣдующихъ войскъ появился уже на нагорномъ берегу Волги. Хотя на этомъ берегу и не было ни одного судна, но Пугачевъ, опасаясь, что преслѣдующіе отряды могутъ переправиться гдѣ-нибудь выше или ниже и отрѣзать ему путь отступленія, тотчасъ сѣлъ въ лодку и съ небольшимъ числомъ приближенныхъ переправился на луговую сторону. Остальные послѣдовали за нимъ и успѣли переправиться вплавь, при помощи небольшихъ плотовъ ими устроенныхъ. На островѣ было много наносныхъ площатыхъ дровъ и сухаго тальнику. «Мы, собравъ ихъ, показывалъ Иванъ Твороговъ [1]), надѣлали маленькихъ и легенькихъ плотовъ, по нашему *салы* называемыхъ, связывая ихъ веревкою». Раздѣвшись, казаки положили на плоты свое платье и сѣдла и привязавъ къ хвосту каждой лошади по одному плоту, а сами, держась за гриву, переправились такимъ образомъ на берегъ. Верстахъ въ трехъ отъ него, они нагнали самозванца и остановились на ночлегъ. Ихъ было очень немного: Аѳанасій Перфильевъ и человѣкъ 40 казаковъ, остались на острову за невозможностью переправиться по усталости лошадей. Тамъ же остался и оберъ-секретарь его, Дубровскій, онъ же и Трофимовъ [2]).

---

[1]) 27 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 505.

[2]) Когда Пугачевъ и его сообщники переправлялись черезъ второй рукавъ р. Волги на луговую сторону, «то я, показывалъ Дубровскій, снялъ съ себя платье и отдавъ на плотъ саратовскаго казака Стародубова, остался съ лошадью нагой и хотѣлъ плыть на ту сторону, однако, по неумѣнію моему убоялся и остался на острову съ прочими. А на другой день на островѣ учинился искъ и многихъ перехватали, а я въ то время пролежалъ въ кустахъ подъ колодой трои сутки, а на четвертыя вышелъ и усмотрѣлъ стоящія среди Волги суда, съ которыхъ бурлаки накормили меня хлѣбомъ и дали: зипунъ, рубашку и портки. И послѣ того бывъ дня съ четыре на островѣ, помирая голодомъ, вышелъ на берегъ и увидалъ лодку, которая плыла вверхъ по Волгѣ, попросилъ имени ради Божія перевезти меня на луговую сторону, по которой шатался голодный дней съ пять, по займищамъ; старался

Пугачевъ упалъ духомъ, сожалѣлъ о потерѣ близкихъ, а окружавшіе его казаки видѣли ясно, что въ будущемъ невозможно имъ ожидать ничего хорошаго. Припоминая свой разговоръ съ Дубровскимъ, предсѣдатель пугачевской коллегіи Иванъ Твороговъ постепенно приходилъ къ убѣжденію, что Пугачевъ самозванецъ и подъ тяжестью гнетущихъ событій рѣшился высказать свой взглядъ товарищамъ. Тутъ были: хорунжій Иванъ Федульевъ, казаки: Чумаковъ, Тимоѳей Желѣзновъ, Дмитрій Арыковъ и Иванъ Бурновъ.

— Что теперь намъ дѣлать? спрашивалъ Твороговъ своихъ товарищей. Какому государю мы служимъ: онъ грамотѣ не знаетъ. Я подлинно васъ увѣряю, что когда по приказанію его былъ написанъ къ казакамъ именной указъ, то онъ его не подписалъ, а велѣлъ подписать его именемъ секретарю Дубровскому. Если бы онъ былъ государь, то указъ подписалъ бы самъ. Донскіе казаки называютъ его Емельяномъ Ивановымъ и когда пришли-было къ нему и на него пристально смотрѣли, то онъ рожу свою отъ нихъ отворачивалъ. Такъ что же теперь намъ дѣлать? Согласны-ли вы будете, чтобы его связать?

— Согласны, отвѣчалъ Чумаковъ, только надобно уговориться съ другими казаками. Мы сами теперь видимъ, что онъ не государь, а донской казакъ.

Совѣщавшіеся дали слово уговорить къ тому каждый своего пріятеля и послѣ снестись между собою, кто какого будетъ мнѣнія.

Въ ту же ночь Пугачевъ собралъ къ себѣ на совѣщаніе всѣхъ наличныхъ яицкихъ казаковъ.

— Какъ вы, дѣтушки, думаете, куда намъ теперь идти? спрашивалъ самозванецъ.

— Мы и сами не знаемъ, отвѣчали уклончиво казаки. А ваше величество куда изволите думать?

ройцы по Волгѣ въ жительство (Дубровскій былъ сынъ мценскаго купца Степана Трофимова) и придѣпился къ добрымъ людямъ, которые въ толпѣ Пугачева не были и думалъ избѣгнуть достойной по моему безаконію казни. Однако, подъ Бурадной слободой пойманъ калмыками и приведенъ въ Енотаевскую крѣпость, откуда отправленъ въ Астрахань и присланъ въ Царицынъ» (Государственный Арх., VI, [illegible] № 312).

— Я думаю идти внизъ по Волгѣ и собравъ на ватагахъ хлѣба, пробраться къ запорожскимъ казакамъ. Тамъ близко есть у меня знакомыхъ два князька, у одного наберется тысячъ съ 17, а у другаго тысячъ съ десять,—они за меня вѣрно вступятся.

Хотя большинство присутствовавшихъ на совѣщаніи и не знало гдѣ живутъ запорожцы, но знали, что далеко гдѣ-то, въ другой сторонѣ. Скитальческая жизнь имъ надоѣла и они отказывались слѣдовать за своимъ предводителемъ.

— Нѣтъ, отвѣчали казаки, воля ваша, хоть головы рубите, а мы не пойдемъ въ чужую землю, что намъ тамъ дѣлать?

— Ну, а куда же вы думаете? спрашивалъ Пугачевъ, инъ пойдемъ въ Сибирь, а не то въ калмыцкую орду.

— Нѣтъ, батюшка, мы и туда не ходоки съ вами; куда намъ въ такую даль забиваться, у насъ здѣсь отцы, матери и жены— зачѣмъ идти въ чужую землю.

Пугачевъ выказывалъ неудовольствіе.

— Ну, такъ куда же вы посовѣтуете? сказалъ онъ съ сердцемъ.

— Пойдемъ вверхъ по Волгѣ, говорили Твороговъ и Чумаковъ, и будемъ пробираться къ Узенямъ, а тамъ уже придумаемъ что дѣлать.

— Но тамъ трудно будетъ достать хлѣба, возражалъ самозванецъ, и есть опасность отъ воинскихъ командъ.

Казаки настаивали на своемъ, и Пугачевъ принужденъ былъ согласиться. На слѣдующее утро толпа двинулась вверхъ по Волгѣ и шли степью цѣлыя сутки безъ воды, да и хлѣба почти ни у кого не было; стали томиться.

— Куда вы меня ведете, спрашивалъ Пугачевъ Творогова и Чумакова; люди и лошади помрутъ безъ воды и хлѣба.

— Мы идемъ на Узени, отвѣчали ему.

— Я степью идти не хочу, пойдемъ къ Волгѣ; пусть тамъ меня поймаютъ, да все-таки достанемся въ руки человѣческія, а въ степи помремъ какъ собаки.

Казаки повернули къ Волгѣ, причемъ многіе татары, башкиры и разночинцы отстали и пошли степью.

Во время пути Твороговъ и Чумаковъ съ компаніею дѣлали

свое дѣло, и стараясь представить безвыходность своего положенія, уговаривали казаковъ выдать самозванца и тѣмъ заслужить прощеніе. Переговоры эти не могли окончиться скоро: въ толпѣ было до 160 человѣкъ, изъ коихъ многіе вѣрили, что Пугачевъ истинный государь и были ему преданы. Чтобы имѣть успѣхъ, надо было склонить на свою сторону бо́льшую часть казаковъ и постараться удалить всѣхъ тѣхъ, на содѣйствіе которыхъ нельзя было разсчитывать. Пользуясь тѣмъ, что при безпрерывности движенія у многихъ казаковъ лошади такъ пристали, что они принуждены были ихъ бросить, а другіе ѣхали на лошадяхъ едва двигавшихся, Твороговъ и Чумаковъ просили Пугачева, чтобы онъ разрѣшилъ казакамъ отобрать лошадей у разночинцевъ, которыхъ и распустить по домамъ. Пугачевъ долго не соглашался на это, но будучи убѣждаемъ казаками, сказалъ съ сердцемъ: «ну, какъ хотите». Лошади были отобраны у разночинцевъ, вредный элементъ мало-по-малу удаленъ и толпа повернула на Элтонское озеро. Пугачевъ все время ѣхалъ молча, смотрѣлъ уныло, а его спутники терпѣли нужду и голодъ. Положеніе ихъ было тяжелое: въ теченіе нѣсколькихъ дней они скитались безъ всякихъ запасовъ продовольствія среди степи, въ суровое время. Выпавшій снѣгъ и сильные вѣтры усиливали лишенія и пребываніе въ степи становилось невыносимымъ.

Кое-какъ добрались до Узеней. «Сіе мѣсто такого положенія, писалъ Мавринъ [1]), кое всю мятежническую тварь въ себя вжираетъ, а потомъ уже отрыгаетъ пагубнѣйшими извергами естества человѣческаго».

Остановившись на Узеняхъ на ночлегъ, многіе казаки отправились на охоту, чтобы достать себѣ хоть какое нибудь пропитаніе. Наутро двое охотниковъ, Иванъ Бакалкинъ и Яковъ Лепехинъ, возвратившись въ станъ заявили, что недалеко отъ лагеря они нашли въ землянкахъ двухъ старцевъ-отшельниковъ.

— Нѣтъ-ли у стариковъ чего на пищу, спросилъ Пугачевъ.

---

[1]) Князю Голицыну, отъ 15 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. См. также «Матеріалы и проч.», изд. Я. К. Грота. *Записки Академіи наукъ*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 68.

— Есть, отвѣчали пріѣхавшіе; мы видѣли у нихъ дыни и букву [1]).

Самозванецъ пригласилъ нѣсколькихъ человѣкъ отправиться съ нимъ къ старцамъ, «то мы, говорилъ Твороговъ, почитая сіе мѣсто за удобнѣйшее къ произведенію нашего намѣренія, съ радостью согласились съ нимъ туда ѣхать. Пугачевъ приказалъ осѣдлать себѣ лошадь, но похуже.

— Что вы такую худую лошадь подъ себя берете, говорилъ Твороговъ, неравно, какъ что случится, такъ было бы на чемъ бѣжать.

— Я берегу хорошую впредь для себя, отвѣчалъ Пугачевъ.

«Итакъ, собравшись человѣкъ съ 20 надежныхъ другъ другу людей, поѣхали, говорилъ Твороговъ, вооружась каждый шашками, копьями и винтовками, и предпріявъ совершенно исполнить тамъ свое намѣреніе, поелику злодѣй сѣлъ на посредственную лошадь, которая не подавала намъ сомнѣнія, чтобы могъ онъ отъ насъ на ней уйти».

Землянки старцевъ находились на противоположномъ берегу рѣчки, въ камышахъ. Сойдя съ лошади, Пугачевъ закричалъ, чтобы подали ему будару и переѣхалъ, оставивъ лошадей на этомъ берегу. Онъ потребовалъ дыни и буквы, но какъ ихъ оказалось мало и многимъ спутникамъ самозванца не хватило, то казаки просили позволенія сорвать самимъ съ грядъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи отъ землянокъ. Старцы охотно согласились и сами пошли съ казаками. У землянокъ остались: Пугачевъ, Чумаковъ, Твороговъ, Федульевъ, Бурновъ и Желѣзновъ.

— Что, ваше величество, началъ Чумаковъ, — куда ты думаешь теперь идти?

— О чемъ ты спрашиваешь, отвѣчалъ Пугачевъ, — вѣдь у насъ выдумано куда ѣхать: на форпосты. Забравъ съ нихъ людей, пойду къ Гурьеву-городку; тутъ мы перезимуемъ, а какъ ледъ вскроется, то, сѣвши на суда, поѣдемъ за Каспійское море и тамъ поднимемъ орды.

— Нѣтъ, батюшка, говорили казаки, — воля твоя, а мы не хотимъ теперь воевать; пойдемъ лучше въ нашъ городокъ.

---

[1]) Буква, растеніе похожее на рѣдьку, но неимѣющее въ себѣ такой горечи.

— Я въ Яицкій-городокъ не поѣду, говорилъ Пугачевъ; ежели и вы на Яикъ поѣдете, такъ сами пропадете и меня погубите, а не лучше-ли ѣхать назадъ и пробираться въ Москву.

— Нѣтъ, государь, слышались голоса, — воля твоя, а тому не бывать.

— Полно, не лучше-ли, дѣтушки, оставить поѣздку въ городокъ.

— Нѣтъ, нельзя, отвѣчали ему голоса,—намъ некуда теперь больше ѣхать.

Видя настойчивость казаковъ и вольность, съ которою они теперь говорили, Пугачевъ понялъ въ чемъ дѣло. То краснѣя, то блѣднѣя въ лицѣ, онъ старался отговорить ихъ отъ поѣздки въ Яикъ, но въ концѣ-концовъ принужденъ былъ согласиться.

— Ну, воля ваша, проговорилъ онъ, — поѣдемъ. Коли насъ тамъ примутъ, то останемся, а коли не примутъ, такъ пойдемъ мимо.

— Какъ не принять — примутъ, замѣтилъ Чумаковъ, и совѣтовалъ самозванцу возвратиться скорѣе въ станъ.

«Мы дрожмя-дрожали, говорилъ Твороговъ, и желали поскорѣе переманить его на ту сторону, гдѣ лошади наши были, боясь, чтобы какъ не ушелъ отъ насъ тутъ, чего ради и представили ему, что время уже ѣхать». Пугачевъ съ Чумаковымъ и нѣсколькими казаками сѣлъ въ будару и переправился черезъ рѣку; за ними, въ той же бударѣ, переправились Твороговъ, Федульевъ, Бурновъ и остальные казаки. Когда послѣдніе вышли на берегъ, то Чумаковъ держалъ лошадей: свою и самозванца, а Пугачевъ собирался садиться. Моментъ былъ самый удобный и мнимаго государя окружали только люди, преданные другъ-другу и заранѣе согласившіеся.

— Иванъ! крикнулъ Федульевъ казаку Бурнову, что задумали, то затѣвай: сними съ него саблю.

Стоявшій возлѣ Пугачева Бурновъ схватилъ его за руки выше локтей. Самозванецъ поблѣднѣлъ.

— Что это... что вы выдумали, говорилъ онъ робкимъ и прерывающимся голосомъ, — на кого вы руки поднимаете.

— А вотъ что, кричали казаки,—ты отдай намъ свою шашку,

ножикъ и патронницу. Мы не хотимъ тебѣ больше служить и не хотимъ больше злодѣйствовать, довольно и такъ за тебя прогнѣвали Бога и матушку милостивую государыню; много пролили мы крови человѣческой и лишились сами отцовъ, матерей, роду и племени.

— Ай, ребята, что это вы вздумали надо мною злодѣйствовать, говорилъ Пугачевъ, смотря на казаковъ; — вѣдь вы только меня погубите, а и сами не воскреснете. Полно, не можно-ли, дѣтушки, это отмѣнить; напрасно вы меня губите.

— Нѣтъ, нѣтъ, кричали казаки,—не хотимъ болѣе проливать крови; мы повеземъ тебя прямо въ городокъ (Яицкій): если ты подлинный государь, то тебѣ нечего бояться, ты тамъ себя и насъ оправишь (оправдаешь). А что до насъ касается — то воля матушки нашей всемилостивѣйшей государыни, что изволитъ, то и сдѣлаетъ съ нами. Хотя всѣмъ намъ головы перерубятъ, только мы тебя не упустимъ, полно уже тебѣ разорять Россію и проливать безвинную кровь.

Казаки требовали, чтобы Пугачевъ добровольно отдалъ свое оружіе Бурнову.

— Мнѣ безчестно отдать это тебѣ, сказалъ самозванецъ, смотря на Бурнова, державшаго его за руки, — а отдамъ я своему полковнику Федульеву.

Послѣдній принялъ шашку, большой ножъ и патронницу. Пугачева посадили на лошадь; ближайшій изъ казаковъ держалъ ея поводъ, а остальные, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, направились къ переправѣ черезъ р. Узень на яицкую сторону.

Видѣвшій всю эту сцену одинъ изъ старцевъ одобрилъ рѣшеніе казаковъ.

— Вы не должны отчаяваться, говорилъ онъ, — въ высочайшей императорскаго величества милости, въ разсужденіи многихъ ея образцовъ, послѣдовавшихъ съ преступниками. Вы старайтесь какъ можно довезти злодѣя въ сохранности и не упустите. Я слышалъ, что въ городокъ къ намъ пріѣхалъ какой-то милостивый судья, капитанъ или маіоръ. Онъ выпустилъ изъ тюрьмы всѣхъ колодниковъ, а вдовамъ и сиротамъ выдаетъ на пропитаніе хлѣбъ.

Это извѣстіе очень обрадовало казаковъ и было вполнѣ спра-

ведливо. Старецъ говорилъ о поступкахъ одного изъ членовъ секретной коммиссіи, капитанъ-поручика Саввы Маврина.

Сначала болѣзнь, а потомъ кончина казанскаго губернатора Я. Л. фонъ-Брандта, заставили генералъ-маіора Павла Потемкина оставаться въ Казани и временно вступить въ управленіе губерніею. Въ Казань возвращались поодиночкѣ обыватели города, захваченные силою мятежниками и успѣвшіе уйти изъ ихъ толпы. Сюда же бѣжали изъ сосѣднихъ деревень помѣщики, духовенство и управляющіе, спасавшіеся отъ шаекъ мятежниковъ и поднявшагося крестьянскаго населенія. Прибывавшему населенію необходимъ былъ пріютъ и помѣщеніе. Потемкинъ раздавалъ безденежно казенный лѣсъ на постройку домовъ и для уменьшенія прилива пришлаго населенія принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы прекратить безпорядки и возстановить спокойствіе въ губерніи. По данной «власти отъ ея императорскаго величества укрощать бунтъ», П. Потемкинъ просилъ воеводъ собрать команды и преслѣдовать возмутившихся. Онъ уполномочилъ ихъ сѣчь кнутомъ начальниковъ шаекъ, а десятаго человѣка изъ шайки сѣчь плетьми нещадно. «А ежели которые, прибавлялъ Потемкинъ [1]), заслуживаютъ смерть, о таковыхъ мнѣніе ваше представить, и тогда о казни будутъ присылаться къ вамъ указы».

При поголовномъ возстаніи воеводамъ невозможно было собрать отряды, и Потемкину пришлось самому отправлять ихъ изъ Казани по разнымъ направленіямъ. Команды эти ловили мятежниковъ, присылали ихъ въ секретную коммиссію, и число преступниковъ, подлежавшихъ суду, ежедневно и быстро увеличивалось. Съ другой стороны, начальники преслѣдующихъ отрядовъ, захватывая мятежниковъ, отправляли ихъ въ ближайшіе города, преимущественно въ Оренбургъ и Яицкій-городокъ (Уральскъ). Въ этихъ двухъ пунктахъ накопилось столько колодниковъ, что для содержанія ихъ не достовало помѣщенія и дѣятельность секретной коммиссіи должна была разбиться на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Имѣя порученіе императрицы главнѣйшимъ образомъ изслѣдовать причины бунта

---

[1]) Въ ордерѣ свіяжскому воеводѣ, подполковнику Чирикову, 28 іюля 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 489.

й неудовольствія яицкихъ казаковъ и не имѣя возможности оставить Казань, генералъ-маіоръ П. Потемкинъ отправилъ въ Яицкій-городокъ капитанъ-поручика Савву Маврина, съ порученіемъ приступить какъ можно скорѣе къ производству слѣдствія, «и постараться открыть начальныя причины родившагося бунта на Яикѣ» [1]).

Сознавая ясно, что главнѣйшими руководителями мятежа были и есть яицкіе казаки, П. Потемкинъ находилъ полезнымъ примѣнить не тѣ мѣры строгости, которыя примѣнялъ онъ въ Казанской губерніи, а стараться подѣйствовать на казачье населеніе кротостью, обѣщаніемъ прощенія и милостей императрицы всѣмъ вѣрнымъ и раскаявшимся.

Въ тотъ же самый день, когда Потемкинъ предписывалъ воеводамъ сѣчь виновныхъ кнутомъ и плетьми, онъ писалъ Маврину: «дѣлайте возможное попеченіе, чтобы посѣять въ яицкихъ казакахъ истинное повиновеніе; увѣрьте ихъ, что я имѣю власть поправить всѣ ихъ безпорядки, а особливо въ томъ (увѣрьте), что они, принеся истинное раскаяніе государынѣ императрицѣ, будутъ наслаждаться тишиной и спокойствіемъ; а ежели неудовольствія которые имѣютъ, тѣ могутъ адресоваться ко мнѣ».

Черезъ два дня, 31 іюля, П. Потемкинъ писалъ капитанъ-поручику Маврину:

«Я откровенно вамъ скажу, что зная образъ мыслей государыни, увѣренъ, что ей благоугодно снисхожденіе и кротость, а не строгія наказанія. Да признаюсь вамъ и въ томъ, что неохотно соглашаюсь людей казнить. Жизнь такой даръ божественный, который отнять легко, но возвратить не въ нашихъ силахъ. Число яицкихъ казаковъ (арестованныхъ) у васъ весьма довольно, они всѣ почти равную заслуживаютъ смерть, но можно-ли столь много казнить вдругъ? И потому препоручаю вамъ до отъѣзда вашего на Яикъ [2]), поговорите съ плѣнными казаками, и если истинное раскаяніе они возчувствуютъ, обѣщайте имъ пощаду».

---

[1]) Всеподдан. донесеніе П. Потемкина, отъ 2 августа 1774 года. Государств. Архивъ, VI, д. № 489. Письмо его же С. Маврину, отъ 28 іюля 1774 года. Доставленіемъ какъ этого, такъ и другихъ писемъ П. Потемкина къ Маврину я обязанъ Я. К. Гроту, которому и позволяю себѣ выразить благодарность.

[2]) С. Мавринъ былъ въ то время въ гор. Оренбургѣ.

Руководимый убѣжденіемъ, что даже злодѣи, имѣющіе «окаменѣлыя сердца и привычку къ злобѣ, скорѣе отъ кротости могутъ убѣждены быть, нежели отъ жестокости»—С. Мавринъ явился въ Яицкомъ-городкѣ не грозою, а умиротворителемъ. Повидавшись съ полковникомъ Симановымъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ собралъ «*казачій кругъ*», въ которомъ прочиталъ воззваніе П. Потемкина, обращенное къ казакамъ:

«Объявляю чрезъ сіе, сказано было въ этомъ воззваніи, что ея императорское величество сострадаетъ духомъ, видѣвъ продолжающееся возмущеніе въ части Оренбургской и Казанской губерніи отъ уловленныхъ хищными прельщеніями слабомысленныхъ людей, извѣстнымъ уже каждому измѣнникомъ и явнымъ злодѣемъ Пугачевымъ. Не смотря, что уже публикованными предъ симъ манифестами ясно изобличено враждебное его намѣреніе и доказаны дѣла и гнусное Пугачева званіе его, что послѣ многихъ пораженій храбрыми и вѣрными войсками ея величества всѣхъ сонмищъ, прилѣпившихся къ злодѣю, имѣлъ случай народъ ясно познать лукавую лесть сего злодѣя и обманъ. Но какъ всякое пораженіе сообщниковъ его долженствуетъ проливать кровь Россійской державѣ принадлежащихъ, то ея императорское величество, яко истинная мать народа, ввѣреннаго ей отъ всемогущаго Бога и по природному своему великодушію, не можетъ не содрогаясь находить себя принужденною обращать мечъ на казнь собственныхъ своихъ подданныхъ. Того для ея императорское величество вознамѣрилась еще милосердое сдѣлать имъ увѣщеваніе, къ призванію каждаго заблуждающагося на раскаяніе, и высочайше благоволила опредѣлить меня къ сему дѣлу, съ полною довѣренностію повелѣвъ мнѣ изслѣдовать и изыскать точныя причины родившагося толикаго зла въ несчастномъ краѣ славной ея величества имперіи, стараться искоренить и пресѣчь какъ самое сіе зло, такъ источники, могущіе угнетать или оскорблять народъ, ежели они случиться могли-бъ, привести въ повиновеніе возмутившихся, приводящихъ весь народъ на край гибели, и возстановить тишину и благоденствіе.

«Исполняя изволеніе всемилостивѣйшей государыни, принимая на себя толь важное дѣло, по ревностному моему желанію служить отъ всего сердца отечеству, заклинался я предъ всемогущимъ Бо-

гомъ имѣть предметомъ себѣ единую святую истину и не только во зло не употреблять данную мнѣ власть на казнь людей, но сохранять всю кротость и отвлечь всѣ источники всякаго заблужденія. Того для симъ даю знать народу, призывая всѣхъ смутившихся къ скорѣйшему обращенію на путь истины и къ должному повиновенію священной ея величества особѣ, яко единой истинной нашей императрицѣ.

«О! россіяне несчастнаго сего края, откройте завѣсу, ослѣпляющую очи ваши; уже вы видите, что злѣйшій сей измѣнникъ Пугачевъ дерзостно принялъ имя покойнаго государя Петра Третьяго на единственную вашу пагубу; злодѣйское его намѣреніе каждый день сугубо открывается; производимыя мучительства доказываютъ вамъ адскую злость и звѣрскую его душу; воззрите на всѣ варварскія его дѣла, на всѣ его мучительства надъ несчастными людьми; воззрите на кровь, проливаемую рѣками варварскою его рукою и злыхъ его сообщниковъ; кровь сія есть кровь отцовъ, женъ, братій и дѣтей вашихъ: она вопіетъ на небеса объ отмщеніи сему измѣннику, погубившему ихъ. Видите вы ясно, что сей извергъ природы и самое исчадіе страшнаго ада терзаетъ и губитъ весь народъ не щадя никого, и не смотря ни возраста, ни пола. Не мучатся-ли отъ ужаса сердца ваши, видя трепещущіе члены терзаемыхъ младенцевъ предъ глазами вашими кровожаждущей его рукою? Не приводятъ-ли въ отвращеніе, видѣвъ жалостное позорище, когда разбойникъ сей повсюду отъемлетъ ваше имѣніе, предастъ огню ваши домы, беретъ насущный хлѣбъ отъ васъ, опустошаетъ землю и влечетъ васъ къ совершенной погибели? Обратитесь съ вѣрностію и чистосердечнымъ раскаяніемъ къ истинной государынѣ нашей и пресвѣтлѣйшему наслѣднику ея, государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, котораго сердце возмущеніемъ вашимъ противу государыни и матери его оскорблено. Помыслите здраво, подымите руки ваши на самого злодѣя, свергните иго съ себя Пугачева и общаго врага отечества, и память его погибнетъ. Помыслите, что щедрая ваша монархиня, видя принужденною себя поражать преступниковъ не вовсе попускаетъ мечъ на казнь ихъ, для того, что они ея подданные, для того, что она ожидаетъ признанія ихъ и готова даровать пощаду,

яко прямая помазанница Божія, имѣя дарованный духъ ея отъ Бога кроткій и милосердный. Опамятуйтесь, еще я увѣщеваю васъ, принесите чистыя души и сердца ваши съ повиновеніемъ, и истребится воспоминаніе о преступленіяхъ вашихъ.

«Я надежно обѣщаю ходатайствовать о пощадѣ васъ предъ священнымъ ея величества престоломъ. Еще малое время дается вамъ на обращеніе ваше; долготерпѣніе и милость ея величества зоветъ васъ подъ кровъ свой, еще вы можете наслаждаться впредь посреди семействъ своихъ благословеннымъ спокойствіемъ. Я, ограждаясь истиной, потщуся, исполняя высочайшую волю всемилостивѣйшей государыни нашей, утверждать спокойствіе въ васъ и тишину, обѣщаю предстательствовать за обидимаго и притѣсненнаго, и благоденствіе ваше обновится. Но естли сіе послѣднее объявленіе не приведетъ въ раскаяніе окаменѣлыя въ злости сердца, тогда надъ таковыми изліется уже весь праведный гнѣвъ монархини и оружіе ея величества умножится на истребленіе и казнь всѣхъ преступниковъ.

«Боже! удержи мщеніе свое отъ прегрѣшившихъ предъ тобою, отъ преступниковъ предъ помазанницей твоей, великой государыней нашей императрицей Екатериной Алексѣевной, благоугождающей Тебѣ правостью и милосердіемъ, обрати развращенныя сердца къ истинѣ, яви благость Твою надъ ними и благослови стараніе мое, и исполненіе сего дѣла пріиму я первымъ счастіемъ жизни и въ службѣ монархини нашей».

Объявленіе это произвело видимое впечатлѣніе на казаковъ. Мятежъ и безпорядки имъ надоѣли: многіе жители не имѣли дневнаго пропитанія и пристанища, другіе лишились отцовъ, мужей и братьевъ; дома были разрушены и часть города обращена въ пепелъ. С. Мавринъ обласкалъ населеніе и пошелъ на помощь разоренному ихъ состоянію. Онъ освободилъ изъ заключенія менѣе виновныхъ и возвратилъ ихъ въ семейства. Казаки высоко цѣнили поступки прибывшаго къ нимъ капитанъ-поручика. Въ это время получено было въ Яицкомъ-городкѣ новое воззваніе П. Потемкина, разославшаго его по разнымъ мѣстамъ волнующагося края.

«Я нижеподписавшійся, писалъ Потемкинъ [1]), войскъ ея импе-

[1]) Госуд. Арх., VI, д. № 489.

раторскаго величества самодержицы всероссійской генералъ-маіоръ, двора ея величества камеръ-юнкеръ и кавалеръ, уполномоченный въ секретныхъ коммиссіяхъ, учрежденныхъ по высочайшему ея величества изволенію. Объявляю всѣмъ и каждому прилѣпившимся къ государственному злодѣю и бунтовщику, варвару и кровопійцу Емелькѣ Пугачеву и всѣмъ поползнувшимъ на его обольщеніе, что уже наступаетъ время, въ которое никакая милость, никакая щедрота ея императорскаго величества царствующей надъ нами императрицы снисходить далѣе на беззаконный народъ не можетъ. Чего ради предваряю всѣхъ сообщниковъ изверга и злодѣя Пугачева, съ должнымъ увѣщаніемъ, да вникнетъ каждый прилѣпившійся и колеблющійся разсужденіемъ, коль важное, коль ужасное содѣлываетъ симъ беззаконіе предъ всемогущимъ Богомъ, дѣлавшись ослушникомъ Его святому закону; сколь великое и непростительное дѣлаетъ оскорбленіе помазанницѣ Божіей великой государынѣ, учинившись сообщникомъ измѣннику и бунтовщику, коль страшное и коль лютое симъ сообщничествомъ дѣлаетъ прегрѣшеніе предъ всѣми ближними, учиняя единовѣрцамъ, единой державы подданнымъ насиліе и убійство, разоряя ихъ домы, расхищая имѣнія.

«Пускай каждый помыслитъ въ совѣсти своей, яко истинный христіанинъ и вспомянетъ страшный судъ Божій, праведный гнѣвъ монархини и вопль вдовицъ и сиротъ, которыхъ мужъ или отецъ по хищности злодѣевъ убиты, имѣніе разграблено, дома опустошены, не вопіютъ-ли они на небеса: Боже, отмсти злодѣямъ и сопричастникамъ Твоего и человѣчества врага Емельки Пугачева кровь нашу!

«О, народъ россійскія православной державы, опамятуйся, помысли въ душѣ своей, какое страшное зло производится нынѣ! Воззри, какое происходитъ убійство и кровопролитіе посреди градовъ и селъ нашего возлюбленнаго отечества отъ внутреннихъ злодѣевъ. Отецъ, не внемля ни жалости, ни долгу крови, подъемлетъ руки свои на убійство сына, и сынъ на отца; братъ брата безъ сожалѣнія поражаетъ, кровь течетъ рѣками, истина страждетъ и злость торжествуетъ.

«Боже всемогущій, доколѣ попустишь Ты сердца народа своего

на таковое беззаконіе, доколѣ будутъ утопать души ихъ во мракѣ злобы и страшнаго грѣха!

«О, россіяне! почувствуйте въ душѣ своей до чего вы дошли! Воспомяните прошедшее блаженство дней своихъ. Черезъ 12 лѣтъ благословеннаго царствованія великой государыни нашей, смущалась ли когда притѣсненіемъ хотя единая душа. Принявъ престолъ и скипетръ изъ рукъ самого всемогущаго Бога, окончила она войну, для блаженства своихъ подданныхъ; презирая покой свой, ежечасно пеклась о благосостояніи народа своего. Видя недостатокъ законовъ, положила въ сердцѣ своемъ для искорененія всякія неправды сдѣлать новое уложеніе, призвала избранныхъ отъ васъ на объясненія каждаго надобности. О, сколь свято намѣреніе сіе!

«Врагъ вѣры и закона возмутилъ и попрепятствовалъ совершенію онаго. Султанъ турецкій объявилъ войну и держава Оттоманскія имперіи, которая казалась столь страшна для всего свѣта, великими предпріятіями премудрой нашей государыни побѣждена, храброе воинство разрушаетъ повсюду ополченіе турокъ и доводитъ ихъ до изнеможенія и Порта Оттоманская изъ милосердія проситъ мира, уступаетъ Россіи земли свои и даетъ еще за убытокъ деньги. Какое утѣшеніе монархини, какая слава для воинства Россійскаго, какое благословенное время для Россіи!

«Но все сіе опровергается внутреннимъ замѣшательствомъ. О, россіяне! тѣмъ-ли вы платите великой государынѣ своей за всѣ ея милости для народа, за всѣ ея труды, за все безпокойство, которое она имѣетъ, пещась о славѣ и пользѣ вашей. Гдѣ дѣлась клятва и присяга ваша, чтобъ проливать кровь свою за право нашей великой монархини; вы забываете всѣ ея щедроты, все одолженіе ея; нарушаете вѣру и присягу свою, дѣлаетесь измѣнниками и нарушителями общаго блаженства, но для кого и отъ кого все сіе зло проистекаетъ? Бѣглый донской казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, *спѣченный кнутомъ* (?), скитавшійся между злодѣевъ и разбойниковъ былъ пойманъ и содержанъ въ Казани, оттуда ушелъ и подговорилъ подобныхъ себѣ злодѣевъ изъ яицкихъ казаковъ бунтующей стороны, дерзостно принялъ на себя высокое званіе императора Петра Третьяго, котораго смерти и погребенію

весь престольный градъ былъ свидѣтелемъ. Родственники сего злодѣя Пугачева еще содержатся въ Казани; названный отъ его, злодѣя, графомъ, а на самомъ дѣлѣ главный его сообщникъ яицкій казакъ Зарубинъ или Чика, теперь находится скованный въ Казани. Вотъ какой разбойникъ производитъ все сіе зло подъ именемъ покойнаго государя, обольщая невѣжество простолюдиновъ, разрушаетъ всю славу, пріобрѣтенную высокими попеченіями.

«Опамятуйтесь, возгнушайтесь злодѣемъ и придите въ раскаяніе передъ Богомъ и передъ помазанницей Его великой государыней нашей. Или не видите вы, что сей врагъ славы, пользы и спокойствія Россіи, сей предатель самого Бога, сей измѣнникъ и бунтовщикъ монархинѣ и отечеству, вашею кровію проливаетъ кровь вѣрныхъ отечеству и презираетъ общую погибель. Или не видите вы, что онъ, ругаясь и разоряя храмы Божіи посреди оныхъ, когда ихъ грабитъ, обольщаетъ легкомысліе и сердца народа: онъ обѣщаетъ свободу отъ рекрутъ и податей. Трудно-ли обѣщать, когда оно не принадлежитъ ему; но и свобода сія не можетъ существовать въ самомъ дѣлѣ. Кто будетъ ограждать предѣлы нашего государства, когда не будетъ воинства? А воинство наполняется рекрутами. Чѣмъ будутъ содержать солдатъ, когда не будетъ подушнаго сбора? Гдѣ бы турки уже были теперь, когда бы въ Россіи не было воиновъ? Престолъ россійскій давно бы уже былъ въ рукахъ оныхъ враговъ имени христіанскаго.

«Но кѣмъ онъ былъ защищаемъ?—высокими предпріятіями великой монархини, грудью храбрыхъ россійскихъ солдатъ, искусствомъ ихъ предводителей: они воюя проливали свою кровь за вѣру и за отечество, а жители пребывали безопасны. Сіи жители, за которыхъ помирали воины, въ смятеніи и буйствѣ своемъ, не только не хотятъ давать дани для содержанія солдатъ защитителей своихъ, но и ополчаются противу ихъ, измѣняя отечеству.

«Врагъ общества и бунтовщикъ Пугачевъ прельщаетъ васъ мнимою вольностію, для того чтобы раздражить буйство, разграбить всѣхъ встрѣтившихся съ нимъ и послѣ съ симъ стяжаніемъ уйти и избавиться отъ должной по его злодѣйствамъ казни. Сей врагъ и злодѣй Пугачевъ велитъ истреблять помѣщиковъ, и народъ ему повинуется; влекутъ аки агнцевъ на закланіе несчаст-

ныхъ людей, и злодѣй, не зная ни человѣколюбія, ни жалости утѣшается звѣрской своей лютостью, проливая кровь человѣческую.

«О, ослѣпленный народъ! Доколѣ не возчувствуете вы лютость варвара Пугачева и ослѣпленія своего; когда можетъ еще проникнуть истина въ сердца ваши, тогда легко представите вы сами всю злость и беззаконіе свое. Самъ Богъ сказалъ: «*нѣсть власть аще не отъ Бога*», то какъ можетъ сей злодѣй испровергнуть Божію власть. Прилѣпившіеся къ сему злодѣю, такъ какъ онъ самъ, дѣлаются предателями, злодѣями, убійцами и предаютъ душу свою дьяволу. Представьте себѣ, кто будетъ управлять градами и селами, ежели не будетъ начальниковъ; кто будетъ производить судъ, удерживать дерзость и неправду, защищать притѣсненнаго, если не будетъ законныхъ властей; кто будетъ предводительствовать воинствомъ, ежели не будетъ степени чиновъ.

«Вотъ ясное изобличеніе злонамѣреннаго обольщенія Емельки Пугачева: прельстясь на его слова дѣлаетесь вы измѣнниками и бунтовщиками. Опамятуйтесь! отрекитесь сего мерзкаго и гнуснаго злодѣя, отъ сего чудовища, рожденнаго на погибель человѣческую, пріидите съ покаяніемъ въ должное повиновеніе самому Богу, монархинѣ и установленнымъ отъ нихъ властямъ.

«Сіе послѣднее увѣщеваніе васъ призываетъ на путь истины. Покающіеся получатъ пощаду, а отщетившіеся отъ правды и должности своей постраждутъ и пріимутъ наказаніе.

«Война окончена, воинство со всѣхъ сторонъ стекается, мечъ подъемлется на казнь преступниковъ. Но великая и милосердая монархиня, яко истинная мать народа своего, удерживаетъ мечъ и призываетъ народъ на покаяніе.

«О, россіяне! Ужели вы не послушаете, яко чада Россіи, гласа толь милосердаго великой государыни; придите съ повиновеніемъ и всѣ воспріимите помилованіе. Правительствамъ приходящихъ съ повиновеніемъ приказано прощать и отпускать въ домы. Покайтесь; еще васъ призываютъ; не ищите далѣе гнѣва Божія и гнѣва государыни. Покайтесь! За симъ увѣщеваніемъ всѣ непокающіеся погибнутъ, громъ оружія грянетъ; воспомянутъ злодѣи свое согрѣшеніе и хотя раскаятся, но будетъ поздно».

Со слезами слушали казаки это объявленіе и проклинали са-

мозванца. По словамъ Маврина, они сознавали теперь, что Пугачевъ погубилъ ихъ, отрекались отъ него и выражали желаніе не принимать къ себѣ тѣхъ сообщниковъ самозванца, которые еще находились въ его толпѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней болѣе ста человѣкъ добровольно явились къ Маврину съ повинною и въ числѣ ихъ былъ казакъ Яковъ Почиталинъ, отецъ перваго секретаря Пугачева. Потемкинъ приказалъ Маврину «не дѣлать имъ ни малѣйшаго оскорбленія», дабы тѣмъ еще болѣе убѣдить, что всѣ являющіеся съ повинною будутъ прощены. Вслѣдъ затѣмъ, имѣя въ виду, что яицкіе казаки жили преимущественно рыбными промыслами, а хлѣбъ покупали въ Самарѣ, путь къ которой былъ не безопасенъ отъ киргизовъ, П. Потемкинъ приказалъ выдать народу третью часть провіанта, находившагося въ яицкомъ продовольственномъ магазинѣ. Третью часть составляли тысяча четвертей муки, а между тѣмъ, доносилъ П. Потемкинъ [1]), «сія щедрота тронетъ и самыя окаменѣлыя сердца. А какъ вопль вдовъ и сиротъ, оставшихся безъ пропитанія послѣ виновныхъ казаковъ, взываетъ о воззрѣніи на жалостное ихъ состояніе, я вѣдая сколь неизреченно милосердіе вашего императорскаго величества, дерзаю всеподданнѣйше донести, не соизволите-ли повелѣть сдѣлать какое опредѣленіе о пропитаніи ихъ, доколѣ возстановится желаемая тишина».

Раздача муки имѣла весьма хорошія послѣдствія, и казаки были тронуты до слезъ вниманіемъ и щедротами императрицы. До капитанъ-поручика Маврина стали доходить слухи, что большинство яицкихъ казаковъ, находящихся въ толпѣ самозванца, тяготятся своимъ положеніемъ, раскаиваются, но не рѣшаются явиться съ повинною; что многіе, покинувъ толпу мятежниковъ, скрываются по хуторамъ и, опасаясь за свои поступки казни, не являются. Маврикъ старался убѣдить, что всѣ раскаявшіеся будутъ прощены и разореннымъ семействамъ будетъ выдаваемо вспомоществованіе. Кроткія мѣры Маврина и его попечительность объ осиротѣвшихъ семействахъ стали извѣстны далеко за предѣ-

[1]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 25 августа 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 489.

лами яицкаго войска и достигли до старцевъ, одинъ изъ которыхъ и совѣтовалъ казакамъ везти Пугачева прямо въ Яицкій-городокъ. Нѣкоторые, впрочемъ, не рѣшались ѣхать вмѣстѣ съ самозванцемъ, опасаясь жестокаго наказанія.

— Не лучше-ли, говорили они, послать въ городокъ удостовѣриться, подлинно-ли тамъ не жестоко поступаютъ съ тѣми, кто самъ является.

— Чего посылать удостовѣряться, отвѣчали другіе, будетъ-ли милость или нѣтъ, а надобно его везти.

Остановившись отдохнуть на р. Узени и видя, что Пугачевъ не желаетъ слѣзать съ лошади, Твороговъ просилъ Федульева приказать нѣсколькимъ казакамъ сѣсть на лошадей и слѣдить за самозванцемъ. Двое изъ нихъ, Желѣзновъ и Астраханкинъ, исполнили приказаніе и все время оставались на лошадяхъ.

Въ это время Чумаковъ отправился въ станъ къ оставшимся казакамъ и объявилъ имъ, что Пугачевъ арестованъ.

— Мы государя арестовали, говорилъ Чумаковъ казаку Фофанову, и хотимъ везти въ Яицкій-городокъ, такъ ты къ нему не приставай.

— Куда другіе, туда и я, отвѣчалъ Фофановъ; куда команда пойдетъ, туда и я съ нею.

По возвращеніи Чумакова съ остальными казаками, вся толпа стала переправляться черезъ рѣку Узень [1]). Переправившись на противоположный берегъ, Пугачевъ подозвалъ къ себѣ Ивана Творогова. Онъ просилъ отъѣхать съ нимъ въ сторону, говоря, что имѣетъ нужду переговорить наединѣ. Твороговъ согласился, и они отдѣлились отъ толпы.

— Иванъ! что вы дѣлаете, началъ Пугачевъ; вѣдь ты самъ знаешь Божіе писаніе: кто на Бога и Государя руки подыметъ, тому не будетъ прощенія ни здѣсь, ни въ будущемъ вѣкѣ. Ну, что вамъ за польза: меня потеряете и сами погибнете. Если я живъ не буду, то сынъ мой и наслѣдникъ Павелъ Петровичъ

---

[1]) Показанія Ивана Творогова, Кузьмы Фофанова, Чумакова, Пугачева и Василія Коновалова. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 505 и 512.

вамъ за меня отомститъ. Полно, подумайте хорошенько, не лучше-ли кинуть это дѣло.

— Нѣтъ ужь, батюшка, не говори, отвѣчалъ Твороговъ; что задумали и положили, то тому такъ и быть—отмѣнить нельзя.

Путники продолжали ѣхать молча; въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ ѣхали два сторожевыхъ казака: Желѣзновъ и Астраханкинъ. Пугачевъ оглянулся назадъ и видя, что казаки нѣсколько поотстали, ударилъ по лошади.

— Прощай, Иванъ, оставайся, сказалъ онъ торопливо, и повернувъ лошадь въ сторону отъ дороги, думалъ ускакать въ степь.

— Ушолъ! Ушолъ! кричалъ Твороговъ, и кинулся въ погоню.

«А какъ моя, говорилъ Твороговъ, рѣзвѣя его лошади была, то нагналъ я его очень скоро и только что хотѣлъ было схватить его за воротъ, но онъ имѣющеюся у него плетью ударилъ по рылу мою лошадь, которая, будучи чрезвычайно горяча, бросилась въ сторону, саженъ на десять. Потомъ, направя ее опять за нимъ, я догналъ паки, но онъ то же съ моею лошадью сдѣлалъ; однакожь я и въ третій разъ близко гнался за нимъ, а между тѣмъ помянутые два казака, скакавъ чистымъ мѣстомъ, взяли у злодѣя передъ; и такъ напослѣдокъ сталъ онъ между нами по срединѣ». Видя, что ускользнуть отъ преслѣдователей невозможно, Пугачевъ соскочилъ съ лошади съ намѣреніемъ скрыться въ камышахъ; казаки сдѣлали то же и бросились за нимъ. Настигнутый ими, самозванецъ ухватился за шашку Желѣзнова и вытащилъ уже ее до половины, но казакъ Астраханкинъ успѣлъ схватить его за руки. Прискакавшій казакъ Федульевъ помогъ задержать Пугачева и ему связали назадъ руки.

— Какъ вы смѣли, говорилъ Пугачевъ какъ бы съ сердцемъ, на императора своего руки поднять, за это воздастся вамъ.

— Нѣтъ, братъ, теперь больше не обманешь, отвѣчали казаки.

Пугачевъ заплакалъ и сталъ божиться, что не уйдетъ болѣе; онъ просилъ развязать ему руки. Казаки исполнили его просьбу, посадили на ту же лошадь и повезли далѣе. Они отправили нѣсколькихъ человѣкъ по форпостамъ съ извѣстіемъ, что самозванецъ арестованъ и послали съ тѣмъ же въ Яицкій-городокъ

трехъ казаковъ: Василія Жигалина, Ивана Калмыкова и Ивана Хохлова.

Переночевавъ на рѣчкѣ Балыклеѣ и отъѣхавъ отъ нея верстъ 15, казаки остановились покормить лошадей и расположились группами. Пугачевъ ходилъ среди толпы подъ надзоромъ казаковъ. Замѣтивъ оплошность малолѣтка Харьки, положившаго возлѣ себя шашку и пистолетъ, самозванецъ схватилъ ихъ и обнаживъ саблю, съ крикомъ: «вяжите старшинъ», бросился на Творогова и Чумакова, сидѣвшихъ съ казаками Федульевымъ, Желѣзновымъ и Бурновымъ. Казаки вскочили на ноги.

— Кого велишь ты вязать? спрашивалъ Федульевъ, идя смѣло на встрѣчу Пугачеву.

— Тебя, отвѣчалъ самозванецъ съ бранью и направилъ противъ него пистолетъ.

Курокъ былъ спущенъ, но кремень осѣкся.

— Атаманы, молодцы, крикнулъ Федульевъ, не выдавайте.

Казаки окружили Пугачева; онъ отмахивался саблею, но въ это время Бурновъ ударилъ его въ бокъ тупымъ концомъ копья; самозванецъ повернулся въ сторону удара, а Чумаковъ сзади схватилъ его за руки. Пугачевъ былъ обезоруженъ, связанъ и посаженъ на телѣгу, на которой ѣхали жена его Софья и сынъ Трофимъ, горько плакавшіе.

Казаки спрашивали злодѣя «самъ-ли онъ собою сіе сдѣлалъ, или другой кто присовѣтовалъ?» На что онъ сказалъ, что присовѣтывалъ ему казакъ Маденовъ, надѣясь, что многіе за него вступятся. Маденовъ былъ избитъ до полусмерти и брошенъ въ степи и «никто не знаетъ живъ онъ или умеръ».

На пятый день путники остановились между Кожераховскимъ и Бударинскимъ форпостами и отсюда отправили Творогова и Чумакова вторично съ извѣстіемъ, что казаки съ арестованнымъ самозванцемъ приближаются къ городку. На форпостахъ не вѣрили этому и не хотѣли давать посланнымъ лошадей. Съ большимъ затрудненіемъ Твороговъ и Чумаковъ добрались до Бударинскаго форпоста, вблизи котораго встрѣтили яицкаго сотника Харчова, высланнаго изъ Яицкаго-городка съ 50 человѣками казаковъ для разъѣздовъ. Они объявили ему, «что ѣдутъ отъ своего государя,

т.-е. отъ извѣстнаго злодѣя самозванца Пугачева въ Яицкій-городокъ съ раскаяніемъ, да и злодѣйскій самозванецъ у нихъ пойманъ и ведется, *чтобъ его въ городъ встрѣтили съ честью и отвели бы квартиру*» (?) [1]).

Обезоруживъ Творогова и Чумакова, сотникъ Харчовъ отобралъ у нихъ деньги и въ сопровожденіи казака Горбушина отправилъ въ Яицкій-городокъ, а самъ направился къ Бударинскому форпосту.

14 сентября Твороговъ и Чумаковъ явились къ старшинѣ Окутину и имъ были представлены капитану Маврину. Послѣдній принялъ ихъ ласково, разспросилъ о подробностяхъ ареста и затѣмъ оставилъ Творогова у себя, а Чумакова отправилъ съ командою на встрѣчу [2]).

Между тѣмъ Пугачевъ, оставленный на рукахъ Федульева, думалъ воспользоваться отъѣздомъ Творогова и Чумакова и обратился въ послѣдній разъ съ просьбою не выдавать его.

— Что вы выдумали себя и меня губить, говорилъ онъ; вѣдь васъ не пощадятъ. Если вы меня и выдадите, васъ все-таки всѣхъ перевѣшаютъ. Богъ вамъ воздастъ за то, что вы вздумали меня погубить.

— Что бы ни было, отвѣчали казаки, а повеземъ; что ни говори, а тебя не отпустимъ.

Переночевавши на Бударинскомъ форпостѣ, томъ самомъ, съ котораго началась открытая дѣятельность Пугачева, казаки повезли его далѣе и, отъѣхавъ версты три, встрѣтили при урочищѣ Коловратной лощинѣ сотника Харчова съ командою. Послѣдній обнадежилъ казаковъ прощеніемъ и обрадовавшіеся этому извѣстію сообщники самозванца, доѣхавъ до Кошъ Яицкаго форпоста, передали Пугачева въ руки сотника Харчова [3]). Мнимый государь

---

[1]) Рапортъ сотника Харчова полковнику Симонову 15 сентября. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, приложен. 4-е, стр. 66.

[2]) Показанія Творогова, Василія Коновалова, Ѳедора Чумакова, Ивана Федульева. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. д. №№ 505 и 512. Отношеніе полковника Симонова Бородину отъ 14 сентября. Госуд. Арх., VI, д. № 490. См. также «Матеріалы», изданные Я. К. Гротомъ, прилож. къ 25 тому *Записокъ Академіи*. Въ запискахъ Рунича (*Русская Старина*, 1870 г., т. II, стр. 337—349) эпизодъ этотъ разсказанъ не совсѣмъ вѣрно.

[3]) Показаніе казака Ивана Федульева. Гос. Арх., VI, д. № 505. Харчовъ былъ за это произведенъ въ полковники См. Моск. Арх. Главнаго Штаба Исходящій журналъ Г. А. Потемкина, открытый листъ войску Яицкому отъ 7 октября 1774 года.

былъ тотчасъ же «забитъ въ превеликую колодку». Вслѣдъ затѣмъ прибыла команда изъ Яицкаго-городка и Харчовъ передалъ Пугачева сержанту 6-й легкой полевой команды Алексѣю Бардовскому, который подъ конвоемъ въ полночь съ 14 на 15 сентября доставилъ его въ Яицкій-городокъ [1]) къ капитану Маврину.

— Что ты за человѣкъ? спросилъ его Мавринъ.

— Донской казакъ Емельянъ Ивановъ, сынъ Пугачевъ, отвѣчалъ спрошенный. Согрѣшилъ я, окаянный, передъ Богомъ и передъ ея императорскимъ величествомъ и заслужилъ всѣ тѣ муки, какія на меня возложены будутъ—снесу я ихъ за мое погрѣшеніе терпѣливо.

Какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и Пугачевъ послѣ своей дѣятельности надѣялся на милосердіе императрицы, говоря, «что онъ слуга добрый и заслужить всячески въ состояніи [2])».

Капитанъ Мавринъ приказалъ заковать Пугачева въ ручныя и ножныя кандалы, а выдавшихъ его казаковъ отпустилъ на поруки. У самозванца было найдено 139 червонцевъ, 480 рублей серебромъ; медаль на погребеніе императора Петра III и турецкая серебряная монета.

Наканунѣ доставленія Пугачева въ Яицкій-городокъ былъ привезенъ туда же и ближайшій пособникъ его, казакъ Аѳанасій Перфильевъ, съ 37 человѣками казаковъ, пойманный Рычковымъ на р. Деркулѣ, при Камышлацкихъ вершинахъ. Послѣ небольшой ружейной перестрѣлки казаки сдались [3]).

Переночевавши на острову, Перфильевъ и бывшіе съ нимъ казаки на слѣдующее утро переправились вплавь черезъ р. Волгу и

---

[1]) Рапортъ полковника Симонова Суворову отъ 16 сентября. Гос. Арх., VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. № 4, стр. 74. Бардовскій произведенъ былъ за это въ прапорщики. См. предложеніе Г. А. Потемкина военной коллегіи 4 октября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опредѣленія военной коллегіи за октябрь 1774 г., листъ 46.

[2]) Рапорты капитана Маврина кн. Голицыну и П. Потемкину отъ 15 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. См. также *Записки Академіи*, т. XXV, прилож. 4, стр. 68—73.

[3]) Рапортъ Симонова П. С. Потемкину отъ 14 сентября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

поѣхали отыскивать самозванца. Не зная въ какую сторону направился Пугачевъ, казаки не могли найти его, а между тѣмъ голодъ и лишенія приводили ихъ въ отчаяніе. Проскитавшись нѣсколько дней по степи, они рѣшились идти въ Яицкій-городокъ, но Перфильевъ уговаривалъ ихъ не дѣлать этого.

— Лучше теперь намъ самимъ зарыться въ землю, говорилъ онъ, нежели ѣхать въ городокъ на смерть. Безъ сомнѣнія, изъ насъ иныхъ казнятъ, а иныхъ раскасируютъ въ солдаты.

— Намъ теперь дѣваться некуда, отвѣчали казаки, лучше пойдемъ въ городокъ, а тамъ что Богъ дастъ.

Видя упорство товарищей, Перфильевъ поѣхалъ вмѣстѣ съ ними [1]).

Такимъ образомъ, почти одновременно всѣ главнѣйшіе дѣятели мятежа были въ рукахъ правительства. Вѣсть о томъ, что Пугачевъ пойманъ, быстро распространилась по всему по-Волжью и произвела громадное впечатлѣніе. На другой день извѣстіе о происшествіяхъ въ Яицкомъ-городкѣ достигло и до Оренбурга.

«За увѣдомленіе твое о поимкѣ Пугачева благодарю тебя всепокорно, писалъ Александръ Лунинъ Саввѣ Маврину [2]). Первый твой курьеръ Окутинъ пріѣхалъ сюда 15-го числа въ 10 часовъ вечера; другой, сержантъ, 17-го числа пополуночи въ пятомъ часу, и оба безъ наималѣйшаго задержанія отправлены далѣе. Сколь вѣсти сіи были милы, какое произвели они восхищеніе во мнѣ и восторгъ всеобщій, я описать не могу. Первый пріѣхалъ въ то самое время, какъ у хозяина моего, который за сутки пріѣхалъ только прежде, было людей (гостей) премножество. Представь же, какой пріятной тревогой ты ихъ бесѣду поколебалъ. Окутина поцѣловавъ, разбилъ себѣ губу въ кровь; пришедъ къ нимъ какъ изступившій изъ себя (изступленный), объявилъ съ крикомъ, подобнымъ бѣшеному, что извергъ пойманъ и я имѣю отъ тебя письмо. Каждый не зналъ, что дѣлать: цѣловаться-ли, прыгать-ли, или читать твое письмо. Наконецъ, все сіе сдѣлали и

---

[1]) Показаніе Перфильева 12 октября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 425.

[2]) Отъ 18 сентября 1774 г. Письмо это доставлено мнѣ Я. К. Гротомъ.

письмо твое каждый читалъ и цѣловалъ. Потомъ, какъ сила перваго воспламененія миновалась, зачалъ дѣйствовать мучительный страхъ, чтобы благополучіе сіе еще не перемѣнилось, ибо онъ въ твоихъ рукахъ еще не былъ, а былъ въ 50 верстахъ: ну, иногда легкомысленность, страхъ и отчаяніе въ помилованіи попустившихся на сіе добро не отвратили бы ихъ отъ онаго. Въ такомъ безпокойствіи были мы до самаго полученія твоего письма черезъ сержанта. Тутъ, съ самой оной минуты, по сіе время, душа моя, всѣ утопаемъ въ радости неизреченной. Поздравляю тебя, любезный братецъ, съ онымъ; важность онаго благополучія намъ съ тобою знакома. Прибавить къ оному можно еще и то, что трудъ нашъ, приложенный въ открытіи его исторіи, есть не тщетный и теперь изысканія наши, можно уже утвердительно сказать, что справедливы и достойны отнести намъ въ честь. Но все сіе ничего для радости: довольно того, что злодѣй въ оковахъ и что тѣмъ спасутся невинные отъ несноснаго его угнетенія. Боже, благослови, чтобы съ поимкою вездѣ и вдругъ исчезло то зло, которымъ столь много уязвлено любезное наше отечество и чтобъ на вѣки вѣковъ возстала неразрушимая тишина и спокойствіе».

16-го сентября, почти одновременно, прибыли въ Яицкій-городокъ генералы Суворовъ и князь Голицынъ, желавшіе лично убѣдиться, что Пугачевъ пойманъ. Событіе это было на столько выдающимся, что каждый торопился извѣстить своихъ знакомыхъ или донести своему начальству, стараясь сдѣлать это прежде другихъ. Капитанъ-поручикъ С. Мавринъ и поручикъ Г. Р. Державинъ отправили курьеровъ къ П. С. Потемкину, а князь Голицынъ — главнокомандующему графу П. И. Панину. «Приношу вашему сіятельству, писалъ при этомъ князь П. М. Голицынъ [1]), чистосердечное и покорнѣйшее мое поздравленіе со столь пріятнѣйшимъ происшествіемъ, возвращающимъ намъ прежнюю тишину и спокойствіе. А между тѣмъ, за счастіе себѣ поставляю то, что какъ я первый имѣлъ удачу сначала усилившемуся извергу рода человѣческаго сломить рога сильнымъ его подъ Татищевою крѣ-

[1]) Въ рапортѣ графу П. И. Панину отъ 15 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 490.

постью пораженіемъ, такъ и теперь первый имѣю честь возвѣстить вашему сіятельству о конечной его гибели».

Капитанъ Галаховъ также послалъ П. С. Рунича съ донесеніемъ къ графу П. И. Панину, и чтобы выиграть по службѣ, совѣтовалъ ему опередить курьера, посланнаго княземъ Голицынымъ, но Руничу сдѣлать это не удалось.

Теперь являлся спорный вопросъ, кому владѣть Пугачевымъ: главнокомандующему-ли графу П. И. Панину, или начальнику секретныхъ коммиссій, генералъ-маіору П. С. Потемкину. Послѣдній требовалъ, чтобъ Пугачевъ былъ немедленно доставленъ въ Казань. «Не выпускай изъ рукъ злодѣя, писалъ Потемкинъ капитану Маврину [1]), а я уже постараюсь объ остальномъ, лишь только доставите его въ Казань».

«Рапортъ вашъ, писалъ онъ же капитану С. Маврину [2]), о поимкѣ злодѣя Пугачева я сейчасъ получилъ. Благоволите онаго злодѣя содержать со всею должною осторожностію, а по прибытіи князя Петра Михайловича Голицына, истребуйте отъ него надлежащій конвой для препровожденія сего злодѣя въ Казань, дабы доставленъ онъ былъ безопаснымъ образомъ. И хотя присланъ былъ отъ ея императорскаго величества капитанъ гвардіи Галаховъ для принятія злодѣя, но понеже поимка злодѣя вышла совсѣмъ другимъ образомъ, нежели какъ чаяли, то представлено всеподданнѣйше ея величеству отъ меня со испрошеніемъ на то высочайшаго указа, гдѣ употребилъ я смѣлость изобразить ваши труды.

«Препровождать же злодѣя при деташементѣ, учинивъ должное распоряженіе о содержаніи сообщниковъ злодѣйскихъ, *благоволите вы, яко имѣющій большое участіе въ поимкѣ его*» [3]).

Черезъ два дня Потемкинъ писалъ С. Маврину: «Пугачева со всею предосторожностью, наложа на него оковы на руки, на

---

[1]) Въ письмѣ отъ 19 сентября 1774 г.

[2]) Въ собственноручномъ предписаніи отъ 19 сентября 1774 г.

[3]) «Галаховъ присланъ былъ для принятія злодѣя, писалъ Потемкинъ Маврину въ частномъ письмѣ, но ежели его привезутъ въ Казань, я удержу до повелѣнія ея величества на мое донесеніе, въ которомъ представилъ я, что сія честь принадлежитъ вамъ. Я столь чувствительно признателенъ, что въ васъ нашелъ споспѣшника».

ноги и сдѣлавъ клѣтку, посадите и такъ привезите въ Казань. Содержите гораздо строже злодѣя Пугачева и съ поруганіемъ, дабы бывшіе его сообщники, оное видя, казнились болѣе въ преступленіи своемъ» [1]).

Графъ П. Панинъ также очень желалъ имѣть Пугачева въ своихъ рукахъ, и лишь только получилъ извѣстіе объ его поимкѣ, тотчасъ же приказалъ Суворову доставить его въ Симбирскъ. Какъ старшій начальникъ, Суворовъ взялъ Пугачева подъ свою охрану и исполнилъ приказаніе главнокомандующаго. «Съ сожалѣніемъ усмотрѣлъ я, писалъ П. Потемкинъ капитану Маврину [2]), что Пугачевъ взятъ изъ рукъ вашихъ. Но такъ и быть, постарайтесь окончить допросы яицкихъ казаковъ».

Эта борьба за обладаніе Пугачевымъ послужила поводомъ къ недоразумѣніямъ, а впослѣдствіи и къ враждебнымъ отношеніямъ между начальникомъ секретныхъ коммиссій и главнокомандующимъ.

XV.

Отъѣздъ графа П. И. Панина изъ Москвы на театръ дѣйствій.—Положеніе края, охваченнаго мятежомъ. — Объявленіе графа Панина. — Мѣры, принятыя имъ для усмиренія волненій. — Сортировка преступниковъ на разряды и наказаніе ихъ. — Пребываніе главнокомандующаго въ Шацкѣ, Керенскѣ, Нижнемъ-Ломовѣ и Пензѣ.

Выжидая разъясненія обстоятельствъ и прибытія войскъ, графъ П. И. Панинъ только 17 августа выѣхалъ изъ первопрестольной столицы и, предшествуемый войсками, подвигался впередъ весьма медленно. Ему предстояло прежде всего истребить ближайшаго врага, въ лицѣ шаекъ, наводнившихъ Нижегородскую и Воронежскую губерніи, и только тогда уже направить свой ударъ противъ главныхъ скопищъ самозванца. Онъ не имѣлъ и не могъ имѣть никакого вліянія на дѣйствія передовыхъ отрядовъ и руководилъ

---

[1]) Предписаніе П. Потемкина капитану Маврину отъ 22 сентября 1774 г.

[2]) Письмо Потемкина С. Маврину отъ 25 сентября 1774 года (Изъ бумагъ С. И. Маврина, доставленныхъ мнѣ Я. К. Гротомъ).

только тѣми войсками, которыя за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ были высланы изъ Москвы. Въ авангардѣ этихъ силъ шелъ отрядъ Древица, а позади его генералъ-маіоръ Чорба съ Великолуцкимъ пѣхотнымъ, Владимірскимъ драгунскимъ и донскимъ Краснощекова полками, при 8-ми орудіяхъ, не считая полковыхъ. Слѣдомъ за главнокомандующимъ, князь Волконскій отправилъ, 21 августа, пять ротъ Нарвскаго полка, 64 человѣка гусаръ и 2 орудія, и обѣщалъ отправить Ладожскій пѣхотный полкъ, какъ только онъ прибудетъ.

Въ Москвѣ оставались: Воронежскій пѣхотный, лейбъ-кирасирскій, два донскихъ полка и остальныя роты Нарвскаго полка [1]).

Сверхъ того изъ десяти пѣхотныхъ ротъ, находившихся въ Смоленскѣ и Бѣлоруссіи, императрица Екатерина приказала восемь ротъ отправить въ Вязьму, гдѣ и поступить имъ подъ начальство графа П. Панина [2]). Послѣдній, все еще желая прикрывать Москву, поѣхалъ по рязанской дорогѣ на Шацкъ, а войска шли на Коломну, Рязань, село Ухолово и Шацкъ. Чѣмъ ближе подвигались они къ мѣстамъ, зараженнымъ бунтомъ, тѣмъ печальнѣе была обстановка, тѣмъ ужаснѣе казались безпорядки и всеобщее разореніе. Въ Коломнѣ графъ Панинъ узналъ о паденіи Саратова и поголовномъ почти возстаніи крестьянъ противъ своихъ помѣщиковъ. «Сіе пламя, писалъ онъ, прорывается уже по здѣшней сторонѣ Волги, не только въ одной Нижегородской, но въ Воронежской и Московской губерніяхъ; разнесшіяся отъ него искры въ черни, конечно, вездѣ куда только оныя достигнуть могли, совсѣмъ готовы воспламениться».

Болѣе всего огорчало главнокомандующаго то, что при «*похищеніи*» Саратова самозванцемъ оказалась измѣна не только казаковъ, но и отъ регулярныхъ войскъ, какъ гарнизонныхъ, такъ и полевой артиллерійской команды, «съ нѣкоторыми проклятыми ихъ офицерами». Графъ Панинъ выражалъ сожалѣніе, что регулярныя

---

[1]) Письмо князя М. Н. Волконскаго П. С. Потемкину отъ 22 августа 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

[2]) Собственноручное письмо императрицы графу Панину 21 августа 1774 года. *Сборникъ историч. общества*, т. VI, 112.

войска обольщаются самозванцемъ и не различаютъ службы измѣнникамъ отъ службы противъ законныхъ враговъ [1]).

Начальники городовъ и крѣпостей терялись и робѣли при одномъ слухѣ о возможномъ приближеніи мятежниковъ. Они разсылали повсюду гонцовъ, молили о помощи и, по словамъ Панина, желали, чтобы пѣхота по первому ихъ зову «за 400 верстъ поспѣвала къ ихъ спасенію». Комендантъ Новохоперской крѣпости, бригадиръ Аршеневскій, растерялся при одномъ извѣстіи, что партіи мятежниковъ пробираются въ ближайшія къ Волгѣ донскія станицы. Аршеневскій опасался не устоять противъ нападенія казаковъ и крестьянъ, а на его бѣду донской полковникъ Себряковъ, высланный войскомъ донскимъ для охраненія своихъ границъ, оказался больнымъ и просилъ позволенія Аршеневскаго, въ случаѣ опасности, скрыться съ своимъ семействомъ въ Новохоперской крѣпости. Графъ Панинъ стыдилъ Аршеневскаго, говоря, что казаки не могутъ овладѣть и редутомъ, а у него крѣпость. «Военному человѣку, говорилъ главнокомандующій, смерть съ обороною ввѣреннаго ему поста есть одно только средство къ соблюденію своей чести и репутаціи, не только для одного себя, но и относительно для всѣхъ ихъ потомковъ».

Большинство начальниковъ въ то время не думали объ этомъ, и потому шайки мятежныхъ крестьянъ держали въ страхѣ города. Въ окрестностяхъ Пензы свирѣпствовалъ пугачевскій полковникъ Иванъ Ивановъ, крестьянинъ села Каменки; подъ Карсунемъ и вблизи Симбирска бродилъ крестьянинъ Фирсъ Ивановъ, успѣшно дравшійся съ правительственными войсками. Вышедшій на пораженіе этой толпы симбирскій комендантъ полковникъ Рычковъ былъ разбитъ, 26 августа, подъ Карсунемъ и самъ поплатился жизнію [2]). Другія меньшихъ размѣровъ шайки бродили по разнымъ направленіямъ въ Нижегородской и Воронежской губерніяхъ, грабили и разоряли дома помѣщиковъ.

---

[1]) Всеподдан. донесеніе графа Панина отъ 19 августа 1774 г. *Сборникъ Имнер. русскаго историч. общества*, т. VI, стр. 114.

[2]) По показанію капитенармуса Ивана Саврасова, при первомъ столкновеніи съ мятежниками всѣ офицеры ускакали назадъ, а остались только полковникъ Рычковъ и капитанъ Крыжинъ, которые и были убиты (Государственный Архивъ, VI, д. № 467).

Дѣла въ Башкиріи были также не въ блестящемъ положеніи, и бездѣятельность генерала Деколонга крайне безпокоила главнокомандующаго. Онъ просилъ императрицу прислать въ его распоряженіе «надежнаго генералъ-поручика», которому онъ могъ бы поручить командованіе войсками въ Башкиріи, и писалъ князю Голицыну, чтобы тотъ приказалъ генералъ-маіору Фрейману не подчиняться Деколонгу, а исполнять только приказанія кн. Голицына, подъ тяжкимъ въ противномъ случаѣ отвѣтомъ. Императрица не нашла возможнымъ исполнить просьбу главнокомандующаго, такъ какъ въ распоряженіе его уже былъ отправленъ генералъ-поручикъ Суворовъ. Послѣдній явился къ графу Панину 24 августа, въ селѣ Ухоловѣ, и прискакалъ въ «одномъ только кафтанѣ, на открытой почтовой телѣгѣ». Въ тотъ же день и точно такимъ же образомъ Суворовъ, по просьбѣ главнокомандующаго, поскакалъ далѣе для принятія начальства надъ самыми передовыми отрядами [1]).

Князь Голицынъ не былъ подчиненъ Суворову и ему приказано командовать войсками на лѣвомъ берегу Волги. Главнокомандующій писалъ ему, что онъ самъ можетъ понять, «сколь увеличился теперь камень на моемъ сердцѣ и какое стѣсненное движеніе въ душѣ моей производитъ ежеминутное ожиданіе» извѣстій.

Получавшіяся же ежедневно донесенія о буйствѣ крестьянъ, убійствѣ ими помѣщиковъ, дворянъ, бурмистровъ и о разграбленіи имѣній требовали энергическихъ мѣръ для возстановленія спокойствія, и графъ Панинъ рѣшился обратиться къ населенію съ слѣдующимъ объявленіемъ:

«Объявленіе ея императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, Екатерины Вторыя, императрицы и самодержицы всероссійскія, отъ генерала и кавалера графа Петра Панина, опредѣленнаго и уполномоченнаго отъ ея императорскаго величества къ пресѣченію мятежа.

«Я, графъ Петръ Панинъ, всѣмъ жителямъ порученныхъ мнѣ губерній усердно желаю благоденственнаго и безмятежнаго житія,

---

[1]) Всеподдан. донесеніе графа Панина отъ 25 августа 1774 г. *Сборн. историч. общества*, т. VI, 117.

и по данному мнѣ отъ ея императорскаго величества полномочію, силѣ и власти, объявляю тѣмъ, до кого сіе принадлежать будетъ:

«Всякій истинный христіанинъ, всякій вѣрный рабъ всемилостивѣйшей нашей государыни и всякій достойный сынъ отечества объемлется отвращеніемъ и ужасомъ, взирая на разореніе, опустошеніе и убивство, производимыя нынѣ лютымъ и богомерзкимъ злодѣемъ и извергомъ Емельяномъ Пугачевымъ и его отчасти простодушными, а отчасти злохитрыми и богопротивными сообщниками.

«Но дабы болѣе возгнушался всякъ варварскими ихъ дѣлами, представимъ себѣ, кто есть сей адскій человѣкъ, въ котораго безъ сумнѣнія вселился злой духъ, враждующій роду человѣческому, и разсмотримъ, какимъ невѣроятнымъ коварствомъ обольщаетъ онъ людей простодушныхъ.

«Онъ есть бѣжавшій изъ службы донской казакъ: знаютъ его всѣ донскіе казаки; многіе изъ храбраго войска нашего также его знаютъ, ибо онъ служилъ съ ними въ Польшѣ въ началѣ турецкой войны, нынѣ прекратившейся; женатъ онъ на Дону на казачьей дочери, которая и съ прижитыми съ нимъ дѣтьми, равно какъ и вся семья его, явились въ Казань къ покойному генералу Бибикову. Прежде нежели предалъ сей злодѣй совершенно душу свою діаволу и сталъ бунтовщикомъ противъ Бога и своей монархини, уже всякой изъ казаковъ, товарищей его, зналъ названіе Емельки Пугачева презрительнымъ и позорнымъ, по гнусному и безбожному его поведенію.

«Вотъ кто нарушилъ тишину народную; вотъ кто лѣтъ рѣки христіанской крови; вотъ кто дерзаетъ ругаться надъ матерью нашею святою церковію и терзаетъ ее злодѣяніями, несносными слуху вѣрующихъ во Христа Спасителя. И все сіе подъ такимъ предлогомъ производитъ, котораго нелѣпость и невѣроятность всякому ощутительна, а именно: онъ принялъ на себя имя покойнаго императора Петра Третьяго, который, тому уже двѣнадцать лѣтъ, скончался и при собраніи цѣлаго города Санктпетербурга погребенъ всенародно въ Невскомъ монастырѣ. Кто не вѣритъ тому, что многія тысячи нынѣ живыхъ людей видѣли своими глазами, тотъ долженъ быть подобенъ безсловесному животному; а кто, тому вѣря, утверждаетъ однако первыхъ въ слѣпотѣ ихъ раз-

судка, тотъ есть врагъ истины, врагъ отечества, возмутитель и достойный сопреступникъ Емельки Пугачева.

«О благочестивые мои сограждане! доколѣ видѣть намъ храмы Божіи, гдѣ мы святое воспріяли крещеніе, гдѣ тѣлеса предковъ нашихъ въ Бозѣ почиваютъ, — доколѣ сіи храмы видѣть намъ оскверняемыми и превращаемыми въ конюшни Емелькою Пугачевымъ и его нечестивыми сообщниками; священные сосуды, изъ коихъ пріобщаются правовѣрные тѣла и крови Господа нашего, похищаемые злодѣями и употребляемые на безпутное и мерзостное ихъ піянство; святыя иконы раскалаемыя на дрова для варенія пищи людямъ богомерзкимъ; священниковъ и церкви служителей умерщвляемыхъ лютою смертію? Доколѣ видѣть намъ смерть православныхъ, смерть ближнихъ нашихъ, поруганіе женъ и дѣвицъ и собственное бѣдствіе отъ руки злодѣйской? доколѣ видѣть намъ домы наши разоряемые? Словомъ, доколѣ влачить жизнь бѣдственную, мятежную и позорную, и быти жертвою такого изверга, каковъ есть Емелька Пугачевъ и его злодѣйскіе сообщники?

«Но уже насталъ конецъ долготерпѣнію Всевышняго: святая десница Его подъемлется на казнь ей противоставшихъ: уже мечъ правосудія помазанницы его великія Екатерины, матери отечества, обнаженъ на преступниковъ, и по заключеніи нынѣ славнаго и полезнаго съ турками мира, обѣ арміи входятъ спѣшно въ предѣлы отечества, и стекаются со всѣхъ сторонъ на погубленіе бунтовщиковъ, и я, предводитель христоименитыхъ ея воиновъ, во имя Господа Отмстителя невинной крови, стремлюсь на истребленіе злочестивцевъ, мятежниковъ и богопротивниковъ.

«При всемъ же томъ, внимая человѣколюбію всемилостивѣйшей нашей государыни, и прежде нежели силою ввѣреннаго мнѣ войска истребится память злодѣевъ отъ лица земли, увѣщеваю здѣсь въ послѣдній разъ совратившихся отъ пути истиннаго. Раскайтесь, преступники, сопричтитесь паки числу православныхъ, внидите въ повиновеніе Господу, монархинѣ и властямъ, отъ нихъ поставленнымъ; безпримѣрное милосердіе всемилостивѣйшей матери отечества отверзаетъ вамъ сіи многіе пути ко спасенію:

«1-е) Находящіеся при немъ, злодѣѣ Пугачевѣ, оставя его, да возвращаются съ раскаяніемъ къ губернаторамъ и воеводамъ про-

винціальныхъ и уѣздныхъ городовъ, откуда они, получа письменные виды о своемъ прощеніи, могутъ идти въ свои жилища.

«2-е) Если кому Богъ поможетъ, изловя самого злодѣя Пугачева, привести къ ближнему воинскому или городовому начальнику живаго, тому дается отъ меня въ награжденіе 10,000 рублевъ; и если онъ не въ подушномъ окладѣ, то получитъ при томъ отъ ея императорскаго величества и знатныя отличности и выгоды, какъ себѣ, такъ и всему своему роду, а если находится въ подушномъ окладѣ, то какъ онъ самъ, такъ и потомки его въ роды родовъ свободны будутъ отъ всякихъ государственныхъ податей, поборовъ и рекрутскаго набору. Если же кто можетъ привезти хотя мертвое тѣло самого злодѣя Пугачева, тотъ получитъ денежное награжденіе 5,000 рублевъ.

«3-е) Кто приведетъ живаго, или привезетъ мертваго одного, а еще и паче многихъ изъ его измѣнническихъ старшинъ, или и рядовыхъ бунтовщиковъ, тому также выдано будетъ денежное награжденіе.

«4-е) Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мятежники, забывъ Слово Божіе въ святомъ Евангеліи изреченное: «нѣсть власти, яже не отъ Бога», подговоря крестьянъ и прочихъ людей къ возмущенію противъ помѣщиковъ, приказчиковъ и старостъ, содержатъ сихъ въ оковахъ, или уже и отвезли въ злодѣйскія толпы,—если кто зачинщиковъ такого возмущенія переловитъ и представитъ къ военнымъ или городскимъ ближнимъ начальникамъ, тотъ, хотя бы самъ былъ прежде участникомъ въ мятежѣ, за сію услугу будетъ не только прощенъ, но и получитъ денежное награжденіе.

«5-е) Убѣгающимъ отъ него, злодѣя, къ помянутымъ командирамъ съ извѣстіями о его силѣ и о намѣреніяхъ дано будетъ немалое также награжденіе, смотря по важности услуги.

«6-е) При такомъ своемъ побѣгѣ подговорившіе съ собою многихъ изъ его толпы сугубо награждены будутъ.

«7-е) Холопи и крестьяне, которые сдѣлались ослушны противъ господъ своихъ, и которые хотя и держатъ ихъ донынѣ у себя подъ карауломъ злодѣйскимъ, ежели свободятъ ихъ и придутъ къ ближнимъ командирамъ воинскимъ или гражданскимъ съ повинною, получатъ прощеніе.

«8-е) Кто таковыхъ убійцъ, или держателей у себя подъ карауломъ своихъ помѣщиковъ и другихъ всякихъ своихъ начальниковъ, освободя прежде сихъ несчастныхъ изъ ихъ рукъ, приведетъ къ тѣмъ же командирамъ,—то потому-жь награждены и за вѣрныхъ дѣтей отечества признаны будутъ.

«Если же кто и за симъ, самымъ послѣднимъ моимъ увѣщаніемъ, останется при немъ, злодѣѣ Пугачевѣ, и ему, въ чемъ бы то ни было, будетъ помогать, или же въ селахъ и жилищахъ своихъ продолжать станетъ безпорядки и мятежи противъ помѣщиковъ,—то уже таковой врагъ Богу, церкви и государству никакимъ образомъ отъ лютѣйшей по законамъ смертной казни не избѣгнетъ.

«Создатель всего міра Господь, видяй сердце мое, да будетъ посредникомъ между мною и внимающими сему послѣднему увѣщанію въ томъ, что я, по данной мнѣ отъ монархини моей полной мочи, власти, силѣ и увѣренности, все объявляемое мною въ народное извѣстіе непреложно, ненарушимо и свято сохраню и исполню, то-есть: пощада, помилованіе и награжденіе послѣдуютъ съ отстающими отъ злодѣя, и я первый буду ходатаемъ у монаршаго престола о возвращеніи имъ прежней императорской милости, яко и ко всѣмъ ея вѣрнымъ подданнымъ; но напротивъ того, неизбѣжная и лютая казнь не минетъ никоимъ образомъ окаменныхъ ослушниковъ сего увѣщанія.

«Отъ архипастырей и всѣхъ духовныхъ властей испрашиваю, чтобъ повелѣли они священникамъ во всѣхъ епархіяхъ своихъ сіе увѣщаніе мое читать въ церквахъ по окончаніи божественныя литургіи; а всякимъ воинскимъ и гражданскимъ командирамъ, какого бы званія и въ какихъ мѣстахъ ни были, предписую, по данной мнѣ отъ ея императорскаго величества власти, сіе мое объявленіе вездѣ по приличнымъ мѣстамъ прибить на прочтеніе и услышаніе всѣхъ и каждаго».

Населеніе мало или вовсе не обращало вниманія на увѣщаніе, и до графа Панина дошли слухи, что народъ говоритъ, будто онъ, какъ братъ воспитателя наслѣдника цесаревича Павла Петровича, ѣдетъ встрѣчать Пугачева съ хлѣбомъ-солью.

«Такой духъ бунтовщичей касательности, доносилъ онъ [1]), *до непорочной души непреткновенной никогда въ совершенной вѣрности къ вашему императорскому величеству и владьющимъ мною государямъ,* принудилъ встрепетать всѣ жилы во мнѣ, на изъявленіе тотчасъ въ здѣшнемъ краю жестокихъ казней».

Желая показать съ какимъ хлѣбомъ и солью ѣдетъ онъ къ Пугачеву, главнокомандующій объявилъ, что по государственнымъ законамъ онъ приказалъ въ городахъ и селахъ, всѣхъ измѣнниковъ, убійцъ и предводителей шаекъ, «изготовя напередъ по христіанскому закону, казнить смертію отрубленіемъ сперва руки и ноги, а потомъ головы, и тѣла класть на колоды у проѣзжихъ дорогъ» [2]).

Всѣмъ начальникамъ отрядовъ приказано было, придя въ селеніе, принимавшее участіе въ возстаніи, требовать выдачи зачинщиковъ, подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, повѣсить третьяго изъ жителей по жеребью. — Если бы жители и при этихъ условіяхъ отказались указать на предводителя, *то сотаго по жеребью* казнить, а всѣхъ остальныхъ, принимавшихъ участіе въ убійствѣ своихъ господъ, пересѣчь плетьми подъ висѣлицами наижесточайшимъ образомъ. Въ каждомъ такомъ селеніи поставить висѣлицу, колесо и глаголь для вѣшанія за ребро, объявляя при этомъ, что если впредь кто въ томъ селеніи дерзнетъ бунтовать, или не только признавать, но и произносить самозванца именемъ покойнаго императора Петра III, или, наконецъ, кто не задержитъ и не представитъ начальству такихъ произносителей, «то таковыхъ селеній всѣ безъ изъятія возрастные мужики, холопы барскіе и всякаго званія люди будутъ присланными отъ меня командами безпощадно переказнены мучительнѣйшими смертями, а жены и дѣти ихъ отосланы въ тягчайшія работы» [3]).

Разграбленное и расхищенное имущество, какъ казенное, такъ

---

[1]) Императрицѣ отъ 25 августа 1774 г. *Сборникъ Император. русскаго истор. общества*, т. VI, стр. 116. Донесеніе это ошибочно напечатано отъ 5 августа.

[2]) Циркуляръ графа Панина отъ 25 августа 1774 г. *Сочин. Державина*, изданіе Я. К. Грота, т. V, стр. 288.

[3]) Ордеръ графа П. Панина князю Голицыну отъ 24 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

и частное, должно быть немедленно возвращено съ тѣмъ, что если у кого оно найдено будетъ впослѣдствіи, тотъ будетъ повѣшенъ.

Объявляя населенію о такомъ распоряженіи главнокомандующаго, начальники отрядовъ должны были заставлять населеніе цѣловать крестъ и евангеліе въ залогъ того, что оно останется въ «ненарушимой вѣрности» императрицѣ и требовать, чтобы поставленныя въ селеніи орудія казни, впредь до указа, «отнюдь никѣмъ истреблены не были».

«Если бы, паче чаянія, присовокуплялъ графъ Панинъ, чего до сихъ поръ еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтобъ нашлись заслужившіе, по вышеписанному предложенію, наказаніе смертной казни или тѣлесныя наказанія, дворяне или имѣющіе офицерскіе и выше чины, также и духовнаго рукоположенія, таковыхъ по изобличеніи содержать прикованными къ стѣнамъ на хлѣбѣ и водѣ и о дѣйствительномъ ихъ наказаніи представлять черезъ нарочнаго».

Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій писалъ Суворову [1]):

«Дворянскихъ несчастныхъ дѣвицъ и женщинъ, кои отъ злодѣя отбиты, воспособствуйте ваше превосходительство сколь возможно облегчительнѣйшимъ образомъ и со снабденіемъ къ непретерпѣнію бѣдности въ дорогѣ пристойно возвратить по тѣмъ мѣстамъ, откуда онѣ похищены.—Ежели же у которыхъ всѣ ихъ фамиліи истреблены, то оныхъ (прислать) въ Пензу къ моему дальнѣйшему о нихъ попеченію. Употребленныя на вспоможеніе имъ безъ довольнаго излишества деньги увѣренъ я всеконечно, что наша милосердая и великодушная монархиня всемилостивѣйше принять прикажетъ на счетъ экстраординарной здѣшней суммы, на которой оныя и извольте хотя займомъ гдѣ употребить, а меня лишь для возвращенія увѣдомить.

«Послѣднее и самоконечно заботливѣйшее по моему соображенію вашему превосходительству предстоитъ теперь распоряженіе о шести тысячахъ, а можетъ быть теперь уже и болѣе или менѣе полученныхъ въ плѣнъ злодѣйствующихъ нашихъ единоплеменниковъ.—

---

[1]) Въ ордерѣ отъ • • сентября. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

Всѣ они, конечно, сущіе измѣнники, что не только въ жилахъ (т. е. въ домахъ), но вышли столь уже далеко съ нимъ на самую степь, разграбивъ по всей своей дорогѣ собственное отечество, съ безчеловѣчными убійствами, слѣдовательно всѣ они по государственнымъ законамъ справедливо и достойны смерти. — Но какъ оное можетъ быть сообразно съ человѣколюбіемъ и нѣжностію сердца нашей августѣйшей государыни? и какимъ же образомъ толикое число людей задлить подъ карауломъ отъ столь малаго числа теперь состоящаго въ краю вашемъ войска? Какъ прокормить ихъ, не оголодавъ войско? Какъ разослать по домамъ съ конвоями при недостаткѣ оныхъ? безъ конвоевъ, чтобъ идучи дорогою не стали они производить по прежнему шаекъ, подъ именемъ самозванца, или обыкновенныхъ только разбоевъ и грабительствъ, подъ прикрытіемъ недостатка на проходѣ довольнаго хлѣба, ни одежды отъ наступившаго холода? Какъ кого изъ нихъ за такое ужасное злодѣяніе отпустить безъ наказанія и какъ же 6,000 единовременно поспѣшно, чтобъ войска ваши не задержались отъ другихъ употребленій наказать и кѣмъ?

«При всѣхъ тѣхъ затрудненіяхъ не избралъ я удобнѣйшаго и справедливаго средства какъ сего: всѣми разными устрашеніями извольте принудить сихъ плѣнныхъ объявить между собою: 1) всѣхъ таковыхъ, которые съ самаго начатія самозванца были при немъ; 2) тѣхъ, которые наперстниками у него состояли; 3) которые имѣли какіе начальственные чины и должности, а не рядовыми только были; 4) кто между ими предавшіеся изъ военнослужителей и другихъ чиновниковъ ея величества службы; 5) кто изъ дворянъ; 6) кто изъ бѣглыхъ дворовыхъ господскихъ людей, и 7) кто, наконецъ, изъ пахарей.

«Пять выше приведенныхъ сортовъ извольте собственно собою разспросить не-офицеровъ и дворянъ подъ тѣлеснымъ истязаніемъ, а оныхъ (офицеровъ и дворянъ) всякими ужаснѣйшими угроженіями и убѣжденіями».

Предоставляя Суворову всѣхъ пугачевскихъ чиновниковъ казнить смертію по своему усмотрѣнію, Панинъ ограничивалъ число ихъ 50-ю, а если ихъ будетъ болѣе, говорилъ онъ, «то тѣхъ изъ нихъ, кто ближе къ самому злодѣю по своему званію или

долѣе въ своихъ злодѣяніяхъ былъ, а остальныхъ вмѣстить въ нижеписанный жеребій».

«Военно-служащихъ и дворянъ оставить подъ карауломъ и допросы представить; священниковъ—лишить сана, а всѣхъ остальныхъ съ жеребья повѣсить съ 300 человѣкъ по одному».

«Затѣмъ оставшихъ всѣхъ безъ изъятія пересѣчь жестоко плетьми, и у пахарей, негодныхъ въ военную службу, на всегдашнюю память злодѣйскаго ихъ преступленія, урѣзать по нѣскольку у одного уха; потомъ всѣхъ пахарей, наказанныхъ на тѣлѣ, утвердить цѣлованіемъ креста и евангелія въ возвращеніи себя въ должную вѣрность и безмолвное повиновеніе законной своей государыни и въ послушаніи учрежденнымъ отъ е. в. начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, распуская оныхъ съ паспортами уѣздовъ ихъ въ канцеляріи, прописывая, чтобъ они ихъ по домамъ разослали; а отправлять партіями на канатахъ гораздо небольшими, снабдевая оныя на проходъ до недальныхъ мѣстъ въ натурѣ хлѣбомъ, а до дальныхъ мѣстъ деньгами, съ письменнымъ требованіемъ отъ уѣздныхъ канцелярій, чтобы деньги съ ихъ жилищъ въ казну возвращены были. При тѣхъ партіяхъ отправлять по самому малому числу въ конвой казаковъ, съ повелѣніемъ при преступникахъ самихъ, если они хотя малое беззаконіе возобновлять станутъ, то-бъ, какъ недостойныхъ уже совсѣмъ жить, кололи».

Холоповъ барскихъ и дворовыхъ людей, наказать какъ и пахарей, но «яко не привязанныхъ землею къ собственнымъ домамъ», разослать по крѣпостямъ, для каторжныхъ работъ, съ зачетомъ ихъ въ рекруты; но если помѣщики пожелаютъ ихъ возвратить къ себѣ, то должны прислать для ихъ пріема.

«Опредѣленнымъ къ смертной казни оную произвесть, изготовя напередъ по должности закона, при Царицынѣ, и проклятыя ихъ тѣла положить по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ; а тѣмъ изъ нихъ, которымъ можно по близости, безъ дальняго отягощенія командъ, то учинить оное по дорогамъ въ ихъ уѣздахъ».....

Всѣ эти распоряженія значительно превышали власть, предоставленную графу Панину, и онъ заранѣе просилъ прощенія импе-

ратрицы, «пріемля съ радостію пролитіе проклятой крови такихъ государственныхъ злодѣевъ на себя и на чадъ моихъ» [1]).

«Хотя чувствія сердца моего, отвѣчала на это Екатерина [2]), весьма отдалены не только отъ употребленія суровыхъ казней, но и самой строгости, однако, признаюсь вамъ, что въ теперешнемъ случаѣ казнь нужна, по несчастію, для блага Имперіи; а только единственно предписываю вамъ вездѣ, колико можно, сходственно всегдашнему моему человѣколюбію и милосердію поступать съ самыми злодѣями при самой казни и имѣть всегда въ памяти вашей, что я при семъ случаѣ, не инако какъ мать обливающаяся слезами, при нужномъ наказаніи дѣтей своихъ непослушныхъ».

Послѣднихъ было громадное число; они бродили шайками по разнымъ направленіямъ, грабили и разоряли край, неистовствуя надъ помѣщиками и дворянами. Графъ Панинъ принужденъ былъ прежде всего уничтожить эти шайки, чтобы не допустить въ тылу своемъ развитіе мятежа, а затѣмъ уже думать о дѣйствіяхъ противъ главныхъ скопищъ самозванца. Такимъ образомъ, удаленный на огромное разстояніе отъ передовыхъ отрядовъ и разобщенный съ ними возставшимъ населеніемъ, главнокомандующій не могъ имѣть никакого вліянія на дѣйствія войскъ,—а тѣмъ болѣе не могъ управлять ими. Получая донесенія какъ частный человѣкъ, о фактахъ уже совершившихся, графъ Панинъ былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи.

Въ Шацкѣ онъ получилъ донесеніе полковника Михельсона о неудачномъ сраженіи на р. Пролейкѣ и считалъ положеніе свое «въ самомъ высшемъ кризисѣ» и «въ самомъ предосудительномъ для насъ состояніи».

«Ежели не сдѣлается вскорѣ тому лучшей перемѣны, писалъ онъ Д. И. фонъ-Визину [3]), то я не могу желать никому, изъ усердныхъ ко мнѣ, вступать къ теперешнему моему дѣлу.

---

[1]) Всеподдан. донесеніе гр. Панина отъ 25 августа 1774 года. *Сборникъ Импер. русскаго историческ. общества*, т. VI, стр. 117.

[2]) Въ рескриптѣ графу Панину отъ 2 сентября. Тамъ же, 120.

[3]) Въ письмѣ отъ 29 августа 1874 года. *Русская Старина* 1773 года, т. VIII, стр. 909.

«Надобно больше всего одной Высшей Десницѣ вывесть меня изъ онаго съ тою честью, чтобъ я нашелся въ состояніи обнадежить себя, что могу уже съ вѣрностью управлять моими распоряженіями, и что слѣдствія ихъ должны зависѣть только отъ моихъ предусмотрѣній или отъ ошибокъ, которыя теперь еще, по своему существу, въ единой Божеской, а не человѣческой зависимости. Самыхъ бездѣлицъ недостаетъ: людей, денегъ, пропитанія и извѣстности еще—откуда, что̀ и въ какихъ мѣстахъ заготовлять въ срединѣ огня воспламеняющагося и въ срединѣ предательствъ и не въ ожидаемыхъ мѣстахъ. Моя рѣшимость теперь еще, дорогой пріятель, въ томъ только, чтобы умереть съ честію».

Такое мрачное настроеніе гр. Панина нѣсколько измѣнилось, когда онъ получилъ второе донесеніе Михельсона объ отбитіи самозванца отъ Царицына. Объявивъ объ этомъ, главнокомандующій приказалъ сжечь публично подъ висѣлицею манифесты Пугачева, присланные Михельсономъ, и самъ отправился въ г. Керенскъ. Тамъ онъ принужденъ былъ остаться на нѣсколько дней, такъ какъ, по его словамъ, вся окрестность верстахъ въ пятистахъ «была приведена всею почти безъ изъятія чернію въ наивеличайшее возмущеніе» [1]).

Керенскъ оказался центромъ возмутившагося населенія и вокругъ него бродили значительныя шайки мятежниковъ. Главнокомандующій разослалъ по разнымъ направленіямъ отряды и приказалъ имъ преслѣдовать инсургентовъ. 30 августа капитанъ Гезилевскій съ небольшимъ отрядомъ изъ авангарда Древица разбилъ толпу болѣе 500 человѣкъ, бывшую подъ начальствомъ, пріобрѣвшаго себѣ громкую извѣстность въ краѣ, пугачевскаго полковника Ивана Иванова. Самъ предводитель былъ убитъ, болѣе ста человѣкъ пали на мѣстѣ сраженія, 13 пушекъ и 17 человѣкъ плѣнныхъ остались въ рукахъ побѣдителей. Вслѣдъ затѣмъ капитанъ Лунинъ, послѣ четырехъ-часоваго боя, выгналъ мятежниковъ изъ Наровчата; подполковникъ Архаровъ очистилъ отъ мя-

---

[1]) Всеподдан. донесеніе графа Панина отъ 2 сентября 1774 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историческ. общества*, т. VI, стр. 130.

тежниковъ Краснослободскъ и Троицкъ, а полковникъ Древицъ и подполковникъ Бедряга разогнали настигнутыя ими двѣ партіи [1]).

«Всѣ оныя бунтовщичьи шайки составляются каждая въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и предводятся подъ именемъ самозванца». Разбитіе и разсѣяніе ихъ не было еще залогомъ для успокоенія края и графъ Панинъ находилъ, что крутыя мѣры необходимы. «Принужденъ открыться, писалъ онъ, что содрагается сердце и всякое человѣчество слыша и видя, какое ужасное злодѣи дѣлали разореніе и убійство почти всѣмъ безъ изъятія здѣшней окрестности дворянскимъ домамъ, и какой общій во всей здѣшней черни бунтовщичій духъ поселенъ, который никакъ нельзя инымъ пресѣчь, какъ страхомъ жестокой казни и безъ оной мнѣ обойтись совсѣмъ невозможно».

Получивши это донесеніе, императрица на этотъ разъ согласилась съ мнѣніемъ главнокомандующаго и 16 сентября князь А. Вяземскій объявилъ Сенату высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ распоряженія, сдѣланныя графомъ Панинымъ, относительно усмиренія бунтующей черни, были оставлены въ полной силѣ впредь до указа и чтобы Сенатъ поручилъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ при опредѣленіи наказаній за всякія преступленія поступать «по точной силѣ вышеупомянутыхъ учрежденій графа Петра Ивановича Панина» [2]).

Въ Керенскѣ главнокомандующій получилъ донесеніе полковника Михельсона о разбитіи имъ мятежниковъ у Сальникова завода, причемъ онъ выражалъ надежду захватить скоро самого Пугачева живымъ или мертвымъ. Это извѣстіе очень ободрило главнокомандующаго и, доносилъ онъ, «особливо подкрѣпляетъ меня упованіе на счастіе вашего императорскаго величества и на Десницу Вышнюю, благословляющую всегда всѣ дѣянія ваши [3]).

Вслѣдъ затѣмъ пришло донесеніе, что Пугачевъ переправился черезъ Волгу и бросился въ степь. Не зная близко характера

---

[1]) Всеподдан. донесеніе графа Панина отъ 2 сентября 1774 г. *Сборникъ Императорск. русскаго историческ. общества*, т. VI, стр. 132.

[2]) Записка князя Вяземскаго Сенату отъ 16 сентября 1774 г. Архивъ Сената, Именные указы 1774 г., книга № 136.

[3]) Всеподдан. донесеніе графа Панина отъ 2 сентября 1774 г. *Сборникъ Императ. русскаго историческ. общества*, т. VI, 130.

театра дѣйствій, графъ Панинъ прежде очень опасался этого, ибо полагалъ, что войскамъ преслѣдовать самозванца по степи было почти невозможно за недостаткомъ продовольствія. Но теперь, когда Михельсонъ разъяснилъ ему, что Пугачевъ бѣжалъ съ самымъ небольшимъ числомъ сообщниковъ и что онъ самъ долженъ испытывать лишенія во всемъ необходимомъ, тогда графъ Панинъ измѣнилъ свое мнѣніе и былъ очень радъ, что самозванецъ пошелъ по этому, а не по другому направленію. «Изгнаніемъ его совсѣмъ изъ имперіи вашей на степь, доносилъ главнокомандующій императрицѣ [1]), и низложеніемъ всей его укрѣпившейся было уже силы, освободилось государство отъ опасности главнѣйшихъ своихъ поврежденій и доставило мнѣ способы и время удобнѣе раздѣлять свои команды», какъ на истребленіе шаекъ, коснувшихся уже донскихъ селеній, такъ и на принятіе мѣръ къ недопущенію Пугачева повернуть обратно въ мѣста населенныя. Все вниманіе графа Панина сосредоточилось теперь на скорѣйшемъ возстановленіи тишины и покоя, и онъ надѣялся достигнуть этого строгимъ наказаніемъ виновныхъ и награжденіемъ остававшихся вѣрными правительству. Главнѣйшихъ виновниковъ и предводителей шаекъ, нападавшихъ на Керенскъ, главнокомандующій казнилъ; остальныхъ захваченныхъ въ плѣнъ онъ привелъ къ присягѣ въ церкви «со всенароднымъ молебствіемъ» о здравіи императрицы. Всѣхъ же отличившихся при оборонѣ Керенска онъ произвелъ въ слѣдующіе чины, а плѣннымъ туркамъ приказалъ выдать въ награду по рублю [2]).

Императрица утвердила всѣ эти награды, произвела всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ въ слѣдующіе чины, приказала плѣн-

---

[1]) Отъ 6 сентября 1774 года. *Сборникъ историч. общ.*, т. VI, стр. 132.

[2]) «На сіе поступить, доносилъ онъ, принялъ я смѣлость тѣмъ особливо, что никто изъ произведенныхъ не поступилъ выше премьеръ-маіора, а все ниже, и они какъ всѣ отставные и штатной только команды, то и не могли никому своимъ повышеніемъ нанести обиды изъ состоящихъ въ настоящей военной службѣ, а выдача денегъ не простиралась болѣе какъ девяносто рублей и что къ оному не имѣлъ я ничего въ своемъ побужденіи, кромѣ единственной истинной моей вѣрности къ вашему императорскому величеству и усердія, какъ лучшимъ образомъ привлечь вѣрность сердецъ къ своей законной монархинѣ и какъ возбудить соревнованіе, на оборону и защищеніе городовъ, а омерзеніе на малодушіе и робость».

нымъ туркамъ сверхъ рубля выдать по кармазинному кафтану, а керенскимъ дворянамъ и всѣмъ горожанамъ выразила особымъ манифестомъ «свое благоволеніе, милость и похвалу» [1]).

Задержанный на нѣсколько дней въ Керенскѣ, графъ Панинъ только 10 сентября прибылъ въ Нижній-Ломовъ и остановился въ монастырѣ Казанскія Богоматери. Едва только вступилъ онъ въ монастырь, какъ архимандритъ Исаакій палъ передъ главнокомандующимъ на колѣни и снявъ панагію и камилавку подалъ ихъ графу Панину. Раскаяваясь въ своемъ преступленіи, онъ добровольно лишалъ себя сана и просилъ помилованія отъ дальнѣйшаго наказанія. Главнокомандующій приказалъ ему донести подробно о дѣйствіяхъ мятежниковъ [2]) и именемъ императрицы объявилъ имъ помилованіе, но только отъ смертной казни и тѣлеснаго наказанія, а относительно лишенія священства представилъ св. Синоду. Въ то же время онъ приказалъ читать во всѣхъ церквахъ только что полученныя объявленія Синода отъ 20 августа, обращенныя къ населенію и духовенству [3]).

«Принужденъ къ сожалѣнію признаться, доносилъ графъ Панинъ императрицѣ [4]), что во всей здѣшней сторонѣ, гдѣ я теперь обращаюсь, чинъ церковный погруженъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіянствѣ столько, что особливою и диковинною быть поставляется, когда между многими изъ нихъ увидится одинъ съ настоящимъ чувствованіемъ познанія должности пастыря, а не только что исправителя служенія церковнаго, частію уже наизустъ выученнаго. Все-конечно, премудрая монархиня, сей чинъ заслуживаетъ къ исправленію своему вашего прозорливаго о лучшемъ наученіи и воспитаніи въ его молодости милосердаго вниманія; если бы онъ, хотя мало инаковъ былъ, нежели какъ есть, то бы, конечно, теперешняя вредность государства до такой степени возрости не могла».

---

[1]) Собственноручное письмо императрицы графу Панину 16 сентября 1774 г. *Сборникъ историч. общ.*, т. VI, стр. 136. Манифестъ 29 октября 1774 г. Архивъ Сената. Высочайшія повелѣнія, книга № 10.

[2]) Донесеніемъ этимъ мы пользовались при описаніи нападенія мятежниковъ на Нижній-Ломовъ.

[3]) См. стр. 152—154.

[4]) Отъ 10 сентября, за № 14. *Сборн. историч. общ.*, т. VI, 140.

Виновные въ соучастіи съ мятежниками были преданы суду и зачинщики были казнены въ присутствіи главнокомандующаго. Воеводскій товарищъ Овсянниковъ былъ отправленъ въ казанскую секретную коммиссію, а секундъ-маіоръ Лукинъ и канцеляристъ Левъ Юрьевъ были именемъ императрицы произведены въ слѣдующіе чины. Уѣзжая въ Пензу, графъ Панинъ, въ посрамленіе жителей Нижняго-Ломова, приказалъ по всѣмъ выѣздамъ изъ города поставить висѣлицы, колеса и глаголи, на которыхъ, по словамъ Лукина, тѣла казненныхъ «значились долгое время».

При въѣздѣ главнокомандующаго въ Пензу глазамъ зрителей представилась ужасная, вопіющая картина: передъ его экипажемъ пало на землю «неожидаемое число дворянскихъ вдовъ съ младенцами и возрастными дѣвушками, осиротѣвшими злодѣйскимъ убійствомъ отцовъ и мужей ихъ». Всѣ онѣ съ воплемъ и рыданіями просили помощи; всѣ онѣ были въ рубищахъ «извлекающихъ слезы изъ самыхъ свирѣпѣйшихъ сердецъ». Тутъ же стояли и многіе помѣщики, ограбленные до-чиста и неимѣвшіе теперь дневнаго пропитанія. Графъ Панинъ выдалъ имъ денежное пособіе, непревышавшее, впрочемъ, въ общемъ двухъ тысячъ рублей, и просилъ милосердаго на нихъ воззрѣнія императрицы [1]).

На слѣдующій день жители Пензы были свидѣтелями не менѣе потрясающей картины—казни преступниковъ. Казнь эта совершалась публично и въ присутствіи населенія, нарочно для того собраннаго изъ ближайшихъ къ городу селеній. Наиболѣе виновные изъ захваченныхъ мятежниковъ были разставлены подъ висѣлицами, колесами и глаголями. По пріѣздѣ главнокомандующаго начались казни: однихъ вѣшали, другихъ сѣкли кнутомъ. По произведеніи казни и наказаніи, графъ Панинъ обратился къ собравшимся съ особою рѣчью:

— Всѣ вы, сказалъ онъ, безъ изъятія достойны тѣхъ казней и наказаній, которыя предъ глазами вашими совершались. Я имѣю на то полную мочь отъ ея величества, и совѣсть моя не убѣждаетъ ни грѣхомъ, ни справедливостью приказать оное надъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе графа Панина отъ 17 сентября 1774 г. *Сборн. историч. общ.*, т. VI, стр. 146.

всѣми вами исполнить, но знаю милосердое и человѣколюбивое сердце государыни, поражающееся крайнимъ сожалѣніемъ о пролитіи крови и самыхъ преступниковъ...

Народъ палъ на землю и «произнесъ стонъ», которымъ заглушилъ послѣднія слова главнокомандующаго. Графъ Панинъ объявилъ, что видя чистосердечное раскаяніе, именемъ императрицы освобождаетъ раскаявшихся отъ наказанія. Чиновъ инвалидной команды приказалъ покрыть знаменами, но духовенство, въ силу указа св. Синода, оставилъ лишеннымъ священнодѣйствія.

«Великое невѣжество духовнаго чина, отвѣчала Екатерина [1]), примѣченное въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находитесь, конечно, ничѣмъ поправить нельзя окромя воспитаніемъ и поученіемъ, и изъ первыхъ моихъ попеченій будетъ, послѣ прекращенія всѣхъ нынѣшнихъ хлопотъ, учрежденіе школъ, гдѣ только возможно; но тогда родится другой вопросъ *объ опредѣленіи священству сходственное содержаніе съ воспитаніемъ*... Описаніе, которое вы дѣлаете въ письмѣ вашемъ, горестнаго состоянія вдовъ, сиротъ и младенцевъ васъ при въѣздѣ вашемъ въ Пензѣ съ воплемъ встрѣтившихъ, возбудило меня не токмо принять безъповоротно на себя издержанныя вами для снабженія ихъ пропитаніемъ и одеждою, но сверхъ сихъ издержанныхъ денегъ возьмите изъ казны въ тамошнемъ краю на счетъ моего кабинета десять тысячъ рублей, кои вы раздадите въ милостыню, по вашему усмотрѣнію, нужду терпящимъ и отъ нынѣшняго случая разореннымъ людямъ. А когда сія сумма изойдетъ, то отпишите снова ко мнѣ. Пензенскихъ жителей раскаяніе при строгости и при увѣщаніи вашемъ, принимаю я какъ знакъ, что болѣе ихъ преступленіе должно приписать глупости и слабости градоначальниковъ ихъ, кои сами не знавъ свою должность не умѣли простонародье оберегать и ободрять ко времени, нежели инымъ какимъ причинамъ».

Въ Пензѣ графъ П. И. Панинъ получилъ, 18 сентября, извѣстіе о поимкѣ Пугачева и въ тотъ же день отправилъ въ Петербургъ съ донесеніемъ своего внука кн. Лобанова, исправлявшаго при немъ должность адъютанта.

---

[1]) Панину въ собственноручномъ письмѣ отъ 28 сентября 1774 г. *Сборн. истор. общества*, т. VI, 150.

«Имѣюсчастіе поздравить ваше императорское величество, писалъ главнокомандующій [1]), съ избавленіемъ имперіи отъ язвительнаго ея врага Пугачева».

Черезъ четыре дня прибылъ въ Пензу посланный генералъ-поручикомъ Суворовымъ, великолуцкаго полка поручикъ Ермолаевъ, который и былъ отправленъ въ Петербургъ съ вторичнымъ донесеніемъ главнокомандующаго.

1 октября въ столицѣ было получено первое извѣстіе о поимкѣ Пугачева и доставленіи его въ Яицкій-городокъ. Оно произвело радостное впечатлѣніе и многіе поздравляли другъ друга съ окончаніемъ бѣдствій.

Въ Петербургѣ появилась ода А. Сумарокова, написанная подъ живымъ впечатлѣніемъ событій и обращенная къ лицу самозванца [2]).

Ты подлый, дерзкій человѣкъ,
Незапно коего природа
Извергла на блаженный вѣкъ,
Ко бѣдству многаго народа.
Забывъ и правду и себя
И только сатану любя,
О Богѣ мыслилъ безъ боязни
И шелъ противъ естества,
Отечества и Божества,
Не помня неизбѣжной казни.

*
* *

Отбросилъ ты разбойникъ мечъ
И въ наши преданъ нынѣ руки,
Ты мало, чтобъ тебя сожечь
Къ отмщенію невинныхъ муки.
Но можно-ль то вообразить,
Какою мукою разить,
Достойнаго мученья вѣчно!
Твоей подобья злобы нѣтъ
И не видалъ донынѣ свѣтъ
Злодѣя толь безчеловѣчна!

Императрица Екатерина съ восторгомъ узнала о плѣненіи Пугачева и щедро наградила привезшихъ это извѣстіе [3]).

[1]) Во всеподдан. донесеніи отъ 18 сентября 1774 г. *Сборн. Императ. русскаю историч. общ.*, т. VI, стр. 149.

[2]) Рукописная книга изъ собранія графа А. Уварова, № 559.

[3]) За доставленіе извѣстій о поимкѣ Пугачева князь Лобановъ былъ переведенъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ, а Ермолаевъ произведенъ въ капитаны. См. Исходящій журналъ князя Потемкина. Московскій Архивъ Главнаго Штаба.

«Богу воздаю благодареніе, писала она графу П. И. Панину [1]), что мерзкая сія исторія славу имперіи повреждающая тѣмъ самымъ пресѣклась, коя, не упоминая объ ужасномъ внутреннемъ разореніи, разстройствѣ и безчисленныхъ той шайки суровости и безчеловѣчія, насъ отсылала во мнѣніи всей Европы *къ варварскимъ временамъ отъ двухъ до трехсотъ лѣтъ назадъ къ крайнему моему сожалѣнію* и увеличиванію наиглубочайшему сердца моего оскорбленію о народномъ страданіи».

Императрица приказала доставить Пугачева въ Москву, подъ самымъ строгимъ карауломъ, чтобы онъ не могъ никакъ уйти.

Письмо это застало графа Панина уже въ Симбирскѣ, куда онъ торопился уѣхать и куда приказалъ привезти Пугачева.

XVI.

Благодарность графа П. И. Панина генералу Суворову и полковнику Михельсону. — Объявленіе главнокомандующаго о поимкѣ Пугачева. — Встрѣча графа Панина съ Пугачевымъ въ Симбирскѣ. — Стансъ Сумарокова городу Симбирску. — Сожженіе въ Казани портрета Пугачева. — Объявленіе П. Потемкина.

Не принимая не только непосредственнаго, но и никакого участія въ дѣйствіяхъ отрядовъ, преслѣдовавшихъ самозванца, графъ П. И. Панинъ гордился однакоже тѣмъ, что Пугачевъ пойманъ во время его командованія. Не зная еще какъ, гдѣ и кѣмъ пойманъ самозванецъ, главнокомандующій, въ порывѣ радости, уже благодарилъ начальниковъ отрядовъ и приписалъ Суворову такія заслуги, которыхъ тотъ и не выказывалъ.

«Истощается напослѣдокъ, писалъ ему графъ Панинъ [2]), долготерпѣніе Божіе на злохищнаго кровопивца, вѣчнаго въ роды родовъ ужаса, омерзѣнія достойнаго. Уже напослѣдокъ (онъ) въ оковахъ на переселеніе свое черезъ лютую кару въ уготованное ему на днѣ адскомъ мѣсто, яко врагу Творца и всей Его твари.

---

[1]) Отъ 3 октября 1774 г. *Сборн. истор. общ.*, т. VI, 154.

[2]) Письмо графа П. И. Панина генералу Суворову отъ 22 сентября. Рукописн. книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

«Принимая оное очевиднымъ знакомъ Всевышняго о благосостояніи Россіи промысла, осязаемымъ свидѣтельствомъ святого Его о своей помазанницѣ и управляемыхъ ею народовъ попеченіе, съ пролитіемъ слезъ поздравляю съ тѣмъ ваше превосходительство, *яко единаго изъ главнѣйшихъ поспѣшника* къ истребленію сего проклятаго, гибельнаго сына, неутомимыми и предпріимчивыми подвигами о которыхъ не замолкнетъ имени вашего слава въ вѣчности и пріимутъ они праведныя (награды) у престола великой нашей монархини, а я собственно во всю мою жизнь не престану никогда провозглашать ихъ важность, превосходящую почти всякое возмездіе...

«По толикихъ трудахъ должно уже помышлять намъ и объ успокоеніи преславно трудившихся храбрыхъ нашихъ войскъ, почему и предлагаю вашему превосходительству о расположеніи оныхъ по становищамъ на такую позицію, чтобы споручно намъ было ихъ употреблять противъ не совсѣмъ еще укрощенныхъ башкирцевъ и киргизъ-кайсаковъ. А притомъ и то вамъ рекомендую, чтобъ деташементъ г. Михельсона, претерпѣвающій нужду въ амуниціи, которая поспѣшаетъ уже въ вашъ край на судахъ внизъ по Волгѣ, какъ наискорѣе чтобы возмогъ оную получить.

«Упомянуть теперь должно объ увѣнчанномъ толикими пораженіями злодѣя полковникѣ Михельсонѣ. Съ горестью я слышалъ, что онъ, черезъ столь долгое время, не разбирая никакихъ воздушныхъ перемѣнъ, гонявшись за нимъ безпрерывно, повредилъ свое зрѣніе—(здоровье?) человѣка прочимаго всемилостивѣйшею нашею государынею для славы и пользы ея имперіи есть неоцѣненно, то и совѣтую я ему прибѣгнуть къ цѣлителямъ. А какъ находится при мнѣ искусный докторъ, то чтобъ отправился онъ ко мнѣ въ Симбирскъ, гдѣ ожидаютъ его мои дружескія объятія, облобызать его тамъ, съ чувствомъ сердечнымъ. То же самое чувствованіе предоставляю той сладкой минутѣ, въ которую увижусь я и съ вашимъ превосходительствомъ, и для того имѣете вы, по приведеніи всего подъ ордеромъ вашимъ состоящаго воинства въ спокойное установленіе, отправиться ко мнѣ въ Симбирскъ же».

На другой же день графъ П. И. Панинъ писалъ Самуилу, епископу Крутицкому [1]):

«Съ неизреченною нетерпѣливостію тороплюсь обрадовать ваше преосвященство съ происшествіемъ знаменитымъ, важнымъ, спасительнымъ для всея ввѣренной вамъ паствы православныхъ чадъ Христовой церкви. Злодѣй Пугачевъ благопоспѣшеніемъ Всевышняго, призрѣвшаго напослѣдокъ на теплыя ваши и неумолкныя молитвы передъ престоломъ Искупителя нашего, уже въ оковахъ въ Яицкомъ-городкѣ, подъ надзираніемъ генералъ-поручика Суворова и не замедлится ко мнѣ быть представленъ.

«Примите, преосвященнѣйшій владыко, ревностнѣйшее мое съ тѣмъ поздравленіе. Раздѣлите со мною всеобщую отечества нашего радость и ниспавъ предъ самымъ тѣмъ же божественнымъ престоломъ, источникомъ всякія благости и щедротъ, пролейте предъ нимъ благодарственныя слезы. Я мысленно съ вами повергаяся предъ онымъ же, препоручаю себя и все подвластное мнѣ воинство ходатайству вашему предъ Творцомъ всея твари».

Отправивъ эти письма, графъ Панинъ торопился выѣхать изъ Пензы въ Симбирскъ. 25-го сентября, будучи въ дорогѣ, онъ разослалъ извѣстное «Извѣщаніе» [2]), въ которомъ объявлялъ о поимкѣ самозванца и требовалъ, чтобы населеніе содѣйствовало войскамъ въ усмиреніи возстанія и поимкѣ его сообщниковъ. «Кто поползнется, писалъ главнокомандующій, разглашеніямъ о семъ искорененномъ уже самозванцѣ и бунтовщикѣ инако вѣрить, нежели здѣсь самая истина о немъ объявляется, или кто дастъ укрывательство сообщникамъ онаго самозванца, или же вѣдая, что нѣкоторые, можетъ быть, малые остатки изъ разсыпавшихся пристаютъ и о томъ не объявитъ, тотъ *каждый будетъ принятъ* въ равномъ противу государства злодѣяніи, *какъ самъ бунтовщикъ* и будетъ оружіемъ ея императорскаго величества безъ всякой пощады до самаго его истребленія или до поимки къ заслу-

---

[1]) Отъ 23 сентября 1774 года. Рукописная книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

[2]) Полный текстъ этого «Извѣщанія» находится въ Госуд. Арх., VI, д. № 490 и напечатанъ Мордовцевымъ (*Отечественныя Записки*, 1868 г., № 10, 354) и Д. Анучинымъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., стр. 400).

женной казни, по строгости всѣхъ государственныхъ законовъ, гонимъ и преслѣдованъ».

Между тѣмъ, Суворовъ поручилъ генералъ-маіору Мансурову устроить переправу черезъ Волгу у Сызрани «множественнымъ числомъ судовъ исправныхъ», и подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ, повезъ Пугачева степью и вечеромъ 1-го октября доставилъ его въ Симбирскъ вмѣстѣ съ женою его Софьею и несовершеннолѣтнимъ сыномъ Трофимомъ [1]). По словамъ біографа Суворова и его приближеннаго Антинга, Пугачевъ былъ посаженъ въ особую клѣтку [2]), поставленную на четырехколесную телѣгу, и подъ конвоемъ двухъ ротъ пѣхоты, 200 казаковъ и двухъ орудій вывезенъ изъ Яицкаго-городка. Суворовъ слѣдовалъ съ самозванцемъ неотлучно и по ночамъ путь освѣщали факелами. Пугачевъ не хотѣлъ сидѣть покойно въ клѣткѣ и потому пришлось его помѣстить въ обыкновенную телѣгу скованнымъ, и въ такомъ видѣ онъ былъ привезенъ въ Симбирскъ.

На другой день въ полдень пріѣхалъ туда же и графъ П. И. Панинъ. Огромная толпа народа встрѣтила главнокомандующаго, и онъ приказалъ вывести на показъ скованнаго по рукамъ и ногамъ самозванца. «Пугачевъ, писалъ въ тотъ же день графъ Панинъ князю М. Н. Волконскому [3]), на площади скованный, передъ всѣмъ народомъ велегласно признавался и каялся въ своемъ злодѣяніи и *отвѣдалъ тутъ, отъ моей распалившейся крови на его произведенныя злодѣянія, нѣсколько моихъ пощечинъ*, отъ которыхъ изъ своего гордаго вида тотчасъ низвергся въ по-

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ П. Потемкина отъ 1 октября 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 489.

[2]) «On l'enferma dans une cage, пишетъ Антингъ, sur une voiture à quatre roues, fait exprès pour lui, enfin qu'il n'échappât point». Рычковъ говоритъ, что для Пугачева была «сдѣлана, на подобіе клѣтки, особливая, на двухъ колесахъ, телѣга». Пушкинъ повторяетъ слова Рычкова, а Д. Анучинъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1868 г., № 11, 28) отрицаетъ это и говоритъ, что клѣтку создало изустное народное преданіе. Намъ кажется, что наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія должны принадлежать очевидцу—Антингу, тѣмъ болѣе, что объ устройствѣ такой клѣтки писалъ П. Потемкинъ капитанъ-поручику Маврину.

[3]) Въ письмѣ отъ 2 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 527. См. также *Москвитянинъ*, 1841 г., кн. II, 482.

На другой же день графъ П. И. Панинъ писалъ Самуилу, епископу Крутицкому [1]):

«Съ неизреченною нетерпѣливостію тороплюсь обрадовать ваше преосвященство съ происшествіемъ знаменитымъ, важнымъ, спасительнымъ для всея ввѣренной вамъ паствы православныхъ чадъ Христовой церкви. Злодѣй Пугачевъ благопоспѣшеніемъ Всевышняго, призрѣвшаго напослѣдокъ на теплыя ваши и неумолкныя молитвы передъ престоломъ Искупителя нашего, уже въ оковахъ въ Яицкомъ-городкѣ, подъ надзираніемъ генералъ-поручика Суворова и не замедлится ко мнѣ быть представленъ.

«Примите, преосвященнѣйшій владыко, ревностнѣйшее мое съ тѣмъ поздравленіе. Раздѣлите со мною всеобщую отечества нашего радость и ниспавъ предъ самымъ тѣмъ же божественнымъ престоломъ, источникомъ всякія благости и щедротъ, пролейте предъ нимъ благодарственныя слезы. Я мысленно съ вами повергаяся предъ онымъ же, препоручаю себя и все подвластное мнѣ воинство ходатайству вашему предъ Творцомъ всея твари».

Отправивъ эти письма, графъ Панинъ торопился выѣхать изъ Пензы въ Симбирскъ. 25-го сентября, будучи въ дорогѣ, онъ разослалъ извѣстное «Извѣщаніе» [2]), въ которомъ объявлялъ о поимкѣ самозванца и требовалъ, чтобы населеніе содѣйствовало войскамъ въ усмиреніи возстанія и поимкѣ его сообщниковъ. «Кто поползнется, писалъ главнокомандующій, разглашеніямъ о семъ искорененномъ уже самозванцѣ и бунтовщикѣ инако вѣрить, нежели здѣсь самая истина о немъ объявляется, или кто дастъ укрывательство сообщникамъ онаго самозванца, или же вѣдая, что нѣкоторые, можетъ быть, малые остатки изъ разсыпавшихся пристаютъ и о томъ не объявитъ, тотъ *каждый будетъ принятъ* въ равномъ противу государства злодѣяніи, *какъ самъ бунтовщикъ* и будетъ оружіемъ ея императорскаго величества безъ всякой пощады до самаго его истребленія или до поимки къ заслу-

---

[1]) Отъ 23 сентября 1774 года. Рукописная книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

[2]) Полный текстъ этого «Извѣщанія» находится въ Госуд. Арх., VI, д. № 490 и напечатанъ Мордовцевымъ (*Отечественныя Записки*, 1868 г., № 10, 354) и Д. Анучинымъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1869 г., стр. 400).

женной казни, по строгости всѣхъ государственныхъ законовъ, гонимъ и преслѣдованъ».

Между тѣмъ, Суворовъ поручилъ генералъ-маіору Мансурову устроить переправу черезъ Волгу у Сызрани «множественнымъ числомъ судовъ исправныхъ», и подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ, повезъ Пугачева степью и вечеромъ 1-го октября доставилъ его въ Симбирскъ вмѣстѣ съ женою его Софьею и несовершеннолѣтнимъ сыномъ Трофимомъ [1]). По словамъ біографа Суворова и его приближеннаго Антинга, Пугачевъ былъ посаженъ въ особую клѣтку [2]), поставленную на четырехколесную телѣгу, и подъ конвоемъ двухъ ротъ пѣхоты, 200 казаковъ и двухъ орудій вывезенъ изъ Яицкаго-городка. Суворовъ слѣдовалъ съ самозванцемъ неотлучно и по ночамъ путь освѣщали факелами. Пугачевъ не хотѣлъ сидѣть покойно въ клѣткѣ и потому пришлось его помѣстить въ обыкновенную телѣгу скованнымъ, и въ такомъ видѣ онъ былъ привезенъ въ Симбирскъ.

На другой день въ полдень пріѣхалъ туда же и графъ П. И. Панинъ. Огромная толпа народа встрѣтила главнокомандующаго, и онъ приказалъ вывести на показъ скованнаго по рукамъ и ногамъ самозванца. «Пугачевъ, писалъ въ тотъ же день графъ Панинъ князю М. Н. Волконскому [3]), на площади скованный, передъ всѣмъ народомъ велегласно признавался и каялся въ своемъ злодѣяніи и *отвѣдалъ тутъ, отъ моей распалившейся крови на его произведенныя злодѣянія, нѣсколько моихъ пощечинъ*, отъ которыхъ изъ своего гордаго вида тотчасъ низвергся въ по-

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ П. Потемкина отъ 1 октября 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 489.

[2]) «On l'enferma dans une cage, пишетъ Антингъ, sur une voiture à quatre roues, fait exprès pour lui, enfin qu'il n'échappât point». Рычковъ говоритъ, что для Пугачева была «сдѣлана, на подобіе клѣтки, особливая, на двухъ колесахъ, телѣга». Пушкинъ повторяетъ слова Рычкова, а Д. Анучинъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1868 г., № 11, 28) отрицаетъ это и говоритъ, что клѣтку создало наустное народное преданіе. Намъ кажется, что наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія должны принадлежать очевидцу—Антингу, тѣмъ болѣе, что объ устройствѣ такой клѣтки писалъ П. Потемкинъ капитанъ-поручику Маврину.

[3]) Въ письмѣ отъ 2 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 527. См. также *Москвитянинъ*, 1841 г., кн. II, 482.

рабощеніе» [1]). Ставъ на колѣни, самозванецъ громко объявилъ собравшимся, что онъ бѣглый съ Дона казакъ Емельянъ Пугачевъ, виноватъ передъ Богомъ и государынею. Введенный затѣмъ въ квартиру главнокомандующаго, онъ вторично подтвердилъ свое происхожденіе и затѣмъ былъ переданъ подъ наблюденіе и охрану капитану Галахову, «съ подтвержденіемъ, доносилъ графъ Панинъ [2]), что въ упущеніи и поврежденіи его имѣетъ онъ животомъ своимъ передъ престоломъ вашего императорскаго величества отвѣтствовать».

Скованный по рукамъ и ногамъ, Пугачевъ былъ прикованъ еще къ стѣнѣ, при посредствѣ желѣзнаго обруча, положеннаго вокругъ поясницы. Ключъ отъ цѣпного замка хранился у капитана Галахова. Безъ позволенія никто не допускался къ самозванцу и для постояннаго за нимъ наблюденія находились безвыходно въ его комнатѣ: одинъ оберъ-офицеръ, одинъ унтеръ-офицеръ и часовой безъ ружья и съ необнаженною шпагою, чтобы Пугачевъ какъ-нибудь не выхватилъ ружья и не умертвилъ себя. На содержаніе самозванца отпускалось по 15 коп. въ день и приказано кормить его пищею «подлымъ человѣкомъ употребляемою» и снабдить такою же одеждою.

Въ Симбирскѣ встрѣтились: графъ П. Панинъ, П. С. Потемкинъ, А. В. Суворовъ и полковникъ Михельсонъ. Всѣ они, прямо или косвенно, приписывали себѣ поимку Пугачева, но исторія должна сказать, что если приписывать кому-нибудь честь этого, то, конечно, Михельсону, а не кому другому. Тѣмъ не менѣе,

---

[1]) Разсказъ А. С. Пушкина о встрѣчѣ графа Панина съ Пугачевымъ намъ кажется плодомъ позднѣйшей фантазіи. Слова, приписанныя Пугачеву, несообразны ни съ характеромъ, ни со складомъ ума бывшаго самозванца, никогда неотличавшагося остротою и находчивостью. Свидѣтели-современники, присутствовавшіе при этомъ свиданіи, не упоминаютъ ни слова о такихъ отвѣтахъ. Рычковъ говоритъ (*Соч. Пушкина*, изд. 1881 г., приложеніе, стр. 433): «*можетъ быть*, по привычкѣ своей или по злой натурѣ отвѣтствовалъ на вопросы его сіятельства очень смѣло и дерзновенно». Руничъ также не упоминаетъ объ этомъ ни слова и намъ кажется, что пощечинами графъ Панинъ хотѣлъ показать только народу, что Пугачевъ не государь, а самозванецъ. Если бы подобный разговоръ происходилъ, то графъ Панинъ не преминулъ бы упомянуть о немъ въ своемъ донесеніи императрицѣ.

[2]) Императрицѣ отъ 3 октября 1774 г. *Сборникъ Император. русск. историч. общества*, т. VI, стр. 155.

главнокомандующій, обратясь къ Суворову, выразилъ ему благодарность «священнымъ именемъ вашего императорскаго величества и всей имперіи, якобы Суворовъ поймалъ злодѣя Пугачева». Суворовъ при многочисленной публикѣ чуть-чуть не съ земными поклонами благодарилъ графа и не устыдился шесть разъ поцѣловать руки и полы главнокомандующаго [1]).

Холодность обращенія графа Панина съ П. Потемкинымъ оскорбила послѣдняго, и онъ съ улыбкою и презрѣніемъ смотрѣлъ на поступки Суворова. «Я не осмѣлюсь, писалъ П. Потемкинъ императрицѣ, всеконечно никогда произнесть того, что много участвовалъ въ поимкѣ злодѣя, но какъ истинѣ не заграждаетъ уста премудрое правленіе ваше, то осмѣлюсь сказать, что имѣлъ болѣе участія, нежели г. Суворовъ».

Жалуясь, что графъ Панинъ не доставляетъ ему никакихъ допросовъ и вообще не желаетъ имѣть съ нимъ сношеній, Павелъ Потемкинъ просилъ уволить его отъ званія предсѣдателя секретныхъ коммиссій. Императрица лучше всѣхъ видѣла, кто истинный побѣдитель самозванца и усмиритель возстанія, и потому оставила это прошеніе безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что назначила его въ составъ слѣдственной коммиссіи, учрежденной въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ князя М. Н. Волконскаго. Она написала только Г. А. Потемкину: «Павелъ правъ, Суворовъ тутъ участія не имѣлъ... и пріѣхалъ по окончаніи дракъ и поимки злодѣя» [2]). Не смотря однакоже на холодность отношеній, главнокомандующій, въ день своего пріѣзда, поручилъ П. Потемкину приступить къ допросамъ, а избранному художнику—къ снятію портрета съ самозванца [3])

«Теперь, писалъ главнокомандующій Г. А. Потемкину [4]), пишутъ съ него портретъ, коимъ съ другимъ отсель курьеромъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо П. Потемкина 2 октября 1774 года. См. также «Записки Рунича», *Русская Старина*, 1870 г., т. II, стр. 351 и 410.

[2]) Г. Лебедевъ (*Графы Панины и проч.*, стр. 99) и Анучинъ («Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевскаго бунта», *Русскій Вѣстникъ*, 1868 г., № 12, стр. 28), подъ именемъ Павла ошибочно считаютъ великаго князя Павла Петровича.

[3]) Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна фамилія художника, случившагося въ то время въ Симбирскѣ.

[4]) Въ письмѣ отъ 2 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 490.

предупрежу вашему высокопревосходительству оригиналъ. Не можетъ-ли имѣть любопытства и наша великая государыня увидѣть сего адскаго изверга скорѣй, хотя на портретѣ, нежели обстоятельства потребнаго препровожденія оригинала дозволить могутъ имъ поспѣшить» [1]).

Отправленіе самозванца въ Москву, какъ того желала императрица, замедлялось приготовленіями на станціяхъ по сту подводъ и принятіемъ мѣръ къ охраненію пути. «Къ провозу его требуется теперь обезопасить московскую дорогу, писалъ графъ П. И. Панинъ князю М. Н. Волконскому [2]), по которому я и положилъ отсель до Мурома всѣ почлежныя для него селенія, не далѣе 60 верстъ одно отъ другого, занять каждое одною ротою изъ моихъ войскъ», а отъ Мурома до Москвы главнокомандующій просилъ сдѣлать то же князя Волконскаго.

Пока дѣлались всѣ эти распоряженія, въ Симбирскъ стекались со всѣхъ сторонъ лица, желавшія посмотрѣть на Пугачева, и графъ Панинъ любилъ похвастаться передъ ними тѣмъ, что самозванецъ въ его рукахъ. Пріѣхалъ, напримѣръ, въ городъ лейбъ-гвардіи поручикъ Державинъ, и главнокомандующій съ гордымъ самодовольствіемъ спросилъ его: видѣлъ-ли онъ Пугачева?

— Видѣлъ, отвѣчалъ поэтъ, — на конѣ подъ Петровскомъ [3]).

— Прикажи привесть Емельку, сказалъ графъ, обращаясь къ полковнику Михельсону.

Черезъ нѣсколько минутъ былъ представленъ самозванецъ въ тяжкихъ оковахъ, въ засаленномъ, поношенномъ, скверномъ широкомъ тулупѣ. Войдя въ комнату, Пугачевъ сталъ на колѣни.

— Здоровъ-ли, Емелька? спросилъ Панинъ.

— Ночей не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство.

— Надѣйся на милосердіе государыни [4]).

---

[1]) Срав. замѣтку о портретахъ Пугачева, *Русская Старина*, 1870 г., т. II, 417.

[2]) Въ письмѣ отъ 2 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 527.

[3]) Державинъ солгалъ; онъ никогда не видѣлъ Пугачева, потому что близко къ Петровску не подъѣзжалъ.

[4]) «Записки Державина». См. *Соч. Державина*, изданія Я. К. Грота, т. VI, стр. 514.

Такъ показывали узника и другимъ пріѣзжимъ. Иногда графъ П. Панинъ разыгрывалъ комедію передъ собиравшимися къ нему посѣтителями и П. С. Руничъ сохранилъ намъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ. На другой день послѣ полученныхъ пощечинъ, Пугачевъ приведенъ былъ въ пріемную графа, въ которой собралось болѣе 200 человѣкъ военныхъ, гражданскихъ и разнаго званія людей.

— Какъ могъ ты, извергъ, спрашивалъ Панинъ, вздумать быть царемъ Россіи.

— Виноватъ, отвѣчалъ самозванецъ, кланяясь до земли, передъ Богомъ, государынею и министрами.

«Послѣднее слово злодѣя, замѣчаетъ Руничъ [1]), такъ разгорячило сего правдиваго россіянина, что, поднявъ правую руку, едва не ударилъ злодѣя; но въ одно мгновеніе отступя отъ него и поднявъ обѣ руки вверхъ, въ трепетаніи своего сердца, съ пролитіемъ горькихъ слезъ воскликнулъ: «Господи! я осквернилъ было мои руки». Въ ужасномъ рыданіи и встревоженіи духа своего, не опуская рукъ, паки воскликнулъ: «Боже милосердый! во гнѣвѣ твоемъ праведно наказалъ Ты насъ симъ злодѣемъ», и въ ужасномъ рыданіи ручьями лились старческія слезы. Всѣ присутствовавшіе какъ окаменѣлые безмолвствовали».

Въ Симбирскѣ Пугачевъ оставался весьма долго и во все это время городъ привлекалъ на себя вниманіе всей Россіи. Тотъ же Александръ Сумароковъ, о которомъ мы говорили выше, восхваляя подвиги графа П. И. Панина, написалъ особый «*Стансъ городу Симбирску на Пугачева*».

Прогналъ ты Разина стоявшимъ войскомъ твердо
Симбирскъ и удалилъ ты древняго врага;
Хоть онъ и наступалъ съ огнемъ немилосердно
На Волгины брега!

---

[1]) «*Русская Старина*» 1870 г. т. II, стр. 349. Къ запискамъ Рунича надо относиться очень осторожно. Авторъ писалъ ихъ на память, вѣроятно, много лѣтъ спустя и потому перепуталъ событія и приписалъ Пугачеву такія показанія, которыхъ мы въ допросахъ не встрѣчаемъ. По словамъ Рунича, отправленный въ Москву самозванецъ 15 ноября ночевалъ въ селѣ Ивановскомъ, за 10 верстъ отъ первопрестольной столицы, тогда какъ въ дѣйствительности 4 ноября Пугачевъ уже давалъ показанія Шешковскому на монетномъ дворѣ въ Москвѣ.

А Разинъ нынѣшній въ твои падетъ оковы
И во стѣнахъ твоихъ окованный сидитъ
Пристойныя ему возмездія готовы;
Судъ злобы не щадитъ!

Москва и градъ Петровъ и всѣ россійски грады,
Россійско воинство и алтари и тронъ
Стремятся, чтобъ онъ былъ караемъ безъ пощады,
Гнушается имъ Донъ.

Сей варваръ не щадилъ ни возраста, ни пола:
Песъ тако бѣшеный, что встрѣтитъ, то грызетъ.
Подобно такъ на лугъ, изъ блатистаго дола
Драконъ шипя ползетъ.

Но казни нѣтъ ему довольныя на свѣтѣ;
Воображенье онъ тиранствомъ превозшелъ
И всѣ онъ мерзости, и въ силѣ былъ и въ цвѣтѣ,
Во естествѣ нашелъ.

. . . . . .
. . . . . .
Графъ Панинъ никогда предъ войскомъ не воздремлетъ
И сбросилъ онъ тебя взлетѣвша съ высоты,
И силой и умомъ мучителя онъ емлетъ,
Страдай теперь и ты!

Уже геена вся на варвара зіяетъ
И тартаръ на тебя разверзъ уже уста,
А Панинъ на горахъ водъ Волгиныхъ сіяетъ
Очистивъ тѣ мѣста.

. . . . . .
. . . . . .
Восходитъ веселѣй изъ моря солнце красно,
По дняхъ жестокости, на Волгинъ горизонтъ.
Взыграли Донъ, Яикъ со Волгою согласно,
И съ ней Каспійскій понтъ.

Народы тамошни гласятъ Екатеринѣ:
О матерь подданныхъ! спасла отъ золъ ты насъ.
Она рекла: всегда готова я, какъ нынѣ,
Спасати, чада, васъ. [1])

Показываніе Пугачева народу признавалось въ то время необходимымъ для убѣжденія населенія, что онъ пойманъ. Генералъ-маіоръ П. Потемкинъ просилъ императрицу, чтобы при доставленіи самозванца изъ Симбирска въ Москву, онъ провезенъ былъ

[1]) Стансъ городу Симбирску на Пугачева, отъ А. Сумарокова. При Импер. Академіи наукъ 1774 года. См. полное собраніе сочиненій изд. 1787 г. ч. IX стр. 94—97.

черезъ Казань. «Весьма нужно сего злодѣя, доносилъ онъ [1]), показать народу въ Казани, гдѣ столь много людей его знаютъ, и обличить передъ народомъ его злодѣйство, ибо весь оный край, гдѣ пущее производилъ о себѣ Емелька обвороженіе, сомнѣвается о его поимкѣ».

Путь изъ Симбирска въ Москву черезъ Казань былъ круженъ, требовалъ много войскъ и императрица, желая скорѣе «заглушить» все что связывалось съ именемъ Пугачева, не изъявила на то своего согласія и приказала отправить изъ Казани въ Москву всѣхъ его сообщниковъ. Отправленіе это производилось періодически по два и по три человѣка за-разъ, причемъ П. Потемкинъ употребилъ все, чтобы произвести это съ нѣкоторымъ парадомъ и церемоніею.

6-го ноября всѣ преступники были выведены на площадь, въ томъ числѣ и Устинья, вторая жена самозванца. Многочисленному собранію народа показывали портретъ Пугачева, снятый въ Симбирскѣ и затѣмъ отъ имени секретной коммиссіи было прочитано слѣдующее объявленіе:

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ учрежденной въ Казанѣ по всевысочайшему ея императорскаго величества именному указу секретной коммиссіи.

Объявляется всенародно.

«Извѣстно уже каждому, что бывшій злодѣй и бунтовщикъ донской бѣглый казакъ Емельянъ Пугачевъ, продолжая злодѣйства, грабежи и убійства, чрезъ цѣлый годъ, наконецъ, при рѣчкахъ Узеняхъ пойманъ и подъ жестокою стражею, въ тяжелыхъ оковахъ провезенъ по всевысочайшему ея императорскаго величества указу изъ Симбирска въ Москву. Нѣтъ нужды здѣсь объявлять народу подробно о всѣхъ злодѣйствахъ сего изверга рода человѣческаго. Вѣдомо всѣмъ, что сей бунтовщикъ, забывъ страхъ Божій и данную предъ Творцомъ вселенной клятву въ вѣрности ея императорскому величеству, не только нарушилъ оную и сдѣлался предателемъ, но и

[1]) Отъ 6 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

дерзнулъ принять на себя высокое званіе въ Бозѣ почившаго императора Петра III, а подъ симъ званіемъ, пособіемъ подобныхъ себѣ злодѣевъ, обольщалъ легкомысленныя сердца и набирая толпы возставалъ противу престола всероссійскаго, ввѣреннаго отъ Промысла Божія помазанницѣ Его, великой нашей самодержицѣ, шелъ на разореніе отечества и вѣрныхъ рабовъ ея величества и обращалъ злобу и варварство на погибель самихъ тѣхъ, кои отъ простоты и невѣжества къ нему прилѣплялись. Слѣды варвара сего повсюду покрыты кровію, безчеловѣчной рукою его пролитою. Поля жителей опустошены и злодѣяніи его, безъ сомнѣнія, впечатлѣны въ сердцахъ каждаго сына отечества. Но Всевышній Творецъ, увѣнчавъ всѣ высокія намѣренія и премудрыя дѣла великой нашей государыни, поборствовалъ во всѣхъ ея величества предпріятіяхъ, и окончивъ къ безсмертной славѣ Россіи внѣшнюю войну, укротилъ и внутреннюю изверженіемъ сего врага Богу, церкви и отечеству. Настала повсюду вожделѣнная тишина и неусыпнымъ попеченіемъ Самодержицы нашей возобновится благоденствіе Россійскаго народа. Богъ, внимая стенаніямъ и слезамъ сиротъ, вопіющихъ объ отомщеніи самозванцу Пугачеву, не попустилъ далѣе простирать варварство его.

«Взирайте, вѣрные рабы великой нашей государыни и сыны отечества, коль много Богъ милуетъ Россію и вѣнчаетъ всѣ дѣла помазанницы своей, нашей великой государыни. Но тѣ, которыхъ сердца ядомъ злодѣйства повреждались, и которые дѣломъ или мыслію поползновенны были къ присоединенію съ самозванцомъ и бунтовщикомъ, казнитесь угрызеніемъ сердецъ своихъ и посрамляйтеся. Здѣсь видите вы изображеніе варварскаго лица самозванца и злодѣя Емельяна Пугачева. Сіе изображеніе самого того злодѣя, которому злыя сердца преклонялись и обольщали простодушныхъ; того, который дерзалъ называться именемъ покойнаго государя Петра III, и съ которымъ нѣкоторые, соединяясь, вооружились противу законной государыни своей, истинной матери отечества.

«Секретная коммиссія по силѣ и власти ввѣренной отъ ея императорскаго величества опредѣлила: сію мерзкую харю во изобличеніе злыхъ, подъ висилицей сжечь на площади и объя-

вить, что самъ злодѣй приметъ казнь мучительную въ царствующемъ градѣ Москвѣ, гдѣ уже онъ содержится.

«Здѣсь видите вы самихъ тѣхъ, кои были первыми наперсниками злодѣя и самозванца Пугачева, пали съ повинною къ престолу ея величества, законной государынѣ своей; здѣсь, къ вящему посрамленію предававшихся самозванцу, видите жену самозванца и злодѣя Устинью, которой чинить присягу не отвращались сердца, и уста произносили имя сей жены гнуснаго злодѣя въ званіи высокаго титла Императрицы. Взирайте и ужасайтесь содѣланнаго беззаконія таковыхъ людей! Вотъ самая та, которую парицали злодѣи именемъ государыни своей, дочь яицкаго казака, жена того самаго злодѣя, который, похитивъ имя покойнаго Государя Петра III, обольщалъ несмысленныхъ людей! Да будетъ зрѣлище сіе и въ торжество вѣрныхъ подданныхъ ея величества великой нашей самодержицы и въ укоризну тѣхъ, кои поползнулись къ предательству. Изъ числа сихъ предателей осуждены нѣкоторые къ казни и вины ихъ приложены въ особыхъ объявленіяхъ, а ужасъ кары сей будетъ въ страхъ другимъ. Жена же злодѣя Устинья и первая его (жена), донскаго войска казачья дочь именемъ Софья, будутъ свидѣтельницами кары злодѣя въ Москвѣ.»

По окончаніи чтенія, портретъ Пугачева былъ сожженъ подъ висѣлицею на эшафотѣ, причемъ Устинья громогласно объявила, что она вторая жена самозванца и что сожигаемая «харя есть точное изображеніе изверга и самозванца ея мужа». Послѣ того Твороговъ и Федульевъ каялись при народѣ въ содѣянныхъ ими беззаконіяхъ и объявили, что они самые тѣ, которые, почувствовавъ свое преступленіе, раскаялись, явились съ повинною и привели съ собою самозванца, причинившаго много бѣдъ людямъ. «Ужасное зрѣлище сіе, доносилъ П. Потемкинъ [1]), привело народъ въ изумленіе, а потомъ слова: *Боже мой, какое наше беззаконіе,* произносились въ устахъ нѣсколько минутъ».

---

[1]) Императрицѣ отъ 10 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

XVII.

Умиротвореніе края.—Усмиреніе волненій въ Башкиріи.—Мѣры правительства къ предотвращенію голода въ разоренныхъ губерніяхъ. — Уничтоженіе Зимовейской станицы войска Донскаго.—Публичный благодарственный листъ Г. А. Потемкина яицкимъ казакамъ. — Переименованіе рѣки Яика въ Уралъ и яицкаго войска въ уральское.

Съ поимкою Пугачева мятежъ сразу на столько утихъ, что большинство считало спокойствіе въ краѣ возстановленнымъ окончательно.

«Бунты внутри государства вашего, доносилъ графъ П. Панинъ императрицѣ [1]), всѣ безъ изъятія низложены, тишина, безопасность и повиновеніе прежнія возстановлены. Осталась только одна и презрѣнія, а не вниманія достойная маленькая война на киргизъ-кайсаковъ и въ нѣкоторыхъ развѣ небольшихъ селеніяхъ башкирское неспокойствіе».

Для уничтоженія послѣдняго, какъ только было получено извѣстіе о поимкѣ Пугачева, генералъ-маіоръ П. Потемкинъ отправилъ воззваніе башкирцамъ и грозилъ имъ, что если они до 1 октября не усмирятся, то для истребленія ихъ будутъ присланы арнауты и запорожцы [2]). Опасаясь новыхъ разореній, башкирцы выбрали 12 старшинъ и прислали ихъ съ покорностью. Одного изъ наиболѣе важныхъ депутатовъ П. Потемкинъ отправилъ въ Петербургъ къ Г. А. Потемкину, какъ командиру всѣхъ легкихъ войскъ и надѣялся, «что и всѣ башкирцы сему примѣру послѣдуютъ».

Надежды эти однакоже оправдались лишь отчасти. Салаватъ и отецъ его Юлай не покорялись и продолжали грабить и волновать населеніе. Тогда П. Потемкинъ отправилъ къ нимъ увѣщаніе слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Отъ 3 октября 1774 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историч. общ.*, т. XI, стр. 157.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе П. Потемкина 22 сентября 1774 г. Госуд. Арх., [illegible]

«Съ крайнимъ прискорбіемъ, писалъ онъ [1]), извѣщаюсь я, что ты до сего времени въ злобѣ и ослѣпленіи погружаешься, будучи уловленъ прельщеніемъ извѣстнаго всѣмъ злодѣя, измѣнника и самозванца Пугачева, который нынѣ со всѣми главными его сообщниками пойманъ и содержится въ тяжкихъ оковахъ и приметъ скоро мучительную за всѣ злодѣйства казнь.

«Черезъ разсѣянные манифесты извѣстно тебѣ, колико ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня о заблужденіи тебѣ подобныхъ сожалѣетъ и съ какимъ милосердіемъ пріемлетъ возвращеніе таковыхъ къ должности своей и повиновенію Богомъ постановленной ея власти. Ты видѣлъ уже тому довольные опыты, но скоро затворенъ будетъ путь къ ея милосердію, скоро праведный ея гнѣвъ обратится въ полной силѣ на измѣнниковъ, и не будетъ тогда пощады и прощенія. И для того истиннымъ сожалѣніемъ побуждаюсь я сдѣлать тебѣ въ послѣдній разъ сіе увѣщаніе: покайся, познай вину свою и приди съ повиновеніемъ. Я, будучи уполномоченъ всемилостивѣйшею ея величества повѣренностію, увѣряю тебя, что получишь тотчасъ прощеніе. Но если укоснешь еще за симъ увѣщаніемъ, то никакой уже пощады не ожидай».

Не слушая увѣщаній, Салаватъ продолжалъ разбойничать, и для усмиренія башкирцевъ главнокомандующій графъ Панинъ принужденъ былъ послать туда генералъ-поручика Суворова. Въ ноябрѣ 1774 года Салаватъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Юлаемъ были пойманы, и съ передачею ихъ въ руки правительства волненія въ Башкиріи почти прекратились и населеніе мало-по-малу стало успокоиваться [2]).

---

[1]) Увѣщаніе Потемкина Салавату отъ 29 октября 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 489.

[2]) Салаватъ и Юлай въ 1775 году были подвергнуты жестокому наказанію и преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ производили злодѣянія. *Юлаю* было дано кнутомъ 45 ударовъ на Симскомъ, 45 ударовъ на Катавскомъ, 45 ударовъ на Усть-Катавскомъ заводахъ и 40 ударовъ въ дер. Орловкѣ. *Салавату* 25 ударовъ на Симскомъ заводѣ, 25 ударовъ въ дер. Юлаевой, 25 ударовъ въ дер. Лакъ, 25 ударовъ въ Красноуфимскѣ, 25 ударовъ въ Кунгурѣ, 25 ударовъ въ г. Осѣ и 25 ударовъ въ дер. Нуркиной. Затѣмъ обоимъ вырѣзали ноздри, поставили знаки «воръ и убійца» и отправили въ каторжную работу въ Рогервикъ (Госуд. Арх., VI, д. № 427).

Что касается до жителей русскихъ губерній, то уже въ концѣ сентября можно было считать спокойствіе возстановленнымъ.

«Всемилостивѣйшая государыня! писалъ П. Потемкинъ [1]). Нынѣ совершенно осмѣливаюсь принести подданническое и усердное мое поздравленіе о спокойствіи внутреннемъ. Нигдѣ никакихъ шаекъ болѣе не слышно, а хотя бы онѣ и показались гдѣ, то уже нималѣйшаго уваженія не стоятъ. Настало то вожделѣнное намъ время, въ которое премудрость вашего величества, блаженство Россіи и счастіе подданныхъ великой Екатерины взойдетъ на горнюю степень».

Разосланные по разнымъ направленіямъ небольшіе отряды безъ труда захватывали въ плѣнъ бывшихъ мятежниковъ и доставляли ихъ въ города; многіе изъ нихъ являлись добровольно, такъ какъ были въ самомъ печальномъ положеніи, безъ одежды, въ однѣхъ плохихъ рубахахъ. Наступившая осень и холодное время заставляли торопиться разсылкою ихъ въ мѣста жительства, и вотъ по разнымъ направленіямъ потянулись партіи бывшихъ пугачевцевъ на канатахъ, конвоируемые нѣсколькими казаками или гарнизонными солдатами. Ни сопротивленія, ни покушенія къ побѣгу они не оказывали и искренно желали поскорѣе добраться до семейнаго очага. «Вся чернь, доносилъ графъ П. Панинъ 29 октября, нынѣ дѣйствительно въ такомъ подобострастномъ подданническомъ законной власти повиновеніи, какого она и прежде не имѣла». Это не были преступники по убѣжденію, а стадо заблудшихся овецъ, какъ и смотрѣла на нихъ императрица Екатерина II.

«Преступленія сихъ людей, писала она князю Вяземскому [2]), произошли больше по легковѣрію и невѣжеству, ибо безразсудная ихъ стремительность другихъ важныхъ предметовъ не имѣла, какъ только однѣ мечтательныя выгоды, коими они были обольщены. И потому я весьма удалена, чтобы дѣлать *кровопролитіе*. Но думаю рѣшеніе о нихъ сдѣлать послѣ окончанія Пугачева дѣла, *дабы ихъ покрыть милостивымъ указомъ*».

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 1 октября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 489.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 28 декабря 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 467.

Совсѣмъ иначе смотрѣла Екатерина на духовенство, прямо или косвенно принимавшее участіе въ возстаніи. Въ немъ она уже видѣла не стадо, а пастырей, долженствовавшихъ идти по пути долга и совѣсти. Императрица передала на разсмотрѣніе и рѣшеніе Синода, «на основаніи церковныхъ правилъ», поступки церковнослужителей, «которые въ злодѣйскомъ Пугачева возмущеніи сообщниками сдѣлались».

Святѣйшій Синодъ, съ одной стороны принимая во вниманіе всю тяжесть преступленія такихъ лицъ, а съ другой «изыскивая приличныя къ тому духовныя правила, нашелъ, что въ самой первенствующей церкви Христовой, всѣ священнослужители, которые отъ страха гоненія отъ вѣры отступили, хотя и приниманы были, по учиненіи въ томъ покаянія, паки въ общество правовѣрныхъ, но отъ священнослуженія навсегда отлучались и оставались яко простолюдины». Поэтому въ засѣданіи Синода 26 сентября 1774 г. было постановлено [1]): 1) всѣхъ тѣхъ церковнослужителей, которые добровольно выѣзжали на встрѣчу и передались на сторону мятежниковъ, лишить сана и предать гражданскому суду; 2) тѣхъ, которые ради страха смерти молились за Пугачева, какъ за императора Петра III, лишить сана, подвергнуть церковному покаянію [2]) и затѣмъ отправить къ свѣтскому начальству «для распредѣленія куда они годными окажутся», и наконецъ, 3) тѣхъ, которые хотя и старались укрыться отъ мятежниковъ, но будучи ими пойманы, противъ воли провозглашали на эктеніяхъ имя покойнаго императора Петра III, лишить священства, распредѣлить дьячками и пономарями.

Такихъ лицъ, подходящихъ подъ преступленіе всѣхъ трехъ категорій, оказалось очень много и въ одной Казани, по словамъ Платона Любарскаго, въ два дня разстригли болѣе 10 человѣкъ.

---

[1]) Арх. Синода, дѣло № 13.

[2]) Церковное покаяніе должно было продолжаться въ теченіе трехъ дней: первые два дня вкушая только хлѣбъ и воду, приходить имъ въ назначенную церковь на всякое священнослуженіе и становиться передъ дверьми церковными, а на третій день, передъ начатіемъ литургіи пасть передъ церковью и, тогда только имъ дано будетъ разрѣшеніе войти въ нее, безъ возвращенія права на священнодѣйствіе.

«Поповъ здѣсь, какъ овецъ стригутъ, писалъ онъ Н. Н. Бантышъ-Каменскому [1]), почему у насъ шерстъ недорога; вчера и сего-дня болѣе 10 разстригли, да ихъ же высѣкли батожьемъ. Велѣно не старше сорокалѣтнихъ писать въ солдаты, а прочихъ въ монастыри въ работу».

Продолжительное волненіе произвело полное экономическое разстройство края, грозило многими бѣдствіями и прежде всего голодомъ. Поля самыхъ плодородныхъ губерній оставались необработанными и уже въ августѣ, въ самый разгаръ сбора хлѣба, была неслыханная дороговизна и привоза его въ города почти не было. Предвидя недостатокъ въ хлѣбѣ, покойный казанскій губернаторъ фонъ-Брандтъ еще въ іюлѣ доносилъ о томъ Сенату, который возложилъ заботу о продовольствіи населенія на попеченіе провіантской канцеляріи. Средства послѣдней были совершенно ничтожны и главнокомандующій опасался, что могутъ произойти новые безпорядки отъ всеобщей нищеты.

«Ничто столько меня не волнуетъ, писалъ графъ П. И. Панинъ [2]), какъ предвозвѣщеніе почти неизбѣжнаго голода, если къ отвращенію того всюду и всѣми пособіями каждый не будетъ напрягать по должностямъ общей государственной связи всего всеподданническаго усердія къ вашему императорскому величеству и къ безвредности отъ Бога врученнаго вамъ государства».

Онъ просилъ содѣйствія Сената и присовокуплялъ, что сколько бы онъ одинъ ни принималъ мѣръ къ отвращенію голода, онъ не въ силахъ этого сдѣлать. Императрица разрѣшила графу Панину для необходимыхъ расходовъ по покупкѣ хлѣба брать наличныя деньги изъ доходовъ Казанской, Нижегородской, Воронежской, Бѣлогородской, Слободско-Украинской и Тобольской губерній [3]). «Прошу васъ, писала Екатерина [4]), особливое имѣть око и попеченіе о нужду терпящихъ во ввѣренныхъ вамъ мѣстахъ, и если нужду и надобность въ томъ находите, то употребите на униманіе стона

[1]) Въ письмѣ, отъ 30 октября 1774 года. Госуд. Арх., VI д. № 527.

[2]) Во всеподдан. донесеніи отъ 25 августа 1774 г. *Сборникъ Император. русскаго истор. общества.* Т. VI, стр. 118.

[3]) Высочайшій указъ, отъ 2 сентября 1774 г. Архивъ Кабинета Его Величества.

[4]) Въ рескриптѣ графу П. И. Панину, отъ 3-го октября 1774 г. *Сборникъ Императ. русск. истор. общ.*, т. VI, 154.

и плача разоренныхъ и нужду терпящихъ, въ провинціяхъ и уѣздахъ, гнѣвомъ Божіимъ посѣщенныхъ, *хотя отъ двухъ до трехъ-сотъ тысячъ рублей*, въ чемъ я васъ черезъ сіе и уполномочиваю». Всѣмъ губернаторамъ разореннаго края приказано соединенными силами стараться отвратить голодъ, а графу П. Панину сообщено, «чтобы по входѣ большаго числа войскъ въ Имперію», онъ обратилъ вниманіе на очищеніе дорогъ отъ воровскихъ шаекъ, которыя мѣшаютъ жителямъ привозить свои продукты въ города и на рынки [1]).

Для облегченія продовольствія населенія императрица приказала полкамъ первой арміи остаться на зиму въ Польшѣ и бѣлорусскихъ губерніяхъ.

Съ своей стороны главнокомандующій, какъ только получилъ достовѣрныя извѣстія о доставленіи Пугачева въ Яицкій-городокъ, отправилъ приказаніе кн. Багратіону, чтобы онъ съ своимъ отрядомъ и тѣ восемь ротъ, которыя шли изъ Смоленска, возвратились въ мѣста прежняго ихъ расположенія [2]).

Всѣ эти мѣры лишь въ слабой степени улучшали положеніе разореннаго населенія. Сельскіе жители сами не имѣли хлѣба и везти имъ въ города было нечего. «Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, Воронежской, Нижегородской и Казанской губерній, доносилъ графъ П. И. Панинъ еще 3-го октября [3]), гдѣ я проѣзжалъ, (былъ) самовидецъ, что уже съ сентября мѣсяца обыватели инаго хлѣба не ѣдятъ, какъ съ лебедою, съ желудьми, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ мохомъ».

Воронежскій губернаторъ Шетневъ въ ноябрѣ доносилъ, что населеніе его губерніи не имѣетъ пропитанія. «Для доставленія нужду терпящимъ средства къ прокормленію, писала ему Екатерина [4]), и дабы они не разсѣялись по другимъ уѣздамъ, дозволяемъ вамъ употребить слѣдующій способъ: въ уѣздныхъ горо-

[1]) Собственноруч. письмо императрицы графу П. И. Панину, 2 сентября. Госуд. Арх., VI, д. № 490. См. также *Сборн. Император. русскаго истор. общ.*, т. VI, 121. Въ напечатанномъ письмѣ есть пропуски и опечатки.

[2]) Письмо графа П. И. Панина Г. А. Потемкину, отъ 2-го октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 490.

[3]) *Сборникъ Императорс. русскаго историчес. общества*, т. VI, 159.

[4]) Въ указѣ 2 декабря 1774 г., Арх. Сената, копіи Высоч. повелѣній, кн. № 208.

дахъ, состоящихъ посреди нужду претерпѣвающихъ мѣстъ, имѣете вы зачать дѣлать ровъ около тѣхъ городовъ, за умѣренную денежную или хлѣбную изъ казны плату всякому полу и возрасту людей, ибо кто не можетъ рыть землю, тотъ носить оную будетъ мало или много. Симъ способомъ, буде порядочно установите, люди отъ побѣга, неистовства и праздности удержаны будутъ и доставится имъ вспоможеніе въ прокормленіи. Всѣ же таковыя работы должны быть добровольны, отнюдь не нарядомъ и не съ такою огласкою, чтобъ изъ изобильныхъ мѣстъ къ вамъ работники стекались».

Вмѣстѣ съ тѣмъ признано было необходимымъ сложить до времени всѣ недоимки, накопившіяся на жителяхъ разореннаго края, и обязать ихъ вносить подати лишь съ 1-го сентября 1774 года [1]). Казанскій и нижегородскій губернаторы были вытребованы въ Симбирскъ для личныхъ объясненій съ главнокомандующимъ. На совѣщаніи было положено, для обезпеченія продовольствія населенія и войскъ, устроить провіантскіе магазины; нижегородскому губернатору купить 40,000, а казанскому 50,000 четвертей хлѣба. Изъ этихъ магазиновъ выдавать дѣйствительно терпящимъ нужду жителямъ отъ 2 до 3 четвериковъ на душу, подъ росписки помѣщиковъ, прикащиковъ или старостъ. Для развоза хлѣба по уѣздамъ употреблять законтрактованныя казною подводы съ платою по одной копѣйкѣ за версту. При этомъ графъ Панинъ обратился съ воззваніемъ къ болѣе зажиточному населенію, просилъ его оставить всѣ корыстолюбивые виды и не возвышать цѣны на хлѣбъ и фуражъ. Главнокомандующій грозилъ, что виновные въ корыстныхъ цѣляхъ не только будутъ наказаны, но и казнены; лица же содѣйствующія его мѣрамъ будутъ представлены къ наградамъ. Послѣднее обѣщаніе имъ было въ точности исполнено. Узнавъ отъ казанскаго губернатора, что помѣщикъ Степанъ Егоровичъ Кроткій уступилъ свои значительные запасы хлѣба казнѣ по весьма сходной цѣнѣ, главнокомандующій просилъ императрицу о награжденіи Кроткаго слѣдующимъ чиномъ. «По

[1]) Циркуляръ графа П. И. Панина оренбургскому, казанскому и нижегородскому губернаторамъ, 14 декабря 1774 г. Архивъ Сената, копіи Высоч. повел., кн. 13.

состоянію же его въ отставкѣ, писалъ при этомъ графъ П. Панинъ [1]), и ни у какихъ дѣлъ, а образцовымъ въ здѣшнемъ краю хозяиномъ въ хлѣбопашествѣ, повышеніе его не можетъ нанесть никому обиды; насупротивъ же оглашеніемъ онаго (что я сдѣлать и не преминулъ) произойти можетъ побужденіе и въ другихъ хозяевахъ, можетъ быть укрывающихъ избытки своего хлѣба на случай возвышенія онаго цѣнъ, къ отдачѣ его въ ссудные народу магазины за постановлѣнныя цѣны».

Кроткій былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ, но послужилъ примѣромъ для немногихъ.

Независимо отъ заботъ правительства по улучшенію экономическаго быта разореннаго населенія, пугачевскій бунтъ указалъ на многіе недостатки въ администраціи, и императрица Екатерина намѣтила себѣ вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ и трудилась впослѣдствіи. Описаніе мѣръ, принятыхъ для преобразованія внутренняго быта Россіи послѣ пугачевскаго бунта, должно составить особое изслѣдованіе и мы, не входя въ подробности, скажемъ, что въ числѣ первыхъ мѣръ было уменьшеніе пространства губерній, измѣненіе администраціи губернскихъ правленій, измѣненіе началъ въ управленіи башкирцами и киргизъ-кайсаками, преобразованіе казачьихъ войскъ, переселеніе волжскихъ казаковъ на Кавказъ, уничтоженіе Запорожской Сѣчи и проч.

Пространство уѣздовъ и число ихъ въ губерніяхъ было не соразмѣрно съ средствами и силами административныхъ органовъ. «По великой обширности нѣкоторыхъ губерній, сказано было въ указѣ отъ 7-го ноября 1775 г., оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми.» Поэтому число губерній было увеличено и Россія раздѣлена на 50 губерній.

«Сломавъ рога Пугачева и его сообщниковъ, писала Екатерина графу П. И. Панину, мысли множествомъ вдругъ приходятъ, изъ которыхъ, во-первыхъ, теперь есть вниманія достойны: невѣрность башкирцевъ, кои ничѣмъ на свѣтѣ не отягощены были (?),

---

[1]) Императрицѣ, отъ 5 декабря 1774 г. *Сборникъ Императорс. русскаго историческаго общ.*, т. VI, стр. 195.

а при всякомъ случаѣ злодѣями объявляются; второе — набѣги киргизскіе». Измѣненіе быта инородцевъ и ихъ отношенія къ правительству являлось дѣломъ крайне необходимымъ и императрица, поручая графу Панину представить свои соображенія по этому вопросу, не оставила безъ вниманія и казачьи войска. Прежде всего, по ходатайству Г. А. Потемкина, основанному на просьбѣ донскихъ казаковъ, было уничтожено названіе Зимовейской станицы, какъ родины Пугачева.

«Всемилостивѣйшая государыня! писалъ Григорій Александровичъ Потемкинъ [1]). Находящіеся здѣсь войска донского депутаты, поданнымъ ко мнѣ именемъ всего донскаго общества письмомъ, описывая то прискорбное для цѣлаго войска обстоятельство, въ которое они ввержены однимъ токмо воспоминаніемъ, что извергъ человѣчества и возмутитель всенароднаго покоя Емельянъ Пугачевъ происхожденіе свое изъ нѣдръ предѣловъ ихъ имѣлъ, и что огорченные симъ ни мало непредвидимымъ случаемъ, неугасаемыя никогда ревностію сердца ихъ единственное успокоеніе свое въ милосердомъ уваженіи вашего императорскаго величества службы полагая, просятъ правосуднаго услышанія, и чтобъ во истребленіе толь гнусной для самихъ ихъ памяти, по желанію всего войска, всемилостивѣйше дозволить Зимовейскую станицу, откуда сей помрачающій славу ихъ извергъ происхожденіе свое имѣетъ, перенесть совсѣмъ на другое мѣсто, а домъ его рожденія, превратя въ пепелъ, развѣять оный въ прахъ.

«Я по долгу моего надъ войскомъ симъ начальства, совокупно съ онымъ, повергая себя предъ освященнымъ вашего императорскаго величества правосуднымъ престоломъ, именемъ всѣхъ сихъ таковымъ незапнымъ приключеніемъ покрытыхъ стыдомъ и смущенныхъ духомъ воиновъ, осмѣлясь прозорливости вашей представя, оправданную во всѣхъ случаяхъ противъ непріятелей отечества и многими подвигами въ сраженіяхъ утвержденную службу ихъ, приемлю смѣлость всеподданнѣйше просить: удостойте, всемилостивѣйшая государыня, вопіющій къ освященной особѣ ва-

[1]) Къ императрицѣ, письмо отъ 11 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, [illegible]

шей гласъ многихъ тысячъ составляющихъ донское общество, милосердаго услышанія и блистающимъ въ свѣтѣ правосудіемъ оправдайте, великая государыня, что толь гнусное чудовище, въ пылающихъ ко престолу вашему достохвальнымъ усердіемъ сердцахъ не токмо не совмѣстно, но и чуждо».

Императрица Екатерина изъявила согласіе и указомъ отъ 13 октября 1774 года повелѣно было перенести Зимовейскую станицу на новое мѣсто. «А какъ господа депутаты войска сего, писалъ Г. А. Потемкинъ [1]), и полковники Машлыкинъ, Яновъ и Мартыновъ, просили меня о дозволеніи наименовать оную станицу званіемъ моея фамиліи, то принявъ оное желаніе ихъ съ душевнымъ признаніемъ и поставляя то за особливую себѣ честь, отдаю наименованіе оной на собственную волю сея станицы чиновъ, которую и переименовать при самомъ перенесеніи ея на другое мѣсто».

Станица была перенесена на противоположный берегъ рѣки и наименована *Потемкинскою*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оказать войску свое вниманіе, Екатерина приказала выслать съ Дона въ Москву 65 человѣкъ «самыхъ лучшихъ и способнѣйшихъ въ оборотахъ казацкихъ». Выбранные казаки должны были прибыть въ Москву къ январю 1775 года и составить почетный конвой императрицы. «А какъ оные имѣютъ быть употреблены, писалъ Г. А. Потемкинъ [2]), въ знакъ ревности и усердія сего войска при высочайшемъ ея императорскаго величества дворѣ, то и не сомнѣваюсь я, что войско донское избраніемъ къ тому изъ именитыхъ и лучшихъ людей соотвѣтствующихъ какъ знаніемъ службы, такъ и поведеніемъ своимъ, оправдаетъ то непрестанное мое у престола ходатайство, которое я къ благополучію его употребляю».

Какъ начальникъ всей легкой конницы и казачьихъ войскъ, Григорій Александровичъ Потемкинъ заботился объ успокоеніи войска яицкаго и водвореніи среди казаковъ мира и тишины. Въ

---

[1]) Въ предложеніи донцамъ отъ 23 октября 1774 года. Московс. Архивъ Главнаго Штаба. Исходящій журналъ Потемкина.

[2]) Въ предложеніи на Донъ отъ 12 ноября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Исходящій журналъ Потемкина.

началѣ октября 1774 г. онъ отправилъ на Яикъ свой «*публичный листъ*», въ которомъ благодарилъ всѣхъ казаковъ, остававшихся вѣрными правительству и приказалъ прочитать его три раза населенію, а затѣмъ хранить въ войсковой канцеляріи на видномъ мѣстѣ.

«Войска яицкаго атаману Бородину, писалъ Потемкинъ, [1]). всѣмъ того войска чинамъ вообще и каждому особо, изъявившимъ, при вѣроломности прочихъ собратій ихъ, непоколебимость духа своего и исполнившимъ на всегдашнюю память потомства ихъ долгъ вѣрныхъ согражданъ и почтенныхъ отечества сыновъ.

«Съ душевнымъ оскорбленіемъ взирая на потрясеніе вѣрности нѣкоторыхъ ослѣпившихся лживыми вдохновеніями нарушителя всеобщаго покоя донского казака Емельяна Пугачева и учинившихся совокупно съ нимъ извергами отечества, съ чувствительнѣйшимъ признаніемъ обращаюсь я къ тѣмъ избраннымъ и вѣчнаго почтенія достойнымъ войска сего чинамъ, кои въ неизчезаемой славѣ своей, при самомъ злодѣйскомъ съ братіею ихъ потрясеніи подданнической къ высокомонаршей отъ самого Бога установленной власти повиновенія, непоколебимостію и твердостію духа своего оставшихся въ предѣлахъ должности, исполнили долгъ вѣрныхъ согражданъ и истинныхъ отечеству сыновъ.

«Симъ почтеннымъ воинамъ свидѣтельствую наипризнательнѣйшую мою благодарность и публично объявляю, что сей такъ (столь) отличный ихъ опытъ ревности и усердія къ освященному ея императорскаго величества престолу не только не сокрылся отъ проворливаго ея вниманія, но съ достойнымъ всемилостивѣйшаго ея примѣчанія уваженіемъ принятъ и удостоенъ высочайшей апробаціи, съ такимъ высокомонаршимъ обнадеживаніемъ, что такъ достойная служба ихъ праведнымъ воздана будетъ награжденіемъ, о которомъ я по долгу моего надъ войскомъ симъ начальства съ душевнымъ удовольствіемъ предстоя освященному ея престолу ходатайствовать не престану».

Однимъ изъ первыхъ его ходатайствъ было «истребленіе изъ памяти» и преданіе вѣчному забвенію всего послѣдовавшаго на Яикѣ. Всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 10 января 1775 года

---

[1]) Въ публичномъ листѣ отъ 7 октября 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Походный журналъ Потемкина.

Г. А. Потемкинъ просилъ императрицу приказать рѣку Яикъ, «по которой какъ оное войско, такъ и городокъ названіе свое донынѣ имѣли», назвать *Уралomъ*, и войско *уральскимъ* [1]). Императрица согласилась съ мнѣніемъ Потемкина и указомъ Сенату 15 января повелѣла: «войско именовать *Уральскимъ* и впредь яицкимъ не называть, равно и Яицкому-городку называться отнынѣ Уральскъ [2])».

Такимъ образомъ названіе яицкаго войска уничтожилось вмѣстѣ съ именемъ Пугачева и почти одновременно съ понесеннымъ имъ наказаніемъ.

XVIII.

Отправленіе Пугачева въ Москву.—Прибытіе его въ первопрестольную столицу.—Свиданіе его съ княземъ М. Н. Волконскимъ.—Обвиненіе преосвященнаго Веніамина, архіепископа казанскаго, въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ. — Арестованіе Веніамина.—Мнѣніе императрицы Екатерины.—Оправданіе архіепископа и возведеніе его въ санъ митрополита казанскаго.

Съ начала октября, въ Москвѣ дѣлались уже всѣ приготовленія для пріема Пугачева, для производства надъ нимъ слѣдствія и суда. 3-го октября прибылъ въ первопрестольную столицу извѣстный оберъ-секретарь Шешковскій, и для содержанія самозванца съ его сообщниками отдѣлывался особый домъ на монетномъ дворѣ (въ Охотномъ ряду).

Назначенный предсѣдателемъ суда, главнокомандующій въ Москвѣ князь М. Н. Волконскій, 8-го октября, отправилъ въ распоряженіе графа П. И. Панина Смоленскій драгунскій полкъ, а пять ротъ Нарвскаго пѣхотнаго полка разставилъ по станціямъ отъ Москвы до Мурома. Находясь въ 60-ти верстахъ другъ отъ друга, роты эти должны были конвоировать Пугачева и его сообщниковъ при доставленіи ихъ въ Москву.

«Я примѣтилъ, писалъ князь Волконскій Г. А. Потемкину [3]),—

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Г. А. Потемкина отъ 10 января 1775 г. Госуд. Арх., VI, д. № 519.

[2]) Арх. Сената Высоч. повелѣнія, книга 137, листъ 13.

[3]) Отъ 5 октября 1774 г. Государств. Архивъ, VI, д. № 503.

все что̀ явно дѣлается, то народъ больше въ вѣрѣ, а ежели что̀ скрытно, то выходятъ всякіе глупые и вредные толки и лжи».

«Когда злодѣй Пугачевъ сюда привезенъ будетъ, прибавлялъ московскій главнокомандующій [1]), то по мнѣнію моему кажется надо его черезъ Москву везти публично и явно, такъ чтобы весь народъ его видѣть могъ, по примѣру какъ Петръ I, взявъ Азовъ и въ немъ измѣнника Якушку, велѣлъ ввозить въ Москву слѣдующимъ образомъ: сдѣлана была особливая повозка, на которой поставлена висѣлица и къ оной тотъ злодѣй прикованъ былъ, а вверху надъ нимъ большими литерами надпись была его злодѣйствамъ. Не прикажете-ли, всемилостивѣйшая государыня, и нынѣ такъ же сдѣлать, на что буду ожидать высочайшаго повелѣнія».

Императрица не раздѣляла мнѣнія главнокомандующаго, приказала усилить конвой при въѣздѣ въ городъ и ввезти самозванца днемъ, «но безъ всякой дальней афектаціи и не показывая дальное уваженіе къ сему злодѣю и измѣннику» [2]).

Пугачевъ съ женою Софьею и сыномъ Трофимомъ 25 октября были отправлены изъ Симбирска, и въ 9 часовъ утра 4 ноября, при огромномъ стеченіи народа, привезены были въ Москву прямо на монетный дворъ.

«Народу въ каретахъ и дамъ столько было у Воскресенскихъ воротъ, писалъ кн. Волконскій [3]), что проѣхать съ нуждою было можно, только что глядятъ на палаты. Я думаю, что они ожидали не подойдетъ-ли злодѣй къ окошку. Однакожь зрители въ семъ обманулись, что его видѣть никакъ невозможно».

Скованный по рукамъ и ногамъ, Пугачевъ сверхъ того былъ еще прикованъ и къ стѣнѣ, и потому не могъ показаться любопытнымъ зрителямъ [4]).

Въ десятомъ часу утра того же дня пріѣхалъ на монетный

---

[1]) Во всеподд. донесеніи отъ 5 октября 1774 г. Государств. Арх., IV, д. № 503.

[2]) Рескриптъ Екатерины II князю Волконскому отъ 12 октября 1774 г. *Осмнадцатый вѣкъ*, кн. I, стр. 131.

[3]) Въ письмѣ императрицѣ отъ 4 ноября 1774 г. *Осмнадцатый вѣкъ*, книга I, стр. 133.

[4]) А. С. Пушкинъ рисуетъ другую картину, несоотвѣтствующую той обстановкѣ, въ которую былъ поставленъ Пугачевъ (См. *Соч. Пушкина*, изд. 1881 г., т. VI, стр. 88).

дворъ князь Волконскій и говорилъ съ Пугачевымъ *«исторически»*. Самозванецъ палъ передъ нимъ на колѣни и признавался въ своемъ преступленіи.

— Виноватъ, говорилъ онъ, передъ Богомъ и предъ государынею.

Князь Волконскій укорялъ его въ звѣрствѣ и въ безчеловѣчномъ преданіи многихъ смерти.

— Мой грѣхъ, отвѣчалъ Пугачевъ, подбили меня люди, да уже теперь (я) виноватъ. Я и самъ былъ этому не радъ, да яицкіе казаки дѣлали что хотѣли. Радъ заслужить вины свои ея императорскому величеству.

Поручивъ надзоръ за Пугачевымъ капитану Галахову, князь Волконскій приказалъ Шешковскому приступить немедленно къ допросу.

Независимо отъ подробностей, относящихся до причинъ бунта, похожденій самозванца и его дѣятельности, допросъ долженъ былъ выяснить многія недоразумѣнія, явившіяся вслѣдствіе ложныхъ и разнорѣчивыхъ показаній его сообщниковъ. Однимъ изъ такихъ наиболѣе важныхъ недоразумѣній было обвиненіе казанскаго архіепископа Веніамина въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ.

Вскорѣ послѣ разоренія Казани и именно 25 іюля былъ пойманъ и доставленъ въ Нижній-Новгородъ самозванный пугачевскій полковникъ и дворянинъ Костромской губерніи Илья Аристовъ [1]).

Не скрывая того, что находился въ толпѣ самозванца, Аристовъ въ первоначальномъ допросѣ показалъ, что въ день прихода Пугачева подъ Казань, рано утромъ прискакалъ къ самозванцу семинаристъ и отъ имени архіепископа Веніамина передалъ ему вязанный кошелекъ съ золотыми деньгами «по примѣчанію тысячъ до трехъ»; что Пугачевъ взялъ деньги, приказалъ благодарить архіерея, а привезшему ихъ семинаристу поднесъ рюмку водки [2]).

Показаніе это озадачило присутствовавшихъ и нижегородскій губернаторъ Ступишинъ нашелъ его на столько важнымъ, что

---

[1]) Письмо нижегородскаго губернатора Ступишина князю Волконскому, 26 іюля 1774 г. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

[2]) Показаніе Аристова 25 іюля 1774 г. Гос. Арх., VI, д. № 468.

счелъ необходимымъ копію съ показанія Аристова представить императрицѣ, а подлинное показаніе и самого Аристова отправилъ въ Казань въ секретную коммиссію.

«Показанія злодѣйскаго мнимаго полковника Аристова, отвѣчала Екатерина Ступишину [1]), не малой суть важности; но надѣюсь на благость Всемогущаго, что удачи злодѣю ни въ чемъ не будетъ».

Въ секретной коммиссіи въ Казани смотрѣли на показаніе Аристова, какъ на событіе особой важности. «Изъ экстракта сего допроса, писалъ Павелъ Потемкинъ [2]), ваше императорское величество усмотрѣть изволите какія ужасныя дѣла происходятъ. Я не смѣю вѣрить, чтобъ сіе подлинно было».

Дѣйствительно, какъ-то не вѣрилось, чтобы показаніе Аристова было справедливо. «Кажется, на первомъ взглядѣ, отвѣчала Екатерина [3]), трудно себѣ представить, чтобы сей семидесятилѣтній старикъ, который самъ своимъ подвигомъ изверга Пугачева, со всѣми къ нему пристающими, предалъ церковному проклятію, столь много позабылъ самъ себя и таковой опытъ далъ своему невѣрію, захотя чрезъ то нѣсколько минутъ продолжить жизнь свою.—Однако безъ изслѣдованія таковой поступокъ никакъ оставить не можно, и для того, если, по сообщенію нижегородскаго губернатора, вы къ сему еще не приступали, то сперва навѣдайтеся подъ рукой и старайтесь узнать и получить въ своихъ рукахъ семинариста, а потомъ дайте знать сюда; а къ его преосвященству опредѣлите офицера, который при теперешнихъ обстоятельствахъ отвѣтствовалъ-бы за всѣ поступки изъ ума выжившаго старика сего».

Въ тотъ день, когда императрица писала это письмо, П. Потемкинъ, не смотря на дворянское происхожденіе Аристова, билъ его въ Казани плетьми и требовалъ чистосердечнаго признанія [4]).

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 4 августа 1774 г. *Сѣверная Пчела*, 1833 г., № 3.

[2]) Императрицѣ въ донесеніи отъ 2 августа 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 480.

[3]) Павлу Потемкину отъ 4 августа 1774 г. *Русская Старина*, 1875 г., т. XIII, стр. 121.

[4]) Владѣлецъ шести душъ крестьянъ въ сельцѣ Бѣлой-рѣки, Илья Аристовъ, въ 1746 году былъ взятъ въ службу и зачисленъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ.

Допрашиваемый представилъ присутствующимъ новую картину своихъ похожденій. Онъ говорилъ, что былъ выпущенъ мятежниками изъ секретной коммиссіи вмѣстѣ съ женою Пугачева Софьею, съ которою будто-бы познакомился, когда былъ взятъ на Дону и содержался вмѣстѣ съ нею. Аристовъ увѣрялъ, что во время разоренія Казани мятежниками онъ, по приказанію Пугачева, былъ посаженъ въ одну телѣгу съ Софьею и доставленъ въ лагерь самозванца, гдѣ и приказано ему находиться при ней безотлучно [1]).

— Увидя, что я скованъ, продолжалъ Аристовъ,—самозванецъ велѣлъ идти къ кузницѣ и расковаться. Идучи къ кузницѣ, нашелъ (нагналъ) я содержащагося въ секретной коммиссіи, въ одной со мною казармѣ, казанскаго купца Александра Огородникова, который также былъ еще въ оковахъ, и обще съ нимъ пришедъ въ кузницу расковались. А какъ Огородниковъ имѣлъ нужду въ пищѣ,

---

Переведенный потомъ въ Московскій полкъ, Аристовъ въ 1762 году былъ уволенъ отъ службы сержантомъ. Возвратившись домой, онъ занимался тайно винокуреніемъ и за это былъ взятъ опять въ солдаты и назначенъ на службу въ Томскій полкъ. Въ мартѣ 1770 года, согласившись съ нѣсколькими товарищами, Аристовъ бѣжалъ съ ними изъ Моздока, гдѣ находился полкъ, и пробрался сначала въ свое село, а потомъ, спасаясь отъ преслѣдованія своихъ сосѣдей-помѣщиковъ, бѣжалъ въ Москву. Тамъ онъ познакомился съ такимъ же бѣглымъ солдатомъ Великолуцкаго полка Андреемъ Козьминымъ и въ началѣ 1774 года рѣшили отправиться въ Таганрогъ, къ родному брату Аристова, поручику Василію Аристову, служившему въ тамошнемъ гарнизонномъ баталіонѣ. Аристовъ принялъ на себя званіе сержанта, которому будто-бы было приказано отъ оберъ-комендантской канцеляріи доставить въ Таганрогъ бѣглаго солдата Андрея Козьмина. Сочинивъ инструкцію и подписавъ ее вымышленнымъ именемъ, они отправились въ путь и благополучно добрались до Донскаго войска. Проѣзжая внизъ по р. Медвѣдицѣ и остановившись въ Илецкой станицѣ, Аристовъ и Козьминъ разсказывали простому народу, что императоръ Петръ III живъ и стоитъ недалеко отъ Казани, имѣетъ большое войско, жалованье даетъ великое и деньги отъ него идутъ: на монетѣ портретъ съ бородою, которая немного подстрижена, что государь изображенъ въ казачьемъ платьѣ, на плечахъ у него: на правомъ звѣзда, а на лѣвомъ птица. По словамъ проѣзжающихъ, хотя и присланъ былъ въ Казань генералъ Бибиковъ, но онъ, «какъ узналъ, что тамъ подлинно государь, (то) теперь замолкъ и объявилъ дворянству, чтобы не слугъ своихъ посылали, а всѣ бы сами къ нему, государю, ѣхали. Здѣсь Пугачева разбойникомъ называютъ, а тамъ-де указы о немъ прибиты, что онъ уже сіятельный князь». Полковникъ Себряковъ приказалъ задержать разсказчиковъ, и 25 марта 1774 г. Аристовъ и Козьминъ были отправлены за карауломъ въ воронежскую губернскую канцелярію, а оттуда оба колодника были доставлены въ Казань, въ секретную коммиссію и освобождены мятежниками во время разоренія города.

[1]) Показаніе Аристова 4 августа 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 468.

къ самозванцу утромъ, а здѣсь показалъ, что это было въ полдень. Въ Нижнемъ онъ скрылъ нахожденіе свое въ казанской секретной коммиссіи и показалъ, что находился въ толпѣ мятежниковъ при приближеніи ихъ къ Казани, а здѣсь — сдѣлать этого не могъ. Не смотря на указанныя противорѣчія, Аристовъ стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что деньги были привезены Пугачеву ни отъ кого другого, какъ отъ архіепископа Веніамина. Чтобы узнать, кто именно привозилъ эти деньги, П. Потемкинъ приказалъ расковать Аристова и свести въ церковь, когда Веніаминъ служилъ церемоніально и при немъ находилась вся его свита; но Аристовъ не указалъ ни на одного изъ семинаристовъ. «Я намѣренъ былъ, доносилъ Потемкинъ [1]), подъ другимъ видомъ призвать въ секретную коммиссію всѣхъ семинаристовъ, но злодѣй Аристовъ сдѣлался отчаянно болѣнъ и потому опасаюсь я, чтобы смерть его не скрыла зло, которое надлежитъ вывесть наружу. Ибо хотя не имѣю больше подозрѣнія толь высокаго степени духовнаго, которому бы надлежало лучше, въ обличеніи при крайности злодѣевъ во грѣхахъ ихъ, погибнуть и принять черезъ то вѣчную ангельскую и безсмертную славу, нежели толь подло думать о продолженіи жизни, которая и безъ того кратковременна. Однако соображая всѣ дѣла, нашелъ я нѣкоторую причину къ сомнѣнію, о чемъ вашему императорскому величеству изустно податель всеподданнѣйшаго моего донесенія донесетъ».

Продолжая тщательные розыски, П. Потемкинъ успѣлъ найти въ числѣ пойманныхъ мятежниковъ и купца Александра Огородникова, который сначала говорилъ, что ничего не видалъ и не слыхалъ, но 17-го сентября, на очной ставкѣ съ Аристовымъ, подтвердилъ слова послѣдняго. Огородниковъ сказалъ, что пріѣзжавшій былъ пѣвчій, по фамиліи Лебединскій, и что онъ помнитъ его «прозваніе потому, что оный пѣвчій самъ сказывалъ въ питейномъ домѣ, что мое-де прозваніе по нашему селу, гдѣ отецъ мой живетъ» [2]).

---

[1]) Императрицѣ отъ 17 августа 1774 г. *Русская Старина*, 1870 г., т. II, 407.

[2]) Показаніе Огородникова отъ 17 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 468.

— Имени того пѣвчаго я вспомнить не могу, говорилъ Огородниковъ, — ибо я его года съ полтора не видалъ.

Лебединскихъ оказалось два брата: одинъ, Герасимъ, семинаристъ, а другой дьяконъ Иванъ, находившійся при архіереѣ въ пѣвческой должности. Семинаристъ былъ немедленно потребованъ въ секретную коммиссію, гдѣ членъ ея, Горчаковъ, показалъ ему пакетъ, будто бы адресованный на имя его брата и спросилъ, гдѣ братъ его жительство имѣетъ?

— Брата моего въ городѣ нѣтъ, отвѣчалъ спрошенный;—мѣсяца съ полтора тому назадъ онъ посланъ отъ преосвященнаго на рыбныя ватаги, отсюда 80 верстъ за Камою находящіяся.

Семинаристъ былъ отпущенъ, а Горчаковъ, обратившись къ находившимся въ той же комнатѣ Аристову и Огородникову, спросилъ, не онъ-ли привозилъ деньги къ самозванцу?

— Нѣтъ, не онъ, отвѣчали они, — но похожій на него; у того волосы порусѣе и носъ пошире.

Подозрѣвая, что это долженъ быть братъ семинариста, секретная коммиссія отправила на рыбныя ватаги нарочнаго за дьякономъ, который 1-го октября и былъ доставленъ въ Казань, но ни Аристовъ, ни Огородниковъ не признали его тѣмъ лицомъ, котораго искали. Тогда члены коммиссіи приказали Аристову, въ присутствіи дьякона Лебединскаго, разсказать примѣты пріѣзжавшаго.

— Это былъ человѣкъ молодой, говорилъ Аристовъ,—ростомъ высоковатъ и тонокъ, лицомъ чистъ, востроносъ, глаза сѣрые, волосы свѣтлорусые; платье на себѣ имѣлъ кафтанъ длинный васильковаго цвѣта, подпоясанный каламянковымъ пестрымъ кушакомъ и волосы завязаны были пучкомъ.

— Кто бы изъ семинаристовъ походилъ на эти примѣты? спрашивали Лебединскаго.

— Съ сими примѣтами, отвѣчалъ Лебединскій подумавши, — схожъ выпущенный изъ семинаріи и находящійся теперь въ Воскресенскомъ, при домѣ преосвященнаго, въ должности библіотекаря и экзаменатора ставленниковъ, поповскій сынъ Степанъ Ѳедоровъ, по прозванью Львовъ.

Въ тотъ же день Львовъ пьяный, съ пирушки, былъ взятъ

въ секретную коммиссію. Когда онъ немного проспался, тогда стали его допрашивать.

— Какая поручена была тебѣ коммиссія, спрашивали присутствовавшіе члены, — во время прихода подъ Казань злодѣя?

— Ахъ, Боже мой! отвѣчалъ Львовъ, — никакой, и я ничего знать не знаю.

— Знаешь-ли ты въ какомъ мѣстѣ теперь находишься?

— Знаю, въ секретной коммиссіи.

— А когда знаешь, такъ долженъ сказать всю правду; не питай себя никакой надеждою и не возлагай ни на кого своего упованія.

— О, существо! да о чемъ мнѣ сказывать правду; я ничего не знаю; на кого мнѣ надѣяться — я человѣкъ беззаступный.

«А какъ при семъ случаѣ примѣчено, сказано въ постановленіи коммиссіи, что еще не весь чадъ изъ головы его вышелъ, то оставлено ему время на размышленіе до другого дня».

На слѣдующее утро Львовъ снова былъ призванъ въ секретную коммиссію.

— Гдѣ ты находился, спрашивали его, — когда злодѣй Пугачевъ подъ Казань подступилъ съ своею злодѣйскою сволочью?

— Въ кремлѣ, въ архіерейскомъ домѣ, отвѣчалъ Львовъ.

— Не повѣрено-ли тебѣ было какой коммиссіи отъ архіерея?

— Мнѣ повѣрено экзаменовать кандидатовъ въ священники и дьяконы.

— Не о томъ мы тебя спрашиваемъ: не посыланъ-ли ты былъ куда и съ чѣмъ-нибудь тогда, когда злодѣй взялъ форштадтъ?

— Нѣтъ; я ниже на четверть шага изъ кремля не выступалъ. Извольте спросить у всѣхъ, кои здѣсь были: у пѣвчихъ, монаховъ и духовника нашего. Я до тѣхъ поръ былъ въ кремлѣ, пока дозволенъ сталъ выходъ. Въ то самое время, когда злодѣй усиливался, я въ кремлѣ, въ церкви Трехъ Святителей, съ пѣвчимъ Марковскимъ и музыкантомъ Седмiезерскимъ, былъ на исповѣди у отца Евлагія.

— Ты намъ не говори этого и не надѣйся ни на кого, ибо здѣсь такое мѣсто, что никто не можетъ тебя заступить.

Подпоручикъ Горчаковъ отворилъ сосѣднюю дверь и вызвалъ къ себѣ Аристова и Огородникова, которые заявили, что Львовъ тотъ самый человѣкъ, который былъ у самозванца.

— Ну, вотъ, ты запираешься, а видишь, что двое на тебя представляютъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ Львовъ, объясните мнѣ, что они на меня доносятъ, ибо я ей-ей ничего худого за собой не знаю.

— Какъ тебѣ не знать! Ты посланъ былъ отъ архіерея къ злодѣю съ деньгами.

— Богъ мою душу, кромѣ всякаго покаянія, въ сіе мгновеніе ока, на семъ мѣстѣ ужасно да извергнетъ изъ меня, если я не только отвозилъ къ злодѣю отъ архіерея деньги, но ежели хотя зналъ или во снѣ когда мнѣ объ этомъ пригрезилось. Передъ сущимъ Богомъ (говорю): я знать не знаю. Извольте спросить у всѣхъ, кои здѣсь были въ то время изъ знающихъ меня.

— Вотъ ужò скажешь, какъ жилы тянуть станемъ, съ брюха и со спины кожу сдеремъ. Въ застѣнокъ мошенника, плута, злодѣя; небось, скажешь всю правду.

— Правосудные! ей-ей знать ничего не знаю.

Львова отвели въ сосѣднюю комнату, совѣтовали одуматься и признаться во всемъ чистосердечно. Спустя нѣсколько часовъ онъ былъ опять приведенъ къ допросу и встрѣтилъ въ той же комнатѣ Аристова и Огородникова.

— Ну что, одумался? спросили Львова члены секретной коммиссіи.

— Да чего мнѣ одумываться, отвѣчалъ онъ: я ей-ей ничего не знаю.

— Какъ тебѣ не знать, замѣтилъ Аристовъ; развѣ я не видѣлъ, какъ ты изволилъ разъѣзжать по полю. Я бы человѣкъ 80 свидѣтелей представилъ, да не знаю здѣшнихъ жителей.

— Разскажи, сказалъ Горчаковъ, обращаясь къ Аристову, какъ все дѣло было.

Аристовъ повторилъ свое показаніе, но Львовъ не признавался.

— Братцы, заговорилъ онъ, посмотрите хорошенько я-ли полно былъ, не ошиблись-ли вы.

— Мнѣ нельзя въ тебѣ ошибиться, замѣтилъ Огородниковъ, вѣдь мы бывали иногда съ тобою въ одномъ мѣстѣ и ты самъ меня знаешь.

— Я не спорю, что мы съ тобою знакомы, но не знаю съ чего вы на меня объ этомъ показываете; я не пріѣзжалъ въ станъ злодѣйскій, да и гдѣ мнѣ взять деньги.

— Полно, сердечный, не доводи себя до худого, признайся лучше, вѣдь мы не лжемъ на тебя, самъ ты знаешь.

Львовъ клялся, что изъ кремля никуда не выходилъ, просилъ допросить свидѣтелей, но судьи его не слушали.

— Нѣтъ, другъ, не отбожишься, говорилъ Аристовъ, вѣдь трудно *терпѣть три вечерни* (пытки)—скажешь, небось!

— Да, вотъ посмотри-ка! сказалъ секретарь Зряховъ, указывая на Огородникова, у котораго вся рубашка была въ крови; спроси-ка у него каково?

— Довольно я терпѣлъ за тебя, говорилъ Огородниковъ съ упрекомъ; теперь хотя голову на плаху, а мы точно тебя видѣли пріѣзжавшаго.

— Эхъ, братъ, Огородниковъ, побойся Бога, умолялъ его Львовъ, вспомни страшный судъ.

— Чего намъ напрасно говорить, замѣтилъ Аристовъ; къ намъ многихъ уже приводили на показъ, а напрасно на нихъ мы вѣдь не говорили.

Аристова и Огородникова приказано было вывести изъ присутственной комнаты.

— Ну что, все еще не хочешь сказать? спрашивали члены коммиссіи.

Львовъ молчалъ.

— Онъ дюжъ, хочетъ потерпѣть, говорилъ секретарь Зряховъ улыбаясь.

— Напрасно ты себя приводишь къ побоямъ, замѣтилъ Горчаковъ; подумай самъ: Огородниковъ тебѣ знакомъ и ему нельзя въ лицѣ твоемъ ошибиться.

— Правда, онъ знаетъ меня, отвѣчалъ Львовъ, только не понимаю, для чего онъ ложно на меня говоритъ.

Видя, что допрашиваемый не соглашается раскрыть истину и

не подтверждаетъ словъ Аристова и Огородникова, члены коммиссіи приказали принести доску съ кольцами, раздѣть обвиняемаго и «*распетлить*» въ кольца.

— Батюшки, кричалъ Львовъ, справьтесь Христа ради съ другими.

— Вотъ я те ужò, кричалъ Горчаковъ, какъ тебѣ не знать.

— Полно, замѣтилъ Зряховъ, бросимъ, справимся еще, и если тогда не скажетъ, то не пеняй на насъ.

Обвиняемый былъ избавленъ отъ пытки и отведенъ въ тюрьму. Спустя нѣсколько часовъ Львову опять была дана очная ставка съ его обвинителями.

— Батюшки, говорилъ онъ со слезами, посмотрите пристальнѣе, я ли былъ?

— Чего смотрѣть, отвѣчалъ Аристовъ; мы знаемъ и видимъ, что точно ты пріѣзжалъ, вѣдь не обманъ былъ на твою рожу.

Львовъ былъ въ отчаяніи. Члены секретной коммиссіи грозили ему пыткою, обѣщали тянуть жилы, если не скажетъ. Допрашиваемый удвоилъ клятвы, но Горчаковъ, не слушая ихъ, ударилъ подсудимаго два раза по лицу.—«И такъ, показывалъ Львовъ, я съ роду почти на себѣ лозочки не видалъ и природно будучи робокъ, трусилъ, не зная что далѣе со мною сдѣлаютъ» [1]).

— Не бейте, ваше благородіе, сказалъ онъ, я вамъ все скажу, только дайте мнѣ времени немного.

Присутствовавшіе согласились и въ тотъ же день, 2-го октября, записали слѣдующее показаніе Львова.

— Іюля 12-го числа, говорилъ онъ, поутру, въ 5 часовъ, злодѣй пришелъ къ Казани, противъ котораго городовыя войска и обыватели имѣли сраженіе. Но будучи осилены, какъ зачали отъ злодѣя ретироваться, то я съ прочими находился въ сіе время на соборной колокольнѣ и примѣтя ретираду городскихъ жителей убоялись оставаться долѣе на колокольнѣ и, сбѣжавъ съ оной, намѣрены были каждый искать своего спасенія. Какъ шелъ я дворомъ, пробираясь къ своей кельѣ, то на крыльцѣ стоялъ тогда живущій въ кремлѣ, при домѣ преосвященнаго, въ должности соб-

[1]) Показаніе Львова, Государ. Арх., VI, д. № 468.

ственнаго его казначея и любимецъ его, Казанскаго дѣвичьяго монастыря дьяконъ Алексѣй Іонинъ, который увидя меня закричалъ: «Львовъ, поди сюда». Я подошелъ къ нему, а онъ, приказавъ мнѣ за собою идти и введши въ проходную келью, привелъ напослѣдокъ изъ оной наверхъ подъ крышу и держа меня повыше локтя за руку говорилъ: «слушай, Львовъ, потрудись, пожалуйста, ты не будешь оставленъ; поди ты въ Спасскій монастырь, спустись со стѣны, да бѣги какъ можно скорѣе тайнымъ образомъ черезъ Успенскій мостъ, пока злодѣи по всему городу не разсыпались, въ Воскресенскій монастырь и взявъ тамъ лошадь скачи оттуда въ станъ злодѣйскій и отдай вотъ этотъ кошелекъ самому Пугачеву и говори такъ: «кланяется-де симъ вашему величеству его преосвященство архіепископъ казанскій и проситъ покорнѣйше освободить отъ разоренія загородный его Воскресенскій монастырь. Да смотри же, братъ, исправь сіе скрытнѣйшимъ образомъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ и не увидѣлъ и никому не сказывай, а буде по дорогѣ тебя кто спроситъ, куда бѣжишь, то скажи, что ищешь отъ злодѣевъ своего спасенія». Выслушавъ сіе я сталъ было отговариваться тѣмъ, что страшно попасть въ руки злодѣевъ. Но дьяконъ говорилъ: «пустое, братъ, чего тебѣ бояться? Думать надобно, что злодѣи будутъ стремиться всѣ къ кремлю, такъ ты свободно можешь пробраться въ Воскресенское. Пожайлуста, Степанушко, постарайся, право не будешь оставленъ, будь только скроменъ». Не смѣя болѣе отговариваться, ибо я думалъ тогда, что сіе возлагалъ онъ на меня съ повелѣнія архіерейскаго, принялъ золотомъ наполненный кошелекъ и спустясь изъ Спасскаго монастыря черезъ городовую стѣну, пробрался мимо Успенія, Владимірской и далѣе черезъ плетни. Прибѣжавъ же въ Воскресенскій монастырь прямо на конюшню, взялъ лошадь, поѣхалъ въ станъ злодѣйскій, стоявшій тогда близъ деревни Савиновой, верстахъ въ 10-ти отъ монастыря. Какъ же въ оный я пріѣхалъ, то злодѣя Пугачева нашелъ тутъ; разбойникъ былъ тогда въ ставкѣ своей, къ которой пришедъ я просилъ перваго попавшагося мнѣ казака, называемаго дежурнымъ, чтобъ доложилъ обо мнѣ злодѣю, придавъ ему титулъ императора, сказавъ о себѣ, что присланъ изъ Воскресенскаго мо-

настыря. А какъ сей казакъ сталъ меня выспрашивать, зачѣмъ я присланъ, то сказалъ ему, что имѣю тайность. Почему казакъ, входя къ злодѣю и вышедъ оттуда, позвалъ меня. Я, вошелъ и держа въ рукахъ означенный кошелекъ, въ поясъ поклонился злодѣю и потомъ, подавая кошелекъ въ руки, говорилъ сіи слова: «кланяется симъ вашему величеству его преосвященство архіепископъ казанскій». Злодѣй принялъ отъ меня оный и держа въ рукахъ потрясъ, а потомъ отдалъ случившейся при томъ какой-то женщинѣ, а сія тотчасъ высыпала изъ кошелька на позолоченную тарелку. Тутъ могъ я примѣтить, что число червонныхъ немалое было, ибо тарелка, будучи глубока, почти подъ край наполнена была. Пугачевъ приказалъ оному казаку поднести мнѣ чарку вина, которую я и выпилъ. Помянутый, называющійся дежурнымъ, казакъ, положа руку на мое плечо, далъ знакъ, чтобы я сталъ на колѣни, что̀ я и сдѣлалъ, а злодѣй оборотясь ко мнѣ сказалъ: «хорошо, поблагодари». Я всталъ и поклоняся ему вышелъ изъ ставки и поѣхалъ обратно въ Воскресенскій монастырь, въ которомъ жилъ я два дня, ибо уже не можно было мнѣ проѣхать въ кремль. Какъ же потомъ злодѣйская сволочь, войсками командуемыми полковникомъ Михельсономъ разсыпана и прогнана, то я пріѣхалъ въ кремль, гдѣ помянутый дьяконъ (Іонинъ), увидѣвъ меня въ сѣняхъ дома архіерейскаго, спрашивалъ наединѣ: «былъ-ли ты тамъ?» Былъ, отвѣчалъ я, и отдалъ; приказалъ онъ благодарить. А дьяконъ сказалъ мнѣ: «смотри же, никому не сказывай, такъ не будешь оставленъ». Почему я и обѣщался молчать и для сего самаго, что боялся и архіерейскаго гнѣва.

Показаніе это еще болѣе убѣждало въ дѣйствительности сношеній архіепископа Веніамина съ самозванцемъ, и потому члены секретной коммиссіи торопились захватить въ свои руки дьякона Іонина. Въ 8 часовъ утра, 3-го октября, былъ посланъ къ дьякону человѣкъ полковника князя Одоевскаго попросить Іонина къ своему господину для нѣкоторыхъ объясненій. Дьяконъ явился въ квартиру князя, а ожидавшій его прихода членъ секретной коммиссіи Горчаковъ взялъ и привелъ его въ присутствіе. Указавъ дьякону на важность мѣста, гдѣ онъ находится, члены коммиссіи объявили, что онъ долженъ показать всю правду, о чемъ будетъ спрашиванъ, до какой бы особы она ни касалась.

— Я знаю важность сего мѣста, отвѣчалъ Іонинъ, — и конечно, сказалъ бы всю правду, если бы что̀ зналъ, но я ничего ни за собою, ни за другими не знаю и не понимаю, по какому дѣлу сюда призванъ.

На это ему объявлено, «чтобы выкинулъ изъ головы своей такія мысли», и зналъ, что онъ призванъ въ коммиссію по такимъ обстоятельствамъ, которыя могутъ его обличить въ случаѣ запирательства.

— Воля ваша, отвѣчалъ дьяконъ, — для меня это непонятно, я ничего не знаю.

— Неправда, ты знаешь, да не хочешь сказать; боишься, можетъ статься, той персоны, отъ которой была поручена тебѣ коммиссія. Это мѣсто такое, что ты не долженъ никого опасаться, кто бы онъ ни былъ.

— Кого мнѣ бояться и что за коммиссія, я не знаю.

— Какъ не знаешь: тебѣ поручена была коммиссія во время нашествія на здѣшній городъ злодѣевъ. Развѣ забылъ ты кошелекъ?

— Что значитъ кошелекъ? спрашивалъ дьяконъ; — я ничего не знаю, говорилъ онъ въ смущеніи.

Въ отвѣтъ на это было прочитано показаніе Львова.

— Знать не знаю, говорилъ Іонинъ; — денегъ отъ преосвященнаго не принималъ и никому ихъ не отдавалъ.

— Если тотъ человѣкъ, которому ты деньги давалъ, тебя изобличитъ, говорилъ Зряховъ,—то тебѣ помилованія уже не будетъ; съ тобою поступлено будетъ иначе.

— Знать ничего не знаю, повторялъ дьяконъ.

— Тебѣ этого говорить нельзя; есть точные доказатели, которые при томъ были.

Въ присутствіе ввели Степана Львова.

— Когда я тебѣ давалъ такія деньги? спросилъ Іонинъ.

— Да, ты подлинно мнѣ деньги отдалъ, отвѣчалъ Львовъ.

Дьяконъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на всѣхъ присутствовавшихъ. Львовъ повторилъ свое показаніе, но и послѣ того Іонинъ отпирался; тогда приказано было сковать дьякона, отвести въ заключеніе и данъ ему срокъ подумать до слѣдующаго дня, а затѣмъ объяснить всѣ обстоятельства дѣла.

— Ну что, подумалъ? спрашивали судьи Іонина на слѣдующее утро.

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ спрошенный, — все это напрасно.

— Вотъ тебѣ еще три часа сроку, сказалъ Горчаковъ, — а потомъ если не повинишься, то будемъ сѣчь немилосердно.

Часу въ пятомъ послѣ обѣда Іонинъ былъ опять приведенъ въ судейскую.

— Говори, въ послѣдній разъ тебя спрашиваемъ.

— Ничего не знаю, отвѣчалъ дьяконъ.

Въ комнату внесли доску съ кольцами; Іонину приказали разоблачиться. Онъ заплакалъ.

— Какъ мнѣ сказать, произнесъ онъ, — я совсѣмъ пропаду и буду вѣчно несчастливъ.

— Чего тебѣ бояться правды; вѣрь, что никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ.

— Виноватъ, проговорилъ Іонинъ, кланяясь въ ноги членамъ комиссіи.

— Какимъ образомъ все происходило?

— Помилуйте, говорилъ дьяконъ, — чѣмъ я могу доказать, когда онъ (Веніаминъ) запрется; вѣдь я тогда долженъ буду пропасть.

— Ты не долженъ въ этомъ сомнѣваться, лишь бы сказанное тобою было правда.

— Іюля 12-го числа, говорилъ дьяконъ,—когда злодѣй съ разбойническою своею сволочью пришелъ подъ Казань, то преосвященный Веніаминъ въ соборѣ приносилъ мольбы Всевышнему о пораженіи злодѣевъ, но потомъ, какъ городовыя войска, не въ силахъ будучи отразить злодѣевъ, зачали къ крѣпости ретироваться, то преосвященный, выйдя изъ собора и войдя въ крестовую, благословлялъ бывшихъ въ оной людей. Выйдя изъ крестовой въ свою спальню, позвалъ меня за собою и взявъ со стола приготовленный мешокъ, наполненный золотою монетою, и отдавая оный мнѣ въ руки, говорилъ дрожащимъ голосомъ: «возьми этотъ кошелекъ и отдай проворнаго и надежнаго, отдай ему оный и самъ поѣзжай въ Воскресенскій монастырь и тамъ, взявъ ло-

шадь, скакалъ бы въ станъ злодѣйскій и отдалъ бы этотъ кошелекъ въ руки самому Пугачеву и сказалъ, что преосвященный отъ загороднаго своего дома кланяется симъ хлѣбомъ. Я боюсь, чтобы злодѣи не разорили и не сожгли загороднаго моего дома, такъ и того, что буде они, отъ чего Боже сохрани, ворвутся въ крѣпость, то перваго меня умертвятъ». И такимъ образомъ, отдавъ мнѣ сей кошелекъ, самъ пошелъ въ соборъ служить молебенъ.

Показаніе дьякона Іонина [1]) не оставляло уже никакого сомнѣнія въ томъ, что преосвященный Веніаминъ имѣлъ сношеніе съ Пугачевымъ, и слѣдственная коммиссія была въ крайнемъ затрудненіи, какъ поступать ей далѣе. «Дерзаю, всемилостивѣйшая государыня, писалъ Павелъ Потемкинъ [2]), всеподданнѣйше просить монаршаго вашего повелѣнія, какимъ образомъ поступить мнѣ со впадшимъ въ преступленіе, не допуская до соблазна, употребляя всевозможныя мѣры, чтобы скрыть сіе отъ народа, дабы явно не былъ вмѣшанъ человѣкъ толь высокаго сана въ дѣла разбойника».

Воспользовавшись тѣмъ, что 13-го октября преосвященный Веніаминъ долженъ былъ переѣхать изъ села Савинова, гдѣ онъ жилъ, въ Казань для разстриженія саранскаго архимандрита Александра, П. Потемкинъ просилъ архіепископа повидаться съ нимъ. Онъ предложилъ Веніамину остаться въ городѣ, поселиться въ Спасскомъ монастырѣ и прочиталъ ему предложеніе секретной коммиссіи, которая требовала разъясненія взведенныхъ на него обвиненій [3]).

«Секретная коммиссія, сказано было въ предложеніи [4]), производя дѣла, касающіяся до нея по причинѣ бывшаго мятежа, должностію имѣетъ по высочайшему созволенію слѣдовать и находить всѣ источники, произведшіе толикое зло въ возлюбленномъ отечествѣ нашемъ. Вашему высокопреосвященству извѣстно, что каж-

---

[1]) Отъ 4 октября 1774 г. Государ. Арх., VI, д. № 468.

[2]) Въ донесеніи отъ 8 октября 1774 года. *Русская Старина*, 1870 г., т. II, стр. 411. См. также Госуд. Арх., VI, д. № 489.

[3]) Всеподд. донесеніе П. Потемкина 16 октября 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 489. *Казанскія Губернскія Вѣдомости*, 1844 г., № 36.

[4]) Отъ 14 октября 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 468.

дый сынъ отечества, каждый рабъ ея величества, въ силу клятвы, данной передъ всемогущимъ Богомъ возлюбленной Его помазанницѣ, августѣйшей государынѣ и самодержицѣ нашей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, первымъ долгомъ въ жизни своей поставляетъ ни малѣйшаго въ ней не пропускать, который (что?) до цѣлости общаго спокойствія и наблюденія высочайшихъ правъ ея величества относится. То наипаче сія коммиссія, будучи учреждена точно на основаніи томъ, что все касающееся къ изслѣдованію начала причинъ бывшаго зла и разбирательству всѣхъ происшествій оныхъ, обязана исполнить по существу долга своего все то, что до нея принадлежать имѣетъ.

«Симъ приступаетъ секретная коммиссія предложить въ священномъ имени ея императорскаго величества вашему преосвященству слѣдующее:

«Показано на ваше преосвященство, яко бы вы въ тотъ день, когда приключенія съ казанскимъ форштадтомъ послѣдовали и бунтовщики въ оный ворвались, посылали самозванцу кошелекъ, наполненный золотыми деньгами, по виду до 3,000 рублей.

«Присутствующіе въ секретной коммиссіи, съ крайнимъ прискорбіемъ внимая сей поступокъ, невѣроятный отъ высокаго сана вашего, почли на первый разъ за клевету; но дабы ничего не упустить по должности, исканы были отъ коммиссіи тѣ свидѣтели, которые могли бы какъ утвердить показателя, такъ и обличить семинариста, который, яко бы отъ имени вашего, пріѣзжалъ съ дарами къ злодѣю. Все сіе найдено. Хотя показатель считалъ сего посланнаго семинаристомъ, но сей—библіотекарь вашего преосвященства, по многомъ запирательствѣ признался, что онъ погрѣшилъ передъ Богомъ и передъ ея величествомъ, и повинуясь слѣпо вашей власти, отвезъ оныя деньги отъ имени вашего, по приказу дьякона Алексѣя Іонина. Сей дьяконъ, будучи тверже перваго въ непризнаніи истины, видно, что сердце его ощущало угрызенія совѣсти, наконецъ равно признался, что онъ точно принялъ деньги отъ вашего преосвященства и послалъ оныя съ показаннымъ библіотекаремъ, яко надежнымъ въ вѣрности толь горестной для пользы общества, къ самозванцу и именемъ вашимъ просилъ избавленія отъ разоренія вашего загороднаго дома.

«Допросы каждому изъ нихъ читаны въ присутствіи, на нихъ утвердились они клятвою и подписались своеручно.

«По таковымъ доказательствамъ не могла обойтись секретная коммиссія, чтобы не вопросить изъясненія вашего преосвященства о семъ, предлагая, если показаніе сіе справедливо (чего безъ содраганія сердца невозможно представить), чтобъ вы благоволили открыть всю истину, не утаивая въ сердцѣ своемъ, какихъ ради причинъ посылали вы подарки къ бунтовщику и самозванцу? А чтобы доказать яснѣе вашему преосвященству основательныя причины, побудившія коммиссію приступить къ сему, опредѣлила коммиссія прочесть прежде вашему преосвященству допросъ дьякона, бывшаго наперсника вашего.

«Не надлежало бы коммиссіи предлагать вашему преосвященству, яко первосвященнику просвѣщенному, нагбенному подъ бременемъ многихъ лѣтъ, имѣющему многія познанія, многія испытанія и знающему всю цѣну священнаго благоговѣнія, каковое должно имѣть къ помазанницѣ Божіей, но должность есть коммиссіи предложить вашему преосвященству, чтобъ вы, чѣмъ болѣе знаете важность всего почтенія и вѣрности къ монархамъ, тѣмъ менѣе, по просвѣщенію своему дѣлали укрывательство въ погрѣшеніи, понеже коммиссія, если бы не имѣла ясныхъ доказательствъ, къ сему не приступила бы.

«Но ежели душа ваша чиста и непорочна, обличите клевету показателей на васъ равными ясными доказательствами, къ лицу наперсника вашего, который долго колебался открыть вину свою, но признался въ оной. И для того коммиссія проситъ ваше преосвященство, чтобъ вы соизволили отвѣтъ свой написать на сіе предложеніе, дабы во всемъ могла она отвѣтствовать передъ престоломъ ея величества. А потомъ, если вы не откроете истины, представленъ будетъ показанный дьяконъ передъ лицо ваше ко объясненію дѣла».

Съ удивленіемъ и огорченіемъ прочелъ маститый старецъ предложеніе Потемкина. Какія доказательства и притомъ ясныя могъ привести онъ въ свое оправданіе? Веніаминъ отвѣчалъ, что не только не давалъ никому денегъ 3,000 руб., но и въ мысляхъ этаго не имѣлъ; что Воскресенскій свой монастырь онъ оставилъ

за шесть дней до прихода Пугачева; что изъ кремля никуда не выходилъ; что во время штурма все время служилъ молебны и дьяконъ Іонинъ былъ безотлучно при немъ и «стало быть то на меня показаніе совсѣмъ невѣроятное и онъ, дьяконъ, какъ меня, такъ и себя оболгалъ напрасно. Сіе я показую по самой чистой совѣсти, такъ какъ передъ престоломъ Божіимъ, и заклинаю себя въ томъ небомъ и землею» [1]).

Веніаминъ просилъ Потемкина привести къ нему дьякона или дать имъ очную ставку, но послѣдній не согласился на эту просьбу по слѣдующимъ причинамъ: «первое, писалъ онъ [2]), что безъ высочайшей воли вашей не дерзаю приступить къ убѣжденію его таковымъ образомъ, и второе, что послѣ провѣдать бы могли сличеніе между архипастыря и дьякона, къ униженію славы и почтенія первому. А сверхъ того дьяконъ, привыкнувъ къ почтенію сана преосвященнаго, легко можетъ при лицѣ его отъ робости запереться. Въ самомъ дѣлѣ видимо, что исполнено сіе отъ единаго страху смерти, котораго преодолѣть его преосвященство не былъ въ состояніи». Представляя императрицѣ показанія Аристова, Огородникова, Львова, Іонина и отвѣтъ преосвященнаго, и желая до времени прекратить сношенія Веніамина съ посторонними лицами, П. Потемкинъ опредѣлилъ для постояннаго пребыванія при архіепископѣ подпоручика Горчакова и сенатскаго секретаря Чередина. Первый долженъ былъ отвѣчать за всѣ поступки Веніамина, а второй вести журналъ всему происходящему въ кельѣ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Воскресенскомъ монастырѣ было запечатано все, что можно: музей, кладовыя и жилыя комнаты; книги и рукописи были взяты въ секретную коммиссію, но въ нихъ ничего не найдено.

«Впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, писалъ Потемкинъ, употребляю я всѣ мѣры скрыть сіе отъ народа, дабы не подать

---

[1]) Объясненіе Веніамина 14 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, № 488.

[2]) Во всеподдан. донесеніи отъ 16 октября 1774 г. Тамъ же, № 489.

[3]) Основываясь на письмѣ Веніамина къ графу П. И. Панину, г. Д. Анучинъ говоритъ (*Рус. Вѣстникъ*, 1869 г., № 6, стр. 370), будто къ кельи преосвященнаго былъ приставленъ крѣпкій караулъ, но это невѣрно.

ни малѣйшаго подозрѣнія». Скрыть этого было невозможно. Въ Казани давно уже знали объ арестѣ Львова и дьякона Іонина; знали, что ихъ допрашивали и содержатъ въ оковахъ. «У насъ всѣ объяты страхомъ, писалъ Платонъ Любарскій Бантышъ-Каменскому [1]), въ томъ числѣ и я; неизвѣстно, когда наступитъ конецъ такому тревожному состоянію».

«Сколько преступленій совершаетъ секретная коммиссія, писалъ онъ же нѣсколько дней спустя [2]), и днемъ и ночью, объ этомъ ни говорить, ни писать нельзя. Никого не выпускаютъ и не впускаютъ въ городъ, въ томъ числѣ я и нѣкоторые другіе должны оставаться въ городѣ. Сколько несправедливостей, печалей и безславія на всю Европу! Сколько невинной крови можетъ пролиться! Прошу тебя, ради Бога, это и прочія мои письма не показывай никому. Положи печать на уста свои, чтобы черезъ разглашеніе не подвергнуть и меня и себя несчастію».

Между тѣмъ, полученное въ Петербургѣ донесеніе Павла Потемкина надѣлало много шума, и чтобы прекратить всѣ разговоры Екатерина признала необходимымъ удалить Веніамина отъ управленія епархіею. «Приложенное дѣло, писала императрица Г. А. Потемкину [3]), прошу сегодня вручить преосвященному петербургскому для его собственнаго извѣстія, и понеже сомнѣнія нѣту (хотя казанскій архіерей и отпирается) о его непростительной съ злодѣями пересылкѣ, и для того желаю я, чтобы преосвященный петербургскій написалъ бы письмо къ казанскому архіерею съ тѣмъ, дабы сей изъ ума выжившій старикъ просился бы немедленно на обѣщанье, и если сіе сдѣлаетъ архіерей казанскій, то въ разсужденіи сана уже далѣе слѣдствіе производить не велю, ибо желаю утушить и слухъ сего дѣла».

Такое рѣшеніе императрицы было сообщено и Павлу Потемкину, причемъ Екатерина, посылая ему копію съ письма преосвященнаго петербургскаго къ Веніамину, поручала объявить по-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 9 октября 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 527.

[2]) Въ письмѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскому отъ 16 октября 1774 г. Тамъ же.

[3]) Въ запискѣ безъ числа и мѣсяца. Государственный Архивъ, V, д. № 85. Записка эта напечатана П. С. Лебедевымъ въ его книгѣ: *Графы Н. и П. Панины*, изд. 1863 г., стр. 321.

слѣднему, чтобы онъ просился на обѣщаніе куда хочетъ, кромѣ Москвы и Казани [1]).

Тѣмъ не менѣе, не желая оставаться въ подозрѣніи, преосвященный Веніаминъ старался оправдаться, но всѣ усилія его оставались долгое время тщетны. Прошелъ почти мѣсяцъ со дня его заключенія. Пугачевъ и всѣ главнѣйшіе его сообщники были взяты и доставлены въ Москву; туда же отправлены и всѣ обвинители казанскаго архіерея. Веніаминъ просилъ дать ему очную ставку съ клеветниками, но ему отказывали; онъ писалъ письмо графу П. И. Панину [2]), прося его спросить самого Пугачева, получилъ-ли онъ какой-либо подарокъ во время его пребыванія подъ Казанью, но и эта просьба долгое время оставалась неисполненною. Тогда Веніаминъ успѣлъ отправить черезъ чиновника своей канцеляріи Петра Васильева донесеніе св. Синоду, въ которомъ просилъ, чтобы «я по старости своей въ безвинномъ заключеніи не окончилъ жизнь свою, ибо я имѣюсь отъ того въ несносной печали и болѣзни, доложить ея императорскому величеству и испросить, чтобы повелѣно было для принесенія оправданія явиться мнѣ хотя съ предписаннымъ дьякономъ передъ лицо ея величества, понеже я справедливаго разсмотрѣнія и рѣшенія, той напрасно взнесенной на меня клеветы, кромѣ сердцевѣдца Бога и ея императорскаго величества отъ реченной коммиссіи (секретной) быть не уповаю [3]).

Синодъ исполнилъ просьбу старца, доложилъ императрицѣ, и донесеніе Веніамина было отправлено въ Москву, въ тайную экспедицію. Тамъ 3-го января 1775 года снова допрашивали Илью Аристова, который показалъ, что никакого посланнаго къ Пугачеву не видалъ; «что на учиненномъ ему въ нижегородской губернской канцеляріи допросѣ» не утверждается, затѣмъ, что объявленное отъ него показаніе произошло отъ нестерпимости побой, что его раздѣтаго били въ три палки, принимаясь два раза же-

---

[1]) Письмо Екатерины II. Потемкину отъ 12 ноября 1774 г. *Русская Старина*, 1875 г., т. XIII, стр. 125.

[2]) Отъ 7 ноября 1774 г. *Русская Старина*, 1870 г., т. II, 413.

[3]) Донесеніе Веніамина св. Синоду 15 ноября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, *г*, № 468.

стоко, причемъ, его спрашивали, не былъ-ли кто у злодѣя съ подарками и не подсылалъ-ли казанскій архіерей Пугачеву денегъ? На что онъ, Аристовъ, хотя и показывалъ, что того не знаетъ, но послѣ, какъ его стали о томъ выспрашивать подъ битьемъ палками, то не стерпя онаго наказанія и показалъ напрасно» [1]).

Привели въ тайную экспедицію Огородникова, о которомъ преосвященный Веніаминъ, за долго до разоренія Казани мятежниками, три раза представлялъ секретной коммиссіи, какъ о раскольникѣ и человѣкѣ крайне подозрительномъ и имѣвшемъ тайныя сношенія съ мятежниками. На вопросъ, видѣлъ-ли онъ кого изъ пріѣзжавшихъ къ Пугачеву во время штурма Казани, Огородниковъ отвѣчалъ, что никого не видалъ. При этомъ онъ заявилъ, что и на очной ставкѣ съ Аристовымъ въ казанской секретной коммиссіи также показывалъ, что никого не видалъ, «но какъ потомъ его стали сѣчь и сѣкли жестоко въ кольцахъ плетьми, то онъ по нестерпимости того наказанія и подтвердилъ показаніе Аристова».

Спрошенный Степанъ Львовъ также говорилъ, что все его показаніе ложно и вымышлено.

— На дьякона Алексѣя Іонина показалъ я не по причинѣ злобы или ссоры какой, но думая, что ежели точно архіерей посылалъ къ злодѣю деньги, то нельзя ему не знать (ибо онъ архіереемъ безмѣрно любимъ). И такъ, можетъ быть поступая при допросѣ праводушно, скажетъ онъ (Іонинъ) истинно кто былъ посланъ къ злодѣю, а тогда и я оправдаюсь. Но что его превосходительству П. С. Потемкину не открылся я въ истинѣ, когда онъ вызвавъ меня спрашивалъ, тому причиной, что когда дьякона Іонина допрашивали, то между прочимъ подпоручикъ Николай Ивановъ (Горчаковъ) говорилъ: вотъ ужъ Павелъ Сергѣевичъ пріѣдетъ, онъ дастъ тебѣ не знаю; то я тутъ записалъ въ памяти, что, конечно, генералъ страшнѣе допрашиваетъ, что онъ имъ грозитъ.

На вопросъ, сдѣланный въ тайной экспедиціи Іонину, зачѣмъ онъ показалъ небылицу и взвелъ обвиненіе на себя и на архіе-

[1]) Показаніе Аристова 3-го января 1775 года. Госуд. Арх., VI, д. № 468.

рея, дьяконъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это «со страху, побоясь жестокихъ побой».

На очной ставкѣ Пугачева съ С. Львовымъ, самозванецъ заявилъ, что его не знаетъ, что подъ Казанью отъ архіерея въ кошелькѣ денегъ никто ему не привозилъ и съ позолотою тарелки «во все время его злодѣйства» у него не было. Казаки Перфильевъ, Чумаковъ и дворецкій самозванца казакъ Фофановъ подтвердили показаніе Пугачева. Невинность архіепископа Веніамина была очевидна, и положеніе П. Потемкина было крайне непріятно. Допросамъ казанской секретной коммиссіи не стали вѣрить и многихъ обвиняемыхъ переспрашивали вновь, а между тѣмъ время проходило и наступилъ уже четвертый мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ Веніаминъ былъ арестованъ въ своей кельѣ. Императрица Екатерина спѣшила исправить неумѣстную ретивость уполномоченнаго ею предсѣдателя секретной коммиссіи.

«Дознавъ твердо, писала она Синоду [1]), невиновность преосвященнаго Веніамина, архіепископа казанскаго, по дѣламъ о мятежѣ тамошняго края, гдѣ онъ нагло обнесенъ былъ бездѣльникомъ Аристовымъ, въ награжденіе его добродѣтелей, удовлетворяя тѣмъ и самое правосудіе, всемилостивѣйше повелѣваемъ мы именоваться ему отнынѣ *митрополитомъ казанскимъ* и носить по обычаю бѣлый клобукъ».

«Покройте почтенную главу вашу, писала императрица въ тотъ же день Веніамину [2]), симъ отличнымъ знакомъ чести (клобукомъ); да будетъ онъ для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить, по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ того края».

Только въ началѣ февраля письмо императрицы дошло до Веніамина. Маститый старецъ въ тотъ же день благодарилъ Екатерину за то, что она воскресила его отъ гроба, возвратила ему жизнь, посвященную въ теченіе 53-хъ-лѣтней службы непоколебимой

[1]) Въ указѣ отъ 26-го января 1775 г. См. *Сборникъ древностей Казанской епархіи*, стр. 110.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 26 января 1775 г.

преданности престолу и пользѣ отечества. Покрывая главу свою бѣлымъ клобукомъ, Веніаминъ писалъ императрицѣ [1]), что «до послѣдняго моего издыханія Вышняго молить не престану день и ночь, да сохранитъ дражайшую жизнь вашу за столь сердобольное сохраненіе моей, до позднѣйшихъ человѣку возможныхъ лѣтъ, да ниспошлетъ съ высоты святыя своей, на вѣнценосную главу вашу вся благословенія, коими древле ублагословленъ былъ Соломонъ. Крѣпкая десница Господа силъ да отвращаетъ во вся дни живота отъ превожделѣннаго здравія вашего недуги, отъ неусыпныхъ трудовъ — утомленіе, отъ возрастающей и процвѣтающей славы — зависть и злобу; да будетъ домъ, держава и престолъ вашъ, яко дніе неба [2])».

Виновникъ клеветы на архіерея Илья Аристовъ битъ кнутомъ въ Москвѣ и отправленъ въ Казань для вторичнаго наказанія, и затѣмъ назначенъ въ Рогервикъ въ каторжную работу. Огородниковъ написанъ въ солдаты, а Львовъ и Іонинъ освобождены и возвращены къ своимъ должностямъ.

Отправляя Аристова въ Казань, генералъ-прокуроръ князь Вяземскій писалъ казанскому губернатору, князю П. С. Мещерскому [3]): «Ея императорское величество, изъ природнаго своего человѣколюбія, высочайше повелѣть мнѣ соизволила къ вамъ секретнѣйше отписать, чтобы вы, какъ получите объ учиненіи объявленнаго наказанія Аристову, сказали о томъ, какъ бы отъ себя самого, казанскому митрополиту, что-де онаго Аристова ея величество наказать повелѣла большею частію за ложную на него клевету, а инаково бы онъ, по другимъ его продерзостямъ, до такого злого жребія не дошелъ. Итакъ, остается въ волѣ его великодушно спасти сего пасквильника отъ такого наказанія. Буде

---

[1]) Въ письмѣ отъ 6-го февраля 1775 года.

[2]) Изъ приведеннаго видно насколько прежнія описанія этого событія не полны или невѣрны. Г. Р. Державинъ, въ своихъ запискахъ, назвалъ Веніамина хитрымъ пастыремъ и, по свойственной ему поспѣшности и пристрастію въ приговорахъ, оставилъ Веніамина въ подозрѣніи человѣка, ловко вывернувшагося изъ бѣды. П. С. Лебедевъ въ своей книгѣ (*графы Панины*) по попавшимся ему въ руки двумъ письмамъ, сдѣлалъ заключеніе, но ложное, объ этомъ историческомъ фактѣ. Такъ поступали и многіе другіе авторы.

[3]) Въ письмѣ, отъ 6 февраля 1775 года. Госуд. Арх., VI, д. № 468.

на сіе оный митрополитъ скажетъ вамъ, что онъ погрѣшенія онаго Аристова ему прощаетъ и просить васъ будетъ, чтобы Аристова не наказывать, то вы въ такомъ случаѣ можете у него взять письменное на имя ваше объявленіе, онаго Аристова отъ наказанія избавьте, а пошлите его въ назначенное мѣсто въ ссылку. Буде же митрополитъ прощенія ему не сдѣлаетъ, то въ такомъ случаѣ и объявленное наказаніе учинить прикажите, *однако съ умѣреннымъ человѣколюбіемъ* и что по сему сдѣлано будетъ, прошу меня, какъ наискорѣе увѣдомить».

Нечего и говорить о томъ, что Веніаминъ простилъ своего клеветника и Аристовъ, безъ наказанія въ Казани, былъ отправленъ въ Рогервикъ [1]).

XIX.

Слѣдствіе и судъ надъ Пугачевымъ и его сообщниками. — Разъясненіе вопроса: было-ли чужестранное вліяніе въ происшедшемъ волненіи. — Манифестъ императрицы о происхожденіи дѣлъ злодѣя Пугачева. — Постановленіе приговора. — Казнь Пугачева и его ближайшихъ сообщниковъ. — Прощеніе казаковъ, его выдавшихъ, и ссылка ихъ въ Рижскую губернію.

Одновременно съ разъясненіемъ степени участія казанскаго архіепископа Веніамина въ сношеніяхъ съ самозванцемъ, императрицу интересовалъ вопросъ о томъ, не было-ли чужестраннаго вліянія во всѣхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ Пугачева, какъ человѣка бывшаго въ Польшѣ, и, по возвращеніи оттуда, принявшаго на себя имя императора Петра III.

Подобное вліяніе казалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что въ октябрѣ 1774 года были получены въ Петербургѣ копіи съ писемъ извѣстной самозванки Таракановой къ султану и верховному визирю.

Принцесса Елисавета, дочь покойной Россійской императрицы Елисаветы, сообщала верховному визирю [2]), что она приняла твер-

[1]) Письмо князя Платона Степановича Мещерскаго князю А. А. Вяземскому отъ 24 февраля 1775 г., Госуд. Арх., VI, д. № 468.

[2]) Въ письмѣ отъ 13 (24) августа 1774 г. Москов. Арх. Министер. Иностран. дѣлъ.

дое намѣреніе отправиться въ Константинополь, чтобы познакомить Блистательную Порту съ важностью того, о чемъ она намѣрена говорить съ султаномъ. Она предупреждала верховнаго визиря, что вмѣстѣ съ симъ написала объ этомъ Пугачеву, *«сыну Разумовскаго»*, обнадежила его помощью и убѣждена, что визирь обратитъ вниманіе на успѣхъ его оружія. Самозванная принцесса выражала увѣренность, что визирь воспользуется столь замѣчательной эпохой, составитъ себѣ громкое имя и окажетъ помощь сыну Разумовскаго и принцессѣ, которая предъявляетъ свои законныя права на престолъ съ тѣмъ, чтобы составить счастіе людямъ, имѣющимъ на то право по природѣ.

Прося покровительства султана, Елисавета сообщала ему, что переѣхала изъ Венеціи въ Рагузу вмѣстѣ съ княземъ Радзивиломъ, палатиномъ Вильны, и удивляется, что до сихъ поръ нѣтъ фирмана, разрѣшающаго ей отправиться въ Константинополь. Мужество Радзивила, писала самозванка [1]), «и его преданность къ вашему величеству достаточно сильныя причины, чтобы можно было отказать ему въ помощи въ его благородныхъ предпріятіяхъ все покинуть, отдать все за свое отечество и остаться при твердомъ рѣшеніи побѣдить или умереть. Принцесса не могла отказаться отъ такого прекраснаго рѣшенія, которое должно служить примѣромъ Польшѣ».

Самозванка предлагала султану усилить свои войска и заключить союзъ съ Елисаветою II, но съ тѣмъ, чтобы обѣ державы поддерживали Польшу въ ея старинныхъ правахъ и предѣлахъ. Она увѣряла, что къ ихъ союзу присоединится и Швеція, если будутъ уступлены нѣкоторыя провинціи, принадлежавшія ей прежде. Есть еще много другихъ вопросовъ, говорилось въ письмѣ, но ихъ неудобно излагать на бумагѣ, а лучше обсудить на словахъ по прибытіи принцессы въ Константинополь.

По словамъ писавшей, успѣхи Пугачева и внутреннее положеніе Россіи были таковы, что Турція должна была пользоваться случаемъ и извлекать выгоды, какихъ она въ будущемъ никогда имѣть не будетъ. Самозванка просила Порту *отвергнуть всѣ*

---

[1]) Въ письмѣ султану отъ 13 (24) августа. Моск. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ.

предложенія мира и не входить въ сношеніе съ Россіею до ея прибытія въ Константинополь. «Было бы постыдно, писала она, такой сильной державѣ, какъ великаго султана, заключить миръ, не достигнувъ своей цѣли и не бывъ удовлетвореннымъ вполнѣ».

Миръ однакоже былъ заключенъ еще ранѣе этого письма. Интрига въ Константинополѣ не удалась, но для русскаго правительства было весьма важно выяснить, было-ли на самомъ дѣлѣ въ пугачевскомъ движеніи иностранное вліяніе или нѣтъ? Вліяніе это считалось многими дѣломъ весьма возможнымъ и какъ бы подтверждалось донесеніями и письмами разныхъ лицъ, находившихся за границею.

«Что вы пишете о Пугачевѣ, сообщалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ Г. А. Потемкину [1]), что посланный казакъ Перфильевъ, съ товарищами своими, обѣщался его выдать и съ сообщниками первоначальными его, я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, если-бъ оный злодѣй былъ искорененъ какимъ бы нибудь образомъ; а лучше бы желалъ, если бы оной въ-живѣ былъ пойманъ и какъ возможно продолжительную и примѣрную казнь надъ нимъ бы сдѣлать должно. *Я все еще подозрѣваю, и причины имѣю подозрѣвать, не французы-ли этой шутки причина?* Я въ бытность мою въ Петербургѣ осмѣлился докладывать, но мнѣ не вѣрили. Итакъ, буде бы оный злодѣй пойманъ былъ, не дурно бы было разспросить его о всѣхъ обстоятельствахъ и нѣтъ-ли при немъ кого изъ чужестранныхъ? А какъ вы на мѣстѣ, то можете лучше дѣло знать и по оному поступать; я только то знаю, что для нашего отечества великіе недоброхоты французы».

На вопросъ: *было-ли чужестранное вліяніе на дѣйствія мятежниковъ*, Пугачевъ и его сообщники отвѣчали отрицательно.

«Никогда, говорилъ Иванъ Твороговъ [2]), не только не случалось мнѣ видѣть, но ниже слышать, чтобы злодѣй имѣлъ съ кѣмъ изъ чужестранныхъ или съ съ здѣшними раскольниками, купцами

---

[1]) Въ письмѣ изъ Пизы отъ 25 сентября 1774 г. Московскій Арх. Глав. Шт., опись 194, св. 32.

[2]) Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 505.

и старцами какую переписку, равно какъ и того, чтобы надѣялся на помощь чью-нибудь».

Пугачевъ также заявилъ, что никакой посторонней (чужестранной) помощи не имѣлъ [1]).

— Да и на что-де мнѣ? говорилъ онъ; я и такъ столько людей имѣлъ, сколько для меня потребно, только людъ-то не регулярный.

«Иностраннаго ни одного человѣка я не видѣлъ, показывалъ Иванъ Почиталинъ [2]), да и быть не можно для того, что Пугачевъ просвѣщенныхъ отличнымъ разумомъ людей жестоко подозрѣвалъ. А о помощи иностранной, кромѣ того, какъ писалъ киргизъ-кайсацкому хану, ни откуда не требовалъ. Въ толпѣ самозванца было нѣсколько конфедератовъ, но они не были въ чести, не исполняли должностей, а служили на ряду съ прочими казаками».

«При самозванцѣ, показывалъ Максимъ Горшковъ [3]), никого изъ иностранцевъ не было, кромѣ нѣсколькихъ польскихъ конфедератовъ, бывшихъ рядовыми».

Максимъ Шигаевъ и Тимоѳей Мясниковъ точно также отрицали постороннее вліяніе.

«Изъ всѣхъ подносимыхъ здѣсь въ копіи допросовъ, писала оренбургская секретная коммиссія [4]), а равно и изъ прежнихъ произведенныхъ слѣдствій, коммиссія иначе не заключаетъ, какъ что извергъ Пугачевъ успѣлъ въ злодѣйскомъ своемъ замыслѣ и предпріятіи съ помощью однихъ только яицкихъ казаковъ, а впрочемъ не имѣлъ онъ ни руководства посторонняго, ни помощи».

При разбитіи мятежниковъ у Сальникова завода Михельсонъ отбилъ голштинское знамя Дельвигова драгунскаго полка. Какимъ образомъ знамя это досталось Пугачеву—было загадкою для всѣхъ.

Въ 1762 году, при вступленіи императрицы Екатерины на

---

[1]) Рапортъ капитана Маврина генералу П. Потемкину отъ 15 сентября 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 490. *Записки Академіи наукъ*, т. XXV, прилож. 4, стр. 72.

[2]) Въ показаніи 8 мая 1774 г. Государ. Архивъ, VI, д. № 506.

[3]) Отъ 8 мая 1774 г. Тамъ же.

[4]) Во всеподдан. донесеніи отъ 21 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 508 (2).

престолъ голштинскія войска были расформированы и знамена ихъ, въ числѣ 11 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ штандартовъ, отосланы въ коммиссаріатъ на храненіе [1]). Являлась мысль, что одинъ изъ штандартовъ былъ украденъ и доставленъ Пугачеву, для бо́льшаго убѣжденія толпы, что онъ истинный Петръ III, а не самозванецъ. На вопросъ, откуда онъ взялъ этотъ штандартъ, Пугачевъ отвѣчалъ, что при разбитіи подъ Дубовкою легкой полевой команды Дица, были найдены Перфильевымъ два сундучка, въ которыхъ находились знамена: одно съ чернымъ гербомъ, а другое то, которое ему теперь предъявлено [2]).

Интересуясь мельчайшими подробностями возстанія, императрица Екатерина просила московскаго главнокомандующаго при допросахъ не прибѣгать къ пыткамъ. «Для Бога, писала она [3]), удержитесь отъ всякаго рода *пристрастныхъ вопросовъ, всегда затемняющихъ истину*». Императрица поручила князю Волконскому беречь и не изнурять колодниковъ, чтобы преждевременная смерть ихъ не лишила правительство возможности разъяснить подробности бунта, а съ другой стороны, чтобы и преступники не избѣгли заслуженнаго ими публичнаго наказанія.

«Ея императорскому величеству извѣстно по дѣламъ, писалъ князь А. А. Вяземскій [4]), что нѣкоторые приличившіеся въ важныхъ преступленіяхъ колодники отъ изнурительнаго ихъ содержанія умираютъ, и для того высочайше повелѣть мнѣ соизволила сіе на примѣчаніе къ вашему сіятельству отписать, касательно Пугачева и его сообщниковъ, дабы въ содержаніи оныхъ употреблена была вся возможная осторожность для того, чтобы и съ ними того же приключиться не могло, тѣмъ болѣе, что П. С. Потемкинъ, по пріѣздѣ въ Москву, гораздо слабѣе его нашелъ противъ того, каковъ онъ изъ Симбирска былъ отправленъ. Было бы весьма непріятно ея величеству, если бы кто изъ важныхъ пре-

---

[1]) Государ. Арх., VI, д. № 587.

[2]) Показаніе Пугачева 8 ноября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

[3]) Въ письмѣ князю Волконскому отъ 10 октября 1774 г. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 129.

[4]) Князю М. Н. Волконскому въ письмѣ отъ 12 декабря 1774 г. Государствен. Архивъ, VI, д. № 512.

ступниковъ, а паче злодѣй Пугачевъ, отъ какого изнуренія умеръ и избѣгнулъ тѣмъ заслуженнаго по злымъ своимъ дѣламъ наказанія».

«Имѣю честь вашему сіятельству донести, отвѣчалъ на это князь Волконскій [1]), что во все время правленія моего тайною экспедиціею, кромѣ одного, да и то пустого колодника въ содержаніи не умерло. Равно и по коммиссіи о злодѣѣ не только всѣ живы, но и здоровы, какъ и самый злодѣй. Но что онъ сталъ хуже, то натурально: первое, что онъ былъ все въ движеніи, а теперь на одномъ мѣстѣ; второе, сколько онъ ни безсовѣстенъ и ни глупъ бы былъ, но однакожь нельзя тому быть, чтобъ не устрашали его мерзкую душу содѣланныя имъ злодѣйства, а за оныя не ожидалъ бы онъ по всѣмъ законамъ отмщенія. Однакожь, при всемъ томъ онъ не всегда унылъ, а случалось, что онъ и смѣется. Да и вчера Шешковскому сказалъ, что онъ всемилостивѣйшей государынѣ вины свои заслужитъ; а нѣкогда говорилъ же ему, чтобъ закласть его въ столбъ. Чего ради ваше сіятельство покорно прошу объ ономъ и ея императорскому величеству всеподданнѣйше доложить».

Въ началѣ декабря слѣдствіе надъ преступниками, производимое княземъ Волконскимъ, П. С. Потемкинымъ и Шешковскимъ, было окончено и отправлено въ Петербургъ. 20-го декабря былъ публикованъ въ столицѣ подписанный наканунѣ императрицею манифестъ [2]), по которому Пугачевъ и его сообщники предавались суду соединеннаго присутствія Сената, членовъ Синода, президентовъ всѣхъ коллегій и особъ первыхъ трехъ классовъ въ Москвѣ находившихся. Веденіе всего дѣла возлагалось на генералъ-прокурора князя Вяземскаго, который 21-го декабря выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву.

«Пожалуй, писала при этомъ императрица князю Волконскому [3]), помогайте всѣмъ внушить умѣренность, какъ въ числѣ, такъ и въ казни преступниковъ. Противное человѣколюбію моему прискорбно будетъ. Не должно быть лихимъ для того, что съ варварами дѣло имѣемъ».

---

[1]) Князю Вяземскому въ письмѣ отъ 18 декабря 1774 г.

[2]) Манифестъ этотъ напечатанъ въ *Соч. Пушкина*, изд. 1881 г., т. VI, ч. II, 195.

[3]) Въ письмѣ отъ 1 января 1775 г. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 139.

предъидущаго собранія, а затѣмъ судъ слушалъ донесеніе коммиссіи, заявившей, что всѣ обвиняемые объявили, что къ допросамъ, кромѣ показаннаго, ничего прибавить не могутъ. «А потомъ, доносилъ князь Вяземскій [1]), по совѣту моему, Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ выходилъ изъ собранія, чтобы осмотрѣть злодѣя, въ какомъ онъ состояніи и приказать привести въ ближайшую комнату и тамъ обождать, дабы по его робкому характеру впущеніемъ вдругъ въ собраніе не сдѣлалось ему припадка».

Черезъ четверть часа послѣ того Пугачевъ былъ введенъ въ комнату присутствія и палъ на колѣни.

Князь А. А. Вяземскій обратился тогда къ подсудимому съ слѣдующими вопросами:

1) Ты-ли Зимовейской станицы бѣглый донской казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ?

2) Ты-ли, по побѣгѣ съ Дона, шатаясь по разнымъ мѣстамъ, былъ на Яикѣ и сначала подговаривалъ яицкихъ казаковъ къ побѣгу на Кубань, потомъ назвалъ себя покойнымъ государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ?

3) Ты-ли содержался въ Казани въ острогѣ?

4) Ты-ли, ушедъ изъ Казани, принялъ публично имя покойнаго императора Петра III, собралъ шайку подобныхъ злодѣевъ и съ оною осаждалъ Оренбургъ, выжегъ Казань и дѣлалъ разныя государству разоренія, сражался съ вѣрными ея императорскаго величества войсками и наконецъ артелью твоею связанъ и отданъ правосудію ея императорскаго величества, такъ какъ въ допросѣ твоемъ обо всемъ обстоятельно отъ тебя показано?

5) Не имѣешь-ли сверхъ показаннаго тобою еще чего объявить?

Пугачевъ отвѣчалъ на все утвердительно и прибавилъ, что сверхъ показаннаго въ допросахъ ничего объявить не можетъ [2]).

— Имѣешь-ли, спросилъ князь Вяземскій, — чистосердечное раскаяніе во всѣхъ содѣянныхъ тобою преступленіяхъ?

— Каюсь Богу, проговорилъ Пугачевъ, всемилостивѣйшей государынѣ и всему роду христіанскому.

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Вяземскаго отъ 1 января 1775 г. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

[2]) Протоколъ Сената 31 декабря 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 515.

По выводѣ самозванца изъ присутствія началось чтеніе подходящихъ статей закона и опредѣленіе наказанія виновнымъ. Въ концѣ засѣданія члены Синода объявили, что вообще соглашаясь съ опредѣленіемъ суда о степени наказанія каждаго изъ подсудимыхъ, они, какъ лица духовныя, «сентенціи» подписать не могутъ.

Черезъ нѣсколько дней приговоръ былъ составленъ и отправленъ на утвержденіе въ Петербургъ съ Д. В. Волковымъ. «Прискорбно будетъ, писалъ при этомъ кн. Вяземскій императрицѣ, щедролюбивой и милосердой самодержицѣ читать казни злодѣямъ предписанныя и, разсуждая по единому человѣчеству, сокрушается сердце вашего величества. Но какъ за содѣянныя преступленія казнь злодѣямъ неизбѣжна, то старались мы елико возможно подражать безпримѣрному монаршему человѣколюбію. Что же въ сентенціи упоминается о наложницѣ злодѣя Пугачева, то сіе внести разсуждено потому, что вся публика о ней извѣстна, а для сего и не можно оставить въ молчаніи.»

Въ шестомъ часу вечера 8-го января князь Вяземскій получилъ рескриптъ императрицы о приведеніи приговора въ исполненіе и письмо Г. А. Потемкина, сообщавшаго, что дворъ собирается къ отъѣзду въ Москву. Зная желаніе императрицы пріѣхать въ первопрестольную столицу по окончаніи дѣятельности суда, кн. Вяземскій пригласилъ его членовъ собраться 9-го января въ 9 часовъ утра для подписанія сентенціи [1]), по которой положено было: Пугачева четвертовать; голову воткнуть на колъ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города и положить на колеса, а послѣ на тѣхъ мѣстахъ сжечь. Яицкаго сотника Аѳанасія Перфильева также четвертовать; казаковъ: Максима Шигаева, Падурова [2]) и Василія Торнова (онъ же Персіяниновъ) повѣсить въ Москвѣ; Ивана

[1]) Письмо князя Вяземскаго Г. А. Потемкину 9 января 1775 г. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества.

[2]) Тимофѣй Падуровъ былъ депутатомъ въ коммиссіи по составленію Уложенія и по своему званію долженъ бы былъ избавиться отъ смертной казни, но не смотря на заявленіе о томъ князя Вяземскаго судъ приговорилъ его къ смерти. Члены суда заявили, «что по силѣ обряда о выборѣ депутатовъ освобождаются отъ наказанія и смертной казни тѣ, кои дѣйствительно при дѣлѣ трудились и ихъ имена находятся въ подпискѣ въ какой ни есть части проекта, а онъ (Падуровъ) по депутатству ни въ чемъ не упражнялся». (Всеподд. донесеніе кн. Вяземскаго отъ 1 января 1775 г. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества).

Чику (онъ же Зарубинъ и самозванный графъ Чернышевъ) отвезти въ Уфу, гдѣ «отсѣчь голову и взоткнуть ее на колъ для всенароднаго зрѣлища, а трупъ его сжечь съ эшафотомъ купно». «Я никогда, писалъ П. Потемкинъ императрицѣ [1]), не могъ вообразить толь злого сотворенія быть въ природѣ. Черезъ три дня находясь въ покаянной, нарочно мною сдѣланной, гдѣ въ страшной темнотѣ ничего не видать, кромѣ единаго образа, передъ которымъ горящая находится лампада, увѣщевалъ я его (Чику) всѣми образами убѣжденія и совѣсти, но ничего истиннаго найтить не могъ».

Затѣмъ изъ остальныхъ подсудимыхъ: 8 человѣкъ приговорены къ наказанію кнутомъ и по вырваніи ноздрей къ отправленію на каторгу, 10 человѣкъ высѣчь кнутомъ и по вырваніи ноздрей отправить на поселеніе; 4 человѣка высѣчь плетьми; подпоручикъ Михайло Шванович лишенъ чиновъ и дворянства; инвалидной команды прапорщикъ Юматовъ лишенъ чиновъ, Астраханскаго коннаго полка сотникъ и депутатъ Василій Горскій депутатскаго достоинства и названія. Обѣихъ женъ Пугачева постановлено «удалить», по распоряженію Сената [2]), а остальныхъ 9 человѣкъ яицкихъ казаковъ, содѣйствовавшихъ выдачѣ самозванца, простить [3]). Приговоръ привести въ исполненіе 10-го января.

«Какъ же небезъизвѣстно собранію, сказано въ сентенціи, что по опредѣленію Святѣйшаго Синода не токмо бунтовщикъ и самозванецъ Емелька Пугачевъ, но и всѣ его злодѣйскіе сообщники преданы вѣчному проклятію», то чтобы не лишить ихъ «при послѣднемъ концѣ своемъ законнаго покаянія во всѣхъ содѣянныхъ ими злодѣяніяхъ, предоставить преосвященному Самуилу, епископу

---

[1]) Государственный Архивъ, VI, д. № 489.

[2]) Софья Пугачева съ тремя дѣтьми (сыномъ Трофимомъ, дочерями Аграфеною и Христиною) и Устинья Кузнецова были отправлены въ Кексгольмскую крѣпость. 5 іюня 1803 года императоръ Александръ I, осматривая эту крѣпость, встрѣтилъ тамъ заключенныхъ и приказалъ освободить ихъ, дозволивъ жить въ городѣ, но подъ присмотромъ полиціи (Письмо Финляндскаго военнаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 11 іюня 1803 г. № 312).

[3]) Ивана Творогова, Ѳедора Чумакова, Василія Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Ѳедульева, Петра Пустобаева, Кузьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова. Полный текстъ сентенціи напечатанъ у Пушкина Т. VI, 201.

Крутицкому, поступить въ томъ по данному на сей случай наставленію отъ святѣйшаго синода».

Святѣйшій правительствующій синодъ, говорилось въ этомъ наставленіи [1]), уповая, что осужденные, «возчувствовавъ приближенную уже къ себѣ толь ужасную судьбу, возбудятся къ истинному о своихъ злодѣйствахъ раскаянію и сокрушенію; также вѣдая премилосердаго Бога, преклоняющагося къ помилованію приносящихъ оное въ сей жизни, а притомъ зная и безпримѣрное человѣколюбіе ея императорскаго величества нашей всемилостивѣйшей государыни, почитаетъ за долгъ свой воззрѣть на нихъ при послѣднихъ часахъ ихъ жизни и по расположенію сердецъ ихъ сдѣлать рѣшеніе согласно слову Бога глаголющаго: «*не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему*». На каковомъ основаніи св. правительствующій синодъ и опредѣлилъ вашему преосвященству предписать, чтобы вы, избравъ искуснѣйшаго изъ протопоповъ или священниковъ, который бы притомъ былъ житія честнаго и незазорнаго, поручили ему при исповѣди помянутыхъ злодѣевъ, съ довольными увѣщаніями испытать совѣсть каждаго, и которыхъ увидитъ прямо раскаявающихся въ своихъ преступленіяхъ о тѣхъ бы, не разрѣшая еще, представилъ вамъ. А вы тогда, въ силу сего опредѣленія, объявите имъ, что св. синодъ, убѣждаемъ принесеннымъ отъ нихъ милосердому Богу въ своихъ злодѣяніяхъ покаяніемъ, освобождаетъ ихъ по данной отъ Бога власти отъ проклятія, почему и духовнику дозвольте сдѣлать имъ уже разрѣшеніе и сподобить ихъ причастія святыхъ тайнъ».

Самуилъ избралъ московскаго Архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева, который заявилъ, что всѣ осужденные на смертную казнь, кромѣ Аѳанасія Перфильева, выказали ему истинное во всѣхъ своихъ преступленіяхъ раскаяніе. Всѣмъ имъ дано разрѣшеніе и причастіе, а «злодѣя Перфильева за его упорство и ожесточеніе въ своихъ злодѣяніяхъ, яко сущаго раскольника и до самой послѣдней минуты жизни своей въ своемъ окамененіи пребывшаго и всѣ спа-

[1]) Секретный указъ Синода Самуилу епископу Крутицкому и Можайскому, 19 декабря 1774 г. Арх. Синода, д. № 20.

сительныя средства ему предоставленныя отвергшаго, оставить связаннаго вѣчною анаѳемою [1]).»

Въ тотъ же день, 9-го января, въ Москвѣ появилось объявленіе полиціймейстера Архарова, въ которомъ было сказано, что завтра, въ 11 часовъ утра, «на Болотѣ главные преступники будутъ наказаны смертію, а прочіе по мѣрѣ преступленія наказаны. На другой же день, т.-е. 11-го числа сего мѣсяца, въ 10 часовъ пополуночи, на Ивановской площади передъ Краснымъ крыльцомъ будетъ объявлено всемилостивѣйшее ея императорскаго величества помилованіе тѣмъ преступникамъ, кои добровольно явились съ повинною, а нѣкоторые изъ нихъ предали и самого злодѣя законному правосудію [2])».

Съ утра 10-го января Москва пришла въ движеніе. Вся площадь на Болотѣ и дорога отъ Каменнаго моста были усыпаны народомъ. Въ назначенное время появились на улицѣ сани съ высокимъ помостомъ, на которомъ сидѣли Пугачевъ и Перфильевъ, а противъ нхъ священникъ въ ризахъ и съ крестомъ въ рукахъ и чиновникъ тайной экспедиціи. По свидѣтельству очевидца, Пугачевъ держалъ въ рукахъ «двѣ толстыя восковыя свѣчи изъ желтаго воска, который, отъ движенія оплывая, залѣплялъ ему руки [3])». Самозванецъ все время кланялся на обѣ стороны народу. «Всѣ смотрѣли на него съ пожирающими глазами, говоритъ Болотовъ [4]) и тихій шопотъ и гулъ оттого раздавались въ народѣ».

Посреди мѣста, оцѣпленнаго сплошь войсками, стоялъ эшафотъ аршина въ четыре высотой, съ довольно обширнымъ помостомъ, окруженнымъ баллюстрадой. Посреди помоста воздвигнутъ былъ столбъ, съ воздѣтымъ на него колесомъ, а на концѣ утверждена на немъ желѣзная острая спица. Въ разстояніи саженъ двадцати противъ каждой изъ трехъ сторонъ были поставлены висѣлицы, у которыхъ стояли палачи и преступники обреченные на повѣшеніе; у подножія эшафота лежало нѣсколько скованныхъ

---

[1]) Рапортъ Самуила Св. Синоду 11 января 1775 г. № 293. Арх. Синода, д. № 20.
[2]) Опредѣленіе Сената 9 января 1775 г. Госуд. Арх., VI, д. № 515.
[3]) Преданіе о казни Пугачева. *Русскій Архивъ* 1877 года, т. II, 204.
[4]) *Записки Болотова* Ч. III, 488.

преступниковъ, сообщниковъ самозванца, приведенныхъ для присутствованія при казни.

Возведенные на эшафотъ, Пугачевъ и Перфильевъ должны были выслушать длинную сентенцію, чтеніе которой продолжалось весьма долго.

При произнесеніи чтецомъ имени самозванца и станицы, гдѣ онъ родился, находившійся у эшафота верхомъ на лошади московскій оберъ-полиціймейстеръ Архаровъ громко спросилъ его:

— Ты ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?

— Такъ, государь, отвѣчалъ спрошенный, я донской казакъ Зимовейской станицы Емелька Пугачевъ.

Пугачевъ былъ въ длинномъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ, стоялъ почти въ онѣменіи и только крестился и молился. «Видъ и образъ его, замѣчаетъ, Болотовъ, показался мнѣ совсѣмъ несоотвѣтствующимъ такимъ дѣяніямъ, какія производилъ сей извергъ. Онъ походилъ не столько на звѣрообразнаго какого-нибудь лютаго разбойника, какъ на какого либо маркитантишка или харчевника плюгаваго. Бородка небольшая, волосы всклокоченные и весь видъ ничего незначущій [1])».

Сподвижникъ его, Аѳанасій Перфильевъ, стоялъ все время молча, неподвижно и потупя глаза въ землю. — Это былъ человѣкъ небольшого роста, сутулый, рябой и «свирѣповидный».

«По прочтеніи манифеста, говоритъ И. И. Дмитріевъ [2]), духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ (сентенцію) послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ сдѣлалъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратясь къ соборамъ; потомъ съ утороплеинымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: *прости, народъ православный, отпусти мнѣ въ чемъ я согрубилъ передъ тобою; прости, народъ православный*». При этомъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его: сорвали бѣлый бараній тулупъ, стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда

---

[1]) Болотовъ. *Записки* Т. III, стр. 490.

[2]) *Взглядъ на мою жизнь* И. И. Дмитріева, изд. 1866 г., стр. 28 и 29. *Соч. Пушкина*, т. VI, изд. 1881 г. Приложеніе, стр. 169.

онъ, всплеснувъ руками, опрокинулся навзничъ и въ мигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ».

По приговору, Пугачеву должны были отрубить сначала руки и ноги, а потомъ голову, но палачъ отрубилъ ему прежде всего голову, и «Богу уже извѣстно какимъ образомъ это сдѣлалось [1])». Среди толпы зрителей раздался глухой шумъ и слышались отдѣльные голоса: «вотъ тебѣ корона, вотъ и престолъ [2])». Части тѣла четвертованныхъ преступниковъ разнесены были по четыремъ частямъ города и положенныя на колеса оставались въ такомъ положеніи въ теченіе двухъ сутокъ. 12 января колеса вмѣстѣ съ тѣлами, сани, на которыхъ везли преступниковъ и эшафотъ были сожжены [3]).

На другой день послѣ казни, т.-е. 11 января, на Красномъ крыльцѣ, въ присутствіи генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, было объявлено прощеніе девяти лицамъ. Имъ прочитали «Объявленіе прощаемымъ преступникамъ [4])», въ которомъ въ краткихъ словахъ была изложена картина ихъ преступленій и высказано, что только неслыханное и неизреченное милосердіе императрицы избавляетъ ихъ не только отъ смерти, но и отъ всякаго наказанія. «Да снимутся съ васъ оковы! сказано въ заключеніи. Пріобщитесь къ вѣрноподданнымъ, впечатлѣйте сіе милосердіе въ сердца ваши, внѣдрите потомкамъ своимъ, и падъ предъ Всевышнимъ Господомъ Богомъ, возсылайте моленіе за спасающую васъ Его Помазанницу. Благодарите искренно и дарованною вамъ жизнію жертвуйте ей и отечеству, дабы достойно воспріять имя ея вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ отечества».

Оковы были сняты и освобожденные выражали видимое довольство. На сколько велика была толпа, собравшаяся посмотрѣть

---

[1]) Пушкинъ говоритъ, что дано было тайное приказаніе сократить мученія преступниковъ; но на чемъ основаны эти слова—намъ неизвѣстно. Болотовъ же сообщаетъ какъ экзекуторъ бранилъ за это палача. Въ *Чтеніяхъ общества исторіи и древностей* (1860 г., кн. II, стр. 81) помѣщено письмо о казни Пугачева, но въ немъ Перфильевъ ошибочно названъ Панфиловымъ.

[2]) Письмо князя Вяземскаго Г. А. Потемкину 11 января 1775 г. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества.

[3]) Рапорты Архарова князю Волконскому и Сенату отъ 13 января 1775 г. №№ 37 и 38. Госуд. Арх., VI, д., № 515. Письмо князя Вяземскаго Г. А. Потемкину 13 января. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества.

[4]) Объявленіе это въ полномъ его объемѣ напечатано у Пушкина, т. VI, 218.

на казнь Пугачева, на столько же, по словамъ князя Вяземскаго, «при объявленіи милости было мало: доказываетъ сей случай каковы еще мы!»

Прощенные не были, однако, возвращены въ свои дома. Ихъ приказано было отправить на поселеніе въ Новороссійскую губернію, съ тѣмъ, чтобы удалить отъ прежнихъ жительствъ и доставить лучшій присмотръ. Управлявшій въ то время Новороссійскою губерніею Г. А. Потемкинъ нашелъ неудобнымъ принять ихъ къ себѣ, и они были отправлены для поселенія къ рижскому губернатору съ тѣмъ, «чтобы они внутрь Россіи ни для чего отпускаемы, до будущаго указа, не были, да и яицкими казаками себя во всю жизнь свою не называли, а именовались бы переведенцами. Въ подушный окладъ ихъ не писать, такъ и оброковъ съ нихъ никакихъ не брать [1])».

Такъ окончились безпорядки, охватившіе почти половину Россіи и продолжавшіеся цѣлый годъ. Спустя нѣсколько дней послѣ казни, императрица Екатерина II пріѣхала въ Москву и рядомъ блестящихъ праздниковъ, по случаю заключенія мира съ Турціею, заглушила впечатлѣніе, произведенное наказаніемъ преступниковъ.

[1]) Письмо кн. Вяземскаго губернатору Броуну 28 февраля 1775 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 515.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СѴНОДЪ.

Православныя Всероссійскія Церкве Архимандритамъ, Игуменамъ, Пресвитерамъ, Діаконамъ, Монашествующимъ и всему причту, желаетъ благословенія отъ Всевышняго, ко исполненію ихъ должности.

Аще когда, но нынѣ наипаче обязаны вы вспомнить долгъ вашъ. Вообразите оный часъ, въ которой вы приступая къ престолу Бога дали клятву сему Всевышнему существу, тако пещись о врученной вамъ паствѣ, какъ и о себѣ самихъ. Сія ваша клятва равно обязуетъ васъ дать Богу отвѣтъ о врученныхъ вамъ, какъ и о себѣ; часъ смерти вашей, и день суда Божія, потребуютъ отъ васъ онаго, ежели и единъ изъ нихъ погибнетъ.

Видите вы, что діаволъ нападаетъ на стадо Христово, и нашелъ свое орудіе злодѣйственнѣйшаго разбойника, врага отечества и церкве, донскаго козака Емельку Пугачева, который попралъ своими дѣлами вѣру и законъ, дерзнувъ присвоить священнѣйшее имя Государя, и пріобщается послѣдователямъ антихриста: испровергаетъ притомъ святые олтари, расхищаетъ священные сосуды, съ ругательствомъ попираетъ святыя иконы, разграбляетъ и разоряетъ посвященные Богу храмы, звѣрскимъ и безчеловѣчнѣйшимъ образомъ неповинныхъ умерщвляетъ.

Сей злодѣй, чтобъ сыскать себѣ убѣжище отъ казней, которыхъ онъ давно былъ достоинъ, прибѣгаетъ къ ненавидящымъ имя Христово, и страхомъ смерти силится привлечь въ погибельнѣйшее свое сообщество и христіанъ.

Сіе есть время, въ которое вы оныя свои обѣщанія исполнить должны. Нынѣ покажите себя достойными имене истинныхъ пастырей.

Видите, что волкъ похищаетъ овцы отъ стада Христова: не бѣжите яко наемники, но паче вооружитесь силою слова Божія, и возъимѣйте

попеченіе о спасеніи ихъ, дабы они не были корыстію ищущаго погибели ихъ, и ни единъ не пріобщался его богопротивнымъ разглашеніямъ и начинаніямъ: наполните сердца ваши ревностію христіанскою, докажите любовь и усердіе достойное пастырей церкве. Таковая чистота вашихъ сердецъ подастъ силу увѣщаніямъ вашимъ, что оныя воздѣйствуютъ въ сердцахъ врученныхъ вамъ отъ Бога христіанъ.

Мы посылаемъ вамъ поученія къ народу, какъ наставить паству вашу на путь истинный, и охранить отъ настоящей погибели. Пріимите сей залогъ нашего попеченія о спасеніи церкве Христовой, которую Онъ искупилъ своею кровію. Мы сіе вручивъ вамъ, оправданы будемъ предъ Богомъ, призвавшимъ насъ на дѣло святаго Его служенія, ибо мы оное исполняемъ. Вамъ нынѣ остается совершить сіи согласныя Его воли намѣренія.

Внушите паствѣ вашей увѣщанія наши основанныя на словѣ Божіемъ, внушите съ таковымъ раченіемъ, чтобъ вкоренились въ сердцахъ ихъ, чтобъ умножилась ихъ ревность исполнить должность подтвержденную присягою къ Благочестивѣйшей и Самодержавнѣйшей Великой Государынѣ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ Всея Россіи, и къ Наслѣднику ЕЯ Благовѣрному Государю Цесаревичу и Великому Князю ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ, и Супругѣ ЕГО Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ НАТАЛИИ АЛЕКСѢЕВНѢ.

Но мы къ крайнему сожалѣнію слышимъ, что нѣкоторые вмѣсто того, чтобъ имъ паству свою отвлечь отъ погибели, въ которую ввергаетъ проклятый и отверженный церковію Пугачевъ, дерзнули покоряться къ его богопротивнымъ начинаніямъ, и тѣмъ предали себя и съ паствою своею временному и вѣчному осужденію.

Воображайте, какой они отвѣтъ дадутъ Судіи всѣхъ Іисусу Христу, [illegible] ли [illegible] временныхъ выгодъ? но Онъ для насъ за истину пострадалъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. И такъ [illegible] не [illegible] ихъ, когда они увидятъ паству свою во [illegible] осужденныхъ [illegible] вѣчнымъ [illegible], [illegible] суда Божія за таковое преступленіе безъ надежды избавленія: [illegible] ихъ [illegible], что они причиною [illegible], когда отчаяніе о избавленіи представитъ имъ ужасъ [illegible], и раскаяніе безъ надежды ослабленія [illegible]. Не довольно ли бы сіе возбудить всякаго [illegible] Богу, МОНАРХИНѢ, церкви и отечеству, [illegible].

[illegible] уклонившихся [illegible] и [illegible] [illegible] пріобщились, и Пугачева [illegible] и [illegible] службѣ Божіей. [illegible]

равно какъ и тѣ, которые къ его злодѣйству поползнутся, яко сообщники сему беззаконнику, отъ тогожъ часа властію данною намъ отъ Бога извергаются священства, отлучаются отъ церкве, и предаются проклятію, и всей строгости и казнямъ, каковыя законъ подобнымъ злодѣямъ опредѣляетъ.

Потщитеся убо, яко вѣрные, усердные и мудрые строители дому Божія, возбудить въ паствѣ вашей горячую ревность ко истребленію богопротивныхъ и пагубныхъ начинаній онаго злодѣя. Соедините ревность свою съ ревностію паствы вашея, представьте себя и оную Богу усердными рабами, МОНАРХИНѢ вѣрными подданными, отечеству достойными его членами, церкви истинными ея сынами.

Мы знаемъ, что Богъ всегда готовъ способствовать въ спасительныхъ дѣлахъ. Одно только требуется отъ васъ, чтобъ вы христіанъ врученныхъ вамъ неусыпными наставленіями привели къ храненію оныхъ. Сіе умножитъ не только имъ благословеніе Божіе въ сей жизни, и почести въ Небесномъ Царствѣ, но паче вамъ яко способствовавшимъ и приведшимъ ихъ ко исполненію воли Вседержителя.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Святѣйшемъ Сунодѣ, 1774 года, Августа 20 дня.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

СВЯТѢЙШІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СУНОДЪ.

Православныя Всероссійскія церкве сыновомъ радоватися о Господѣ.

Вседержитель неба и земли, приводя насъ своею благостію къ истинному благополучію, чтобъ мы въ сей и въ будущей жизни вкушали блаженство, которое предоставлено исполняющимъ Его святый законъ, опредѣлилъ въ предвѣчномъ совѣтѣ избрать людей достойныхъ, дабы оказать чрезъ нихъ надъ нами оный милосердый свой промыслъ.

Россія правимая избранною Имъ Благочестивѣйшею Государынею ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕКАТЕРИНОЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ видитъ сіе счастіе. Ибо МОНАРХИНЯ наша Божіею благодатію руководима всѣ силы обращаетъ, чтобъ Россію поставить угодною Богу, и исполняющею святыя Его намѣренія.

Какое убо мы можемъ принести благодареніе, которое-бъ довольно было соотвѣтствовать столь полезнымъ для насъ опредѣленіямъ Всевышняго.

Сіе открываетъ намъ намѣренія, съ каковыми Богъ ГОСУДАРЫНЮ нашу избралъ на Всероссійскій Престолъ, и вѣнчая на царство при священнѣйшемъ помазаніи низпослалъ въ душу ЕЯ Божественныя силы, и изъясняетъ должность нашу.

Сего ради Духъ Святый повелѣваетъ намъ совершенное къ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ имѣть покореніе, хранить къ Ней любовь и усердіе, и имя ЕЯ почитать священнѣйшимъ.

Не сіе ли Онъ предписываетъ, когда представляя намъ Государей въ самомъ почтеннѣйшемъ видѣ нарицаетъ ихъ избранными своими, и предуставленными къ исполненію дѣлъ своихъ. Сердца ихъ глаголетъ быти въ рукѣ своей. Почтеніе ихъ относитъ къ почтенію своему, установляетъ священнѣйшій обрядъ помазанія свидѣтельствующаго низпосланіе въ души ихъ благодати своея. Поставовляетъ ихъ неприкосно-

венными никому: не прикасайтеся, глаголетъ, помазаннымъ моимъ: ибо касаяйся ихъ, касается зѣницы ока моего. И мною Царіе царствуютъ.

Впечатлѣйте въ мыслѣхъ и сердцахъ вашихъ сей законъ Бога нашего.

Святый Апостолъ Павелъ вдохновеніемъ Святаго Духа движимый изъясняетъ намъ сію должность: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. Тѣмже противляяйся власти, Божію велѣнію противляется.

Сіе святый Іоаннъ Златоустъ тако изъясняетъ: Апостолъ всѣмъ сія заповѣдуетъ, и священникомъ, и инокомъ, и мірскимъ. Аще и Апостолъ еси, аще и благовѣстникъ, аще и пророкъ, аще и кто либо инъ, да повинуется власти постановленной отъ Бога.

Видите убо, съ какою ревностію Богъ повелѣваетъ намъ хранить почтеніе и повиновеніе къ предуставленной Имъ на дѣло правленія Россіи Благочестивѣйшей ГОСУДАРЫНѢ нашей.

Вы христіане! вы тѣ, которые желаете, чтобъ Богъ излилъ на васъ свои милости въ сей жизни, вы желаете, чтобъ ваши труды благословлены были успѣхами; вы желаете, чтобъ благословеніе его почивало на домахъ вашихъ; вы желаете, чтобъ жизнь ваша была угодна Богу, и спасительна для васъ, и чтобъ вы въ спокойствѣ препровождали оную: вы желаете, чтобъ смерть не наносила вамъ страха, но съ радостнымъ увѣреніемъ предали души ваши въ руки Бога пекущагося о спасеніи вашемъ; вы желаете, чтобъ и въ будущей жизни прославлены были тою славою, каковую Богъ любящымъ его, и исполняющымъ святый Его законъ уготовалъ, и были-бъ участниками блаженства святыхъ апостоловъ, пророковъ, святителей, преподобныхъ и мучениковъ: потщитесь исполнить Божія повелѣнія, и сіи желанія ваши исполнятся.

И такъ вы при толь святомъ расположеніи вашей души можете-ль безъ отвращенія помыслить, а паче воззрѣть на злодѣя бѣглаго донскаго козака Пугачева, врага церкве и отечества, противящагося Богу, и дерзающаго похищать имя Священнѣйшее ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА, которое Богъ оставилъ только помазанникамъ своимъ, и чтобъ скрыть сію беззаконную дерзость присвоивающаго себѣ имя ИМПЕРАТОРА, которой давно уже умеръ? Можете-ль воззрѣть на него, которой отринувъ мысли о правосудіи Божіи, испровергаетъ святые олтари, расхищаетъ священные сосуды, съ ругательствомъ попираетъ святыя иконы, разграбляетъ и разоряетъ посвященные Богу храмы, звѣрскимъ и безчеловѣчнѣйшимъ образомъ неповинныхъ умерщвляетъ, ввергаетъ себя изъ порока въ порокъ, и изъ нечестія въ нечестіе, которой способниковъ своему нечестію имѣетъ гонителей и ненавистниковъ имене христіанскаго; онъ давно подвергъ себя своими преступле-

ніями всѣмъ строгостямъ, которыя-бъ окончали его злодѣйства. Но ужасаяся ихъ не ужасается окаянный вѣчнаго Божія суда, и чтобъ ему временнаго осужденія избѣгнуть, привлекаетъ себѣ вѣчное. Онъ когда не устрашается суда Божія, и воображенія объ ономъ для него безполезны. Въ какія онъ впадаетъ развраты! всякой день, всякой часъ погружаетъ его въ новыя беззаконія: его ругательства и презрѣніе святыни, его безчеловѣчія, которыя онъ оказываетъ надъ неповинными, дѣлаютъ-ли его достойнымъ того, чтобъ вѣрить его лести? Благодать Божія отступила отъ него. Онъ ничего не видитъ, чтобъ могло соединить его съ Богомъ, онъ позабываетъ, что онъ тварь, которой бы должно пасть предъ Создателемъ своимъ, признать беззаконія своя, остановить дерзость свою, и почтеніе предписанное отъ Бога Избранной Помазанницѣ его принесть; но онъ испровергаетъ всѣ законы и клятвы; сей сожженный совѣстію не внимаетъ повелѣніямъ Бога, и не помышляетъ, что его преступленія суть противъ Величества Божія.

Не ужаснетесь-ли вы, когда услышите проклятія, которыя Богъ на таковыхъ преступниковъ низпосылаетъ? Аще не послушаеши гласа Господа Бога твоего, проклятъ ты во градѣ, проклятъ ты на селѣ, прокляты житницы твои, и останки твои, проклята изчадія утробы твоея, и плоды земли твоея, стада воловъ твоихъ, и паствы овецъ твоихъ. Проклятъ ты, внегда входити тебѣ, и проклятъ ты, внегда исходити тебѣ. Постигнетъ скудость, гладъ, и истребленіе на вся, на няже возложеши руку твою, дондеже потребитъ тя, и дондеже погубитъ ти вскорѣ злыхъ ради начинаній твоихъ, зане оставилъ еси Господа Бога твоего. Потребишися, и возмешися отъ земли, ниже наслѣдиши ею. Клятвы ужасныя!

Можетъ ли убо кто пожелать, чтобъ оныя его постигли? можетъ ли кто пожелать, чтобъ проклятъ онъ былъ во градѣ, и на селѣ, и чтобъ прокляты были житницы его и останки его; чтобъ прокляты были жена и дѣти его, стада воловъ и овецъ, и плоды земли; чтобъ онъ, когда входилъ въ домъ, или исходилъ изъ дому своего, клятва Божія вездѣ послѣдовала ему. Коль ужасно сіе! ужасно! но неизбѣжно дерзающымъ противъ узаконенной Богомъ власти злодѣямъ. Но вы паче вообразите оный послѣдній часъ, въ который вы будете оканчивать жизнь вашу; вообразите тотъ страшный часъ, въ которой Богъ востребуетъ отъ васъ отвѣта о вашей жизни. Вспомните тотъ часъ, въ которой гласъ Божій позоветъ васъ на судъ, и вы должны будете отвѣчать не только о дѣлахъ или словахъ, но и о самыхъ помышленіяхъ вашихъ. Что вы скажете въ часѣ смерти вашей? что вы скажете на страшномъ судѣ, когда Богъ потребуетъ отъ васъ отвѣта? Я въ лицѣ своемъ, скажетъ Богъ, поставилъ надъ вами сію ГОСУДАРЫНЮ вашу, и Помазанницу мою, были-ль вы почтительны къ Ней? вы не только въ томъ, что сдѣлали

или что говорили, но и что помыслили противъ ЕЯ, отвѣчать будете. Всякое изъ сихъ беззаконіе сдѣлаетъ васъ безотвѣтными: ибо оно есть противъ Величества самого Бога. Касаяся ихъ, глаголетъ Господь, касается зѣницы ока моего.

Православные христіане! любовь Бога должна васъ паче отвращать отъ противящагося Божію закону Пугачева. Вы любите ближняго, отвратитесь отъ сего врага отечества. Вы желаете быть спасены, не сообщайтеся сему погибельному человѣку. Онъ злодѣй человѣчества. Онъ врагъ Богу, церкви и отечеству, отвратитесь вы отъ него, а паче отвратите его злодѣйства, чтобъ ваши подвиги сплетали вамъ вѣнцы въ небѣ, и уготовляли жилище въ блаженствѣ вѣчномъ.

Церковь Христова есть царство мира, но сей—возмутитель онаго; Церковь Христова есть собраніе людей вспомоществующихъ щастію ближнихъ, но сей—убійца и губитель. Церковь Христова есть собраніе людей хранящихъ законъ, но сей—презритель Божіихъ законовъ и сообщникъ врагамъ ея. Церковь Христова есть собраніе людей святыхъ; но сей—развращеннѣйшій человѣкъ, которой умножаетъ беззаконія къ погибели своей.

Ужасны клятвы, навлекающія на таковыхъ беззаконниковъ нещастія временныя жизни, но вы паки вообразите, сколь ужасное осужденіе ожидаетъ въ вѣчной жизни. Страшно есть впасть въ руцѣ Бога жива; страшно услышить оное осужденіе: отъидите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный уготованный діаволу.

Мы съ сожалѣніемъ взираемъ на нѣкоторыхъ, что они пріобщаясь онаго злодѣя законопреступленіямъ, навлекли на себя погибель уготованную сатанѣ.

Богъ на насъ возложилъ долгъ, чтобъ предохранить васъ отъ таковаго нещастія. Мы исполняемъ оный, дабы не безотвѣтнымъ намъ явиться предъ страшнымъ Его судомъ. Мы васъ увѣщаваемъ: вооружитеся противъ сего врага православныя церкве и отечества. Онъ дерзаетъ противъ Бога, покажите себя защитниками славы Его. Онъ идетъ противъ жизни и спасенія истинныхъ отечества сыновъ, отриньте сего врага человѣчества. Онъ нарушаетъ покой Христовы церкве, отжените его. Онъ нарушилъ клятвы данныя Богу въ вѣрности Помазанницѣ Его, о чемъ христіанину и помыслить ужасно, и тѣмъ самимъ сдѣлался невѣрнымъ Богу, не вѣрьте ему, испровергните его злодѣйства. Вы тѣмъ исполните долгъ вѣрныхъ сыновъ отечества.

Да воздѣйствуетъ въ сердцахъ вашихъ благодать Божія. Богъ да утвердитъ васъ своею силою. Да подастъ вамъ возчувствовать оный миръ превосходящій умъ сего развращеннаго человѣка, и да благословитъ святыя ваши намѣренія. Мы васъ, яко истинныхъ сыновъ церкве, именемъ Божіимъ увѣщаваемъ, чтобы вы вѣрны были возведенной си-

лою и утвержденной всесильною благодатію Его Помазанницѣ, нашей Благочестивѣйшей Государынѣ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ всея Россіи, и Наслѣднику ЕЯ Благовѣрному Государю Цесаревичу и Великому Князю ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ, и Супругѣ ЕГО, Благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ НАТАЛІИ АЛЕКСѢЕВНѢ. Сіе привлечетъ на васъ благословенія всеблагаго, всесильнаго и премудраго Бога, каковыя Онъ исполнителемъ святаго своего закона покаряющимся повелѣніямъ избранныя и утвержденныя Его силою МОНАРХИНИ, и приверженнымъ къ истинѣ Евангелія низпосылаетъ.

Да утвердитъ васъ Его благодать въ сихъ святыхъ расположеніяхъ. Аминь.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Святѣйшемъ Сунодѣ, 1774 года, Августа 20 дня.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СТАТЕЙ И КНИГЪ,

ОТНОСЯЩИХСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДО ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Алексѣевъ. Преданіе о временахъ Пугачева (Саратовскія Вѣдомости 1860 г. № 5).

Разсказъ неизвѣстнаго священника неизвѣстнаго села о томъ, какъ Пугачевъ хотѣлъ его повѣсить.

Алексѣевъ. Преданія о временахъ Пугачева (Саратовскія Вѣдомости 1860 г. № 14).

Какъ матери пугаютъ дѣтей Пугачевымъ и о томъ, что самозванецъ погубилъ много дворянъ. Разсказъ отличается общими мѣстами и не представляетъ для изслѣдователя ничего характернаго.

Андронниковъ. П. Окружное посланіе преосвященнаго Симона къ Костромской паствѣ по случаю появленія Пугачева на Волгѣ (Костромскія Вѣдомости 1862 г. № 51).

Антингъ, Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, С.-Петербургъ, 1799 г.

Глава IV первой части посвящена описанію участія Суворова въ преслѣдованіи и поимкѣ Пугачева.

Анучинъ, Д. Происшествія на Яикѣ въ 1772 году (Современникъ 1862 г., т. 92).

Есть нѣсколько неточностей, вкравшихся потому, что авторъ не располагалъ многими документами.

Анучинъ Д. Первые успѣхи Пугачева и экспедиція Кара. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Воен. Сборникъ 1869 г. №№ 5 и 6).

Анучинъ, Д. Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Русскій Вѣстникъ 1872 г. XCIX).

Анучинъ, Д. Второе появленіе Пугачева и разореніе Казани. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Военный Сборникъ 1871 г. № 4).

Анучинъ, Д. Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Русскій Вѣстникъ 1869 г., т. 80).

Анучинъ, Д. Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевщины и поимка Пугачева (Русскій Вѣстникъ 1868 г. № 11).

Всѣ пять монографій охватываютъ весь періодъ мятежа, основаны на достовѣрныхъ источникахъ, но по недостатку матеріаловъ нѣкоторые эпизоды разсказаны невѣрно, или вовлекли автора въ ложныя предположенія и заключенія. Хотя авторъ и не вполнѣ безпристрастенъ въ характеристикѣ лицъ, тѣмъ не менѣе изслѣдованіе Д. Анучина является лучшимъ изо всего, что было написано о Пугачевскомъ бунтѣ.

Аристовъ, Н. Казнь Пугачева (Сѣверное Сіяніе 1864 г. т. III, стр. 367).

Статья очень короткая и во многомъ невѣрная. Историческіе факты перемѣшаны съ вымысломъ. По словамъ автора, на саняхъ сидѣлъ одинъ Пугачевъ, а когда привезенъ былъ къ лобному мѣсту, то вышелъ изъ саней вмѣстѣ съ Перфильевымъ. Фамиліи повѣшенныхъ невѣрны.

Аристовъ, Н. Я. Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ (Историческій Вѣстникъ 1880 г. № 9).

Разсказъ объ участіи чувашъ въ Пугачевскомъ бунтѣ. Занятіе самозванцемъ городовъ Алатыря и Саранска. Нѣсколько случаевъ, когда крестьяне защищали и спасали своихъ помѣщиковъ.

Арсеньевъ, А. В. Женщины Пугачевскаго возстанія. Приключенія и судьба женокъ, причастныхъ къ Пугачевскому бунту (Историческій Вѣстникъ 1884 г. № 6).

Статья написана безъ ссылокъ на источники и безъ знакомства съ позднѣйшею литературою того же предмета. Жену Пугачева, Софью, правительство не отыскивало, а ее бѣдственное, нищенское положеніе возбуждало вопросъ, что съ нею дѣлать. Разсказъ о Харловой, приправленный размышленіями автора, не имѣетъ исторической достовѣрности. Разсказъ о Прасковьѣ Ивановой заимствованъ изъ источника сомнительной вѣрности. Женитьба Пугачева на Устиньи разсказана не вѣрно и описаніе жизни Устьи въ Яицкомъ-Городкѣ принадлежитъ къ числу вымысловъ. Устинья не могла жить съ матерью, потому что ее не было въ живыхъ. Выдача Пугачева разсказана не вѣрно. Послѣ всего этого, кажется, авторъ ошибается, говоря, что въ его статьѣ

приведены «всѣ извѣстныя свѣдѣнія о женщинахъ» Пугачевскаго возстанія.

Архангельскій, Михаилъ, священникъ. Преосвященный Веніаминъ (Пуцекъ-Григоровичъ) митрополитъ Казанскій и Свіяжскій (Странникъ 1866 г. № 1).

Дѣятельность Веніамина во время Пугачевскаго бунта. Ошибочно сказано, что извѣстная грамота Веніамина составлена и разослана въ октябрѣ. Всѣ остальныя свѣдѣнія почерпнуты преимущественно изъ исторіи Пугачевскаго бунта Пушкина и Казанскихъ вѣдомостей 1844 года.

Баженовъ, Николай. Казанская исторія. Казань, изд. 1847 г.

Глава XXI второй части посвящена краткому описанію нападенія Пугачева на Казань.

Барсуковъ, А. П. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ (Русскій Архивъ 1873 г. № 2).

Есть указаніе о дѣятельности Орлова во время Пугачевскаго бунта и о переговорахъ его съ Трифоновымъ (Долгополовымъ). Авторъ ошибочно называетъ Пугачева яицкимъ казакомъ и говоритъ, что поляки ревностно помогали Пугачеву, что невѣрно.

Белькуръ, Замѣтка француза о Москвѣ 1774 г. (Древняя и Новая Россія 1877 г., т. II).

Нѣсколько невѣрныхъ словъ о состояніи Москвы во время бунта.

Берже, А. Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г. (Русская Старина 1883 г. № 1).

Нѣсколько документовъ, большая часть которыхъ были напечатаны С. Сафоновымъ, въ Чтеніяхъ Московскаго общества Исторіи и древностей 1848 г. кн. I, подъ заглавіемъ: «Акты о пребываніи Пугачева въ Моздокѣ».

Бибиковъ, сенаторъ. Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова. Книга эта была напечатана сначала въ 1817, а потомъ въ 1865 г.

Во второмъ изданіи выпущены весьма важные и интересные документы, помѣщенные въ первомъ. Сверхъ того, во второе изданіе введены поправки и примѣчанія въ большинствѣ невѣрныя и искажающія текстъ 1-го изданія. Вообще же, въ обоихъ изданіяхъ можно руководствоваться только подлинными документами, а самый текстъ біографіи требуетъ тщательной повѣрки и безусловно вѣрить ему не слѣдуетъ.

Броневскій, Исторія войска донскаго, С.-Петербургъ, 1834 г. 3 части.

Глава, относящаяся до Пугачева, невѣрна и не можетъ служить источникомъ для изученія событій 1773—1774 годовъ. Глава эта была напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1834 г., т. XLIV.

Бутковъ, П. Г. Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 г. ч. II.

Глава 76-я этой части заключаетъ въ себѣ описаніе дѣятельности Пугачева, но по очень крупнымъ ошибкамъ и неточностямъ не можетъ служить источникомъ.

Бѣляевъ Іоаннъ, священникъ. Пугачевскій бунтъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи. Краснослободскъ, изд. 1879 г.

Книжка эта составлена по мѣстнымъ архивнымъ источникамъ весьма обстоятельно и хотя относится лишь къ одному уѣзду, но можетъ быть полезна для общей характеристики эпохи.

Вейдемейеръ, А. Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, С.-Петербургъ, 1846 г.

Въ главѣ VII есть разсказъ о Пугачевѣ не вполнѣ достовѣрный. Перечисляя самозванцевъ, бывшихъ до Пугачева, авторъ сообщаетъ невѣрныя свѣдѣнія о Богомоловѣ.

Витевскій, В. Н. Яицкое войско до появленія Пугачева (Русскій Архивъ 1879 г.).

Самое полное изслѣдованіе по исторіи войска и за незначительными невѣрностями наиболѣе цѣнное.

Владиміровъ, В. Историческая записка о Казанской гимназіи, Казань, изд. 1867 г.

Глава VIII тома 1-го (стр. 124—131) посвящена очерку дѣйствій гимназистовъ при нашествіи на Казань Пугачева. Очеркъ этотъ составленъ очень хорошо и на основаніи цѣнныхъ документовъ.

Волеговъ. Историческія свѣдѣнія о Пугачевскомъ бунтѣ. Разсказъ Верхолонцева о Пугачевѣ (Пермскія Вѣдомости 1864 г. № 2).

Разсказъ этотъ былъ первоначально напечатанъ В. Далемъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. IV.

Воскресенскій, А. Письма объ Ирбитѣ (Пермскія Вѣдомости 1864 г. № 24).

Сообщается преданіе, что жители Ирбита послали Пугачеву двѣ шапки серебра, чтобы только онъ не требовалъ отъ нихъ присяги.

Галкинъ-Врасскій, М. Н. Изъ архива Саратовскаго губернскаго правленія. (Русскій Архивъ 1873 г. № 4).

Манифестъ Пугачева донскому войску; нѣсколько писемъ, рапортовъ и ордеровъ на имя царицынскаго коменданта Циплетева.

Голицынъ, М., князь. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, почерпнутые изъ бумагъ, оставшихся послѣ князя М. Н. Волконскаго (Москвитянинъ 1845 г. № 9).

Невѣрный во многомъ разсказъ о дѣятельности Пугачева. Письма напечатаны съ пропусками и впослѣдствіи перепечатаны во всемъ ихъ объемѣ г. Бартеневымъ въ изданной имъ книгѣ «Осмнадцатый вѣкъ».

Гротъ, Я. К. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Записки Академіи Наукъ, т. I).

Подлинныя донесенія генераловъ Кара и Бибикова.

Гротъ, Я. К. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Записки Академіи Наукъ, т. III).

Переписка Императрицы съ графомъ П. И. Панинымъ.

Гротъ, Я. К. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Записки Академіи Наукъ, т. XXV).

Подлинныя бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева.

Гротъ, Я. К. П. С. Потемкинъ во время Пугачевщины (Русская Старина 1870 г. № 10).

Инструкція П. С. Потемкину какъ предсѣдателю слѣдственной секретной коммиссіи и донесеніе его императрицѣ.

Гротъ, Я. К. Державинъ и графъ Петръ Панинъ (С.-Петербургскія Вѣдомости 1863 г. № 208 и № 210).

Отрывокъ изъ біографіи Державина со времени назначенія графа П. И. Панина главнокомандующимъ и до поимки Пугачева. Обѣ названныя статьи вошли въ изданную въ прошломъ году біографію Державина, написанную тѣмъ же авторомъ и составляющую VIII томъ Академическаго изданія сочиненій Державина.

Гротъ, Я. К. Эпизодъ изъ Пугачевщины (Древняя и Новая Россія 1877 г. № 3).

Въ статьѣ этой, основанной на достовѣрныхъ источникахъ, заключаются слѣдующія свѣдѣнія: 1) П. С. Потемкинъ въ Казани; 2) Саратовскія пререканія; 3) Экспедиція къ Петровску; 4) Пугачевъ въ Саратовѣ и 5) Поѣздка Державина въ Сызрань.

Гротъ, Я. К. Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями.

Для изслѣдованія весьма важны: біографія поэта, записки Державина, письма и донесенія какъ самого Державина, такъ и лицъ, имѣвшихъ съ нимъ сношеніе, и всѣ приложенія, собранныя почтеннымъ академикомъ.

Гуляевъ, С. И. Изъ прошлаго къ исторіи Пугачевскаго бунта (Историческій Вѣстникъ 1881 г., т. V, № 7).

Ордеръ Декалонга генералъ-маіору Скалову, отъ 27 мая 1774 г., сообщающій о разбитіи мятежниковъ подъ Троицкою крѣпостью. Сообщившій этотъ ордеръ въ редакцію снялъ съ него невѣрную копію.

Вмѣсто с. Родокалмыцкаго, надо читать: Бродокалмацкое; вмѣсто крѣп. Карачайская—Карагайская; вмѣсто Сибирской линіи—Сибирская линія. Въ сраженіи подъ Троицкою Бѣлобородовъ убитъ не былъ и проч.

Даль, В. Картины изъ русскаго быта. Разсказъ Верхолонцева о Пугачевѣ (Русская Бесѣда 1856 г., кн. 4).

Разсказъ записанъ В. И. Далемъ со словъ очевидца, далеко спустя послѣ бунта и потому во многомъ невѣренъ. Дѣйствія кн. Голицына, Суворова и Циплетева разсказаны невѣрно и событія перепутаны. Пользоваться этимъ разсказомъ надо очень осторожно.

Дмитріевъ, Ив. Ив. Взглядъ на мою жизнь, изд. 1866 г.

Авторъ описываетъ нѣсколько эпизодовъ изъ Пугачевскаго бунта, которые совершались на его глазахъ.

Желѣзновъ, І. Преданія и пѣсни уральскихъ казаковъ (Русскій Вѣстникъ 1859 г., т. 20).

Преданія и пѣсни относятся до заселенія Яицкаго войска и временъ Петра I-го.

Жуковскій, И. Краткое обозрѣніе достопамятныхъ событій Оренбургскаго края, С.-Петербургъ, 1832 г.

Хронологическій перечень событій. Что касается до времени Пугачева, то перечень очень кратокъ и при томъ невѣренъ.

Зыряновъ, А. Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и окрестностяхъ его (Пермскій Сборникъ 1859 г., ч. I).

Дѣятельность Пугачева въ окрестностяхъ Челябинска, Чебаркульской крѣпости, Кундравинска, Окуневска, Далматова монастыря и Шадринска. Статья написана по цѣннымъ документамъ.

Зыряновъ, А. Преданіе объ Улугушской крѣпости (Пермскій Сборникъ 1859 г., ч. I).

Разсказъ какъ жители устроили крѣпость въ защиту отъ сообщниковъ Пугачева.

Игнатьевъ, Р. Воспоминанія 25-го марта 1774 года (Уфимскія Вѣдомости 1876 г., № 12).

Статья написана по поводу освобожденія Уфы отъ блокады ея мятежниками въ 1774 г. Авторъ ошибается, говоря, что Михельсонъ былъ подчиненъ князю Голицыну.

Игнатьевъ, Р. Г. Верхнеуральскъ (Памятная книжка Оренбургской губерніи на 1865).

Краткія свѣдѣнія о дѣятельности полковника Ступишина въ Верхне-Яицкой крѣпости во время Пугачевскаго бунта. Къ сожалѣнію, фактическая сторона перемѣшана съ преданіями, не всегда достовѣрными.

Игнатьевъ, Р. Г. Городъ Кунгуръ (Пермскія Губернскія Вѣдомости 1869 г. №№ 88—92).

Краткія свѣдѣнія о положеніи Кунгура во время Пугачевскаго бунта. Начальникъ отряда, отправленнаго на выручку Кунгура, былъ не Гавринъ, а Гагринъ.

Игнатьевъ, Р. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Оренбургскія Вѣдомости 1868 г. № 33).

Рапорты коменданта Верхне-Яицкой дистанціи полковника Ступишина отъ 10 января 1774 г., съ просьбою о помощи. Объявленія его башкирскому народу 4 апрѣля 1774 г. и 4 марта 1775 г.

Игнатьевъ, Р. Осада Уфы (Памятная книжка Уфимскаго статистическаго комитета на 1873 г. ч., II).

Безспорно, это самая подробная и обстоятельная статья о блокадѣ Уфы въ 1773 и 1774 гг. Встрѣчается нѣсколько неточностей, указанныхъ нами въ текстѣ.

Игнатьевъ, Р. Хроника достопамятныхъ событій Уфимской губерніи (Памятная книжка Уфимскаго статистическаго комитета на 1873 г., ч. II).

Перечень событій съ 1553 по 1870 годъ.

Каницъ фонъ, Юлій. Слово на возстановленіе покоя въ Казанской губерніи. Москва 1775 г.

Слово это было перепечатано въ нѣкоторыхъ монографіяхъ о Пугачевѣ.

Кононовъ, А. Два семейныя преданія (Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1862 г., кн. III).

Происшествіе во время Пугачевскаго бунта съ Саратовскимъ помѣщикомъ Василіемъ Лехотниковымъ и капитаномъ Николаемъ Захарьевичемъ Павло-Швейковскимъ.

Костенко, Ю. Уральское казачье войско. Историческій очеркъ и система отбыванія воинской повинности (Военный Сборникъ 1878 г. № 9).

Историческіе факты заимствованы изъ сочиненій печатныхъ и весьма мало изъ дѣлъ войсковаго архива. Очеркъ весьма краткій.

Крестовскій, Всеволодъ. Четыре легкія полевыя команды во время Пугачева (Военный Сборникъ 1873 г. №№ 3 и 4).

Статья эта написана по весьма ограниченному числу всѣмъ извѣстныхъ печатныхъ источниковъ и не представляетъ ничего характернаго.

Кулыгинскій, священникъ. Пугачевцы и Пугачевъ въ Тресвятскомъ-Елабугѣ въ 1773—1774 г. (Русская Старина 1882 № 2).

Разсказъ, основанный на сбивчивыхъ преданіяхъ и потому не могущій служить источникомъ для изученія эпохи. Самъ авторъ добавляетъ нѣсколько несообразностей.—«Пуля вышибла полѣно, которое ударило въ грудь ему, и соглядатай, отлетѣвши отъ полѣницы на сажень, закрылъ свои зоркіе глаза на вѣки» (Надо полагать, что въ этомъ случаѣ пуля имѣла особую и необычайную силу). Одинъ барабанщикъ разгоняетъ цѣлую толпу пугачевцевъ. По словамъ автора, подойдя къ Елабугѣ, Пугачевъ ослѣпъ и отправилъ своего приближеннаго въ соборъ помолиться за него. *Когда въ соборѣ отслужили молебенъ за здравіе императора Петра III (?)*, то Пугачевъ прозрѣлъ. Это пишетъ священникъ!

Курочкинъ, Н., священникъ. Пугачевъ (Русскій Инвалидъ 1847 г. № 146).

Статья перепечатана изъ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей и представляетъ только краткій перечень событій.

Ламанскій, В. И. Письма императрицы Екатерины II къ А. И. Бибикову во время Пугачевскаго бунта (Русскій Архивъ 1866 г. № 3).

Шесть писемъ, изъ коихъ нѣкоторыя весьма важны.

Леонидъ, Архимандритъ. Рапортъ московскаго Архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева объ исповѣди и причастіи Пугачева съ товарищи (Чтенія Московскаго Общества Исторіи и древностей 1872 г., кн. I).

Леопольдовъ. Историческій очеркъ Саратовскаго края, Москва, 1848 года.

О дѣйствіяхъ Пугачева въ окрестностяхъ Саратова. Свѣдѣнія хотя и краткія, но не лишенныя значенія и въ настоящее время.

Лукинъ, И. С. Жизнь стариннаго русскаго дворянина (Русскій Архивъ 1865 г. № 8).

Разсказывая свою жизнь, авторъ, между прочимъ, описываетъ происшествія въ Нижнемъ-Ломовѣ въ августѣ 1774 г.

Ляликовъ, Ф. Преданіе о казни Пугачева (Русскій Архивъ 1877 г., т. II).

Преданіе невполнѣ вѣрное съ дѣйствительностью.

Минаевъ, Д. Выписка изъ дѣла, начавшагося 1774 года 14-го іюля и производившагося въ Шацкой провинціальной канцеляріи, о появившейся по городамъ Инсару, Наровчату и Шацку пугачевской партіи (Тамбовскія Губернскія Вѣдомости 1868 г. № 26).

Краткій перечень происшествій въ окрестностяхъ Шацка и перечисленіе нѣсколькихъ человѣкъ, казненныхъ правительствомъ за участіе въ мятежѣ.

Михайловъ, М. Уральскіе очерки (Морской Сборникъ 1859 г. № 9).

Нѣсколько преданій о Пугачевѣ и пѣсня объ «алтынскомъ» знамени, въ которомъ авторъ предполагаетъ голштинское знамя, въ свое время надѣлавшее много шума и неоправдавшее подозрѣнія.

Михайловъ, С. Воспоминанія о Пугачевщинѣ (Казанскія Вѣдомости 1860 г. № 28).

Преданіе о томъ, какъ дѣйствовали жители Козьмодемьянска и Ядрина при приближеніи Пугачева. Жестокое обращеніе жителей г. Ядрина съ бунтующими чувашами.

Мордовцевъ, Д. Самозванецъ Богомоловъ (Самозванцы и понизовая вольница изд., 1867 г., ч. I).

Монографія эта была напечатана въ газетѣ «Парусъ» и написана на основаніи документовъ царицынскаго архива; имѣетъ всѣ данныя достовѣрности.

Мордовцевъ, Д. Пугачевщина (Вѣстникъ Европы 1866 г. № 1).

Мордовцевъ, Д. Русскіе государственные дѣятели прошлаго вѣка и Пугачевъ (Отечественныя Записки 1868 г. №№ 8—10).

Мордовцевъ, Д. Пугачевъ до самозванства и первыя дѣйствія самозванца до взятія Татищевой крѣпости (Самозванцы и понизовая вольница, т. I).

Всѣ статьи написаны широкой и бойкой, но невѣрной кистью. Пользуясь преимущественно иностранными источниками, авторъ не заботится о критической оцѣнкѣ, если только они соотвѣтствуютъ той картинѣ, которую предположено написать, и эскизъ которой составленъ заранѣе. Въ оцѣнкѣ дѣятелей и событій нѣтъ безпристрастія историка. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ словами одного изъ наиболѣе серьезныхъ изслѣдователей этой эпохи. «Мы не охотно обращаемся, говоритъ онъ, къ трудамъ г. Мордовцева, потому что онъ постоянно говоритъ объ имѣющихся у него новыхъ, никому неизвѣстныхъ фактахъ, и не даетъ ихъ, а прочитанное въ другихъ сочиненіяхъ разсказываетъ, что называется, своими словами, почти всегда искажая сущность дѣла» (См. Воен. Сборн. 1869 г. № 6, стр. 142). Къ этому мы должны прибавить, что, по мнѣнію г. Мордовцева, во всѣхъ словахъ Пугачева проявляется «како-то странное величіе, что-то сильное, смѣлое». Пугачеву, пословамъ автора, *какъ классическому полководцу* Рима, стоило только топнуть ногою въ землю, чтобы изъ нея вышли легіоны, болѣе многочисленные и болѣе страшные, чѣмъ легіоны древняго Рима». Въ толпѣ Пугачева г. Мордовцевъ видитъ «великую армію», а въ возводимыхъ самозванцемъ батареяхъ такія постройки, что «самъ Вобанъ не могъ бы лучше устроить». Впрочемъ, гдѣ возводились такія постройки, намъ неизвѣстно, а г. Мордовцевъ о нихъ умалчиваетъ. Вообще, въ глазахъ автора Пугачевъ былъ человѣкъ

рѣдкой находчивости, большого политическаго такта и отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ. Такая характеристика можетъ сохраниться только въ статьяхъ г. Мордовцева, написанныхъ съ исключительною цѣлью набросить тѣнь на дѣятелей того времени. Но исторія должна быть безпристрастна и воздать каждому по дѣламъ его.

Мордовцевъ Д. Кто былъ усмиритель Пугачевщины (Отечественныя Записки 1869 г. № 11).

Полемическая статья по поводу напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ статьи г. Д. Анучина «Графъ Панинъ, усмиритель пугачевщины».

Нефедовъ, Ф. Движеніе среди башкиръ передъ Пугачевскимъ бунтомъ (Русское Богатство 1880 г. № 10).

Краткія свѣдѣнія о причинахъ неудовольствія башкиръ. Перечисленіе бунтовъ. Біографическія подробности о башкирцѣ Салаватѣ и отцѣ его Юлаѣ. Послѣднія свѣдѣнія основаны преимущественно на пѣсняхъ народныхъ и сочиненныхъ самимъ Салаватомъ.

Николаевъ, А. Преданіе о временахъ Пугачева (Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1860 г., № 14).

Разсказъ, впрочемъ, не имѣющій ничего характернаго, о томъ, какъ везли Пугачева въ Симбирскъ и какое впечатлѣніе производилъ онъ на мѣстныхъ жителей.

Николаевъ, А. Преданія о временахъ Пугачева (Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1860 г. № 25).

Происшествія въ Саратовѣ съ нѣкоторыми лицами (бабою, продававшею пироги и подъячимъ) при появленіи Пугачева. Разсказъ имѣетъ анекдотическій характеръ.

Оболенскій, М. князь, Историческія замѣчанія (Русскій Архивъ 1865 г. стр., 334).

Замѣтка о родѣ Чернышевыхъ и о полковникѣ Чернышевѣ, казненномъ Пугачевымъ. Нѣсколько словъ о неточностяхъ, вкравшихся въ лѣтопись Рычкова, напечатанную А. С. Пушкинымъ.

Ореусъ, И. Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, побѣдитель Пугачева (Русская Старина 1876 г. № 1).

Краткая біографія, основанная на достовѣрныхъ источникахъ. Свѣдѣнія же о дѣятельности Михельсона во время Пугачевскаго бунта весьма кратки.

Орловъ, А. В. Челябинскъ (Памятная книжка Оренбургской губерніи на 1865 г).

Очень краткія свѣдѣнія о состояніи Челябинска во время Пугачевскаго бунта.

Орловъ, П. Осада города Мензелинска въ Пугачевскій бунтъ (Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г., ч. II).

Небольшая замѣтка о защитѣ Мензелинска съ 23 декабря 1773 г. по мартъ мѣсяцъ 1774 г.

Пекарскій, П. Любитель литературы Екатерининскихъ временъ (Отечественныя Записки 1856 г., т. 105).

Выдержки изъ записокъ поручика Нарвскаго пѣхотнаго полка Васильева. Въ нихъ есть нѣсколько словъ о привозѣ Пугачева въ Москву.

Пекарскій, П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. С.-Петербургъ, 1867 г.

Все, что написано Рычковымъ какъ очевидцемъ, имѣетъ весьма важное значеніе; то же, что написано имъ по слухамъ, не всегда вѣрно и требуетъ критической оцѣнки.

Пекарскій, П. Извѣстія объ уфимскихъ дворянахъ Пекарскихъ (Памятная книжка Уфимскаго статистическаго комитета на 1873 г., ч. II).

Планеръ, Д. О мѣрахъ осторожности, которыя принимаемы были пермскими заводами во время Пугачевскаго бунта въ 1774 г. (Пермскій Сборникъ 1859 г., ч. I).

Происшествія на Юговскихъ и Анненскомъ заводахъ. Невѣрное указаніе, что подъ Казанью Пугачевъ былъ разбитъ княземъ Голицынымъ; это сдѣлано было полковникомъ Михельсономъ.

Плотниковъ, протоіерей. Долматовскій монастырь въ 1773 и 1774 годахъ или Пугачевскій бунтъ (Чтенія въ Московскомъ общес. исторіи и древнос. 1859 г. кн. I).

Описаніе обороны монастыря отъ шаекъ грабителей, дѣйствовавшихъ именемъ самозваннаго императора Петра III. Разсказъ о первоначальныхъ похожденіяхъ Пугачева невѣренъ.

Полуденскій, М. П. Выписка изъ произведеннаго въ Оренбургской секретной коммиссіи слѣдствія о первоначальномъ злодѣйскомъ замыслѣ и предпріятіи бѣглаго донского казака Емельяна Иванова сына Пугачева, въ наименованіи себя именемъ покойнаго императора Петра III; объ обстоятельствахъ на Яикѣ тогда бывшихъ, споспѣшествующихъ ему къ произведенію сего злаго намѣренія въ дѣйство, при вспомоществованіи бунтующихъ яицкихъ казаковъ, безъ всякаго сообразованія къ нему прилѣпившихся (Чтенія въ Московскомъ общ. исторіи и древнос. 1859 г., кн. III).

Бѣгство Пугачева въ Польшу и возвращеніе въ Россію изложены невѣрно. Бѣгство изъ Казани, происхожденіе яицкихъ казаковъ, также

изложено во многомъ неточно. Разсказъ о появленіи Пугачева на Таловскомъ умётё основанъ на первомъ показаніи Оболяева, впослёдствіи признавшемъ свое показаніе невёрнымъ.

Полуденскій, М. Подлинныя бумаги, до бунта Пугачева относящіяся (Чтенія въ Московскомъ общес. исторіи и древн. 1860 г., кн. II).

Документы эти, относящіеся почти ко всему періоду возмущенія, весьма важны.

Полуденскій, М. П. Письма А. И. Бибикова къ А. М. Лунину (Русскій Архивъ 1866 г.)

Письма эти относятся ко времени пребыванія Бибикова въ Варшавѣ и при усмиреніи Пугачевскаго бунта. О послёднемъ есть нёсколько цённыхъ подробностей.

Поспѣловъ, А. Е. Пугачевскій бунтъ (Оренбургскія Губернскія Вёдомости 1869 г. №№ 26—28).

Многіе эпизоды написаны въ запискахъ по слухамъ и притомъ невёрнымъ. Силы Пугачева во многихъ случаяхъ преувеличены, историческіе факты искажены. Пугачевъ не былъ въ Царицынской тюрьмё. Онъ не атаковалъ Корфа и съ Каромъ не сражался. Хлопуша былъ посланъ ранёе и проч. Вообще, при пользованіи записками, надо быть осторожнымъ. Очевидцемъ и участникомъ Поспёловъ былъ въ событіяхъ весьма ограниченныхъ и зналъ весьма мало даже изъ того, что совершалось вблизи Озерной крёпости, въ которой онъ находился.

Пушкинъ, А. С. Исторія Пугачевскаго бунта.

Изложеніе автора, послё массы изданныхъ матеріаловъ, требуетъ весьма тщательной повёрки, но 2-я часть изданія, т. е. приложенія, останутся навсегда драгоцённымъ матеріаломъ.

Ребовъ, А. Разсказъ девяносто-семилётняго казака Малодёльской станицы Антона Ребова о бывшихъ на Дону Пугачевскихъ толпахъ (Донскія Войсковыя Вёдомости 1853 г., № 16).

Очень короткій разсказъ о происшествіяхъ въ Малодёльской станицё въ августё 1774 г.

Садовниковъ. Расправа съ Пугачевцами. Народный разсказъ (Русская Старина 1876 г., т. XVII).

Небольшая замётка о жестокостяхъ помёщиковъ.

Садовниковъ, Дм. Замётки о Пугачевё (Русская Старина 1878 г., т. XXII).

Очень краткое указаніе слёдовъ жестокости Пугачева въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ.

Самойловъ, А. И., графъ. Жизнь и дѣянія генералъ-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго (Русскій Архивъ 1867 г. №№ 4, 7, 10 и 12).

Есть нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о дѣятельности Потемкина во время Пугачевскаго бунта.

Сапожниковъ, С. М. Преданія о временахъ Пугачева (Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1860 г. № 14).

Разсказъ о томъ, какъ отцу Сапожникова Пугачевъ заплатилъ 70 р. за взятый табунъ лошадей. Свѣдѣнія о самомъ Пугачевѣ неточныя и сообщены съ разными прикрасами. Есть нѣсколько словъ о нападеніи мятежниковъ на г. Саратовъ.

Сафоновъ, С. Акты о пребываніи Пугачева въ Моздокѣ (Чтенія въ Московскомъ общ. исторіи и древностей 1848 г., кн. I).

Пять весьма важныхъ донесеній 1772 года. Пребываніе Пугачева въ въ Моздокѣ привело его къ самозванству.

Селифонтовъ, Н. И. Иванъ Константиновичъ Бошнякъ, комендантъ г. Саратова (Русская Старина 1879 г., т. XXVI).

Дѣятельность И. К. Бошняка по защитѣ Саратова при нападеніи Пугачева.

Сенюткинъ, М. Военныя дѣйствія донцовъ противъ Крымскаго хана Девлетъ-Гирея и самозванца Пугачева въ 1773 и 1774 годахъ (Современникъ 1854 г. № 8., т. 46).

Описаніе дѣятельности Пугачева до объявленія себя императоромъ по большей части невѣрно; но весьма важны и интересны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о мѣрахъ предосторожности, принятыхъ на Дону и о дѣйствіяхъ донцовъ противъ Пугачева.

Середа, Н. А. Пугачевскій бунтъ по запискамъ современника и очевидца (Вѣстникъ Европы 1870 г. т. III, № 6).

Перефразъ собственными словами записокъ А. Е. Поспѣлова, напечатанныхъ въ Оренбургскихъ Вѣдомостяхъ 1869 года. См. выше.

Середа, 2-й. Н. Исетская провинція во время Пугачевскаго бунта и генералъ-поручикъ Деколонгъ (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1869 г. №№ 45 и 46).

Статья эта написана въ опроверженіе труда Д. Мордовцева «Русскіе госуд. дѣятели и Пугачевъ». Она основана на данныхъ, помѣщенныхъ въ Пермскомъ Сборникѣ 1859 г. Мы уже имѣли случай говорить о трудахъ г. Мордовцева и о степени ихъ исторической достовѣрности.

Сулоцкій, А. священникъ. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Чтенія въ Московскомъ общес. исторіи и древнос. 1859 г., кн. I).

Дѣятельность духовенства во время бунта. Матеріалъ весьма важный и цѣнный.

Труборовъ, А. Былое изъ Пугачевщины (Осмнадцатый вѣкъ, кн. III).

Разсказъ о томъ, какъ крестьяне въ Нижегородской губерніи хотѣли отвезти къ Пугачеву своего помѣщика Бобоѣдова.

Фуксъ, К. Ѳ. Сказаніе старожиловъ о пребываніи Пугачева въ Казани и о состояніи ея въ то время (Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта и исторіи Казани). Казань, изд. 1843 г.

Книжка эта есть оттискъ статьи изъ Казанскихъ Вѣдомостей и заключаетъ въ себѣ два разсказа купцовъ: И. А. Сухорукова и Л. Ф. Крупеникова. Повѣствованіе относится болѣе до личныхъ похожденій разсказчиковъ, чѣмъ до дѣйствій самозванца подъ Казанью. Показанія Сухорукова въ нѣкоторыхъ случаяхъ разнорѣчивы, но заключаютъ нѣсколько характерныхъ подробностей объ архіепископѣ Веніаминѣ.

Хитровъ, А. Преданія о Пугачевскомъ бунтѣ, сохраняющіяся между жителями Ирбитскаго уѣзда (Пермскія Вѣдомости 1864 г. № 16).

Краткія свѣдѣнія о волненіяхъ въ Краснослободскомъ острогѣ, въ селахъ Вѣлослудскомъ и Стриганскомъ. Преданія во многомъ невѣрныя съ дѣйствительностью, но разсказъ о дѣйствіяхъ помѣщика Ѳеофилова весьма характеристиченъ.

Чупинъ, Наркизъ. Членъ Екатеринбургской горной канцеляріи. М. М. Башмаковъ и дѣйствія его во время Пугачевщины (Пермскія Губернскія Вѣдомости 1869 г. №№ 52, 53, 59, 60, 61, 62).

Чупинъ. Пугачевщина. Новые матеріалы для исторіи Пугачевщины (Русская Старина 1875 г. №№ 2 и 3).

Два рапорта: одинъ о разореніи Вознесенскаго мѣднаго завода, а другой о разореніи заводовъ Твердышева и Мясникова.

Штейнъ. Русскія народныя былины (Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1859 г., кн. III).

На страницѣ 146-й помѣщенъ отрывокъ изъ пѣсни про Пугача. Отрывокъ этотъ заключаетъ въ себѣ описаніе Оренбурга, но о Пугачевѣ нѣтъ ничего, кромѣ имени.

Щебальскій, П. К. Начало и характеръ Пугачевщины, Москва, 1865 г.

Краткій обзоръ всего періода волненій, составленный исключительно по печатнымъ источникамъ. Основываясь во многихъ случаяхъ на «допросахъ Пугачева», г. Щебальскій и многіе другіе авторы разсказываютъ событія невѣрно, но, конечно, не они въ томъ виноваты.

Ястребовъ, М. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1852 г. № 12).

Рапорты: 1) священно-церковно-служителей Срѣтенской церкви Окуневскаго пригородка въ Воскресенское духовное правленіе о прибытіи въ Окуневскъ, 21 февраля 1774 г., толпы мятежниковъ, подъ предводительствомъ есаула Ивана Иванова Ковалевскаго. 2) Священника Каминской слободы Дмитрія Катарова тому же Воскресенскому духовному правленію, отъ 2 апрѣля 1774 г., о возмутительныхъ дѣйствіяхъ старосты Михаила Серебреникова въ пользу Пугачева и о грабежахъ башкирцевъ.

Антоній (Зыбелинъ), епископъ Нижегородскій и Алатырскій 1773—1783 гг. (Нижегородскія Губернскія Вѣдомости 1849 г. №№ 1—3).

Краткая біографія и распоряженіе его во время Пугачевскаго бунта, по полученіи манифеста 29 ноября 1773 г., отправленнаго съ А. И. Бибиковымъ.

Архивныя дѣла. Дѣло о поимкѣ и истребленіи извѣстнаго вора и бунтовщика Пугачева 1773 г. (Казанскія Губернскія Вѣдомости 1867 г. № 42).

Манифестъ 15 октября 1773 г. Донесеніе Свіяжской провинціальной канцеляріи Казанскому губернатору 30 октября 1773 г., объ укупоркѣ денегъ и съ просьбою о помощи. Указъ Сената 13 декабря 1873 г. Манифесты 29 ноября и 24 декабря 1773 г.

Архивъ Государственнаго Совѣта. С.-Петербургъ, изд. 1869 г., двѣ части.

Весьма цѣнный источникъ, въ которомъ видна вся дѣятельность правительства по усмиренію возстанія.

Архимандритъ Іакинфъ (Пермскій Сборникъ 1860 г. № 2).

Небольшая замѣтка о дѣятельности Іакинфа при защитѣ Долматовскаго монастыря отъ шаекъ Пугачева.

Благодарственная рѣчь Императрицѣ Екатеринѣ II, говоренная въ Казанскомъ дворянскомъ собраніи 1-го февраля 1774 года (Прибавленіе къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1844 г. № 52).

Бумаги графа Петра Ивановича Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. (Сборникъ Императорскаго русск. историчес. общества, т. VI).

Подлинныя донесенія гр. Панина и письма къ нему императрицы, за все время командованія имъ войсками по усмиренію Пугачевскаго бунта.

Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (Сборникъ Императорскаго историчес. общества Т. III и IV, а по общему счету 13 и 27).

О важности этихъ бумагъ говорить нечего.

Веніаминъ, Пуцекъ-Григоровичъ, митрополитъ Казанскій (Прибавленіе къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1844 года № 36).

Краткія свѣдѣнія о дѣятельности Веніамина во время Пугачевскаго бунта, осада Казани, арестъ Веніамина и рескриптъ къ нему Екатерины. Статьею этою пользовался свящ. Архангельскій при составленіи біографіи архіепископа, помѣщенной въ Странникѣ 1866 г., № 1.

Волненія на Яикѣ передъ Пугачевскимъ бунтомъ. Записка капитана Саввы Маврина, составленная на основаніи показанія казаковъ (Памятники новой русской исторіи, изданія В. Кашперова, т. II).

Подробный разсказъ о происшествіяхъ на Яикѣ съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣнія по день появленія Пугачева. Источникъ весьма важный.

Главные пособники Пугачева (Русская Старина 1876 г., т. XVI и XVII).

Показанія казаковъ: Перфильева, Творогова и Чумакова, купца Долгополова, татарина Конзофара Усаева, жены Пугачева Софьи, Пьянова, игумена Филарета, Дружинина, Мамаева, Бугурусланскаго депутата Давыдова, Петра Емельянова и Іова Мосякина.—Изъ этого списка видно, что многія лица никогда не были пособниками, а лишь сообщниками. Показанія этихъ лицъ весьма важны, но не во всемъ точны и получаютъ историческую достовѣрность только по сличеніи съ другими.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (Русская Старина 1873 г., т. VIII, 907).

Подъ этимъ обширнымъ заглавіемъ напечатано только одно письмо гр. Панина къ Д. И. Фонъ-Визину, отъ 29 августа 1774 г.

Гурьевъ городокъ и Гурьевскіе учуги (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1872 г. №№ 30, 31).

Статья неоконченная.

Два письма Великія Екатерины нижегородскому губернатору генералъ-поручику А. А. Ступишину (Сѣверная Пчела 1833 г. № 3).

Письма эти писаны по поводу волненій, возникшихъ въ Нижегородской губерніи во время Пугачевскаго бунта и поимки Ильи Аристова, обвинявшаго архіепископа Веніамина въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ.

Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ при русскомъ дворѣ (Сборникъ Императорскаго русск. историчес. общества, т. XIX.

Подъ 1773—1775 гг. въ донесеніяхъ попадаются свѣдѣнія о Пугачевскомъ бунтѣ, но требуютъ тщательной повѣрки.

Дополнительное показаніе (Чтенія въ Московскомъ общес. истор. и древ. 1858 г., кн. II).

Текстъ напечатанъ съ невѣрной рукописи.—Напечатано Симоновъ—вмѣсто Салмановъ, Порацкій—вмѣсто Персидскій, Дурали султанъ—вмѣсто Дусали—султанъ, сыновьямъ—вмѣсто братьямъ, и проч. проч. Вообще показаніемъ этимъ, въ томъ видѣ, какъ оно напечатано, пользоваться невозможно.

Допросы Пугачеву (Чтенія въ Московскомъ общес. исторіи и древностей 1858 г., кн. II).

Это собственно не допросы, а первое показаніе Пугачева, данное въ Яицкомъ городкѣ 16 сентября 1774 года.—Показаніе это напечатано съ невѣрной рукописи и потому совершенно искажено.—Въ текстѣ пропущены цѣлыя строки, перепначены собственныя имена и названія мѣстности. Такъ напечатано: хорунжій Усть-Медвѣдицкій—вмѣсто Устинъ Медвѣдчиковъ, Карповъ—вмѣсто Каргинъ; слобода Вѣтка названа Вѣтою, Антиповская станица—Остановскою.—Цифры правительственныхъ войскъ и силы Пугачева также не вѣрны: на стр. 25 напечатано 100 т., вмѣсто 10 т. заводскихъ крестьянъ; 4 т. башкирцовъ, вмѣсто 400. Не имѣя возможности перечислить здѣсь всѣхъ неточностей, долженъ сказать, что на одномъ этомъ показаніи основываться невозможно.—Въ тайной экспедиціи въ Москвѣ, при новомъ допросѣ, Пугачевъ отъ многаго отказался, сознался, что многое показалъ ложно и былъ уличаемъ на очныхъ ставкахъ съ сообщниками. Это показаніе можетъ служить источникомъ только при сличеніи его съ показаніями другихъ лицъ, да и то не по печатному тексту.

Допросъ, учиненный государственному злодѣю и самозванцу Пугачеву въ присутствіи Г. Г. М. П. С. Потемкина 1774 г., октября со 2-го по 5-е число (Чтенія въ Московскомъ общес. истор. и древн. 1858 г., к. II).

Слѣдуетъ читать такъ: «Допросъ, учиненный государственному злодѣю и самозванцу Пугачеву, въ присутствіи генерала графа Панина и генералъ-маіора Потемкина 1774 г. октября со 2-го по 5-е число, въ Симбирскѣ». Текстъ этого допроса страдаетъ еще большими погрѣшностями, чѣмъ и предыдущій.

Дюковъ, Иванъ Игнатьевичъ (Оренбургскія Вѣдомости 1852 г. № 41).

Біографическій очеркъ съ указаніемъ заслугъ Дюкова въ защитѣ г. Уфы при блокадѣ ея башкирцами и Зарубинымъ (Чикою).

Екатерина II и Пугачевщина (Русская Старина 1875 г. № 5).

Собственноручныя письма Императрицы П. С. Потемкину съ 30 іюня 1774 г. по 12 февраля 1775 года.

Еще посланіе преосвященнаго Веніамина, архіепископа Казанскаго, къ своей возмущенной Пугачевымъ паствѣ (Вятскія Епархіальныя Вѣдомости 1863 г. № 22).

Оба эти посланія напечатаны безъ года, мѣсяца и числа.

Замѣтки о Пугачевѣ (Русская Старина 1878 г. № 7).

Слѣды разореній, произведенныхъ Пугачевымъ въ Самарской и Симбирской губерніяхъ; перечисленіе нѣсколькихъ случаевъ изъ его жестокостей.

Записка полковника Пекарскаго (Москвитянинъ 1841 г., ч. III).

Разсказъ очевидца далеко недостовѣрный: перемѣшаны событія, искажены собственныя имена и страдаетъ хронологія.

Записки А. Т. Болотова (Приложеніе къ Русской Старинѣ 1872 г).

Въ т. III записокъ встрѣчается нѣсколько словъ о состояніи Москвы во время Пугачевскаго бунта. Свѣдѣнія эти интересны какъ свидѣтельство очевидца, описавшаго и казнь самозванца.

Записки Д. Б. Мертваго (Русскій Архивъ 1867 г. №№ 8 и 9).

Начало записокъ напечатано было въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г. № 1. Записки эти заключаютъ въ себѣ нѣсколько словъ о защитѣ Казани и описаніе дѣятельности Пугачевскихъ шаекъ въ Алатырскомъ уѣздѣ. Источникъ весьма цѣнный.

Записки сенатора П. С. Рунича о Пугачевскомъ бунтѣ (Русская Старина 1870 г., т. II).

Записки эти писаны, вѣроятно, спустя много лѣтъ послѣ событій, потому что въ нихъ встрѣчаются неточности въ числахъ и собственныхъ именахъ. Онѣ заслуживаютъ вниманія по разсказу о Долгополовѣ, такъ какъ авторъ былъ личнымъ свидѣтелемъ имъ описываемаго. Все же что̀ касается личности Богомолова, искажено и невѣрно.

Извѣстіе о злодѣйскомъ нашествіи на городъ Казань бунтовщика Емельки Пугачева. Извлечено изъ письма архимандрита Спасо-Преображенскаго монастыря Платона Любарскаго къ Н. Н. Бантышъ-Каменскому 1774 года августа 24 дня (Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику 1830 г. № 26).

Свѣдѣнія весьма важныя, какъ свидѣтельство очевидца.

Извѣстіе о поимкѣ Пугачева (Русская Старина 1876 г., т. XVI).

Письмо графа П. И. Панина сенатору П. С. Сумарокову о поимкѣ Пугачева.

Историческая замѣтка о Пугачевскомъ бунтѣ (Казанскія Губернскія Вѣдомости 1864 г. № 25).

Краткія свѣдѣнія о защитѣ жителями г. Ядрина и награды, пожалованныя Екатериною участникамъ защиты.

Историческое извѣстіе о бывшихъ въ Казани архіереяхъ съ 1552 года или со времени покоренія сего города (Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику 1829 г. № 19).

Краткія біографическія свѣдѣнія о преосвященномъ Веніаминѣ.

Казань, 12 іюля 1774 года (Казанскій Биржевой Листокъ 1874 г. № 54).

Очеркъ этотъ написанъ по статьямъ Пушкина, Щебальскаго и Мордовцева. Имѣетъ всѣ недостатки источниковъ, изъ которыхъ заимствованъ. Указаніе относительно Софьи Пугачевой невѣрно. Разсказъ автора, что надъ Казанью развѣвалось бѣлое знамя съ раскольничьимъ крестомъ—выдумка.

Кое-что о службѣ нашихъ уральскихъ казаковъ въ прежніе годы (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1871 г. № 39).

Перечисленія командировокъ на внѣшнюю и внутреннюю службы съ 1655 по 1804 годъ. — Весьма важный матеріалъ для исторіи войска и участія его въ военныхъ дѣлахъ того времени, на окраинахъ Россіи.

Ложный Петръ III или жизнь, характеръ и злодѣянія бунтовщика Емельки Пугачева. Москва. 1809 года, 2 части.

Обѣ части не имѣютъ никакого историческаго значенія, такъ какъ заключаютъ въ себѣ много вымышленнаго и анекдотическаго.

Манифесты Пугачева (Русскій Архивъ 1870 г., т. I).

Два манифеста: одинъ отъ 10 августа 1774 г., Антиповской станицы атаману Платонову, а другой отъ 13 августа Донскому войску.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Оренбургскія Вѣдомости 1852 г. №№ 35, 37, 38, 40, 43, 44, 45).

Экстрактъ, сочиненный изъ дѣла о самозванцѣ войска донскаго казакѣ раскольникѣ Емельянѣ Пугачевѣ, произведеннаго объ обстоятельствахъ, съ нимъ Пугачевымъ и съ измѣнническою его толпою происшедшихъ, и какія притомъ здѣшнія распоряженія и дѣйствія учинены. Свѣдѣнія съ сентября 1773 г. по 27 марта 1774 г.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Пермскій Сборникъ 1859 г., кн. II).

Три документа объ осадѣ Кунгура въ январѣ 1774 г.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Пермскій Сборникъ 1860 г., кн. II).

1) Объясненіе секундъ-маіора Попова въ Пермскую провинціальную канцелярію. 2) Журналъ происшествіямъ въ г. Кунгурѣ при нападеніи въ 1774 году башкирской толпы и отбитіи ея. 3) Рапортъ Кунгурскаго провинціальнаго магистрата Казанскому губернатору фонъ-Брандту о нападеніи мятежниковъ на г. Кунгуръ.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Пермскія Губернскія Вѣдомости 1864 г. №№ 7, 11, 18, 19, 20 и 52).

Распоряженія мѣстныхъ властей по прекращенію мятежа въ Пермской губерніи, начиная съ конца 1773 года.—Положеніе во время бунта городовъ Осы, Кунгура, Сарапуля, Соликамска, Красноуфимска, Воткинскаго завода, Мѣдянки и Очерскаго завода.

Матеріалы для исторіи самозванца Іова Мосякина (Воронежская Бесѣда на 1861 г.).

Два письма генералъ-прокурора кн. Вяземскаго къ Воронежскому губернатору Шетневу о разсмотрѣніи наказанія Мосякину и его товарищамъ.

Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе. Москва, 1807 г.

Выдержка изъ записки Платона Любарскаго, напечатанной потомъ въ приложеніи къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», А. С. Пушкина.

Наставленіе л.-гв. Измайловскаго полка капитану Александру Лунину (Чтенія общества исторіи и древнос. 1864 г., кн. III).

Наставленіе, данное П. С. Потемкинымъ, какъ обращаться и поступать съ преступниками, отправленными съ нимъ изъ Казани въ Москву.

Нѣчто о жизни митрополита Веніамина. Извлечено изъ исторіи города Казани (прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику 1830 г. № 28).

Статья эта перепечатана во многихъ изданіяхъ.

Нѣчто о Пугачевскомъ бунтѣ (Газета Волга 1862 г. № 80).

Одно донесеніе капитана Бутримовича коменданту Хоперской крѣпости Подлящному, отъ 31 января 1774 г.

О гражданскихъ начальникахъ, когда и какіе учреждаемы были, и о начальникахъ, какъ они съ начала города Уфы именовались и что особенно при каждомъ случилось и въ какихъ именно годахъ (Оренбургскія Вѣдомости 1852 г. №№ 14, 15 и 16).

Краткія свѣдѣнія, изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ, начиная с[illegible] года по 1778 годъ. Наиболѣе подробно изложено обложеніе [illegible] начальниками въ 1773 и 1774 годахъ.

[illegible] происхожденія дѣлъ и сокрушенія бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева, Москва, 1775 г. (Манифестъ).

Опредѣленіе Казанскаго дворянства о собраніи коннаго корпуса войскъ изъ своихъ людей противъ Пугачева (Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1864 г., кн. III).

Опредѣленіе состоялось 1 января 1774 г.

О Пугачевскомъ бунтѣ (Архивъ князя Воронцова, кн. 25, стр. 432).

Два письма изъ имѣній графа Воронцова о варварскихъ дѣйствіяхъ мятежниковъ въ Саранскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ.

О различныхъ народахъ, внутри Оренбургской губерніи находящихся (Приложеніе къ Казанскому Вѣстнику 1829 г. № 50).

Краткое описаніе башкирскаго бунта въ 1757 году.

Отрывокъ изъ описанія жизни Казанскаго митрополита Веніамина (Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду 1833 г., стр. 202).

Статья эта заимствована изъ прибавленій къ Казанскому Вѣстнику и заключаетъ въ себѣ только рескриптъ Екатерины Веніамину 26 января и письмо Веніамина императрицѣ, отъ 6 февраля 1775 г.

Осада г. Уфы во время Пугачевскаго бунта (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1847 г. №№ 12, 13, 14 и 15. Статья эта перепечатана въ Русск. Инвал. 1847 г. №№ 104 и 106).

Весь разсказъ не внушаетъ никакого довѣрія. — Чика прибылъ къ Уфѣ въ декабрѣ, а не 1-го октября. Къ этому времени относится только появленіе самого Пугачева. Ни въ октябрѣ, ни въ ноябрѣ приступовъ къ Уфѣ не было, и авторъ смѣшиваетъ Чику съ другими предводителями шайки. Полковникъ Мясоѣдовъ лично не переговаривался съ мятежниками и проч.

О состояніи учебныхъ въ Казани заведеній съ 1759 по 1805 годъ, или въ продолженіе 46 лѣтъ (Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику 1828 г. № 2).

Разсказъ, впрочемъ, очень краткій, о происшествіяхъ съ гимназіею во время Пугачевскаго бунта и разоренія Казани.

Памяти преосвященнаго Меѳодія епископа Астраханскаго (Владимірскія Епархіальныя Вѣдомости 1876 г. № 10).

Статья эта перепечатана въ Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1876 года № 27. Все, что сказано о Пугачевскомъ движеніи, отъ начала и до конца невѣрно. Странно, что подобная статья могла явиться въ печати послѣ многихъ монографій о Пугачевѣ.

Переплетъ (?) по повелѣнію его высокографскаго сіятельства графа Петра Ивановича Панина о присылкѣ къ его сія-

[illegible] Пугачевъ вѣдомости (Казанскія Губерн-
[illegible]

[illegible] причиненныхъ имъ
[illegible]

[illegible] Суворова къ князю Потемкину (Архивъ князя
[illegible]

[illegible] времени Пугачева, а именно изъ
[illegible] ошибочно сдѣлалъ примѣ-
[illegible] отправленіемъ на поимку Пу-
[illegible] уже закованный, давалъ первыя
[illegible] октября былъ уже въ Сим-

[illegible] архіепископа казанскаго, къ архимандриту
[illegible] Пюдарскому (Русскій Архивъ 1871 г., т. I).
[illegible] нѣкоторыми священниками

[illegible] Императрицы Екатерины II къ князю М. Н. Волконско-
[illegible] сборникъ изданія Бартене-
[illegible]

[illegible] періодъ смуты и весьма важны.

[illegible] Демидова къ Михельсону (Русскій Архивъ 1873 г.
[illegible]

[illegible] при преслѣдованіи Пугачева.

[illegible] Пугачевѣ (Русскій Архивъ 1876 г., т II).
[illegible] невѣрный.

[illegible] архіепископа казанскаго, своей паствѣ (Пра-
[illegible] 1859 г., ч. II, стр. 205).
[illegible] году. Въ искаженномъ видѣ оно на-
[illegible] Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1863 г.,
[illegible] преосвященнаго Веніамина, архіепископа
[illegible] для исторіи Пугачевскаго бунта».

[illegible] Пугачева (Саратовскія Вѣдомости 1860 г.
[illegible]

[illegible] Пугачевъ, переѣзжая черезъ озеро Грошово,
[illegible] сколько боченковъ денегъ. Преданіе не со-
[illegible]

[illegible] дворянства графу П. И. Панину (Чте-
[illegible] обществѣ исторіи и древностей 1864 г.,

[illegible] мѣсяца и числа.

Проза А. С. Пушкина (Библіографическія записки 1859 г. №№ 5 и 6).

Нѣсколько позднѣйшихъ замѣтокъ Пушкина о Пугачевскомъ бунтѣ, невошедшихъ въ его исторію. За малыми исключеніями онѣ тѣ же, что и въ Сборникѣ журнала «Заря». См. ниже «Собственноручныя примѣчанія и проч.»

Пугачевскіе листы (Русская Старина 1875 г. № 6).

Подъ этимъ заглавіемъ напечатаны: манифестъ Пугачева, отъ 2-го декабря, два воззванія Грязнова къ жителямъ Челябы и билетъ, выданный Чикою (Онъ же Зарубинъ и Пугачевскій графъ Чернышевъ).

Пугачевскіе листы въ Москвѣ (Русская Старина 1875 г. № 7).

Всего только одинъ листъ, отъ 31 іюля 1774 года.

Пугачевщина (Русская Старина 1874 г., т. XI).

Подъ этимъ обширнымъ заглавіемъ напечатано одно письмо помѣщицы Лопатиной изъ Арзамаса, о замученномъ близъ Саранска семействѣ помѣщика.

Разсказъ, записанный со словъ одного изъ участниковъ Пугачевскаго бунта (Чтенія въ Московскомъ общес. истор. и древн. 1862 г., кн. III).

Разсказъ этотъ принадлежитъ Верхоланцеву и въ 1864 году перепечатанъ въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ № 2, а прежде всего напечатанъ В. Далемъ въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. 4.

Рескриптъ императрицы Екатерины II Веніамину архіепископу Казанскому, 22 октября 1773 г. (Православ. Собесѣд. 1859 г., ч. II).

Рѣчь благодарственная, произнесенная въ Казани Державинымъ въ 1774 г. (Русскій Инвалидъ 1860 г. № 69).

Салаватъ Юлаевъ, башкирецъ Шайтанъ-Кудейской волости (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1847 г. № 4).

Біографическія свѣдѣнія о Салаватѣ не совсѣмъ вѣрныя.

Сборникъ древностей Казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, стараніемъ и трудами Спасо-Казанскаго Преображенскаго монастыря архимандрита Платона составленный, 1782 г. Казань, изд. 1868 г.

Очень краткія свѣдѣнія о разореніи Казани Пугачевымъ; указъ Сиоду и рескриптъ Веніамину о пожалованіи его въ санъ митрополита. Благодарственное письмо Веніамина императрицѣ.

Собственноручная записка графа А. В. Суворова объ его службѣ и происхожденіи его фамиліи (Сѣверный Архивъ 1823 г., т. V).

Устройство линіи по р. Яику отъ Яицкаго городка до Гурьева (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1871 г. № 40).

Первоначальное устойство линіи для защиты отъ набѣговъ киргизовъ относится къ 1747 году.—Авторъ указалъ на расположеніе казачьихъ командъ по линіи въ этомъ году, далѣе не продолжалъ и статья по своему содержанію далеко не соотвѣтствуетъ данному ей заглавію.

Яицкое казачество (Русскій Вѣстникъ 1863 г. № 7 и 1864 г. № 8).

Въ первой статьѣ изложена первоначальная исторія казаковъ до бунта Стеньки Разина, а во второй — до Пугачева. Много ошибокъ и неточностей. Статья написана безъ хронологической послѣдовательности. Какъ источникомъ можно пользоваться съ большою осторожностью.

Алфавитный указатель собственныхъ именъ, упомянутыхъ въ текстѣ.

Абариновъ, прапорщикъ. 114.
Авиновъ, Ѳедоръ, казакъ. 225.
Александръ I, Императоръ. 362.
Александръ, архимандритъ Петровскаго Саранскаго монастыря. 121, 123, 343.
Александръ, протоіерей Успенскаго собора. 358, 359.
Алексѣевъ, Петръ, казакъ. 234, 235.
Алексѣевъ, капитанъ. 101.
Алексѣевъ, Петръ, протоіерей. 363, 379, 386.
Алексѣевъ, поручикъ. 204.
Аліевъ, татаринъ. 104, 105.
Алмаметевъ, Мусалимъ, татаринъ. 85.
Алымовъ, Иванъ. 73, 74.
Амбразанцевъ, подпоручикъ. 101.
Андреевъ, Евдокимъ, священникъ. 115,
Андрей, протоіерей Преображенскаго собора. 358.
Андреевъ, Тихонъ, секретарь. 164, 167, 168.
Андронниковъ, П. 379.
Анна, Императрица. 136.
Аника, башкирскій старшина. 20.
Антингъ. 307, 379.
Антоній, епископъ нижегородскій. 115, 119.
Анучинъ, Д. 29, 106, 202, 306, 307, 379, 380, 388.
Апчигулъ, башкирскій старшина. 40.
Апухтинъ, генералъ-поручикъ. 359.
Аристовъ, Илья. 329, 330, 331, 332, 333, 334, 336, 337, 338, 346, 348, 349, 350, 351, 352, 395.
Аристовъ, Н. 380.
Арсеньевъ, А. В. 380.
Арслановъ, Кипзя. 64.
Архангельскій, Михаилъ, священникъ. 381, 394.
Архаровъ, московскій полиціймейстеръ. 364, 365, 366.
Архаровъ, подполковникъ. 140, 297.
Аршеневскій, бригадиръ. 286.
Аршеневскій, подполковникъ. 12, 14.
Арыковъ, Дмитрій, казакъ. 260.
Астраханкинъ, казакъ. 276, 277.
Атажукинъ, князь. 257.
Атнагуловъ, мулла. 58.
Ахшарумовъ. 8, 17.
Ащеуловъ, счетчикъ. 204.
Багратіонъ, И. В., князь. 238, 239, 240, 246, 247, 248, 254, 257, 321.
Баженовъ, Николай. 83, 93, 381.
Бакалкинъ, Иванъ. 262.
Баннеръ, генералъ. 83, 84, 85.
Бантышъ-Каменскій, Н. Н. 104, 123, 320, 347, 396.
Баратаевъ, князь. 209.
Бардовскій, Алексѣй, сержантъ 280.

Барсуковъ, А. П. 381.
Башмаковъ. 10.
Башмаковъ, ассессоръ. 57, 58, 66, 67.
Башмаковъ, М. М. 392.
Башмаковъ, Михайло, товарищъ воеводы. 120.
Бедряга, подполковникъ. 298.
Безмыловъ, Иванъ. 172.
Бекреневъ, казакъ. 178.
Белькуръ. 381.
Бепицкій, Петръ, поручикъ. 34.
Берглинъ, штернъ-фервальтеръ. 10.
Берже, А. 381.
Бибиковъ, Алекс. Ильичъ. 1, 2, 4, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 23, 24, 49, 50, 56, 110, 134, 192, 193, 200, 288, 331, 380, 381, 383, 386, 390, 393, 402.
Бибиковъ, Василій, полковникъ. 23, 24.
Блохинъ, подпоручикъ. 101.
Бобоѣдовъ, помѣщикъ. 392.
Богомоловъ, самозванецъ. 382, 387, 396.
Болотовъ, А. Т. 139, 364, 365. 396.
Болтугаковъ, Ильсигай. 20.
Борисовъ, есаулъ. 229.
Борисовъ, Иванъ, поручикъ. 34.
Бородинъ, маіоръ. 253, 255, 256, 279, 326.
Бошнякъ, полковникъ. 181, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 237, 240, 391,
Брандтъ, Я. Л., генералъ. 48, 56, 57, 58, 59, 62, 63, 67, 72, 74, 75, 76, 80, 82, 83, 84, 85, 103, 104, 107, 109, 111, 121, 128, 131, 132, 188, 266, 320, 398.
Броневскій. 381.
Брянцовъ, Гаврила, регистраторъ. 74.
Будановъ, офицеръ. 209.
Бунинъ, прапорщикъ. 78.
Бурновъ, Иванъ, казакъ. 260, 263, 264, 265, 278.
Буткевичъ, Иванъ, маіоръ. 176,
Бутковъ, П. Г. 382.
Бутримовичъ, капитанъ. 398.
Бутыркинъ, маіоръ. 196, 209.
Быковъ, маіоръ. 197.
Быковъ, подпоручикъ. 101.
Бѣлобородовъ, атаманъ. 18, 19, 20, 22, 29, 30, 32, 55, 56, 57, 68, 72, 87, 88, 89, 93, 384.
Бѣлокопытовъ, Матвѣй, подполковникъ. 116, 125.
Бѣляевъ, Іоаннъ, священникъ. 382.
Бѣляковъ, Алексѣй, бургомистръ. 115.
Бѣляковъ, Василій, городской голова. 115.
Вавиловъ, прапорщикъ. 32.
Васильевъ, Дмитрій, священникъ. 115.
Васильевъ, Петръ, чиновникъ архіерейской канцеляріи. 348.
Васильевъ, Петръ, подъячій. 121.
Васильевъ, поручикъ. 389.
Васильевъ, прапорщикъ. 125.
Веденяпинъ, поручикъ. 78.
Венеровскій, Василій, депутатъ. 231.
Венгерскій, поручикъ. 101.
Вениаминъ, архіепископъ. 95, 123, 327, 329, 333, 340, 342, 343, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 381, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402.
Венцель, коллежскій совѣтникъ. 73, 74.
Верхоланцевъ. 30, 71, 89, 382, 384, 401.
Вейдемейеръ, А. 382.
Визинъ Фонъ, Д. И. 296, 394.
Винокуровъ, есаулъ. 208.
Витевскій, В. Н. 382.
Владиміровъ, В. 84, 85, 382.
Волеговъ. 382.
Волковъ, А., генералъ. 138, 149.
Волковъ, Д. В. 358, 359. 361.
Волконскій, М. Н., князь, главнокомандующій въ Москвѣ. 4, 5, 105, 129, 132, 136, 138, 139, 140, 143, 146, 147, 150, 160, 161, 162, 285,

307, 309, 310, 327, 328, 329, 356, 357, 358, 366, 382, 400.
Волоцкой, капитанъ. 4, 5.
Воскресенскій, А. 382.
Врублевскій, полякъ-волонтеръ. 42.
Всеволожскій, Андрей, надворный совѣтникъ. 162, 169.
Всеволожскій, В. А. 358.
Вуколовъ, полковникъ. 220, 223.
Вырубовъ, П. И. 358.
Вяземскій, А. А., князь. 5, 44, 45, 47, 48, 57, 58, 64, 82, 105, 106, 125, 133, 162, 170, 181, 182, 199, 298, 318, 351, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 366, 367, 398.
Вяземскій, И. А., князь. 358.
Гагринъ, маіоръ. 12, 13, 24, 34, 36, 39, 60, 75, 82, 136, 148, 385.
Галаховъ, капитанъ. 155, 161, 162, 254, 255, 283, 308, 329.
Галкинъ-Врасскій, М. Н. 382.
Гезилевскій, капитанъ. 297.
Генадій, епископъ суздальскій. 358.
Герасимовъ, Гаврило, маіоръ. 162, 163, 164, 165, 166, 167.
Герасимовъ. 206.
Глѣбовъ, А. И. 358.
Глѣбовъ, помѣщикъ. 78.
Гогель, маіоръ. 177, 179.
Голицынъ, Александръ, князь. 129, 133.
Голицынъ, М., князь. 382.
Голицынъ, П. М. князь. 1, 7, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 29, 30, 31, 40, 54, 60, 63, 76, 77, 80, 102, 108, 109, 111, 128, 129, 130, 131, 132, 148, 244, 245, 253, 254, 255, 262, 280, 282, 283, 287, 384, 389.
Горбушинъ, казакъ. 279.
Горичъ, маіоръ. 257.
Горскій, казакъ, депутатъ. 230, 231, 232, 233, 234, 235, 258, 362.
Горчаковъ, подпоручикъ. 4, 5, 334, 336, 337, 338, 342, 346, 349.
Горшковъ, казакъ. 355.
Грековъ, Макаръ. 238, 242,
Григорьевъ, прапорщикъ. 164, 167.
Григорьевъ, Сергѣй, секретарь. 163, 169.
Гриневъ. 249, 250, 251, 252.
Гротъ, Я. К., академикъ. 112, 147, 185, 187, 190, 193, 202, 204, 205, 210, 262, 267, 279, 281, 292, 310, 383.
Грязновъ, предводитель шайки. 401.
Гуляевъ, коллежскій ассессоръ. 163, 169.
Гуляевъ, С. И. 383.
Гуннингъ, Робертъ. 135.
Гурьевъ, Иванъ, купецъ. 121.
Давилинъ, казакъ. 245, 251.
Давыдовъ, генералъ-поручикъ 359.
Давыдовъ. 394.
Даль, В. 382, 384, 401.
Дебреспъ, А. И. 64.
Девлетъ-Гирей, ханъ. 391.
Деколонгъ, генералъ. 17, 21, 23, 24, 31, 32, 33, 34, 36, 38, 39, 40, 42. 43, 76, 130, 148, 149, 287, 383, 391.
Дельвигъ, баронъ. 101.
Демаринъ, полковникъ. 31.
Демидовъ, П. А. 102, 400.
Демьяновъ, ротмистръ. 101.
Денисовъ, Карпъ, полковникъ. 241.
Денисовъ, Михайло, полковникъ. 241.
Денисовъ, полковникъ. 14.
Денисьевъ, поручикъ. 228,
Дербетевъ, калмыкъ, 8, 9,
Державинъ, Г. Р. 46, 48, 75, 162, 176, 177, 179, 180, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 220, 282, 292, 310, 351, 383, 401.
Дицъ, маіоръ. 227, 228, 237, 239, 356.
Дмитріевъ, Ив. Ив. 365, 384.
Долгополовъ, купецъ. 52, 64, 65, 66, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 254, 255, 381, 394, 396.
Долгоруковъ, князь. 138, 147.
Долгорукій, князь, полковникъ. 12, 60.
Долгоруковъ-Крымскій, князь. 148, 149.
Домогацкій, ротмистръ. 101.
Дондуковъ, князь. 227, 228, 229, 237.

Древицъ, полковникъ. 147, 149, 151, 285, 297, 298.
Дружининъ. 394.
Дрябловъ, коммерціи совѣтникъ. 83.
Дубровскій, пугачевскій секретарь. 87, 215, 216, 217, 224, 225, 235, 251, 259, 260.
Дуве, маіоръ. 60, 61, 62, 98, 99, 101.
Дудкинъ, Степанъ, секретарь. 163.
Дуровъ, капитанъ. 191.
Дюковъ, И. И., купецъ. 395, 396.
Евкинъ, маіоръ. 17.
Евлагій, священникъ. 335.
Евреиновъ, прапорщикъ. 67.
Евстафьевъ, Петръ, крестьянинъ. 170, 171.
Евсюковъ, маіоръ. 172, 173, 174.
Егоровъ, Кузьма, староста. 113.
Екатерина, II Императрица. 2, 4, 5, 6, 46, 48, 96, 129, 132, 133, 134, 136, 137, 142, 144, 146, 149, 157, 159, 175, 232, 253, 270, 285, 296, 302, 303, 318, 323, 325, 327, 328, 330, 344, 347, 350, 355, 356, 367, 372, 374, 378, 386, 393, 394, 396, 397, 399, 400, 401, 402.
Елизаровъ, бургомистръ. 163, 167.
Емельяновъ, Петръ. 394.
Енгалычевъ, князь. 101.
Еремѣевъ, Михаилъ. 116.
Ермолаевъ, поручикъ. 303.
Ермоловъ, подпоручикъ. 78.
Еропкинъ, П. Д., генералъ. 139.
Ейманъ, корнетъ. 101.
Желѣзновъ. 263, 276, 277, 278.
Желѣзновъ, I. 384.
Желѣзновъ, Тимофѣй, казакъ. 260.
Жигалинъ, Василій, казакъ. 278.
Жолобовъ, маіоръ. 34, 36, 39, 40, 60, 75, 82, 148.
Жуковскій, И. 384.
Жуковъ, судья соленой конторы. 189, 204, 210.
Забурунный, Осипъ, казакъ. 222.
Замошниковъ, поручикъ. 37.
Зоринъ, Аоанасій, крестьянинъ. 69, 71.
Зарубинъ (Чика). 273, 362, 396, 401.
Захаровъ, Василій, бурмистръ. 113.
Звѣринскій, прапорщикъ. 101, 252.
Зелинскій, поручикъ. 101.
Зимнинскій, подполковникъ. 176.
Зоргеръ, маіоръ. 196, 209.
Зряховъ, секретарь. 337, 338, 341.
Зыбѣлинъ, Антоній, епископъ нижегородскій. 393.
Зыряновъ, А. 384.
Иванова, Прасковья. 380.
Ивановъ, Адріанъ, священникъ. 115.
Ивановъ, Иванъ. 286, 297.
Ивановъ, крестьянинъ. 168, 170.
Ивановъ, подпоручикъ. 121.
Ивановъ, прапорщикъ. 101.
Ивановъ, Фирсъ. 286.
Игельстромъ, баронъ. 101.
Игнатьевъ, Р. 384, 385.
Идорка, башкирецъ. 234.
Измайловъ, М. М. 358.
Иловайскій, Алексѣй, полковникъ. 218, 224, 253, 255, 256.
Илькибаевъ, сотникъ. 52.
Имангуловъ, Мусса. 24.
Исаакій, архимандритъ. 173.
Іакинфъ, архимандритъ. 393.
Іоаннъ, архимандритъ новоспаскій. 358, 359.
Іопинъ, Алексѣй, дьяконъ. 339, 340, 341, 342, 343, 344, 346, 347, 349, 351.
Калмыковъ, Иванъ, казакъ. 278.
Каменицкая, Авдотья, вдова. 121.
Каменскій, генералъ-поручикъ. 359.
Кандышевскій, капитанъ. 101.
Каницъ, фонъ, Ю., директоръ казанской гимназіи. 84, 85, 102, 385.
Капыкаевъ, Бахтіаръ, мещерякъ. 22.
Карповъ, Якимъ. 238,
Каръ, генералъ. 129, 383, 390.
Кашкинъ, калмыкъ. 52.
Кашперовъ, В. 394.
Кайтукинъ, князь. 257.
Квашнинъ-Самаринъ, капитанъ. 7, 8, 17.

Кирсановъ, Павелъ. 238.
Клепиковъ, Алексѣй. 73.
Клескина, жена маіора. 125.
Кобяковъ, Ѳедоръ, купецъ. 202, 208, 209.
Кожинъ, полковникъ. 59, 77, 79, 148.
Козловъ, И. И. 358, 359.
Козновъ, Андрей, купецъ. 165, 166, 167.
Козьминъ, Андрей, солдатъ. 331.
Колобродовъ, хорунжій. 180, 207.
Колошинъ, Л. И. 358, 359.
Комаровъ, Миронъ. 74.
Кондюринъ, Иванъ. 72.
Коноваловъ, Василій, казакъ. 30.
Коноваловъ, сотникъ. 22, 276, 279.
Кононовъ, А. 385.
Копьевъ, воевода. 114.
Корольковъ, секретарь. 171.
Корфъ, бригадиръ. 390.
Косаговскій, Василій, подпоручикъ. 117, 118, 119.
Костенко, Ю. 385.
Котельниковъ, Данила, крестьянинъ. 56, 57.
Кохъ, капитанъ. 82.
Краевичъ, капитанъ. 42.
Крапивинъ, казакъ. 242.
Краснощековъ, полковникъ. 129, 147.
Крестовскій, Всеволодъ. 385.
Кречетниковъ, П., генералъ. 181, 182, 183, 184, 186, 187, 189, 192, 195, 196, 199, 200, 201, 202, 203, 210, 227, 237, 239, 240, 256.
Кроткій, С. Е., помѣщикъ. 322. 323.
Крупенниковъ, Л. Ф., купецъ. 402.
Крыжинъ, капитанъ. 286.
Кудрявцевъ, генералъ-маіоръ. 91.
Кузнецова, Устинья. 65, 116, 121, 165, 315.
Кузнецовъ, Семенъ, канцелярист. 176.
Кулыгинскій, священникъ. 385.
Кулмаметевъ, 257.
Курочкинъ, Н., священникъ. 386.
Кутейниковъ, Ѳедоръ, полковникъ. 227, 228, 239, 240, 241, 242.
Куткинъ, маіоръ. 246.
Ладыженскій, М. М., статскій совѣтникъ. 181, 184, 185, 186, 187, 189, 190, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 201, 202, 204, 205, 206, 210.
Лазаревъ, подполковникъ. 24.
Ламанскій, В. И. 386.
Лапотниковъ, Михаилъ. 74.
Лаптевъ, прапорщикъ. 228, 244.
Ларинъ, Никита, солдатъ, 175, 176.
Ларіоновъ, генералъ-маіоръ. 83, 84.
Лебедевъ, П. С. 347, 351.
Лебединскій, Иванъ, дьяконъ. 334.
Лебединскій, Герасимъ, семинаристъ. 333, 334.
Леонидъ, архимандритъ. 386.
Леопольдовъ. 386.
Лепехинъ, Яковъ. 262.
Лехотниковъ, помѣщикъ. 385.
Лецкій, оберъ-комендантъ. 83.
Лихутина, жена поручика. 125.
Лихутинъ, поручикъ. 114, 115.
Лобановъ, князь. 302, 303.
Лопатина, помѣщица. 401.
Лосевъ, Михаилъ, сержантъ. 117.
Лукина, жена поручика. 125.
Лукинъ, Иванъ, маіоръ. 172, 174, 301, 386.
Луковкинъ, полковникъ. 219, 223, 224, 239.
Лупинъ, Александръ. 281, 297, 390, 398.
Лунинъ, капитанъ. 4.
Лупинъ, Михаилъ. 359.
Львовъ, Степанъ. 334, 335, 336, 337, 338, 339, 341, 346, 347, 349, 350, 351.
Любарскій, Платонъ, архимандритъ. 92, 93, 104, 109, 123, 319, 347, 396, 398, 400, 401,
Ляликовъ, Ф. 386.
Мавринъ, С., капитанъ-поручикъ. 256, 262, 266, 267, 268, 270, 275, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 394.
Маденовъ, казакъ. 278.
Макаровъ, подполковникъ. 75.

Маковцевъ, Дмитрій, маіоръ. 116.
Малаховъ, квартермистръ. 178, 179, 180, 181, 207.
Мамаевъ, Иванъ. 46, 47, 48, 394.
Маминъ, ратманъ. 165.
Манковъ, старшина, полковникъ. 225, 226, 234, 241.
Мансуровъ, генералъ. 7, 9, 14, 30, 46, 59, 111, 127, 148, 213, 220, 247, 253, 254, 307.
Марковскій, пѣвчій. 335.
Мартыновъ, генералъ-поручикъ. 359.
Мартыновъ, полковникъ. 325.
Масловъ, М. Я. 204, 358, 359.
Масловъ, генералъ. 233.
Махмутовъ, татаринъ. 104, 105.
Машлыкинъ, полковникъ. 325.
Мелеховъ, сотникъ. 180, 181, 207,
Меллинъ, графъ. 78, 103, 107, 110, 111, 124, 125, 127, 148, 150, 168, 169, 177, 186, 213, 221, 246, 253, 254, 255.
Мелиссино, И., тайный совѣтникъ. 359.
Мельгуновъ, поручикъ. 77, 79, 80.
Мельниковъ, есаулъ. 219.
Мертваго, Д. Б., 116, 396.
Мертваго, жена помѣщика 125.
Метальниковъ, Андрей, секретарь. 121.
Мещерскій, П. С., князь, 351.
Меѳодій, епископъ астраханскій. 399.
Минаевъ, Д. 386.
Милковичъ, подполковникъ. 7.
Миллеръ, воевода Кунгура. 57.
Мисостовъ, князь. 257.
Михайловъ, М. 387.
Михайловъ, С. 387.
Михайловскихъ, пугачевскій полковникъ. 29.
Михельсонъ, Ив. Ив., полковникъ. 1, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 22, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 52, 60, 61, 62, 63, 75, 76. 79, 80, 81, 82, 85, 86, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 107, 108, 110, 111, 113, 121, 123, 124, 126, 127, 148, 150, 213, 214, 221, 244, 245, 246, 247, 248, 251, 252, 253, 254, 256, 258, 296, 297, 299, 304, 305, 308, 310, 340, 355, 384, 388, 389, 398, 400-
Минѣевъ, Ѳ., подпоручикъ. 72, 73, 87, 88, 89, 91.
Можаитиновъ, поручикъ. 29.
Мордовцевъ, Д. 30, 81, 306, 387, 388, 391, 397.
Мосякинъ, Іовъ. 394, 398.
Мурзабековъ, князь. 257.
Мусинъ, башкирецъ. 26.
Муссинъ-Пушкинъ, графъ, генералъ. 149, 247, 359.
Муфель, подполковникъ. 108, 109, 110, 111, 127, 148, 150, 168, 169, 212, 213, 246, 253, 254.
Мясниковъ. 355.
Мясоѣдовъ, полковникъ. 7, 399.
Наталья Алексѣевна, Великая Княгиня. 5, 56, 66, 116, 121, 372, 378.
Наумовъ, маіоръ. 12, 15.
Нежевлевъ, Осипъ. 172.
Неклюдовъ, подполковникъ. 88, 89.
Нефедовъ, Ф. 388.
Никитинъ, капитанъ. 164.
Никифоровъ, Иванъ, старшина. 221. 222.
Николаевъ, А. 388.
Новосильцовъ. 187.
Нолькенъ, ротмистръ. 253.
Обернибѣсовъ, полковникъ. 10, 59, 77, 78, 79, 80, 109.
Оболенскій, М., князь. 388.
Оболяевъ, пахотный солдатъ. 390.
Обрѣзковъ, Василій, воевода. 125.
Овсянниковъ, титулярный совѣтникъ. 172, 173, 174, 175, 301.
Овчинниковъ, атаманъ. 30, 65, 87, 221, 230, 243, 245, 251, 252.
Огаревъ, ротмистръ. 204.
Огородниковъ, Александръ, купецъ. 331, 332, 333, 334, 336, 337, 338, 346, 349, 351.
Одоевскій, князь, полковникъ. 12, 82, 340.
Окутинъ, старшина. 279, 281.
Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ. 102.

Олсуфьевъ, генералъ-поручикъ. 359.
Олсуфьевъ, капитанъ. 101.
Орсусъ, И., 388.
Орловъ, А. В., 388.
Орловъ, П., 388.
Орловъ, А. Г., графъ. 354.
Орловъ, Г. Г., князь. 133, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 381.
Остерманъ, графъ, генералъ-поручикъ. 359.
Охлѣбининъ. 82.
Павелъ Петровичъ, Наслѣдникъ. 5, 56, 64, 65, 66, 87, 116, 121, 156, 157, 232, 269, 276, 372, 378.
Падуровъ. 361.
Панинъ. Н., графъ. 134, 135, 141, 143, 145, 146.
Панинъ, П., графъ. 91, 106, 128, 132, 133, 134, 135, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 161, 162, 172 173, 174, 185, 202, 203, 204, 213, 244, 248. 252, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 292, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 316, 317, 318, 320, 321, 322, 323, 324, 327, 347, 348, 351, 358, 359, 380, 383, 388, 394, 395, 396, 399, 400, 402.
Пекарскій, П., 389.
Пекарскій, полковникъ. 396.
Персидскій, атаманъ волгскаго войска. 227.
Персіяниновъ. См. Торновъ.
Перскій, воеводскій товарищъ. 171.
Перфиловъ, Василій, атаманъ. 236, 251.
Перфильевъ, Аѳанасій, сотникъ. 30, 52, 64, 65, 155, 156, 157, 158, 161, 180, 251, 255, 259, 280, 281, 350, 356, 361, 363, 364, 365, 380, 394.
Петинъ, корнетъ. 101,
Петровъ, Иванъ, священникъ. 105.
Петръ I, Императоръ. 136, 137, 328, 384.
Петръ III, Императоръ. 26, 35, 56, 64, 69, 87, 116, 165, 171, 173, 175, 176, 224, 232, 235, 272, 280, 288, 292, 314, 315, 319, 331, 352, 360, 389.
Пивоваровъ, купецъ. 204.
Пилисовъ, колонистъ. 208.
Пироговскій, воевода. 58, 68, 70, 71, 72, 87, 89.
Планеръ, Д. 389.
Платовъ, Матвѣй. 238.
Платоновъ, Иванъ, атаманъ. 221, 222, 224.
Платонъ, архимандритъ. 93.
Плотниковъ, протоіерей. 389.
Повало-Швейковскій, помѣщикъ. 385.
Подляцкій, комендантъ Хоперской крѣпости. 398.
Поздѣевъ, Григорій, старшина. 226.
Половинкинъ, управитель дворцовыхъ имѣній, 171.
Полудненскій, М. 389, 390.
Поляковъ, Григорій, старшина. 229, 230, 231, 234.
Поповъ, Василій, канцелярист. 117.
Поповъ, казакъ. 233, 235.
Поповъ, подполковникъ. 11, 55, 60, 70, 72, 75, 148, 197, 206, 207, 209, 211, 213, 253, 398.
Поповъ, секретарь. 114.
Поповъ, хорунжій. 180.
Поспѣловъ, А. Е. 390, 391.
Потаповъ, генералъ. 243, 252.
Потемкинъ, Григорій Александровичъ. 44, 47, 49, 88, 95, 102, 128, 129, 133, 134, 135, 138, 145, 146, 162, 218, 229, 238, 256, 279, 309, 316, 321, 324, 325, 327, 347, 354, 358, 361, 366, 367, 400.
Потемкинъ, П. С., генералъ. 44, 49, 51, 66, 74, 86, 87, 88, 89, 90, 95, 96, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 107, 109, 110, 123, 131, 132, 136, 150, 175, 194, 199, 202, 203, 217, 218, 256, 257, 266, 267, 268, 275, 280, 282, 283, 284, 285, 304, 307, 308, 309, 312, 313, 315, 316, 318, 330, 333, 343, 345, 346, 347, 349, 350, 356, 357, 359, 360, 362, 383, 395, 396, 398, 402.
Потуловъ, поручикъ. 253.

Почиталинъ, Яковъ. 275.
Протасовъ, Г. Г. 358.
Протасовъ, генералъ-поручикъ 359.
Протасьевъ, Василій, подполковникъ. 120.
Протасьевъ, воевода саранскій. 169.
Протопоповъ, бурмистръ. 208, 209.
Протопоповъ, сотникъ. 129.
Пугачева, Аграфена. 362.
Пугачева, Софья. 90, 91, 214, 215, 278, 307, 315, 328, 331, 362, 380, 394, 397.
Пугачева, Христина, 362.
Пугачевъ, Емельянъ. 1, 3, 4, 7, 11, 15, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 46, 47, 48, 49, 52, 53, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 76, 77, 79, 80, 83, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 97, 98, 99, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 123, 128, 134, 138, 139, 140, 141, 143, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 157, 160, 161, 162, 163, 166, 167, 168, 169, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 186, 187, 192, 199, 202, 205, 207, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 227, 228, 229, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 254, 255, 256, 257, 258, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 283, 284, 288, 289, 290, 297, 298, 299, 303, 304, 307, 310, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 321, 324, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 333, 335, 339, 340, 343, 346, 348, 349, 350, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 359, 360, 361, 364, 365, 367, 371, 372, 375, 377, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403.
Пугачевъ, Трофимъ. 307, 328, 362.
Пулавскій, конфедератъ. 101, 252.
Путиловъ, М. М. 402.
Пушкинъ, А. С. 29, 308, 328, 381, 388, 390, 398, 401, 402.
Пьяновъ, казакъ. 394.
Радзивилъ, князь. 353.
Разумовскій, графъ. 133.
Ребовъ, А. 390.
Рейнсдорпъ, генералъ. 15, 48, 63.
Ржевскій, прапорщикъ. 101.
Ржевскій, Ѳ. В., помѣщикъ 48.
Ромадинъ, подполковникъ. 172.
Румянцовъ, П. А., графъ. 49, 135.
Румянцовъ, графъ, полковникъ. 136.
Руничъ, П. С. 121, 254, 279, 283, 311, 396.
Рыбниковъ, казакъ. 48.
Рыковъ, прапорщикъ. 101.
Рылѣевъ, капитанъ. 17.
Рылѣевъ, подполковникъ. 56, 59, 148.
Рычковъ, коллежскій ассесоръ. 238.
Рычковъ, полковникъ. 286.
Рычковъ, П. И., академикъ. 280, 307, 388, 389.
Савельевъ, ротмистръ. 247, 248.
Савельевъ, членъ соляной конторы. 211, 213.
Савинъ, Яковъ, священникъ. 230.
Саврасовъ, каптенармусъ. 286.
Садовниковъ. 390.
Салаватъ, башкирскій старшина. 18, 19, 20, 39, 40, 41, 316, 317, 388, 401.
Салмановъ, маіоръ. 196, 209, 210, 230, 235.
Салтыковъ, М., тайный совѣтникъ. 359.
Салуковъ, князь. 257.
Самойловъ, Александръ. 359.
Самойловъ, А. Н., поручикъ. 135.
Самойловъ, А. И., графъ, 391.
Самуилъ, епископъ Крутицкій. 306, 358, 362, 363,
Сафоновъ, С. 381, 391.
Свербеевъ, Николай. 199, 200, 229, 234, 243.
Свѣчинъ, полковникъ. 82, 83.
Свѣшниковъ, солдатъ. 104.

Фаворовъ, бригадиръ. 12, 32.
Фикъ, Даніилъ-Генрихъ. 249, 250.
Филаретъ, игуменъ. 394.
Фокъ, полковникъ. 25.
Фоминъ, есаулъ. 177, 178, 179.
Фофановъ, казакъ. 276, 350.
Фрейманъ, генералъ. 1, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 29, 42, 54, 55, 60, 63, 148, 287.
Фризель, генералъ-маіоръ. 149.
Фуксъ, К. Ѳ., 392.
Фуксъ, поручикъ. 101.
Харинъ, маіоръ. 19, 39, 41, 98, 99, 100, 101.
Харитоновъ, маіоръ. 238, 243.
Харитоновъ, сержантъ. 117.
Харлова. 380.
Харчевъ, сотникъ. 278, 279, 280.
Харько, казакъ. 278.
Хатыновъ, товарищъ воеводы. 238, 243.
Херасовъ, Александръ. 359.
Хитрово, Петръ. 359.
Хитровъ, А. 392.
Хлопуша. 390.
Хмѣлевъ, капитанъ. 8.
Хованскій, А., князь. 141.
Ходинъ, казакъ. 220, 221.
Хорватъ, полковникъ. 17, 59.
Хохловъ, Иванъ, казакъ. 278.
Цоденъ, калмыкъ. 214, 227, 234, 235.
Цилетевъ, полковникъ. 227, 228, 229, 236, 237, 238, 239, 240, 243, 244, 247, 384.
Цѣпинъ, воевода. 171.
Чагодаевъ, князь, капитанъ. 171.
Чебышевъ, дворянинъ. 235, 244.
Чемесовъ, прокуроръ. 77, 169, 170.
Черединъ, секретарь. 346.
Черменскій, ультеръ-офицеръ. 171.
Черниковъ, Иванъ, казакъ. 222, 225, 226.
Черцовъ, поручикъ. 164.
Чернышевъ, З. Г., графъ. 8, 11, 14, 17, 49, 94, 128, 133, 135.
Чернышевъ, полковникъ. 388.
Чехунинъ, Антонъ, казакъ. 29.
Чечеринъ, воевода. 59.
Чириковъ, воевода. 104, 266.
Чорба, генералъ-маіоръ. 130, 139, 140, 147, 150, 161, 285.
Чумаковъ, казакъ. 66, 91, 114, 120, 176, 217, 251, 260, 261, 262, 263, 264, 276, 278, 279, 350, 394.
Чупинъ, Наркизъ. 392.
Шивановичъ, М. поручикъ. 362.
Шевичъ, маіоръ. 7, 8, 14.
Шепелевъ, полковникъ. 7, 8, 14, 56, 59, 108, 148.
Шереметевъ, П. Б., графъ. 141.
Шетневъ, воронежскій губернаторъ. 44, 398.
Шешковскій, оберъ-секретарь. 327, 329, 357.
Шигаевъ, Максимъ, казакъ. 355, 361.
Шихмаметевъ, прапорщикъ. 122, 125.
Шишкинъ, маіоръ. 64.
Штейнъ. 392.
Шундѣевъ, Иванъ, казакъ. 21, 34.
Щебальскій, П. К., 181, 218, 392, 397.
Щелинъ, членъ адмиралтейской конторы. 83.
Щербатовъ, князь. 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 18, 19, 23, 24, 25, 30, 31, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 51, 53, 55, 56, 59, 60, 61, 62, 63, 70, 72, 75, 76, 77, 80, 82, 85, 94, 98, 100, 103, 104, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 183, 186, 187, 188, 201, 203.
Щеролановъ, старшина. 172.
Ювеналій, игуменъ. 93.
Юлай, башкирецъ. 316, 317, 388.
Юматовъ, прапорщикъ. 175, 176, 177, 362.
Юнгеръ, бывшій саратовскій комендантъ. 212.
Юрловъ, Василій, маіоръ. 116.
Юрьевъ, Левъ, канцелярист. 175, 301.

Юшковъ, маіоръ. 77, 148.
Яворскій, поручикъ. 77.
Яковлевъ, Алексѣй. 359.
Яковлевъ, квартирмейстеръ. 101.
Яковлевъ, Леонтій Ѳедоровичъ. 58, 60, 62, 66, 68.
Яковлевъ, Лука, секретарь. 176.
Яковлевъ, солдатъ. 104.
Якубовичъ, полковникъ. 59, 60, 61, 62, 77, 79, 148.
Якушка, измѣнникъ. 328.
Яновъ, полковникъ. 220, 223, 325.
Янышевъ, Мурадъ. 40.
Ястребовъ, М. 393.
Ѳеофиловъ, помѣщикъ. 392.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
22	8	Иванъ Бѣлобородовъ	Наумъ Бѣлобородовъ
57	32	татары башкирцы	татары и башкирцы
65	18	пригласивъ	пригласилъ
243	24	Фатьяновъ	Хатьяновъ
319	27	преступленіе	преступленія

Stanford University Libraries
3 6105 013 547 836

DK
183
D8
V.3

Stanford University Librari
Stanford, California

Return this book on or before date due

APR 3 1978